

**BAKI BEYNƏLXALQ
HUMANİTAR FORUMUNUN
MATERİALLARI**

31 oktyabr – 1 noyabr 2013-cü il

**MATERIALS OF THE
BAKU INTERNATIONAL
HUMANITARIAN FORUM**

31 October – 1 November 2013

**МАТЕРИАЛЫ
БАКИНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ГУМАНИТАРНОГО ФОРУМА**

31 октября – 1 ноября 2013 года

ISBN 978-9952-489-00-4
ISBN 978-9952-498-01-1

Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumunun materialları (31 oktyabr – 1 noyabr 2013-cü il). – Bakı: “Şərqi-Qərb”, 2014. 2 cildə, I cild. – 368 səh.

Formatı 60×90 1/8. Fiziki çap vərəqi 46. Ofset çapı. Tirajı 1000.

“Şərqi-Qərb” Nəşriyyat Evinin mətbəəsində çap olunmuşdur.

AZ1123, Bakı, Aşıq Ələsgər küçəsi, 17
Tel.: (+99412) 374 83 43, Faks: (+99412) 370 18 49

www.eastwest.az
www.fb.com/eastwest.az

MÜNDƏRİCAT

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Azərbaycan Prezidenti İlham Əliyevin nitqi	7
Специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой	12
Acting Resident Coordinator of the UN Office in Azerbaijan, Doug Sigurdson	13
Video message of UNESCO Director-General Irina Bokova	14
Speech by the ISESCO Director General Abdulaziz Othman Altwajri	15
Arnold Rüütel, former President of the Republic of Estonia.....	17
Sjegan Mesic, former President of the Republic of Croatia	19
Emil Constantinescu. Challenges of the knowledge society	22

I. İqtisadi inkişafın humanitar aspektləri

I. Humanitarian Aspects of Economic Development

I. Гуманитарные аспекты экономического развития

Ion Guceas. Конституционные основы регулирования экономических отношений: сравнительно-правовой анализ.....	29
Тагиев А.С. Право и экономика. Некоторые актуальные вопросы	39
Luciano Fantini. History and nature	44
Mr. Luigi de Magistris. Humanitarian aspects of sustainability problem of economic development: Model of Napoli.....	51
Юрий Петрович Богущкий. Гуманитарные аспекты экономического развития.....	53
Concepcion Olavarrieta. New mexican actions for migrants better future.....	59
Helga Daub. Humanitarian Aspects of Economic Development	63
Omer Gokcekus. Good Governance as a Source of Sustainable Economic Growth.....	65
Ə.İ.Bayramov. Qlobal maliyyə böhranı: paradıqmal yeniləşmə zəruriliyi	70
Igor Maksimtsev. Intellectual resources as a key driver for sustainable development of Russia	78
Masoud Nikravesh. Big Data and Analytic: The Next Frontiers for Innovation, Increase Productivity and Sustainable Economic Development	79
А.Н.Морозевич. Гуманизация экономических процессов как основа белорусской модели развития.....	84

Rasim Həsənov. Dünya böhranı şəraitində sosial-iqtisadi siyasət: Azərbaycan təcrübəsi və nəaliyyətlər	93
Saulė Augaitytė. Sustainability aspect of economic development.....	97
Турар Койчуев. В поисках согласия и счастья.....	106
Владимир Сергийчук. Состоятельность и благотворительность: украинская традиция помощи в развитии духовности.....	111

II. Multikulturalizm və özgünlük: cəmiyyətdə dəyər konsensusu axtarışında

II. Multiculturalism and Originality: in Search of Value Consensus in Society

II. Мультикультурализм и самобытность: в поисках ценностного согласия в обществе

Alfio Mongelli. The artist: originality and multiculturalism.....	119
Zulfiqar Ali Qureshi	121
Камиля Алиева. Мультикультурализм как объединяющий фактор национального самосознания	125
Арье Гут. Мультикультурализм и толерантность в Азербайджане: взгляд из Израиля	127
Bagnai Francesco. Immigration and multiculturalism: utopia, threat or opportunity?	132
Fabio Berti, Giulio Ghellini. Immigrant deprivation: a barrier against a multicultural society.....	138
А.П.Бондарев. Полицентризм – диалогическая форма поликультурности.....	144
Marina F. Bykova. Morality in Politics: Kant’s Approach to Politics and His Call for the Unity Between Politics and Morality	153
Ricardo Duchesne. Questioning the Canadian Model of Multiculturalism	159
Vitaliano Esposito. Criminal Law and the Challenge of Multiculturalism.....	165
Fabio Mongelli. Identity and difference. Italy as multicultural “temperament”	168
Alessandro Figus. European union and Italy between multiculturalism, integration, separatism, and governance.....	170
Sahiba Gafarova. Azerbaijan – area of multiculturalism and tolerance.....	177
Hani Hayajneh. The Dynamic Interaction between Intangible Cultural Heritage and Cultural Diversity.....	179
В.Б.Игнатъева Северные тюрки-саха: этничность и культурные репрезентации в эпоху глобализма.....	180
Andrey Kiselev.....	189
Т.Г.Кохан. Национальные культуры и культурное разнообразие в условиях глобализации: общие черты и украинская специфика	191
Joanna Laskowska. Internationalisation of the universities - a process supporting mutual understanding	194

Letizia Reuss. How can Art unframe your mind ? or The Quest for an Original Global Art	200
Kevin MacDonald. Multiculturalism and the Racialization of Politics in the West	203
Syed Shahid Mahdi. Multiculturalism in the life of society	211
В.С.Малахов. Слова и вещи: символическая и инструментальная политика в отношении регуляции культурного разнообразия в странах условного Севера	215
Ильхам Мамедзаде. Мультикультурализм и интеграция в жизни общества	216
Martina Cvajner. Diversity, Interaction and the Public Sphere	219
Dr. Amin Mashaqbeh. Multiculturalism	223
Lorenzo Medici. Multiculturalism, Human Rights and International Relations	226
Simon Mercieca. New Challenges for Intercultural Dialogue: The Issue of Media, Memory and Demography	230
Н.В.Мотрошилова. Что такое "цивилизационные ценности" и возможно ли ценностное согласие в обществе?	237
Lorenzo Nasi. Migration processes and new approaches to international cooperation: practices of co-development	240
А.Г.Нестеров. Мультикультурализм и толерантность в университетах России	248
Mr. Stejarel Olaru. Intercultural Dialogue (Interculturalism) as an Area of Value Consensus	252
Оля Аль-Ахмед. Мультикультурализм и проблемы интеграции в обществе	255
Ю.В.Попков. Этнокультурный неотрадиционализм как способ сохранения разнообразия и самобытности в условиях глобализации	259
Т.В.Попкова. Кооперация как актуальная стратегия в условиях глобализации и расширения мультикультурализма	266
Абсаттаров Р.Б., Рау И.А. Мультикультурализм и многомерность истории	269
Alma Sagungalı. Толерантность казахстанского общества в контексте обеспечения ценностного согласия	273
И.Семиволос, О.Духнич. Город как общее пространство: Исследование социального капитала крымских городов с поликультурным составом населения	278
Sevda Akhundova. Tolerance as a moral imperative of multicultural society (philosophical aspect)	287
Dr. Akkan Suver	291
Ferhad Turanly. The problem of an intercultural dialogue in a multicultural society and searching for means of its solving	292
Зумруд Кули-заде. Выбор приоритетов при исследовании истории духовной культуры. XXI век. Выбор приоритетов	296
Рахилия Гейбуллаева. Фольклор и политика или элементы национальной идентификации в политическом раскладе: праздники весеннего равноденствия	298

III. Qloballaşan informasiya məkanında medianın aktual məsələləri

III. The Topical Issues of Mass Media in the Globalizing Information Network

III. Актуальные вопросы медиа в условиях глобализации информационного пространства

Aslan Aslanov. Dialoq tolerantlığın açarıdır. Multikulturalizm dəyərlərinin tətbiq vasitəsi kimi KİV-lərin rolu	309
David Parry. Topical Issues of Mass Media in the Globalizing Information Network	312
Kemal Ozturk	313
Alex Giboi. Smartphone Journalism – Faster and better information for NOW	316
Даурен Дияров. Традиционные СМИ и Интернет-технологии	319
Şamil Vəliyev. Yeni media və müasir çağırışlar	322
Əlövsət Əliyev. Müasir media və informasiya iqtisadiyyatının formalaşması	325
Vladimir Socor. The new social media in transitional societies: ethics, politics, responsibility	328
Julia Argentina Perié. The mass media and their role in society	330
Ирина Астахова. Линия фронта цивилизаций и СМИ в Молдове	332
Aynur Kərimova. Audiovizual media sistemləri kontentinin yeni fəlsəfəsi	335
Yadigar İmamverdiyev. KİV-lər – informasiya müharibələrindən dialoqa doğru.....	337
Сергей Брага. Социальные сети, как инструмент для открытого диалога с властью	339
Sigrid Kõiv. Social network as a news factory	342
Кирилл Шевченко. Медийный аспект “холодной войны”: штрихи к портрету советской аудитории западных радиостанций	344
Amanda Paul. Social media and its role in policy-making	346
Sabina Izzatli. Convergence media paradigm: definition starts from mindset	348
Sevinc Əliyeva. Sosial şəbəkələrin jurnalist təhsilində rolu	350
Asiya Mahar. Don't Let the Media Fool Us': Analyzing Trends to Address the Confusion.....	353
Александр Запесоцкий. Медиа и культура в условиях глобализации	361

Azərbaycan Prezidenti İlham Əliyevin nitqi

Hörmətli xanımlar və cənablar!
Hörmətli qonaqlar!

Mən sizin hamınızı Azərbaycanda səmimiyyətlə salamlayıram, bütün qonaqlara “Xoş gəlmisiniz” deyirəm.

Bu gün Üçüncü Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumu öz işinə başlayır. Bu, gözəl hadisədir. Ölkəmizin həyatında çox əlamətdar bir hadisədir. Qeyd etməliyəm ki, artıq bu Forum gözəl bir ənənəyə çevrilibdir. Xatırlayıram, keçən il ikinci Forumun açılışında çıxış edərkən demişdim ki, ümid edirəm üçüncü, dördüncü, beşinci Forum da keçiriləcəkdir və görürəm ki, artıq bu, reallıqdır. Bu, onu göstərir ki, beynəlxalq əməkdaşlıq məsələlərinə çox böyük diqqət göstərilir. Bu məsələlər daim diqqət mərkəzində olmalıdır. Çünki humanitar məsələlər, humanitar əməkdaşlıq xalqları, ölkələri birləşdirən amillərdir.

Forumun işinə çox böyük maraq vardır. Yetmiş ölkədən 800-ə yaxın qonaq iştirak edir. Demək olar ki, dünya birliyinin böyük bir hissəsinin intellektual elitası bu gün bizim qonağımızdır.

Azərbaycanda humanitar əməkdaşlığa bütün dövrlərdə böyük diqqət göstərilmişdir. Bu, daim diqqət mərkəzində olan bir məsələdir. Hesab edirəm ki, ölkəmizdə bu sahədə artıq gözəl təcrübə də toplanıbdir.

Bu gün Bakıda siyasi, iqtisadi, enerji məsələləri ilə yanaşı, humanitar məsələlər də yüksək səviyyədə müzakirə edilir. Qeyd etməliyəm ki, Azərbaycanda son illər ərzində müxtəlif mövzularla bağlı mötəbər beynəlxalq tədbirlər, sammitlər, beynəlxalq konfranslar keçirilir. Bakı bir növ beynəlxalq əməkdaşlığın mərkəzlərindən birinə çevrilmişdir. Bu il Cənubi Qafqazda və Mərkəzi Asiyada ilk dəfə olaraq Bakıda Davos Ümumdünya İqtisadi Forumu, Madrid Klubunun toplantısı keçirilmişdir. Artıq iki dəfə Mədəniyyətlərarası Dialoq Forumu keçirilmişdir. Bakı Beynəlxalq Humanitar Forumunun da bu sırada öz yeri vardır. Əminəm ki, Forum çərçivəsində aparılacaq diskussiyalar, fikir mübadiləsi beynəlxalq humanitar əməkdaşlığa öz töhfəsini verəcəkdir.

Belə tədbirlərin Azərbaycanda keçirilməsi yəqin ki, təbiidir. Çünki bütün dövrlərdə Azərbaycanda bütün millətlərin, dinlərin nümayəndələri sülh, əmin-amanlıq, qardaşlıq şəraitində yaşamışlar. Azərbaycanda hökm sürən ictimai-siyasi quruluşdan asılı olmayaraq, bütün dövrlərdə Azərbaycan dözümlülük, tolerantlıq məkanı olmuşdur. Bu gün müstəqil Azərbaycan öz siyasətini bu möhkəm təməl üzərində qurur.

Bu gün Azərbaycanda çoxmillətli, çoxkonfessiyalı cəmiyyət mövcuddur. Bu, bizim böyük sərvətimiz, böyük dəyərimizdir. Biz bu sərvəti qoruyuruq və qoruyacağıq. Bütün xalqların, bütün dinlərin nümayəndələrinin tarixi abidələri qorunur, bərpa edilir. Azərbaycanda qədim Zərdüştlük məbədi bərpa edilmişdir. Qafqazın ən qədim kilsəsi də Azərbaycanda yerləşir. O da əsaslı şəkildə bərpa ediləndir. Dünyanın ən qədim məscidlərindən biri olan Şamaxı Cümə məscidi əsaslı təmir ediləndir. Bu məscidin 1270 yaşı vardır. Yəni, bütün dinlərin abidələrinin bərpası, qorunması dövlət siyasətidir. Əlbəttə ki, Azərbaycanda toplanmış bu gözəl tarixi təcrübə bu gün müasir şəraitdə özünü büruzə verir. Vətəndaş cəmiyyətinin formalaşması, millətlərarası münasibətlərin müsbət istiqamətdə inkişafı hesab edirəm ki, bizim böyük nailiyyətimizdir.

Bir daha qeyd etmək istəyirəm, təsadüfi deyil ki, humanitar əməkdaşlıqla bağlı məsələlər Bakıda müzakirə edilir. Əminəm ki, Forumun gözəl gələcəyi olacaqdır və bu beynəlxalq əməkdaşlıq platforması dünyada gedən müsbət proseslərə müsbət təsirini göstərəcəkdir.

Forumun çox geniş gündəliyi vardır, çox maraqlı mövzular müzakirə ediləcəkdir. Ancaq mənə verilən məlumata görə, ən böyük maraq doğuran bölmə, “dəyirmi masa” multikulturalizmlə bağlı

olan məsələlərdir. Deyə bilərəm ki, Forumun mərkəzində məhz bu mövzu yerləşir. Çünki bu mövzu daim diqqət tələb edir və bu mövzu ilə bağlı dünyada müxtəlif fikirlər vardır. Əlbəttə, müsbət təcrübə də, mənfi təcrübə də vardır. Hesab edirəm ki, bizim hamımızın işi ondan ibarət olmalıdır ki, multikulturalizmin müsbət tərəfini qeyd edək, onları təbliğ edək və dünyada bu mövzu ilə bağlı mövcud olan ayrı-seçkiliyi aradan götürək.

Multikulturalizm Azərbaycanda dövlət siyasətidir. Qeyd etməliyəm ki, artıq tarixi keçmişimiz də bunu diktə edir. Eyni zamanda, multikulturalizm Azərbaycanda həyat tərzidir. Biz gündəlik həyatımızda bu prinsiplər əsasında fəaliyyət göstəririk. Bu prinsiplər cəmiyyətin mütləq əksəriyyəti tərəfindən dəstəklənir, müdafiə edilir.

XXI əsrdə multikulturalizmə alternativ yoxdur. Əlbəttə ki, biz XXI əsrdə ayrı-seçkilik, diskriminasiya, ksenofobiya, islamafobiya kimi xoşagəlməz meyillərə biganə yanaşa bilmərik. Ona görə multimədəniyyətli cəmiyyətlərin formalaşması, bu ideyaların təbliği hesab edirəm ki, hər bir məsuliyyətli siyasətçinin, ictimai xadimin fəaliyyətinin tərkib hissəsi olmalıdır. Əfsuslar olsun, bəzi hallarda biz başqa fikirləri də eşidirik ki, multikulturalizmin gələcəyi yoxdur. Bəzi ölkələrdə bu məsələ ilə bağlı çox bədbin əhval-ruhiyyə hökm sürür. Hesab edirəm ki, biz dünyada müsbət təcrübə üzərində öz təhlilimizi aparmalıyıq və müsbət təcrübəni təbliğ etməliyik. Çünki dünyada multikulturalizmin bir çox ünvanları vardır. Dünyanın əksər ölkələrində çoxmillətli cəmiyyətlər mövcuddur və müxtəlif dinlərin, müxtəlif xalqların birgə yaşaması zamanənin tələbidir. Yəni, bəşəriyyət bu istiqamətdə inkişaf edir. Bu gün ümumbəşəri dəyərlər hər bir normal cəmiyyətdə əsas təşkil edir. Belə olan halda multikulturalizmlə bağlı problemlər əlbəttə ki, açıq şəkildə müzakirə edilməlidir. Biz bu problemləri gizlətməməliyik, ört-basdır etməməliyik. Onlar açıq şəkildə müzakirə edilməlidir, müsbət, mənfi təcrübələr təhlil olunmalıdır. Bir daha demək istəyirəm, bizim əsas amalımız ondan ibarət olmalıdır ki, multimədəniyyətli cəmiyyətlərin inkişafı üçün öz töhfəmizi verək. Deyə bilərəm ki, Azərbaycanda bu istiqamətdə toplanan təcrübə müsbət təcrübədir. Qeyd etdiyim kimi, bu, bizim dövlət siyasətimizdir, həyat tərzimizdir.

Humanitar Forumun məhz Bakıda keçirilməsi hesab edirəm ki, bu təcrübənin müsbət tərəflərinin qiymətləndirilməsidir. Bununla bərabər, deyə bilərəm ki, əfsuslar olsun Azərbaycan humanitar fəlakətlə də üzləşmişdir. Uzun illərdir ki, bizim beynəlxalq birlik tərəfindən tanınan torpaqlarımız işğal altındadır. Azərbaycanın əzəli torpaqları olan Dağlıq Qarabağ və onun ətrafında yerləşən yeddi bölgə erməni işğalçı qüvvələrinin işğalı altındadır. Bizə qarşı etnik təmizləmə siyasəti aparılmışdır. Bir milyondan artıq azərbaycanlı öz doğma torpağında qaçqın-köçkün vəziyyətinə salınmışdır. Torpaqlarımızın 20 faizi işğal altındadır. İşğal edilmiş ərazilərdə bütün mədəni sərvətimiz, tarixi, dini abidələrimiz dağıdılıb.

Beynəlxalq təşkilatlar, xüsusilə ATƏT işğal edilmiş bölgələrə iki dəfə faktaraşdırıcı missiyalar göndərmişdir və onların məruzələrində açıq-aydın göstərilir ki, hər şey dağıdılıb. Beynəlxalq təşkilatlar bu məsələ ilə bağlı öz prinsipial mövqeyini sənədlərdə əks etdirmişlər. BMT Təhlükəsizlik Şurasının dörd qətnaməsi erməni işğalçı qüvvələrinin işğal edilmiş torpaqlardan çıxarılmasını tələb edir. Avropa Parlamenti, İslam Əməkdaşlıq Təşkilatı, Avropa Şurası və digər təşkilatlar oxşar qərar və qətnamələr qəbul etmişlər. Ancaq əfsuslar olsun ki, bu qərarlar, qətnamələr icra edilmir. Burada biz beynəlxalq təşkilatların səmərəliliyindən söhbət açmalıyıq. Onların qəbul etdiyi qərarlar kağızda qalır, icra edilmir. Əlbəttə, bu, dözülməz bir faktdır. Bəzi hallarda beynəlxalq təşkilatlar tərəfindən qəbul edilmiş qətnamələr saatlar içərisində icra edilir. Bizə gəldikdə isə 20 ildən çoxdur ki, bu qətnamələr kağız üzərində qalır.

Məsələ ilə bağlı danışıqlar aparılır və əlbəttə ki, Azərbaycanın beynəlxalq birlik tərəfindən tanınmış ərazi bütövlüyü bərpa edilməlidir. Bir milyondan artıq qaçqın və köçkün öz doğma torpaqlarına qayıtmalıdır. Bu, onların fundamental hüquqlarıdır. Bu münaqişə, eyni zamanda, insan haqlarının kobudcasına pozulması deməkdir. Bir milyondan artıq Azərbaycan vətəndaşı öz doğma torpağına qayıda bilmir. Bu çox böyük humanitar fəlakət əlbəttə ki, ölkəmizin ümumi inkişafına çox böyük zərbə vurmuşdur.

Azərbaycanın bugünkü inkişafı diqqəti daha çox cəlb edir. Çünki bu inkişafı biz işğal edilmiş vəziyyətdə əldə edə bilmişik. Forumun mövzularından biri iqtisadi inkişafın humanitar aspektləridir. Hesab edirəm ki, bu, çox maraqlı bir mövzudur. Yenə də Azərbaycanın təcrübəsi burada hesab edirəm ki, maraqlı ola bilər. Çünki baxmayaraq ki, biz etnik təmizləməyə məruz qalmışıq və torpaqlarımız işğal altındadır, bir milyondan artıq qaçqın, köçkün vardır və dövlət onlara maliyyə yardımı, qayğı göstərir. Bizim iqtisadi inkişafımız son 10 il ərzində dünya miqyasında ən sürətli olmuşdur. Son 10 il ərzində aparılan islahatlar nəticəsində ölkə iqtisadiyyatı 3,4 dəfə artmışdır. Bu, əgər belə demək mümkündürsə, dünya rekordudur. Eyni zamanda, Azərbaycanda sosial məsələlərin həllinə də böyük diqqət göstərilmişdir. Çünki köklü iqtisadi islahatlar aparılarkən bir çox hallarda insanların yaşayış səviyyəsi aşağı düşür. Azərbaycan son 20 il ərzində transformasiya dövrünü yaşamış bir ölkə kimi əlbəttə ki, bu risklərdən də özünü qorumalı idi. Çünki bizim müstəqilliyimizin cəmi 22 yaşı vardır və 22 il ərzində biz müstəqil, azad ölkə kimi fəaliyyət göstəririk. Eyni zamanda, cəmi 20 ildir ki, Azərbaycan öz iqtisadiyyatını bazar iqtisadiyyatı prinsipləri əsasında qurur. Biz nəinki müstəqil deyildik, eyni zamanda, Sovet İttifaqında mövcud olan iqtisadi sistem də əlbəttə ki, səmərəli fəaliyyət göstərə bilməzdi. Ona görə bizim üçün transformasiya iki istiqamətdə gedirdi. İlk növbədə, biz dövlətçiliyin əsaslarını qoymalı, möhkəmləndirməli idik, bütün demokratik təsisatlar qurulmalı idi, Azərbaycan dünya birliyinə inteqrasiya etməli idi. Eyni zamanda, iqtisadi sahədə köklü islahatlar aparılmalı idi, çünki bunsuz inkişafımız mümkün olmazdı.

Əlbəttə, bu islahatların aparılması bir çox hallarda insanların yaşayış səviyyəsinə mənfi təsir göstərə bilərdi. Ancaq bizim siyasətimiz və ciddi sosial siyasət ona gətirib çıxardı ki, sürətli iqtisadi inkişaf, eyni zamanda, insanların rifah halına da müsbət təsir göstərmişdir. Bunu sübut etmək üçün mən bir neçə rəqəmi misal gətirmək istəyirəm. Qeyd etdiyim kimi, iqtisadiyyat 10 ildə 3,4 dəfə artmışdır. Bütçə gəlirləri 20 dəfə, maaşlar təxminən 6 dəfə, pensiyalar 9 dəfə artmışdır.

On il bundan əvvəl Azərbaycanda yoxsulluğun səviyyəsi 49 faiz idi. Aparılmış islahatlar nəticəsində bu gün cəmi 5,5 faizdir. Aparılan islahatlar nəticəsində 10 ildə Azərbaycanda bir milyon 200 min iş yeri açılmışdır. Hazırda Azərbaycanda işsizlik 4,8 faizdir.

Bütün bu məsələlər əlbəttə ki, iqtisadi islahatların nəticəsidir. Eyni zamanda, bütün bu məsələlərin bilavasitə humanitar sahəyə dəxli vardır. Çünki Azərbaycan siyasətinin təməlinə və mərkəzində Azərbaycan vətəndaşı, onun problemləri, qayğıları, təhlükəsizliyi və rifahı dayanır. Ciddi və məqsədyönlü sosial siyasət bizə imkan verdi ki, ölkə inkişaf etsin və insanların rifah halı yaxşılaşsın.

Eyni zamanda, iqtisadi sahədə bizim əsas hədəfimiz qeyri-neft iqtisadiyyatını artırmaq idi. Bu gün biz buna nail ola bilmişik. Bizim ümumi daxili məhsulumuzda qeyri-neft sektoru üstünlük təşkil edir. Davos Ümumdünya İqtisadi Forumunun reytinginə əsasən Azərbaycan iqtisadiyyatı rəqəbatqabiliyyətliliyinə görə dünyada 39-cu yerdədir. Razılaşın ki, cəmi 20 il bazar iqtisadiyyatı prinsipi əsasında yaşayan ölkə üçün bu nailiyyət hesab edirəm tarixi nailiyyətdir.

İqtisadi inkişafın sosial və humanitar aspektləri hesab edirəm ki, hər bir ölkənin inkişafı üçün çox böyük maraq doğuran məsələ olmalıdır. Bu məsələ ilə bağlı nəinki müzakirələr, hesab edirəm ki, tövsiyələr də verilməlidir. Çünki bəzi hallarda sosial məsələlərin həlli üçün ayrılan vəsait gələcəkdə o ölkələr üçün iqtisadi problemlərin yaranmasına gətirib çıxarır. Biz bunu dünyada davam edən iqtisadi və maliyyə böhranının təzahürlərində görürük. Bir çox hallarda siyasətçilərin qeyri-real, populist seçkiqabağı vədləri gələcəkdə iqtisadi problemlərə gətirib çıxarır.

Keçən Forumda mən bu məsələ ilə bağlı öz fikirlərimi bildirmişdim, siyasətçilərin məsuliyyəti haqqında danışmışdım. Hesab edirəm ki, bu mövzu hələ diqqət mərkəzində qalacaqdır. Çünki populist vədlər və ondan sonra onların icrası bir çox hallarda əsassız borclanmaya gətirib çıxarır. Bəzi ölkələrin dövlət borcu ümumi daxili məhsulun yüz faizini, ondan da çoxunu təşkil edir.

Daim borc götürən ölkələr o borcu qaytarmalıdırlar. Belə olan halda ilk növbədə o borcun qaytarılması üçün sosial proqramların ixtisarı, maaşların kəsilməsi hesabına bunu etməyə çalışırlar. Ona görə, iqtisadi inkişafın və eyni zamanda, iqtisadi tənəzzülün sosial-humanitar aspektləri çox ciddi təhlilə məruz qalmalıdır. Bizim təcrübəmiz ondan ibarətdir ki, biz iqtisadi islahatların

aparılmasında ancaq öz daxili imkanlarımıza güvənirik. Ona görə, bizim xarici borcumuz ümumi daxili məhsulun cəmi 7-8 faizini təşkil edir. Biz istənilən vaxt bu borcu qaytara bilərik. Çünki Azərbaycanın valyuta ehtiyatları ümumi daxili məhsulun 70 faizini təşkil edir. Bu göstəriciyə görə də biz dünyada ön sıralardayıq. Daxili resurslarımıza arxalanmaq hesab edirəm ki, ən düzgün siyasətdir.

Biz çox ciddi sosial siyasət aparmışıq, aparırıq və aparacağıq. Ancaq bunun mənbəyi Azərbaycan iqtisadiyyatıdır. İqtisadi inkişaf sosial məsələlərin həllinə də gətirib çıxarmalıdır. Burada əlbəttə ki, uzlaşma düzgün aparılmalıdır. Çünki hər bir ölkənin inkişafı ilk növbədə insanların həyat tərzində özünü göstərməlidir və insanların yaşayış səviyyəsi qalxdıqca, yeni imkanlar yarandıqca, əlbəttə ki, ölkə iqtisadiyyatı daha da sürətlə inkişaf edəcəkdir. Azərbaycanın bu sahədə təcrübəsi vardır. Hesab edirəm ki, bu, qonaqlar üçün maraqlı ola bilər.

Forum çərçivəsində, eyni zamanda, elmi innovasiyalar haqqında “dəyirmi masa”lar keçiriləcəkdir. Azərbaycan bu sahədə də çalışır ki, ön sıralarda olsun. Elmin inkişafına böyük diqqət göstərilir. Xüsusi fond yaradılmışdır – Elmin İnkişafı Fondu. Yüksək texnologiyalara investisiya qoyulur. Bu ilin fevralında Azərbaycan kosmik dövlətlərin sırasına daxil ediləndir. Birinci Azərbaycan peyki fəzaya qaldırılmışdır. Bu gün “Azerspace-1” Azərbaycan peyki dövlətimizə, xalqımıza xidmət edir. Bu gün internet texnologiyalarının inkişafı daim diqqət mərkəzindədir.

Forumda qloballaşan dövrdə medianın aktual məsələləri müzakirə ediləcəkdir. Bu “dəyirmi masa” da çox böyük diqqət cəlb edir. Bu da əlbəttə ki, çox maraqlı mövzudur. Bu mövzu ilə bağlı bilirəm ki, müxtəlif fikirlər və bu fikirlər arasında çox böyük fərq vardır. Bir tərəfdən biz internet dünyasında yaşayırıq və bu, böyük üstünlüyümüzdür. Qeyd etməliyəm ki, Azərbaycanda internet tam azaddır və əhalimizin 70 faizi internet istifadəçisidir. Belə olan halda azad medianın inkişafı əlbəttə ki, əsas şərtidir.

Digər tərəfdən, qloballaşan dünyada hər bir sözün, hər bir informasiyanın təsiri də çox böyükdür. İstənilən yerdə deyilən hər bir söz dərhal əks-səda verə bilər.

Bu gün insanlar daha çox informasiyanı, xəbərləri internet vasitəsilə alırlar. Burada həm siyasətçilərin, həm media nümayəndələrinin, ictimai xadimlərin məsuliyyəti də əlbəttə ki, ön plana çıxır. Əfsuslar olsun ki, dünya mediasında, o cümlədən Azərbaycanda da daha çox qanqaraldıcı xəbərlər ön plandadır, daha çox sensasiyalara, fəlakətlərə, terror aktlarına üstünlük verilir. Medianı izləyərkən elə bir təsəvvür yarana bilər ki, dünya alovlanıb yanır, hər yerdə toqquşmalar, müharibələr, partlayışlar, terror aktları baş verir. Ancaq dünyada nə qədər gözəl, müsbət hadisələr baş verir. Əfsuslar olsun ki, onlar bir qədər arxa plana keçir. Burada əlbəttə ki, söhbət media nümayəndələrinin məsuliyyətindən gedir. Əgər biz dünyada əməkdaşlığı, sivilizasiyalararası dialoqu gücləndirmək istəyiriksə, bütün imkanlardan istifadə etməliyik. Əlbəttə ki, dünyada baş verən müsbət hadisələr də medianın əsas mövzularına çıxarılmalıdır. Çünki belə olmasa, informasiya ancaq birtərəfli olacaqdır. Əlbəttə ki, siyasətçilər bu məsələyə müdaxilə edə bilməzlər və Azərbaycanda azad media mövcuddur. Burada heç bir müdaxilədən söhbət gedə bilməz. Sadəcə olaraq, mən bir vətəndaş kimi fikirlərimi bölüşmək istərdim.

Medianın məsuliyyəti getdikcə artacaqdır. Məsuliyyətli yanaşma hesab edirəm ki, hər birimizin marağına xidmət göstərəcəkdir. Ümid edirəm ki, Forumda ümumiyyətlə bu məsələlərə konseptual yanaşma ilə bağlı müzakirələr aparılacaqdır. Dünyanın gələcəyi hansı istiqamətdə aparılacaqdır?! Biz hesab edirik ki, dünyanın gələcəyi yalnız əməkdaşlıq, qarşılıqlı anlaşma, qarşılıqlı hörmət, sivilizasiyalararası dialoq üzərində qurulmalıdır. Əgər belə olmasa, onda bəşəriyyət böyük fəlakətlərlə, problemlərlə üzləşə bilər. Ancaq biz müasir dünyada bəzi hallarda başqa bir mənərə ilə üzləşirik. Hazırda dünya siyasətində etimad böhranı yaşanır. Bu da çox təhlükəli meyildir. Bəzi hallarda ən yaxın ölkələr, müttəfiqlər arasında ziddiyyətlər, anlaşılmazlıqlar yaranır. Yəni, etimad azalır. Etimad olmadan heç bir beynəlxalq əməkdaşlıqdan söhbət gedə bilməz. Beynəlxalq əməkdaşlıq, o cümlədən siyasi və humanitar əməkdaşlıq ancaq qarşılıqlı etimad əsasında, səmimiyyət üzərində qurula bilər. Bəziləri hesab edir ki, səmimiyyət siyasi kateqoriya deyildir. Ola

bilər. Ancaq biz elə etməliyik ki, səmimiyyət siyasi kateqoriyaya çevrilsin. Əgər belə olsa, onda hesab edirəm ki, dünya daha da təhlükəsiz olacaqdır.

Bu gün dini zəmində gedən münaqişələr, müharibələr bizi çox narahat edir. Çünki bunlar çox təhlükəli tendensiyalardır.

Humanitar məsələlərin müzakirəsi, humanitar əməkdaşlıq müsbət istiqamətdə atılan addımdır. Mən hesab edirəm ki, humanitar əməkdaşlığın hər bir aspekti dünya gündəliyinin mərkəzində olmalıdır. Çünki bir daha demək istəyirəm ki, bir çox hallarda siyasi və iqtisadi məsələlər təbii ki, ön plana çıxarkən bu məsələlər bir az diqqətdən kənar qalır. Buna imkan vermək olmaz.

Bu gün təhsil ilə bağlı məsələlər müzakirə ediləcəkdir. Azərbaycan bu sahədə də ciddi islahatlar aparır. Elmin, təhsilin inkişafı bizim gələcəyimizdir, hər bir dövlətin gələcəyidir. Mən dəfələrlə qeyd etmişəm ki, ölkəmizin gələcəyi elmlə, təhsillə bağlı olacaqdır. Biz xoşbəxtik ki, Azərbaycanda savadlılığın səviyyəsi çox yüksəkdir – təxminən 100 faizdir. Bu, bizə imkan verir ki, təhsilin keyfiyyəti, elmin inkişafı daha da sürətlə getsin. Çünki bu, hər bir ölkənin gələcəyidir. Eyni zamanda, savadlı, bilikli, yüksək təhsil almış gənclər radikalizmdən uzaq olurlar. Onları yoldan çıxarmaq o qədər də asan olmur. Ona görə elmin, təhsilin inkişafı, bilikli gənclərin yetişdirilməsi ölkənin uzunmüddətli dayanıqlı inkişafını təmin edəcəkdir. Əlbəttə, bu gün bizim qonaqlarımızın arasında inkişaf etmiş ölkələrin nümayəndələri kifayət qədər çoxdur. Onlar daha yaxşı bilirlər ki, inkişaf etmiş ölkələrin uğurlarını təbii resurslar deyil, elm, elmi-texniki tərəqqi, bilik təmin edib. Bizdə də belə olmalıdır. Bizdə təbii resurslar sadəcə olaraq bir vasitə idi ki, ölkəmizin inkişafına təkan verilsin. Bundan sonra Azərbaycanın dayanıqlı inkişafı elmi-texniki tərəqqi, müasir texnologiyalar, azad, demokratik cəmiyyət üzərində qurulmalıdır. Ölkəmizdə bu istiqamətdə böyük addımlar atılır. Azərbaycanda demokratiyanın inkişafı, insan hüquqlarının qorunması, azad cəmiyyətin formalaşması istiqamətində çox ciddi islahatlar aparılmışdır. Azərbaycanda siyasi və iqtisadi islahatlar paralel şəkildə aparılır.

Deyə bilərəm ki, iki il bundan sonra Bakıda Birinci Avropa Oyunları keçiriləcəkdir. Bu da tarixi hadisə olacaqdır. Çünki bu günə qədər Avropa Oyunları keçirilməmişdir. Panamerika, Asiya oyunları, Afrika oyunları keçirilmişdir. Olimpiya hərəkəti Avropada yaranmışdır və Avropada da bərpa edilmişdir, ancaq nədənsə Avropa Oyunları keçirilməmişdir. Birinci oyunları keçirmək missiyası, bu şərəfli missiya bizim üzərimizə düşür və 2015-ci ildə Azərbaycanda, müsəlman ölkəsində birinci Avropa Oyunları keçiriləcəkdir. Hesab edirəm ki, bu hadisənin nəinki idman, eyni zamanda, böyük ictimai mənası vardır. Ondan iki il sonra – 2017-ci ildə Azərbaycanda İslam Həmrəylik Oyunları keçiriləcəkdir.

Bu iki hadisə özlüyündə ölkəmizin dünyadakı rolunu əks etdirir. Azərbaycan həm Avropa Şurasına, həm İslam Əməkdaşlıq Təşkilatına üzvdür və nadir ölkələrdəndir ki, hər iki təşkilatda təmsil olunur. Bizim coğrafi vəziyyətimiz belədir ki, biz Asiya ilə Avropa arasında bir körpüdür. Bizim siyasətimiz də bu funksiyanı gücləndirir.

Humanitar əməkdaşlıqla bağlı olan məsələlər də Azərbaycanı sivilizasiyalararası dialoqun aparılması üçün bir mərkəzə çevirir. Bu, böyük, şərəfli missiyadır. Eyni zamanda, böyük məsuliyyətdir. Biz bu məsuliyyətə hazırıq, bu məsuliyyəti öz üzərimizə götürmüşük və bugünkü toplantı bunun bariz nümunəsidir. Mən əminəm ki, Forum iştirakçıları bütün mövzularla bağlı öz fikirlərini bölüşəcəklər. Burada aparılacaq müzakirələr çox maraqlı olacaqdır. Mən bunu bilirəm. Əminəm ki, bu müzakirələr, qəbul edilmiş qərarlar və gələcək birgə fəaliyyətimiz dünyada beynəlxalq humanitar əməkdaşlığın inkişafına böyük töhfə olacaqdır.

Bir daha Sizi ürəkdən salamlayıram, Forumun iştirakçılarına uğurlar arzulayıram. Əminəm ki, Forum çox böyük, uğurlu bir hadisə olacaqdır. Sağ olun!

Специальный представитель Президента России по международному культурному сотрудничеству Михаил Швыдкой

Глубокоуважаемый Президент Азербайджанской Республики Ильхам Гейдарович Алиев!
Ваше превосходительство!

Дамы и господа!

Для меня большая честь быть на этом форуме, потому что за очень короткое время Бакинский гуманитарный форум стал одной из важнейших мировых площадок, где обсуждаются самые существенные, самые важные проблемы мирового развития в связи с ценностными проблемами, что очень важно. Потому что мы сегодня много говорим о проблемах ценностного кризиса, о цивилизационном кризисе. Но самом деле, это не впервые встречается в истории и не впервые человечество ищет пути преодоления этих проблем.

За три года Баку стал важным местом встречи для людей разных цивилизаций, разных национальностей, разных представлений о мире. Именно здесь вырабатываются инструменты, которые могут спасти человечество от катастроф. Для России это очень важный форум, потому что он был учрежден Россией и Азербайджаном вместе. Это знак того, что мы в высшей степени близкие народы, народы, которых связывают история, настоящее и будущее. Для нас успехи Азербайджана, о которых так впечатляюще сейчас говорил Президент Алиев, в высшей степени важны, потому что успехи азербайджанского народа вызывают огромный подъем радости и энтузиазма в российском народе. Мы два близких народа, два близких государства, и очень важно отметить, что та победа на выборах, которую одержал Президент Азербайджана совсем недавно, это радость для всех народов, населяющих Российскую Федерацию.

Мне выпала почетная миссия огласить приветствие Президента России участникам и гостям III Бакинского международного гуманитарного форума.

Михаил Швыдкой зачитал обращение Президента Владимира Путина.

В обращении говорится: “Уважаемые дамы и господа! Дорогие друзья! Сердечно приветствую участников, гостей и организаторов III Бакинского международного гуманитарного форума.

Авторитет этого крупного международного мероприятия с каждым годом растет. И на этот раз форум, проводимый под патронатом глав государств России и Азербайджана, собрал вместе видных политиков, ученых, представителей творческой интеллигенции из десятков стран мира. Все более разнообразной, насыщенной становится ваша повестка дня. Неизменной остается ее объединительный характер, общее стремление участников к углублению взаимовыгодного сотрудничества в области, науки, образования, культуры и искусства.

Убежден, что содержательные и полезные дискуссии на форуме, новые идеи и инициативы найдут свое практическое воплощение в реальных делах и проектах, будут способствовать укреплению доверия, взаимопонимания и добрососедства между народами.

Желаю всем вам плодотворной работы и всего наилучшего.

Президент Российской Федерации Владимир Путин”.

Acting Resident Coordinator of the UN Office in Azerbaijan, Doug Sigurdson.

Mr. President, Your Excellency!

Distinguished guests and participants of this authoritative forum!

Ladies and gentlemen!

As acting Resident Coordinator of the UN Office in Azerbaijan, I would like to bring to your attention an address of Mr. Ban Ki-moon:

“I am pleased to send greetings to all participants at the Third Baku International Humanitarian Forum. I thank the Government of Azerbaijan for hosting.

I especially appreciate your efforts to reach out to a wide range of actors. The United Nations works more than ever with non-governmental organizations, the private sector, civil society groups, academia and the philanthropic community. Solving problems in our globalized world demands this broad cooperation beyond borders and across cultures.

People everywhere yearn to be free from conflict, prejudice, inequality, a warming climate and the hopelessness of joblessness. This is an era of tremendous opportunity. Citizens can make enormous contributions to our shared progress if governments respect their rights and empower individuals, especially women and youth.

You meet at an important moment. The international community is stepping up efforts to fight poverty and achieve the Millennium Development Goals by 2015. That same year, we also hope to conclude a global agreement on climate change and adopt a universal vision for development beyond 2015 with poverty eradication at its core and sustainability as its guiding principle.

Even as we look to the long-term, we continue to address the urgent crises of today. We are working to provide humanitarian relief to Syria while pushing for a comprehensive political agreement that reflects the will of the Syrian people. The United Nations and the Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons are making progress in eliminating the country’s chemical weapons programme.

The situation in the Central African Republic is deeply worrying. The number of people forced to flee their homes has almost doubled since September, with an estimated 394,000 now displaced amid reports of gross violations of human rights. The United Nations is providing assistance and appealing for an end to the violence. We need the support of the international community in this effort.

I count on all of you to be part of our drive to address the crises of today while building lasting foundations for peace tomorrow. Please accept my best wishes for a constructive gathering”.

Video message of UNESCO Director-General Irina Bokova

Ladies and gentlemen, It is a great honor for me to address the Third Baku International Forum. Being held for the third time, the Forum has become a global platform and an excellent means of discussing various humanitarian issues of concern to humanity.

The topics of this Forum such as sustainable development, science and education, multiculturalism, etc. represent the main activity directions of UNESCO. From this point of view, the Forum is an important activity in ensuring sustainable peace and stability. These are very difficult issues, but they are the main topics on the agenda of human development.

The development of science and the dissemination of scientific knowledge is a very important matter. Education is our most important topic. All people, men and women alike, must contribute so overall progress on this issue.

Today societies are going through a period of very deep transformation. There is a certain inequality here. For UNESCO, it is humanistic agenda number one. Protection of the rights and dignity of the individual is the most important and the main task. Therefore, we have set an ambitious goal of forming the agenda on this issue after 2015.

I wish success all the participants of the Third Baku International Humanitarian Forum every success and express my special appreciation to the Government of Azerbaijan. In particular, I express my gratitude to His Excellency Mr. Ilham Aliyev for the initiative. I wish you fruitful work and believe that you make important decisions.

Speech by the ISESCO Director General Abdulaziz Othman Altwaijri

Excellency Mr President,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,
Assalamu alaikum warahmatu Allah wabarakatuh,

I have the pleasure and honour to warmly congratulate His Excellency Mr Ilham Aliyev on his re-election to a new term as President of the Republic of Azerbaijan, wishing His Excellency continued success to achieve further progress and prosperity for his people and country.

Excellency Mr President,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,

There is absolutely no question about the strong commitment by the Republic of Azerbaijan, under the leadership of His Excellency President Ilham Aliyev, to work together, both at regional and international levels, to promote peace in the world and uphold tolerance and dialogue as two core universal human values on which to build solid international relations.

The Baku International Humanitarian Forum, like other world class initiatives by Azerbaijan, is a true testament to the country's unrelenting efforts to help ensure that adequate mechanisms are in place to build up world community consensus and collaboration, instead of discord and conflict, and promote understanding in a world that has unfortunately failed, despite increasing media diversity, to reduce loathsome fanaticism and stamp out deeply ingrained hatred and racial hostility. A striking case in point is the arbitrary occupation of Azerbaijan's Nagorno-Karabakh province by Armenia, with the genocide, displacement, and destruction of civilizational and historical landmarks this has resulted in. This occupation is unfortunately still persisting despite the UN Security Council's resolutions and the peaceful initiatives the Republic of Azerbaijan has made on so many occasions.

Excellency Mr President,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,

This year's Forum is being held at a critical point of time in world history. Conflicts and clashes have raged to unsavoury length in many parts of the globe, mainly in the Muslim world, amid growing concerns over the failure of the global community to abate them. Not only is this posing a grave threat to stability in the region and beyond, but it is also a very serious obstacle to both international relations and human development.

This is indeed time to look into ways to best address the factors and circumstances contributing to conflict-associated risks, such as violence, occupation, exclusion, extremism, terrorism, Islamophobia and racial discrimination. A balanced and far-reaching vision is therefore of the essence to seek out and tackle the root causes and motives for these ailments and problems.

The vision we seek is one to go beyond and address the reasons underlying these problems, deep in the mind and spirit of all. There is no best way out of the present world crisis unless through education and exposure to other cultures at school, in the family and in wider community settings. And to achieve this, our full focus should be on directing education, media and entertainment programmes and courses in the world, from early kindergarten years to higher education levels, toward personal growth and development, based on the core values of human rights, peaceful coexistence, tolerance and equality.

Excellency Mr President,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,

We at ISESCO are driven by a core belief that promoting the values of tolerance and dialogue, both at individual and community levels, requires an integrated approach and the combined efforts and expertise sharing from all stakeholders, including governments, educational and cultural institutions, and expert research groups. Our overriding belief at ISESCO is also that the fight against intolerance and exclusion goes through promoting intellectual development toward greater respect for linguistic and cultural diversity, living in dialogue and interchange regardless of differences of culture and nation as one human family, while taking full account of specificities of culture and civilization.

In aiming to achieve this, ISESCO endorsed the Islamic Declaration on Cultural Diversity, at the fourth Islamic Conference of Culture Ministers, and the Kairouan Declaration for the Promotion of Dialogue of Civilizations and Respect for Cultural Diversity, at the International Conference on Dialogue among Civilizations and Cultural Diversity.

ISESCO in its mission to share the Muslim perspective on issues within its fields of competence, including on dialogue, has published a wide range of papers and studies dealing with the concept of dialogue in the Islamic tradition. These include: the White Book on Dialogue among Civilizations, the Initiative of the Custodian of the Two Holy Mosques for Dialogue among Followers of Religions and Cultures: Achievements and Future Prospects, the Human Civilizations and Cultures: from Dialogue to the Alliance, the Dialogue and Inter-civilization Interaction from an Islamic Perspective, the Quranic Platforms for Dialogue, and the Cultural Roles of Civil Society in the Promotion of Dialogue and Peace.

Excellency Mr President,
Excellencies,
Ladies and gentlemen,

We are confident that the Third Baku International Humanitarian Forum, gathering such an elite class of leaders, politicians, scholars, intellectuals, academics and broadcasters from all over the world, will keep up efforts to develop practical solutions to consolidate the core values of dialogue, tolerance and respect for human rights both at individual and community levels and nationwide, in the pursuit of a new humanistic world order founded on international law, a world of peace and human dignity for all.

This is precisely the guiding aim of this Forum to which I, being one of its first supporters, wish full success.

Thank you.
Wassalamu alaikum warahmatu Allah wabarakatuh.

Arnold Rüütel, former President of the Republic of Estonia

Уважаемый президент Ильхам Алиев!
Уважаемые участники форума!
Ваши превосходительства!
Дамы и господа!

Во-первых, позвольте мне выразить искреннюю благодарность организаторам настоящего форума за приглашение участвовать и выступить перед вами. Моя особая благодарность принадлежит президенту Ильхаму Алиеву за теплое и сердечное гостеприимство!

Программа форума чрезвычайно обширная. Подлежащие рассмотрению проблемы касаются болевых точек нашей все более глобализирующейся планеты.

Позвольте мне далее, как представителю Эстонии, государства-члена Европейского Союза, чуть ближе остановиться на развитиях в Европейском Союзе.

Свое желание вступить в Европейский Союз мы высказали в 1997 году. Членом ЕС стали в 2004 году. Семь лет очень серьезной работы нашего правительства потребовалось для гармонизации нашего законодательства, чтобы привести дальнейшее развитие экономики страны в соответствие с развитием Европейского Союза в целом. Я убежден, что опыт нашего небольшого государства, приобретенный нами за эти семь лет, является хорошим пособием для государств, чьей целью является присоединение к Европейскому Союзу в дальнейшем.

Гуманистический подход к проблемам основывается на ценностях. Это, однако, предполагает сосредоточения внимания на культуру, идеологию и на связанные с этой сферой вопросы.

Если мы сегодня спросим себя, что является самой важной опорой, на которую опирается Европейский Союз, то осмеливаюсь сказать – это достигаемое объединением многообразие. Отсюда и сказанное президентом Европарламента Мартином Шульцем: „Европейский Союз – это уникальный проект, который заменяет войну миром и ненависть солидарностью“. По-видимому, присвоение Европейскому Союзу в прошлом году Нобелевской премии мира было подтверждением этого, и признанием того, как состоящий теперь из 28 членов Европейский Союз борется за мир, примирение, демократию и права человека. Европейский Союз – похож на столицу нашей Республики город Таллинн – он никогда не будет достроен.

Имеются очаги напряженности, для решения которых необходимы наши общие действия. Самыми тревожными очагами напряженности являются, во первых, Горный Карабах, тут же рядом с нами; во вторых, Транснистрия в Молдавии и в третьих, Абхазия и Южная Осетия в Грузии. Я надеюсь, что у нас хватает терпения для развязывания этих узлов. Не исключено, что это делают наши дети или внуки, которые не имеют наших травм недалекого прошлого. Свое будущее видим неизменно через глаза наших будущих поколений. Их активное и результативное вмешательство должно бы быть всемирным. Хочу здесь подтвердить, что Эстонская Республика поддерживает политику восточного партнерства Европейского Союза.

Каждый шаг, направленный на укрепление связей как внутри Европейского Союза, так и с соседними государствами – это шаг в сторону миролюбивых решений. В самое ближайшее время есть все предпосылки для того, что в столице Литовской Республики, городе Вильнюсе будет подписан договор об ассоциации и свободной торговле между Европейским Союзом и Украиной, а также парафируют соответствующие договоры с Молдавией и Грузией.

Уважаемые участники форума!

Наши мысли все снова и снова обращаются к устойчивому развитию нашего общего дома – Земного шара. В первую очередь это предполагает воздержание от воин, как от средства разрешения острых конфликтов.

Во сколько обойдется человечеству ведение воин? Известный китайский мыслитель Сун Зи сказал: “Закон войны, в общем случае, следующий: если имеется сто тысяч воинов в доспехах и посланный за тысяча ли (это 500 километров) продовольственный обоз, то на покрытие внутренних и внешних расходов идет тысяча золотых монет в день. Затяжная военная деятельность не приносит государствам никогда пользы. Тот, кто не понимает пагубности войны, не понимает и ее полезности.”

Военная победа является кратковременной ценностью. Связанные с военной деятельностью неизбежные жертвы остаются в памяти народа на поколения, и они могут быть причиной новых военных противостояний. Военные расходы достигают в настоящее время сотни миллиардов долларов и более, которые можно бы использовать для ликвидации очагов напряженности путем переговоров и для нахождения миролюбивых решений.

Уважаемые слушатели!

В следующем году исполнится десять лет вхождения Эстонии в Европейский Союз. За это время мы прошли внушительный этап развития, что подтверждается многими международными экспертами. Выступая здесь, я хотел бы в качестве примера подчеркнуть наше развитие в сфере инфотехнологии. Уже сегодня можно сказать, что 76 % жителей Эстонии активно пользуются интернетом. Вся страна покрыта сетью, позволяющей доступ к интернетовским услугам. Все школы Эстонии включены в интернетовскую сеть. 99 % банковских операций осуществляется через интернет. Нам известно, что всемирно распространенная система Skype разработана в Эстонии.

Почему трансграничные возможности по электронным каналам связи так важны? Привел бы только один пример о необходимости глобального сотрудничества. Такой сферой является реагирование на стихийные бедствия. Началом создания современной международной системы реагирования на кризисы считают 1988 год, когда произошло землетрясение в Армении. За прошедшую четверть века мы пришли к убеждению, что на глобальные катастрофы должен реагировать весь мир, независимо от политических установок или религиозных убеждений. Эстония была тут активным участником и последовала мудрости наших предков: несчастье объединяет!

Уважаемые слушатели!

Устойчивое развитие предполагает нашу общую ответственность. Нашей обязанностью является помогать тем, кто сами не в силах это сделать. Поднятие социальных и природоохранных вопросов в центр нашего внимания вызвано самой жизнью. Без внедрения новых и экологически безопасных технологий мы не в состоянии обеспечить все более растущее народонаселение мира ни чистым воздухом, ни водой и ни пищей.

Эстония в своих направленностях ориентирована на устойчивое развитие. Будь этим примером хоть вышеупомянутое развитие е-государства или недавно объявленный наилучший земледелец этого года в Эстонии, в хозяйстве которого средний урожай молока на корову превысил 11 000 литров в год.

Вопросы устойчивого развития находятся постоянно также в поле зрения Организации Объединенных Наций. Последние оценки ООН однозначно подчеркивают ответственность каждого отдельного государства за успехи мировой общины в этой сфере.

Для этого желаю всем вам, уважаемые участники форума, крепкой воли к действию, силы и успеха!

Благодарю за внимание!

Sjehan Mesic, former President of the Republic of Croatia

Уважаемый господин Президент,
Высокие гости,
Дамы и господа!

Весьма рад, что и в этом году мне представилась возможность выступить перед участниками Гуманитарного форума – международного собрания, которое занимается одними из наиболее актуальных, хотя и не всегда очевидных, проблем в мире сегодня. В центре внимания форума в этом году - вопрос мультикультурализма; вопрос, который мне, как человеку выросшему в многонациональной среде, где исторически переплетаются разные влияния и традиции, очень близок.

Кроме того, я из страны, которая с недавнего времени стала членом Европейского Союза. Объединённая Европа попросту немыслима без концепции мультикультурализма, невзирая на поспешные и непродуманные заявления, которые мы имели возможность слышать за последние несколько лет. Сделаю уточнение: Европа немыслима без мультикультурализма в том виде, в котором была задумана: союз равноправных государств, народов и людей, основанный на взаимной толерантности и уважении различий.

Только в таком виде, она имеет смысл.

В целом, мультикультурализм не должен представлять собой особую проблему, конечно, если одна из сторон не пытается навязать другой свои обычаи, свою традицию, свою культуру или заставить ее отказаться от своего. Иными словами, основным врагом мультикультурализма является исключительность на национальном основании. Скажу прямо: главные враги мультикультурализма – национализм и шовинизм.

Все это я говорю с позиции опыта государства, которое я возглавлял десять лет; государства, которое несмотря на все мои усилия и старания в тот период, сегодня все еще не знает, как принять тот факт, что помимо народа большинства, существуют еще и “другие”, и особенно, как принять их специфические национальные и культурные отличительные черты, такие как язык и письмо.

Хорватия в период движения к европейской интеграции, – отчасти понимая это самостоятельно, а отчасти из-за жестких условий Брюсселя – своим законодательством и даже Конституционным законом утвердила механизмы, которые обеспечили бы национальным меньшинствам все права, включая право на демонстрацию своих культурных отличий. На бумаге, все выглядит замечательно.

Но в реальности оказалось совсем иначе. Дело в том, что Республике Хорватии свою независимость и свободу пришлось отстаивать при сопротивлении определенной части сербского меньшинства в Хорватии. Также нужно помнить, что с обеих сторон были жертвы. Однако, с помощью политических манипуляций была создана атмосфера, в которой кажется, что народ большинства, хорваты, из-за воспоминаний о жертвах, не желает предоставить сербскому меньшинству его гарантированные права.

Я подчеркну фразу “кажется”, потому что такой вывод навязывается, хотя не соответствует действительности. Ситуация “вышла из-под контроля”, когда на государственных учреждениях в Вуковаре, претерпевшем большие разрушения и потери, были установлены двуязычные таблички на хорватском и на сербском языках (языки почти идентичные), и на двух письмах: латинице и кириллице. Устав города, в соответствии с Конституционным законом, предусматривает право на такие таблички, если доля национального меньшинства в населении города составляет более 30%.

Должен подчеркнуть, что речь идет о символизме, который всем меньшинствам демонстрирует, что права, предусмотренные законом, действительно предоставляются. Это именно символы, так как каждый серб в Хорватии понимает хорватский язык (и наоборот) и умеет читать латиницу. К сожалению, молодые хорваты не умеют читать на кириллице, так как ее изучение после получения Хорватией самостоятельности прекращено. Это был еще один непродуманный шаг, который никому не пошел на пользу и который никаким образом не помогает осуществлению концепции мультикультурализма.

Перепись населения в городе Вуковаре выявила, что условия для установления двуязычных надписей были выполнены, поэтому правительство, после некоторых колебаний, решило их установить. К слову сказать, подобные таблички уже годами висят в некоторых других местах и до сих пор не создавали никому неудобств. По крайней мере, до сегодняшнего дня. Однако в Вуковаре подняла знамена агрессивная и милитаристская группа бывших военнослужащих Хорватской армии, которая два раза снимала эти таблички. Это стало примером для подражания, и скоро эта напасть распространилась и на остальную часть Хорватии, включая столицу Загреб.

Зачем же я столь подробно рассказал вам об этом? Для того, чтобы наглядно показать, насколько хрупка мультикультурность. И все же, повторю, она в Хорватии восстанавливается в специфических условиях. Достаточно всего кучки людей, достаточно всего лишь поддержки, публичной или закулисной, какой-нибудь политической партии, достаточно сочувствия Церкви, чтобы невежество и слепота нескольких сотен людей стала головной болью всей страны.

Достаточно разбудить дух жесткого национализма, который вопит: хороши только те, которые подобны нам; приемлемо исключительно то, что наше; все, кто отличается по какому-либо признаку, как минимум подозрительны, а лучше и вовсе запретить их в национальном гетто, чтобы не было смешивания с большинством. Не ошибся тот, кому все это напоминает печально известные законы о чистоте арийской крови из истории Второй мировой войны.

Я нарочно обращаю на это внимание.

Действительно, от непризнания права быть отличным от других, от отрицания равноправия со всеми, включая меньшинства, до установления режима, который мы давно считали находящимся за бортом истории, всего один маленький шаг.

Будущее мира, который сегодня взаимосвязан и взаимозависим как никогда, исключительно в мультикультурализме, но при условии, что никто никому ничего не навязывает. Ни большинство меньшинству, ни меньшинство большинству. Каждый имеет право быть самим собой, но мы должны различать общие человеческие и гражданские права и права меньшинств. Меньшинства имеют права на дополнительные “привилегии”.

Сформулирую свою мысль по-другому: в основных правах мы одинаковы, но представители меньшинств сверх этого имеют право чтить и демонстрировать свою особую идентичность, включая право на использование своего языка и письма. Не в ущерб большинству, но себе в пользу, именно с целью сохранения собственной идентичности.

Концепция мультикультурализма подразумевает, что все граждане государства одинаковы в своих политических правах. Представители этнических или национальных меньшинств помимо этого имеют право также не просто заявлять о себе, но и мирно демонстрировать свои особенности. Конкретный пример: в государстве есть один государственный язык, но представитель меньшинства имеет право, по месту пребывания меньшинства, употреблять свой язык. То же относится и к письму.

Ограничение или даже отрицание таких особых прав является прямым ударом не только по концепции мультикультурализма, но и по концепции европейского объединения, так как она без мультикультурализма немыслима и неосуществима.

Культурное наследие и традиции каждого отдельно взятого народа – богатство, которое нужно беречь и принимать. Если хорошо подумать, то в объединённой Европе мы все будем меньшинством. Объединенная Европа может и должна быть исключительно объединением различий, и ее единство возможно только на фундаменте полной толерантности и исключения любой формы жесткого национализма, и тем более шовинизма.

Поскольку мир – как я уже подчеркнул ранее – все более взаимосвязан и, тем самым, взаимозависим, эта концепция предназначена для всего мира. Поэтому, интеграция отличных и непохожих в общество большинства, принятие культурного наследия и идентичности других, и диалог разных культур являются, на мой взгляд, необходимым условием для строительства благополучия в мире.

Надеюсь, что Гуманитарный форум в Баку подтвердит именно такое мнение.

Спасибо за внимание!

Emil Constantinescu

Challenges of the knowledge society

Knowledge was acknowledged as a driving force of contemporary societies. Whether formal resolutions, rather stereotypical, issued by the European Union, SF comics or TV series, the future is bright only if subjects are more intelligent, better informed and have a greater understanding on the world or even the worlds they develop in. Searching for knowledge is as essential to humanity as the pursuit of happiness, and may even coexist with this basic search. Yet, we can hardly find a comprehensive definition of *knowledge*; many analyzes, working papers, etc. considering the term as universally understood. There are many competing meanings in use, but too many of these definitions make a confusion between information and knowledge, reducing the realm of knowledge to an accumulation of technical skills and competencies.

One of the features of the contemporary world is the huge amount of information that is found in various circumstances, either traditional - books or newspapers, or modern ones – in visual or electronic format. But obtaining information and forming skills are time consuming and thus draw after them, more than ever, the robotization risk. This risk compels us to distinguish between information and knowledge. Information opens the way towards massification, while knowledge stimulates the capacity of critical evaluation and generates the harmonious development of responsible individuals. There is no antidote against dehumanization except the individual capacity of transmutation, like the lead of information into the gold of knowledge in the old alchemists' retorts.¹

The debate on the knowledge society involves two approaches. The first starts from the prerequisite that, if we want to make a truly better world for us and for the future generations, we are obliged to confer the concept of *knowledge*, as the driving force of the modern world, a deeper and more complex meaning, in the philosophical sense of the term. The second approach derives from the first one, and concerns the territory of modern knowledge as a territory of synergies working like a *broth culture*, an environment where every field of knowledge can feed others: history – the earth sciences, geology – the history, classical studies – the physics, ethics – the biology or the other way round.

Knowledge cannot and should never be reduced to a technical compilation of information. It is based on the dimension of human wisdom, amassed over millennia. The quest for a true understanding of knowledge started long time ago. Plato was saying that an interlocutor of his master asked him: *And what, Socrates, is the food of the soul? Surely, Socrates answered, knowledge is the food of the soul.*

Knowledge as the food of the soul must be now our theme of reasoning. Still, we must confess that this is a metaphor, not a definition. In fact, there is no one single definition of knowledge. There are as many theories as philosophers or scientists who probe into its depth.

As Bertrand Russell noticed² “*At first sight it might be thought that knowledge might be defined as belief which is in agreement with the facts. The trouble is that no one knows what a belief is, no one knows what a fact is, and no one knows what sort of agreement between them would make a belief true.*” Commenting this allegation, Wittgenstein thinks that we may say: *He believes it, but it isn't so*, but there is not possible to say: *He knows it, but it isn't so.*

¹ Emil Constantinescu, *Eruditio*

² Bertrand Russell, *Theory of Knowledge*, The 1913 Manuscript, [The Collected Papers of Bertrand Russell, vol. VII], London – New York, 1983.

Following these ideas, we may say that *knowledge* has to be understood as a **cluster concept** that is not adequately captured by any single definition. An interesting view in this respect is that of Karl Popper¹ who identifies three worlds of knowledge:

World 1 is the physical universe. It consists of the actual truth and reality that we try to represent. While we exist in this world, we do not always perceive it and then represent it correctly.

World 2 is the world of our subjective personal perceptions, experiences and cognition. It is what we think about the world as we try to map, represent, probe in its past and anticipate or formulate hypotheses. Personal knowledge and memory form this world, based on information, education, self-regulation, consciousness.

World 3 is the sum of the objective products of the human mind. It consists of artifacts such as books, tools, theories, models, libraries, computers, and networks. While knowledge may be created and produced by *World 2* activities, its artifacts are stored in *World 3*, for example the Bible, Plato's *Dialogues*, Maslow's hierarchy of needs, and Godel's proof of the incompleteness of arithmetic, theories of history and of social structure of the world, and so on.

The main point of this Popperian hierarchy of knowledge consists in the postulate of interdependence, and in the idea that there is a permanent bi-univoc exchange between the three realms of knowledge. *World 1* enables *World 2* to exist, *World 2* tries to control *World 1* through intelligible models, and in this way it produces *World 3*, while *World 3* helps in the recall and the education, development, and learning of *World 1*. *World 2* is the inferred logic of *World 3*, which describes and predicts *World 1*. As a consequence, we cannot survive in the physical, objective world either without the scientific knowledge that helps us in our daily life and progress – the sum of which we usually name **civilization** – or without the sum of our subjective perceptions about the world – which we define as **culture**.

Popper believes that scientific theory, which is the foundation of the whole human knowledge, is generated by the creative imagination in order to solve problems that arise in specific historical and cultural moments. If we would choose to amputate culture out of the “objective knowledge” hypothetical realm, we would risk to lose the essence of civilization. A common set of cultural facts and information matter not for their own sake, but because they make a shared intellectual landscape, essential to the scientific research.

Modern world seldom recognizes that the first and foremost objective of knowledge should be the disinterested dedication to the broadening of human mind. In spite of any theory on the importance of developing the sciences, and mainly due to the complexity of human knowledge, the social capital invested today in research (respectively the investment in the exploration of these three interrelated worlds as Popper imagined them), tends to be selective. Apparently, the humanities have lost most of their traditional value, which is basic to the formation of the human personality, and the balance of options inclines drastically towards the applied sciences and technologies.

It is obvious that the progress of applied science and of technology depends almost entirely on the theoretical knowledge, on the fundamental sciences, which can not be quantified, but remain essential. Personally, I support the theory that general progress of theoretical knowledge cannot move freely without nutrient *broth* of arts and humanities. I think that one of the main errors in the decisions taken for shaping the contemporary developments in science and technology is marginalizing the humanities.

The knowledge *return* seems to be the main target of the modern search of the new philosopher's stone. I remember the quite brutal opinion expressed by an intervener during a public debate about the place of the humanities in modern education: *No poet creates a vaccine or a tangible good that can be produced by a company listed in Fortune 500*. This kind of error of judgment was contradicted long before by Einstein, who boasted *the supreme art of a teacher to awaken the joy*

¹ Karl Popper, *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*, Cambridge, 1972.

for creative expression and knowledge. Or, even earlier, by Nietzsche who put it in a poetic form: *The treasure is in our knowledge hive. We are always ... those who collect the honey of mind.*

Although today's analysts do not use the word *profit*, the problem they implicitly raise is the one of "goods" resulted, as a *justification* for the investment in the humanities, despite their apparent uselessness (in terms of profit). And then, if it is true that humanities produce goods, the modern manager in the education and research fields asks himself why not let them live from their own goods?

To the taxpayer asking *What is the use for me of a program on the Italian Trecento poetry?* I would answer that it is possible, even if it cannot be proved, that the economy too could benefit from a new reading of Hamlet's tragedy. To those considering my statement as exalted, I would remind them that a great Romanian mathematician, Grigore Moisil, once wrote that, in his opinion, the productivity of a qualified worker will be improved if he would be familiar with Shakespeare's work. I do not hasten to say that a graduate connoisseur of the Florentine art will be more attractive to employers than an IT specialist - and this despite the fact that some of the brightest bankers I have met began their careers as graduates of classical studies. However, if criteria that guides you are only productivity, efficiency and customer satisfaction, it seems that the only thing that makes sense is to withdraw all support for humanities and only support programs that produce results that any man can understand and appreciate immediately.¹

Of course, the criteria of any serious scientific or academic community should not be reduced to just pursuing productivity, efficiency and customer satisfaction. Yet, the regular taxpayer's question cannot be dodged. There are two levels of response to this question. One may seem too abstract, but cannot be avoided. During the recent decades, scientific study of human intelligence and creativity proved beyond any doubt that our brain performance depends on a complexity of factors. Intelligence is just one of them, the necessary condition. But the sufficient condition lies into what experts call *emotional intelligence*. More precisely, it was proved that the performance of a person with an IQ over 130-140 points does not necessarily depend on the person's IQ, but on the harmonization between the person's intelligence and emotions. In this regard, it would be a scientific heresy to eliminate from the educational processes just the courses promoting and developing the emotional intelligence. The absence of a culture that favors learning for a person's own development as a human being might not be a mere error of judgment, but also a great risk of amputation of one of its key advantages. We must proclaim as often as we can the value of education through liberal arts and help the decision makers to understand what is lost when traditions, culture and art, which were vital for thousands of years, disappear from the academic scene.

Moral education of the young generation has abandoned the old idea that humanities were considered a repository of ethical models. What happened to Faust should teach us not to sell our souls, and Kant's categorical imperative forbids us to impose on others restrictions that we would not bear if imposed on us. On the other hand, the tragic experiences of the past centuries teaches us that a solid classical education does not guarantee the desired result, and even less than anything a moral behavior. On a more familiar ground, we could see ourselves in the academic milieu that people who spend long hours between great books and great thoughts are rarely paragons of virtue themselves.

Why have the great creators of the 20th century turned so regularly to the classical myth as inspiration source, and which was the impact of this bond with the classical past on their work – in literature, art, philosophy? In André Gide's story², Daedalus meets Theseus, who is about to enter the Cretan Labyrinth and explains him the deep sense of the thread of Ariadne: *This thread will be*

¹ In the Defense of Poesy, from 1595, Philip Sydney was asking himself: Who reads Aeneas carrying old Anchises on his back that wishes not it was his fortune to perform such an excellent act? Craig, D. H. A Hybrid Growth: Sidney's Theory of Poetry in An Apology for Poetry, Arthur F. Kinney. Hamden Publishing House, Archon Books, 1986.

² André Gide, *Thésée*, Paris, 1946

your link with the past. Go back to it. Go back to yourself. For nothing can begin from nothing, and it is from your past, and from what you are at this moment, that what you are going to be must spring. This thread to the past serves as catalyst rather than as inhibitor to the individual's originality, leading him not only backwards but, also forward.¹

Last but not least, the purpose of the humanities is to develop a modern conception of citizenship. In the recent past, democracy founded its educational institutions on this ideal, endeavoring at a level unprecedented in the history of the world, for the cultivation of all human beings as a future citizen. I do not think that is the case today to abdicate this goal, when democracy has, more than ever, the chance to be spread more and more.

The issue of a relationship between a liberal education and citizenship has a very long history in the philosophical tradition. Even since the Antiquity, philosophers defined the ideal of an education, which would liberate the mind from the bondage of customs and traditions, creating people who can function with sensitivity and alertness, as citizens of the entire world.²

If we examine life in a Socratic way, meaning that the ability of critical examination of the self and of their own traditions involves the ability to test what another person reads or speaks in order to check the judgment correctness and accuracy.³ Socrates compared himself to a gadfly that awakens democracy. Definitely a gadfly is not comfortable to live with, and testing the stereotypes of your fellow citizens could be risky, as Socrates learned too well. And yet, not only Ancient democracies, but also modern ones were and still are prone to make hasty decisions and to substitute invectives instead of a more profound judgement. **That is why democracy needs citizens who can think for themselves and not just individuals who are subject to authority.** Scientific education produces sophisticated scientists and technicians, but only humanities, which seem to be unproductive, are capable of producing such a gadflies. Citizens who cultivate knowledge will consider themselves not only citizens of a certain region or local community, but also people connected to all other human beings through recognition and interests. The idea of a citizen of the world, *kosmopolites* has two converging roots, the ancient Greco-Roman Stoic philosophy and the one of universal religions, starting with the Christian one. This idea had an educational influence on Immanuel Kant, in the tradition of philosophical Enlightenment, as well as on the American Founding Fathers. In today's world, multicultural and multinational, many of our most pressing issues require a dialogue. The basic pre-condition is that, although we subdue to multiple loyalties, we must however be sure that we acknowledge the value of human life wherever it occurs.

Why many of us, who are active in applied sciences, we advocate today in the favor of the humanities? Because it is the only way to understand a human being different from yourself, it helps you to be an intelligent reader of that person's story and to understand his emotions, desires and aspirations. When we identify ourselves with the feelings of a poet or a character in a novel, we judge the story according to our goals and aspirations. This kind of skills can be called *narrative imagination*. This is the ability to think about what it might be, maybe not against, but certainly different from what is here and now.

The modern world makes us face a challenge: we need also the capacity to decipher the true meaning of words. We live at a level unprecedented reached so far, on the realm of words, we

¹ Seneca's Stoic philosopher urge: while we live, while we are among human beings, let us cultivate our humanity, proclaimed over two millennia ago seems to me available today too. Seneca, *On Anger*, quoted by Martha C. Nussbaum, *Cultivating Humanity. A classical defense of reform in liberal education*, Harvard University Press Cambridge, Massachusetts – London, UK, 1997.

² Virginia Woolf, in a famous essay, notices how what draws us back and back to the Greeks is the fact that the stable, the permanent, the original human being is to be found there. *On Not Knowing Greek*, *Collected Essays*, L. Woolf Publishing House, London, 1966.

³ Plato evokes Socrates' words: If I tell you... that the unexamined life is not worth living for a human being, you will be even less likely to believe what I am saying. But that's the way it is, gentlemen of Athens, as I claim, though it's not easy to convince you of it. Socrates, in Plato, *Apology 38 A*, Humanitas Publishing House, Bucharest, 1997.

communicate using language, but our communication skills overwhelmingly depend on our general knowledge and on the humanistic education. Individuals with wide general knowledge tend to be more open to new experiences and intellectual engagements. People with a big openness are more motivated to get involved in intellectual works, which would increase their knowledge. Citizens cannot reason correctly only on practical knowledge and need more than a few hundred words to understand themselves and the society they live in.¹

Almost all current issues, from business to bio-agriculture, from human rights to help reducing hunger, are global and calls us to overcome our narrow limits and think of the reality of life from afar. Humanities and social sciences are the gateway to knowledge of distant cultures, minorities, gender differences, giving us the tools we can use to know and understand the Other. Perhaps the best way to explain the role of the humanities is the recognition of their contribution to avoid wars, at home or between neighbors.

An alchemy capable of transforming the huge amount of information circulating today into true knowledge is the key to the man's adaptability to the fast pace of changes in the world around us. And it is even the mother bee of progress of all sciences in the modern world.

¹ We can remember Orwell when we see the disastrous consequence of a poor vocabulary. *Animal Farm*, Polirom Publishing House, Iași, 2012.

I. İQTİSADI İNKİŞAFIN HUMANİTAR ASPEKTLƏRİ

I. HUMANITARIAN ASPECTS OF ECONOMIC DEVELOPMENT

I. ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ion Guceac
General scientific secretary
Academy of Sciences, Republic of Moldova

Конституционные основы регулирования экономических отношений: сравнительно-правовой анализ

Мы живем в знаменательную эпоху, когда происходят системные реформы в разных странах. Для того чтобы не заблудиться и не совершить ряд неоправданных ошибок, необходимо обозначить правильное направление и сущность развития каждой страны. Это возможно, в частности, посредством определённых координат, одну из которых представляют отношения между государством и экономикой. Немаловажным является и удачное применение положительного опыта других стран, поскольку это, прежде всего, источники передовых информационных технологий, конкуренции, иными словами, все то, что предоставляет повышенные шансы для социально-экономического развития. В этом контексте мы разделяем точку зрения, высказанную известным польским экономистом и политиком Лешком Бальцерович о том, что страна, разрывающая отношения с внешним миром, ведет себя как человек, который решает отказаться от огня, и ест сырое мясо только потому, что если пользоваться огнем, то можно обжечься. Все страны, которым удалось вырваться из состояния отсталости и догнать развитые, с экономической точки зрения, государства, воспользовались сполна их положительным опытом и постарались избежать их ошибок¹.

Реформы последних десятилетий, проведенные, практически, в странах всех категорий (в развитых капиталистических, в странах третьего мира и в постсоциалистических), не обошлись без пересмотра основных принципов экономической политики государства, провозглашенных в Конституциях. Неопровержимым фактом является то, что Конституция, не являясь экономическим документом, оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие страны.

Конституционные основы экономических отношений представляют собой совокупность конституционных принципов, устанавливающих базовые, основополагающие положения в экономической сфере страны².

На современном этапе наших государств идет становление качественно новых по содержанию, целям и задачам экономических отношений, научное осмысление которых представляет собой одну из насущных проблем современного развития науки конституционного права.

Основополагающим принципом, характеризующим отношения государства и экономики, долгое время являлась и во многих странах сейчас является концепция рыночной экономики³. Концепция рыночной экономики понимается по-разному, часто – как отношения “минимального государства” и рынка, который сам обеспечит всестороннее регулирование экономики.

В настоящее время во многие новые конституции, принятые в постсоциалистических странах, включены принципы рыночной экономики, которые декларируют право любого хозяйствующего субъекта выбирать предпочтительный вид экономической деятельности и осуществлять эту деятельность в любой допустимой законом форме.

Например, Конституция Венгрии 1949 года (пересмотренная в 1989) предусматривает рыночную экономику, в которой частная собственность и государственная собственность

¹ Leszek Balcerowicz. *Liberatate și dezvoltare: economia pieței libere*. București: Compania, 2001, с. 21–22.

² Конституционное право Российской Федерации, Москва: Норма, 2010, с. 198.

³ В.Е. Чирюкин. *Современное государство*. Москва: “Международные отношения”, 2001, с. 300.

имеют равные права и в равной степени защищены (статья 9 часть (1.))¹, а Конституция Албании, 1998 г. предусматривает экономическую систему, основанную на государственной и частной собственности, включающую рыночную экономику и свободу предпринимательской деятельности (статья 11 часть (1))².

В Конституции Польши (статья 20) используется понятие социальное рыночное хозяйство. Социальное рыночное хозяйство опирается на свободу хозяйственной деятельности, частную собственность, а также на солидарность, диалог и сотрудничество социальных партнеров, является основой экономического строя Польской Республики³. Конституция Перу, 1993 год, статья 58 использует термин “социальная экономика рынка”, в рамках которой осуществляется предпринимательская деятельность⁴.

В большинстве фундаментальных законах закреплено положение о свободе экономической деятельности. Этот принцип позволяет участие людей в производстве, распределении, перераспределении материальных и иных благ для удовлетворения своих потребностей. Например, Конституция России (статья 8) обеспечивает единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции, свободу экономической деятельности⁵. Конституция Испании (1978) признает свободу действий предприятий “рыночной экономики” (статья 38).

После внесения изменений в Конституцию Китая, 1982, определено понятие “социалистическая рыночная экономика” (статья 11), основу которой составляют частные домохозяйства, работающие в установленном законом порядке.

Необходимо признать что хотя рынку нет альтернативы, без государственного регулирования экономики и регулирования самого рынка не обойтись. Поэтому в условиях глобального финансового кризиса появились и другие изменения в регулировании экономической сферой. Так, в некоторых странах государственное регулирование в определенных областях уменьшается (например, в Республике Молдова постепенно меняется отношение к малому и среднему бизнесу), в других странах в ряде областей государственное регулирование расширяется, а в иных, наоборот, усиливается, если для развитых капиталистических стран характерна тенденция увеличения государственного регулирования, то для постсоциалистических стран – смягчение регулирования, а для тоталитарных социалистических стран – включение капиталистических элементов в систему государственного регулирования.

Признание и защита разных форм собственности. Отношения собственности являются одним из главнейших элементов экономической системы гражданского общества.

Отношение к вопросу о собственности и формах ее проявления в решающей степени определяет реальный статус свободы личности, экономическую и политическую систему любого общества, поэтому лишь некоторые конституции не содержат нормы касающиеся собственности (Ливан, Нидерланды), но существуют положения о запрете экспроприации (то есть о национализации без компенсации владельцу)*. В конституциях Бельгии (1994), Дании (1953), Греции (1975), Финляндии (1999), большинства стран Содружества, франкоязычных стран Тропической Африки, стран Латинской Америки собственность указана без каких-либо конкретных различий.

Некоторые конституции используют понятие частной собственности или просто собственности. Конституция Румынии, в частности (статья 44), использует понятие право собственности, но государственные обязательства гарантируются. Конституция Украины ис-

¹ Конституции государств Европы. Москва: НОРМА, 2001 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Политическая Конституция Перу, worldconstitutions.ru/archives/534.

⁵ <http://constitutii.files.wordpress.com/2013/01/2008-ru.pdf>, (01.07.13).

* Во многих странах Латинской Америки термин “экспроприация” используется и когда дело доходит до национализации, если это делается с компенсацией владельцу.

пользует понятие собственности, но устанавливает, что “собственность обязывает” и “не может использоваться в ущерб человеку и обществу” (статья 13). В Конституции Исламской Республики Афганистан (статья 9) применена синтагма “государственная собственность”, таким образом, шахты и подземные ресурсы являются государственной собственностью, а защита и использование государственной собственности регулируются законами штата¹.

В одних конституциях упоминается о государственной и частной собственности (Конституция Республики Беларусь (статья 13), Италии (статья 42), Казахстана (статья 6), Албании (статья 11), а в других – общественная и частная собственность: (Основной закон Саудовской Аравии (16 статья, 18, 19)², Конституция Болгарии (статья 17).

В некоторых Конституциях указываются даже три формы собственности. Так, Конституция Азербайджана (статья 13) включает в себя три вида собственности: государственную, частную, муниципальную, Конституция Словакии (статья 20)³ включает государственную, частную и общинную собственность (последняя в этой стране означает муниципальную собственность общины – муниципальное образование первого уровня) и имущество предприятий.

В конституциях стран Латинской Америки, кроме классических видов собственности, указаны и другие: семья, собственность индейцев или коренных народов этой земли. Например, Конституция Мексики использует понятие малая земельная собственность (статья XV); семейное имущество (статья XVII G))⁴. Также в Конституции Колумбии (статья 50) мы сталкиваемся с понятием семейного имущества, включая и недвижимость (статья 184)⁵.

В Конституции Вьетнама (статья 15) собственность представлена в нескольких формах: народная, коллективная, частная, причем первые две являются основными⁶.

В Конституции Китая (статья 6) основа социалистической экономической системы объявлена как общественная социалистическая собственность на средства производства, то есть собственность коллективная и собственность трудящихся масс. Однако Конституция признает, что на этапе зарождающейся социалистической экономической системы, в рамках доминирующей общественной собственности могут развиваться параллельно и другие формы собственности⁷. В соответствии со статьей 8 этой Конституции в сельских районах Китая допускаются различные формы совместного управления собственностью: производство, поставка, кредит, потребление и т.д., которые являются социалистическими секторами экономики, основанными на коллективной собственности трудящихся. Сельскохозяйственные работники, члены коллективных сельскохозяйственных организаций имеют право, в пределах, установленных законом, управлять сельскохозяйственными секторами и дополнительно к приусадебным участкам для личного пользования в горных местностях могут выращивать домашний скот.

В Конституции Кубы (статья 15) декларируется, что социалистическая собственность государства является собственностью всего народа, и установлено, что: земля не принадлежит мелким сельскохозяйственным производителям и кооперативам, созданным ими, полезные ископаемые, морские ресурсы, леса, воды, дороги, сахарные заводы, фабрики, транспорт, все предприятия, банки, оборудования и имущество экспроприированы у империалистов, латифундистов и буржуазии; имения, заводы, предприятия и здания, постро-

¹ Конституция Исламской Республики Афганистан, mykpzs.ru/konstituciya-islamskoj-respubliki-afganistan-2004-rus, (14.02.13).

² Основной низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия, worldconstitutions.ru/archives/86, (16.04.13),

³ Конституции государств Европы. Москва: НОРМА, 2001 г.

⁴ Конституция Мексиканских Соединенных Штатов, www.uznal.org/constitution.php?country=Mexico&constitution=79, (12.05.13).

⁵ Конституция Колумбии, constitutions.ru/archives/90, (17.06.13).

⁶ Конституция Вьетнама, mykpzs.ru/konstituciya-vetnama-1992, (12.04.13).

⁷ Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.).

енные или приобретенные государством, используются для экономического назначения, социально-культурного отдыха, в том числе те, которые будут построены, созданы или приобретены¹.

Как мы видим, все конституции содержат нормы о неприкосновенности собственности. Конституции устанавливают равенство всех форм собственности (в тоталитарных социалистических странах также утверждается этот факт, но государственная социалистическая собственность пользуется приоритетом, в том числе и правовым). Во многих странах допускается национализация частной собственности и обращение ее в собственность государства и это говорит о том что национализация не противоречит принципам современной экономики.

Национализация, однако, может быть осуществлена обычно при соблюдении трех конституционных условий: в интересах общества (а не отдельных социальных групп), на основе закона, принятого парламентом, при выплате равноценного возмещения. Многие конституции включают в себя нормы о возможности национализации частной собственности с компенсацией владельцам. О приватизации государственного и муниципального имущества в конституциях упоминается редко (обычно в постсоциалистических), а такие меры, как национализация, встречаются лишь в некоторых странах.

Наряду с общим принципом свободы собственности государство устанавливает также определенные ограничения для свободы гражданского оборота отдельных видов собственности (оружия, ядов, наркотиков), определяет объекты исключительной государственной собственности. В большинстве случаев к исключительной государственной собственности относятся богатства (недра, полезные ископаемые), определенные сектора территории страны (например, прибрежная полоса). Исключением является Конституция Нидерланд, в которой декларируется, что земля не является исключительной собственностью государства, а в Израиле – Основной закон о земле является частью Конституции².

В Афганистане в исключительной собственности государства находятся полезные ископаемые (Статья 9 Конституции, 2004), в Испании – пляжи, берега, континентальный шельф, природные ресурсы в экономической зоне (статья 32 Конституции, 1978) в Никарагуа – недра (статья 242 Конституции)³, в Болгарии (статья 18 Конституции 1991 г.) – недра, прибрежные районы, республиканские дороги, воды, мосты, парки общегосударственного значения (с некоторыми исключениями), природные и археологические заповедники, установленные законом. Конституция Республики Беларусь 1996 года, устанавливает, что недра, леса, воды, являются исключительной собственностью государства. В Кувейте (статья 21 Конституции 1962 года) декларируется, что в исключительной собственности государства находятся природные ресурсы и их производные (нефть, газ).

В Саудовской Аравии собственностью государства являются “все ресурсы на земле и под землей, данные Аллахом” воды, которые находятся под юрисдикцией государства, а также и доходы от их эксплуатации (статья 14 Основного закона)⁴. И Конституция Йемена (статья 8)⁵ содержит положения, согласно которым природные ресурсы и все их производные, в том числе энергетические ресурсы на всей территории государства, в недрах территориальных вод, континентальной платформы и в экономической зоне находятся в государственной собственности и используются для общественных целей.

В Словакии исключительной собственностью государства декларированы минеральные богатства, пещеры, подземные воды, воды лечебных источников (статья 4 Конституции,

¹ Конституция Кубы, ru.wikisource.org/wiki, (18.05.13).

² Основной закон о земельных владениях, 1960 г., knesset.gov.il/description/ru/mimshal_yesod1_ru.htm, (23.02.13).

³ Конституция Республики Никарагуа, worldconstitutions.ru/archives/52, (24.06.13).

⁴ Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия, worldconstitutions.ru/archives/86, (25.06.13).

⁵ Конституция Йеменской Арабской Республики (1991), www.worldislamlaw.ru/archives/289, (23.06.13).

1992)¹. С новым подходом встречаемся в Конституции Мексики (статья 27), которая декларирует, что непосредственной собственностью государства являются все минералы или элементы, которые находятся в жилах, пластах, а также в массовых или очаговых месторождениях, имеют другую природу, чем сама земля; таковы минералы, из которых извлекаются металлы и металлоиды, месторождения драгоценных камней и места добычи каменной соли, а также отложения соли, образуемые непосредственно морской водой, продукты разрушения скал, извлечение которых требует проведения подземных работ, залежи минералов или органических веществ, которые могут быть использованы в качестве удобрения, твердое минеральное топливо, нефть и все другие углеводороды в твердом, жидком или газообразном состоянии.

В Республике Молдова (статья 127 Конституции) все богатства недр, воздушное пространство, воды и леса, используемые в общественных интересах, природные ресурсы экономической зоны и континентального шельфа, пути сообщения, а также другие богатства, определенные законом, являются объектами исключительно публичной собственности.

Свобода рынка труда. Известно, что труд создал Номо Faber, и поэтому для эволюции и развития современной цивилизации именно человеческий труд является необходимой предпосылкой социального прогресса. И как утверждал Эминеску*: “богатство нации заключается не в деньгах, а в труде”².

Учитывая тот факт, что труд является основой экономической системы, вопросы, касающиеся труда, всегда находят место в Конституции. Не случайно Конституция уделяет особое внимание этому вопросу. “Каждый человек, – говорится в Конституции Республики Молдова (статья 43, пункт 1) имеет право на труд, на свободный выбор работы, на справедливые и благоприятные условия труда и на защиту от безработицы”.

В некоторых конституциях прописаны нормы для работников, гарантии, которыми они пользуются в рамках трудовых соглашений. Конституция Бразилии (статья 7) среди прочего предусматривает меры, призванные улучшить жилищные условия “тружеников села и города”, а также декларируются: защита труда и защита от несправедливого увольнения; страховка при вынужденной безработице; минимальная заработная плата, установленная законом и унифицированная на национальном уровне, достаточная для того, чтобы позволить трудящемуся покрыть элементарные жизненные потребности и потребности его семьи в отношении жилища, питания, образования, здравоохранения, досуга, одежды, гигиены, транспорта и социального страхования; эта минимальная зарплата подвергается периодическим пересмотрам с целью гарантирования покупательной способности; запрещается использовать минимальную заработную плату в качестве основания для расчетов других выплат; потолок заработной платы, пропорциональный значению и сложности труда; оплачиваемый тринадцатый месяц на основе полной месячной заработной платы или пенсии по старости, оплата ночного труда выше, чем оплата дневного труда; защита заработной платы в соответствии с предписаниями закона; удержание из заработной платы является преступлением и т.д.

В соответствии с Конституцией (статья 33), все испанцы имеют право на труд и оплату, достаточную для удовлетворения своих потребностей и их семей, без какой-либо дискриминации по полу. В Конституция Италии (ст. 1) декларируется: Италия – демократическая Республика, основывающаяся на труде. В соответствии со статьей 36 Конституции трудя-

¹ Конституции государств Европы. Москва: НОРМА, 2001 г.

* Михáй Эминеску (рум. Mihai Eminescu (15.01.1850 – 15.06.1889) – румынский поэт, классик румынской литературы.

² Munca (citata celebre, maxime, cugetări despre Muncă), www.intelepciune.ro/citata_celebrequ_maxime_cu, (25.06.13).

щийся имеет право на вознаграждение, соответствующее количеству и качеству его труда и достаточное во всяком случае для обеспечения ему и его семье свободного и достойного существования. Конституция Португалии (ст. 53) гарантирует трудящимся безопасность в сфере занятости, причем запрещаются увольнения без справедливой причины или по политическим или идеологическим мотивам.

В некоторых конституциях декларируется, что труд – это право и долг человека. Например, в Испании (статья 35 Конституции) все испанцы обязаны трудиться и имеют право на труд. Конституция Японии (статья 27) предусматривает, что каждый человек должен иметь право на труд. В соответствии с положениями статьи 55 Конституции Вьетнама труд является правом и обязанностью граждан. В текстах многих конституций можно найти положения, запрещающие любые формы эксплуатации. Положение статьи 3 Конституции Пакистана требует от государства обеспечить искоренение всех форм эксплуатации¹.

Свобода экономической деятельности. Этот принцип является основой конституционного начала экономической деятельности, так как позволяет каждому беспрепятственно вступать в нее, создавать предприятия, распоряжаться продуктами своей деятельности, то есть право каждого использовать свои способности и имущество любым не запрещенным законом способом.

В соответствии с Конституцией Азербайджана (статья 15) государство не допускает монополизма и недобросовестной конкуренции в экономических отношениях, В Мексиканских Соединенных Штатах (статья 28 Конституции) не существует какого бы то ни было рода монополий, за следующими исключениями: чеканка монеты; почта, телеграф и радио-телеграф; выпуск денежных знаков и т.д.

В некоторых конституциях монополии разрешаются только при условии, что они не влияют на права граждан и других участников экономических отношений. Конституция Колумбии (статья 31) определяет, что никакой закон, устанавливающий монополию, не может быть применен до того, как полностью будут удовлетворены лица, которые в силу этого закона теряют возможность заниматься дозволенной деятельностью. Никакая монополия не может быть установлена иначе, как с целью извлечения дохода в чрезвычайном порядке и на основании закона².

Прогнозирование экономического развития со стороны государства. Тексты конституций также включают положения об экономическом планировании.

Американский автор Г.Шварц отмечает что нигде в мире, не встретишь сейчас абсолютно нерегулируемой, бесконтрольной рыночной экономики³. В свою очередь французский автор Ж.Шевалье отмечает: “Государство все чаще вмешивается в деятельность экономики... в жизнь общества. Такое поведение государства отражает подлинную революцию в умах”⁴.

В настоящее время директивное планирование на несколько лет характерно лишь для некоторых стран, но для конституционных норм уже не присуща жесткость прошлых лет. Конституция Кубы (статья 16) декларирует, что государство организует, направляет и контролирует экономическую жизнь в стране согласно Единому плану социально-экономического развития, в разработке и выполнении которого активно и сознательно участвуют трудящиеся всех отраслей хозяйства и других сфер общественной жизни. Развитие экономики служит целям укрепления социалистической системы, лучшему удовлетворению материальных и культурных потребностей общества и граждан, содействию развития личности и ее достоинства, прогрессу и безопасности страны и способности нации выполнять интернациональный долг нашего народа.

¹ Конституция Исламской Республики Пакистан, <http://constitutions.ru/archives/57>, (12.06.13).

² Конституция Республики Колумбия. constitutions.ru/archives/90, (02.07.13).

³ Цит. по: Свобода, равенство и право человека. Москва, 1997, с. 150.

⁴ Шевалье Ж. Государственная служба. Москва, 1996, с. 18.

Экономические требования планирования иногда содержат и социально-экономические пути развития. Так, Конституция Бразилии (статья 174) определяет в качестве нормативного участника и регулятора экономической деятельности государство, которое в соответствии с предписаниями закона осуществляет функции надзора, стимулирования и планирования; последняя функция имеет предписывающий характер для публичного сектора и простой индикативный характер для частного сектора.

Во Франции законы планирования определяют действия государства (статья 34 Конституции). Конституция Португалии (ст. 80 лит. Е) в числе основных принципов экономической системы включает и планирование. Конституция Испании (ст. 131) предусматривает, что государство посредством издания закона может планировать общую экономическую деятельность в целях удовлетворения коллективных потребностей, выравнивания и гармонизации регионального и секторального развития и стимулирования роста доходов и богатства, а также их наиболее справедливого распределения. Во Вьетнаме, государство в соответствии с Конституцией (статья 26) осуществляет руководство единой национальной экономикой, регулирует принятие законов, планов и правил.

Другой важной проблемой регулирования экономической системы являются принципы распределения общественного продукта. В большей степени это характерно для социалистических конституций. Вначале эта проблема была связана с установлением принципов распределения результатов труда. Например, в Молдавской АССР в Конституции 1938 (статья 12) был принцип: “кто не работает, тот не ест”, он повторяет другой принцип, согласно которому “от каждого по способностям, каждому по труду”.

Ныне этот принцип социализма декларирован в Конституции Кубы (статья 19). В Конституции Северной Кореи (статья 70) содержится положение о том, что оплачиваемый труд ее граждан соответствует качеству и количеству их труда¹. Конституция (статья 83) предусматривает, что граждане обязаны сознательно и активно работать, строго соблюдать дисциплину.

Конституция Ирландии 1937 года (статья 45) устанавливает, что одним из принципов социальной политики, которым должен руководствоваться ирландский парламент и который обязывает государство гарантировать, что владение и управление, материальные ресурсы общества должны быть поделены поровну между отдельными гражданами и классами общества, для лучшего содействия общему благу, к сожалению, на наш взгляд, вряд ли можно реализовать. В Конституции Испании 1978 года декларируется, что государство “будет способствовать росту доходов населения, богатству и их оптимальному распределению” (статья 131). Аналогичные положения имеются и в конституциях мусульманских государств. Например, Конституция Ирана (статья 46) предусматривает, что каждый является собственником того, что заработал своим законным трудом. Никто не может под предлогом собственности на продукт своего труда лишить другого возможности труда и получения дохода.

Положение о распределении общественного продукта включены в Конституцию Индии (статья 38, 39). Государство стремится поднять благосостояние народа, обеспечивая и охраняя возможно более эффективным образом социальный порядок, при котором социальная, экономическая и политическая справедливость определяет сущность всех учреждений, в которых воплощается жизнь нации). Государство, в частности, стремится свести к минимуму неравенство в доходах и тем самым устранить неравенство в статусе, условиях и возможностях не только среди отдельных лиц, но и среди групп населения, проживающих в различных местностях или практикующих различные профессии.)

Согласно временной Конституции Непала (статья 140), ответственность за распределение и мобилизацию ресурсов страны разделяют между собой правительство Непала и органы местного самоуправления в соответствии с законом. На органы местного самоуправления

¹ Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики, vkpb.ru/old/kndr/const_kndr.shtml, (08.07.13).

возлагается ответственность по идентификации, подготовке и исполнению местных программ, касающихся поддержания равного баланса, справедливого распределения и развития ресурсов и средств производства. Мобилизация и распределение доходов в соответствии с частью 1 преследует своей целью всеобъемлющее развитие социально и экономически отсталых классов и общин в целях более сбалансированного и справедливого развития нации¹.

Согласно Конституции Бангладеш, государство обязано принимать эффективные меры для искоренения экономического неравенства и обеспечения справедливого распределения богатств и возможностей среди граждан в целях достижения единого экономического уровня по всей стране². Конституция Филиппин (Часть XII, статья 1) декларирует в числе целей своей национальной экономики и справедливое распределение возможностей, доходов и национального богатства³.

Наиболее важным компонентом конституционного регулирования экономики является установление принципов финансовых отношений. В процессе конституционной реформы последних десятилетий в ряде стран (Австрия, Германия, Канада, Финляндия, Швейцария) в конституцию были внесены многочисленные поправки к разделам, регулирующим финансовые отношения. Одновременно необходимо иметь в виду и конституционный опыт стран, которые в конце XX века освободились от тоталитарного режима и приняли новые конституции, установив основные принципы финансовых отношений. Среди стран, которые внесли новые элементы в Конституцию, в частности, в регулирование финансовых отношений, есть и Молдова, в Конституцию которой введен раздел, посвященный этой теме, Раздел IV – Национальная экономика и публичные финансы, который включает в себя положения, касающиеся экономической системы, имущества, в том числе иностранных граждан и лиц без гражданства, внешнеэкономической деятельности, финансово-кредитной системы, национального публичного бюджета, налоговой системы, Счетной палаты.

Многие конституции декларируют одинаковые принципы налогового права, такие как определение налогового обязательства по закону, всеобщности, равенства, справедливости, соразмерности, платежеспособности и т.д. Кроме этого, в конституции включаются специальные нормы, конкретизирующие эти положения. В некоторых конституциях, например Германии (статья 106), декларируется принцип сдерживания чрезмерного налогового бремени и обеспечения уровня жизни, равного на всей территории федерации. Другие конституции включают положения, учитывающие способность налогоплательщика по уплате налога. Например, Конституция Испании (статья 31) декларирует, что каждый должен участвовать в общих расходах в соответствии со своими экономическими возможностями посредством справедливой налоговой системы, основанной на принципах равенства и прогрессивного наложения, которая ни в коем случае не должна носить характер конфискации.

Например, Конституция Италии (статья 53) обязывает всех участвовать в государственных расходах в соответствии со своими возможностями. Статья 78 Конституции Греции запрещает налагать и взимать без наличия формального закона, определяющего субъект налогообложения, доход, вид собственности, расходы и финансовые операции или их категории, к которым данный налог относится. Федеральная Конституция Швейцарской Конфедерации (статья 127. Принципы, регулирующие налогообложение) устанавливает, что формирование налогов, а именно круг налогоплательщиков, предмет налогообложения и определение размера налогов, подлежит в основных чертах регулированию в самом законе. Поскольку вид налога это допускает, особенно следует учитывать принципы всеобщности и равномерности налогообложения, а также принцип обложения налогами в соответствии с экономической способностью платить налоги.

¹ Переходная Конституция Непала от 15 января 2007 года. Ru.wikipedia.org/wiki/Непал, (20.08.13).

² Конституция Бангладеш. Mykpzs.ru/konstitutionnoe-pravo-bangladesh, (20.08.13).

³ Конституция Филиппин. Worldconstitutions.ru/archives/36, (20.08.13).

Некоторые конституции запрещают введение новых налогов или расходов в закон о бюджете (в случае необходимости, должны быть приняты специальные законы). В этих специальных законах, как отмечено в Конституции, должны быть указаны источники для покрытия расходов. Например, Конституция Италии (ст. 81) содержит положения, которые запрещают введение новых налогов или принятия бюджетных расходов.

Конституция Российской Федерации (статья 104 пар. (3)) предусматривает, что законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты, о выпуске государственных займов, об изменении финансовых обязательств государства, другие законопроекты, предусматривающие расходы, покрываемые за счет федерального бюджета, могут быть внесены только при наличии заключения Правительства Российской Федерации. Конституция Испании (ст. 134) предусматривает, что закон о бюджете не может устанавливать новые налоги. В них можно внести изменения, если это предусматривает отдельный налоговый закон.

Сложности финансовой деятельности государств, в том числе бюджетная и фискальная, внесли значительные поправки в правовые и конституционные нормы, связанные с контролем сбора налогов и расходов государственных средств. В настоящее время существует много организационно-правовых форм, которые осуществляют функции контрольных органов. Столь же разнообразны и конституционные требования к их полномочиям. В некоторых конституциях (Австрия) установлен принцип независимости Счетной палаты от правительства, в других устанавливается принцип несменяемости его членов. Конституция Италии (статья 100) устанавливает, что закон гарантирует независимость Счетной палаты и ее членов от Правительства. По Конституции Австрии (Статья 122), Счетная палата независима от Федерального правительства и правительств земель и подчиняется только положениям закона. По Конституции Республики Молдова (Статья 133), Счетная палата ежегодно представляет Парламенту доклад об управлении публичными финансовыми средствами и их использовании, то есть также независима от Правительства. Благодаря процессам сближения правовых норм, тексты конституций в настоящее время включают в себя многие идеи и концепции, разработанные в ходе истории развития человеческой мысли, относящейся к проблемам и нормам, которыми должны руководствоваться государства, устанавливать методы для сбора доходов и расходов, осуществлять государственный контроль за использованием ресурсов. Тем не менее, процессы, вызванные повышением роли финансовых инструментов в экономической и социальной жизни людей, должны найти более адекватное отражение в ряде конституций. Безусловно, они содержат большое количество норм, регулирующих финансовые отношения. Однако в ряде конституций эти нормы не так четко установлены. Будущее развитие конституций государств должно включать фундаментальные положения о регулировании финансовых отношений.

Библиография

1. Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.).
2. Конституции государств Европы. Москва, НОРМА, 2001 г.
3. Leszek Balcerowicz. *Liberatate și dezvoltare: economia pieței libere*. București, Compania, 2001.
4. Андреева Г.Н. *Экономическая конституция в зарубежных странах*. Москва, 2006.
5. Козырин А.Н. *Характеристика основных финансовых институтов зарубежных стран*. В: *Финансовое право*. Москва, 1996.
6. Политическая Конституция Перу, <http://worldconstitutions.ru/archives/534>, (27.09.13).
7. Конституция КНР 1982 г., http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution, (29.09.13).
8. Конституция Республики Куба, <http://ru.wikisource.org/wiki>, (27.09.13).

9. Конституция Исламской Республики Афганистан, <http://mykpzs.ru/konstituciya-islamskoj-respubliki-afganistan-2004-rus/>, (14.02.13).
10. Основной низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия, <http://worldconstitutions.ru/archives/86>, (16.04.13).
11. Конституция Мексиканских Соединенных Штатов, www.uznal.org/constitution.php?country=Mexico&constitution=79, (12.05.13).
12. Конституция Колумбии, <http://worldconstitutions.ru/archives/09>, (17.06.13).
13. Конституция Вьетнама, <http://mykpzs.ru/konstituciya-vetnama-1992>, (12.04.13).
14. Конституция Кубы, <http://ru.wikisource.org/wiki>, (18.05.13).
15. Конституция Республики Никарагуа, <http://worldconstitutions.ru/archives/52>, (24.06.13).
16. Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия, <http://worldconstitutions.ru/archives/86>, (25.06.13).
17. Конституция Исламской Республики Пакистан, <http://constitutions.ru/archives/57>, (12.06.13).
18. Конституция Йеменской Арабской Республики (1991), www.worldislamlaw.ru/archives/289, (23.06.13).
19. Конституция Республики Колумбия, <http://constitutions.ru/archives/90>, (02.07.13).
20. Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики, http://vkpb.ru/old/kndr/const_kndr.shtml, (08.07.13).
21. Переходная Конституция Непала от 15 января 2007 года, <http://ru.wikipedia.org/wiki>, (20.08.13).
22. Конституция Бангладеш, <http://mykpzs.ru/konstitutionnoe-pravo-bangladesh>, (20.08.13).
23. Конституция Филиппин, <http://worldconstitutions.ru/archives/36>, (20.08.13).
24. http://knisset.gov.il/description/ru/mimshal_yesod1_ru.htm%E2%80%8E, (23.02.13).
25. www.intelepciune.ro/citate_celebre_maxime_cu, (25.06.13).

Тагиев А.С.

Первый заместитель председателя
Международного Союза Юристов,
доктор юридических наук, профессор

Право и экономика. Некоторые актуальные вопросы

Важным социальным институтом, регулирующим общественные отношения во всех сферах жизнедеятельности общества, выступает право. Занимая главенствующее положение в качестве регулятора общественных отношений, праву отводится особая роль в системе институтов и средств социальной регуляции.

Как справедливо отмечает С.С.Алексеев, высокий, пожалуй, даже возвышенный статус категории “право” во всей социальной системе, однопорядковый с категорией “демократия”, заложенная в ней направленность на то, чтобы получить должное развитие в соответствии с требованиями гражданского общества и в таком качестве занять в нем центральное место, быть нерушимой социальной ценностью. Благодаря своим свойствам, поистине – уникальным, объективное право (вбирающее в себя то, что обычно понимается под “силой закона”) оказывается способным решать многие крупные задачи гражданского общества, относящиеся к важнейшим сторонам его жизни – экономической, политической, культурной.

С.С.Алексеев характеризует право третьего тысячелетия, как право, которое призвано быть в силу самой логики общественного развития правом цивилизационных народов. Конечно, выражение “право цивилизованных народов” условное, с некоторым даже этически небесспорным, проблемным акцентом. Но оно все же с необходимой определенностью обозначает особенности ныне формирующихся юридических систем, которые уже в той или иной мере состоялись как демократические и правовые. Притом состоялись в качестве реально высокозначимого звена современного гражданского общества.

Признаком, характеризующим совершенство правовой системы, является строгое отграничение “права” от “закона”. При всем глубоком единстве этих юридических категорий (закон – важнейший источник, носитель права) и даже возможности их отождествления на практике важно не упускать из поля зрения существующие здесь принципиальные отличия. Ибо в форму закона, особенно при авторитарных режимах, могут быть облечены противоречивые, антигуманные, по сути – антиправовые установления.

Именно отсюда проистекает возможность существования наряду с правовыми законами, правовым законодательством также и неправовых законов и стало быть возможность, как это ни парадоксально звучит, “неправового права”, внешнего права – несправедливого, неправедного, не отвечающего высоким требованиям гуманистического правопонимания, праву цивилизованных народов.¹

Сегодня, как никогда, важным импульсом общественного, социального развития является органическое взаимодействие экономики и права.

Воздействие права на экономику, степень такого воздействия составляет существенную характеристику роли права как важнейшего института социальной регуляции в обществе.

Нельзя не согласиться с мнением Йон Элстера о том, что современные политико-философские дискуссии во много сводятся к борьбе между двумя противоположными взгля-

¹ С.С.Алексеев. “Верховенство права”, “Гражданское право и современность”. Сборник статей, посвященный памяти М.И.Брагинского/Под ред. В.Н.Литовкина и К.Б.Ярошенко; Ин-т законодательства и сравн. Правоведения при Правительстве РФ. – М.: Статут, 2013. – 766 с.

дами на цели организации общества. Согласно одному из этих взглядов, общество должно быть организовано таким образом, чтобы достигался максимальный уровень совокупной полезности или богатства. В соответствии со вторым взглядом, организация общества должна быть нацелена на то, чтобы наилучшим образом обеспечить наименее состоятельных граждан. Первый взгляд Йон Элстер называет “ориентированным на эффективность”, а второй – “ориентированным на обеспеченность”. Можно, конечно, предположить, что эффективность всегда может быть поставлена на службу обеспеченности. Однако простейшее умозаключение показывает почему это не так. Перераспределение доходов в целях повышения обеспеченности может отрицательно воздействовать на эффективность по двум причинам: во-первых, “общественный пирог” становится меньше из-за нарушения системы экономических стимулов, во-вторых на долю этого “пирога” претендуют и те, кто его делит заново. Далее Йон Элстер отмечает, что ни один из названных двух взглядов в чистом виде не выдерживает критики. И здравый смысл, и результаты экспериментальных исследований указывают на то, что теории ставящие во главу угла эффективность, недостаточно учитывают интересы беднейших слоев населения, в то время, как теории, выдвигающие на первый план обеспеченность, придают интересам этих слоев слишком большое значение. Более удовлетворительная теория должна как-то иметь ввиду и эффективность и обеспеченность. Как показали исследования, наиболее распространенное в массах понятие об экономической справедливости состоит в следующем: надо максимально увеличить совокупное общественное богатство, не допуская при этом, чтобы кто-либо в обществе опускался ниже определенного минимального уровня благосостояния.¹ С этим взглядом можно согласиться.

В современном обществе экономика, нацеленная на эффективность, одновременно должна быть социально ориентированной.

Такая социально ориентированная направленность экономики возможно лишь при воздействии на нее институтов права в условиях, когда высшей ценностью в обществе являются сам человек, его социальная защищенность и права.

Свободному и рациональному развитию экономики содействует рынок с присущими ему элементами сознательности и стихийности. Развитие рынка потенциально включает в себе возможность социальных издержек, ведь в природе рынка социальная защищенность человека не заложена. Для обеспечения социальной защищенности, защиты интересов всех слоев общества, ее нужно ввести извне. И в этом важная роль, безусловно, должна отводиться деятельности институтов права, как средств сохранения стабильности общества и обеспечения социальной защищенности человека.

В этой связи, нельзя не отметить, что мера вмешательства государства и права, степень вмешательства могут быть различны, и во многом зависят от состояния экономики.

Если проанализировать исторический опыт государственно-правового вмешательства в экономику, то в период становления капиталистического способа производства наибольшее распространение получило (в конце XVIII – в начале XIX в.) теория полного невмешательства государства и правовых институтов в экономику, полной экономической свободы производителей. Эти взгляды были доминирующими в течение всего XIX в и даже в начале XX в. Суть таких взглядов очень точно выразил А. де Токвиль: “Самой большой заботой правительства должна стать забота о том, чтобы приучить народы обходиться без него.”² В последующем эти взгляды претерпели изменений.

В XX в. многие ученые экономисты продолжали отстаивать концепцию невмешательства государства и его правовых институтов в экономику. Справедливости ради, следует отметить, что взгляды сторонников либеральной школы во многом отличались от прежних теорией полного невмешательства.

¹ Йон Элстер – “Влияние прав человека на экономическое развитие”

² Р.З.Лившиц: Право, государство и экономика – “Теория права”

Наиболее последовательно взгляды современных либералов, как отмечает Р.З.Лившиц, были изложены известным ученым, лауреатом Нобелевской премии Ф.Хайеком. По его мнению, лучшее средство направлять индивидуальную деятельность – эффективная конкуренция. Для того чтобы конкуренция приносила пользу, необходимы тщательно продуманные юридические рамки, а в отдельных случаях и определенные правительственные мероприятия. Вместе с тем всякая попытка контролировать цены или количество того или иного товара отнимает у конкуренции способность эффективно координировать индивидуальные усилия. Государству следует ограничиться установлением правил, применимых к широкому многообразию ситуаций, и предоставлять индивидууму свободу во всем, что зависит от локальных обстоятельств.¹

В реальной действительности практика чаще всего избирает то или иное промежуточное решение.

В развитых западных странах вопрос о степени вмешательства государства в экономику остается основным вопросом политической борьбы.

Взгляды республиканцев и демократов в США, консерваторов и лейбористов в Англии, национальной партии и социал-демократов в Швеции и т.д. отличаются главным образом в оценке роли государства и права: одни – за невмешательство государства и права в экономику, другие – настаивают на подобном вмешательстве. Жизнь идет по более выверенному пути, с использованием того и другого направления.

Российская история, к сожалению, накопила многолетний негативный опыт государственно-правового вмешательства в экономику. Не повторяя материалов многих публикаций, обратим внимание на теоретическую сторону этой проблемы. В бывшем СССР, начиная, с 30-х гг., интересы производства выдвинулись на первый план и стали преобладать над интересами человека. Идеологическим оправданием такой экономической политики служила теория о слиянии интересов производства и человека при социализме. В действительности же подобное слияние невозможно, ибо интересы работодателя и работника объективно не совпадают. Работодатель, например, заинтересован в максимальной продолжительности рабочего времени, а работник – в минимальной, работодатель – в минимальной оплате труда (издержки производства), а работник – в максимальной. Так устроена экономика, и социализм не в состоянии ничего здесь изменить. Задача современного общества – найти оптимальное сочетание разных интересов, при этом интересы и работодателя, и работника должны быть в определенной степени взаимно ущемлены. Необходимо, как справедливо отмечает Р.З.Лившиц, найти меру взаимного компромисса.²

Данные, публикуемые как в зарубежных, так и в российских аналитических изданиях свидетельствуют о том, что Россия по ряду показателей занимает ведущие позиции в мировых рейтингах. Россия занимает ведущие позиции по экспорту стали и первичного алюминия (за пределы страны вывозится 70% металла), по лесным запасам (45% территории страны и около 24% мировых запасов), по добыче и продаже за рубеж нефти (добываем 10,8 млн. барр/сутки, экспортируем 7 млн. барр/сутки), по разведенным запасам серебра (10,5% от мировых) олова, цинка, титана и тяжелых руд, по разведенным запасам (32% мировых запасов) и экспорту природного газа.

С другой стороны, если сравнивать доходы 10% самых богатых и самых бедных людей, то разница составляет 17 раз, в то время как в развитых странах этот разрыв составляет – 4–7 раз.

Как свидетельствуют данные Всемирного банка, по суммарному показателю конкурентоспособности экономики (в основу взяты 380 показателей) Россия за последние 20 лет переместилась во вторую сотню стран.

¹ Р.З.Лившиц: Право, государство и экономика – “Теория права”

² Р.З.Лившиц: Право, государство и экономика – “Теория права”

Нынешняя ситуация в российской науке является сложной и на протяжении уже 20 лет инвестиции в науку, образование и культуру в России почти самые низкие в мире.

Процент инновационных предприятий в России гораздо ниже, чем у государств ЕЭС: Германии, Бельгии, Дании, Австрии. Сегодня российским “ноу-хау” принадлежит лишь 0,2–0,3% мирового рынка наукоемкой продукции, в то время как доля США составляет 36%, Японии – 30%, Германии – 18%.

К сожалению, крупный российский бизнес не мотивирован на созидательную деятельность, на реализацию общественного интереса, вкладывать средства в развитие современных технологий, материалов, рост производительности и улучшения условий труда и т.д.

Государство практически самоустранилось от воздействия на экономику (хотя формально доля государства оценивается в 40%). С одной стороны, собственность госкомпаний фактически приватизирована топ-менеджментом (если исходить из того, что экономической формой реализации собственности является присвоение доходов, а доходы, как известно, немалые), с другой стороны, регулирующая функция (налоги, цены, субсидии и т.д.) не приносят должного эффекта. До тех пор пока прибыль позволительно выводить в виде дивидендов и расходовать не на производственные нужды, инвестиций и инноваций сложно ожидать. К тому же, отток капитала из страны за 2012 г. по оценке Центрального Банка составил 56,8 млрд. долларов, за первое полугодие 2013 г. – составил 38,3 млрд. долларов.

Почти 80% крупнейших российских компаний зарегистрировано в оффшорах, что подрывает экономическую безопасность страны (к примеру в США порядка 3% компаний зарегистрированы в оффшорах).¹

В сложившейся ситуации важно существенным образом изменить законодательство, регулирующую данную деятельность, существующую систему налогообложения доходов физических лиц, получающих сверхприбыль, стимулировать приток капитала в страну, возврат средств в производственный процесс, что позволит модернизировать экономику, использовать новые технологии, создать потенциал роста экономики.

В нынешних условиях особо актуально нахождение баланса производственных и социальных интересов. Рыночная экономика воплощает приоритет производственного интереса, который превалирует во всех рыночных механизмах. Социальный элемент – защита интересов работника реализуется при рыночной экономике через государственно – правовое регулирование. Только таким способом и можно добиться высокой экономической эффективности производства в неразрывной связи с прочными социальными гарантиями, социальной защищенностью человека.

В правовом регулировании экономики может быть намечена тенденция к расширению диспозитивного регулирования. Нет необходимости регламентировать каждый шаг производителя в любой ситуации, как было раньше, право призвано обеспечить для него полную свободу поведения, ограниченную рамками немногочисленных запретов. Правовое регулирование призвано не заранее регламентировать “игру”, а только установить ее общие правила. Таким образом достигается решительный поворот к диспозитивному регулированию. Так обстоит дело в сфере производства и обмена. Государственный сектор в экономике может быть сохранен в разумных пределах, в определенных отраслях, обусловленный исторической ситуацией.

Сложнее со сферой распределения, с социальными процессами. Здесь полный отказ от императивности в пользу диспозитивности, по-видимому, невозможен. И область оплаты труда, и область выплаты социальных пособий и т.п. требуют четких правовых предписаний. Тем не менее и здесь правовое регулирование должно стать иным. В области оплаты труда жесткой фиксации подлежат только минимальные гарантийные размеры, во всем же осталь-

¹ В.Л.Василенок – Экономический потенциал и экономическая политика России.

ном жесткая регламентация должна уступить место коллективным договорам и соглашениям сторон. Размеры налогов и удержаний подлежат жесткой правовой регламентации в интересах самих производителей во избежание произвола со стороны органов государственной власти.

Говоря о соотношении экономики и права нельзя не отметить, что экономика оказывает определяющее влияние на право, как и правовые институты могут активно воздействовать на экономику как в направлении ее развития, так и наоборот, в направлении ее деформации.

Общественные отношения, базирующиеся на нормах права, являются наиболее рациональной формой экономических отношений. Экономические отношения могут функционировать только и исключительно в правовой форме. Все иные формы (административные, командная) не являются оптимальными. Они искажают или попросту отвергают рыночные начала как безнравственные, анархические, противоречащие духу народа и т.п. Таким образом, право – это естественная форма экономических отношений.

С усложнением в ходе исторического развития экономических связей государство и его правовые институты вмешивается в хозяйственную жизнь с целью воспрепятствования негативным тенденциям, возникающим в экономике. В странах Запада государственно-правовое регулирование в сфере экономики признается полезным и необходимым.

Чтобы осознать необходимость государственно-правового регулирования экономики, мировому сообществу потребовалось пройти через ряд экономических кризисов. Наиболее крупным из них является, в частности, глобальный кризис экономики США 1933 г. Кризисы 20–30-х гг. XX в. и нынешний кризис начала XXI века в полной мере обозначили необходимость социального контроля общества над экономикой, пролили свет на несостоятельность принципа невмешательства государства в экономику, абсолютной экономической свободы и нацелили на многообразные меры демонополизации хозяйства посредством государственно-правового регулирования экономики.

Не всегда невмешательство государства в экономику, абсолютная экономическая свобода является неременным условием роста экономики. Например, отнесенная к “преимущественно несвободным” экономика Китая на протяжении последних лет демонстрирует устойчивый рост ВВП – 8–9%, а свободная экономика США – только 2–3%.

Речь идет не просто о государственном, а о государственно-правовом воздействии на экономику с использованием публичного права. Направления такого воздействия многообразны: борьба с монополизмом; контроль за качеством продукции с точки зрения ее безопасности для жизни и здоровья потребителей; соблюдение экологических требований в процессе производства, социальные гарантии и выплаты и многое другое.

Когда воздействие государства на экономику чрезмерно, оно становится негативным, ибо мешает ее свободному функционированию и развитию, ущемляет экономическую свободу, приводит к коррупции государственного аппарата, к возникновению теневой экономики.

Для обеспечения быстрого роста экономики государство и его правовые институты должны следовать весьма сложной стратегии постоянно выбирая политику, адекватную стадии модернизации экономики, созданию условий для повышения ее эффективности и конкурентоспособности, долгосрочного устойчивого развития, на улучшение инвестиционного климата, достижение конкретных результатов.

Luciano Fantini
Journalist, Italy

History and nature

As soon as a tourist sets foot for the first time in Rome, he notes that there is an air of history everywhere. One finds it not only in the heart of the capital but in the suburbs where.

More often the historical evidence of ancient and noble civilization are immersed and stored in the green that helps create a romantic suggestion in the observer, of which there is evidence in the writings of many distinguished visitors who have been affected by such charm.

In the 2,763 years of uninterrupted civilization republican, imperial and Christian has created a “chain” of archaeological and historical memories that has no equal in the world.

There is no intervention of excavation inside the GRA Motorway Rome that does not show in the light of pre-existing republican and imperial era; found, have effectively helped to preserve parts of the Roman territory by overbuilding “oversized “, although often the intervention of safeguards implemented by the Superintendency was limited to the area directly involved, which detected and studied, was recovered to protect it.

The work of the TGV (High Speed Train) in urban areas have come to light, for example, a long stretch of Collatina consular road that follows the river Aniene, marvelously preserved after un'esonazione of the river that has covered for protecting tens of centuries.

Orti (gardens) lost

Sometimes you are not able to protect the finds: this is what happened with the ancient “Roman gardens “via Formia, emerged during the excavations for the construction of Line C of the Rome Metro and soon after destroyed by bulldozers.

Miraculously, in the middle of the forest of buildings that make up the eastern outskirts of Rome understood and crossed by the consular roads Appia, Tuscolana, Casilina (Labicana), Prenestina and Tiburtina, has, however, retained a “chain eco- archaeological “surrounded by all internal green areas of varying extent, residual of previous agricultural activities still walking in total continuity, maintaining the old world charm of the Roman.

We meet Roman aqueducts, catacombs, tombs, churches, Roman villas, but also the first Italian airport of Centocelle to “ad duas lauros” where in 1909 the Wright Brothers made their plane show “Flyer”.

In the green space between Via Appia Pignatelli and Tuscolana are the arches the aqueducts that they amounted in 535 AD the Goths Vitige to lay siege to the city, so it is still known as “barbaric field “.

The architect Fontana by order of Pope Sixtus V used part of the same arches at the Tuscolana, knocking down the three spechi Roman aqueducts (water Marcia, Tepula and Iulia) that rested there, to build in their place the cave Aqueduct happy with which it was fed Fontanone of Moses to Largo Santa Susanna.

Castles and towers

At the turn of the main Via, the large park of Villa Gordian, a medieval fortress is found to control traffic into and out of the city, built on Roman ruins in the Middle Ages using the material partially collapsed from the octagonal room.

In 1347 beside this fortress troops camped the column that went to fight the tribune Cola di Rienzo. Less known are the origins of the turreted tower via Formia that appears in Pasolini's film “The beggar “.

There are countless roads, interpoderali, farmhouses and barns only minimally adapted and made available to the citizens, but for the most part abandoned in the open waiting for new reuse.

But we often forget, however, to safeguard the heritage that Rome can still offer us, more and more areas of the Agro Romano are reduced where there are lush groves, endless meadows still browsed by grazing flocks, waterways born miraculously untouched by the numerous mineral springs exist close to the city that frame to the ancient ruins, representing a wealth for the city both from an environmental and economic point of view.

An achievable goal is to achieve in this large area with an integrated economic system that is based on the promotion of historical, natural and cultural recovering such stretches of roads indicated in the old place names, fortunately downgraded and abandoned in green because non-functional for traffic modern.

Allowing on the one hand to protect and safeguard the territory and on the other to take advantage of a relapse intelligently touristy and therefore of great economic potential.

Pasolini in this area has shot all the films set in the villages on the outskirts of Rome.

The villages are finally disappeared as has unfortunately disappeared “Pine via Formia “background of the films of Pasolini, in their place there are green areas hitherto left uncultivated and wild, in which should be avoided overbuilding, enhancing them properly: after the happy marriage “Sport-Archaeology “that has characterized the Olympic Games in Rome in 1960, you could create a modern marriage “Green-archeology”.

Citizens' committees in the area gathered together under the auspices of the Centre Casilino have tried, so far successfully, to prevent unnecessary and harmful concreted residual proposing an alternative the establishment of an “Eco-museum “that enhances its attendance historic and scenic and is a driving force for economic recovery also in the area.

In fact, over the past thirty years' the original inhabitants from an internal immigration from various Italian regions, were added as a significant presence of immigrants from Eastern Europe (Poles, Romanians, Ukrainians, Slavs, Bulgarians) Asia (Indian, Pakistani, Bangladeshi, Chinese, Filipino, Vietnamese), Africa (Nigeria, Egyptians, Ethiopians, Senegalese, Moroccans), there are appearances of complete families from all nations in Central and South America.

At the same time the rapid increase of population in this area east of Rome, have gone instead of running out the presence of numerous crafts and small and medium-sized industries that had characterized the area after World War II, ensuring sufficient autonomy to the inhabitants work and economic.

The current reality makes this area one of the areas with the highest population density in the world, thus making it increasingly difficult to raise jobs for residents, forced to travel to other neighborhoods and increasingly turning the site into a dormitory with tendency to an expansion of the phenomenon at detriment of the residual green areas. In this situation that tended to impoverish the country both economically and socially, reacted first by offering citizens through the various local committees to which they adhered, both short-term interventions aimed at socialization and integration with many ethnic groups, carried out in school and/or social host, which in the medium to long term to meet the increasingly urgent job applications. This second goal more difficult to resolve, was to create employment expectations stable and long-lasting suitable for new and old residents. At the initial proposal “institutional” to respond to the demand for labor “cementificando” the remaining green areas, citizens have opposed the project of the establishment of a “Living Museum “distributed throughout the territory that redeveloping the neighborhood, by taking advantage of its many appearances historical, natural, cultural and archaeological sites, then acted as a driving force for other activities directly related to religious tourism and archeology has always been present in Rome, but having as a target recipient tourism “traveling” pretty much still very marginal in the city of Rome, while it is be the most effective in extending the average time presence of tourists, currently limited to only 2.5 days.

European countries that have long been able to give answer to this question of tourism are managed in a short period of time to substantially exceed the number of tourists who saw Italy ranks first in Europe to tourist flows, but then remained stable over time due to the total lack of promotion initiatives adapted to the new requirements, while in other countries such presence grew so disruptive! It may be underestimated as the presence of many ethnicities and nationalities in this broad area may in time result in a recall for their compatriots, if this flow was intercepted with appropriate initiatives by hospitality and entertainment, would shift a part of the tourism that now revolves essentially only on the Old Town, in the eastern part of Rome while making a significant impact on employment and economic.

Eco Museum: a journey eco-archaeological

The peripheral area to the east of the city of Rome in immediate contact of the ancient defensive walls of the city built by the emperor Aurelian in the third century is particularly rich in vestiges of late imperial Rome and Christian of the time of Constantine.

The findings, in quality and quantity, are second only to the remains universally known that lie at the heart of the City.

Porta Maggiore from which come the consular roads Labicana, Prenestina and is the culmination of a vast archaeological site where converge eight of the eleven aqueducts that brought water to the city feeding the fountains and baths of which was rich.

Depending on the altitude of the sources from which the water was taken and the path to reach the city, part of the aqueducts grow underground, partly in elevation, of the latter are clearly visible in the long series of arches that surround the country before to Rome, and often are in the final stretch now surrounded by modern houses built during the last century without an adequate criterion for environmental protection. Spread a little everywhere in the surrounding areas between the two consular Labicana and Prenestina are found significant presence of imperial residences, spas, paved road, basilicas, tombs, catacombs.

The area retains fortunately still ample green areas, the maintenance of which, however, is continually threatened by a high population density, which tends to expand and it is difficult to keep under control, preventing misuse and devastating.

The main focus of the course eco-archaeological lie in the Mausoleum St Helena and from the Park of Villa de Santis around him.

The underground catacombs of Saints Peter and Marcellinus, among the most beautiful in Rome, relics have been supplying to many churches in Europe and will soon be open to the public on an ongoing basis.

A dense network of branches in the underground tunnels, the remains of quarries excavated since Roman times but exploited to this day, used as a bomb shelter during the bombing of St. Lawrence in July 1943, after World War II became the deposit of stolen goods to hide it to the police. For many years used as a "mushroom farms" have become in recent hospitalization of the poorest of the poor. Nothing new in this area shaped like a triangle with the vertex at the Porta Maggiore and Via Appia Pignatelli sides and via Tiburtina, the arches of the aqueducts in attendance are served in the past by walls and roofs of the barracks built by those who came to Rome from the south in looking for work. The risk now of the overbuilding of this territory is averted, to make it accessible to many who still do not know him, by enhancing environmentally friendly that it also has significant economic impact.

The naturalistic and archaeological could be a strong support to new educational activities, cultural, recreational and tourism in harmony with the land and those who inhabit it, as an added stimulus for similar initiatives in other parts of Italy with similar characteristics.

Among other things, the area is located on either side of two major universities in Rome (Sapienza and Tor Vergata) and it is therefore natural landmark housing for the thousands of non-resident students who reside there spontaneously effectively contributing to its economy, without

which so far administrative structures of cities have implemented measures of mobility and social acts to characterize and enhance this presence by exploiting full potential of the many which it bears. The idea initially pursued by the various city governments to build new homes and shopping centers, after a transient initial boom, finally stifle the neighborhood, worsening living conditions, as well as clean air, contributing to the degradation of civil society !

The prospect instead, is to create I'ECOMUSEO URBAN CASILINO AD DUAS LAUROS through the systematization of cycle and pedestrian paths between the existing green areas in the Alpine Casilino and appreciate the history and culture (Roman Agro, historic villages, Mausoleum of St. Helena, via Francigena, ...), taking the existing buildings (houses) and new activities related to sustainable tourism through the creation of numerous jobs: sober and sustainable economy.

The Eco-Museum

A green lung intact and untouched that restores oxygen in the area, a meadow in the middle of the neighborhood, but a lawn that can trigger new energy, economic, cultural and environmental. A place where you preserve and enjoy both the natural assets (the park), both archaeological (monuments) and cultural ones (the history of the territory).

Serve the environment because green is used because it preserves the history, because people need to relax and enriched as a museum, in serving the neighborhood because it helps to make it more civilized, serves the economy because it increases the flow of tourists.

Defending the Turf

Use green spaces for residents and all those who flow into the sector attracted by cultural appeal and the services offered. For residents, for example, creating the Botanical Gardens, the gardens where social who wants to can grow a garden, have occasion to strengthen social relationships and strengthen bonds between people, not least be an example and education for young people. For those who sent and who do not reside in the district to create tourist services, or camper pitches for caravans, toilets, bike rental, sightseeing arrangements archaeological and / or plant reconstruction of historical events.

Valuing Culture – Rediscovering the immense historical and cultural value of the district Casilino, the catacombs SS. Peter and Paul, the mausoleum of Saint Helena, Villa Gordian, the new findings brought to light by excavations of the underground line C; connect with the parishes and with the existing realities in the area to raise awareness and publicize the value of the land and turn it into a center of cultural tourism, which engages in the circuits of archaeological and tourist Roman system, which has its fulcrum in the Coliseum, in St. Peter's, in the center of Rome.

Jobs and entrepreneurship – Create a tourist attraction for Italy and for the world. Use the lure of taking advantage of the proximity to the culture universities to increase the wealth of the territory, for traders, for homeowners (hospitality spread through the hotel), for owners of Bed & Breakfast, for hotels, boost and create new opportunities, improve services, improve roads, cleanliness, the decor, the shops in the neighborhood.

To become the District Casilino a tourist district rich and famous: those who do business in the money we earn, those who live there also gains in services. The focus of this intervention has been identified in long-lasting opening of the catacombs of the martyrs Marcellinus and Peter that develop in the area below the mausoleum of St. Helena, mother of Emperor Constantine buried in the mausoleum above after having worked in the construction of some churches holy land, research and safekeeping of what still remained of the signs of Jesus' passion.

The pots (amphorae) of the mausoleum in the walled tower and partially visible as a result of the collapse of some sectors of the time give the name to the neighborhood of Torpignattara, are without doubt the most beautiful in Rome for the rich decorations in the church and chapels dug deep into the volcanic tuff and now finally restored for the intervention of the “Archaeology Vatican.”

Unfortunately, for various reasons it was not possible until recently ensure its opening to visitors, so they are still little known to the general public: even among many residents are unaware of even the presence.

To be able to open them over the few days planned on the occasion of the anniversary of the martyrdom of Saints Peter and Marcellinus who had been buried, but had to overcome the problem of their safety measures, which would allow the faithful and tourists to visit them throughout the year.

The obstacle seemed insurmountable until recently due to the high costs required to carry out the work and to restore the places and frescoes. The economic recession prevailing in the country was certainly not help to funding!

And instead of just two years ago thanks to the generous donation received from the “Heydar Aliyev Foundation “of the Republic of Azerbaijan you are overcoming this obstacle: a true miracle! In fact, soon to be established which will finish the work in progress in a first section of the catacombs.

The financial support to Archaeological Superintendence Vatican by Azerbaijanian, which saw the Islamic Republic contribute to the restoration of a work of high significant for the Christian faithful, has not only had a relapse “technical”: the event is in fact so unusual in the current situation of conflicting reports exist in the world that has not gone unnoticed by the citizens who wanted to meet the Ambassador of the Republic of Azerbaijan dr. Vadif Sadiqov.

A delegation of the Observatory Casilino representation of nationals of Torpignattara could formally meet with the Ambassador to express the great satisfaction of the residents for their generous contribution.

During the long conversation that followed, the interpreter present, the Ambassador has got to be the strong ties and the long friendship between their respective countries, for example, as pointed out in the vicinity of the capital Baku has been brought to light an "autograph" "the centurion Lucius Julius Maximus of Legio XII "Fulminata" "(bearer of lightning) engraved on a block of stone that turns out to be the written testimony of the Roman presence in absolute placed at greater distance from the Urbe! Marco Polo along the "Silk Road "has crossed this country telling the fires that sprang miraculously "the stone "actually originated from the "oil" of which this country is rich, making it one of the main economic partners of Italy.

The donation received will help to secure the Catacombs of Saints Peter and Marcellinus ensuring its opening to the public as anticipated by Cardinal Ravasi President of the Pontifical Commission for Sacred Archaeology in a recent interview. The "Foundation" named after the father of the current President of Azerbaijan is in fact committed to the promotion of culture, and not only at national level. In July of 2012, during the visit to Italy of the President, his spouse Mehriban Aliyeva and the Foundation 's President, wanting to pay tribute to our country, has set aside a large sum of money to the restoration of some rooms of the Capitoline Museums and the paths visit the Catacombs of Torpignattara.

These cover an area of 18,000 square meters under the Villa de Santis: One of the entrances is located in the nearby Mausoleum which with its "hollow "walled in turn gives name to the neighborhood; originally intended to receive the body of emperor Constantine was instead used for the burial of his mother Helena. They are among the largest and most beautiful catacombs of Rome, thanks to the numerous frescoed chapels that are found there.

The completion of the work, already underway, is expected by 2013 in parallel to the anniversary of the 1700 years of the Edict of Milan (313 year) with which the emperor Constantine made permanently free Christians to express their faith publicly.

When enter the current year, the main evidence of the presence of Christian Torpignattara (Catacombs Mausoleum) may be opened to public, they will complete a circuit exceptional historical, archaeological and religious, are able to promote a tourism economy supported by additional appliances in existing area and very close to Porta Maggiore and the underground basilica, the Basilica of Santa Croce in Gerusalemme, the aqueduct of Alexandria and the way Mandrione, the via Francigena, the tower / main Via tomb, the dovecote of I.go Preneste; the Constantinian basilica and the mausoleum of Villa Gordian, the villa at Duas Lauros.

Implementing by the city administration the necessary forms of protection and enhancement of the environment, the "circuit "will attract first itinerant tourism, religious and secular, that still does not find adequate accommodation in Rome, which would be beneficial to the city especially to the inhabitants of Torpignattara, helping to reduce uncertainty about the future that sadden our young people, by providing alternative employment series.

And in fact the guidelines approved by the new City Council recently elected do their own analysis and solutions proposed by citizens through the Observatory: refusing any new construction in the area; pledging to cooperate with the Superintendent that the Vatican and Italian monuments are accessible and visitable, encouraging the creation of hostels, guest houses, B & B, rest areas for campers; acquiring first of all areas of the district are still green Casilino managing them with the Archaeological Park of Centocelle.

All this just a few years ago it was a dream, the thrust derived vivifying the attention that the Republic of Azerbaijan for this territory was the yeast that is making the dream come true.

Find that a Muslim organization has taken charge of the restoration of a Christian monument is an event not only unusual, but very brave in this period, in line with the exhortations of brotherhood

among peoples and among the various religious denominations that Papa Francesco since was elected with force is proposing to the Christian people.

At that first meeting with the Ambassador Sadiqov, others are followed over time by consolidating a relationship of mutual understanding and friendship and since then it Torpignattara citizens groups are present in the celebrations during the year are organized by the Embassy to cement the good relations between the two countries, in turn, representatives of the Embassy responded to the invitation to be present at St. Peter and Marcellinus in the days when the local parish celebrates the two saints who are buried there, and from which it draws the his name.

The very presence of the International Humanitarian Forum in Baku representation Observatory Casilino it is tangible proof.

Mr. Luigi de Magistris
Mayor of Napoli, Italy

Humanitarian aspects of sustainability problem of economic development: Model of Napoli

Ladies and Gentlemen, good morning and a warm greeting from Naples to all of you!

I wish to thank the organizers and the Government of Azerbaijan for honoring me with the invitation to this Forum and for the chance I'm given to contribute to it, in my capacity as the Mayor of a town which I consider to be the capital of Southern Italy: Naples.

As a Mayor, I firmly believe that we must try to build new economic models, starting from our communities. We must put an end to the exploitation of our territories, to the depredation of our resources, as well as to sheer consumerism and the mortification of our landscapes and cultural heritage.

Time has come, instead, to think that the safeguard and development of our resources may provide us with an opportunity, not only to preserve our future, but also to achieve a new economy.

Economies based on the respect of nature and the preservation of common goods.

This kind of politics, rooted into a strong democratic participation by the citizens, also allows the attainment of an egalitarian development pattern and a strong social impact.

We have in fact to move beyond both a State-centered conception, according to which all must proceed from the State or the public sector, and the ever more prevailing thought which views privatization at large –from water, to territories and even culture- as the only recipe to cope with the global economic crisis.

In my opinion, on the contrary, a concept of profit combined with social utility must be encouraged, where both public and private resources are instrumental to social projects, as well as to the safeguard of common goods and the improvement of the quality of life of the territories where we live. Investments must aim at the reinforcement of all human beings' living conditions, without any distinction.

Today, people need moments of brotherhood and sociality: they need places where to meet and live in peacefulness. This is the reason why, along with an economic model mainly based on social cooperation and the citizens' participation, we strongly need a politics committed to recover all urban spaces, with a view to turn them into better opportunities for daily life and socialization, within a sustainable economy, and in full compatibility with the preservation of those same urban spaces.

In a word, being matters more than having for us, and persons matter for what they are and not for what they have or the way they look.

The theory of universal consumerism comes with the belief that human beings have a social dignity only if they possess many things and much money; whereas, for us, social dignity lies in the effort to make environmental contexts more human and to make people feel more in peace with themselves.

In the city of Naples we are trying to enforce urban spaces regenerating policies, in the belief that the people's wealth and safety come also through a widespread usage of public spaces from all citizens, where the city, its squares and roads, become an open meeting place among peoples.

In such a way, new economic activities can flourish, focused on local traditions, on civic agriculture, on artisanship, tourism, commercial activities, as well as on technological innovation and creativity.

Naples is the European town with the single largest number of young people and a profoundly creative city: creativity in both the preservation of our roots and in opening up to the challenges of globalization.

We above all love to practice the globalization of peoples and their rights, more important than that of goods and capitals. Furthermore, economic models based on the grass level people's participation and on the development of common goods find their center of gravity and compass in the person and in human rights.

Naples is an inclusive city of peace, a city by the sea, where different cultures and religions have been living together since thousands of years. Naples is the city where a person born on its soil, also from non-Italian parents, is viewed to all effects as a Neapolitan, and therefore an Italian citizen.

Our policies are based on a "zero kilometer" agriculture, which safeguards genuine products from our lands, as well as on public water and environmental "zero wastage" policies, aiming at re-usage and recycling.

We are proudly working on a worldwide promotion of the "made in Naples" brand, that is to say a city full of history and traditions capable to open up to change, as all international cities committed to a new economy from the grass root level, which is neither capitalist nor socialist, as it considers social economy as an engine for the construction of new balances.

For our city emotions are the real GDP (Gross Domestic Product).

If many of us are convinced that emotions not only make us live better, both as individuals and as a community, but are also a source of real economy, we may have started to cope in a different way with the economic crisis, as well as with the moral, social and economic crisis which haunts the beginning of the third millennium.

Гуманитарные аспекты экономического развития

Предложенная к обсуждению Форума тема имеет важное мировоззренческое значение. Переживаемый период научно-технической перезагрузки мировой экономики, преодоление её кризиса, социальных проблем, вызывает необходимость защиты гуманитарной базы ценностей, выработанных человечеством за всю его историю. Процесс развития жизни современных обществ характеризуются такими ведущими трендами изменений культурных форм, как глобализация, информатизация, культурное многообразие и индивидуализация. Необычайно возросла динамика и глубина социальных изменений, социальность стала сверхсложной и многоукладной. Не будет большим преувеличением сказать, что человечество в наше время находится в исторической точке своеобразного подведения итогов развития индустриальной цивилизации и выработки видения перспектив дальнейшего развития возникающего в наше время нового глобального сообщества, а это предполагает необходимость переосмыслить приоритеты общественного развития в том виде, как они сформировались в предыдущую историческую эпоху. Эта исторически беспрецедентная задача предполагает необходимость выработки как новых теоретических подходов, так и формирование новых социальных практик.

В корпусе гуманитарных наук принято, что гуманитарные аспекты развития современной цивилизации исследуются на различных общественно-онтологических уровнях – индивидуальном, социально-групповом, национальном, субрегиональном и, наконец, эти процессы можно изучать на глобальном уровне. Соответственно специфике взаимодействия на этих уровнях социальной самоорганизации выделяют доминирующие функции культуры – ценностно-конструктивную, общественно-объединяющую и гармонизирующую. К сожалению, в условиях современности кризис культуры охватывает все эти уровни, вплоть до глобального. Принимая во внимание то, что институциональная дифференциация современного обществоведения приводит к возникновению ложных онтологических представлений о соотношении “социального и культурного, истолкованию их как различных сущностей” [1.] заметим, что экономические, производственные процессы истолковывается вообще как безусловно детерминирующее начало. Это порождает субъективное ощущение исчерпанности культурно-цивилизационного уклада, возникшего в период Нового времени, что имеет объективные причины и усиливается перманентной дивергенцией технологической и гуманитарной составляющей, углублением фундаментального разрыва между материальными и духовными общественными ценностями, что, в свою очередь, самым непосредственным образом находит свое выражение в доминировании технократических ценностей среди социокультурных оснований экономического развития подавляющего числа современных наций. Еще в последней четверти прошлого века замечено, что “технократы предлагают нам хлеб, и это хорошо. Однако они требуют расплачиваться за него своей человечностью” [2.] и, вместе с тем, эта проблема не утрачивает своего фундаментального значения как для сегодняшних процессов жизни человечества, так и для сохранения его перспектив на планете в обозримом будущем. Осмысляя способы и направления использования достижений науки и техники в современном обществе, многие мыслители констатируют, что современная технология действует в условиях морального вакуума. Более того, можно наблюдать усиливающееся расхождение между дискурсами морального самосознания технократов-экономистов и гумани-тариев. В первом из них сформировалась и действует циничная логика “голового чистогана”, согласно которой то, что имеет значения как источник прибыли, то и является морально

обоснованным. Второе дискурсивное пространство обходит эту проблематику или же ограничивается морализирующей критикой. Культурологический дискурс создает перспективные основания нахождения общих концептуальных полей, создания новых практик этического развития технологического и экономического компонентов человеческой цивилизации. В частности, картезианская историко-культурная парадигма, которая основывалась на идее “противоборства” очеловеченного и неочеловеченного природных миров, уже не может рассматриваться как онтологически релевантная современности и, тем более, перспективам нашего бытия. В контексте переосмысления содержания соотношения общества и природы, на первый план в данном аналитическом и практически-деятельностном аспекте выдвигается проблема несовместимости между краткосрочными, узко-прагматичными целями производства-потребления, с одной стороны и сравнительно долгосрочными глобальными “программами выживания” (survival programs). Достижение состояния мирового равновесия требует, прежде всего, соответствующей реконструкции всей системы общественной жизни, результатом чего стал бы “нулевой рост”. Однако в условиях доминирования законов рынка такое состояние вряд ли достижимо. Без изменения общего отношения человека к своей роли на планете, человечество обречено барахтаться во все усиливающихся волнах всевозможных кризисов – экологических, экономических, политических, экзистенциально-мировоззренческих. Следует признать, что “нынешний глобальный кризис ... является прямым следствием неспособности человека подняться до уровня, который соответствовал бы его новой доминантной роли в мире, осознать свои новые обязанности и ответственность в нем” [3]. Используя метафору К.Маркса, можно сказать, что человек по-прежнему находится в положении волшебника, вызвавшего своими заклинаниями силы, с которыми не может справиться.

Характерной чертой современности является высокая насыщенность всех сфер жизни человека и общества технологиями, которые увеличивают масштабы и глубину человеческой деятельности. Индустриальная организация жизни общества со свойственными ей прагматическими ценностями и нормами организации деятельности, высокой степенью разделения труда (ставшей уже непосредственно глобальной), заменой живого труда (в том числе интеллектуального) машинным, а также индивидуализацией к началу нынешнего века стала практически тотальной. Мы говорим сегодня о “социальных технологиях”, “индустрии развлечений”, “индустрии медиа” и даже о “культурных индустриях”. Богатство человеческой культуры, развивавшейся тысячелетиями, переосмысливается в свете этих изменений, протискивается сквозь узкое горлышко прагматичного взгляда на мир. Человечество стало доминирующей на планете силой, вышло в своих возможностях за природные пределы, в которых оно формировалось. По этому поводу Е.Ласло совершенно точно заметил в своем докладе “Цели человечества”, что “Критические границы, которые противостоят человечеству, являются не физическими, а человеческими” [4]. Век двадцатый ужаснулся способностью производить антигуманные социальные и материальные среды, этот опыт должен быть осмыслен и усвоен. Поэтому проблематика дальнейшего развития человечества смещается из сферы исключительно технологической (динамика производства, технологии, ресурсы) в сферу ценностных и целевых ориентиров производимых человечеством материальных и духовных ценностей. Таким образом, существуют достаточные основания утверждать, что наиболее значимыми являются вопросы внутрикультурные, собственно человеческие. Поэтому острота вопроса состоит не столько в прогрессирующей динамике объемов современного производства в условиях количественно ограниченных ресурсов, сколько в качественных характеристиках и целевой направленности этого производства. Ведь “рост ради роста нередко противоречит интересам человека – он может скорее снизить, нежели увеличить качество жизни. Экономический рост должен подчиняться гуманной цели и происходить лишь в том случае, когда он способен выполнить эту функцию. Дальнейший рост загрязнения окружающей среды, засилья автомобилей на улицах, городских конгломератов, автоматизации и обезличенной бюрократизации, которые, несмотря ни на что, противоречат чело-

веческим интересам, хотя они и могут рассматриваться как вклад в экономический рост, измеряемый такими количественными показателями, как валовый национальный продукт, внутренняя прибыль и оборот международной торговли. Ведь прогрессивный рост может происходить и во многих других сферах, где человеческие потребности в действительности удовлетворяются...” [5]. Эти, прозвучавшие более чем тридцать лет тому назад в указанном докладе предостережения не остались не услышанными, однако за это время возникли новые техногенные среды со свойственными им угрозами. Столь же актуальным остается необходимость перехода от измеряемого исключительно количественными показателями “недифференцированного роста” к росту, в котором были бы различимы благоприятствующие и препятствующие культурному развитию факторы. Особенно актуально это относительно развития экономики всемирной сети Интернет, которая оказывает влияние на мир духовных ценностей человека в такой степени, которая сегодня еще слабо осознается. Ценности экономической жизни должны быть выведены за рамки технологических нужд и направлены в русло самосозидания и самореализации человеческой личности. Кроме того, такой подход позволит избежать противоположной крайности – технологического скептицизма. Формирование перспектив дальнейшего социокультурного развития, как и пятьдесят лет назад, нуждается “не в слепой оппозиции прогрессу, а оппозиции слепому прогрессу” [6]. Иными словами, диспропорция между техническим и моральным развитием, которая воспринимается сейчас уже как неоспоримый факт, требует постановки и исследования моральных проблем в неотрывной связи с контекстами этических императивов, духовных ценностей и целей человека. В сегодняшней социально-исторической ситуации именно эти “гуманистические измерения” должны быть базовыми показателями релевантности ориентации и степени технического роста в культуре. Человечество столкнулось с проблемой цивилизационного роста, сущность которой состоит в том, что рост технической сферы значительно опередил рост сферы гуманитарной. В сфере общественного сознания технократические установки и ценности занимают доминирующее положение и всё, что связано с развитием гуманитарной составляющей общественной жизни по-прежнему рассматривается как нечто второстепенное, уместное лишь как некоторое дополнение. Следует признать, что при всей нынешней риторике актуальными остаются слова Аурелио Печчеи: “любые новые достижения человечества, включая и те, которые обычно понимают под словом “развитие”, могут основываться только на усовершенствовании человеческих черт, и именно на этом мы должны сконцентрировать свои усилия, если мы хотим действительно “расти” [7].

В то же время как важнейшая среда самореализации каждого человека экономика должна быть организована так, чтобы давать возможность человеку реализовывать свою сущность, находить, по выражению украинского философа XVII века Григория Сковороды, тот “сродственный труд”, который сделает его счастливым среди людей. Лишь в этой ситуации будет осуществляться взаимоприемлемая связь между людьми, не будет почвы для конфликта по линии индивидуальных и общественных интересов. Поэтому культивирование гуманистических ценностей в сфере экономики выступает также и актуальной задачей построения гармоничного общества, лишённого конфликтности на уровне системной организации.

Сказанное обосновывает тезис о том, что возможность выживания человеческой цивилизации существенно связана с необходимостью формирования и утверждения новых этических принципов, гуманистической цели развития отношений как в самом обществе, так и в отношениях человека с природой. Иными словами “должна быть развита новая этика использования материальных ресурсов” [8]. Необходимость этой задачи все чаще звучит в современных социально-исторических, культурологических, философско-антропологических исследованиях, в контексте которых культурно-кризисные процессы, приводящие в движение сегодняшний мир, ассоциируются, прежде всего, с дезориентацией человека в общественной сфере. Человек беззащитен перед реальностью, которую он сам же и создает. При этом основным показателем кризиса современной мировой культуры является то обстоятель-

ство, что она перестает быть гармонизирующим началом бытия человека в природе и обществе, становясь, вопреки этому дисгармонизатором, оказывает деструктивное влияние на личную целостность индивида.

Сам этот факт является ярким выражением исчерпанности конструктивного потенциала базовых парадигм современной культуры как глобального феномена, что, в свою очередь, с неизбежностью порождает все более прогрессирующее ощущение незащитности и бессилия человека перед социальными институтами, которые организуют его жизнедеятельность, неприятие такого способа жизни. Экономика является по-прежнему важнейшим и основополагающим среди всех социальных институтов, она оказывает на них значительное, порой определяющее, влияние. На этой основе развиваются отчуждение и деперсонализация человека, развиваются процессы кризиса таких важнейших социальных институтов, как семья, религия, право. В этой ситуации все более выразительной становится атрофия чувства равнодушия к своим близким, оно вытесняется различными формами социальной индифферентности, растет социальное одиночество. Человек, формирующийся в условиях современной цивилизации уже не только перестает страдать от невозможности и неспособности проявить свои человеческие способности и возможности, а начинает стремиться к обратному: “Всячески подчеркиваемые в отношении незнакомых людей высокомерие и равнодушие уже не воспринимаются как проявление внутренней неотесанности и брутальности, а квалифицируются как благородное поведение. Да и само наше общество перестало признавать за всеми людьми как таковыми человеческое достоинство и человеческую ценность. Определенная часть человечества стала для нас человеческим материалом, вещами” [9]. Такого рода дегуманизация общественной жизни приводит в конечном итоге к тому, что исключительно экономический статус и материальный успех становятся доминантными критериями ценности человеческого бытия в культуре. Таким образом, не духовное, а материальное богатство имеет решающее значение в формировании ценностных установок человека, не собственный индивидуально-личностный мир определяет его общественное лицо, а “вещественные” и финансовые приобретения. Тем самым, как небезосновательно считает А.Печчеи, “человек постепенно превращается в гротескного, одномерного Номоеconomicus” [10]. При этом природа человека все же не меняется – поэтому в ситуации (выражаясь в категориях философии Г.В.Ф.Гегеля) отчуждения индивида от своей действительной сущности сам индивид страдает, не находя возможности реализовать все богатство своих жизненных способностей.

Парадоксальная кризисная ситуация в современной культуре порождает вполне предсказуемую реакцию её исследователей. Речь идет о том, что в контексте ведущих аналитических направлений в этой области прослеживается соответствующая инверсия критериальных измерений развития цивилизации. Если до “поворотного пункта” культурной истории это развитие характеризовалось преимущественно мерой возрастания материального благосостояния, то теперь, как перефразирует известное выражение Э.Фромма французский исследователь Ф.Сен-Марк, “любое истинное продвижение человека непременно предполагает переход от цивилизации, основывающейся на почти исключительно на том, чтобы “иметь”, к цивилизации, которая все больше и больше стремится к тому, чтобы “быть”, что означает прогрессивную “дематериализацию Запада” [11]. Иными словами, одним из факторов, которые будут благоприятствовать преодолению кризиса, является такая трансформация базовых культурных парадигм, следствием которой стало бы существенное изменение способов социального самоутверждения индивида. Такое самоутверждение должно предполагать не столько необходимость иметь больше, чем необходимо для поддержания достойного существования, сколько потребность человека быть чем-то большим в общественно –личностном плане. Мы видим на примерах стран Запада (с его старыми, социализированными капиталами) и Востока (с новообразовавшимися “нуворишами”), что с утверждением своего материального благосостояния человек, не опустившийся в ходе его достижения до уровня культурного примитивизма, ощущает все большую потребность в раскрытии и реализации своих

“внематериальных” черт. В свою очередь, формирование культуры экономических элит во многом зависит от общества в целом – приятие или неприятие определенного способа ведения бизнеса, определенных его образов в общественном сознании, способно существенно воздействовать на формирование целей и средств, которыми эти элиты пользуются.

Анализируя возможные направления перспективной переориентации культурной истории, большинство исследователей склоняется к мысли о том, что оптимальным было бы смещение акцента с развития разного рода технических возможностей и навыков индивида на совершенствование его собственно человеческих качеств. В культивирующей деятельности “нам удалось усовершенствовать отдельные черты у атлетов, космонавтов и астронавтов; усовершенствовать машины, приборы и материалы, улучшить породы кур, свиней и сорта кукурузы; мы достигли значительных успехов и в повышении производительности труда человека, увеличили его возможности быстро читать и научили общаться с компьютерами. Однако мы никогда всерьез даже не пытались сделать более острым восприятие им самим своего положения в мире, повысить осознание той силы, которую он теперь имеет, развить чувство глобальной ответственности и способность оценивать результаты своих действий” [12].

С другой стороны, духовная культура, будучи средством упомянутого развития индивида в направлении повышения и усовершенствования его “человеческих качеств”, выявляет перманентное углубление разрыва между актуализированными в социуме и общечеловеческими ценностями. При таком условии “массовизация культуры” происходит не путем постоянно расширяющегося и углубляющегося привлечения масс к овладению духовными богатствами человечества, а по линии примитивизации, фактического сворачивания культурного опыта до уровня обыденно-приемлемых форм. Это обстоятельство рельефно отображается на состоянии и характере современного образования, которое также переживает не только организационный, но и глубокий содержательно-целевой кризис. В этих условиях следует признать, что “глобально-масштабной тенденцией дальнейшего развития культуры должна стать такая её гуманизация, которая предусматривала бы прежде всего перенаправление её вектора от доминанты производства средств подчинения природы на акцентированное подчинение последнего проблемам создания духовного мира самого производителя, гармонизацию его личностного и общественного бытия” [13].

Переходя в практическое измерение и следуя принципу “мыслить глобально, действовать локально”, необходимо заметить, что технократизм современных экономик преодолим только на основе реализации таких проектов, в которых поиск и реализацию путей цивилизационного развития вели бы совместно представители бизнес-сообществ, гражданского общества и государств. Обладая различными позициями и взглядами на процесс общественной жизни, обладая различными ресурсами и инструментами влияния на него, осмысляя общность проблематики, мы сможем выработать новые решения и построить соответствующие их специфике социальные механизмы.

К примеру, в Украине предпринимаются попытки сформировать такую связь, – как на уровне регионов, так и на национальном уровне мы проводим обсуждение необходимости формирования социально ответственного бизнеса, показателями роста которого были бы гуманитарные измерения тех сред, в которых он работает. В перспективе – формирование Концепции гуманитарного развития, которая на уровне государственной политики призвана укреплять и поддерживать эти тенденции. Кроме того, Украина приняла активное участие в национальном обсуждении и подала свои предложения в выработке новых целей для человечества ООН [14].

Украинское общество, переживающее глубокие социокультурные, политические и экономические трансформации, позитивно восприняло глобальные цели тысячелетия, сформулированные в Декларации тысячелетия, принятой в 2000 году на сессии Генеральной Ассамблеи ООН и утвержденной 189 странами мира. Преодоление бедности, обеспечение

качественного образования, снижение материнской и детской смертности, преодоление эпидемии социально детерминированных заболеваний, достижение гендерного равенства и обеспечение устойчивого развития окружающей среды были инсталлированы в систему приоритетов национального развития и обеспечили расширение горизонтов национального развития в современном мире. Определенные Декларацией тысячелетия глобальные цели в процессе адаптации к украинской ситуации были скорректированы. Надеемся, что к их достижению изменит украинское общество, расширит и укрепит его гуманистические принципы, будет содействовать человеческому развитию, станет катализатором изменений сознания населения, приведет к появлению новых смысловых горизонтов и видения будущего. В процессе общенационального обсуждения, проходившего среди широких кругов общественности, а также в различных профессиональных экспертных средах украинское общество выработало свое видение приоритетов развития на период после 2015 года, которое было выражено в национальном докладе “Украина после 2015: будущее, к которому мы стремимся” [15]. Выработка этого документа показала, что процессы социально-гуманитарной переориентации общественного развития в нашем обществе понимаются как актуальные и приоритетные.

Ссылки

1. Дослідження культури: концепції та практики: Збірник наук. праць / наук. ред. Щербина В.М., К.: Інститут культурології НАМ України, 2010, с.12
2. Roman S., Loebl E. *The Responsible Society*. – N.Y., 1977, 159–160
3. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980, с.44
4. Lazlo E. et al. *Goals of Mankind. A report to the Club of Rome on the New Horizons of Global Community*. – N.Y., 1977, p.258
5. *ibid*, p. 303
6. Meadows D. et al. *The Limit of Growth*. – N.Y., 1972, p.154
7. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980, с.224
8. Mesarovich M., Pestel E. *Mankind at the Turning Point*. – N.Y., 1974, p.147
9. Швейцер А. Культура и этика. – М.: Прогресс, 1973, с.46
10. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980, с.224, с.47
11. Сен-Марк Ф. Социализация природы. – М.: Прогресс, 1977, с.28
12. Культура України в глобально-цивілізаційному вимірі (історико-методологічні аспекти): монографія, Василь Шейко: Національна академія мистецтв України, Інститут культурології. – К., 2011, с.15
13. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980, с.224, с.55–56
14. режим доступа: <http://www.un.org.ua/ua/information-centre/news/1645>
15. режим доступа: <http://post2015ukraine.org/posts/26>

Concepcion Olavarrieta

Mexican Node Chair Vice-Chair of the Board of Directors

New mexican actions for migrants better future

Good morning to all of you.

Prof. Dr. ShamsaddinHajiyev, rector of Azerbaijan State Economic University (ASEU) thank you very much for your invitation to this great event.

I come from a country that is on the same meridian as Azerbaijan. In Mexico we are more than 118 million people and we are a multicultural nation, our mother language is Spanish. We have strong traditions and influences from our prehispanic cultures as well as from our conquerors, the Spanish and the French.

As you can see, we are neighbors with the United States of America, the country that pays the highest salaries in our region.

This is the reason why there are so many migrants crossing through my country with the hope of realizing the American dream.

Besides Mexicans, there are more than 450,000 Central American migrants transiting through Mexico every year. The trip lasts up to four months. There are different ways of crossing the country to reach the US. During their journey, they have to face hunger, betrayals, attacks, extortion, human trafficking, kidnapping, intimidation, pressures from third parties and all kind of unexpected violations of their fundamental human rights.

Once they arrive, they have to do their crossing by themselves, or with the help of smugglers. This is part of the story that I will be speaking about.

But first, I want to mention to you that as part of the 50 Nodes of The Millennium Project, we are fortunate to have easily access to updated information from all over the world through the Project's Global Futures Intelligence System. For example, I got very quickly the following migrants information and the 3 maps that I'm showing.

International Migrants represent 3% of the world population, meaning that 215 million people are living outside their countries of birth. Many of the workers abroad send remittances home which the World Bank estimates reaching about \$550 billion in 2013 and \$594 billion by 2014, of which \$414 billion and \$449 billion respectively to developing countries. The 5 main receiving countries are: India, China, Philippines, Mexico, and Nigeria.

According to the World Bank, the 10 countries with the largest number of emigrants in the world are (in million): Mexico 11.9, India 11.4, Russia 11, China 8.3, Ukraine 6.5, Bangladesh 5.4, Pakistan 4.7, United Kingdom 4.7, and Philippines and Turkey with 4.3.

The countries with the largest number of immigrants are (in millions): the United States 42.8, Russia 12.3, Germany 10.8, Saudi Arabia 7.3, Canada 7.2, France 6.7, UK 6.5, Spain 6.4, India 5.4, and Ukraine 5.3.

Mexico, my country, has been receiver and provider of important flows of migrants. Over 10% of the population born in Mexico lives in other countries and regions of the world, mainly in the US, and about 1 million foreigners live in Mexico.

Mexico is defined as a country of emigration, transit and destination of migrants. Every year, thousands of Mexicans are targeting the northern border with the intention of going to the U.S., looking for work and a better quality of life.

On the other hand, each year, thousands of Mexicans residing temporarily or permanently in the United States come back to Mexico to meet with their family or start a business. To these flows are

added those migrants who are returned by U.S. immigration authorities, leading to a variety of migratory flows and circuits.

The Brasilia Declaration on the protection of refugees and stateless persons in the Americas was adopted by 18 Latin American countries in 2010. The Declaration calls for improved mechanisms for the protection of refugees, migrants, internally displaced people, and stateless persons in Latin America by addressing the new displacement situations. It reiterates the unrestricted respect of the principle of non-refoulement (non-forced return), including non-rejection at the border and indirect non-refoulement, as well as of the non-penalization of illegal entry, and non-discrimination, as the fundamental principles of international refugee law.

Following November's Brasilia Declaration, Mexico has passed a unique Law on Refugees and Complementary Protection, becoming the first country in the region to grant "complementary protection" for those not considered refugees but at risk of other threats.

The UNODC notes that migrants smuggling is an issue of increasing concern. In most cases, the high smuggling fees that migrants have to pay for their illegal transfer throws them into high debts, making them vulnerable to exploitation, slavery, or human trafficking.

In Latin America, 80% of illegal migrants use the services of smugglers.

The United Nations Office on Drugs and Crime estimates that worldwide, 79% of human trafficking is for sex work, 18% for forced labor, and 3% for other forms of exploitation.

The study Mexican Migration to the United States: Underlying Economic Factors and Possible Scenarios for Future Flows, recently published by the Wilson Center and the Migration Policy Institute, recommends that the migration flows for the near future should be forecasted using a model based on the demand for Mexican labor for the U.S. industry: sectoral growth and relative prices of inputs.

In the slide Demand of Employment by Sector, we can see the great contraction suffered by the U.S. construction industry in the period 2008–2012.

The Employment demand by education level shows the preference for hiring Mexicans with lower education level, than Americans.

For the period 2011–2017, net flows from Mexico to the United States could range from 230,000 to 330,000 people per year. This includes legal and unauthorized migrants and workers from all levels of education, employed, unemployed and dependent. This figure is clearly lower than the net entry of Mexicans from 1990 to 2000 that was about 466,000 per year.

So, if we compare this information with what it is happening in reality with the Central America and Mexican diaspora, we notice that there is no great future for working in USA. It will be very difficult for people to find a job and to reach the dream they are hoping for.

New economic policies have to be designed locally and regionally, because a big problem is coming.

If the new Immigration Reform is approved by the US Congress, of the citizens who will benefit, 62% will be from the Americas (Mexico, El Salvador, Guatemala, Dominican Republic, Honduras and Colombia), and 12% from Asia (India, China, Philippines, South Korea and Vietnam.)

Migrants transiting through Mexico

As I mentioned before, besides the Mexican diaspora there are more than 450,000 Central American migrants transiting through Mexico every year. Many of them are victims of pressures from third parties and all kinds of unexpected violations of their human rights, including mutilation and extraction of organs.

New forms of crime appear, as traditional forms of traffic ran the risk of being superseded by criminal organizations, some linked to other types of crime, such as drug trafficking, which are the most dangerous. These criminal organizations absorb people and traditional trafficking organizations and charge them right of crossing where they are settled. Traditional traffickers continue preying on migrants and both became victims of second level criminal structures.

The situation of undocumented migrants is also being transformed; they have developed their social networks and have created ways of communication with humanitarian agencies, networks of traffickers, institutions for the places of transit and destination, either for getting some form of assistance or for avoiding the kidnapping and death, which are the newest and more severe risks.

To carry out the crimes against migrants, the trafficking organizations combine people and local criminal networks with other regional, national and international ones. The railway network and the migrant shelters have become vulnerable places. In the courtyards of the rail network the kidnapers send their agents in advance to detect, sort, and distribute by circumstance the migrants in wagons.

The criminal networks use technological innovation and the extension of financial networks, particularly those that send and receive remittances, currently serving as a mechanism of payment to rescue hostage undocumented migrants.

If there is no possibility of ransom, the kidnapped victims may be required to pay their ransom by helping to kidnap others, or to care for the victims, or to join the ranks of kidnapers, or even they run the risk of being killed by the kidnapers.

Humanitarian shelters are exposed to infiltration by organized crime. Currently the infiltration of greatest danger is the new organized crime, sometimes looking for potential victims for kidnapping. These actions harm the migrants and the local communities.

Thousands of people are involved in the process of transit of migrants: some with solidarity actions reduce their risks along the way, others who seek to abuse them and profit from their transit.

An integral strategy includes government and civil society to tackle these crimes; now invisible, but it provides effective protection to migrants passing through Mexican territory.

Once they arrive to the border, a new challenge appears; how are they going to cross to US? by swimming or walking through the river, jumping the fence and walk into the desert, or cross by land hidden in cars, wagons or trunks with the smugglers' help.

In the Mexican State Report on Kidnapping, Extortion and other crimes committed against migrants in transit through Mexico, Beta groups are recognized by generally aiming to protect and defend the human rights of migrants and their property, regardless of their nationality and their condition--documented or undocumented.

Since 2010, the Government of Mexico is working on the implementation of actions to ensure the safety of migrants and combat kidnapping and other related crimes, such as extortion and other violations of their fundamental rights.

The new interagency collaboration strategy consists of 5 components: prevention, victim visibility through effective access to justice, frontal combat against crime, attention to migrant victims of crime, and strengthening international cooperation.

The challenge for kidnapping of migrants can not be addressed only by federal and local authorities in isolation. The continuous strong involvement of organized civil society is a mandatory; for example, implementing the actions of the authorities and helping with taking care of the victims.

Four working groups have been created: 1. Medical and psychological internal migration, 2. Attention to agricultural laborers and their families, 3. Training Migrants on Human Rights of Migrants and 4. Campaign complaint.

Today, Mexico and the countries of the region face a major challenge with the care of migrants and victims of crime fighting kidnapping and extortion of migrants, which can only be addressed in a comprehensive manner if society, state governments, non-governmental and international organizations are actively involved. The Mexican state has laws approval processes between organizations and federation, coordination between federal and local authorities to improve migration management, permanent civil society involvement in public policy actions, and communication with the regional governments, in order to coordinate actions between states more efficiently.

The recent modifications to the Mexican Migration Law focus the Mexican immigration policy in 12 principles:

Full respect for the human rights of migrants, foreign and domestic, whatever their origin, nationality, gender, ethnicity, age and immigration status, with special attention to vulnerable groups such as children, women, indigenous people, teens, and elderly people, as well as victims of crime. In any case, an irregular situation itself, preconfigure the commission of a crime nor prejudice the commission of crimes by a migrant by the fact of having an undocumented status.

Consistency so that the Mexican state guarantees the validity of the rights it claims for its nationals abroad, in admission, entry, stay, transit, deportation and assisted return of foreigners to its territory.

Comprehensive and commensurate approach with the complexity of the international mobility of people who attend the various manifestations of migration in Mexico as the country of origin, transit, destination and return migration, considering its structural causes and their immediate and future consequences.

Shared responsibility with governments of various countries and between national and international institutions involved in the immigration process.

Hospitality and international solidarity with the people who need a new place of temporary or permanent residence due to extreme conditions in their home country threatening their life or living, according to the Mexican tradition in this sense, treaties and international law.

Facilitation of international mobility of people, safeguarding the order and security. It recognizes the contribution of migrants to the countries of origin and destination. At the same time, strives to strengthen the contribution of the immigration authorities to public safety and border, regional security and the fight against organized crime, especially in combating trafficking or kidnapping of migrants and trafficking in all modalities.

Complementarity of labor markets with countries of the region, as a basis for proper management of labor migration according to national needs.

Domestic and foreign equity, as the Constitution of the United Mexican States, especially in regard to the full observance of individual rights for both, nationals and foreigners.

Recognition of acquired rights of immigrants, while foreigners with roots or family ties, employment or business in Mexico have generated a series of rights and commitments from their daily living in the country, even though they may have incurred irregular migration status by administrative and provided the alien has complied with applicable laws.

Family unity and best interests of the child or adolescent, as a priority criterion for admission and residence of aliens for temporary or permanent residence in Mexico, along with labor needs and humanitarian causes, while the family unit is an element noun to the creation of a healthy and productive social fabric of the communities of foreigners in the country.

Social and cultural integration between nationals and foreigners residing in the country based on multiculturalism and freedom of choice and full respect for the cultures and customs of their communities of origin, provided they do not contravene the laws of the country.

Facilitate the return to national territory and the social reintegration of Mexican migrants and their families, through agency programs and to strengthen links between communities of origin and destination of Mexican migration for the benefit of family welfare, and regional and national development.

To be a migrant requires a lot of courage

I love the image of this little girl, because she invites me to dream in that day in the future, where all people would be able to travel and work without restrictions and feeling that they own the world.

Ms. Helga Daub

Member of the German Bundestag

Humanitarian Aspects of Economic Development

Appreciated auditory – this topic is not only very interesting but also one of the most important to discuss. Why?

We know there are different ways how to handle the economy. As there are:

- The planned economy
- The pure capitalist economy and
- The economy based on social standards.

As we experienced not long time ago, the planned economy failed. We perhaps remember the 5- and 10 year plans in the former Sovietunion and in the former GDR. But economy doesn't follow plans. Of course one should try to handle future events which could influence the markets – but the instruments have to remain flexible! The pure capitalist economy leaves behind the weak, ill and old people. These both systems may work for a short time but not in the long run. The only way for a sustainable economy is the one which regards social, humanitarian elements. But development cannot be successful by regarding only humanitarian aspects and vice versa the economy won't neither be successful without humanitarian aspects. Both are interdependent. More or less these aspects are in balance in the so called developed countries.

And most if these countries are giving either money or technical help for countries in the “third world”. It all started with John F. Kennedy, president of the Unites States and his Peace Corp. Following this example, many other states committed themselves for developing aid.

Today, more than fifty years later, one has to confess we haven' t been as successful as expected considering the amount of money which was given in all these years. How could that happen? Well, the balance of humanitarian aspects and economy are based on good governance but as we all know, we faced a lot of corrupt systems in many countries. And unfortunately we still do Well meant was often enough not well done! Money was absorbed by corruption instead of being used to enhance the situation of the people and to build up the economy in their countries. This meant, the instruments for aid were not always appropriate, aid had to be changed. I myself was within the last four years in the committee of economic cooperation and development. The German minister for example changed the aid- policy from giving only money to developing countries by fostering projects and sendind experts for setting up health- and education systems and a sustainable economy. The goal is that experts are present for the time which is needed for the setting up period and than they can retreat, provided goverments and population are enabled to continue by themselves. But here it is time to stress a crucial point – education! Academic education as well as vocational training. The German government is strongly committed to build up education systems in develop- ing countries – which is of course a very humanitarian aspekt. And that money is well spent money! So that it can' t happen any more that for example modern hospitals were built and than there was nobody to maintain the facility! And there were not as many doctors as needed or trained nurses. In that perspect we faced in the past a lot of money- waste!

The German system for vocational training is well regarded all over the world but I know it can't be transferred one to one everywhere. But basics can and the German government provides money and expert aid.

Coming to the economic cooperation. This really meant a change of policy and it was the Ger- man minister who emphasized that the Ministry is named “Economic cooperation and develop-

ment” and not “Aid Ministry”. Aid with no further purpose makes beggars of governments and people its people. With my next sentence I am going to exaggerate, I know it.

But some people are suffering severe headaches already by mentioning the word “economy”. Perhaps understandable by regarding the colonial past of many countries. That was the the time when the motherlands of the colonies were taking advantage of the raw materials from the colonial states without any consideration for the needs of these peoples. The purpose today is building up a social based economy and to encourage entrepreneurs to engage in developing countries. Good economy provides jobs, jobs mean salary, with salary taxes can be payed and with taxes social systems can be built up. What is this else than humanitarian or let me name it a win/ win situation for all: State and economy and most important, for the people!

Economic development is the complement to humanity. But this is not only a matter of poor states. We are living in an inter-connected world and the unthinkable happened in 2008.

The crash of one big credit institute in the United States affected the rest of the world. Experts are warning that the crisis is still not overcome. If one has a closer look at its origine one can easily find out that it was the lack of all humanitarian aspekts. Giving money without existing properties or values behind or dealing with money- products nobody really understands and promising high interest rates generated a huge bubble which worked for a while but but bursted in the end – a cruel end for many but for the banks. And still the “casino” continues.

What is the lesson of this? Yes, banks are capitalist institutions. But there should be rules, there must be control. Governments know that very well. The only debate is about which rules and how strong control has to be. A good guideline – if not the best – are humanitarian aspekts to prevent a future similar crisis.

Omer Gokcekus

Professor, School of Diplomacy and
International Relations, Seton Hall University

Good Governance as a Source of Sustainable Economic Growth

Introduction

Human capital is the most important factor of production. After all, physical capital is manufactured by human beings. The technological advances and other creative ideas needed to make the most out of the available land and natural resources and find substitutes for these finite resources are all human inventions. Theodore Schultz, a 1979 winner of the Nobel Memorial Prize in Economic Sciences, coined the term human capital. In his 1961 American Economic Review article, he wrote:

“Although it is obvious that people acquire useful skills and knowledge, it is not obvious that these skills and knowledge are a form of capital, that this capital is in substantial part a product of deliberate investment, that it has grown in Western societies at a much faster rate than conventional (nonhuman) capital, and that its growth may well be the most distinctive feature of the economic system. It has been widely observed that increases in national output have been large compared with the increases of land, man-hours, and physical reproducible capital. Investment in human capital is probably the major explanation for this difference.”

Investment in improving the level and quality of our human capital also determines whether a state develops sustainable economic growth. The two pillars of human capital – essential for developing better and bigger physical capital formation, technological improvements and entrepreneurial ideas – are education and health. The investment we make in human capital today determines the sustainability of economic growth, and therefore our future well-being. The healthier and better educated we are, the higher our human capital. This higher human capital increases our current productivity and, accordingly, our current income. Finally, higher health and education standards make us happier and better citizens, and a society with better citizens is a more peaceful one.

Human Capital, Peace in a Society, and Millennium Development Goals

More peaceful societies spend less on security; moreover, they tend to spend less on violence containment as a proportion of their national income. Consequently, they have more resources for economic development. For instance, according to the calculations of the Institute of Economics and Peace, if violence in the US was at the level of Canada, US economic value of peace is 360 billion dollar, (or 2–3% of its GDP) due to lower medical costs associated with violent robbery, homicide, rape and assault; total costs of incarceration, police services, judicial and legal costs of related crimes; and additional economic activity to society due to productivity loss from homicide; rape and assault; and adding prisoners to the workforce (with multiplier effect on general assumption one for one).

Currently, one third of all prepared food is wasted in the world; meanwhile more than 1 billion people go to bed hungry every night. In early October of this year, at a conference I attended, Leadership for Peace and Prosperity, in San Diego, California, an activist from Brazil talked about a program she works on. At participating restaurants, “rather than a full portion customers have a choice to order 2/3 portion but pay full price. For the customers choosing this option, 5% of their bill goes to a food program to feed children living in poor neighborhoods of Sao Paulo”. Malnutrition is a health problem with serious consequences on mental and physical development and well-being. While this and other similar programs may help, their efforts are simply not enough. Clearly, much more needs to be done. Moreover and unfortunately, malnutrition is not the only health problem.

Millennium Development Goals

Thirteen years ago, United Nations set an ambitious agenda, namely the Millennium Development Goals (MDGs). The eight MDGs were the following: (1) eradicating extreme poverty and hunger; (2) achieving universal primary education; (3) promoting gender equality and empowering women; (4) reducing childmortality; (5) improving maternal health; (6) combatting HIV/AIDS, malaria and other diseases; (7) ensuring environmental sustainability; and (8) developing a global partnership for development. We are only less than three years from the 2015 deadline, and it appears that the Millennium Development Goals (MDGs) regarding health and education globally – at aggregate level – are not within our reach.

As of today, a significant number of women are not receiving proper healthcare during pregnancy and labor; the average maternal mortality rate per 100,000 live births is still very high, 410 for low income countries. Additionally, a large number of children and young people remain illiterate and lack access to schooling. Families still do not have access to clean water and sewage systems.

Beyond aggregate numbers, there are also big variations among countries, both within and among regions. For instance, Azerbaijan has easily managed to reach and even surpass most of the set goals. For instance, regarding reducing extreme poverty by half, the proportion of the Azerbaijan population living below \$1.25 (PPP) per day dropped from 16.4 percent in 1995 to 0.4 percent in 2008. Regarding reducing hunger by half, the proportion of population below minimum level of dietary energy consumption was 23.0 percent in 1991 but less than 5 percent in 2011. Azerbaijan has also shown substantial progress in reducing child mortality and improving maternal health. The under-five mortality rate (deaths of children per 1,000 births) was 94.5 in 1990 and 44.7 in 2011. The maternal mortality rate (maternal deaths per 100,000 live births) decreased by 13 from 56 in 1990 to 43 in 2010. Azerbaijan's poverty, education, gender equality & women empowerment, child and maternal mortality rates are well below the Caucasus and Central Asia region's values.

On the other hand, some countries and regions such as Sub Saharan Africa still have dismal values and made little progress in reaching health and education MDGs. In Democratic Republic of Congo, the proportion of the population living below \$1.25 (PPP) per day is 87.7 percent (in 2006); no statistics are even available on the reduction of hunger; its under-five mortality rate is 167.7 (in 2011); its maternal mortality rate is 540 in 2010 (after getting decreasing by 42% from its 1990 value of 930). Thus, the DRC has made little progress in the reduction of poverty and child mortality rates, provides no information regarding its progress in reducing hunger, and still has a high maternal mortality rate. For the Sub Saharan Africa region, regarding each one of the eight MDGs, a significant number of the countries did not even show any progress let alone come close reaching the target.

Good Governance and Corruption in Education and Health Services

For most of the countries that have not demonstrated progress, the problem is not that these countries lack the necessary resources. In most of these countries, as in the rest of the world, both education and health services are provided by governments. Moreover, a significant amount of financial resources via foreign aid were made available to these countries' governments for the specific purpose of providing health and education services. For poor people (if not all citizens) these services are usually "free." While we may think that providing these services as a free public service could be an equalizer, something that should help everyone receive a good education and maintain good health, this is not the case. Unfortunately, as the 2006 and 2013 Transparency International's Annual Reports document, these services suffer from a significant amount of wasted resources, due to lack of good governance and corruption. Moreover, poor people are disproportionately affected by these corrupt activities, and pay more bribes in order to get access to health and education services.

Health Services

The 2006 TI's Annual Report on Health, systematically describes the conditions that make the health sector so prone to corruption. First, the amount of health funding – around \$3 billion annually – is big enough to make it a target for abuse. Second, there is asymmetric information in health systems: health professionals know more than patients; and drug makers and medical device companies know more than the public officials purchasing their products. Third, there is uncertainty in health markets, which makes it difficult to design appropriate selection, monitoring, measuring and delivery of health care services. Fourth, the health system is complex; therefore, it is difficult to generate and analyze information, promote transparency, and detect and prevent corruption. As a result of these aforementioned conditions, there are several types of corrupt activities flourishing in the health sector such as embezzlement and theft, corruption in procurement, corruption in payments systems, corruption in pharmaceutical supply chain, and corruption at the point of health and service delivery.

The 2006 TI's Annual Report provides a number of striking examples from all over the world regarding the waste of resources allocated for health services. For instance, in the US, the biggest two healthcare providers, Medicare and Medicaid lost 5–10 percent of their budget to 'overpayment'. In Cambodia, survey results indicated that more than 5 percent of the health budget is lost to corruption even before it leaves the central government. In Nigeria, drug counterfeiting kills people in large numbers. In the Philippines, poor and middle income families who are unable to afford small bribes have a longer waiting period to get health services and are also more frequently denied vaccines.

Education

Education expenditures are the biggest components of the public sector expenditures in a number of countries, and are typically around 20 percent of these countries' budgets. Like health services, education services are also very complex both in terms of the services provided and the administrative process of allocating the budget to provide these services. Thus, corruption is also a serious problem in education. Yet, due to the difficulties in measuring educational outcomes, it is not easy to differentiate inefficiencies in administering and delivering educational services from corruption. However the social costs of corruption in education provision are enormous. After all, the youth (the future of society) are the ones receiving the formal education. By making formal education available not according to merit and need, but according to political patronage or other dishonest criteria the potential social returns of the investment in education are severely limited. Not only does a corrupt education system produce incompetent professionals such as doctors, engineers, scientists, and politicians who are unable to provide services, but it produces a future generation that, from a very young age, believes corruption is socially acceptable.

Corruption in education, like that in health, disproportionately affects the poor and disadvantaged groups by preventing them from getting proper education and restricting their ability to improve their human capital. These groups cannot afford to make that "extra payment" to receive the "free service." Furthermore, because they are not in a position to reciprocate a "favor" with a favor to the bribe seeker, they are asked to pay bigger bribes both relative to their income and in nominal terms.

The poor and disadvantaged groups are less informed about their rights and less likely to challenge corrupt behavior. Therefore, as is documented in rural Cameroon, it is more likely that their children will suffer from missed education days by corrupt teachers. As in Pakistan, it is more likely that ghost schools will be built in impoverished communities rather than in affluent neighborhoods. As in South Korea, when the public school teachers ask students to come to their private lessons in order to learn, the children of poor and disadvantaged families are less likely to be able to do so. As in China, the public schools that provide good education but ask for illicit payments in recruitment and admissions are only afforded by the rich and advantaged groups' children. The list of corrupt

activities in education that prevents children from the poor and disadvantaged groups from receiving a quality education is a long one. Yet, the main premise is simple: education expenditures as a social investment are not producing the best results. In particular, the poor and disadvantaged groups are the ones are not getting their proper share from this investment.

To summarize, lack of good governance – defined by the Transparency International as “participatory, accountable, transparent, efficient, responsive and inclusive, respecting the rule of law and minimizing opportunities for corruption” in providing health and education services – affects those with lower human capital more than others.

Good Governance, Corruption and Sustainable Development

What is the magnitude of the relationship between good governance and different sustainable development indicators? According to recent studies, the negative relationship between the level of corruption and bribery and development are often so strong that they distort the usual relationship between wealth and improved development. Let me give you some concrete findings from these studies regarding this problem both from health and education sectors. For example, bribery offsets more than half of the positive effect that increased wealth has on a country’s ability to educate its children. In other words, even if two countries enjoy the same economic growth, the one with the higher level of bribery ends up improving the level of education among young people at a lower rate.

In the case of maternal health, the correlation between bribery and maternal mortality suggests that lowering bribery correlates with a nearly two-thirds reduction in maternal mortality, which is greater than the correlation between increased national wealth and lower maternal mortality rates. Specifically, as is reported in the TI’s Global Corruption Barometer 2013, in the countries where the “% of population who paid bribe in the past year” was 60%, the average maternal mortality rate per 100,000 live births was 482, 8–9 times more than 57 of the countries with less than 30% bribe payment. Similarly, in more than 60% bribe paying countries, the illiteracy rate of 15–24 years old was 11 percent, 3–4 times higher than 3 percent of the countries with less than 30% bribe payment.

Concluding Remarks

The empirical evidence overwhelmingly indicates that good governance in an indirect but in a very significant manner affects our progress in improving health and education, the two pillars of human capital, and therefore affects sustainable development. Accordingly, as is summarized in the TI’s 2006 and 2013 reports, (1) leadership and political will is needed to acknowledge the social costs of corruption in health and education services; (2) statistics and data should be made available, and simple, clear, and accessible guidelines should be developed to make the different education and health services transparent; (3) accountability systems should be developed by participation of all stakeholders, including those from poor and disadvantaged groups; (4) once the rules and procedures are in place regarding accountability and transparency, these rules should be enforced.

Indeed, corruption and the lack of good governance in providing education and health services are costly; and it might be a difficult task to eradicate both of these ills. However, putting the time and effort to reducing these societal negatives by implementing these 4 recommendations will be a good start towards improving social human capital, and consequently achieving sustainable development.

International community via international organizations such as the U.N. and the World Bank could play a meaningful role in these endeavors. Nevertheless, there are also different ways to contribute; and the Baku International Humanitarian Forum, with its (1) “position of taking into consideration humanitarian problems and reflecting voice of the hearth of the humanity”; (2) “goal of building a dialogue”; and (3) “task of formation of ground for constructive debates and discussions; exchange of ideas, theoretical and practical knowledge” is an excellent example of an alternative actor.

Resources

1. Becker, G.S. (1962). Investment in human capital: A theoretical analysis. *Journal of Political Economy*, 70: 9–49.
2. Becker, G.S. (1994). *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. (3rd Edition). Chicago: University of Chicago Press.
3. Institute for Economics and Peace. (2013). *Pillars of Peace: Understanding the Key Attitudes and Institutions that Underpin Peaceful Societies*. <http://economicsandpeace.org/>
4. Schultz, T. (1961). Investment in Human Capital. *American Economic Review*, 51: 1–17.
5. Transparency International. (2006). *Global Corruption Report 2006: Corruption and Health*. Berlin: Transparency International.
6. Transparency International. (2013). *2015 and Beyond: The Governance solution for Development*. Working Paper 01/2013. Berlin: Transparency International.
7. Transparency International. (2013). *Global Corruption Barometer 2013*. Berlin: Transparency International.
8. Transparency International. (2013). *Global Corruption Report 2013: Education*. Berlin: Transparency International.
9. United Nations. (2013). *Millennium Development Goals Report 2013*. New York: UN.
10. United Nations. *Millennium Development Indicators: Country and Regional Progress Snapshots*. <http://mdgs.un.org/unsd/mdg/Host.aspx?Content=Data/snapshots.htm> (Accessed on October 7, 2013.)

Qlobal maliyyə böhranı: paradıqmal yeniləşmə zəruriliyi

Məntiqə zidd getmədən heç bir nəticə əldə etmək mümkün deyil ... mahiyyətə həqiqi dəyər ancaq intuisiyadır.

A.Eynşteyn

Adəm peyğəmbərdən tutmuş müasir dövrə qədər dünyanın rəşional idarəedilməsi problemi problem olaraq qalmaqdadır.

Bütövlükdə qlobal səviyyəni əhatə edə biləcək universumun yoxluğu (oxu: mümkünsüzlüyü) hadisə və proseslərin interpretasiyasında ifrat müxtəliflik doğurmaqla, onsuz da kifayət qədər problematik olan qlobal situasiyanı daha da mürəkkəbləşdirir. Sanki, dünya keçmişini unudub və gələcəyinin necə olacağını bilmir yaxud qlobal səviyyədə klassik xaos situasiyası formalaşmışdır.

İqtisadi proseslərdə və ümumiyyətlə, inkişafın dayanıqlılığı aspektində mühüm rol oynayan ətalətlilik – miqyas genişlənməsi və ümumdünya səviyyəsinə çıxışla daha da çox “ətalətlilik” doğurur ki, bu da bəzi tədqiqatçıların optimizmini əsaslandıran başlıca amil kimi çıxış edir. Ətalətlilik – “fəlakətin” sovuşması deyil, əksinə onun daha da dərin qatlara işləməsi üçün müəyyən zaman sırası ortalığa çıxaran bir konseptdir. Ətalətlilik – dayanıqlılığın əlverişli fonu rolunda o vaxt çıxış edə bilər ki, qlobal inkişaf paradıqması yanılmalardan “təmizlənsin”, real gerçəkliklə gələcəkdə əsaslandırılmış arzu edilən arasında optimal uyğunluğa söykənsin...

Əslində, bu gün dünya seçim qarşısındadır. Sadə şəkildə ifadə etsək, söhbət “ya-ya” tipli seçimdən gedir. Ya anqlosakson modellə mahiyyət uyğunluğu çərçivəsində “fəlakətlə” mübarizə aparılmalıdır, ya da dünyanın yeni iqtisadi düzənə keçməsinə imkan verə biləcək fərqli inkişaf paradıqması formalaşdırılmalıdır.

Böhran niyə baş verdi?

Bəri başdan qeyd edək ki, iqtisad elmi öz mahiyyətinə adekvat olan reaksiya sərgiləmiş, yəni hadisələrin arxasınca “sürünməkdə” davam etməkdədir. Bununla belə, yenə də, yəni artıq tarixə çevrilmiş hadisənin (baxmayaraq ki, hələ də davam edir) səbəbiyyət probleminə yanaşmada vahid mövqə müşahidə olunmur.

Müxtəlif tədqiqatçılar müxtəlif səbəblərdən danışırlar:

1. Böhran “təbii” prosesdir.
2. Əsas problem maliyyə sferasında yeni arxitekturanın qurulması ilə bağlıdır.
3. Problemə sistemli yanaşılmalı, nəinki iqtisadiyyatın sahə və sferaları, eləcə də bütövlükdə ictimai həyatın əksər “dəyişənləri” nəzərə alınmalıdır:
4. Böhranın ümumdünya səviyyəsi almasının əsas “günahkarı” qloballaşma prosesidir.
5. Subyekt aspektinin (məs.: ABŞ) həlledici rola malikliyi və s.

AFR-in dövlət kansleri A.Merkel əsas səbəbin qərb ölkələrinin “yorğana” görə ayaqlarını uzatmamasında, qazandıqlarından çox xərcləmələrində görür.

Ədalət naminə qeyd edək ki, sadalanan yanaşmalar içərisində həqiqət payı olanlar az deyildir. Eyni zamanda, səbəbiyyət açıqlanmasının yalnız empirik səviyyədə əldə edilən faktlara əsaslanmaqla həyata keçirilməsi, eyni zamanda hissəvi yanaşmaların üstünlük təşkil etməsi qəbul edilməzdir.

Böhranın səbəbləri ilə bağlı yanaşma tərzlərini konseptual aspektə qiymətləndirmək fikrindən uzağıq. Sadəcə olaraq, bəzi məqamlara diqqət çəkməyi məqsədəuyğun hesab edirik. Beləliklə,

beynəlxalq hesablaşmalar Bankının (Bazel) qiymətləndirməsinə görə derivativlərdən (törəmə maliyyə instrumentləri) formalaşan spekulativ maliyyə “köpüyü”nün nominal dəyəri 600 trln. dollar (Qlobal məcmu məhsul – 60 trln. dol.), ortailik artım tempi isə 25% təşkil etmişdir.

Bu gün isə qlobal iqtisadi fikir “köpüyü” tsiklərindən, onun işgüzar tsiklərlə müqayisəsindən bəhs edir. Bu aspektdən yanaşmalar da müxtəlifdir:

- Tələbin dəstəklənməsi və artıma dönüş həyati əhəmiyyət kəsb edir. Yeni bir kredit “köpüyü” şişirtməyə ehtiyac yoxdur;

- Əgər elə indicə partlayan “köpük” fayda vermədisə, onda daha birini yaratmaq lazımdır və s.

Tədqiqatçıların müəyyən bir qrupu əmindir ki, problem bir mənalı olaraq ABŞ-dan qaynaqlanır: ABŞ iqtisadiyyatı yeni maliyyə “köpükləri” olmasa dağılar. Qeyd edilən baxışlarda maraqlı məqamlardan biri qloballaşma ilə bağlı olan və onu da böhran kimi “təbii” proses adlandıranların yanaşma tərzidir.

Belə ki, qloballaşmanı ümumbəşəri tarixi prosesin məntiqi nəticəsi kimi qəbul edir, qaçılmazlıq, labüdlük terminləri ilə şərh etməyə çalışırlar. Tarixi proses öz-özlüyündə məna yükü daşımır. Bu “yük” kənardan, yəni prosesin daxili təbiətindən deyil, sosiallaşan, siyasiləşən və iqtisadiləşən zamanənin prosesə daxil etdiyi anlamdır. Yəni, “yabancı” təbiətlidir – tarixi prosesin özünə münasibətdə!

Qeyd edilən anlamda prosesin subyektiv mahiyyətli ilkin başlanğıca istinad etdiyi şübhəsizdir. Digər tərəfdən, prosesə yanaşmada fərqli çıxış nöqtələrinin olduğunu görməmək mümkünsüzdür: Dünya qloballaşır yoxsa qloballaşdırılır? Yaxud, Afrikanın, ələlxüsus Saxaradan cənubda yerləşən ölkələrin neçəsi bu prosesin sərhədləri daxilindədir? Bu mənada, qloballaşma – assimetrikdir. O, dayana və qəfil sürətlənə bilər. Həmçinin, ümumiyyətlə hansısa bir ölkəyə münasibətdə “kənardan” keçmə imkanları da mövcuddur.

Deməli, qloballaşma – terminin etimologiyası baxımından ikili təzahürə malikdir: 1. Dünya ölkələrinin əksəriyyətini əhatə etmir. Bu anlamda, ümumdünya səciyyəsi daşması şübhəli məsələdir. 2. Əsasən iqtisadi dövriyyənin həcmindən çıxış edir. Yəni, 50–60 ölkənin Qlobal Məcmu Məhsulun 95%-dən çoxuna sahib olması və məhz bu aspektdən qloballaşmanın gerçəkliyi haqqında birmənalı fikirlərin ortalığa qoyulmasını şərtləndirir.

Qlobal böhranın məhz göstərilən sayda ölkələrə sürətli yayılışının əsas səbəbi isə qloballaşmanın “sıfır” zaman sürəci doğurması ilə bağlıdır.

Əvvəlki araşdırmalarımıza istinadla biz belə bir qənaətdəyik ki, qlobal səviyyədə vahid məqsəd yaxud məqsəd birliyi yoxdur (iqtisadi inkişafa münasibətdə) və ola da bilməz! Məqsəd birliyi yoxdursa, deməli seçilən hədəflər də müxtəlif məzmunlu olacaqdır. Hər bir ölkənin inkişaf səviyyəsi və mental xüsusiyyətləri ilə determinə olunmuş inkişaf yolu mövcuddur. Vahid reseptdən danışmaq mümkünsüzdür.

Beləliklə, neoliberal modelə söykənən qloballaşma prosesi, daha çox qloballaşdırma keyfiyyəti əxz etməklə müasir gerçəkliyin ən mürəkkəb paradoksunu doğurur:

İqtisadi prosesin homogenliyi → məqsəd müxtəlifliyi paradoksu!

Bir az qabağa qaçaraq qeyd edək ki, təkcə bu paradoksun mövcudluğu anqlosakson modeli, yəni bu günkü qloballaşmaya “biət” edilməsinin labüd olmadığını, onun kardinal şəkildə məzmun dəyişikliyinə məruz qalmasının zəruriliyini ortalığa qoyur. Başqa sözlə, müxtəlifliyə, diversifikasiyaya istiqamətlənmiş, müxtəlifliklərin kontiniumu kimi çıxış etmə qabiliyyətinə malik olan qloballaşmaya ehtiyac vardır!

Qloballaşma və böhran: nə baş verir?

1. Bu gün inkişaf etmiş ölkələr artıq “klassik ölkə” anlamında mövcud deyillər. Ölkə → “ölkə sistem” yaranışına transfer olunmuşdur.

2. Geniş təkrar istehsal prosesinin milli tamlığı, milli bütövlüyü qəti olaraq pozulmuş, prosesin transmilliləşməsi geniş vüsət almış, iqtisadi təhlükəsizliyin görünən və görünməyən bütün sərhədlərini aşmışdır.

3. Ucuz kredit və maliyyə “köpüyünə” əsaslanan sərvətyaratma modeli iflasa uğramışdır.
 4. Neoliberal paradiqmanın struktur prinsipləri (maksimum mənfəət, maksimum hakimiyyət) yararsız hala gəlmişdir.
 5. Dünya müxtəlif iqtisadi, sosial-siyasi və mədəni modellər bazasında parçalanma istiqamətinə qədəm qoymuşdur.
 6. Postindustrial iqtisadiyyatın formalaşması və inkişafının ilkin – mahiyyət qanunauyğunluqları milli dövlətlər çərçivəsində deyil, qlobal səviyyədə təzahür etməkdədir. Ölkələrarası əlaqələr (inkişaf səviyyəsindən asılı olmayaraq) artıq törəmə xarakteri kəsb etməyə başlayır. Qanunauyğunluq dediyimiz şey qlobal səviyyədə formalaşır yaxud qlobal qanunauyğunluq dominant səviyyəyə yüksəlir və s.
- Bu sıranı xeyli uzatmaq da olar. Lakin, təfərrüata varmadan da belə bir qənaətə gəlmək mümkündür ki, artıq köhnəlmiş iqtisadi, sosial-siyasi və mədəni ehkamlardan uzaqlaşmasaq dünya öz tarixinin növbəti “qaranlıq” dövrlərindən birinə qədəm qoyacaqdır.

İqtisad elmi böhran müstəvisində

Etiraf etmək lazımdır ki, qlobal böhran iqtisad elminə, onun bugünü və sabahına iflicedici təsir göstərdi. Mövcud metodoloji arsenalın ümitsiz şəkildə köhnəliyini, yeni dövrün tələblərinə adekvat olmadığını, kardinal dəyişikliklərin zəruriliyini ortalığa qoydu.

Bu gün iqtisad elminin istinad etdiyi situasiya məkan – az və ya çox dərəcədə təzahür edən təmayüllər və refleksiylar “yığımından” ibarətdir. Reallıqla adekvat ola biləcək sistemli yekun (Niyə? Nə üçün? və Sonra nə? suallarının cavabı nəzərdə tutulur) əldə etmək mövcud nəzəriyyələr çərçivəsində mümkünsüzdür.

Belə ki, bugünə qədər dominant mövqeyini qoruyub saxlaya bilmiş effektiv bazar nəzəriyyəsinin və bütövlükdə neoliberal paradiqmanın özünün böhranı ilə üz-üzəyik. Beləliklə:

1. Bu günkü iqtisad elmi “sabahı” görmək qabiliyyətində deyildir:
 - Texnologiya müdaxilənin hüdudsuzluğu elmi aparatı eroziyaya uğradıbdir;
 - Ümumiləşdirici sintez öz yerini “təkcə”nin fasiləsiz parçalanmasına veribdir.
 - Artıq iqtisadi anlamda tam və hissələrin dialektikası nonsense çevrilmişdir. Belə ki, iqtisadi tam artıq hissələrdən nə çox, nə az, nə də onların cəminə bərabər deyil. O, sadəcə olaraq, başqa bir şeydir.
2. İqtisad elmi bütövlükdə “özündə şeyə” çevrilibdir. Çılpaq pragmatizmin hüdudsuz tətbiqi, fəlsəfədən, ələlxüsüs elm fəlsəfəsindən uzaqlaşma (zatən, yaxınlıq heç olmamışdır) iqtisadiyyatı istehsal xatirinə istehsal tipli primitiv hesabçılıq sxemində ortalığa qoyur ki, bu da, son nəticədə (digər təsirlərlə yanaşı) iqtisadi artımın sosial əsaslarını dağıdır.
3. Reallıqla bağlı olmayan “nəzəri müddəalar” irəli sürülür və qəbul etdirilir. Yanaşmanın yalnışlığı, əldə edilən nəticələrin gerçəkliyə adekvat olmaması digər səbəblərlə yanaşı, həm də ekstrapolyasiyaya istinaddan qaynaqlanır. Köhnə biliyin yeni predmet sahəsinə yaxud, gələcəyə ekstrapolyasiyası həqiqəti aşkarlamağa imkan verirmi? Əsla! Belə olan tərzdə çat vermiş məlum paradiqmanı proses və hadisələrin geniş sferasına tətbiq (yenidən) etməyə ehtiyac varmı? Yaxud, bunun üçün ən azı kafi şərt kimi qəbul edilən məsələ – paradiqmanın tətbiqinin ziddiyyətsizlik sərhədləri müəyyən olunubmu? Göründüyü kimi, əldə edilən nəticələrin həqiqəti əks etdirməməsinin çox dərin kökləri vardır və bunlara biganə münasibət elmi tədqiqatların “çıxılmaz” düşməsinin başlıca səbəblərindən biri kimi çıxış edir.
4. Həm klassik, neoklassik və həm də sistemli paradiqmaların (postneoklassik) eyni vaxtda istifadəsi yaxud mövcudluğu yeni yaranan xassələr, imkanlar və qarşılıqlı əlaqələrin rəngarəngliyini və mürəkkəbliyini yüksəldir. İmkanların artımına paralel olaraq risklər də artır. Və, burada ən təhlükəli risk sistemli paradiqmanın maliyyə oliqarxiyasının, elitasının mənafeələrinə xidmətə keçməsidir ki, yekunda da xətti güc siyasəti vüsət alır.

Bu qəbildən olan və elm (iqtisad) niyə acizdir? sualının cavabını çoxlu sayda arqumentlərlə əsaslandırmaq mümkündür.

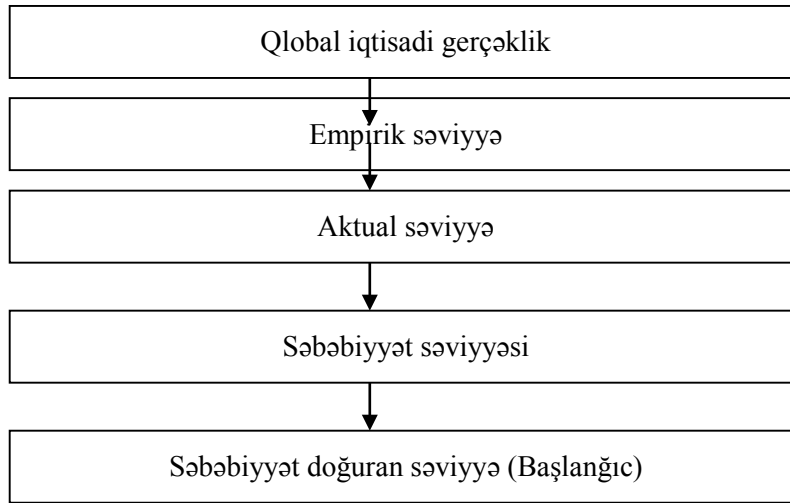

Fikrimizcə, qlobal iqtisadi gerçəkliyin adekvat dərki və gələcəyi ilə bağlı iqtisad elmi sırf metodoloji anlamda ən azı iki problemlə situasiya ilə üz-üzədir:

- İqtisadi sistemin transformasiyası prosesində qloballaşmanın yeri və rolunun, eləcə də milli iqtisadiyyatın inkişaf strategiyasının seçilməsində mümkün təsiri imkanlarının adekvat qiymətləndirilməsi problemi;

- İnkişaf dinamikasının əqlabatan tərzdə interpretasiyası və gələcəyin proqnozlaşdırılması problemi:

Sübut etməyə ehtiyac yoxdur ki, keçmişdən gələcəyə doğru istiqamətlənmiş ənənəvi yanaşma problemin öhdəsindən gəlməkdə acizdir. Ən azı ona görə ki, qeyd edilən baxış proqnozlaşdırmanın özünün mahiyyətindən çıxış etmir. Bu aspektdə metatarixilik (metaistorizm) nəzəriyyəsinə çıxış etmək, başqa sözlə, gələcəyi gələcəkdə araşdırmaq yaxud gələcəkdən → gələcəyə yönümlü yanaşmadan istifadənin mümkünlüyü hələ ki, aprobeşiyadan keçməmişdir. Digər tərəfdən, nəzərə alınmalıdır ki, qlobal iqtisadi gerçəkliyin səviyyə müxtəlifliyi mövcuddur. Onu yalnız empirik səviyyədə təzahür edən və əsasən nəticə keyfiyyətində çıxış edən təmayüllərə əsaslanmaqla düzgün dərketmə ifrat dərəcədə problematiktir. Belə ki, gerçəklik əslində 4 səviyyənin dialektik bütövlüyündən “qurulan” situasiyon reallıqdır:

Şəkil 1. Gerçəkliyin ierarxik səviyyə müxtəlifliyi.

Empirik səviyyə – “aysberq”in görünən, konkret kəmiyyətlərlə ifadə oluna və hesablana bilən informasiya məcmusudur. Ondan aşağıda – aktual səviyyədə – hadisə və proseslərin özü, daha dərin qatlarda isə səbəbiyyət və onu doğuran mexanizmlər, nəhayət səbəbiyyəti formalaşdırırlar, yəni ilkin başlanğıc gəlir!

Yeni paradiqma: problemin qoyuluşu

Anqlo-sakson modelli qloballaşma – əslində, modernizm epoxasının yaxud tsiklinin başa çatması, postmodernizmin “bütün cəbhə boyu” hücumu deməkdir.

Bu gün dövriyyədə olan neoliberal paradiqma 5 böyük (qlobal) prosesin ifrat intensivliklə gedişinin təminatçısı rolunda çıxış edir:

1. Fərdiləşmə: Ümumiliyin, vahidliyin əksinə olan proses; Fərdiyyətçiliyin görünməmiş sürətdə genişlənməsi, “dərirləşməsi”;

2. Kütlələşmə: Həyat tərzinin standartlaşdırılması; Differensiyasiya olunmuş müxtəlif məzmunlu (modelli) həyat tərzləri arasında fərqlərin silinməsi;

3. Dünyanın elmi interpretasiyasının dominant mövqelərə çıxması; Metafizik zəkanın inkarı;

4. Instrumental zəkanın dominantlığı; Həyat tərzlərinin rasionallaşdırılması;

5. Universallaşma: Eyni t f kk r v  d y rl r sisteminin  mumplanetar s viyy d  genişl nməsi, yaxud milli “kimlik” n qteyi-n z rind n simasızlaşma, abstrakt solumun (qlobal s viyy d ) yaranması.

Neoliberalizm bazara  ox geniş anlamda yanaşır v  onu b t n sosial n tic l rin paradigması kimi q bul edir. H qiq t n d , XX  sr  rzind  bazarın substansional mahiyy ti kardinal hesab edil  bil c k d yişiklikl r  m ruz qalmışdır.

M lumdur ki, ilkin olaraq effektiv bazar hipotezi (A.Kouls, L.Başenye v  s.) (XX  srin  vv ll ri) formalaşdırılmışdır (Pareto optimumu  sas kimi g t r l r k).

1953-c  ild  Kendall fond bazarlarında işg zar aktivliyi “t sad fi g zinm l r” kimi xarakteriz  ed n model t klif etdi. Başıqa s zl , statistik substansiya virtual tipd  n z rd n ke irilirdi. M hz stoxastik, “t sad fi g zinm l rd ” (XX  srin ortalarında) bazarın effektivliyini g r rd l r. M hz buradan da bazarın qeyri-m  yy nliyi (g l c k baxımından) v  d vl t m daxil sinin olmamasının z ruriliyi ir li s r l rd .

1970-ci ill rd  real ger ekliyin t dqiqi bel  bir n tic ni ortalığa qoydu ki, bazarlardakı statistik asılılıq Qaussun normal b lg  qanununa uyğun deyil v   n n vi metodlarla modell şdiril  bilm z.

1991-ci ild  koqerent bazar hipotezi ortalığa  ıxdı. (Emergentlik prinsipi, obyektin sistem xass l rinin t zah r , tam v  hiss l rin antinomiyasının ifadəsi kimi).

Sonrakı d vrd  m r kk b qeyri-x tti nataraz prosesl rin t sviri  c n B.Mandelbrotun fraktallar n z riyy sind n istifad  edilm y  başılandı. “Bazar” tipli sisteml rd  “varislik”, “uzun yaddaş”, “mutasiya”, “fraktallıq” v  s. kimi hadis l rin m şahid  edildiyini (h m faza, h m d  struktur s viyy l rind )  sas g t rm kl  fraktal bazar hipotezi ortalığa qoyuldu. Bu – effektiv bazar hipotezinin inkarı dem k idi. V  indi, bazarın sinergetik hipotezi yaranıb. (Priqojin, Xaken)

Bazar “m ht ş mliyinin” absolyuta y ks ldilm sinin m ntiqi n tic si kimi “iqtisadi insan”ın m tl qliyi  n plana  ıxarıldı. Bu m nada, qloballaşma – “iqtisadi insanın” h kmranlığına ke id dem kdir (qlobal s viyy d ). Unutqanlıq  ayına axıdılanların fonunda bazar “m ht ş mliyinin” h dudsuzluğunun t sbiti problemlı situasiyaların meydana  ıxmasında h lledici rol oynayır. Bel  ki, q bul edib-etm m yimizd n asılı olmayaraq bazar h dudsuz deyil, onun konkret s rh dl ri m vcuddur:

1. Milli-m n vi d y rl r v   mumiyy tl  c miyy t bir sistem kimi n z r  alınmır; Bazar – “ z” d y rl r sistemini yaradır v  milli d y rl r sistemini ictimai ş urun periferiyasına sıxışdırır.

2. Bazar – antidemokratik qurumdur. “ zbaşına” buraxıldığı t qdird  b y k f sadlar doęurur.

3. Qeyri-kommersiya xarakterli f aliyy t sferası v  f rdi keyfiyy tl r bazarın s rh dl ri xaricind dir.

4.  lk l rarası inkişafın qeyri-b rab rliyini n inki aradan qaldırmır, onun  sas qaynağı kimi  ıxış edir.

5. Ekoloji t mizlikd  maraqlı deyildir v  s.

Bir s zl , neoliberal bazar hesablan  bilm y n, rentabellik terminl ri il  ifad  olunmayan h r şeyi – m vcud olmayan şey hesab edir.

Paradigmal yenil şm  z ruriliyi d nya iqtisadiyyatının inkişaf prosesind  qabarıq ş kild  t zah r edir. Ger ekliyin ifrat tezlikl  d yişməsi v   lk l r b l m nd  m qs d m xt lifliyinin d rinl şməsi universal xarakterli n z ri konstruksiyaların  h miyy tsizl şdiyini ortalığa qoyur.

Eyni zamanda, formalaşdırılması qaçılmaz olan yeni elmi paradigma m asir d vr n ger eklikl rind n  ıxış etməkl  konkret t l bl r  r v sind  adekvatlığını t min etməlidir. Bel  ki, yeni paradigma  n azı aşığıdakıları n z r  almaq m cburiyy tind dir:

1. Konkret situasiyadan  ıxış etməli;

2. Konkret v zif l ri h yata ke irm li;

3.  n “ki ik” amilin bel  d yişm  variasiyasını n z r  almalı;

4. M r kk b v  ger ekliyə adekvat olan davranış modell rini qurmağa imkan verm lidir.

H m inin, yeni paradigmada (bu g n  q d r n z r-diqq t k narda qalan) x susı diqq t verilməsi z ruri olan 3 konsept   z real m zmununa uyğun yanaşılmalıdır. Bel  ki, he  kim  c n

sirr deyildir ki, iqtisadi zaman → iqtisadi azadlıq → iqtisadi həqiqət üçlüyü bu gün gerçək məzmunundan xalidir.

İqtisadi zaman yaxud zamanın iqtisadi interpretasiyası problemi

Əvvəlki araşdırmalarımızda da qeyd etmişdik ki, gerçək zaman assimetrik dəyişəndir və vahid zaman yaxud zamanın yeganəliyi deyilən bir şey yoxdur.

Bununla belə, iqtisadiyyatda fiziki zaman anlayışı olduğu kimi istifadə olunmaqdadır. Eyni zamanda, göstərmişdik ki, iqtisadi zaman → təqvim zamanı eyniyyəti yalançı eyniyyətdir. Həmçinin, iqtisadi zamanın əsas spesifik xüsusiyyətlərini (baxmayaraq ki, ölçü vahidi problemi elə problem olaraq qalmaqdadır) konkret şəkildə müəyyənləşdirmişdik.

İqtisadiyyatda:

1. Zaman ekzogen dəyişəndir;
2. Zaman sırası geriyə dönmə qabiliyyətinə malikdir;
3. Gələcək “indi”nin potensialından avtomatik olaraq formalaşır. İqtisadiyyatda gələcəyi “qurmaq” lazımdır;

4. Sinxronluq yaradılan sinxronluqdur. Onun spontan şəkildə meydana çıxma ehtimalı yoxdur.

Müasir neoliberal paradıqma zamanla bağlı (inkışafa münasibətdə) səviyyə → sürət dilemmasını ortalığa qoyur. Təbiidir ki, maliyyə “köpüyünə” istinadla gedən inkışaf prosesində əldə edilən səviyyənin heç bir əhəmiyyəti olmayacaqdır. Yalnız sürətə istinadla irəliləmək mümkündür. Sürət yavaşığında yaxud dayananda “köpük” partlayır və böhran başlanır.

İqtisadi gerçəkliyin və iqtisadi varlığın virtuallaşması isə zamanla bağlı daha böyük fəsad doğurur:

Spontan zaman → idarəolunan zaman yaxud Gerçək zaman → virtual zaman paradoksu meydana çıxır. Elə bu aspektdən də gerçək tsikl → virtual tsikl paradoksu yaranır ki, bu da ən azı iki istiqamətdə: 1) Zaman sırasının təbii və süni geriyədönüşü və 2) zamanın gedişi və geriyədönüşünün müxtəlif sürətliliyi arasında əhəmiyyətli fərqlər, daha doğrusu uçurum yaradır.

Beləliklə, zamanla bağlı nə baş verir:

1. “İndi”nin keçmişlə genetik bağlılığı qırılır;
2. İqtisadi proses ayrı-ayrı “indi”lərə parçalanır. Nə keçmiş, nə gələcək!
3. Zamanın sabit dəyişmə xarakteri “indi”nin fraktal xarakter almış dövretməsi ilə əvəz olunur.
4. İqtisadi proses “indi”nin çərçivəsindən kənara çıxır. Zaman “dayanır”. Zaman bir resurs kimi əhəmiyyətsizləşir.

Problemlə bağlı bizim mövqeyimiz bundan ibarətdir ki, gerçək iqtisadi zaman → ümumiyyətlə deyil, yalnız tsiklik dövretmənin keçmişdən qaynaqlanaraq gələcəyə doğru istiqamətlənmiş hərəkət traektoriyası olmaqla, virtuallaşma ilə bir araya sığmır. Və, ümumiyyətlə, iqtisadi zamanın konkret ölçü vahidini müəyyənləşdirmədən problemi aradan qaldırmaq mümkünsüzdür.

Azadlığın iqtisadi interpretasiyası

Azadlıq konsepti ilə bağlı problemin qoyuluşu öz-özlüyündə problematik xarakter daşıyır. Əvvəla, ona görə ki, azadlığın ilkin başlanğıcı yaxud qaynaqlandığı mənbə ... heçlikdir (N. Berdyayev). Teoloji yanaşma xaric, heç bir elmi baxış azadlığın nədən qaynaqlandığını, xassələri və keyfiyyətinin necəliyini ağlabatan tərzdə şərh edə biləcək hər hansı bir nəzəri konstruksiyaya sahib deyildir. İkincisi, fərdin iqtisadi fəaliyyət azadlığı ilə milli azadlığın hansısa bir nöqtədə ümumuyğunluğuna nail olmanın rəşional yozumu yoxdur. Yəni, iqtisadi azadlıq → milli azadlıq dixotomiyası mövcuddur. Belə ki, əgər milli azadlıq hüdudsuz deyilsə, onu bir çox istiqamətlərdə müəyyən çərçivəyə salan bağlılıqlar mövcuddursa:

1. Liderə yaxud əsas axına bağlılıq;
2. Milli mənafeələrə bağlılıq;
3. Geoiqtisadi spesifikanın doğurduğu bağlılıq;
4. Geoiqtisadi aspektin məhdudiyətlər sisteminə bağlılıq;
5. Regional yaxud qlobal səviyələrlə təzahür bağlılığı;

onda, fərdə verilən hüdudsuz iqtisadi fəaliyyət azadlığı hansı effekti verəcəkdi yaxud həqiqətənmi fərdin iqtisadi azadlığı milli azadlıqdan öncə gələndir? Bu arabanın atdan qabağa keçirilməsinə oxşamırmı?

Hələ bunlar azmış kimi, iqtisadi varlığın virtuallaşması “virtual azadlıq” aldanışını meydana gətirdi. Artıq, qlobal səviyyədə gerçək azadlıq → virtual azadlıq paradoksu formalaşmışdır.

“Virtual azadlığın” doğurduqları azadlığın gerçək mahiyyətinə münasibətdə aldanışdan (öz-özünü aldatmaq) başqa bir şey deyildir.

Belə ki, virtual azadlıq:

1. Səbəbiyyətin “süni” doğuşu;
2. “Yaradıcı” mexanizmlərin yabançı təbiətliyi;
3. İnsan motivasiyasının “bəspredeli”;
4. Məhdudiyyətsiz, hüdudsuz fəaliyyət sferası (yaxud, azadlıq);
5. Funksional bağlılığın qırılması;
6. Əlahiddələşmə, əlahiddələşmənin mütləqləşməsi üzərində bərqərarlıdır.

Hadisə – onu doğuran səbəblərdən uzaqlaşaraq mütləq müstəqillik əldə edir və gerçək münasibətlər sistemindən tamamilə fərqli məzmun daşıyan qarşılıqlı təsir və qarşılıqlı əlaqələr kompleksi formalaşdırır. Virtual varlığın (azadlığın) paradoksalılığı ondadır ki, mövcud olan həqiqətdə yoxdur. Və, real mövcud olmayan şey – tamamilə real məzmunlu fəsad doğurur. Problemlə bağlı bizim gəldiyimiz qənaət ondan ibarətdir ki, gerçək iqtisadi azadlıq – haqsızlıq və ədalətsizliyin olmadığı sosial-siyasi və iqtisadi mühitdə subyektdən davranış tərzinin rəşional sərhədləridir.

İqtisadi həqiqət fenomeni

İqtisadi həqiqət – keçmişin “sübutolunanları” və “indi”nin gerçək mahiyyətini özündə ehtiva edən bir fenomendir.

İqtisadiyyatda strateji fikir yaxud “arzuolunan” mahiyyətcə həmişə “alatoranlıqda” qalandır. “Alatoranlıq” gələcəkdə formalaşacaq mahiyyətin gerçək mənasını olduğu kimi anlamağa imkan vermir.

İqtisadi gerçəklikdə həqiqət axtarışı 2 böyük problemlə çərçivələnir:

1. “Necədir?” və “necə olmalıdır?”(gələcəkdə) sualları arasında rəvan keçidin təminatı problemi. Başqa sözlə, söhbət həqiqətin ikili axtarışı prosesindən gedir.
2. İqtisadi həqiqətin elmi fikirdə layiqli yer tutması problemi!

Aparığımız araşdırmalar iqtisadi həqiqətin spesifik xüsusiyyətləri kimi aşağıdakıları aşkarlama imkanını vermişdir:

1. Faydalı olan heç də həmişə həqiqəti əks etdirmir. Tənasüblük əksinədir. Həqiqət – həmişə faydalıdır;

2. Yanılma – müəyyən, məhdud çərçivədə faydalı ola bilər və olur. Amma, bu faydalılıq yalnız konkret (qısa) zaman kəsiyində inkişaf illiuziyası doğurur. Qlobal məkanda yürüdülmən iqtisadi yanaşmalar tarixi, əslində yanılmalar tarixidir.

3. Yalnız iqtisadiyyatda müxtəlif “kalibrlı” yanılmalarda yer alan həqiqət payı “qəribə” məntiqlə “toplanır” və həqiqətə maksimum yaxınlaşmayı sağlaya bilər.

Bəlləklə, iqtisadi həqiqətlə bağlı həlli zəruri olan problemləri aşağıdakı kimi sıralamaq olar:

1. Nəzəri yükün adekvat olmaması;
2. Real gerçəkliyin ayrı-ayrı abstraksiyalar şəklində interpretasiyası;
3. Faydalılıq və effektivliyin yeganə kriteriya kimi götürülməsi;
4. Əsaslandırma tipinin böhranı;
5. Həqiqət → “gizləndə” olandır. Aşkarlanmanın yanılmalarla əsaslandırılması.

Bizim fikrimizcə, gerçək iqtisadi həqiqət – iqtisadi prosesin məqsədə yönəlmiş hərəkət variantlarının optimumudur.

Yeni paradigma: keçid situasiyasının konkret sərhədləri

Beləliklə, əsas aspekt iqtisadiyyatda, məhz həqiqətin aşkarlanması prosesində fundamental paradigmanın və (digərlərinin) bizə lazım olanı – həqiqətə keçidin reallaşmasında müstəsna rol oynaya biləcək məna adekvatlığını üzə çıxarmaqda sərgilədiyi gücsüzlükdür.

Konkret anlaşılan odur ki, konkret subyekt üçün məqsədə çatma, yəni düşünülmüş şəkildə canatdığı nəticəyə aparan yollarda həqiqi olanı dəqiq müəyyənləşdirmə problemi mövcuddur.

Məqsədə yetişən = həqiqətə nail olubmu? Məqsəd də, həqiqət də təfəkkür məhsullarıdır və sıx determinoloji bağlılıqdadırlar.

İqtisadi həqiqət – proses və nəticənin vəhdətidir. Əgər, nəticə əsaslandırılmış arzuedilənin yekunudursa, deməli ona aparan yol – proses gerçəkdən də həqiqətin aşkarlanması prosesidir yaxud yoludur. İqtisadi həqiqət.... maddiləşmə xassəsinə malikdir (əsas fərqli cəhət). Yeni paradigmanın formalaşdırılması prosesində həqiqət konseptinin layiqli yer tutmasının təminatı ilə bahəm keçidin rəvanlığı və adekvat məna tutumluğuna nail olunmasında aşağıdakıların nəzərə alınmasını məqsədəuyğun hesab edirik:

1. İqtisadi prosesdə “nəinsə” əlahiddələşməsi “özündə şeyə” çevrilməsi yol verilməzdir.
2. Qlobal məkanda milli → regional → qlobal səviyyələr arasında mənafə tarazlığı gözlənilməlidir.
3. Neoliberal maksimalizmdən uzaqlaşma qaçılmazdır.
4. Bazara – həzmedə biləcəyi qədər azadlıq verilməlidir.
5. Qlobal inkişafın imperiya variantından imtina olunmalıdır;
6. İqtisadi azadlığın sərhədlərini sosial ədalət və ümumbəşəri rifahın təhlükəsizlik xətti ilə məhdudlaşdırmaq lazımdır;
7. İqtisadi varlığın, ələlxusus maliyyə vəsaitlərinin virtuallaşmasına son verilməlidir.
8. Qlobal “oyun qaydalarının” formalaşdırılmasında bütün aktorların (milli dövlətlərin) bərabər hüquqlu iştirakı təmin olunmalıdır.

Ədəbiyyat siyahısı

1. Листопад М.Е. Экономическая глобализация и проблемы национальной и международной безопасности // Проблемы современной экономики, N4 (28), 2009.
2. Малейченко В.Н. Глобализация как выражение системного кризиса капитализма // Глобализация и проблемы экономического развития России – М, 2002.
3. Скрипнюк Д.Ф. Социальный аспект глобализации // Проблемы современной экономики 2007, N3
4. Freedman M. Free to Choice. N.Y., 1980.
5. Scholte J.A. Globalization: A critical introduction – L; Macmillan, 2000.
6. Кризисология и экономическая наука в начале XXI века: деловые циклы и циклы пузырей, 31.07.2009. (<http://www.polit.nnov.ru>, 2009.07.14 gristercrisisology 51)
7. Ə.İ. Bayramov. Qlobal maliyyə böhranı: Neoliberal inkişaf paradigmasının süqutu // “Respublika”, 15.01.2009. Bakı.
8. Ə.İ. Bayramov. Qlobal inkişaf paradigmasının konseptual problemləri // “İqtisad elmləri: nəzəriyyə və praktika”, N 1–2, Bakı, 2008.
9. Кузнецов Б.Л. Гипотеза синергетического рынка в свете феноменологической теории фазовых переходов. Л.Ландау // Вопросы философии, 2005, N8.
10. Mondelbrot B. The Fraktal Geometry of Nature, New York, W.H.Frecman, 1982
11. Г.Хакен. Синергетика. М., Мир, 1980.

Professor Igor Maksimtsev

Rector of Saint-Petersburg State University of Economics

Intellectual resources as a key driver for sustainable development of Russia

In the context of contemporary global society, sustainable development has emerged as one of the leading areas of interest on the international arena. High intellectual potential of the country and the education level of its population is one of the chief factors of sustainable and innovative development for any state. The official Concept of Sustainable Development accepted in Russia is based on the fact that the world is facing the new age of information, with the new system of general human values.

Strategic priorities of education are becoming an internal resource of change in Russian society, which nowadays challenges large-scale reforming tasks, necessity to compete with education systems of other developed countries, revolution in information and communication technologies, as well as many other issues. Thus, in order to achieve stabilization and afterwards sustainability in Russian economy, we must begin with the modernization of the education system. Such modernization should be aimed at creating such qualities that would allow students to be successful and confident in modern global and local conditions, provide sustainable development for the entire civilization.

Contemporary global conditions call for highly qualified and educated individuals, who thoroughly understand the importance that sustainability plays in our lives. Therefore, in order to fully implement sustainable development into global and local economies, we must first begin by educating people on the aspects and benefits of this type of development. Since our future is in the hands of the youth of today, it is important that the ideas of sustainable development find their ways into education establishments across the globe, so that we can realistically have a future with environmentally sustainable economic growth. Sustainability is one of the major determinants of the quality of life for future generations.

Masoud Nikraves, Ph.D.

Advisor to the Silicon Valley Trade Council

Big Data and Analytic: The Next Frontiers for Innovation, Increase Productivity and Sustainable Economic Development

Big Data is a key part of the strategy for innovation. Major organizations and government agencies should implement advanced science/technology, IT/computing infrastructure and advance analytics tools to increase productivity. Big Data combined with advanced analytics is the next frontiers for sustainable economic development.

Big Data combined with advance analytics, can generate significant financial value across many sectors including but not limited to health care, public sector administration, global personal geo-informatics/Tele-communications, retails and tourism, intelligent manufacturing, and advanced intelligent agriculture. These sectors represent more than fifty percent of the global GDP and make important contribution to the global economy. The total economic potential for efficiency improvements is about \$800 Billion.

Health care is a large and important segment of the US economy that faces tremendous productivity challenges, while the public sector in Europe is large part of the global economy facing tremendous pressure to improve its productivity.

Governments and administrative parts of government have access to large pools data and significant portion of data is not yet digitized. There is a substantial opportunity to create value if these pools of data can be digitized, combined, and used effectively. However, in general, they have hardly begun to take advantage of the powerful ways in which they could use this existing digitalized information to improve performance, transparency, and increase productivity.

According to the study was done by McKinesy Global Institute Analysis, the Big Data market is projected to grow from US\$ 6.3 billion in 2012 to 48.3 billion by 2018 – with currently only 0.5% of all this data being analyzed. In the developed economies of Europe, it is estimate that government administration could save more than \$149 billion in operational efficiency improvements alone by using big data. For example, the potential annual value to US health care is over \$300 billion, more than double the total annual health care spending in Spain while potential annual value to Europe's public sector administration is \$350 billion, more than GDP of Greece. The potential annual consumer surplus is over \$600 billion with over 60% potential increase in retailers' operating margins using big data and advanced analytic tools. To take full advantage of big data, US need more than 200, 000 more deep analytical talent positions, and more than 1.5 million more data-savvy managers.

Big Data and Advanced Analytic Academic and Research Institute in Azerbaijan (BA-ARIA) – Leadership in Technology, Innovation and Sustainable Economic Development:

Azerbaijan and the Caspian Sea region are of significant environmental, socio-political, cultural and technological developmental interest and as such, represent an appealing opportunity for multi-disciplinary collaboration for International Community as it seeks to understand and contribute to the betterment of the world.

BA-ARIA Increases Productivity, Sustainable Economic Development with a more accelerated impact on our societal challenges through the use of Big Data and Advanced Analytic tools.

As Azerbaijan enters to the new century, she will be faced with profound challenges to sustain

the economic development and the breath and rich variety of the academic enterprise which include education, research, innovation, and services, pursuing excellence in every discipline, and to maintain the core values that makes Azerbaijan both great and unique while serving the Caspian Sea Community and world and especially the local community.

BA-ARIA strengthens scientific leadership for Azerbaijan's and Caspian Sea's knowledge-driven economy.

To succeed in this endeavor, integration and synergy of education, research, technology, innovation, and economic development are critical and must be integral part of the sustainable economic development ecosystem. To this end, I propose creation of the world class “***Big Data and Advanced Analytic Academic and Research Institute in Azerbaijan (BA-ARIA)***” for Caspian Sea leadership in economic development through collaboration between academic centers and relevant Ministries in Azerbaijan and in partnership with Caspian Sea Countries. This collaboration will foster the creation of an academic and research program designed by world leading Centers and Institutes.

Common areas of research include innovation in Big Data and Advanced Analytic, Information Technology and Cyber-Physical Infrastructures to enable solutions to the most challenging socio-economic problems affecting the quality of life in Caspian Sea through the best new technologies to integrate into Societal – Scale Systems.

BA-ARIA is leading Azerbaijan and Caspian Sea in Innovation, Competitiveness, Increase Productivity, and Sustained Economic Development, through Big Data Science and Advanced Analytic Technologies.

The following initial core research and academic areas were identified as strong common interests:

- Economic Development:
 - Socio-Economic policy modeling
 - Business and Administration

- Research and Education
 - Big Data and Advanced Analytics

- Technology
 - Cyber-physical infrastructure

- Targeted Sectors:
 - Health care
 - Public sector administration
 - Retail
 - Manufacturing,
 - Global personal Geo-Informatics

Big Data and Advanced Analytic and Economics Multidisciplinary research and education at the BA-ARIA produces Azerbaijan's future leaders and workforce.

We think long-term investment could launch an exciting new collaborative enterprise that would change the way future generations of students and researchers in business and economics contribute to their fields, increase the productivity, innovation, and help train a generation of the brightest students on these tools to sustainable economy.

Through the Azerbaijan-Caspian Sea Alliance, we intend to establish joint research, collaborate in the design of the academic curriculum for a new world class academic and research institute in

Azerbaijan (the BA-ARIA), and identify and nominate the founding faculty in core area of Education, Research, Technology, and Innovation.

By involving researchers from economics, business, law, and public policy at the outset of research projects, we make a more accelerated impact on our societal challenges, increase productivity, and sustain long term innovation and economic development.

BA-ARIA will be a new international, academic and research institute opening in Baku-Azerbaijan in 2014–2015. A partnership with leading economic, business, science and technology centers from around the world and the recruitment of internationally renowned faculty will enable BA-ARIA to build an excellent academic and research foundation to carry out applied research, enhance higher education and develop innovations that can benefit the economy of Azerbaijan and the Caspian Sea region. In addition, partnering with both Caspian Sea and world leading centers of excellence will help to establish a stronger relationship between BA-ARIA and similar departments and institutions around the world that will benefit Azeri and Caspian Sea students, researchers, and faculty.

Applied research and development at the BA-ARIA forges new frontiers and lays the foundation for future sustained economic development, increases productivity, and innovation through, Big Data science and Advanced Analytic technologies. These discoveries open new commercial opportunities for existing and new industries, strengthening their competitiveness in worldwide markets and stimulating the creation of 21st Century's jobs and of entirely new markets.

There are many time-sensitive economic development challenges in Azerbaijan today. An Azerbaijan-Caspian Sea Alliance will be able to influence the socio-economic landscape in the region by enabling Azerbaijan to take the leading role and becoming a center for innovation and sustainable economic development in the Caspian Sea region by developing capabilities and technologies that build upon the existing rich business and intellectual capabilities in the region.

By encouraging companies and government agencies to participate in and support BA-ARIA research programs, an accelerated path will be created for transferring knowledge and putting it to work in the private sector to produce tangible public benefits.

BA-ARIA's main goal is to take the leadership in big data and advanced analytic for economic development, foster innovation, and help to secure resources to train the next generation of the brightest students and researchers in the world with 21st century skills (Figures 1–3): problem-solving, critical thinking, entrepreneurship, and creativity. These can be enabled with three main objectives: educating the next generation of leaders; creating knowledge, and serving society.

Azerbaijan and Caspian Sea Companies will undertake needed subsequent R&D to transform the new knowledge into viable commercial products and technologies. BA-ARIA strengthens scientific leadership and forges new frontiers in economic development for Azerbaijan's and Caspian Sea's knowledge-driven economy. It stimulates economy and creates new 21st Century's jobs.

The new ideas and technologies developed by researchers at BA-ARIA will help to expand the economy into new industries and markets, increase productivity and to bring the benefits of innovation more quickly into the lives of people. BA-ARIA will open the doors to new application, products, services, and markets through essential research Big Data and Advanced Analytic.

Techno-Economic Valleys and Universities: Universities, its affiliates, and graduates have played a major role in the development of the developing world's high-tech industries. From the 19th Century Universities' leaders saw their mission as service to the world and shaped their school accordingly. Regionalism helped align Universities' interests with those of the area's high-tech firms for the first fifty years of Techno-Economic Valley's development. During that time, researchers, faculty and graduates have been encouraged to start their own companies and nurturing the high-tech firms.

In the last part of the 20th century, Techno-Economic Valleys and Universities have created the high-tech and biotechnology innovations that formed the backbone of today's "Sustainable New Economy." As we begin the 21st century, the Techno-Economic Valleys, the Universities and hundreds of the world leading-edge businesses have joined together in an unprecedented partnership to lay the foundation for the "New Sustainable Economy."

These new opportunities catalyze the development of new companies and attract new cycles of private investment in Caspian Sea's promising, young entrepreneurial firms, stimulate economy and create new 21st Century's jobs.

Figure 1. Educating the workforce of future.

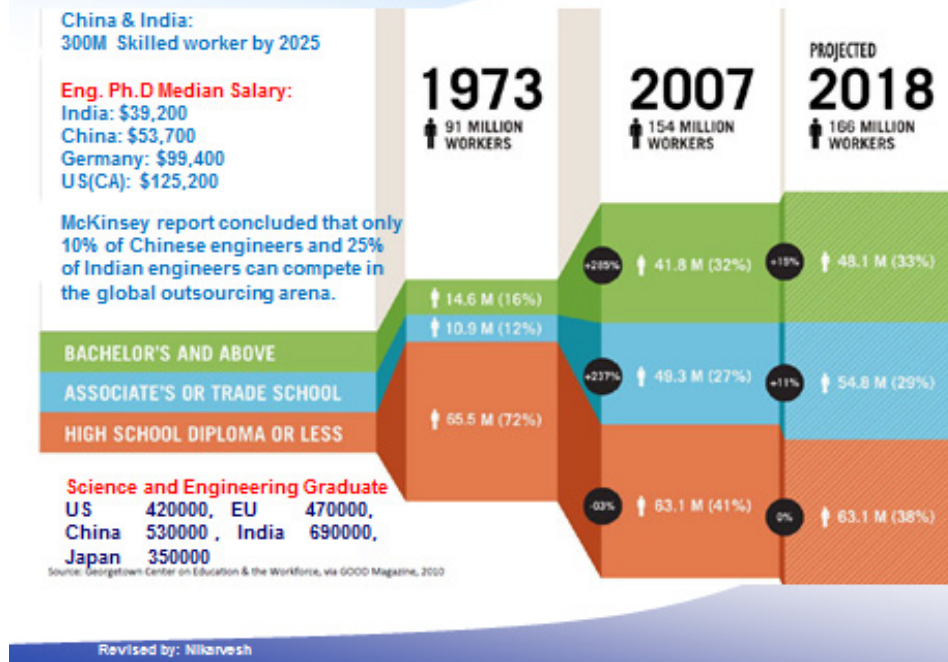

Figure 2. Multidisciplinary education at the BA-ARIA produces Azeri's and Caspian Sea's future leaders and workforce in the high-tech fields.

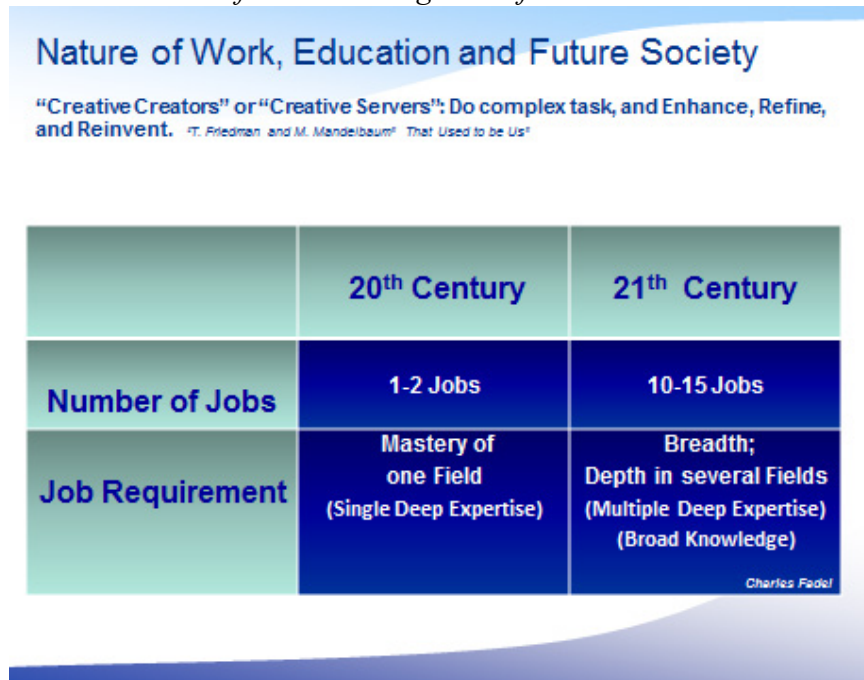
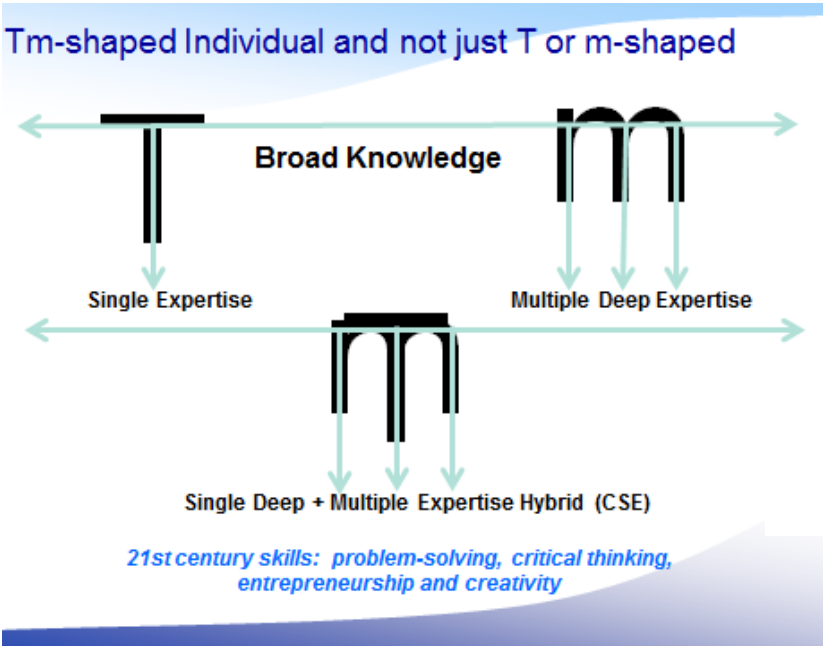

Figure 3. 21st Century's Skills.

А.Н.Морозевич

Ректор Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
доктор технических наук, профессор

Гуманизация экономических процессов как основа белорусской модели развития

Последствия мирового экономического и финансового кризиса заставляют каждое из государств по-новому взглянуть на проблемы и перспективы современной экономики. Хотя о неизбежности краха глобальной монетаристской системы, взявшей за основу торговые операции с быстрым оборотом капитала, предупреждали многие ведущие ученые и политики, в том числе Джозеф Сакс, Джозеф Стиглиц, Джеффри Ходжсон. Отрыв финансового капитала от развития реального сектора, организация “производства ради сверхприбыли”, развивающийся на данной почве экономический эгоизм, выносят человека на периферию глобальной системы хозяйствования, являются антинародными по своей сути. Перед учеными стоит задача формирования качественно иного хозяйственного механизма, в котором погоня за прибылью и самовозрастанием капитала нейтрализовалась бы ориентацией на развитие человеческой личности.

Белорусская наука активно работает в данном направлении. В исследованиях последних лет все более настойчиво проводится мысль о том, что именно человек с его интеллектуальными и духовными способностями, “его гармоническое взаимодействие с окружающей природой, накопленным национальным богатством и социальной средой должен стать центром экономической жизни” [12, с. 14].

Более того, высказывается мнение о пересмотре самого предмета экономической науки, которая – по мысли авторов данных разработок – не может ограничиваться изучением проблем воспроизводства только товаров, работ и услуг, тем более капитала, а должна стать синергетической наукой, интегрирующей в себе знания о различных сферах человеческой деятельности, природы и общества. Собственно, последние публикации по менеджменту и маркетингу демонстрируют движение в этом направлении.

Белорусские экономисты также ищут стратегию, обеспечивающую экономический рост и устойчивость через поиск факторов, способствующих накоплению человеческого и социального потенциалов и их последующей капитализации, а уровень человеческого и социального капитала берут в качестве “основной переменной, определяющей производственные возможности общества” [18, с. 95]. Характерно, что к производственному труду они относят труд не исключительно в самом процессе производства, но и “обеспечивающий решение природоохранных проблем, сохранность и развитие жилищно-бытовых условий, поддержание и укрепление здоровья, осуществление физического, умственного духовно-нравственного развития человека и общества” [12, с. 16].

Будучи по роду своей деятельности тесно связанным и с научной, и с производственной, и с управленческой сферами, я могу утверждать, что данные научные подходы органически интегрированы не только в экономическую политику нашей страны, но и в целом – в формируемую Президентом А.Г.Лукашенко белорусскую модель развития. Ключевой позицией этой модели является ее гуманитарный аспект, или, как принято говорить, человеческий фактор.

Оппоненты – и внутри страны, и за ее пределами – долго не хотели нас понимать. Критиковали за “замедленный темп” постсоветских реформ, за “государственный патернализм” и т.д. А недавно один из оппозиционеров критиковал действующую власть за... “обилие колбас в витринах магазинов, уже не интересующее население”. Забывая о том, что в начале

1990-х, когда у власти в Беларуси оказалась оппозиция, витрины магазинов – ввиду отсутствия продуктов питания – заставлялись бутылками с минеральной водой. С момента обретения нашей республикой суверенитета и до введения поста Президента индексы розничных цен и тарифов на товары народного потребления и платные услуги населению возросли в 187 раз. На этом фоне увеличилась безработица [1].

Я помню встречу А.Г.Лукашенко с интеллектуальной элитой в стенах НАН Беларуси после первых президентских выборов. Оценивая обстановку, он объяснил необходимость избранного тогда экономического пути: невозможно было оставлять народ без государственной поддержки, государство – без административных рычагов управления, ввергать страну в “пучину дикого рынка”.

Вот как определил суть белорусской модели развития Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко на итоговом пленарном заседании постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов 22 марта 2002 г. (приводится с сокращениями):

“Наш курс – создание социально ориентированной рыночной экономики с адекватной инфраструктурой, действенными механизмами государственного и рыночного регулирования, обеспечивающими восприимчивость к научно-техническому прогрессу.

Из опыта экономических преобразований в других странах мы увидели, что универсальной модели развития нет. Практику одной страны механически переносить в другую невозможно в силу специфичности условий, особенностей хозяйственной жизни и национальных традиций каждой страны.

Именно наш подход в наибольшей степени отвечает традициям белорусского народа, интересам граждан. Он предполагает, что решение даже самых сложных социально-экономических проблем общества должно проходить с наименьшими социальными издержками.

Каковы характерные особенности этой модели?

Первая из них – сильная и эффективная государственная власть.

Роль государства в том и заключается, чтобы обеспечить безопасность граждан, социальную справедливость и общественный порядок, не дать развернуться криминалу и коррупции. И только сильная власть позволила вытянуть экономику Беларуси из бездны экономического кризиса.

Вторая характерная особенность нашей модели состоит в том, что частный сектор может и должен развиваться наряду с государственным. Однако не в ущерб национальным интересам. Подчеркиваю: если ты частник, это не значит, что ты действуешь по принципу “что хочу, то и ворочу”. Национальные интересы должны быть главным приоритетом и главной целью, во имя которой работает каждый гражданин, предприятие или предприниматель, основавший свое производство на частной форме собственности.

Третья составляющая белорусской модели – приватизация – не самоцель, а средство найти заинтересованного инвестора, создать эффективного собственника.

Четвертая особенность белорусской модели – интеграционные процессы со странами СНГ, в первую очередь с Россией. Они направлены на получение высокого экономического эффекта.

Пятая характерная черта нашей модели – сильная социальная политика государства, краеугольный камень нашей политики. Мы хорошо понимаем, что эффективная экономика – экономика социально ориентированная. И такая ее ориентация – не только в помощи нуждающимся. Это и инвестиции в здоровье человека, в его профессиональное, культурное личностное развитие. Значит – в его будущее и будущее страны”.

К слову, эти подходы были созвучны массовым настроениям, преобладавшим в то время в стране. Приведу лишь несколько цифр из материалов социологических структур, осуществлявших постоянный мониторинг общественного мнения. Так, от 50 до 55% респонден-

тов в указанный период хотели бы иметь пусть невысокую, но гарантированную плату за свой труд. 77,0% считали, что правительство отвечает за материальное благополучие людей и поэтому обязано помогать им поддерживать достойный уровень жизни. 46,8% связывали свои надежды на материальное благополучие прежде всего с общим материальным благополучием республики [8, с.2].

Следуя указанной модели, изначально, еще в Основных направлениях социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы главным в реконструируемой экономике был назван государственный сектор. Резервом повышения эффективности функционирования предприятий стала административная и экономическая ответственность за результаты работы. Сохранив экономическое пространство и дисциплину труда, государство приостановило нарастание дифференциации в доходах населения, обеспечило защиту социально уязвимых слоев и взяло в полном смысле слова под свою опеку развитие образования, здравоохранения, науки, культуры.

Начиная с 1996 г. в Беларуси наблюдается динамичный рост доходов и реальной заработной платы во всех отраслях экономики. В последующем наметилась и такая положительная тенденция, как опережающий рост заработной платы в организациях социально-культурной сферы по сравнению с отраслями материального производства [4, с. 30], что способствовало сокращению дифференциации в доходах населения.

Эту же тенденцию подтвердили и социологические опросы. Так, во втором квартале 1999 г. проблема расслоения общества на бедных и богатых волновала 33,3% опрошенных; во втором квартале 2000 г. – 28,8% [4, с. 56].

Таким образом, выходом из национального кризиса явился социально ориентированный курс реформ с ведущей ролью государства в его осуществлении.

Хотелось бы акцентировать внимание на том, что государственное регулирование вовсе не использовалось как тормоз для рынка и “частника”. Напротив, с первых же шагов предусматривалось упрощение налогообложения для малого и среднего бизнеса [14, с. 17]. При этом развитие рыночной инфраструктуры начало осуществляться в соответствии с защитой прав потребителя. Системное решение этого вопроса было сформулировано позднее в Законе Республики Беларусь “О защите прав потребителей” (2008 г.) [13]. Рынок труда предусматривал сохранение новых рабочих мест. Приватизация объектов хозяйствования производилась исключительно с согласия трудовых коллективов.

Эти тенденции усиливались с течением времени. Так, если Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2001–2005 годы предусматривалось повышение уровня жизни граждан, то в аналогичном программном документе на 2006–2010 годы речь шла уже не только об уровне, но и о качестве жизни населения, о создании государства, удобного для людей. Для достижения поставленной цели были определены, в частности, следующие ориентиры:

- работа органов государственного управления в интересах человека с целью удовлетворения его потребностей;
- благоприятные условия для интеллектуального, творческого, трудового, профессионального и физического совершенствования человека;
- опережающие развитие сферы услуг и прежде всего образования, здравоохранения и культуры как основы совершенствования человеческого капитала;
- внедрение повышенной системы социальных стандартов во всех сферах жизни общества;
- осуществление мер по улучшению демографической ситуации в стране и т.д. [16, с. 23–41].

И вот достигнутые результаты, отраженные в Основных показателях социально-экономического развития Республики Беларусь – в сопоставимых ценах, в процентах (к предыдущему году) [15, с.16]:

Показатель	2006 год	2010 год	2010 год в процентах к 2005 году
Реальные денежные доходы населения	107–108,5	109,5–110,5	149–156
Реальная заработная плата	108–109	109,5–110	152–158
Розничный товарооборот	109–110,5	110–111	157–165
Платные услуги населению	108–109	110–111	154–161
Ввод в эксплуатацию жилья за счет всех источников финансирования, млн. кв. метров	3,7–4,2	4,5–5	118–132
Производство потребительских товаров, в том числе:	108–109	109–110	150–157
продовольственных	108,5–109,5	109–110	151–158
непродовольственных	107,5–108,5	109–110	150–157

С учетом сделанного, в текущей пятилетке выдвинута задача создания условий для развития человеческого потенциала – на основе повышения эффективности функционирования систем здравоохранения, образования, культуры и других видов деятельности относящихся к сфере услуг.

Иными словами, сильная власть, выражая интересы и волю народа, придает экономическим процессам социальные ориентиры и смысл.

Внимание государства к гражданину проявляется с момента его рождения. Белорусская система социальных гарантий семьям с детьми считается одной из лучших в постсоветском пространстве. Она регулируется в частности, Законом Республики Беларусь “О государственных пособиях семьям, воспитывающим детей” (2012 г.), Указом Президента Республики Беларусь “Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь” (1998 г.), другими директивными документами.

Из эффективных направлений социальной защиты семей выделяется система их социального обслуживания. Увеличивается число центров социального обслуживания семей и детей. Одновременно развивается и пользуется спросом сеть детских дошкольных учреждений, прежде всего из-за сохранения доступного для родителей механизма оплаты за их посещение. В результате практически остановлен процесс закрытия этих учреждений, достигший в 1990-х гг. своего печального апогея (так, в период с 1990 по 1999 г. было аннулировано порядка 600 детских учреждений).

Безусловно, помощь оказывается в первую очередь незащищенным социальным слоям: многодетным и неполным семьям, семьям с детьми-инвалидами, нуждающимся в защите государства по объективным причинам. Адресная социальная поддержка позволяет помочь уязвимым социальным слоям в максимально возможном объеме.

Самой успешной социальной программой специалисты назвали Президентскую программу “Дети Беларуси”. Она включила в себя: обеспечение условий, необходимых для полноценного физического, умственного и духовного развития детей, формирование эффективной комплексной системы социальной защиты и интеграции в общество детей, находящихся в трудной жизненной ситуации [11, с.35].

Снизилась также показатели младенческой и материнской смертности, которые сейчас находятся на уровне развитых стран. В 2010 г. коэффициент младенческой смертности составил 4,0 случая на 1 тыс. родившихся живыми, что в 2,3 раза ниже уровня 2000 г. [20, с.625]. По уровню материнской смертности Республика Беларусь достигла цели тысячелетия и выполнила задачу, поставленную ВОЗ для европейского региона.

В Программе социально-экономического развития страны на 2011–2015 годы демографическому аспекту уделяется важнейшее внимание. В частности, подчеркивается, что демографическая политика “будет направлена на повышение ожидаемой продолжительности жизни и уровня рождаемости населения”. При этом в целях повышения рождаемости и

укрепления семьи предусмотрены поэтапное увеличение размеров пособий и иных выплат в связи с рождением детей, увязка величины пособия по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет с количеством детей, улучшение условий для сочетания родителями семейных и профессиональных обязанностей. Предстоит также усовершенствовать систему помощи молодым семьям в улучшении жилищных условий на основе развития системы строительных сбережений и ипотеки [17, с.6]. Полагаю, нелишним здесь отметить, что в Беларуси постоянно увеличивается общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на одного жителя. К примеру, по этому показателю мы обходим Россию (24,6 кв. метров в 2010 г. у нас и 22,6 кв. метров в России) [3].

Следующей важнейшей составляющей социальной государственной политики является забота о здоровье населения. Задачи здравоохранения сопряжены с рядом объективных проблем, в том числе с последствиями аварии на ЧАЭС, утяжеляемых в ряде случаев субъективными причинами. Вот один пример: в дни годовщин трагедии Президент страны ежегодно объезжает пострадавшие районы, детально изучает положение дел на местах, что отражается потом в программах ликвидации последствий аварии. (Кстати, в настоящее время эти программы финансируются целиком из государственного бюджета. Да и ранее помощь, поступавшая из-за рубежа, не превышала одного процента от общей суммы финансирования.) В это же время белорусские оппозиционеры проводят по улицам столицы “Чарнобыльскі шлях”, обвиняя власть во всех смертных грехах.

Для решения комплекса задач по оздоровлению нации, включая опять-таки демографические вопросы, в 2002 г. была принята Государственная программа по формированию здорового образа жизни населения Республики Беларусь, предусматривавшая снижение заболеваемости, нетрудоспособности и смертности от основных хронических неинфекционных заболеваний и повышение продолжительности жизни.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь “О совершенствовании механизма финансирования здравоохранения” (2000 г.) в Витебске был проведен эксперимент, основными направлениями которого явились, в частности: введение нормативов бюджетной обеспеченности здравоохранения в расчете на одного жителя; экономическая и управленческая самостоятельность; ответственность учреждений здравоохранения при использовании бюджетных, внебюджетных средств; направление части сэкономленных финансов на материальное стимулирование труда медицинских работников и др. Все это входит в содержание реформы здравоохранения Республики Беларусь. Причем важнейшая ее черта – гарантия доступной бесплатной медицинской помощи населению. В Программе социально-экономического развития страны на 2011–2015 годы указано: “Основной задачей развития здравоохранения является улучшение показателей здоровья населения на основе дальнейшего повышения качества медицинских услуг, обеспечение за счет бюджетных средств единых социальных стандартов медицинской помощи каждому человеку независимо от места его жительства.

Предусматривается, что медицинская помощь для граждан Республики Беларусь останется общедоступной и бесплатной, а ее качество, техническая оснащенность учреждений здравоохранения будут соответствовать уровню развитых стран.

Реализация политики в области здравоохранения будет способствовать снижению уровня заболеваемости и сокращению смертности в 2015 г. до 13 человек на тысячу населения (против более 14 человек в 2010 г.)” [17, с.8].

Понятно, что эффективность здравоохранения во многом предопределяется ориентацией на здоровый образ жизни населения, поэтому государственная политика в области физкультуры и спорта становится частью системы организации здравоохранения. Всем известно, какое внимание спорту уделяет Президент страны. В настоящее время возрождаются традиции общественного физкультурного движения. К систематическим занятиям спортом привлекается все больше людей, прежде всего учащейся молодежи. Развертывается физкультурно-оздоровительная работа среди инвалидов.

В республике растет количество городских и районных физкультурно-оздоровительных клубов, действуют сотни клубов по интересам, имеются тысячи спортивных сооружений. Во всех областях работают учебно-методические центры физического воспитания [11, с.36].

Результат не заставил долго ждать: на XXVII Всемирной летней универсиаде в Казани (июль 2013 г.) Беларусь из 160 стран заняла пятое место.

Однако, как неоднократно отмечал Президент, государство стремится воспитать не только здоровых, но и образованных людей. Сохранение и развитие общеобразовательной школы необходимо отнести к заслугам социальной политики в целом. За последние годы увеличилось количество учебных заведений с углубленным изучением предметов по четырем направлениям: филологическое, физико-математическое, химико-биологическое, обществоведческое. Возросло число лицеев, гимназий и колледжей. Стартовал проект “электронная школа”.

Сохраненное (и это наше преимущество) профессионально-техническое образование предопределяется общей структурой занятости населения, причем его характерная черта – ориентация на гуманизацию, расширение преподавания общеобразовательных дисциплин. Это свидетельствует об ориентации государственной политики на повышение не только квалификации рабочих и специалистов среднего звена, но и их эрудиции и культуры. Показательно, что многие из этих учреждений уже сегодня являются престижными.

Серьезный козырь Беларуси – высокий процент бесплатного высшего образования. Для платников предусмотрена система скидок и возможность перехода на бюджет. Предоставление льготного кредитования обучения выделяет нас на постсоветском пространстве. При этом повышается качество приема в вузы. Молодежи, достигающей высоких показателей в учебном процессе, кроме сохранившихся с советского времени традиционных, назначаются именные стипендии, в том числе из фондов Президента Республики Беларусь.

В целом белорусская система образования выдерживает конкуренцию с рядом европейских стран: общий показатель обучающихся в учебных заведениях составляет 90% [6, с.19].

Характерно, что в Республике Беларусь практически отсутствует гендерная асимметрия в образовательной системе. Так, в системе общего среднего образования на протяжении последних десяти лет на каждых 100 обучающихся мальчиков приходится около 97 девочек. По показателю доли девушек среди учащихся в высших учебных заведениях Республика Беларусь занимает одно из первых мест в мире. Высшее образование имеют 59% женщин и 41% мужчин. Среди аспирантов доля женщин повысилась до 56,3%. Среди научных работников, имеющих ученую степень кандидата наук, их более трети (36,9%), а среди докторов наук – 16,7%. Это отличный показатель [6, с.23–25].

Первоочередными задачами в сфере образования на ближайшие 5 лет в Программе социально-экономического развития страны на 2011–2015 годы названы: повышение качества образования, создание гибкой системы подготовки и переподготовки кадров в соответствии с потребностями инновационного развития [17, с.8].

Ряд постановлений Правительства Республики Беларусь повышают социальную защищенность выпускников при распределении и трудоустройстве. И это уже можно рассматривать одновременно как составную часть системы государственного регулирования занятости населения. Государственная политика в данной области адаптирована к объективным условиям – формированию многоукладной экономики и развитию рынка.

В процессе перехода от всеобщей занятости населения к рынку труда закономерно возникает проблема безработицы. Государственная защита в данном случае проявляется в обеспечении людей трудом.

Уровень безработицы в Беларуси остается самым низким среди стран СНГ и одним из наиболее низких в мире. Однако существует проблема так называемой скрытой безработицы, например: работа на условиях неполного рабочего времени, отпуска по инициативе администрации и т.д. Поэтому укрепляются государственные службы занятости, создаются условия

для развития мелкого и среднего бизнеса и одновременно среди населения проводится разъяснительная работа на предмет трудовой квалификации и переквалификации.

Ежегодно создаются новые рабочие места, в том числе по заявкам нанимателей. Безработным оказывается помощь в организации собственного дела (например, в сфере бытовых услуг населению, производства сельскохозяйственной продукции и торговли) [11, с.37].

Неудивительно, что число граждан, живущих за чертой малообеспеченности, т.е. имеющих среднестатистические располагаемые ресурсы ниже бюджетного прожиточного минимума, за 10 лет уменьшилось почти в 8 раз [20, с.167]. По данным социологов, в течение последнего десятилетия все более возрастает процент респондентов, субъективно оценивающих свое положение как хорошее и среднее и одновременно сокращается число тех, кто относит себя к малообеспеченным и бедным. К слову, бедными считают себя семьи, у которых из домашнего имущества “есть только необходимый минимум: холодильник, телевизор, мебель”. Иными словами, в Беларуси бедность как социальное явление вообще не существует [19, с.89].

Хочется отметить, что в период мирового финансово-экономического кризиса в нашей стране были предприняты дополнительные весомые шаги в сфере социально-трудовых отношений и социальной защиты. Речь идет прежде всего о поддержке малообеспеченных и нетрудоспособных граждан. По оценке специалистов, “красной нитью это проходило в системе оплаты труда (за счет уменьшения корректирующих коэффициентов, различных доплат, повышения минимальной заработной платы, играющей роль социальной гарантии), в пенсионном обеспечении (увеличение минимальных пенсий, увеличение доплат, надбавок, установленных к пенсиям отдельных категорий пенсионеров, имеющих низкие пенсии), в системе государственных пособий семьям, воспитывающим детей (за счет значительного повышения размера единовременных и ежемесячных пособий), в системе адресной социальной помощи (повышение уровня доступности, оперативности, введения новых видов пособий). Принимались оперативные меры по социальной поддержке отдельных групп населения (студентов – повышение стипендий и ежемесячных доплат к ним; детей-сирот – увеличение денежных норм их государственного обеспечения во всех формах трудоустройства; инвалидов – предоставление льготного обеспечения лекарствами и т.д.)” [10, с.79].

Именно социализация и гуманизация экономических процессов, в том числе в кризисных условиях, обеспечила нашей стране весьма значительные, в сравнении с рядом других государств, темпы экономического развития. Для сравнения, даже такие высокоразвитые страны, такие как Великобритания, Франция, Италия, Швеция, Финляндия и т.д., в 2009 и 2010 гг. допустили снижение ВВП [7, с. 5–7]. Белорусская же экономика демонстрировала рост (в 2009 г. рост ВВП по сравнению с предыдущим годом составил 100,2%, в 2010-м – 107,6%, в 2011-м – 105,3) [2, с.12; 10, с.79].

Успехи Беларуси подтверждаются в аналитических материалах международных организаций. Наша страна является государством, которое, в соответствии с положением итогового документа Саммита ООН 2005 года, значительно продвинулось в деле достижения целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Данный факт нашел отражение в региональном докладе ПРООН “Национальные цели развития тысячелетия (ЦРТ): платформа для действия” и в докладе ООН “Цели развития тысячелетия в Европе и Центральной Азии: достижения, проблемы и дальнейшие шаги” [10, с.78].

Исходя из данных Доклада о человеческом развитии 2013 г., издаваемого ежегодно, по показателю индекса человеческого развития стран Беларусь заняла 50-е место из 187 государств [5, с.148]. Соответственно по сравнению с 2011 г. рейтинг нашей страны по этому показателю повысился на 15 пунктов (65 место); по сравнению с 2009 г. – на 18 пунктов (68 место). Беларусь по-прежнему, опережая все страны СНГ, относится к группе стран с высоким уровнем человеческого потенциала.

Из заявлений Президента А.Г.Лукашенко вытекает, что государство и далее не устранился от влияния в стратегических сферах экономики, ставя во главу угла человеческий фактор.

Проводимая в последние годы экономическая либерализация – это не новый курс, а продолжение социального пути развития, высвобождающего предприимчивость и инициативу самого населения.

Вопрос о том, как Беларуси развиваться в условиях рынка, не утрачивая социальной ориентации и гуманитарных приоритетов, обсуждается сейчас в самых различных аудиториях. В частности, в Академии управления при Президенте Республики Беларусь недавно состоялся научно-практический семинар на тему “Возрастание человеческого потенциала в условиях экономических реформ”, в котором приняли участие представители госаппарата, ученые, слушатели Института государственной службы Академии управления, журналисты. Выступающие сошлись во мнении о том, что отличительной особенностью курса экономических реформ на современном этапе является активизация человеческого ресурса, воспитание в людях стремления к самореализации, в том числе через взаимоувязку производительности их труда и уровня их материального достатка. На это направлено усиление роли оплаты труда, развитие рынка труда, изменение ряда компонентов социально-трудовых отношений, создание института государственно-частного партнерства.

О модели взаимодействия государства и бизнеса хочется сказать особо. Сегодня наше государство создает оптимальные условия для развития предпринимательства. Сформированная нормативно-правовая база способствует росту возможностей бизнеса, что проявляется в росте заработной платы занятых в нем сотрудников, в увеличении предложений социального пакета для персонала, его обучении, увеличении инвестиций в развитие производства и повышение качества продукции. Уменьшение с 2012 г. налога на прибыль с 24 до 18% значительно снизило налоговую нагрузку на субъекты хозяйствования [9, с. 89]. В этом же году для стимулирования бизнеса было введено льготирование с 5 до 10% от прибыли средств, направленных на оказание социальной поддержки организациям образования, здравоохранения, социальной защиты, спортивным организациям и организациям общественных объединений инвалидов [9, с.90].

Однако очень важно, чтобы бизнес, развиваясь в благоприятном для него микроклимате, не забывал о своей собственной социальной ответственности.

В данном направлении также предпринимаются конкретные шаги. Проведенный анализ показал, что более четверти имеющихся в стране компаний сознательно и планомерно направляют часть своей прибыли на поддержку социальных проектов [9, с.90]. В частности, осуществляются мероприятия по оказанию помощи местным регионам в решении социальных вопросов, в финансировании социальных акций (расходы на благотворительность, инвестиции в природоохранную деятельность и т.д.).

В период, когда Беларусь находится на этапе формирования рынка социальных услуг, в республике приобретают популярность и авторитет негосударственные организации, специализирующиеся на оказании услуг определенным категориям граждан: инвалидам – “Белорусская организация инвалидов”, “Инвалид и среда”, “Мы вместе” и др.; тяжело больным – “Городской центр паллиативной помощи и организации сестринского дела” и др.; детям с особенностями психофизического развития и их семьям – “Белорусский фонд SOS – “детская деревня”, общественное объединение опекунов и детей-сирот “Надежда” и др. [9, с.90].

Так белорусский бизнес постепенно переходит от собственно благотворительности и спонсорства к устойчивым формам взаимодействия с государством и обществом.

Все это отражает ментальность белорусского народа – его способность к соучастию и заботе об окружающих. Неслучайно в условиях развития рынка белорусы (по данным социологов) выше денег ставят дружбу и любовь, а к числу “своих близких” относят не только родных, но и сослуживцев, и соседей и даже представителей своих конфессий.

Таким образом, гуманизация экономических процессов в Беларуси – это одно из проявлений философии самой нашей жизни, в центре которой – при всех объективных катаклизмах – находится судьба человека.

Список использованной литературы

1. 1993 год: как прожили – что имеем: Госкомстат сообщает // Народная газета. – 1994. – 8 лют.
 2. Беларусь в цифрах: стат. справ. – Минск, 2011. – 103 с.
 3. Беларусь и Россия, 2011: стат. сб. – М., 2011. – С. 61.
 4. Белорусская модель развития: механизмы реализации / Е.В.Матусевич [и др.] – Минск: ИСПИ, 2003. – 168 с.
 5. Доклад о человеческом развитии, 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире: пер. с англ. / ПРООН. – М.: Весь мир, 2013. – 212 с.
 6. Достижение целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Второй национальный отчет Республики Беларусь. – Минск, 2010. – 58 с.
 7. Иванов Н. Мировой кризис и рынок труда / Н. Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 11. – С. 3–17.
 8. Людзі баяцца голаду, грамадзянскай вайны і небяспекі: [вынікі апытання насельніцтва Беларусі, праведз. незалеж. ін-там сац.-экан. і паліт. даслед.] // Звязда. –1995. –18 ліп. – С.2.
 9. Мандровская З. М. Социальная ответственность бизнеса // Проблемы упр. – 2012. – № 2. – С. 89–91.
 10. Морова А. П. Социальная политика государства // Проблемы упр. – 2012. – № 2. – С.75–80.
 11. Морозевич А. Н., Баранова Е. В. “Людзьмі звацца”: О судьбе и цене государственного суверенитета Беларуси // Проблемы упр. – 2012. – № 3. – С.31–40.
 12. Никитенко П.Г. Совершенствование хозяйственного механизма – экономическая основа формирования государства для народа // Государственное управление в Республике Беларусь: формирование государства для народа: материалы Респ. науч.-практ. конф., Минск, 29–30 окт. 2009 г. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2010. – С.12–19.
 13. О защите прав потребителей: Закон Респ. Беларусь, 16 июля 2008 г., № 405-3: в ред. от 28.08.2012 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 170. – 2/1502.
 14. Основные направления социально-экономического развития Республики Беларусь на 1996–2000 годы. – Минск, 1998. – 61 с.
 15. Основные положения Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы: проект // Советская Белоруссия. – 2006. – 24 февр. – С.9–16. – Приложение: Основные показатели социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы (в сопоставимых ценах, в процентах к предыдущему году).
 16. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы. – Минск, 2006. – 175 с.
 17. Программа социально-экономического страны на 2011–2015 годы – новое лицо Белорусского государства // Информационный материал / Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – № 11 (83). – 32 с.
 18. Солодовников С.Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь // Проблемы упр. – 2012. – № 2. – С.95–98.
 19. Взаимодействие социально-культурных изменений и трансформационных процессов в современном белорусском обществе / Л.Г.Новикова (науч. рук.) [и др.] // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: социол. анализ / М.Г.Алейник [и др.]; отв. ред. Г.М.Евелькин. – Минск: Белорус. наука, 2006. – С.78–130.
- Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2011. – Минск, 2011. – 633 с.

Dünya böhranı şəraitində sosial-iqtisadi siyasət: Azərbaycan təcrübəsi və nailiyyətlər

Sonuncu dünya maliyyə-iqtisadi böhranı və onun doğurduğu, davam edən tənəzzül tədqiqatçıların diqqətini bir daha iqtisadi fikir və təcrübənin təkamül yoluna cəmləşdirdi. Əlbəttə, xəstəliklərin yaranmasında tibb elminin günahı olmadığı kimi, iqtisadi böhranlarında yaranmasında iqtisad elmini günahlandırmaq düzgün olmazdı. Çünki təsir faktorları olduqca geniş areala məxsusdur. Bu baxımdan hesab edirəmki, Nobel mükafatçısı Robert Lukasın, 2009-cu ildə Britaniya kraliçasının “Nədən iqtisadçılar dünya böhranını görə bilməmişlər? sualına verdiyi cavabı çox əlamətdardır – “Çünki iqtisadi nəzəriyyə öyrədir ki, bu böhrana səbəb olan hadisələri əvvəlcədən görmək mümkün deyildir”.

Hörmətli həmkarlar! Məlum olduğu kimi, mahiyyət etibarını ilə marjinal faydalılığa əsaslanan bazar təsərrüfatçılıq modelinin de-fakto bütün dünyada təcbit olunması ilə dada yeni inkişaf dövrü başladı. Yeni dövrün mühüm bir özəlliyi, iqtisadi fəallıq dövrlərinin davam etmə müddətinin əhəmiyyətinin hədsiz yüksəlməsidir. Belə ki, inkişafın maddi texniki bazasının çox yüksək elmi əsası, iqtisadi fəallığın azalması və böhran dövrlərindən ən qısa müddətdə qaçmanı hər bir iqtisadi sistem üçün prioritet vəzifəyə çevirir. Lakin bu o halda mümkün olur ki, iqtisadi sistemin mənfi təsirlərə dayanıqlığı yüksəkdir və böhran zamanı adekvat, çevik iqtisadi siyasət təmin edilir. Sonuncu global maliyyə böhranı bu baxımdan bütün ölkələr üçün bir lakmus kağızına çevirildi. Fəxrlə deyə bilərik ki, Azərbaycan iqtisadiyyatı bu sınaqdan uğurla çıxan ölkələr sırasındadır.

Çağdaş Azərbaycan iqtisadiyyatının inkişaf yolunu qiymətləndirmək üçün, hesab edirəm ki, milli iqtisadi sistemimizin böhran öncəsi vəziyyətini dəyərləndirməliyik.

Aparılan düşünülmüş siyasət və böyük neft erasının başlaması sayəsində Azərbaycan iqtisadiyyatında XXI əsrin əvvəllərindən milli iqtisadi sistemin özünü inkişaf qabiliyyətinin bərpası sürətləndi. Qısa müddət ərzində yeni keyfiyyət səviyyəsinə çıxan iqtisadiyyatda mahiyyət etibarını ilə yeni inkişaf modeli formalaşdı və sürətlə təkmilləşməyə başladı. Professor Ş.Hacıyevin qeyd etdiyi kimi geoiqtisadi inkişafa hədəflənən bu Azərbaycan modeli mahiyyət etibarını ilə yeni olmaqla bərabər, global çağırışlara adekvat, dayanıqlı xarakterə malikdir. Beləliklə 2008-ci il böhranını Azərbaycan iqtisadiyyatı yüksək dayanıqlıq səviyyəsi ilə qarşıladı.

Milli iqtisadi sistemin dayanıqlığının əks etdirən mühüm göstəricilər kimi, neft gəlirləri hesabına qısa müddət ərzində dəfələrlə artan maliyyə axınlarının iqtisadi inkişafda mənfi təsirlərinə yol verilməməsi; dövlət xərclərinin böyük artımına rəğmən daxili bazarın tutumunun sürətli genişlənməsinin kollaps yaratmaması; dünya maliyyə bazarında borclanmaya aludəçilikdən qaçma; daxili bazarın fəaliyyət dairəsinin daim genişləndirilməsi, o cümlədən sahibkarlığa yardım arealının genişləndirilməsi, infrastruktura vəsaitin artırılması, regional inkişafa diqqətin artması, proqramlı inkişafa üstünlük verilməsi və s. göstərmək olar. Azərbaycan modelinin bu xüsusiyyətlərini mühüm bir inteqral parametrlə ifadə etmək olar: İnkişafın Azərbaycan modelinin mahiyyətini, bazar münasibətlərinin dərinləşməsi fonunda iqtisadiyyatda qeyri-dövlət sektoruun payının ardıcıl artırılması ilə yanaşı, dövlətin tənzimləyici rolunun qorunması və möhkəmləndirilməsi təşkil edir.

Böhran öncəsi sadalanan keyfiyyətlərə malik olan milli iqtisadi sistemin global böhrana reaksiyası təmkinli oldu. Yeni şəraitdə iqtisadi siyasətin əsas vəzifəsi iqtisadi sistemin formalaşmış iş ahənginin saxlanması; o cümlədən, dövlət xərclərinin azaldılmasında tələskənliyə yol verilməməsi, sosial xərclərin azaldılmaması və mərkəzi bankın məzənnənin stabilliyi siyasəti nəticəsində inflyasiya təyziqinin qarşısının alınması kimi qəbul edildi.

Beləliklə, Azərbaycan vaxtında atılmış düzgün addımların sayəsində bir sıra ölkələr kimi sonrakı dövrdə böhranla mübarizə tədbirlərinin nəticələrinin aradan qaldırılması kimi ciddi tələblərlə, o cümlədən dövlət borcunun yüksək səviyyəsi, dövlətin maliyyə sektorunda artan iştirakı və uzunmüddətli dövrdə büdcə sferasının dayanıqlığının təmin olunması, həmçinin böhranın digər fiskal yükləri, məsələn xüsusi sektorda borcların restrukturizasiyası kimi ciddi problemlərlə qarşılaşmadı.

Azərbaycan iqtisadiyyatının postböhran dövründəki fəaliyyətini qiymətləndirərkən fikrimizcə ilk növbədə, iqtisadi siyasətin davamlı inkişafa xidmət imkanları araşdırılmalıdır. Bu baxımdan ən diqqətəlayiq məqamlardan biri, milli iqtisadi modelin tərkib hissəsi kimi, dövlət büdcəsinin funksionallığının genişləndirilməsi, onun tənzimləyici rolunun artırılması hesab edilə bilər. Bu dövrdə dövlət büdcəsinin xarakterinin əhəmiyyətli dəyişməsi, onun faktiki olaraq inkişaf büdcəsinə çevirilməsi xüsusi qeyd edilməlidir. Son 10 ildə ölkənin icmal büdcəsinin xərcləri 13 dəfə (20,1 mlrd. manat), adambaşına düşən xərclər isə 12 dəfə (2146,0 manat) artmışdır. Dövlət büdcəsinin gəlirləri və xərcləri bu müddətdə təxminən 14 dəfə artmışdır. İndi dövlət büdcəsi xərclərinin ümumi daxili məhsulda xüsusi çəkisi isə 35 faiz təşkil edir. Son 5 ildə Dövlət büdcəsinin investisiya xərcləri 30 mlrd. manat olmuşdur ki, bu həmin dövrdə büdcə xərclərinin 46.5% çox hissəsini təşkil etmişdir. Belə nisbətən uzun müddətdə investisiya xərclərinin yüksək payının saxlanılması, Dövlət büdcəsinin trendlərinin əsaslığını ifadə edir. Nəzərə almaq vacibdir ki, dövlət investisiya xərclərinin faktiki seçilmiş istiqamətliyi bir daha sübut edir ki, onun sürətli artımı dövlətin iqtisadi fəaliyyətdə dominantlığının güclənməsini döğurmür. Bu ona görə baş verir ki, dövlət vəsaitləri, ictimai xidmətlərin mühüm sahələrinin o cümlədən sosial, enerji və yol infrastrukturunun modernləşdirilməsinə yönəldilir. Digər tərəfdən belə siyasət qeyri-neft sektorunun inkişafının dəstəklənməsi kimi dəyərləndirilə bilər. Dövlətin bu sahəyə diqqətinin vacib elementləri kimi, kənd təsərrüfatı və ona yaxın sahələrə vergi güzəştləri siyasətinin uzun illər ərzində davam etdirilməsi, son illərdə isə kiçik sahibkarlığın dəstəklənməsi üçün Sahibkarlığa kömək Milli Fondu vasitəsi ilə ayrılan vəsaitlərin həcmünün əhəmiyyətli çoxalmasını (son 5 ildə 700 mln. manat) və s. qeyd etmək olar. Dövlət xərcləmələrinin məqsədyönlü sürətli artımına rəğmən son illərdə ölkəmizin strateji valyuta ehtiyatları 30 dəfədən çox böyüyərək 50 mlrd. dollara çatmışdır. Strateji ehtiyatlarımız ÜDM-in 70% təşkil etməklə, xarici dövlət borcunu 10 dəfə üstələyir və ölkəmizin 34 aylıq idxalını maliyyələşdirə bilər.

Milli modelin digər bir önəmli xüsusiyyəti iqtisadi inkişafda daxili resursların prioritetliyinin təmin edilməsidir. Məsələn son 5 ildə iqtisadi inkişafa yatırılan əsaslı qoyuluşların təxminən 58% daxili resursların, o cümlədən, 28% büdcə, 13% qeyri-büdcə dövlət müəssisələrinin, 17% isə özəl daxili maliyyə resurslarının payına düşmüşdür. Qeyd etmək vacibdir ki, Dövlətin bu baxımdan fəaliyyət strategiyası çoxcəhətlidir. Ölkəmizdə iri dövlət şirkətlərinin öz inkişafı və sosial sahələrin aktual problemlərinin həllinə investisiya yatırımları təcrübəsi geniş tətbiq edilməkdədir. Dövlət vəsaitlərinin bilavasitə sahibkarlığın inkişafına yönəldilməsi ilə yanaşı, regional inkişafın tarazlaşdırılmasına diqqəti artması, o cümlədən zəruri sosial-infrastruktur layihələrinin realizasiyası nəticəsində regionların investisiya cəlbəçiliyinin yüksəlməsi sayəsində xarici və yerli sərmayələrin regionlara daha həvəslə qoyulması önəmli rol oynamışdır.

İqtisadi inkişafın yüksək davamlı sürəti maliyyə axınlarının idarə edilməsinə ənənəvi yanaşmalardan qaçmanı tələb edir. Bu baxımdan iqtisadi siyasətin mühüm bir cəhəti daxili iqtisadi fəallığın artırılması üçün dövlət vəsaitlərinin istifadəsinə xüsusi diqqət verilməsi, büdcə və dövlət təsərrüfat subyektlərinin sərbəst vəsaitlərinin dövriyyəyə cəlbinin stimullaşdırılması hesab edilə bilər. Belə vəsaitlər xüsusi ilə regional inkişafın dəstəklənməsi prizmasından əhəmiyyətlidir. Regional inkişafın dəstəklənməsi iqtisadi inkişafın ərazi tarazlığının təmin edilməsi, yerli resursların təsərrüfat dövriyyəsinə cəlbə, investisiya resurslarının əyalətlərə istiqamətləndirilməsi, qeyri –neft sektorunun inkişaf prioritetliyinin bərpa edilməsi və əhalinin sosial şəraitinin yaxşılaşdırılması, həyat səviyyəsinin yüksəldilməsinin əsas vasitələrindən olmuşdur.

Milli iqtisadi inkişafımızın mühüm çağdaş trendlərindən biri İqtisadiyyatın özünü inkişaf potensialının bərpası hesab edilməlidir. Bu özünü milli yığımın inkişafı dinamikası və investisiya qoyuluşunun struktur və sahəvi xarakterində əks etdirir. Son 5 ildə milli qənaətin 49% ümumi yığım istifadə edilmişdir. Bu neft gəlirlərinin milli iqtisadiyyata səmərəli yönəldilməsinə xidmət edən amil kimi dəyərləndirilə bilər. Həmin dövrdə milli qənaətin 53.8% dövlətin sərəncamında qalmışdır. DNF dövlət büdcəsinə transfertlər budövrədə iqtisadi fəallıq dövrlərinin stabilləşdiricisi rolunu oynamışdır.

Milli iqtisadi inkişaf modelinin mühüm məziyyətlərindən biri inkişafın sosial yönümlüyü xəttinin ardıcıl təmin edilməsidir. Bu sahədə aparılan ən mühüm işlərə 3 pilləli pensiya sisteminin tətbiqi ilə sosial yardım və pensiya təminatı sistemlərinin ayrılması və əmək pensiyalarının 11 dəfə artmaqla, orta aylıq əmək haqqında xüsusi çəkisinin 40%-ə çatdırılması aid edilə bilər. İndi pensiyaçılarımızın 97%-nin pensiya məbləği yoxsulluq həddini üstələyir.

Ölkəmizdə əhalinin sosial müdafiəsi sahəsində yeni sosial texnologiyalara əsaslanan sosial yardım mexanizmi tətbiq edilməkdədir. Azərbaycanda həyata keçirilən məqsədyönlü islahatların nəticəsi olaraq son 10 ildə yoxsulluq səviyyəsi 8 dəfədən çox azalaraq, 44,7%-dən 5.5%-ə enmiş, yoxsulluq həddi isə 35,8 manatdan 119.3 manata yüksəlmişdir. Son on ildə Azərbaycanda qaçqın və məcburi köçkünlərin sosial problemlərinin həlli məqsədi ilə Dövlət vəsaitləri hesabına bütün çadır düşərgələri ləğv edilməklə 31,0 min mənzildən ibarət, bütün sosial-texniki infrastruktura malik 77 müasir qəsəbə salınmışdır.

Sosial-iqtisadi inkişaf sahəsində əldə olunan nailiyyətlər sayəsində ölkəmiz insan potensialının inkişafı indeksinin səviyyəsinə görə “yüksək insan inkişafı” ölkələri qrupuna daxil olub. Hazırda bizim sosial inkişafda ən mühüm hədəflərimiz Kopenhagen bəyannaməsi ilə müəyyənləşən sosial həyat keyfiyyəti konsepsiyasına keçidin təmin edilməsidir.

Post böhran dövrünün mühüm xüsusiyyətlərindən biri ölkəmizdə güclənən maliyyə axınlarından rəşional istifadə strategiyasının formalaşmasıdır. Bu strategiyanın mahiyyətini, iqtisadiyyatın tam məşğulluq şəraitində olmadığı və iqtisadi sistemin yüksək açıqlığa malik olduğu şəraitdə, makroiqtisadi tarazılıqla iqtisadi artım arasında seçimdə dayanıqlı iqtisadi artım tempinə üstünlük verilməsi təşkil edir. Konkret siyasət tədbirləri baxımından şərh etsək, bu nəticələr, yuxarıda qeyd edildiyi kimi, maliyyə bazarının sistemli strelizasiyası və inflyasiya tarqetləşdirilməsi tədbirləri üzrə davam etdirilməsi, iqtisadi fəallığın stimullaşdırılması üçün bank fəaliyyətinin institusional və funksional müstəvilərdə məqsədli tənzimlənməsi kimi cəhətlərlə yanaşı, neft gəlirlərindən inkişaf mərhələsinə adekvat istifadənin təmin edilməsi; Dövlət büdcəsi ilə Neft fondu arasında qarşılıqlı maliyyə axınlarının yaradılması vasitəsi ilə cari dövlət xərclərinin maliyyələşdirilməsində, “ehtiyat yastığı” hesabına fasiləsizliyin və maliyyə bazarında stabilliyin təmin edilməsi üçün “sterilləşdirmə” xarakterli vəsaitlərin akkumulyasiyasının təmin edilməsi; bank sisteminin fəaliyyət qabiliyyətliliyinin saxlanması məqsədi ilə uçot dərəcələri və məcburi ehtiyat normaları ilə maneərlərlə, pul-kredit siyasətinin çevikliyinə təmin edilməsi; real sektorda mənfətlilik normaları və sosial effektlər baxımından qiymətlərin formalaşmış səviyyəsinin, o cümlədən əmək haqqı və məzənnə siyasəti vasitəsi ilə saxlanması xüsusilə effektiv olmuşdur.

Azərbaycan bu dövrdə investisiya axınları üzrə pasient ölkədən repisient ölkəyə çevirilmişdir. Son 10 ildə xaric ölkələrə 11 mlrd. həcmində investisiya yönəldilib, o cümlədən 4 mlrd. manatlıq kredittləşmə aparılmışdır. Yalnız, Dövlət Neft Şirkətinin 10 il ərzində – 2008–2018-ci illərdə Türkiyə iqtisadiyyatına 20 milyard dollar sərmayə yatıracağı planlaşdırılır.

Geoiqtisadi inkişaf modelinin mahiyyətinə uyğun olaraq post böhran dövründə fəal regional inteqrasiya siyasətinin aparılması və xarici iqtisadi fəaliyyət strategiyasına önəm verilməsində mühüm əhəmiyyət kəsb etmişdir. Burada əlbəttə ilk növbədə milli neft strategiyamızın dominantları, o cümlədən karbohidrogen resuslarının istismarı və nəqli strategiyasının xüsusiyyətləri; tranzit potensialının realizasiyası xüsusi qeyd edilməlidir.

Azərbaycanın geoiqtisadi strategiyasını müəyyən edən mühüm amillərdən biri ölkəmizin əlverişli coğrafi mövqeyidir. Hesab edirik ki, “Şimal-Cənub” və “Şərq-Qərb” nəqliyyat dəhliz-

lərinin kəşiməsində yerləşən Azərbaycan, hazırda davam edən layihələr başa çatdırıldıqdan sonra Xəzər regionunda bütün nəqliyyat marşrutlarını birləşdirən “qovşaq” rolunu oynayacaqdır.

Azərbaycanda iqtisadi inkişafın dayanıqlığı, davamlılığı və tarazlığının təmin edilməsi baxımından mühüm siyasət elementlərindən biri ölkənin xarici iqtisadi doktrinasının mahiyyət paradiqmasının dəyişməsi hesab edilə bilər. Beləki, xarici iqtisadi doktrinamız resursların istifadəsində ənənəvi marjinal faydalılığın artırılmasına deyil, geoiqtisadi mövqenin möhkəmləndirilməsi vasitəsi ilə milli strateji məqsədlərin həllinə üstünlük verilməsinə hədəfləndirilir. Ona görə də son illərdə Azərbaycanın iqtisadi inteqrasiya və ikitərəfli əməkdaşlıq siyasətində vurğuların məqsədyönlü dəyişməsi müşahidə edilir.

Aydındır ki, müasir dünya təsərrüfat sistemində formalaşmış təkrar istehsal arxitekturası nəzərə alınmadan, istənilən ölkənin milli rəqabət qabiliyyətliliyinin yüksəldilməsi mümkün deyil. Dünya təcrübəsi sübut edir ki, milli təsərrüfatların istehsal tsikllərinin bu və ya digər həlqəsinə vaxtında və hazırlıqlı daxil olması dünya gəlirlərinin formalaşması və yenidən bölüşdürülməsində davamlı iştirakının başlıca şərtidir. Bu vəzifənin yerinə yetirilməsinin əsas şərti isə ölkənin milli rəqabət qabiliyyətliliyinin düzgün qiymətləndirilməsi, adekvat geoiqtisadi strategiyanın formalaşdırılması və realizasiyası vasitəsi ilə milli rəqabətqabiliyyətliliyin daha yüksək səviyyəsinə nail olunmasıdır. Məsələn, iqtisadi və siyasi uğurlarımızın son təntənəsindən biri, post neft dövrünə hazırlığın və geoiqtisadi strategiyamızın hədəfi kimi ilk telekommunikasiya peykinin orbitə çıxarılması ilə Azərbaycanın kosmik ölkələr sırasına daxil olmasıdır.

Azərbaycan modelinin növbəti mühüm bir məziyyəti də milli iqtisadi sistemin dünya təsərrüfat sistemində inteqrasiyasının özünəməxsusluğu ilə şərtlənir. İndi Azərbaycan beynəlxalq təşkilatlar üçün donor ölkəyə çevirilməkdədir. İqtisadiyyatın açıqlıq səviyyəsi yetərinə yüksəkdir və eyni zamanda milli iqtisadi sistem arzuolunmaz kənar təsirlərdən çevik və güclü qorunma mexanizminə malikdir. Məsələn, hesab edirik ki, Regionun və əslində dünyanın iqtisadi inkişafında mühüm rol oyanayacaq qlobal TANAR və TAP layihələri, ölkənin davamlı inkişaf xəttinin qorunacağına yeni indikatorlarıdır. İnkişaf göstəricilərimiz beynəlxalq qurumlar tərəfindən də müsbət qiymətləndirilir. Dünya İqtisadi Forumu tərəfindən son “2013–2014 cü illərdə Qlobal Rəqabətqabiliyyətlilik Hesabatı”nda Azərbaycan MDB ölkələri arasında yenə də birinci olmaqla ümumi rəqabətlik indeksində 39-cu, makroiqtisadi sabitlik altindeksi üzrə isə 139 ölkə arasında dünyada 8-ci yerdə qərarlaşmışdır.

Beləliklə hesab edirik ki, Azərbaycanın çağdaş iqtisadi inkişaf modeli davamlı, dayanıqlı və tarazlı inkişafın mühüm qarantı və daşıyıcısıdır.

Sustainability aspect of economic development

Abstract. The concept of sustainability nowadays means different things to different people, and a large part of humanity around the world still live without access to basic necessities. Sustainable development is often an over-used word, but goes to the heart of tackling a number of inter-related global issues such as poverty, inequality, hunger and environmental degradation. In theory, development that is not sustainable and not damaging to the planet is very possible. Of course though, in reality there are a lot of politics and challenges involved. Most international actors are still not sufficiently focused on the future implications of these challenges both individually and collectively.

As a common concept, the sustainable development covers three major approaches: economic, environmental and social development, which are mentioned in literature as interdependent and complementary. The concept is very wide and in some contexts the ecological, institutional, cultural, ethical aspects are included as well. From the other side, this wide range of aspects, which are included in sustainable development, make it weakly defined. From this point of view, it is possible to have some contradictions of sustainable development concepts.

Literature offers many definitions of sustainable development, but it is thought appropriate to use the classic definition, which postulates that „*sustainable development is a kind of development, that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs*”.

This paper evaluates the process of economic development by sustainability aspect. According to the collected theoretical and practical material, assessing the principles and systems of environmental economics and sustainable development, economic development by sustainability aspect is reviewed.

Keywords: economy, sustainable development, sustainability, economic development.

1. Introduction

Nowadays existing model of public production and consumption is not sustainable. We meet the proves of that in our daily lives, including climate change, decreased biological diversity, increased global migration flows to welfare countries, etc. We constantly are facing increasing gaps in economic and social well-being among different countries, but also inside of them. In such a situation there is no alternative to sustainable development, as it includes three main approaches: economic, social and environmental. The major purpose of sustainable development is to find optimal level of interaction between three systems – biological and natural resources system, economic and social systems. *The major issue* stands, therefore, for how we could create sustainable society or achieve sustainable development.

The huge variety of views on what should be considered *sustainable* exists. Even in scientific works sustainable development is differently understood and described. As a result, the wide range of aspects covered by the concept of sustainability converts it to the object of discussions. That clearly indicates for all of us today sustainability being the most actual social, economic and ecological *problem*. And this derives from some theoretical and practical aspects. First of all, the concept of sustainable development is very undefined. Secondly, exist different opinions on the effectiveness and implementation of sustainable development assessment methods.

The main objectives of the paper are:

- to reveal the diversity of sustainability concept and to define sustainable development;
- to discover the cohesion between sustainability and economic development;
- to present the challenges and perspectives of sustainable development and, to suggest the measures fostering sustainable development.

Methods of research: systematic review of scientific literature, common and logical analysis, comparative and abstract analysis.

2. The concept of sustainability and its objectives

The idea of sustainable development grew from numerous environmental movements in earlier decades. The so called *Brundtland Commission* (United Nations, 1987) considered the neglect of interdependences among nature, economy and society as the principal cause of persistent policy failures in both environment and development. The success of this report was determined by the fact, that developed and developing countries had the opportunity to express their thoughts. Developed countries expressed their concerns about environment and long term affect on environment, while developing countries were more concentrated on improving the living conditions. So, in the concept of sustainable development *developed countries* paid more attention to word *sustainable* and *developing countries* to word *development*. The Brundtland Commission also offered the popular definition of sustainable development as „development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs”. Acting on the Brundtland report, summits such as the *Earth Summit in Rio*, Brazil (United Nations, 1992), were the major international meetings to bring sustainable development to the mainstream. Its action Plan, Agenda 21, considered integrated environmental and economic accounting as a „first step towards the integration of sustainability into economic management”. Ten years later, the *Johannesburg Summit* on Sustainable Development (United Nations, 2002) reaffirmed the commitment to the Rio principles and Agenda 21. It did not take up environmental accounting, but called on governments to promote data collection and indicators for sustainable development. *Rio2012, Rio+20* (United Nations, 2012) the third international conference on sustainable development aimed at reconciling the economic and environmental goals of the global community. Nations agreed “to explore alternatives to Gross Domestic Product as a measure of wealth that take environmental and social factors into account in an effort to assess and pay for ‘environmental services’ provided by nature, such as carbon sequestration and habitat protection.” It was also recognized that “fundamental changes in the way societies consume and produce are indispensable for achieving global sustainable development.”

The three approaches of sustainable development cover the following:

- *The economic concept* of sustainability involves requirements for sufficient and stable economic growth, such as financial stability, low and stable inflation rates, capacity to invest, fair distribution of natural resources among the regions and in time between the current and future generations, and requires to reconcile economic activity with productivity of ecosystems, and based on the removable capital theory developed by R.M.Solow (1974,1986). This approach is prevalent in literature, analyzing sustainable use of renewable natural resources, because it is the main theory of optimal and economic effectiveness, fitted to the usage of limited resources.

- Bearing *the environmental concept* of sustainable development, the major attention is being paid to the stability of biological and physical systems. Here the most important goal becomes to protect biodiversity in order to guarantee the balance in the nature and the ability to adapt to faster biosphere changes while maintaining the ability not to lose future opportunities;

- *Socio-cultural concept* reflects relationship between development and prevailing social norms, and seeks to maintain stable social systems, ensuring protection of cultural diversity and equality between different generations and decreasing the opportunities for vital conflicts.

So, economic concept of sustainable development defines development that creates all necessary circumstances for stable long-term economic growth, environmental concept means that natu-

ral resources are used in a way they will be also available for future generations, and social approach requires that all basic human needs should be satisfied in order to create the life of quality.

After having analyzed different approaches of the nature and the concept of sustainable development, it is clear, that majority of science people when defining their own concepts of sustainable development, refer to the Brundtland report, although presenting its different interpretations.

Sustainability may not and cannot be achieved once and forever. Each society will be sustainable in its own way, but no one of them will guarantee the overall sustainability. It is a mobile objective changing together with social values and priorities taking into consideration the quality of environment and opportunities of new technologies.

3. Sectoral integration of sustainability goals

While government action is needed to limit environmental degradation, misguided policies can generate opposite results. This is especially the case of support granted to the sectors that providing goods and services contribute to meeting human needs, though through their activities, also impinge on the resources available to other sectors and future generations. I will try to shortly review the main three sectors – energy, transport and agriculture, while many others like industry, tourism play important role too.

Energy is a key requirement for economic and social development, but certain forms of energy can damage environmental quality when they are produced, transported and used. The main challenges for sustainable energy development are reducing the environmental costs of energy production and use, while extending access to basic energy services in developing countries, and preserving energy security. In achieving these goals, should be implemented the measures:

- to reduce energy demand;
- to develop renewable energy;
- to increase the efficiency of existing energy resources;
- to transfer to cleaner technologies to developing countries;
- to make researches in the areas of new, cleaner, renewable energy sources.

Energy security is a growing concern for rich and emerging nations alike. The past drive for fossil fuel energy has led to wars, overthrow of democratically elected leaders, and puppet governments and dictatorships.

Transport contributes to economic growth and meeting social needs for access and mobility. Although, it also contributes to environmental degradation, depletion of non-renewable resources, and damage to and loss of human health. The goal of sustainable mobility could be achieved by reducing the need to use the transport, improving the use of transport infrastructure and measures, choosing alternate measures of transport such as railways, bicycles, developing public transport, using environmentally friendly transports.

Sustainable transport has many advantages, however, it is extremely difficult to adapt transport sector to sustainable society. One of the reasons is that transportation is interrelated with variety of other activities, that cannot be managed separately. One should also take into consideration, that more than a half of petroleum consumed in the world is due to transport sector.

There are no doubts that renewable resources will be discovered and used more efficiently, but most probably this will not be enough to create sustainable transport system in the world.

Past growth in *agricultural* productions in welfare countries has been achieved with less labour force and less land, but using more water, chemicals and machinery. This has led to the increased pollution and natural resources use, destruction of wildlife habitat. Given that agriculture occupies a third of the world's surface and feeds most of inhabitants, we must steer it with new vigor onto sustainable territories. The economic challenge is a complex one then. It requires proper accounting of resource use, as well as addressing purposes of consumption. What is normally counted economically as an "externality" needs to be internalized instead. For example, tobacco consumption clearly

shows how land is used for a product that is costly to the environment, to people's personal health and to society's resources to provide health care.

Beyond direct subsidies, agriculture is often exempted from measures applied in other sectors to address environmental damage, despite being a major contributor to these same problems. Organic farming would be a partial solution as it helps to solve the basic problems in the countryside. It is based on modern, environmentally friendly technologies. The economic goals of organic farming are the following:

- to maintain density of populated territories;
- to provide citizens with high quality food products;
- to diversify farming activity;
- to apply preventive measures for social crisis;
- to create new jobs;
- to enhance the market.

Sustainable farming must seek for profitability (income guarantee), social (economic justice for current generation and between different generations) and ecological (environmentally friendly approach) cohesion. All participants of this system are responsible for sustainable agriculture – from farmers through producer and institutions to consumers.

4. Key challenges for sustainable economic development

The world's centre of economic gravity is changing and developing economies are among the key drivers of global economic growth. There is a growing diversity of growth and development models which underscores that there are no one-size-fits-all solutions.

The nature of development financing is also changing. Many developing economies are becoming important actors in international finance, trade, investment, innovation and development cooperation, and are contributing to changing the architecture of development co-operation.

Changing geography and nature of poverty raises important questions for traditional approaches to development. A growing proportion of the world's poor live in middleincome countries and urban areas today than in low-income countries and in rural areas. This highlights the important role of institutions and policies overall in those countries, and the need to continuously improve policy making and implementation to address these persistent challenges.

Inequality is an increasing challenge in advanced and developing economies alike, potentially undermining further growth and social cohesion. It has become clear that the benefits of growth do not automatically trickle down and generate more equal societies. It will be important to adopt an inclusive and multidimensional approach to policy making, looking also at the social dimensions such as gender inequality.

The Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) in its report "*Sustainable Development: Critical Issues*" (2001) has also identified some of the conceptual and practical barriers standing in the way of progress. Attaining path of sustainable development requires:

- elimination of negative externalities that are responsible for natural resources depletion and environmental degradation;
- securing public goods that are essential for economic development, such as those provided by well-functioning ecosystems, cohesive society;
- retaining the flexibility to respond to future shocks, even if their probability, size and location cannot be assessed with certainty.

Sustainable development also underscores the importance of taking a longer-term perspective about the consequences of today's activities, and of global cooperation among countries to reach viable solutions.

It is true, that strong economic growth driven by technology advances and by increasing integration between countries has lifted the economic and social well-being of billions of individuals.

But many individuals and countries have remained at the margin of this process, failing to share the benefits of economic growth.

Further, because of inappropriate incentives to consumers and producers, the higher scale of economic activity has often led to pressures on the local and global environment, interfering with the climate system and leading to biodiversity loss, water scarcity and over-exploitation of marine resources.

However, despite the importance of „de-coupling” economic growth from environmental pressures, the implementation of effective policies is made more difficult by the existence of many unsatisfied social needs. Pressing problems of social exclusion, poverty and unemployment are reducing attention paid to environmental problems. In many countries – rich and poor – this is often because of a perception that sustainability is expensive to implement and ultimately a brake on development. Poor countries for their part usually lack the physical infrastructure, ideas and human capacity to integrate sustainability into their development planning. Besides, they are often quite skeptical about rich countries’ real commitment to sustainable development and demand a more equitable sharing of environmental costs and responsibilities. Many people also believe that environmental problems can wait until developing countries are richer. Because of these problems, societies are less willing to accept structural adjustments associated with shifts towards more environmentally sound patterns of production and consumption. Thus, a social aspect is integral to all discussions about sustainable development.

Progress towards sustainable development requires changes at both the domestic and international level, it requires appropriate mix of instruments and institutions capable of implementing them in an open and accountable manner. To achieve this all countries need to make markets work for sustainable development, for example, using price system, to harness science and technology by providing right incentives to innovators and users of technology, use of public and private partnership, to strengthen decision-making by using institutions willing to integrate economic, social and environmental objectives at all levels of policy development and decision making.

Development challenges are global challenges. Issues such as climate change, natural resources scarcity, and food and energy insecurity have implications for all. In a highly interconnected world, global shocks can reverberate quickly, and externalities such as macro-economic instability, social and economic inequalities, and conflict can have large and wide ranging

Many of the most pressing challenges today’s societies are global. Their effects are either independent of where the damaging activity takes place (climate change) or the consequences of continued degradation spill over national borders.

The importance of more effective international cooperation in addressing these challenges is especially important as globalization is often perceived as a major threat to sustainability. Globalization is a major force stimulating competition, resource allocation and the international distribution of technology. Moreover, economic benefits of globalization may contribute to meeting important environmental and social objectives. Scope exists for improving the coherence between international trade and investment regimes, on one side, and environmental and social safeguards, on the other. Also, more systematic assessment of the environmental and social implications of trade and investment liberalization would allow more informed decisions by policy makers, and a better sequencing of the reform process.

As it was mentioned before, the shift in economic weight from developed to developing countries has increased the role of developing countries in ensuring integrity of global economic, environmental and social systems. World trade and investment flows involving developing countries have significantly increased in recent years. But a large number of poorer countries have failed to benefit from globalization. Although, developed countries can help developing countries avail themselves of the opportunities of globalization and to achieve sustainable development domestically in a variety of ways, but mainly by increased access to needed investment flows and markets and

more effective development cooperation programs, so as to help developing countries build their own capacity to attract private investment, protect the environment and reduce poverty.

Finally, there is a huge variety of areas where sustainable approach is needed but there are some where the risk of non-sustainability are highest and where international cooperation is required to modify unsustainable trends. These areas are *human interference with the climate system* and the *unsustainable management of a range of natural resources*.

5. Measures fostering sustainable development

Every person is not only using natural resources, but with his activity influencing surrounding environment. Constantly increasing population and its needs arrived to the level of influence with harmful consequences. If we want to achieve sustainable development we need to implement essential changes in all described sectors. To gain that we can accumulate a wide range of measures – regulatory, administrative, economical, ethic, educational, etc. But in this paper will be covered only economic instruments of sustainable development management as their effectiveness relies on many different factors of economic activity.

Economic factors of sustainable development define the cohesion of economic outcomes derived from decisions made by economic subjects and extent and nature of environmental impact. According to this, economic factors can be divided into two interrelated groups: incentives, i.e. economic leverages of sustainable development, and outcomes, i.e. the impact of sustainable development and its management leverages on financial results of economic subjects.

The following economic measures of sustainable development might be notified:

- *Progressively eliminate subsidies that together with taxation systems are often used to reallocate in favor of those who need that the least and that are damaging for environment, because support unsustainable production and consumption.*

Often subsidies not only contort competition conditions, but also result in resource waste and social inequality. Subsidies should be addressed to reduce all kind of activity that is damaging environment. Implementation of this measure could have positive economic impact, but it is limited by other objectives, especially related to social cohesion and interest groups activity.

- *To introduce the so-called “Tobin tax” for all international financial agreements.*

This would allow financing huge international environmental and development projects. It is suggestion by Nobel Laureate economist James Tobin (1970), to impose a tax on all spot conversions of one currency into another. He thought, that taxing money transfers by 0,1 per cent, this tax would bound the quickest and the most dangerous financial speculations. The main idea of Tobin tax was to allocate collected funds to the countries that were facing the poverty at the moment. On the other side, due to large money transfers big amounts of funds would be collected and used to finance environmental projects.

- *To increase insurance deposits for environmentally risky sectors (nuclear energy) in order they appropriately reflected the risk level.*

Ecological risk is globalizing, so it is important to compensate and reduce it. Insurance is one of the main financial guarantees ensuring that the negative impact on environment will be remunerated.

- *To implement principles of ecologic banking by creating funds holding tax exemptions and providing actives that would finance “loan portfolio” of debtors meeting specific criteria.*

For a long time banks considered themselves as environmentally friendly organizations. In fact, it is difficult unambiguously to assess banks' impact on environment. But in times when environmental protection becomes more and more tender problem, banks started to promote active economic, political impact by motivating their activity to be more environmentally friendly. But of course, besides the risk assessment, the bank led by principles of sustainable development in their activity should also follow some principles, that instead reduce bank's profitability. It is clear, that the

concept of sustainable banking requires that banks applied different service tariffs for clients committed to sustainable development in different levels.

- *To apply stepped-up depreciation for investments into environmentally friendly technologies.*

When talking about enterprises investments directed to reduce their negative impact on environment or to improve environment in the concept of long-term development, should be highlighted the importance of such investments, especially in the heavy industry. According to this would be appropriate to create taxpromotion instruments aiming to increase investments of this nature, and vice versa, to impose tax system unfavorable for enterprises not committing themselves to improve their impact on environment while seeking to gain competitive advantage through the lower production costs.

- *To reorient current economic competitive policy in achieving ecologic and resource protection objectives.*

In market economy, ecologically educated consumers have a unique right to fasten movement towards more sustainable market economy by constantly purchasing environmentally friendly products. Governments could also support this process through introduction of ecological labels and financial mechanisms encouraging ecologic consumption. But the challenge is not only to achieve sustainably qualitative model of consumption, but also to reach sustainably qualitative gross consumption level.

- *To move to assessment model, where all costs covering the “lost” link between scarce resources and their value would be reflected in the price.*

In market economy, the main signal for both business and consumers is the price. So it should include environmental costs of all products, processes and services. While resources are disappearing, their value increases. Natural resources like oil, gas or coal are verylimited; their consumption has steadily increased in recent years resulting in their price increase. So, the price increase of natural resources sends clear signal of scarcity.

- *To apply preventive principal “polluter pays”.*

This principle means that all responsibility, including material, is applied to polluters or consumers, i.e. all social and economic losses caused by pollution and resource usage should be covered by polluters (consumers).

- *Where possible, to pass the ownership rights to the “lowest” suitable level of community or society according to extent of resources included.*

Movement to sustainable development is like a movement to a new level in government and citizens' communication, where the government delegates the power to citizens. Using this approach, people are motivated to seek their own benefits, and also to help solving substantial country, regional or global problems.

- *To guarantee stable prices, salaries and employment rates that would lead to long-term approach.*

Lower inflation rate would lead to clearer price signals and better investment decisions made by economic agents; also would protect citizens getting fixed salary. These are essential assumptions encouraging ecologically sustainable activity.

Conclusions

1. There are many definitions of the concept of sustainable development in the literature; however, its essential idea is presented by the Brundtland Commission definition “the needs of current generations cannot compromise the needs of future generations”. Such an approach means that current generation should take care of the needs of future generations; the well-being of people society is closely linked to the welfare of natural ecosystems; economic development covers not just physical, but also ethic restrictions, and common economic purpose is to achieve sustainable development combining economic, social and ecological development.

2. Sustainability cannot be achieved once and forever. Each society will be sustainable in its own way, but no one of them will guarantee absolute sustainability. In different countries and regions having different economic, cultural development levels, different traditions, variety of natural resources and environmental pollution, the aims of sustainable development may be quite different.

3. Economic aspects of sustainable development are reflected in the concept of maximal income received by maintaining stocks of capital generating economic benefit. The base of sustainable development – to find the optimal cohesion level between three concepts – biologic and natural resources system with economic and social system. Sustainable economic development includes sustainable development of main economic sectors – energy, transport, agriculture, industry.

4. The world's centre of economic gravity is changing and developing economies are among the key drivers of global economic growth. Attaining path of sustainable development requires elimination of negative externalities that are responsible for natural resources depletion and environmental degradation; securing public goods that are essential for economic development, such as those provided by well-functioning ecosystems, cohesive society; retaining the flexibility to respond to future shocks, even if their probability, size and location cannot be assessed with certainty.

5. After decades of measuring economic progress in terms of income growth, national leaders are now paying much more attention to the quality of that growth. The shift stems from a growing realization that an impressive rise in gross domestic product per capita in the short term means little if living standards are undermined in the long term by poor health, underinvestment in education, a degraded environment, and a widening gap between rich and poor.

6. There is a huge variety of areas where sustainable approach is needed but there are some where the risk of non-sustainability are highest and where international cooperation is required to modify unsustainable trends. These areas are *human interference with the climate system* and the *unsustainable management of a range of natural resources*.

7. If we want to reach sustainable development, essential reforms are needed in all sector of society.

References

1. AIV (2011). The post-2015 development agenda: the Millennium Development Goals in perspective, No. 74 (April). The Hague: Advisory Council on International Affairs. Available from Internet: <http://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/774aiv.pdf>

2. Barbier, E. (1989). Economics, natural-resource scarcity and development. – London.

3. Berg, Andrew, and Jonathan Ostry (2011). Inequality and unsustainable growth: two sides of the same coin? IMF Staff Discussion Note. SDN/11/08. Washington, D.C.: International Monetary Fund. 8 April. Available from Internet: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/sdn/2011/sdn1108.pdf>.

4. Daly, Herman (1991). *Steady State Economics*, Washington, D.C.: Island Press. (1996). *Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development*. Boston, Massachusetts: Beacon Press.

5. Evans, Alex (2010). Globalization and scarcity: Multilateralism for a world with limits. New York: Center on International Cooperation, New York University. November.

6. Food and Agriculture Organization of the United Nations (2003). World agriculture: towards 2015/2030 prospects for food nutrition, agriculture and major commodity groups – interim report. Rome. Available from Internet: http://www.fao.org/fileadmin/user_upload/esag/docs/y4252e.pdf.

7. Islam, Nazrul (2012). Towards a sustainable social model: implications for the post – 2015 agenda. Background paper prepared for *World Economic and Social Survey 2013*. Available from Internet: http://www.un.org/en/development/desa/policy/news_events/social_model.pdf.

8. Holling, C.S. (1973). Resilience and stability of ecological systems // Annual review of Ecology and Systematics. Nr. 4. pp. 1–23.
9. Kates, Robert, Thomas M. Parris and Anthony A. Leiserowitz (2005). What is sustainable development? goals, indicators, values, and practice. *Environment: Science and Policy for Sustainable Development*, vol. 47, No. 3, pp. 8–21.
10. Organization for Economic Cooperation and Development (2012b). *Development Cooperation Report 2012: Lessons in Linking Sustainability and Development*. Paris. Available from Internet: <http://dx.doi.org/10.1787/dcr-2012-en>.
11. Sachs, J. (2005). *The End of Poverty: Economic Possibilities for Our Time*. (ISBN 1-59420-045-9).
12. Solow, R. M. (1974). The economics of resources and resources of economics // American Economics Review. No.64.
13. Sorlin, S. (1997). The road towards sustainability – a historical perspective. – Upsalla Univeristy.
14. World Commission on Environment and Development (1987). *Our Common Future*. Oxford: Oxford University Press.
15. United Nations (1993). Report of the United Nations Conference on Environment and Development, Rio de Janeiro, 3–14 June 1992, vol. I, Resolutions Adopted by the Conference. Sales No. E.93.I.8 and corrigendum. Resolution I, annex I (Rio Declaration on Environment and Development). Resolution I, annex II (Agenda 21).
16. United Nations (2013). World Economic and Social Survey 2013. Sustainable Development Challenges. E/2013/50/Rev. 1. ST/ESA/344. Department of Economic and Social Affairs. Available from Internet: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_current/wess2013/WESS2013.pdf

В поисках согласия и счастья

1. Общение как категория общественного бытия

Природа наделила человечество умом, чувствами, характерами, духом. Но люди не похожи друг на друга, у них все человеческие качества неодинаковы и неравноценны. Есть люди умные и не очень, эмоционально “горячие” и спокойные, добрые и не очень, “жесткие” и “мягкие”, сильные и слабые. Но они не живут изолировано, а совместно образуют сообщество. Чтобы выжить, существовать, утверждать свой сегодняшний и завтрашний день, улучшаться и подниматься вверх, люди должны научиться жить вместе, вместе созидать свою судьбу, воспитывать великое чувство толерантности, солидарности, общности судьбы.

Общение, на мой взгляд, одна из исходных категорий человеческого бытия. И оно начинается с появления Адама и Евы. Именно с Адама и Евы началось не только человеческое биологическое размножение, но и общение людей, связанное с необходимостью выживания, существования, защиты жизнедеятельности. И этому содействовали данные дарованные природой язык и мышление.

Мне кажется, что вообще в живой природе на земле все построено на основе “общения”, общности, сплочения видов живой природы. Виды растений природы растут, цветут, располагаются компактно по видам. Стада диких зверей тоже живут семьями, стаями совместно. Это тоже природный инстинкт защиты, выживания. Получается, что общение в живой природе – естественный феномен, проявляющий себя в разнообразных видах, то есть общение – категория вообще формирования способа существования живой природы, построенного на взаимосвязанности всего сущего в мире.

Немыслим биологический мир без растений и лесов, как и без зверей. Немыслима планета без людей, населяющих ее. Природа дает им “право” существовать вместе. Немыслима жизнь без одного из видов живой природы.

Осознание, ощущение того, что общение людей – самое ценное, соединяет людей и объединяет в сообщество. На разных уровнях общественного развития именно общение людей как естественное и непреходящее человеческое качество объединяло их. Общение – основа возникновения общества, имеющего жизненно непреходящее значение, пока жива планета Земля. На пути цивилизационного прогресса качество общения меняется, возвышается, но общение как естественное свойство, характерное и присущее всем этапам развития человечества, незыблемо. Человечество, качественно возвышаясь, воспитывает процесс общения.

Накопленные глубокие и широкие знания, более “обученный” ум, как дитё перемен, более приятные душевные эмоции, толерантные такты человеческих отношений и высокий уровень жизненного благополучия способствуют тому, чтобы человеческие общения стали более благородными, возвышенными, притягательными, как зеркало отражения сущности развития человеческого общества.

Значение общения в нашей жизни неоспоримо. И почему, вдруг, возникло заострить внимание на проблемы общения? И есть ли проблема?

В Кыргызстане, если не сказать во всем постсоветском пространстве, после распада СССР, выбора независимости и нового общественно-экономического устройства общение сокращается как процесс духовного взаимообогащения, теряет свою прелесть откровенной, сердечной привязанности и исповедальности, облагораживающей и очищающей души. Круг общений становится узкокорыстным, замыкаясь группами: во властных структурах, в бизнесе, в коррупционной и криминальной “сходках” и т.д.

С приобретением независимости в определенной мере сузилось, причем значительно, пространство интеллектуального, духовного, научного, культурного общения. Вспоминаю, какую роль играло всесоюзное центральное телевидение, когда передавало поэтические чтения в Политехническом музее, во Дворце спорта в Лужниках, чтения по телевидению стихов великих русских поэтов Олегом Ефремовым, Василием Лановым, собственных стихов Евгением Евтушенко, Андреем Вознесенским, Робертом Рождественским, Беллой Ахмадуллиной, Андреем Дементьевым другими.

Сейчас российские телеканалы больше и с “перебором” передают: ток-шоу с одними и теми именами, что уже надоедают; многосерийные детективы ежедневно одни за другими и создается впечатление, что телеканалы учат воровать, грабить, поджигать, насиловать, убивать. Святым “лучом” среди всего этого выглядит российский телеканал “Культура”, духовное, познавательное, образовательное, воспитательное, значение которого трудно переоценить. Поистине носитель и распространитель света и добра, любви и надежды...

Всеми доступными и общественно приемлемыми методами, формами и средствами (используя научные и образовательные аудитории, театры и кино, телевидение и радио и т.д.) можно было бы и надо бы возродить и возвысить роль общения как процесса формирования достойных личностей в обществе, образованных и интеллигентных, деятельных и нравственных, истинных патриотов страны. И, наконец, общение – сильнейший фактор политической стабильности, экономического роста и социального согласия.

2. Претензии на идеологию

Если говорить о человеческом обществе, укрепление общности, сплоченности людей обеспечивалось разнообразными методами и средствами общения. Религия на ранних этапах человеческой цивилизации была одним из действенных средств, методов соединения людей, сплочения их одной идеей, верой во что-то. Люди без оглядки следовали за ней. Религия существовала для обеспечения жизнедеятельности и защиты от природных и людских угроз.

Кто соединяет сегодня в Кыргызстане людей нравственными наставлениями, духовными, моральными?

Партии? Нет, потому что преследуют конкретные политические и экономические интересы. Это борьба за власть и отражение интересов определенных социальных слоев в экономической и общественной сфере.

Государственная власть? Нет, так как она занята организацией управления страной, определением его структуры и механизмов и методов обеспечения его функционирования, установлением норм и правил поведения людей, утверждением законов функционирования государства.

Конечно, без учета нравственного климата в обществе, духовной развитости и морально-го его облика невозможно правильно поставить цели и задачи, построить полноценное государство, отвечающее чаяниям народа. Учитывать это обязаны и партии, и государство, и общественные движения. Но он (учет) отброшен на “второй” план.

Важнейшей задачей Компартии при Советской власти была идеология, включая и духовное, нравственное воспитание людей. Коммунистическая партия в своих программных положениях утверждала как одну из верховенствующих задач формирование положительных нравственных, духовных, моральных основ. Но с этой задачей она не справилась, потому что не справилась с задачей обеспечения благополучия людей. Духовность, нравственность и мораль зависимы от благополучия людей, хотя, конечно, и обратная связь существует.

Ныне партий “образующих” основы духовности, нравственности нет. Кто же займет “свободную вакансию”? Ее величество религия? Духовное, нравственное воспитание людей стихийно переходит в религию... Хорошо или плохо? Полезно или вредно? Положительными или негативными будут последствия?

Религия объясняет мир своими теологическими положениями. Насколько это верно? Есть научное объяснение, основательно аргументированное, теоретически, экспериментально и исторически доказанное. Религия все это будет подвергать сомнениям и отвергать? Светский мир будет предан забвению?

В древние времена, когда наука еще не была достаточно развита и не могла убедительно объяснять мироздание и роль человека в нем и человеческих отношений, кому-то нужно было, – когда возникали вопросы: жизнеобеспечения людей, прекращения распри внутри общин и установления мира и спокойствия, сплочения людей вокруг достижения какой-то цели, защиты от внешних сил и т.д., – нужно было объединять людей и вселить веру во что-то. Нужна была “идея”, которая бы тронула души и умы. Надо было определить какие-то постулаты, вложить их в какие-то установки (моральные, поведенческие, целевые), в которые люди поверили бы и следовали за теми, кто провозглашал. Так рождались религия и ее основатели, становясь “пророческими” силами овладевающими умами и сердцами людей.

По мере развития наук, в том числе социальных и гуманитарных, роль религии как толкователя мироздания приуменьшалась и эта роль ей сегодня по большому счету не принадлежит. Наука сделала гигантский шаг и в состоянии доказательно и ясно объяснять Вселенную в ее многообразии, динамику и судьбу человеческого общества. Но будет ли в будущем до конца раскрыты тайны образования Вселенной?

Какова роль религии? Какое развитие, за длительный период со дня их появления как особого религиозного учения, получили известные Буддизм, Иудаизм, Ислам, Христианство и т.д.? Ведь, их положения и толкования “увековечены”, превращены в догмы и иночтение их считается грехом. Реакция различных религиозных учений на изменения в мире насколько адекватна этим изменениям? Идут ли их объяснения с позиции догматических толкований, или учитывая достижения наук в раскрытии тайн мира? Или в успехах наук религия видит “Божью волю”? И каковы тайны проникновения религии в сознание людей, овладевая их умом и душой? Выдающиеся ученые признавали и признают существование бога, а иные из них прекращают занятия наук и идут служить в церковь.

Как положительное влияние религии отделить от ее неприемлемого воззрения на развитие общества? Ведь, положительность духовности, нравственности, морали тоже зависит от того, как правильно отражено в сознании людей развитие мира.

Наука должна объяснять мир накопленными знаниями о нем, подтверждая реальными фактами. Религия, учитывая и признавая научное объяснение мира, не должна вторгаться в неведомые ей сферы мироздания, а заняться “душетворением”, то есть нравственным и духовным воспитанием, прививая добрую мораль, правила хорошего тона и поведения, пробуждать в людях добрые чувства и эмоции. Этим самым религия заполнила бы нишу, которая практически осталась “бесхозной” после ухода со сцены компартии. Невозможно объяснять весь мир религией, но души человека религия может помочь воспитывать, делать их добрыми, благородными, чувствительными, излучающими свет, нежность и любовь. Светское общество и религия сообща должны “формировать” души людей, не отвергая друг друга, а дополняя. Вера в религию среди населения не должна заслонять светский образ жизни. Заметной, определяющей должна быть роль науки, образования, культуры, СМИ. Надо уважать должное место религии в обществе, но и она должна уважать правила жизнедеятельности светского общества.

С отходом от коммунистической идеологии, в которой атеизм был ее составной частью, и от коммунистического режима, утвердившего советское государство и отделившего от него религию, и переходом к новому, демократическому общественно-экономическому и государственно-правовому устройству, в котором светский образ тоже сохраняется, существенно изменилось отношение государства к религии. В идеологии демократических обществ нет места атеизму. Действительно признана и “объявлена” свобода вероисповедания.

Религия почувствовала себя более раскованной, реально свободной. И, можно сказать, идет бум религиозного движения и растет его влияние на жизнедеятельность государства. Высшие государственные лица светского государства публично выражают свое уважение (а, может и приверженность) к религиям и их высокочтимым лицам. К чему это приведет? Каковы будут последствия? Будем надеяться на позитивное влияние. А это зависит от умной политики взаимодействия государства и религии. Отношение государства и религии сегодня, иное чем при Советской власти, которое рождает соответственно иные проблемы. Но они – проблемы сотрудничества и солидарности во имя процветания страны, материального и духовного благополучия народа.

3. Об эволюции общественного развития

Человечество в своем развитии прошло ряд исторических переломных этапов своего развития. Эти этапы можно рассматривать в аспекте изменения форм политико-экономического устройства и в аспекте изменений технико-технологических укладов экономического развития, характеризующий виды и качество средств и предметов труда, технологию производства и производительность производительных сил. Первый аспект наиболее выпукло может быть показан использованием формационного подхода анализу общественного развития, использованного Карлом Марксом. Второй аспект может быть отражен методом стадийного анализа У. Ростоу и теоретическими положениями Дж. Гэлбрейта об индустриальных обществах.

Формационный анализ Карла Маркса строился на признании определяющей роли форм собственности при выборе форм общественно-экономического и государственного устройства. Классовый подход предвосхищал формирование государственной власти как орудия господства одного класса над другим. Учение К. Маркса призывало к борьбе против частной формы собственности на средства производства и господства имущего класса над неимущим.

Экономическая и политическая цивилизация в современном мире достигли такого уровня в цивилизованных развитых странах, что формы собственности на средства производства не являются абсолютной основой выбора форм государственного устройства. Частная форма собственности не имеет превалирующего значения, как и общественная форма собственности. Трансформация развития форм собственности привела к признанию многоукладной экономики, которая включает частную (в разных видах) и общественную (государственную) форму собственности. Тем самым формационный подход к общественно экономическому устройству “исчерпал себя”, завершая свой исторический путь признанием не господства одного класса над другим, а политического согласия, экономического партнерства и социальной солидарности, роли государства как выразителя чаяний и воли всего народа.

В смысле технико-технологического способа производства экономически развитый мир пережил ряд этапов: простой ручной, мануфактурный, машинный, индустриальный (разных уровней), информационный и наступил этап инновационных преобразований, как естественное использование, продолжение и приумножение успехов индустриальных и информационных этапов развития.

Индустриальный, информационный и инновационный способы производства по сравнению с предыдущими этапами неизмеримо увеличили масштабы экономики, приумножили ее абсолютный потенциал и производительность. Нужда и бедность как категории, характеризующие на национальном уровне массовое явление, исчезают, а отражают “единичные” случаи.

Политическое согласие, социальная солидарность, экономическое партнерство, высокий уровень экономического развития и наукоемкость, технологическая вооруженность жизнедеятельности общества, достигнутые жизненные благополучия позитивно влияют на социальную ситуацию, общественное сознание, эмоциональный фон и психологическую ауру. Об-

щение становится более благожелательным, благородным, востребованным и притягательным. Очевидны признаки гуманизации общественного развития. Человечество в своем развитии определяет свой очередной этап развития. Назовем это этапом гуманизации человеческого развития, когда “сливаются” в один виток социальная солидарность как отражение лика общества и инновационное развитие как отражение экономического роста, исключаящего нужду и бедность как социальное явление.

Но мировое сообщество состоит не из одного развитого общества. Наряду с высокоразвитыми странами существуют среднеразвитые, сохраняются отсталые. Мир многолик. И когда нужно оценивать: какого уровня цивилизации достигло человечество, то какой критерий нужно выбирать? Можем ли выбрать максимум достигнутого в развитом мире? Или ориентироваться на “серединный” уровень среднеразвитого мира? Или отталкиваться от низового уровня отсталого мира? По какому критерию оценить в целом достигнутый современный уровень мира в целом?

Мне кажется, когда идет об оценке достигнутого цивилизационного уровня развития, то нужно в качестве критерия мерилom оценки может служить успех развитых стран, который будет ориентиром для всего человечества к стремлению к прогрессу.

Ныне развитые страны уже переживают этап гуманизации общественного развития. Это в особенности наблюдается там, где государство активно способствует социальной толерантности, солидарности, согласию, своей умной экономической политикой формируя разумный баланс интересов социальных слоев. Это заметно, как мне кажется, в Швейцарии, Австрии, Норвегии, Швеции, Дании, Нидерландах, Финляндии, Германии, в которых в принципы социальной экономики достаточно глубоко уже вошли в общественное сознание.

Путь к гуманизации общественного развития в Кыргызстане, может быть, как и во всем постсоветском пространстве, долгий. Пока, к сожалению, мечты. Но они когда – то должны быть воплощены в жизнь. Поэтому теоретические исследования, поиски путей, методов и форм решения, механизмов реализации идей, прогностический анализ ситуации и прогноз вариантов событий, – все должно готовиться как подготовительная работа к рывку, а она всегда бывает кропотливой.

В постсоветском пространстве в выборе моделей общественного развития, типов структур и форм общественно-экономического и государственно-правового устройства не все безусловно продумано и не безошибочно, потому что подходы теоретически не всегда убедительны. Во властных структурах не придано должное внимание научным аргументам, не учтено непреходящее объективное влияние эволюции развития на определении моделей современного развития. Поэтому ошибки в решениях, когда или сохраняются привязанность к отжившим и устаревшим аргументам, либо – замах на недостижимые сегодня решения. Точное попадание в цель при выборе конкретных моделей развития зависит от объективной оценки сегодняшнего состояния и возможностей развития, тенденций в его динамике и предвидения вероятных прогнозов. Отсюда желание наблюдать и изучать эволюцию общественного развития имеет не только чисто теоретическое значение, но и прямой практический смысл!..

Высшая цель государственной политики – обеспечить согласие в обществе и сделать счастливой судьбу людей!

Владимир Сергийчук
Профессор Киевского Национального
Университета им. Т.Шевченко, Украина

Состоятельность и благотворительность: украинская традиция помощи в развитии духовности

Еще с незапамятных времен в Украине утвердилась традиция, когда состоятельные люди делились с обществом своими капиталами во имя развития духовности родного народа. Особенно четко она проявлялась с того времени, когда наш народ потерял собственную государственность. К примеру, благодаря щедрым жертвованиям князей Заславских имеем и поныне неоценимую сокровищницу украинской культуры – “Пересопницкое евангелие”, на котором Президенты Украины приносят присягу перед своим народом и целым миром.

Тогда в среде украинской шляхты всегда находились меценаты, понимающие, скажем, роль образования для будущего своего народа, ибо именно таким путем можно было готовить кадры собственной элиты, которая защищала бы его права. В частности, на деньги князей Острожских возведена знаменитая в средневековье Острожская академия, возродившаяся в наши дни тоже в значительной степени благодаря помощи состоятельных украинцев и с Украины, и зарубежных. А в Киеве, благодаря благотворительности Галшки Гулевычивны закладываются основы будущей Киево-Могилянской академии, ставшей светильником просвещения для всей Восточной Европы.

Такой она смогла стать в значительной мере благодаря материальной поддержке украинского гетмана Ивана Мазепы. И здесь уместно подчеркнуть, что современников изумляли размах и широта его меценатства. Он, властитель десятков тысяч феодально зависимых от него крестьян в разных ипостасях, полученные деньги от их труда превращал в новые очаги духовности, в первую очередь постоянно поддерживая бурсаков Киево-Могилянской академии. Кстати, кроме того, что гетман построил новый учебный корпус для нее и рядом с ним церковь Братского монастыря, он ежегодно передавал учащимся этого высшего учебного заведения 1000 золотых.

“Не бысть прежде его, подобен ему, и по нем не будет”, – так писал в 1705 году будущий митрополит Тобольский и Сибирский Антоний Стаховский. Уже после кончины Мазепы казацкая старшина попыталась подсчитать все то, что он “раскинул и роздал ... щедрой рукой в набожном намерении на строение многих церквей и монастырей, на милостыню и тому подобное”. Этот реестр поражает: позолота купола Печерской церкви 20500 дукатов; стена вокруг Печерского монастыря и церквей (сохранилась по сегодня) – миллион; большой колокол и колокольня Печерского монастыря 73000 золотых; большой серебряный подсвечник для Печерской церкви 2000 империалов...

Всем известная колокольня Софиевского собора в Киеве, что стала своеобразной визиткой столицы Украины, ее символом, тоже появилась в современном виде благодаря меценатству Ивана Мазепы. А если сложить те деньги, которые гетман потратил на сооружение других церквей в Киеве, Чернигове, Батурине, Переяславе, Глухове, Макошине, Рыльске, то получится очень круглая сумма.

Гетман Мазепа пожертвовал также огромные суммы на поддержку православной церкви в Польше, Литве, Греции, Молдавии, Валахии, Сербии, Болгарии... На восстановления монастыря Святого Саввы в Иерусалиме он дал в 1701 году 50 тысяч дукатов, а потом на окончание строительства этого же монастыря и в другие места Палестины выслал Патриарху Хрисанфу еще 30 тысяч указанной валюты. Кроме того, именно за счет средств украинского гетмана была изготовлена чаша из чистого золота, лампа и серебряный алтарь для Божьего

гроба в Иерусалиме – это все стоило 20000 золотых. А еще серебряная плащаница, под которой покоятся останки Иисуса Христа...

Передают, что возведенные Мазепой храмы сохраняли такую энергетику его духа, что даже император Петр I не осмелился уничтожить их, дабы стереть память о непокорном гетмане. А когда царь Николай I, посетив в Киеве построенный Мазепой Никольский войсковой собор, узнал от настоятеля, что в этом храме постоянно молятся за его fundатора, даже содрогнулся, но потом, поразмыслив, выдохнул: “Ну и молитесь!” – и поспешил уйти.

Пример Ивана Мазепы в строительстве дворцов и церквей наследовал и последний гетман Украины Кирилл Разумовский, который тратил на это личные доходы. В частности, до наших дней сохранился собор Рождества Богородицы в Козельце на Черниговщине, построенный в 1752–1763 годах по проекту Бартоломео Растрелли под руководством Ивана Григоровича-Барского.

Для возрождения бывшего высокого уровня образования в Украине гетман Разумовский вынашивал идею создания двух университетов. Один из них должен был с четырьмя факультетами преобразоваться с Киево-Могилянской академии, другой – основаться в составе трех факультетов в Батурине, куда Разумовский перенес столицу Гетманщины.

Такому примеру последовали не только многие казацкие старшины, но и их потомки, которые вскоре превратятся в первых капиталистов. В частности казацкий сын Артемий Терещенко в бывшей гетманской столице Глухове в начале XIX столетия вместе с женой начал мелкую торговлю. Но очень скоро он развернул успешную торговлю хлебом и деревом. Затем занялся производством сахара, скупив для этой цели более десятка сахарных заводов. Трое его сыновей – Николай, Федор и Семён – также увлеклись делом отца. Передавая его сыновьям, глава семьи поставил условие: 80 процентов прибыли должно идти на благотворительность и меценатство.

Такой подход дал возможность Терещенкам оставить добрую память о себе, прежде всего – в родном Глухове. Здесь за их деньги появились ремесленное училище, женская и мужская гимназии, педагогический институт... Свыше полутора миллиона рублей пожертвовала семья сахарозаводчиков на эти цели. К этому необходимо добавить, что на основанный ими в Глухове приют для малолетних сирот и детей неимущих жителей ежегодно отчислялось три процента прибыли, а на бесплатную больницу Святой Ефросинии – два. Заботились Терещенки и о возведении храмов. Скажем, и сегодня величественно возносится в Глухове Трехнастасиевская церковь, построенная в 1885–1893 годах как семейная усыпальница.

Но Терещенки больше всего известны своим увлечением в развитии музейного дела. Их вклад в постройку музея в Киеве был самым внушительным. А в день его торжественного открытия 30 декабря 1904 года от семьи была передана коллекция славянских древностей из 900 предметов. Впоследствии Терещенки заказали для музея свыше 30 портретов украинских гетманов и полковников, продолжали пополнять его фонды новыми картинами, археологическими находками и найденными рукописями.

Огромную роль в создании указанного музея сыграл и Богдан Ханенко, потомок одного из гетманов Украины, председатель правления Товарищества свекольно-сахарных и рафинадных заводов братьев Терещенко. Вместе со своей женой Варварой (из рода Терещенков) за полстолетия он собрал 1200 художественных произведений, множество ценных книг, которые и поныне радуют глаз Музея западного и восточного искусства их имени в Киеве.

К лику выдающихся украинских предпринимателей-патриотов нужно отнести братьев Яхненко и Симиренко, которые еще в середине позапрошлого столетия создали фирму, где был вольный труд, уважение прав и свобод личности. Приобщая украинских крестьян через свои предприятия к новейшим техническим достижениям и промышленной культуре передовых стран Европы, она одновременно давала возможность им раскрывать свои таланты, пробовать свои силы в создании новой техники. Так, на небольшом механическом заводике в селе Городище свыше 150 лет тому не только выпускали необходимое оборудования для

сахарного производства, но и взялись за сотни километров от моря строить суда. Изготовленный в Городище цельнометаллический корабль “Украинец” стал на многие годы своеобразным символом Днепровской флотилии.

Признавая братьев Симиренко и Яхненко творцами украинской национальной экономики, следует упомянуть и о том, что они были в числе первых, кто умелый менеджмент соединял с благотворительной деятельностью. К примеру, когда в 1830 году в Киевской губернии через засуху возник сильный голод, то фирма на протяжении трех месяцев обеспечивала кровом и питанием более 10 тысяч обездоленных людей. Что же касается поддержки духовной жизни украинства, то в первую очередь необходимо подчеркнуть, что Платон Симиренко предоставил помощь для нового издания “Кобзаря” (1860) Тараса Шевченко, а также “Букваря”, который поэт подготовил для народных школ.

Его младший брат Василий Симиренко, став еще в молодости активным участником преследуемого царизмом украинского национального движения, ежегодно выделял на развитие родной культуры десятую часть своих доходов. Благодаря ему издавались различные газеты и журналы, преследуемые царским правительством оказавшись за рубежом деятели украинской культуры постоянно получали от него материальную помощь, в частности лидер украинского национального движения Михаил Драгоманов. Для этого Василий Симиренко учредил первый в России фонд поддержки украинской литературы, культуры и науки, на деле доказывая, что его “патриотизм достигал не только глубины души, но и глубины собственного кармана”.

Между прочим, это выражение еще один филантропу – Евгений Чикаленко произносил уточняющее: “Любить Украину не до глубины души, а до глубины своего кармана”. Он также финансировал деятельность Научного общества имени Тараса Шевченко; помог построить во Львове Академический дом, где жили студенты из Приднепровья; благодаря его поддержке существовало Петербургское благотворительное общество издания общепользных и дешевых книг для народа; именно Евгений Чикаленко поддерживал журнал “Киевская старина”, журнал “Литературно-научный вестник”, издательство “Век”, а также первые украинские газеты, появившиеся после российской революции 1905 года, в первую очередь киевскую “Раду”.

Понимая, что газету выписывают только люди, интересующиеся украинским движением, а задача состоит в том, чтобы число таких людей увеличилось, чтобы шире разлилась это сознание среди всех слоев, сословий, классов населения, он делал все, чтобы пресса самым широким образом распространяла национальное сознание.

И если широкие массы украинцев встретили Февральскую демократическую революцию с подъемом, осознанно приняли активное участие в строительстве возрожденного украинского государства, то в этом несомненно заслуга и Чикаленко, ибо субсидированная им украинская печать сыграла огромную роль в распространении национальной идеи его земляков.

Сам Чикаленко был счастлив, что дожил до этого дня. В письме украинскому обществу и другу Петру Стебницкому 20 сентября 1917 года он писал следующее: *“Дожил я до того, что даже осуществятся мои детские мечты о казацких полках, не говоря уже о зародыше автономии, о которой грезилось уже в старших годах. Значит, я с детских лет взял правильный курс и шел им всю жизнь, и детей к этому наклонял, и всех, на кого мог влиять. Правда, порой бывало неверие – думалось, что украинское движение будет только дымить, вонять и никогда не займется ясным пламенем. Сколько раз близкие приятели уговаривали покинуть издание “Рады”, потому что Украина еще не доросла до ежедневной газеты, но я себе решил, что в инвентаре нашем должна быть ежедневная газета и то и дело говорил себе – “А ты, Марк, играй!”. И играл, как мог, и других к тому поощрял. И получается, что я не ошибся ...”*

Действительно, главным в его жизни была мечта об Украине. За это он был готов отдать все, о чем свидетельствует его письмо к известному украинскому писателю и первому председателю правительства Украинской Народной Республики Владимиру Винниченко от 1 января 1920 года: *“Вы упрекали меня тем, что я хочу спокойно, под гетманским крылом, владеть своими поместьями! Украиной я больше дорожу, чем поместьями, ибо она была целью всей моей жизни. Если бы была Украина, то я не нуждался бы имений, ибо всякое украинское правительство дало бы мне или пенсию, или синекуру, если бы я не имел на что жить, я в этом определенный; а имения без Украины не дадут мне удовольствие, и я предпочел бы иметь Украину без имений, чем имения без Украины ...”*.

К лику именно таких щедрых меценатов нужно причислить и крупного украинского землевладельца Григория Галагана, знавшего лично Тараса Шевченко. Он, кстати, первым открыл крестьянскую кредитно-сберегательную кассу в Украине, которая поддерживала хлеборобов, аккумулировала средства и на культурные цели. Благодаря его личным пожертвованиям была построена гимназия в Прилуках, коллегия Павла Галагана в Киеве в честь преждевременно ушедшего из жизни его сына, и многое другое. Именно украинскому меценату Григорию Галагану было первое доверено возглавить Юго-Западное отделение Русского географического общества в Киеве в 1873 году.

Следует добавить, что в нашей истории запечатлилось много примеров и того, когда выбившиеся в состоятельные верхи общества украинцы, особенно в Санкт-Петербурге, старались помочь в развитии духовности родного народа. Скажем, на деньги князя Александра Безбородко, канцлера Российской империи в конце 18 века, основано Нежинскую гимназию высших наук, в которой впоследствии овладевал знаниями Николай Гоголь. Кстати, ему помогали здесь учиться выдающиеся сыны нашей земли Иван Орлай и Михаил Балудянский. А профессор-хирург Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге Павел Пелехин передал Научному Обществу имени Тараса Шевченко во Львове необходимую сумму для открытия медицинского отдела при местном университете и подготовке кадров для него. Можно добавить, что этот меценат был готов продать за 300 тысяч рублей 17 гектаров леса в Сестрорецке, дабы на проценты из этой суммы можно было содержать 30 стипендиатов имени его отца Петра Пелехина.

За пределами родной земли украинцы прославились как меценаты и на Западе. Особо следует отметить массовую благотворительность украинской западной диаспоры, которая, начиная с 1920- годов, в условиях потери собственным народом государственности по призыву председателя Государственного центра УНР в изгнании Симона Петлюры собирала деньги на подготовку национальной элиты. И до возрождения украинской государственности в 1991 году тысячи украинских юношей и девушек смогли окончить высшие учебные заведения во многих странах Европы и Америки.

Из среды такой украинской талантливой молодежи на Западе выросли всемирно известные личности, которые также становились щедрыми меценатами. К примеру, сами американцы называли уроженца нынешней Тернопольщины Владимира Джуса украинским Генри Фордом, посвятив ему специальную книгу Рональда Лоренса Бернса под названием “Творческий американец”. На ее страницах – рассказ о том, как человек, поверивший в свою силу, может осуществить американскую мечту – в самых невероятно трудных условиях он достигает заветного благодаря личному интеллекту, труду и вере в правильность своего идеала. Именно таким и был Владимир Джус, которому удалось решить новые проблемы, вставшие перед ним в связи с открытием собственного производства крепежителей, получивших официальное название “замки Джуса”, сыгравшие революционную роль в развитии авиации. Свое изобретение он запатентовал в США, Франции, Англии и других странах.

Заработав огромное состояние на своих изобретениях, Владимир Джус жил скромно, жертвуя большие суммы на поддержку украинской культуры за рубежом. Он в 1948 году основал Украинский институт Америки, купил для его деятельности в 1955 году за 225.000

долларов величественное здание в центре Нью – Йорка рядом со знаменитым музеем “Метрополитен”.

Мировую известность своей благотворительностью приобрел за океаном еще один украинец – собственник строительной фирмы Пётр Яцык, родившийся на Львовщине. Он финансировал строительство украинских школ и церквей за рубежом, известную в мире – и едва ли не единственную! – диаспорную “Энциклопедию Украиноведения“, Украинский исследовательский института при Гарвардском университете (США) и центр истории Украины в Канадском институте украинских исследований при Альбертском университете. Именно Петр Яцык учредил Международный благотворительный фонд “Лига украинских меценатов” и был его почетным президентом. К слову, эта благотворительная организация с первого дня патронирует ежегодный Всемирный конкурс украинского языка.

А супруги Емельян и Татьяна Антоновичи учредили в Вашингтоне в 1980 году фонд своего имени, деятельность которого состоит, с одной стороны, в присуждении ежегодной премии за лучшие работы в области украинской журналистики и науки, а с другой – в предоставлении финансовой помощи на осуществление проектов по украиноведению. Среди важных проектов Фонда Антоновичей, кроме регулярного присуждения именных премий за лучшие работы по украиноведению, реконструкция нового корпуса Бакалаврской библиотеки Киево-Могилянской академии, обновление Львовской научной библиотеки имени Василия Стефаника, создание регионального музея “Бойковщина“ на родине Емельяна Антоновича в прикарпатском городке Долине (там кстати, за его деньги установлен величественный монумент Независимости Украины), реставрация выставочного зала-галереи в Украинском музее в Нью-Йорке и многое другое.

Деятельность этих меценатов становится примером и для нынешних состоятельных людей в Украине. Сумев быстрее других понять сущность рыночных отношений и не растерявшись при нарождении нового строя на развалинах Советского Союза, многие состоятельные украинцы осознали ту непреложную истину, которую исповедывали их удачливые предшественники в национальной экономике: поделись с ближним. Поэтому в нашей стране ныне определяют не только богатство самых состоятельных, но и их вклад в благотворительную деятельность. И когда их спрашивают об их доли внесения средств на поддержку различных гуманитарных проектов, то им есть что сказать, хотя вложенные ими суммы по этому показателю не выводят еще их на уровень полученных прибылей.

Тем не менее, самый богатый и влиятельный в Украине Ринат Ахметов известен и самым крупным вложением личных средств на гуманитарные цели. К примеру, всем известно, что именно за его средства в Донецке построен современный стадион “Донбасс – Арена”, где проводились матчи Чемпионата Европы – 2012. А одна из последних акций благотворительности Ахметова – реконструкция его родной школы, после чего она превратилась в одно из лучших учебных заведений нашей страны.

Следующий же проект – общенациональный: Фонд Рината Ахметова “Развитие Украины” и Национальный музей народной архитектуры и быта Украины в Пирогово под Киевом создают основы стратегического плана развития музея, благодаря чему здесь будут внедрены современные подходы музейного дела.

Кроме того, другие программы Фонда Ахметова направлены на поддержку национального усыновления, борьбу с туберкулезом в Донецкой области, развитие медиарынка, лечение и диагностику онкологических заболеваний, строительство центра для детей с врожденным пороком сердца, регулирование численности бездомных животных в Донецкой области.

Фонд “Развитие Украины” также финансирует целевые программы, задача которых содействовать органам власти в разработке и внедрении экономических реформ, исследование конкурентоспособности и разработку стратегий экономического развития разных регионов нашей страны. За подсчетами специалистов, в целом Ринат Ахметов тратит ежегодно на эти цели десятки миллионов долларов.

Среди самых щедрых украинских миллиардеров и Виктор Пинчук, который занимается благотворительностью, главным образом, в области здравоохранения, образования и искусства, поддерживает талантливую молодежь ежемесячными стипендиями и предоставлением грантов на обучение в мировых вузах. Кстати, Виктор Пинчук взял на себя обязательство инвестировать не менее половины своих накоплений на благотворительные цели. Комментируя свое решение присоединиться к мировой филантропической инициативе, он заявил следующее: “Я инвестирую в новое поколение – в тех, кому принадлежит строить Украину и мир завтрашнего дня. Я чувствую особую ответственность перед своей страной и обществом...”.

Еще один известный филантроп – Дмитрий Фирташ, который свое кредо на ниве благотворительности провозглашает таким образом: “Если у тебя есть такая возможность, ты должен помогать другим, кому это необходимо”. Он считает, что его деньги сегодня нужны в первую очередь для строительства студенческого городка Украинского католического университета во Львове, финансирование программы украинистики в Кембриджском университете; поддержка украинских театров, международного поэтического фестиваля Meridian Czernowitz; спонсирование школьного химического образования; помощь детским приютам, что успешно выполняется.

Свои цели имеют фонды Петра Порошенко, Елены Пинчук, Бориса Колесникова, Александра Онищенко и Игоря Воронова, которых журнал “Корреспондент” относит к десятке самых щедрых благотворителей Украины. Особо хочется отметить отнесенных к этому лику и чемпионов мира по боксу братьев Виталия и Владимира Кличко, которые свои деньги зарабатывали на виду всего мира.

Сегодня благотворительность в Украине – это неотъемлемая часть жизни общества и деятельности бизнеса, действенный механизм помощи людям. И мне как бывшему руководителю Международной общественной организации “Платформа “Диалог Евразии”, а ныне ее Почетному председателю, верится, что придет время, когда на нашей земле будут собираться интеллектуалы многих стран вместе с состоятельными людьми из всех континентов для того, чтобы не делить мировой финансовый пирог, как это делается в Давосе, а решать вопрос, сколько выделять гуманитарной помощи на духовное развитие человечества.

Ибо миссия нашей Платформы – это миссия, которая должна помочь сберечь культурную и духовную значимость Человека в хрупком, глобализированном мире, когда уже поставлен вопрос выживания цивилизации. Поэтому приоритетными направлениями являются сегодня гуманистический и культурный аспекты взаимодействия, а вовсе не политический. Именно в таком взаимообогащении и мирном диалоге о насущных проблемах современности, можно надеяться на мирное решение многих их.

**II. MULTİKULTURALİZM VƏ ÖZGÜNLÜK:
CƏMİYYƏTDƏ DƏYƏR KONSENSUSU AXTARIŞINDA**

**II. MULTICULTURALISM AND ORIGINALITY:
IN SEARCH OF VALUE CONSENSUS IN SOCIETY**

**II. МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ И САМОБЫТНОСТЬ:
В ПОИСКАХ ЦЕННОСТНОГО СОГЛАСИЯ В ОБЩЕСТВЕ**

The artist: originality and multiculturalism

This paper addresses the changing identity of a particular “geographical space”. Precisely because the artist was the protagonist *par excellence* of the great modern adventure, the artist is now the protagonist *par excellence* of a transformation that is traversing Italian society as it makes the transition from modernity to postmodernity.

The genetic mutation of postmodern society, or: multiculturalism

It is generally assumed that the idea of a crisis in modernity dates from the period that followed the Second World War and that it was brought about by historical factors, but above all by a series of socio-cultural transformations that led to discussion of contemporary society as post-industrial and multicultural.

In particular the shift from mechanical industry to electronic industries, telecommunications, and information technology brought about a transformation of society and culture, and a profound restructuring of work and knowledge.

If the uniformity of experience and the unified understanding of reality based on a single founding principle were outcomes of the modern, multiculturalism insists instead on diversification and multiplicity in opposition to the risks of uniformity; as the Italian philosopher Gianni Vattimo put it “maximum equality is the possibility of being different”.

Beginning from the national identification and territorial definition of the nation-state, which has been becoming increasingly blurred by the multinational character of economics, the information society, and the globalisation of markets, the postmodern affirms difference as a principle, thereby undermining the cornerstones of modern thought.

In opposition to its culture of uniformity, multiculturalism in *the postmodern age* holds out the prospect of a model of society based on *difference* and pluralism. The multiplication of differences is understood as the claim of an entitlement to difference. Challenging the canons of the dominant culture means no longer excluding difference but giving it space in which to express itself.

The images that best express this contemporary condition are those of the *Labyrinth* – as in the work of Borges and Umberto Eco – the *Rhizome* (an apparatus of grafts and roots that is devoid of any hierarchy or unity), and the *Network* that has no centre.

The modern artist as a metaphor for modernity

In medieval culture the artist was also a craftsman and, as in Byzantine culture, his trademark was anonymity. But later on, the birth of the modern artist came hand in hand with the ascendancy of the “named artist” and the gradual emancipation of the individual from the monopoly of the medieval corporations.

In Italy, from the thirteenth century onwards we can see the gradual emergence of the artist as the figure of the Author takes on an importance it never had before.

In 1434 Filippo Brunelleschi rebelled against the art of the master artisans of stone and wood, claiming his own autonomy as an artist. The decisive text describing this new dignity for pictorial art was Leon Battista Alberti's *Della pittura* (1435), a treatise in which the Renaissance idea of the artist takes shape as man of science, master of geometry, optics, and perspective, expert not only in anatomical studies but also rhetoric and literature. Painting, sculpture, and architecture were now accorded full recognition as parts of the liberal arts.

This new social status of the artist was reflected in the affirmation of the literary genre of biography, which reached a high point in Giorgio Vasari's *Lives of the Artists* (1550).

Whilst in the case of the craftsman, aesthetic value was indistinguishable from his mastery of techniques learned in the workshop, in the case of the artist aesthetic value became surplus value, and the work of art was defined by the distinguishing mark of a single individual *genius*, exemplified in the revolution of Giotto's breakaway from tradition.

The artist had now become a Creator, and his assumption of a divine prerogative made the Renaissance artist the prototypical subject of the modern: the individual as “maker of his own destiny”.

The artist was thus essentially a modern figure already, and more than that: the true metaphor of modernity. The artist had become the subject of the modern.

The postmodern artist in multicultural society

If the modern artist is the modern subject *par excellence*, the artist is also the metaphor *par excellence* of the postmodern condition and its diffuse subjectivity.

The postmodern subject was no longer the individuated being (from the Latin *individuus*, “undivided, indivisible”) relating to the Other and protected by the *carapace* of her/his own self-consistency.

Rather, the postmodern subject was now a singularity within a network: an network that is infinite and in which each node is a single precious stone that reflects all the others in the same network.

But there is another reason why the contemporary artist is also the metaphor *par excellence* of the postmodern condition. In its transition from modernity to the global age, the knowledge economy ascribes value to the prerogatives of creativity that have always been characteristic of the modern artist. The postmodern work of art is a creative artistic work and in this sense, the artist in postmodern society is actually the metaphor of its diffuse subjectivity.

Moreover, it was the artist who overcame the modern division between intellectual work and manual work, proposing a recomposition and a social synthesis of hand and mind, seeing in advance what the nature of work would become in post-industrial society.

In this transformation, the postmodern artist can be described as a *monster filled with hope*: a mutant in a society that is passing through its own genetic mutation. But because this mutation of the Artist is continuous, its identity consists in being different in its very constitution.

Its hope is that, together with all the other differences, the artist's own difference will be able to construct a shared space of habitation: a space that must always be able to accommodate unexpected guests.

Zulfiqar Ali Qureshi

Head of Department, International Relations,
Peace and Conflict Studies, National University
of Modern Languages, Islamabad, Pakistan

Originality, as a value-adding feature for an artistic endeavor, is a fairly modern concept. Until the 18th century, there was little or no place for ‘originality’ in art, and that didn't stop artists from producing highly valuable masterpieces. Maybe – artists and audiences alike place too much value on the concept of originality today, forgetting that it's not the only thing that matters in evaluating a work of art.

The European cultural context owes a lot to its ancient Greek and Roman heritage, but not the vision of art. Many of the people regarded today as artists would have been considered artisans or craftsmen in antiquity.

Originality was not a big issue back then – in fact, it was no issue at all. Copying the style, the methods, or even an entire work produced by somebody else was considered a homage to a master, and not plagiarism. As a result, many of the works that astonish the world today are, in fact, copies.

In the 18th century, French philosopher Voltaire was still weary of the concept of originality, stating “Originality is nothing but judicious imitation. The most original writers borrowed one from another.” But the entire vision of art and its value was about to change.

With regard to “Multiculturalism and Originality” as far as the religion of ISLAM is concerned, I would like to quote below from *Quran* – the holy book of Muslims:

“O mankind! We have created you from a male and a female, and made you into **nations and tribes**, that you may know one another. Verily in the sight of *Allah* [God], the most honored, amongst you is the one (believer) who is most God-fearing and has *At-Taqwa* [i.e. he is one of the *Al-Muttaqun* (the pious. See V.2:2)].¹

In the *Hajja-tul-Wada* [last address of the Holy Prophet], the Messenger of Islam, *Muhammad* [Peace Be Upon Him] on the completion of his Prophetic mission, delivered his last *sermon*, revealing his ‘will’ to mankind and gave a visible expression by founding a Society on the basis of righteousness, piety and God-consciousness, the like of which is not to be found in the whole history of mankind. In short, the Holy Prophet delivered to human race the final ‘truth’ with all its necessary implications on the eve of final pilgrimage to *Mecca*. The *sermon* of the Holy Prophet, delivered on his departure from this earthly home to the heavenly abode is not only remarkable for its eloquence but it contains a sublime message for the whole of the human race.

It was a declaration of Human Rights and moral values and a Charter of Women Rights. The world has not been able to lay down better principles of ethics and morality than those enunciated in it. Every word of it breathes a spirit of magnanimity and aims at establishing ‘righteousness’ and fair dealing among men on a workable basis. It establishes brotherhood among Muslims, irrespective of the divergence of their geographical, racial and color backgrounds and provides an outline of a social order, perfectly free from oppression and injustice. I quote from his *sermon* below:

“There is no superiority for an Arab over a non-Arab and for a non-Arab over an Arab, nor for the ‘white’ over the ‘black’ nor for the ‘black’ over the ‘white’ except in God-consciousness. Behold ! Every claim of ‘privilege’ whether that of blood or property is under my heels...Behold ! All practices of the days of ignorance are now under my feet. The blood revenges of the days of ignorance are remitted. The first claim on blood, I abolish is that of *Ibn Rabi'ah bin Harith* who was nursed in the tribe of *Sa'ad* and whom the *Hudhayls* killed. All interest and usurious dues accruing from the times of ignorance stand wiped out. And the first amount of interest that I remit is that which *Abbas ibn Abd-al Muttalib* had to receive....O’ people ! Verily your blood, your property and your honour

are sacred and inviolable until you appear before your Lord, as the sacred inviolability of this day of yours, this month of yours and this very town (of yours). Verily you will soon meet your Lord and you will be held answerable for your actions. O' people ! Verily you have got certain rights over your women and your women have certain rights over you. It is your right upon them to honor their conjugal rights and not to commit acts of impropriety which if they do, you are authorized by *Allah* [God] to separate them from your beds and chastise them, but not severely and if they refrain, then clothe and feed them properly. Behold ! It is not permissible for a woman to give anything from the wealth of her husband to anyone but with his consent. Treat the women kindly, since they are your helpers and not in a position to manage their affairs themselves. Fear *Allah* [God] concerning women, for verily you have taken them on the security of *Allah* [God] and have made their persons lawful unto you by words of *Allah* [God]. O'people ! *Allah* [God], the Mighty and Exalted has ordained to everyone his due share (of inheritance)...The child belongs to the marriage-bed and the violator of wedlock shall be stoned. All debts must be repaid, all borrowed property must be returned, gifts should be reciprocated and a surety must make good the loss to the assured. Beware ! No one committing a crime is responsible for it but himself. Neither the child is responsible for the crime of his father, nor the father is responsible for the crime of his child....O' people! Every Muslim is the brother of every other Muslim and all the Muslims form one brotherhood. And your slaves; see that you feed them with such food as you eat yourselves and clothe them with the clothes that you yourselves wear....And beware of transgressing the limits set in the matters of religion, for it is transgression of (the proper bounds of) religion that brought destruction to many people before you".²

This is the concept of 'multiculturalism and originality' in Islam and Value System in Society. It says that there is no distinction between a man and a woman, a nation and a tribe, on the basis of color, cast, creed or family background but the only criterion for dignity and honor before *Allah* [God] is that of 'righteousness, piety and God-consciousness'.

In general terms, 'Multiculturalism' can be described as the appreciation, acceptance or promotion of multiple cultures, applied to the demographic make-up of a specific place, usually at the organizational level, e.g. schools, businesses, neighborhoods, cities or nations.

In a political context, the term is used for a variety of meanings, ranging from the advocacy of equal respect to the various cultures in a society, to a policy of promoting the maintenance of cultural diversity and policies in which people of various ethnic and religious groups are addressed by the authorities as defined by the group, they belong to. A common aspect of many such policies is that they avoid presenting any specific ethnic, religious, or cultural community values as central.

In contemporary society, different understandings of 'multiculturalism' have resulted in two different and seemingly inconsistent strategies:

- ✓ The first focuses on interaction and communication between different cultures. Interactions of cultures provide opportunities for the cultural differences to communicate and interact to create 'multiculturalism' and
- ✓ the second, centers on diversity and cultural uniqueness. Cultural isolation can protect the uniqueness of the local culture of a nation or area and also contribute to global cultural diversity. The concept of "Cultural exception" proposed by France in GATT [General Agreement on Tariffs and Trade] negotiations in 1993, was an example of a measure aimed at protecting local cultures.

These different understandings of 'multiculturalism' are not absolutely distinct from each other. Moreover, the opposing understandings and strategies, sometimes actually complement each other's work to generate new cultural phenomena that embody the ideologies of the individual cultures and the relationships between them.

What is Multiculturalism ? Clearly, it is the opposite of assimilation and refers to the existence of several cultural or ethnic groups within a society, all functioning within their diversity and reflecting a heterogeneous society.

In Europe, multiculturalism has to be seen at two levels:

- ✓ the private and daily life existence of citizens and
- ✓ two, public opinion and institutional decision-making bodies such as parliaments, municipalities, public administrations and so on.

At the first level, multiculturalism has, in fact, become a part of the daily life of most European states and cannot really be reversed – but this daily life has become more difficult in times of different ethno-cultural groups leading their own lives within their cultural traditions because of the issues arising at the second level – that of public opinion and institutional decision-making bodies.

Europe, especially since 9/11. It is now seeing its cultural divide only in a uni-dimensional construct – that of religion and specifically Islam. Here there has begun to be a growing unacceptability of the Islamic identity with the historic ghost of the crusades having been revived.

The reductionist approach to the diversity of cultures in Europe is obscuring the diversity within Muslim migrant communities themselves – which range from Africa to Asian and within these two groupings also there are vast differences – for example between South Asians, Arabs and South Asian Muslims. Also, even within the same Islamic communities, there are sectarian divides and ritualistic differences arising from cultural influences.

Unfortunately, this reductionist approach has a fallout on the Muslim communities in Europe who then react and move themselves into voluntary ghetto-isation, not just in physical terms – where groups retreat into small closed communities which tend to be far more fundamentalist than would have otherwise been the case – but also in psychological terms where their Muslim identity overpowers their overall rich cultural heritage.

Because issues which have remained in the private domain have infiltrated the public domain, they have become symbols of intolerance or unacceptable diversity with European states moving towards policies of assimilation and rejecting symbols of religious diversity such as the *veil* or *hijab*. In reaction, Muslims are coming to see these as symbols of defiance and reassertion of their identity.³

Ironically, in most European societies where women wore the headscarf not only to go to church but often as a mere item of dress, it now has come to represent a rejection of ‘citizenship’ if worn on a Muslim head! The French, who earlier used to proudly display the diversity of French citizens, now, have narrowed the French identity to a rejection of the headscarf. At present, there is strong resistance to *burqa* while the French president has made it clear that it is not welcome on the territory of his country.

What makes reconciliation among the differing cultural and religious groups in Europe so difficult is the European insistence that European states have a secular identity, there is a growing sense that somehow the Muslims living there are at the very least, unable to accept the secular identity of Europe; and, in the worse case scenario, are actually seeking to destroy the secular ideal and the “freedoms” associated with this ideal.⁴

Public institutions, including government agencies, schools and liberal arts colleges and universities, have come under severe criticism these days for failing to recognize or respect the particular cultural identities of citizens.

In the United States, the controversy most often focuses upon the needs of African-Americans, Asian-Americans, Native Americans and women. Other groups could easily be added to this list, and the list would change as we moved around the world. Yet it is hard to find a democratic and democratizing society these days that is not the site of some significant controversy over whether and how its public institutions should better recognize the identities of cultural and disadvantaged minorities. And liberal democratic states are obligated to help disadvantaged groups preserve their culture against intrusions by majoritarian or “mass” cultures. Recognizing and treating members of some groups as equals now seems to require public institutions to acknowledge rather than ignore cultural particularities, at least for those people whose self-understanding depends on the vitality of their culture. This requirement of political recognition of cultural particularity – extended to all individuals – compatible with a form of universalism that counts the culture and cultural context valued by individuals as among their basic interests.

Charles Taylor is surely right that much of modern social and political life turns on questions of recognition. In our liberal tradition, we see recognition largely as a matter of acknowledging individuals and we call their identities.⁵

NOTES

1. *Quran*, Part 26, Surah 49 – *Al-Hujurat* (The Dwellings) (13).
2. <http://www.inter-islam.org/condex.htm>
3. Michelle Goldberg, *Burqa Politics in France*, 2009.
4. Shireen M. Mazari, *Multiculturalism and Islam in Europe*, Policy Perspective [Journal], Institute of Policy Studies, Islamabad, Vol. 7, No. 1, 2010,
5. Charles Taylor, *Multiculturalism*, Princeton University Press, Princeton, New Jersey, USA, 1994.

Камиля Алиева

Профессор, заведующая кафедрой социальной и педагогической психологии Бакинского Государственного Университета

Мультикультурализм как объединяющий фактор национального самосознания

В феврале 2011 года лидеры ведущих государств Евросоюза заявили о провале политики мультикультурализма. Об этом здесь уже не раз было сказано. Сначала президент Франции Саркози объявил о тупике в попытках ассимиляции эмигрантов, признав, что в стране были слишком озабочены идентичностью того, кто приезжает в страну, не обращая внимания на идентичность страны, которая принимает приезжих. Затем вслед за заявлением французского лидера прозвучали аналогичные высказывания премьер-министра Великобритании Кемерона и канцлера Германии Ангелы Меркель. Вряд ли это можно считать случайностью. Вместе с тем, особенно сенсационными заявления лидеров западно-европейских государств назвать нельзя. Системный кризис Европы, свидетелями которого мы являемся, затронул все сферы жизни. Результат – экономические проблемы поставили под сомнение саму идею социального государства европейского образца, которое на протяжении десятилетий обеспечивало как социальную, так и политическую стабильность континента. Ухудшения в данной сфере связаны, прежде всего, с возникновением новых конфликтов, что объясняет значительный поток беженцев из стран региона северной Африки и Ближнего Востока. К тому же, огромную роль играют процессы, напрямую связанные с глобализацией, то есть миграция из одних государств в другие – более экономически развитые.

Этническая неприязнь существует уже давно и проявляется в разных степенях – от предубеждений до геноцида. По мнению многих специалистов, в основе подобной неприязни и ксенофобии лежит схема противопоставления: мы – они. Её простота содержит в себе огромный потенциал. На данную схему противопоставления влияют не только внешние факторы, но и психологические особенности каждого человека, когда он сам, именно он, решает, как интерпретировать эту схему. Если же индивид не в состоянии самостоятельно определить, кто такие «чужие» и кто такие «мы», ему «поможет» общество. Так складываются стереотипы. За всеми подобными выступлениями стоит, в первую очередь, социальный протест, нежелание, неготовность наиболее защищённой прослойки общества жить в обществе, где отсутствуют нормальные социальные «лифты», где отсутствует доверие к социальным институтам. Однако смена ксенофобии находят благодатную почву и в обществе, в котором наблюдаются этнонационалистические настроения на фоне экономических проблем. Веймарский синдром – именно так называют подобную ситуацию, когда экономический спад отбрасывает именно тех, кто в другой ситуации был бы стержнем среднего класса. Эти люди становятся одновременно источником и питательной средой ксенофобских и националистических настроений. При всём том, недавние события в России стали очередным напоминанием всей комплексности связанных с миграцией проблем. С одной стороны – стареющее общество и потребности экономики в узко квалифицированной рабочей силе, с другой стороны – дилемма интеграции иммигрантов в повседневную жизнь. Итог не радует. Многие страны как Западной, так и Восточной Европы одним махом пытаются отгородиться от чужих, сделать вид, что их просто нет. Никогда ещё европейский проект не был подвергнут такому сомнению, а его слабые стороны никогда ещё не выставлялись на обозрение столь открыто. Такое впечатление, что сегодня иметь мощную ксенофобскую партию просто обязательно и необходимо. Вызывает опасения констатация того факта, что без радикальных перемен интеграционный процесс может остановиться, что поставит будущее Евразии в качестве экономического и политического целого под сомнение.

К сожалению, это не просто чёрная полоса, не просто рост пессимистических ожиданий нависшей над проектом европейской интеграцией угрозы. Надо всего лишь оглянуться на десятилетие назад. Сегодня, 10 лет спустя, вместо процветающей и открытой Европы, которую все мечтали построить, мы сталкиваемся с Европой, которая, несмотря на свою экспансию, несмотря на успехи единой валюты, стала более эгоистичной и не склонной к бескорыстной помощи. Однако почти четверть века прошло с момента падения Берлинской стены. Этого срока должно было хватить для того, чтобы Европа осознала и приняла себя такой, какая она есть, во всей своей целостности. К сожалению, это не так. Страшнее всего то, что Европа перестала верить в свои же ценности и жить в соответствии с ними, замкнувшись в себе, испытывая ужас перед окружающим миром, в сомнениях по поводу своей же идентичности. Отсюда и двойные стандарты, и рост ксенофобских тенденций. Тем не менее, хотелось бы отметить, что многие блестящие умы далеки от мысли, что сражение окончено, и мультикультурализм полностью потерпел крах. Всё зависит от решения, которое надо искать в каждой конкретной ситуации. Ситуация во Франции совершенно не сопоставима с ситуацией в Германии или же России. Волны иммиграции, которые были во Франции, Великобритании или в Германии, изначально имели совершенно разные уровни. Поэтому в данном случае нельзя говорить о единой концепции мультикультурализма. Мультикультурность постоянно провоцирует на новые процессы и поиски новых решений. В идеале, мультикультурализм должен выступать, во-первых, как особая политическая программа, во-вторых, как система специальных, политико-правовых, социальных и культурных мероприятий, инициируемых и осуществляемых именно государством по отношению к этническим, языковым и культурным меньшинствам, а также по отношению к языку и культуре национального большинства. Именно подобную политику можно наблюдать у нас в Азербайджане, где гражданское понимание национальной идентичности обеспечивает устойчивое национальное согласие и мир, являющиеся основой процветания нашей страны. Учитывая мульти-этносный и поликонфессиональный характер Азербайджана, строительство единой нации на его территории могло бы быть по своему содержанию не только гражданским, но и этническим. Более того, построение единой нации было неотложной задачей не только государства, в этом «плавильном котле» межэтнического взаимодействия участвовали и гражданские объединения. В итоге, наша гражданская нация – это не просто объединение этнических групп, а сознательно сплочённое общество, где мультикультурализм является одним из соединяющих факторов национального самосознания. Мы с уважением и пониманием относимся, и будем относиться к образу жизни представителей других национальностей, вне зависимости от того, стремятся ли те интегрироваться в наше новое общество, или хотят придерживаться своих традиций и убеждений.

На нашем национальном примере хотелось бы подчеркнуть, что мультикультурализм может и должен стать уникальной для каждого государства политической платформой, сформировавшись в атмосферу толерантности. Используя данную модель, можно развить её дальше, совершенствуя и подстраивая под потребности конкретных обществ. Модель может дорабатываться, однако основные моменты останутся неизменными. К каждому этносу государство, при реализации собственной политики, должно относиться с учётом понимания их интересов. Параллельно, иммигранты, претендующие на постоянное место жительства, должны уважать и воспринимать ценности, законы, обычаи, традиции, нормы, стиль жизни представителей того народа и той культуры, в которую им предлагается интегрироваться, пусть даже при сохранении собственной уникальности. Ибо демократическое и политическое общежитие в условиях культурной неоднородности населения должно созревать в поколениях, при системном формировании, при поддержке государства. Иначе мы станем свидетелями того, что небольшие бытовые конфликты будут перерастать в этническое противостояние, какое мы, к сожалению, наблюдаем в последнее время в ряде европейских столиц. Спасибо всем за внимание.

Арье Гут

Эксперт в области международных отношений,

Член правления Международной Ассоциации “Израиль-Азербайджан” (“АЗИЗ”)

Мультикультурализм и толерантность в Азербайджане: взгляд из Израиля

Мир конца XX века можно охарактеризовать не только изменением политической карты мира, вызванным, главным образом, распадом социалистического лагеря, но и возникновением и обострением целого ряда глобальных проблем, коснувшихся разных сторон общественного бытия. Наряду с проблемами экономическими, экологическими и демографическими, весьма остро встали проблемы духовные, вызванные выхолащиванием нравственных ценностей. Вместе с тем, получила развитие и нашла своих сторонников теория столкновения цивилизаций, опирающаяся в определенной степени на различия, существующие между мировыми религиями. Некоторые сепаратистские группировки используют религиозный фактор для оправдания своей деятельности, нередко носящий террористический характер.

В таких условиях весьма актуальным является налаживание диалога между культурами и религиями в целях сохранения культурного разнообразия человеческой цивилизации, и показательным в этом отношении может стать опыт тех стран и регионов, в которых сильны традиции толерантности и веротерпимости. Азербайджан в этом отношении представляет собой уникальный пример мирного сосуществования и сотрудничества многих народов и религиозных конфессий. На этой древней земле в разные эпохи бытовали язычество и огнепоклонство, иудаизм и зороастризм, христианство и ислам. Отсюда религии Ближнего Востока проникали к народам Восточной Европы и Великой Степи. Здесь проповедовали апостол Иисуса Христа Варфоломей и десятки сподвижников Пророка Мухаммада. Эта земля словно излучала особую энергию, маня к себе великих мудрецов и могущественных царей.

История толерантности в Азербайджане уходит корнями в глубокую древность, и это связано с расположением его на Великом Шелковом пути. Жители государств, расположенных на Великом Шелковом пути, длительное время находились в дружественных отношениях друг с другом и торговали друг с другом. Другой основной причиной того, что толерантность в Азербайджане уходит корнями в глубокую древность, является становление различных религий и религиозных направлений на территории Азербайджана. Результатом этого является то, что ныне представители различных религий и религиозных течений в Азербайджане живут в мире друг с другом.

Немаловажное значение для формирования прочных связей между многочисленными этническими и религиозными группами, проживавшими на территории Азербайджана, сыграл фактор общей судьбы. На протяжении истории народы Азербайджана нередко попадали под власть могущественных государств, и общие неблагоприятные условия заставляли их искать сближения, не придавая значения различиям в мировоззрении.

Настоящим экзаменом для традиции веротерпимости в этом регионе стал распад Советского Союза, в результате которого народы бывших союзных республик, наряду с независимостью, обрели подлинную свободу вероисповедания. Наиболее существенным фактором, способным подорвать основы толерантности в Азербайджане, была армянская агрессия, унесшая жизни тысяч азербайджанцев и вынудившая более миллиона наших соотечественников покинуть родные края.

Идеологи воинствующего армянского сепаратизма не упускали случая, чтобы внушить Западу и России миф о некой “исламской угрозе”, исходящей от Азербайджана. С другой

стороны, некоторые силы использовали христианизацию мусульманского населения Азербайджана для распространения в республике антивоенных и даже проармянских настроений, что также не способствовало укреплению диалога между религиями.

Однако эти явления не оказали решающего влияния на взаимоотношения между конфессиями в республике, которые получили новый позитивный импульс с приходом к власти Гейдара Алиева. Определенная заслуга в сохранении духа веротерпимости, безусловно, принадлежит и мусульманскому духовенству, которое всячески препятствовало распространению реакционных настроений в обществе.

В рамках современной азербайджанской модели государственно-религиозных отношений все конфессии получили одинаковый статус, будучи равны перед законом. Наряду с обеспечением прав мусульман, составляющих подавляющее большинство граждан страны, государство проявляет заботу обо всех традиционных религиях, получивших распространение в республике.

Заботливое отношение азербайджанские власти проявляют и к культурным традициям еврейской общины, имеющей многовековые традиции в республике. О внимании к евреям можно судить уже по тому, что в Бакинском государственном университете, на факультете востоковедения, было открыто отделение иврита, а Институт этнографии Академии наук Азербайджана, совместно с Российским фондом сохранения и развития еврейской культуры, приступил к созданию книги «Евреи в Азербайджане». Помимо этого, в апреле 2001 года Академией Наук Азербайджана был проведен международный семинар на тему «Горские евреи Кавказа», а в конце 2000 года председатель религиозной общины горских евреев Семен Борисович Ихиилов был награжден орденом Славы.

Этнокультурная среда Азербайджана формировалась веками, и многие народы, некогда нашедшие здесь пристанище, всей душой полюбили эту землю, её коренных жителей и их традиции. История еврейской общины Азербайджана насчитывает около 2500 лет. Считается, что первые еврейские поселенцы прибыли сюда после разрушения Иерусалима вавилонским царём Навуходоносором II в 568 году до н.э. В современном Азербайджане проживают свыше 30 тысяч евреев, функционируют общины горских, европейских и грузинских евреев.

Посёлок Красная Слобода в Губинском районе – единственное место компактного проживания евреев на Кавказе. Его гордость – двухэтажная шестикупольная синагога, отреставрированная и сданная в эксплуатацию в 2001 году. Это еврейское поселение окружено десятками азербайджанских деревень, жители которых исповедуют ислам. Здесь евреи и мусульмане на протяжении многих веков вместе живут и трудятся, рождаются и создают семьи. Их связывает общая судьба, и неслучайно в ходе трагических событий 1918–1919 годов, когда армянские дашнаки учинили кровавую резню в азербайджанских городах, от рук бандитов погибло и около трёх тысяч евреев.

За последние два столетия Азербайджан стал родным домом для сотен тысяч евреев и армян, русских и немцев, курдов и татар. Этнические и религиозные меньшинства, поселявшиеся в разных областях страны, легко вписывались в поликультурную среду региона, устанавливая тесные связи с местным населением. Рассказы о миролюбивом и уважительном отношении азербайджанцев к чужим традициям быстро облетали мир. Многие выдающиеся личности посещали этот край, чтобы поближе познакомиться со здешними нравами. Они становились очевидцами легендарного кавказского гостеприимства, порой странного и непонятного иноземцам, но всегда исполненного благородства и доблести.

Молву о гостеприимстве народов Азербайджана увековечил великий Низами, описавший восхитительное убранство, устроенное во дворце бардинской царицы в честь почтенного гостя Искандера (Александра Македонского). Щедрость и великодушие азербайджанцев были воспеты и другими корифеями. Пышный приём в доме шемахинского бека Махмуда попал в историю со страниц романа «Путешествие на Кавказ», написанного французским писателем Александром Дюма-старшим под впечатлением от его пребывания на Кавказе.

Для азербайджанцев оказать почтение гостю и большая честь, и славная обязанность. Эта черта национального характера наиболее ярко проявляется в небольших городах и деревнях. Здесь достаточно постучать в незнакомую дверь и назваться путником, чтобы тебя накормили самым лучшим из того, что есть в доме, и оставили на ночлег в самой просторной комнате. Погостить в азербайджанской семье – значит навсегда полюбить и незабываемую кухню, и красивые обычаи, и певучий азербайджанский язык.

Президент Азербайджана Ильхам Алиев регулярно поздравляет христианские и иудейские общины страны с основными религиозными праздниками. Так, в обращении главы государства к православной общине Азербайджана в период рождественских праздников в январе 2004 г. отмечается, что исторически сформировавшиеся в республике толерантность и терпимость стали прекрасной традицией, характеризующей азербайджанское общество. “Этот праздник, олицетворяющий победу добра над злом и идеи свободы, ежегодно с большой торжественностью отмечается всеми христианами мира. Имеющая двухсотлетнюю историю православная община Азербайджана, демонстрируя приверженность своим религиозным ценностям, также организует в дни рождественских праздников специальные церемонии, преумножающие искренность и дружелюбие между людьми, устраивает различные мероприятия для достойного проведения праздника”, – говорится в документе.

Большой вклад в сохранение традиции веротерпимости вносит Государственный Комитет Азербайджанской Республики по Работе с Религиозными Образованиями. Руководство вышеназванной структуры регулярно проводит встречи и семинары с участием глав религиозных общин с целью достижения между ними полного взаимопонимания и налаживания более тесных связей. Так, 3 апреля 2004 г. в ГКРРО состоялся семинар на тему: “Религиозная стабильность – неотъемлемая часть общей стабильности”. На мероприятии были обсуждены вопросы, касающиеся обеспечения веротерпимости, а также роли религиозных общин в борьбе с терроризмом, была выражена поддержка участию Азербайджана в международной коалиции по борьбе с этим злом. В то же время, было указано на ошибочность отождествления терроризма с исламом или какой-либо другой религией.

Поиск оптимальной меры согласия и диапазона толерантности становится одной из ключевых задач общества и государства, направленной на достижение социального доверия и толерантности как факторов экономического роста, социальной стабильности и личной безопасности, и для властных структур, и для общества в целом. Государство просто законодательно должно определить границы религиозной толерантности, ее порог терпимости с учетом сохранности интересов государства, общества, личности и обязать религиозные организации обеспечивать религиозную безопасность. Все общество должно осознать, что терпимость – это не вопрос личной симпатии, а норма жизни и требование закона, который и должен ответить на вопрос: “Где кончается терпимость и начинается попустительство?” Сегодня ясно одно, что терпимость – это не праздник и не памятная дата. Это постоянная работа, которая должна стать приоритетной для государства и общества. Толерантное сознание и мирный настрой нельзя обрести – их нужно воспитать.

И в этой работе мы определяющее место отводим религиозным организациям, которым сам Бог-Аллах-Элохим велел помогать людям проникнуться любовью и пониманием друг к другу! Ведь все религии дают ориентиры на взаимопонимание с народами иных вероисповеданий. Религиозные деятели должны забыть о взаимном непонимании и стать консолидирующей силой в решении многих проблем. Религиозные общины должны укреплять общие для всех конфессий нравственные и духовные ценности, веру в добро и справедливость, милосердие и миролюбие.

Необходимо распространять и изучать Декларацию принципов толерантности, чтобы заложить их в поведение всего общества и отдельной личности. При этом понятие толерантности необходимо не только объяснять, но прежде всего поступать в соответствии с ней, демонстрируя это на личных примерах. Это двусторонний процесс открытого диалога, и

эффект может быть достигнут только при проявлении терпения как с одной, так и со второй стороны. При этом диалог эффективен лишь в той ситуации, когда обе стороны не просто понимают язык друг друга, но и хотят договариваться. Толерантность – не уступка, снисхождение или потворство, а способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать, отличное от своего, мнение. Толерантность должна пониматься не только в значении терпимости к людям разных рас и национальностей, но и как общий принцип социального доверия. Все это требует участия сильных и умных людей, не сомневающих в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог и разнообразие мнений и позиций. Считая любые оскорбления чувств верующих недопустимыми, тем не менее, мы не всегда одобряем шумную реакцию некоторых религиозных деятелей и СМИ по этому поводу. В этих крайне щепетильных вопросах нужно быть предельно внимательным и заранее предвидеть, к каким тяжелым последствиям может это привести. Нужно всегда помнить, что большая часть общества пользуется правами, предоставленными Конституцией не в части свободы вероисповедания, а в части свободы совести. И они, в том числе атеисты, имеют право иметь свою точку зрения.

Для Азербайджана, как и для любой другой страны, понятие толерантности неотделимо от понятия культуры. Человек, независимо от этнических, исторических, географических и пр. особенностей, всегда должен относиться к человеку иной формы культуры с уважением и интересом. Нужно объяснять, что представители других культур, верований и стран не хуже и не лучше тебя, они просто другие. Государство, стремящееся обеспечить единство и толерантность в обществе, не может игнорировать роль религии для выработки нравственных ориентиров своих граждан. Для этого бывает необходимо видеть и негативные вещи: межрелигиозные и национальные конфликты, эскалацию насилия, разгул деструктивных организаций и культов, сектантство, противоестественные пороки, такие как содомия и наркомания, культурно-религиозную экспансию других государств. Только при взаимной помощи и поддержке государство и религиозные организации могут стать единым фронтом в борьбе с этими проявлениями в обществе.

Думаю, создание на Святой земле Международной Ассоциации “Израиль-Азербайджан” (“АЗИЗ”) являющейся подлинной азербайджанской диаспорской организацией в Государстве Израиль является результатом политики терпимости и толерантности Азербайджана. Это факт что именно евреи выходцы из Азербайджана основали данную диаспорскую организацию. Сегодня это реальность и Азербайджан может этим без скромности гордиться, – в Израиле действует достаточно мощная и сильная азербайджанская диаспорская организация – Международная Ассоциация “Израиль-Азербайджан”. Особую роль в формировании и становлении нашей организации сыграл и до сих пор играет Государственный Комитет Азербайджанской Республики по работе с диаспорой во главе с Назимом Ибрагимовым. В проведении мероприятий по пропаганде Азербайджана в Государстве Израиль нашим стратегическим партнером является Фонд Гейдара Алиева под руководством Первой леди Азербайджана, депутата Милли Меджлиса, посла доброй воли ЮНЕСКО и ИСЕСКО Мехрибан Алиевой.

В рамках “АЗИЗ” сформировалась команда единомышленников, таких как Лев Спивак, Егяна Сальман, Арье Гут, Виктория Долинская, Михаил Агаронов, Этибар Ахундов, Михаил Сальман. Мы рады, что к нам подключились новые силы, такие как Аркадий Померанец, Роман Перес, Рома Манаширов, Хафиз Рагимов и Мехман Гулиев. Эта команда прекрасно осознает, что “АЗИЗ” – это не просто азербайджанская диаспорская организация в Израиле, а реальный мост и локомотив сотрудничества и партнерства между Израилем и Азербайджаном. Именно эта команда является тем мозговым центром и генератором идей реальной пропаганды Азербайджана в Израиле. Стоит учитывать тот факт, что, не имея официального дипломатического представительства Азербайджана в Израиле, за 5 лет мы провели огромное

количество мероприятий политического и культурного характера, пропагандирующих Азербайджан.

Государство Израиль высоко ценит роль руководства современного Азербайджана в теплом и искреннем отношении двадцатитысячной еврейской общине. Выступая в израильском Кнессете два года тому назад я сказал: "В Азербайджане нет, и никогда не было антисемитизма, и мы как выходцы из Азербайджана, как азербайджанская диаспора всегда гордимся этим фактором толерантности. Азербайджан является подлинным образцом междивизиационного диалога. Покажите мне еще одну страну, мусульманскую или христианскую, где под патронажем Президента и первой леди строятся две синагоги и самый большой образовательный еврейский центр на Южном Кавказе. Думаю, другой такой страны вы просто не найдете".

Современный Азербайджан – демократическое государство, переживающее период масштабных экономических и социальных реформ. Обретя независимость и встав на путь модернизации, страна стремительно развивается, принимая вызовы времени. В Азербайджане гордятся успешной реализацией таких транснациональных проектов, как строительство трубопровода Баку–Тбилиси–Джейхан и возрождение Великого шёлкового пути. Внешний вид столичного мегаполиса изменяется с каждым днём, словно демонстрируя готовность страны превратиться в одну из важнейших артерий глобальной экономики.

Известный французский востоковед Анкетиль Дюперрон писал: "Мы напрасно ищем родину античной культуры, литературы и просвещения у греков и римлян. Их следует искать в древней Мидии, Атропатене". Пожалуй, эту мысль можно продолжить. В Азербайджане следует искать ключи от глобальной цивилизации будущего, способной сблечь многоцветную культурную палитру нашей планеты.

Immigration and multiculturalism: utopia, threat or opportunity?

Taking part in a debate entitled to multiculturalism and bringing a personal experience as a criminal court, in a country heavily involved by massive migration, I naturally ask myself a few questions.

To what extent can one reconcile the aspiration to a multicultural and multiethnic society with the national sovereignty of each country?

And to what extent could the national sovereignty of each country accept an almost uncontrollable movement within its borders and what tools can be taken against it?

Well, wherever you want to place it, this is exactly the point where the criminal law of each country meets (or rather collides) with the aspiration to multiculturalism and the unstoppable process of globalization.

This is the point where utopias and ideals often have to deal with the more entrenched human emotions: fear and insecurity.

Results are often ambiguous and contradictory.

In the case of European Union countries then, no decision can no longer be taken nowadays, without considering the context of the EU. On the other hand, the European Union legislator lives and operates in a very broad and highly diversified dimension: immigration problems in Italy are certainly different from those ones in the Netherlands or in France. Consequently, the solutions are difficult to reconcile.

The Italian experience can in this sense be very interesting.

In Italy immigration became a topic to first page and a social and political problem particularly after 1989. It is commonly known that the collapse of the Soviet system brought about the opening of the borders, and the consequence was an important movement to west, Italy at first, especially from Albania and Romania. At the same time immigration from African continent increased, too. In little time the outlook of some town districts changed, disconcerting original residents. As expected, the first reactions were trouble and fear, especially inside lower classes, which were the most affected by the problem, since they often had to live together with the immigrants.

Political and press responses were (initially) of the same tendency: they didn't talk about multiculturalism, they talked about public order problems.

Basically the idea, and – perhaps – the aspiration to multiculturalism existed, but both were crushed from the worry of facing a new phenomenon.

So Immigration Act n. 286/1998 was the first text of law dealing organically with this matter.

In principle, this law states that foreigners legally residing in the Italian State territory have the same civil rights attributed to an Italian citizen (unless the international conventions or the Italian law provide otherwise). Moreover, foreign workers (and their families) legally residing in the country should have the same rights as Italian workers (Article 2).

The point is then: how can a non European foreigner become a legally residing citizen? In essence, the basic idea was to determine in advance entry quotas, depending on the actual availability of work.

We can briefly say that if at the entrance into the Italian state was needed a passport providing a visa when required, for a longer stay you needed a residency permit, and to obtain that, it was necessary first to have a regular job. It is easy to imagine the difficulty of obtaining an employment contract without having set foot in Italy yet.

But the crucial and problematic aspect, from the point of view of criminal law, was actually the discipline of illegal immigration.

Since the mid-90s the term illegal immigrant has become familiar to the majority of Italians, thanks to the emphasis of the press in reporting crime news in which foreigners were involved: those articles were focusing first of all on their nationality.

So even during a simple traffic accident, television or newspapers emphasized the fact that a non-European immigrant had invested with the car and killed one or more people, as if it was a pleasure to be invested and killed by an Italian (or an EU citizen), instead.

In this context, the law n. 286/98 on immigration has dealt with regulating the punitive aspect, too, establishing a series of crimes. The initial estimate was then modified and aggravated by subsequent law no. 94 of 2009, whose name clearly specifies the kind of its inspiring approach: it was called “safety package” (*pacchetto di sicurezza*).

The discipline of the Law 286/98 provides for detention from one to four years for those who still remained illegally in the territory of that State after receiving a deportation order, and detention term from one to five years for those who after being expelled returned to Italy. In both cases it was necessary the immediate arrest of the person responsible.

In practice, almost all expulsions didn't occur accompanying materially non-EU citizen at the border of his country, because this would entail a huge cost, but ordering him to leave the Italian territory within a tight deadline.

If he didn't obey, he should be arrested and given a penal punishment. His permanence in the Italian territory after that only could be valid in case of a “just cause”, such as the total lack of economic means to face the return journey.

As you might guess, in this way a political/administrative matter (expulsion or acceptance) was transformed into a judiciary problem. In fact, the first criticism to this solution was that it discharged on the judicial system the result of the objective difficulty (or even the impossibility) to ensure an administrative border control.

Surely, after the entry into force of this law (subsequently amended to aggravate it even more) there was a huge increase in criminal proceedings against non-EU foreigners, but it certainly can't be said that it has been a decrease in immigration movements.

Another criticism was that these rules didn't ultimately punish a behavior but a status. In other words, people weren't punished for stealing, killing or damaging other people's property, but for the fact of being “illegal.”

In fact, art. 10 bis of Law 286/1998 has introduced the crime of illegal immigration, which consists precisely in the simple fact of having entered irregularly in the territory of the Italian state and remaining there.

In addition, the perpetrator of this crime is punishable only with a fine ranging from € 5,000.00 to € 10,000.00 and not with the prison sentence, so that this rule becomes ultimately – above all – entirely theoretical, because it is obvious that no illegal immigrant is able to pay such a sum of money.

Seizing the goods is equally impossible, as it comes to people without any assets.

It must be said that the Law 286/1998 prohibits the expulsion or rejection to a State where the foreign citizen might either be subject to persecution for race, sex, language, nationality and religion reasons, political opinions, personal or social conditions, or might as well risk to be sent to another State which is not protected from persecution (Article 19).

Furthermore, children under eighteen years old, pregnant women or women who have given birth for less than six months can't be expelled.

There is, then, a specific rule for the recognition of the asylum right.

The Legislative Decree 251/2007, transposing the European Directive no. 83 of 2004, introduced in Italy the concept of international protection for refugees, and subsidiary protection, recognized to those who, while not having the requirements for refugee status, cannot return to their country, because it is affected by armed conflict or because they might suffer death penalty, torture or other inhuman or degrading treatments.

In these cases, the alien is entitled to a triennial residence permit and to a range of rights and powers: access to employment, education and health care.

Illegal immigration, however, is not just an Italian phenomenon. On the contrary, it covers – more or less – all the EU countries: it inevitably means that to contrast this phenomenon it is necessary to follow common operating policies.

Directive n. 115/2008

Precisely for this reason, the European Union issued on the 16th of December 2008 Directive n. 115, entitled “standards and procedures in Member States for returning illegally staying third-country nationals.”

With this directive, the EU wanted to establish common guidelines to combat the phenomenon of massive illegal and uncontrolled displacement within its borders, which means that it recognized the need to act on this phenomenon.

In sum, these are the guidelines:

- Individuals must be returned in a humane manner and with full respect for their fundamental rights and dignity;
- Fair and transparent procedures must be adopted for ending the illegal stay of third-country nationals;
- The use of coercive measures should be limited and subject to compliance with the principles of proportionality and effectiveness in respect to their objectives;
- You can hold people only if it is necessary to prepare for their return, for example because there is a danger of escape, and only if the use of other measures is insufficient. In any case, the detainees must be treated humanely, with full respect for their fundamental rights, and in special centers (not in prison: if it wasn't possible to hold them in different places from prison, however, they should be detained separately from ordinary prisoners);
- If the detention is prolonged in time it should be subject to the review of a judicial authority, in any case cannot last more than six months;
- This period can be extended for a further twelve months period only in cases where, despite being made all reasonable efforts, the removal operation takes more time because of the lack of cooperation of the third-country national concerned, or the delay in obtaining the necessary documentation from the original country;
- When it's not reasonably possible to provide for the expulsion, for legal reasons or for other reasons, the forced detention is no longer justified, and hence the foreigner must be released.

The basic idea of the Directive was then to promote voluntary repatriation whenever possible, setting a reasonable time between seven and thirty days, and to limit the use of coercive instruments.

The Directive keeps safe the right of each member state not to apply it only in those cases where repatriation constitutes a criminal sanction or is the result of a criminal penalty and in cases of extradition.

It also left open the possibility for each State to maintain more favorable provisions for illegal immigrants, but on the condition that they were in any case compatible with the Directive's purpose: to reach in some way their return to their countries.

But is it reasonable to think that a person who – often – has risked his own life and that of his family to leave the country of origin and to enter illegally in another state, then would accept to return to their country of origin voluntarily, without coercion ?

Should we think this would really happen?

The fact is that the deadline for member countries to adapt to this directive was the 24th of December 2010. Italy within this period hasn't adopted any legislative or administrative instrument to adapt its system of removal of illegal aliens to this directive.

The EU pursued the idea (actually not very practicable and quite unlikely) of a soft removal, in accordance with the principle of sincere cooperation, with a limited use of coercive instruments.

Italy pursued the idea of an essentially penal response to the problem, more based on the idea of deterring anyone from illegal entry for fear of the consequences, rather than on the real prospect of deportation once they had entered.

There is no doubt that the two systems were intended to come into conflict, they had just to wait for an opportunity.

The El Dridi judgment

The occasion came soon and the result was a decision of the Court of Justice of the European Union: the judgment of the 28th of April 2011 in the El Dridi legal action.

In practice, it happened that a non-EU citizen, Hassen El Dridi, who entered irregularly in Italy, had received a deportation order: the Quaestor of Udine (chief of police in a province) had ordered him to leave the country within five days.

El Dridi hadn't obeyed and had remained in Italy. After a few months he had been stopped for a random check of documents and arrested, taken to summary trial and convicted for his disobedience to a year of detention.

The foreign citizen had appealed and the Court of Appeals of Trento decided to suspend the operations and ask the Court of Justice of the European Union, which has its headquarters in Luxembourg, to preliminary clarify whether the Italian law providing imprisonment up to four years for irregular citizens who had not obeyed the order to leave Italy was compatible with the principles established by the Directive n.115/2008 of the EU.

As it is well-known, the Court of Justice interprets EU law in order to have it applied in the same way in all EU countries. It also judges disputes between the governments of the member states and the EU institutions.

Individuals, companies or organizations can also bring a case to the attention of the Court, if they consider that an EU institution has infringed their rights. The Court of Justice is composed of a judge from each Member State.

The Court relies on eight general lawyers, who have the task of presenting opinions on the cases submitted to the judgment of the Court. They must carry out this task publicly and impartially.

National courts have the responsibility to ensure the correct application of EU law in their respective countries. But there is the risk that courts of different member states might interpret EU law differently.

To avoid this, we have “the preliminary ruling procedure.” In case of doubt about the interpretation or validity of EU legislation, the national court may, and sometimes must, ask the Court for an opinion. This opinion is called “preliminary ruling” (*pronuncia pregiudiziale*).

In the El Dridi case, the Court of Justice took the opportunity to reiterate once again the limits of the autonomy of each EU member country in its power to enact laws in criminal matters, matters which traditionally have always been jealously kept and regarded as a requirement of the sovereignty of each state.

It must be said that since 1972 the Court of Justice had declared the full effectiveness of Community law in criminal matters, too (judgment of the 21st of March 1972, case no. 82/1971).

Well, the Court of Justice with El Dridi judgment has established the following:

- If a Member State does not transpose a directive within the prescribed deadline (as well as Italy, in this case), each individual is entitled to demand the application of the dispositions of this directive against this State, provided that these dispositions are unconditional and sufficiently precise;

- As a result, since the dispositions of Directive 115/2008 were clear and precise, they were to be regarded as directly applicable in each Member State.
- Applying the dispositions of the Directive, it follows that the Italian law, providing from one to four years' imprisonment, violated the principle of proportionality and effectiveness foreseen for the adoption of coercive instruments; therefore, it was a disproportionate penalty and not useful in order to effectively remove illegal aliens;
- Conversely, the State must continue to take on ensuring the practical implementation of the repatriation decision.

The Court of Justice points out that Directive 115/2008 had taken into account the jurisprudence of the European Court of Human Rights, according to which the principle of proportionality requires that the detention of a person subject to deportation or extradition procedure, cannot be extended over a reasonable period, in other words it couldn't exceed the time necessary to reach the objective pursued (see in particular the European Court of HR, judgment of the 29th of January 2008, Saadi versus the United Kingdom).

In practice, the Court of Justice has established the non-compliance of the law 286/1998 to the directive 115/2008; as a result the Italian courts had to disregard the national legislation contrasting with the directive.

The practical effect was simply the acquittal of all the accused, since the fact was no longer regarded by law as a crime.

In addition, the final judgments that had already been pronounced were to be withdrawn, and the prisoners were to be freed.

In this sense the Supreme Court – the last resort of the Italian judicial system – declared that the useless expiry date for the implementation of Directive 115/2008 of the European Parliament and Council, determines the immediate application of its dispositions, with self-executing effectiveness in the domestic system, and imposes the correlative disregarding of the contrasting rule, resulting in the cancellation of convictions (Court of Cassation Sentence n. 26027, 8th of June 2011).

But the effect of this decision of the Court of Justice in Italy was remarkable not only in the courts.

In particular, this decision came at a time when the political, cultural and even religious debate on the theme of welcoming migrants was intense, as it still is today.

Inevitably, the main means of communication widespread and partly manipulated the fact, depending on conveniences.

On one hand, the political majority that had successfully proposed the introduction of the rigorous rules which had become inapplicable after the judgment El Dridi, didn't appreciate the decision very much, as you can easily understand.

On the other hand, the El Dridi judgment was received with great satisfaction by those who supported an indiscriminate opening of borders, as if it were a decision that somehow went in the direction of favoring the total freedom of immigration.

This sentence was read as an invitation to a greater openness in the sign of a greater human understanding, but it was a distorted interpretation, because if we read it soon becomes clear that it doesn't mean that at all.

Moreover, even Directive 115/2008 doesn't invite to a greater openness at all; on the contrary it invites to take more effective systems for the removal.

So that one of the main arguments used in the El Dridi judgment is just that the excessive severity of Italian law ended up being counterproductive to the promotion of the actual removal of the alien, which was still the aim to be pursued. No doubt or looking back on it.

Additionally, the judgment recites that the penalty of imprisonment prescribed by law 286/98, in reason of its terms and conditions for application:

“is likely to jeopardize the attainment of the objective pursued by that directive, namely the establishment of an effective policy of expulsion and repatriation of third-country nationals whose

stay is illegal. In particular, as noted by the General Advocate in point 42 of his stance, national legislation, such as that at issue of the main proceedings, may hinder the application of the measures provided for in art. 8 n. 1 of Directive 2008/115 and delay the enforcement of the return decision “.

So in reality the EU's desire was – and is – just to get to a large extent the expulsion of foreign nationals staying irregularly, provided that this is achieved by using “soft” methods, that is in order to arrive at a “voluntary” repatriation of the irregulars.

This view, however, is subject to various criticisms for its – inevitable – ambiguity.

A recurrent expression in directive 115/2008 is “humanity.”

But – personally – I find it difficult to argue that expelling a foreign citizen and forcing him to return to his original country, which almost always has a prospect of a miserable life in store for him, is a practice that can really respond to a sense of humanity.

Immigrant deprivation: a barrier against a multicultural society

In general terms, multiculturalism can be defined as results of two quite different phenomena, very often not so clearly separated in political debate. On one side multiculturalism could be the result of a long term phenomena, derived from the historical cohabitation in a given place of differentiates ethnic or religious population; on the other hand we can find the recent form of multiculturalism, a very different social process, strongly connected with the present growing up of very large migration flows towards the so called developed Countries. In this paper we will deal with this second definition of multiculturalism, referring in particular to the social dynamics related to integration processes for countries and social population only recently involved in multiculturalism. This is the case of many European Countries, with special emphasis for the Italian one that can be considered as a sort of emblematic case.

As a premise for a more complete description of the possible criticism specifically related to the integration process in current days, we wish to describe three specific aspects that strongly influence such a phenomenon: first of all we have to take into account the quickness of the transformation from mono-culturalism to multi-clturalism that affect some countries, Italy in particular; secondly, has to be underlined that immigration flows change from episodic/temporary phenomena, to a permanent occurrence for such countries; finally, taking into account the increasing economic, political and social differences between countries at international level, seems to be very unrealistic to predict a migration flows reduction. In the next years we can presumably see more intensive and widespread mobility of the population from poorer to richer (or less poor) countries. Considering that, *integration* becomes a sort of “categorical imperative”: a main goal for avoiding a sort of institutionalization of social clash for the new multicultural countries.

Nevertheless, as far as it is commonly recognized that *integration* has to be pursued, often it is not clear what does this term means. In Europe integration has bee declined in very diverse manner and conveyed in differentiate and sometimes conflicting policies, such as the French assimilation policy *versus* the English new-communitarian one.

Nowadays, talking about *integration* means talking about a complex phenomenon, not to be simply solved with assimilation policies or maintaining several social subpopulation separate each other.

As far as it is often considered a univocal process, integration is instead a multidimensional process. Three are the main dimension to be considered: i) the social aspect; ii) the economic situation; iii) the cultural environment.

Very often such dimensions work independently, and it is common to see society with a high level of cultural or social integration, and very low economic one, or *vice versa*. Furthermore we have to take into account the *bidirectional* question related to integration: a multicultural society is the result of changes and modification of immigrant behaviour on one side, but also of slow and unavoidable transformation of habits and traditions of the receiving society. If we accept this three main characteristics of integration (a unavoidable process, its multidimensionality, and its bidirectional effects) it become interesting collecting figure useful for a assess if in European countries we are moving effectively towards a multicultural society, or instead, in spite of very well declined purposes, the reality remains strongly shared between integrated and left-out.

Knowing that integration is not a simply economic question, as above described, we are confident that analysing poverty risk of immigrant and their deprivation status may be very good proxies for evaluating the level of progress of multicultural society in Italy.

Considering that, in this paper, using data derived from Italian and European survey, we trace some of the more relevant phenomena of relative and absolute deprivation that distinguish Italian from Foreign household in Italy. Such a disparity can be viewed as one of the main barrier towards an authentic building up of a multicultural society, where integration and pacific cohabitation exist.

For tracing such a picture the following dimension (each one measured by several items) as been considered (see tab 1): basic lifestyle, consumer durables, housing amenities, financial situation, environment, work & education, health. Furthermore two typical poverty measures are also considered: the FM measure, based on the equivalent disposable income and the Risk-of-Poverty Rate (henceforth HCR).

Tab. 1. Deprivation indicators and deprivation items in each dimensions

Elementary items		Deprivation indicators
1	Meals with meat, fish or chicken	Basic lifestyle
2	Household adequately warm	
3	Holiday away from home	
4	Ability to make ends meet	
5	Car	Consumer durables
6	PC	
7	Telephone	
8	Washing Machine	
9	TV	
10	Bath or Shower	Housing amenities
11	Indoor flushing toilet	
12	Leaking roof and damp	
13	Rooms to dark	
14	Inability to cope with unexpected expenses	Financial situation
15	Arrears on mortgage or rent payments	
16	Arrears on utility bills	
17	Arrears on hire purchase instalments	
18	Crime, Violence, vandalism	Environment
19	Pollution	
20	Noise	
21	Early school leavers	Work & Education
22	Low education	
23	Worklessness	
24	Duration of unemployment	
25	General health	Health related
26	Chronic illness	
27	Mobility restriction	
28	Unmet need for medical exam.	
29	Unmet need for dental exam.	

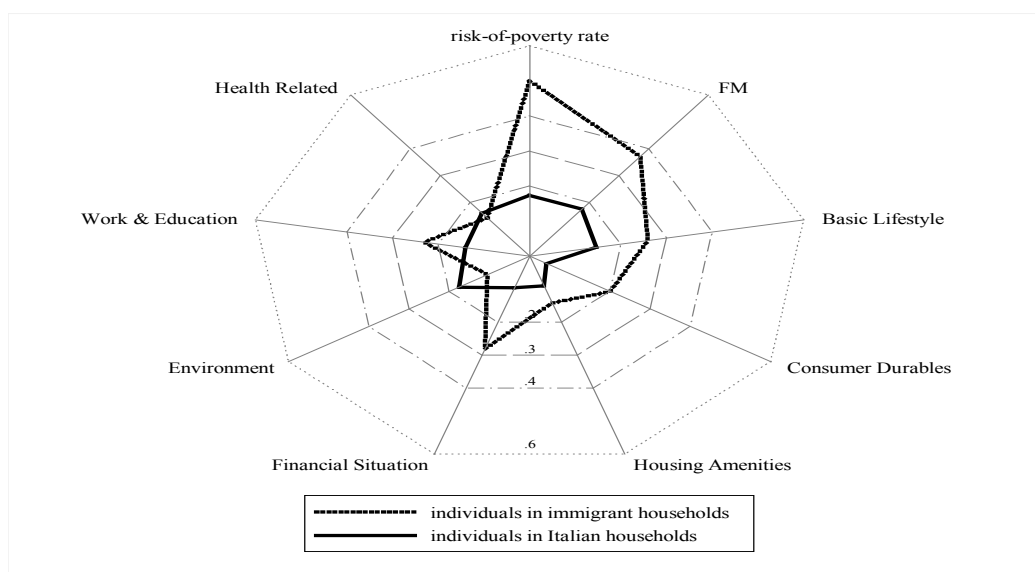
Referring to Italy, the following Figure 1 shows large differences, in particular strong differences in monetary deprivation indicators, between Italian and immigrants household (i.e. the median equivalent household income of foreign household is around a half of the Italian one), resumed in a large differential in term of “poverty risk rate”.

Indeed, as expected, the individuals in immigrant households get the worst outcomes also in the other indicators but Environment and Health. Financial Situation as well as Consumer Durables indicators show a considerable gap, respectively 0.28 vs 0.09 and 0.20 vs 0.04. As regards the other

indicators, there is still a positive difference, even if it is not so considerable. The pattern changes for the Environmental dimension where Italians are more deprived than immigrants (0.10 vs 0.18). Finally, the Health indicators are nearly overlapping in the two populations.

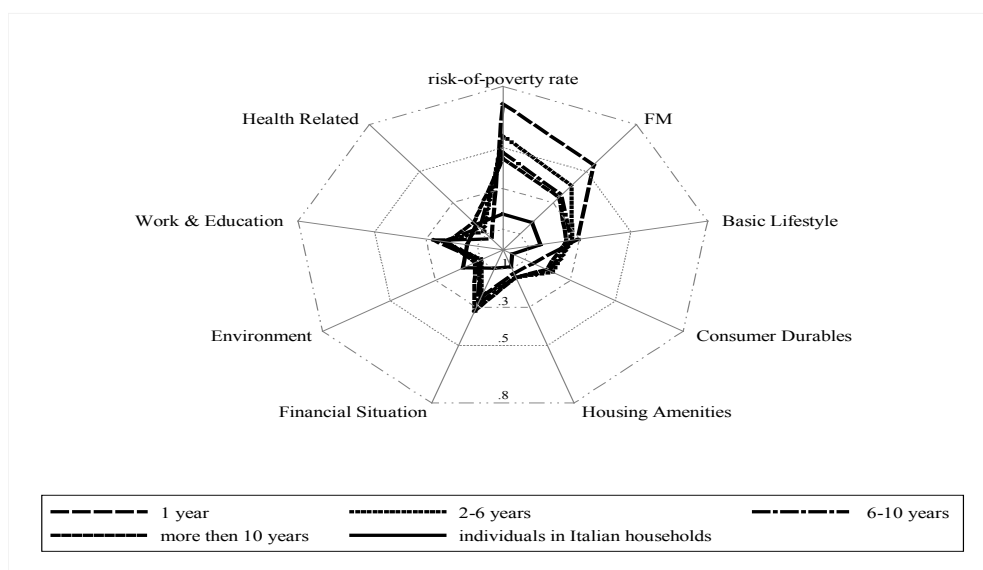
Figure 1. Spider Graph of poverty and deprivation indicators by household type

Although these findings highlight the great vulnerability of individuals living in immigrant households and their difficulties in the process of social inclusion, further analyses are necessary to better understand which factors amplify the deprivation gap between the two populations. These relationships can then pave the way to an improvement of policies directed at fostering the integration and/or decreasing the social exclusion. Hence, the following figures 2 – 3 display two different analyses based on target variables. They are: i) duration of stay, ii) citizenship.

A long theoretical and empirical tradition, having its roots in the Chicago School research (Park, 1950), and then taken up by all the supporters of the “assimilationist model”, identifies the “duration of stay” as a key factor in bridging the gap between immigrants and natives. Our findings do not seem to support the above-mentioned hypothesis, at least for the Italian case (see Figure 2).

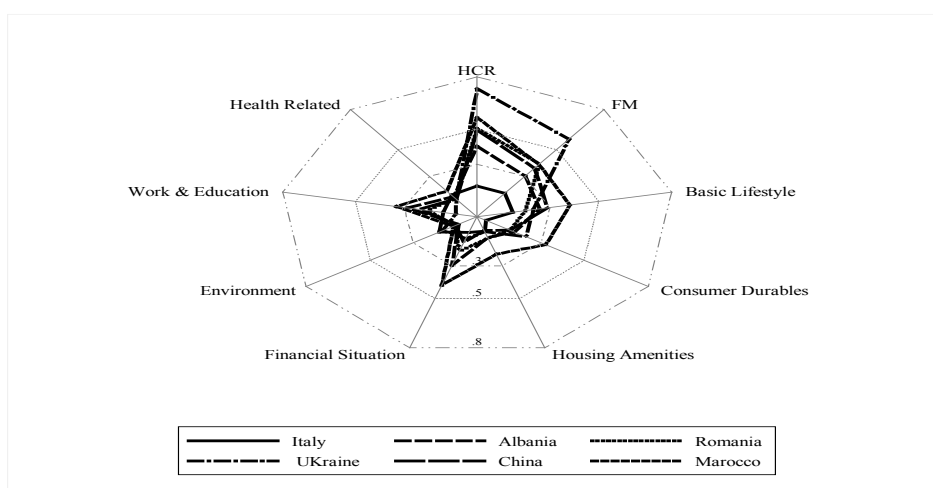
Figure 2. Spider Graphs of poverty and deprivation indicators by duration of stay

Most of the deprivation indices of individuals in immigrant households living in Italy for over 10 years are similar to those of the families who have shorter durations and in all cases – but Environment and Health – they show greater values than those of individuals in Italian households. Accordingly, the gap between immigrants and natives does not decrease across time. The length of the migration period produces beneficial effects only in terms of the FM indicator that decreases substantially as the time spent in Italy increases: the newcomer line is over 0.5 whereas the long-stay immigrant line does not approach 0.3. In terms of the traditional measure (HCR) we find that for duration shorter than 1 year the share of the poor is also far higher (71 percent) than the value for long-stay duration (about 50 percent). However, the gap between long-stay immigrants and individuals in Italian households is still very pronounced.

Finally, a reflection on the role of citizenship is necessary for at least a couple of considerations. Indeed, several studies and empirical researches highlight the crucial role of migration networks in the framework of migration experience. First of all the networks can play an important role in terms of migratory flows (Faist, 1997), secondly they can also explain how the immigrants move towards particular countries or locations, not necessarily because of great economic opportunities (Boyd, 1989). It is above all, that in Italy, migration networks play a crucial role on the social inclusion process, since the migration policies are very restrictive and both the management of the initial reception and the integration are very poor. In brief in Italy, unlike other countries, the networks of immigrant people of the same country are an essential resource (Korac, 2001). Consequentially, to be a member of a strong network rather than to be a member of a frail one can make a difference in several frameworks of their social life, such as in the transition to labor market (Kanas *et al.*, 2012). For these reasons it is very important to study the possible differences among different citizenship groups in terms of poverty and deprivation. Even if this analysis does not give a complete picture for understanding the situations of the different networks, it shows some interesting features. We use only information on the five countries (Albania, Romania, Morocco, China and Ukraine) recognized by ISTAT as the citizenships with the highest presences in Italy, they represent over 50 percent of total presence¹. In Figure 5, we also add the line of Italians to the lines of the five citizenships of immigrants. In this way, we can explore to what extent these five groups are exposed to poverty and deprivation and how they differ from natives.

Figure 3. Spider Graph of poverty and deprivation indicators by citizenship

¹ In 2010, in Italy, Romanian residents were 968,576 (21,2% of the total number of foreigners), Albanians 482,627 (10,6%), Moroccans 452,424 (9,9%), Chinese 209,934 (4,6%) and Ukrainian 200,730 (4,4%).

The poorest are the individuals living in Ukraine households (their FM indicator approaches 0.7) whereas Moroccans are the most deprived in several dimensions. The highest risk of monetary deprivation of Ukrainians can be partially explained by taking into account that they represent the newcomers in Italy. Indeed, they are principally composed of women who are usually employed in low-pay jobs such as care work and assistance. It is a different story for the Moroccans, they represent the oldest national group in Italy therefore our findings highlight the weakness of their network. On the other hand the low financial deprivation of Chinese population is particularly interesting and it seems to confirm the hypothesis promoted by Berti, Pedone and Valzania (2013) of the establishment of a Chinese “middle class” in Italy, a country where the opportunities of social mobility for immigrants as well as for natives (D’Agostino and Regoli, 2012) are very low compared with other European countries.

Conclusion

We all agree that for society development multiculturalism is a nice and unavoidable perspective, considering the strong migration pressure. But nowadays, it is time to pass from theoretical positive sentences to concrete action of the shared principle of integration. As already said in the introduction, economic dimension is not sufficient for explaining deprivation processes that involve also cultural and social issues. In fact, the presence of immigrants – by the way with a fundamental and strategic role for the larger part of the incoming countries, Italy included¹, confined in separated social/ethnic groups in a permanent condition of deprivation, is no longer sustainable. A condition that could not be solved waiting implausible and automatic changes over time.

If we agree on the idea of the building up of effective multicultural society where everyone, independently from her/his native country, has equal opportunities, then we need to foster well defined policies targeting both on a better detection of the more vulnerable social groups and on reducing the existing poverty gaps.

In our vision we can identify at least three different levels of policy action:

a) Supporting high level international meetings, such as the Baku Humanitarian Forum, for discussing, sharing and promoting the *culture of multiplicity*.

b) Subsidizing International Institutions in making additional efforts for the coordination and realization of concrete and shared action. It is necessary to forsake the existing juxtaposition between outgoing and ingoing countries on one side, and to consider the needed of supranational policies, in particular for the European context where the EU has to play a crucial role for preventing the increasing risk of a racist drift, in particular in the southern European countries.

c) Finally, the more relevant incoming countries, such as Italy, have to give up political misuse of migration for electoral purposes and, instead, have to promote the entire device (looking at already existing best practices of some northern European countries) for reducing the economic and cultural gap between migrant and native population.

Only in this perspective multiculturalism should truly become a resource and an opportunity for the global world. On the opposite, leaving this processes without government, means an increasing risk of social warfare.

References

Berti F., Pedone V., Valzania A. (eds)(2013), *Vendere e comprare. Processi di mobilità sociale dei cinesi a Prato*, Pacini, Pisa.

Boyd, R. (1989, *Mistakes Allow Evolutionary Stability in the Repeated Prisoner’s Dilemma Game*, in “Journal of Theoretical Biology”, 136, 1.

¹ As well known, immigrants not only contribute to the economic growth with their working activity, but also cover jobs often refused by natives; furthermore they are a significant antidote against ageing society one of the most hazards for the developed countries.

D'Agostino A., Regoli A. (2012), *Life Conditions and Opportunities of Young Adults: Evidence from Italy in European Comparative Perspective*, in "Social Indicators Research", online first (DOI) 10.1007/s11205-012-0136-3.

Eurostat (2010), *Combating poverty and social exclusion. A statistical portrait of the European union 2010*, Eurostat Statistical books, Luxembourg.

Faist T. (1997), *The crucial meso-level*, in Hammar T., Brochmann G., Tamas K. and Faist T. (eds), *International Migration, Immobility and Development*, Oxford, Berg.

Kanas A., Chiswick B.R., Van der Lippe T., Van Tubergen F. (2012), *Social Contacts and the Economic Performance of Immigrants: A Panel Study of Immigrants in Germany*, in "International Migration Review", 46, 3.

Korac M. (2001), *Cross-ethnic networks, self-reception system, and functional integration of refugees from the former Yugoslavia in Rome*, in "Journal of International Migration and Integration", 2, 1.

Lemmi A., Betti G. (2006), *Fuzzy Set Approach to Multidimensional Poverty Measurement*, New York, Springer.

Istat (2011), *Le famiglie con stranieri: indicatori di disagio economico*, Statistiche in breve. Istituto Nazionale di Statistica.

Park R. E.(1950), *Race and Culture*, The Free Press, Glencoe Illinois.

Полицентризм – диалогическая форма поликультурности

Биполярный культурный мир, разделенный эволюционной концепцией истории на Запад и Восток, на наших глазах трансформируется в куда более сложно структурированную общность. Факт интенсивного развития регионального, межгосударственного, этноконфессионального и культурного полицентризма свидетельствует о том, что эпоха противопоставления Запада Востоку уходит в прошлое. Грядет пора более динамичных межгосударственных и межнациональных отношений, открывающих перспективу перехода от модуса обладания к модусу бытия, – к тому времени, “Когда народы, распри позабыв, / В великую семью соединятся” [11, с.259]. Межкультурный полицентризм на практике подтверждает описанную семиотикой закономерность взаимодействия части и целого, где часть представляет от лица целого, а целое – предстает упорядоченным взаимодействием частей.

В корреляции Восток / Запад эволюционная концепция истории до недавнего времени отводила Востоку роль консервативного носителя традиционалистской культуры прошлого, а Западу – инновационной культуры будущего. Между тем в свете новейших философско-антропологических исследований подобное противопоставление выглядит уже не столь убедительно: “Объективный исторический анализ, – констатирует К. Ясперс, – выявляет, правда, превосходство Запада в воздействии на формирование мира, однако вместе с тем показывает и его незавершенность и недостаточность, в силу которых вопросы, обращенные к Востоку всегда остаются современными и плодотворными” [24, с.90].

Предложенная В. Дильтеем дифференциация наук о природе и наук о духе, исследующих соответственно естественные и социальные законы, не исключает их взаимодействия в реальности человеческой практики: “Для нашего психофизического единства природные процессы и их особенности сами могут, с одной стороны, играть ведущую роль в формировании целей, а с другой стороны, эти процессы входят в систему средств для достижения поставленных целей. Таким образом, даже тогда, когда мы *волим*, когда мы воздействуем на природу, мы зависим от природных взаимосвязей – именно потому, что наше существо образуют не слепые силы, а воля, суверенно полагающая свои цели” [7, с.123]. Рефлексия В. Дильтея направлена на выявление механизмов соподчинения “своего” и “чужого”, на овладение способами расширения монологического сознания, в нашем случае – европоцентристского. Формирование евразийского поликультурного пространства подчиняется тем же объективным законам, которые обеспечивают взаимодействие природы и духа.

Согласно этно-хронологическим расчетам Вильгельма Райха [12] переход от матриархата к патриархату начался приблизительно семь тысяч лет назад, в эпоху позднего неолита, и стал причиной социальной трагедии человечества. Не изжив полностью матриархат, о чем свидетельствует актуализация гендерной проблематики и нарастающее движение феминизма (в роли первой европейской феминистки выступила в 1792 г. Мэри Уолстонкрафт с трактатом “В защиту женского равноправия”), не утвердив социокультурную безотносительность отцовского права, проблематизируемого сложностью внутрисемейных отношений, гротескный переходный период длится и по сей день, навязывая человечеству насыщенное драматическими конфликтами *промежуточное положение* между Сциллой природы и Харибдой цивилизации. Прославление матереубийцы Ореста, поставившего на место материнского начала отцовскую “свободную нравственность самосознающей воли” [4, с.491], воспринимается сегодня как односторонность гегелевского панлогизма. В “Философии

религии” последовательный гегелевский эволюционизм еще более решительно предсказывает природе судьбу обреченного на заклание агнца: “Но жизнь, высшее изображение идеи в природе, состоит лишь (!) в том, чтобы принести себя в жертву, – такова отрицательность идеи по отношению к этому ее существованию – и стать духом” [5, с.253].

Впрочем, сама же объективно-идеалистическая диалектика уготовила наукоучению о духе (Geistwissenschaftlehre) роль жертвы: кризис логоцентризма спровоцировал появление витализма, решительно приступившего к реабилитации, ущемленной в своих правах жизни: “Нам необходима критика моральных ценностей”, – вызываяще декларировал Ницше [10, с.412]. Генезис невротических состояний современного человека свидетельствует, что эволюционный миф об Оресте болезненно компенсируется инволюционным мифом об Эдипе, освящающим агрессивно-патологическую регрессию в материнское лоно жизни. Сопро-тивление сдавленных до бесовства инстинктов выливается в деструктивные по отношению к институтам власти эксцессы: “Агрессивность, – констатирует Э.Фромм, – обнаруживается всегда рядом с целым набором вполне определенных признаков системы, таких как строгая иерархичность, лидерство, классовые противоречия и т.д.” [17, с.148]. Подводя итог истории витализма, Г.Риккерт отмечает, что философов жизни объединяет неприязнь к абстрактной метафизике во всех областях человеческой деятельности: “Итак, философ жизни не должен мыслить систематически в старом смысле. Понимая мир как Все-Жизнь, он должен вместе с тем видеть, что он не умещается ни в какую систему” [13, с.218]. Социально-психологический ренессанс Эдипа обосновывается, таким образом, его “имморальной” жизненной позицией – нежеланием на этапе эпиметеева поступка ответственно реагировать моральной рефлексией Прометея на требования нормативной этики.

Концепция эволюционного процесса становления цивилизации, самостоятельно произрастающей из недр разрушительной природы, разрабатывалась как эмпиризм, так и рационализмом XVI–XVIII вв. в трудах Бэкона, Декарта, Спинозы, Локка, Монтескье, Гельвеция, Вольтера, Канта, Констан и многих других. Бенжамен Констан, апологет либерализма в промышленности, коммерции и политике, находил примеры, свидетельствующие о “неуклонном совершенствовании человеческого рода”. В статье “О духе завоевания и узурпации в их отношении к европейской цивилизации” (1814) он утверждал, что война, исторически предшествующая торговле – тенденция, присущая диким народам, тогда как коммерция – расчет цивилизованного человека. Чем отчетливее проявляется склонность к торговле, тем заметнее ослабевают воинственные притязания. Торговля предлагает экологически более равновесный уровень межличностных отношений, в сравнении с задиристо феодальными, имперскими, националистическими, религиозно-экстремистскими и классовыми амбициями, постоянно выливающимися в междоусобные и захватнические войны.

Однако логика эволюции, основывающейся на совершенствовании производственных технологий, вступала в противоречие нормативной этикой. По мере обострения конкуренции в сфере частного предпринимательства, ориентированного на извлечение прибыли, мораль, всегда стоявшая на страже эволюционных достижений культуры и нашедшая заверщенное выражение в учении И.Канта о категорическом императиве, все отчетливее обнаруживала практическое бессилие, “потому что требовала невозможного, следовательно, никогда не приходила ни к чему действительному” [21, с.289]. Трагический опыт XX века показал, что “проблемный человек” (М.Бубер) по-прежнему остается в рабской зависимости как от психических, так и от производственных процессов, сплотившихся против него в социо-природном интерьере фрейдизма. Прогресс, изгнавший человечество из матриархата, вменяет ему в обязанность, адаптируясь к производственному циклу, в то же время неуклонно модернизировать его своей инновационной деятельностью. Адаптационно-инновационный механизм патриархального жизнестроительства углубляет социально-онтологический конфликт, диссоциирует процессы органической регуляции и, в конечном счете, ставит под сомнение преимущества цивилизации, все более уподобляющейся кровожадному жреческому

идолу, который соглашается пить нектар не иначе как из черепа убитого. В безысходной по своим итогам книге “Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения” ее авторы, Ж. Делез и Ф. Гваттари, рефлектирующие по поводу “агрессивного означающего” культуры, выродившейся в капиталистическое производство, констатируют инверсию естественного воспроизводства в результате вторжения капитала в триангулярность семейного поля: “Элементы производства и антипроизводства не воспроизводятся в качестве самих людей, а находят в них простой материал, который форма экономического воспроизводства заранее организует в том режиме, который совершенно отличается от той формы, которая есть у этого материала как человеческого воспроизводства” [6, с.415-416].

Промежуточное положение, определенное З. Фрейдом сознанию (Ego) между Id (Оно) и Super Ego (Сверх Я), наглядно иллюстрирует гнет, которому подвергается “Я” со стороны двух тиранствующих инстанций: биологического и промышленного воспроизводства. Какой из двух “регуляций” – органической или механической – дано одержать верх в конфликте, давно покинувшем пространство кабинетных исследований и философских дискуссий между представителями эмпирической и спекулятивной философии? Неотменяемые законы органической регуляции обеспечивают человеческую жизнедеятельность на уровне самосохранения и естественного отбора. Не менее могущественные законы механической регуляции, контролирующие баланс производительных сил и производственных отношений, нарушают экологию автономных природных процессов.

Реабилитацию культурно-цивилизационной значимости динамических процессов бессознательного осуществил К.Г.Юнг. В “Тэвистокских лекциях” создатель аналитической психологии представил Эго (комплекс психических факторов) как результат контрапунктического взаимодействия четырех психических функций: мышления, чувства, ощущения и интуиции [23], трансформировав эгоцентризм фрейдовского психоанализа в полицентрический динамизм душевной жизни. Его ученик и последователь, Джеймс Альберт Холл, так прокомментировал эти принципиальные структурные модификации: “Естественное стремление Эго рассматривать себя как центр психического, хотя оно является всего лишь центром виртуального сознательного мира, само по себе представляет отдельную от многих архетипических существований конструкцию. Эго напоминает наследственного монарха страны, единственно полномочного правителя, который, однако, не может уследить за всем, что происходит в его вотчине, а кроме того, не вполне осознает все в ней происходящее, или могущее произойти” [18, с.171]. Так на смену бескомпромиссной оппозиции механического и органического приходит более либеральная корреляция рационального и чувственного, аналогичная по своей регулятивной направленности всемирно-историческому процессу перехода от европейского логоцентризма к геополитическому полицентризму.

Беспокойная европейская мысль давно уже пребывает в поисках “третьего пути”, способного обеспечить искомую гармонизацию взаимообусловленных душевных и социальных процессов. Начиная с эпохи Возрождения, история идей характеризуется усилием вознести homo humanus над антиномиями чувственного и рационального в идее свободы, конституировавшийся в новую религию секуляризованного человека. “Поверхностный гуманизм”, в котором Н.А.Бердяев упрекал эпоху Возрождения [2, с.216], медленно и трудно преодолевается философией Нового времени, выстраивающейся в историю поисков параметров реальной человеческой свободы. Cogito Р.Декарта, возвышающееся над протяженными и непротяженными субстанциями, Просвещение с его теорией “среднего состояния”, “истинное счастье” Д.Локка, “правильно понятый интерес” К.А.Гельвеция, “внутренний человек” Шиллера и Гете, эволюционирующее “абсолютное Я” Г.Фихте, “философия тождества” Г.В.Ф.Шеллинга, диалектика наук о природе и духе В.Дильтея, феноменология Э.Гуссерля, “интуитивизм” А.Бергсона, “свобода” Ж.П.Сартра, “модус бытия” Э.Фромма... Поиски не прекращаются, ибо не обретено желаемое равновесие чувственной и рациональной ипостасей. Напротив, каждый виток исторической диалектики характеризуется

очередным более изощренным вариантом разобщения духа и тела, их поляризацией на анонимную враждебность обстоятельств и защитную реакцию нарциссического индивида, завышающего самооценку перед фактом ущемления его жизненных прав.

Если средневековому сословному обществу еще дано было магией алхимического “избирательного сродства” обеспечить воссоединение внутреннего и внешнего, природной и социальной необходимости, то промышленный переворот XVIII–XIX вв. отодвинул в прошлое “золотого века” саму идею *непосредственной* гармонии частного и общественного индивида. В экологическое взаимодействие природы и аграрного социума вторглось торгово-экономическое *опосредование*. Ландшафт бытия потребительной стоимости самоочевиден и достоверен, тогда как архитектоника обладания, воздвигнутая на абстракции меновой стоимости, – призрачна и иллюзорна. Мефистофель эпохи промышленного переворота и научно-технической революции XX века – уже не искуситель самоотверженных схимников и не скептик-просветитель гетевского “Фауста”. Он предстает перед Иваном Карамазовым и Адрианом Леверкюном “клетчатый субъектом”, наглым циником и развязным болтуном, потому что бесконечно обесценился и сам человек, смирившийся с должностью слуги у нового могущественного властелина – автономного процесса самообеспечения производства. Роковая власть торгово-экономических отношений привела героев Ф.М.Достоевского и Т.Манна к неотвратимости выбора в пользу социальной необходимости, противопоставленной бытийной свободе. Патриархальный модус обладания подчинил себе матриархальный модус бытия. Ад “Божественной комедии” Данте уступил место всевластию социально-мифологических наваждений “Человеческой комедии” Бальзака. В безднах нового исторического ада изначально целостный человек, каким задумал его Создатель, распадается на полифункционального индивида – гражданского, антиобщественного, созидательного, разрушительного, приказывающего, исполняющего, коллективного, изолированного, трудоустроенного, безработного, семейного, одинокого, конфессионального, атеистического и т.п. Индустриальный подтекст сделки с дьяволом порождает событие не природной, а социальной мифологии.

Христос, возвестивший своим ученикам: “В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир” (Иоанн, XVI, 33), постиг диалектику бытия и обладания и выбрал бытие как условие становления, ибо вне бытия обладание утрачивает опору, трансформируется в бессосновность (*Ungründung*). Христос преодолел мистическое очарование опосредованного обладания, вступив в царство непосредственного бытия, которое есть вера и дух.

Искушающая человека новой и новейшей истории ницшеанская воля к власти – смысловой центр и болевой нерв диалектического взаимодействия *этики* обладания и *эстетики* бытия. Калокагатия Платона – диада прекрасного и доброго – распалась в результате глобальной экспансии техники, превзошедшей по своим масштабам региональное могущество абсолютистских государств и колониальных империй. На фоне “достижений” техногенной цивилизации основополагающий этический постулат Спинозы воспринимается как игнорирующий суровую жизненную реальность гимн мазохистскому самоотрицанию: “*Beatitudo non est proemium virtutis, sed ipsa virtus*”: “Блаженство не есть награда за добродетель, но сама добродетель” [15, с.477].

Религиозный экзистенциализм в лице Серена Кьеркегора еще противопоставляет “этическому человеку” Сократа “рыцаря веры” Авраама. Однако этика, изгнанная прогрессом из аполлонической культуры и перешедшая на службу к Голему производства, все нагляднее обнаруживает мизантропические свойства. Сохраняя за собой высокий нравственный потенциал религиозной критической самооценки, секуляризованная мораль переносит его в область производственной дисциплины, требуя от индивида полной самоотдачи в деле обеспечения бесперебойного функционирования производственного цикла: “Если этическое высшее, – резюмирует Лев Шестов свой анализ книги с.Кьеркегора “Страх и трепет”, – то

Авраам погиб. Погиб – ибо этическое так изуродует его, как ни один палач не уродовал своей жертвы, если он не забудет своего Исаака” [20, с.142].

Атеистический экзистенциализм в лице Ж.-П. Сартра, в свою очередь, противопоставляет трансцендентальной “сущности, предшествующей существованию”, онтологическое “существование, предшествующее сущности”: “Если даже Бога нет, то есть, по крайней мере одно бытие, у которого существование предшествует сущности, бытие, которое существует прежде, чем его можно определить каким-нибудь понятием, и этим бытием является человек, или, по Хайдеггеру, человеческая реальность” [14, с.323]. На уровне поступка экзистенциальная самоидентификация мыслится Сартром как акт бескомпромиссной ответственности, учитывающей кантовские требования всеобщности и необходимости: “Выбирая себя, я выбираю человека вообще” [14, с.324].

Так две разошедшиеся в противоположных направлениях этические теории вновь встречаются на перекрестке отсутствия выбора: последовательный экзистенциализм приходит к тем же результатам, что и категорический императив. В обоих случаях реальный человек имеет дело с адресованным ему требованием долженствования.

На пути трансцендентальной этики его подстерегает требование поддержать ту или иную форму трудовой дисциплины, тем более, если она диктуется необходимостью предпринятых им радикальных преобразований в области морали и нравственности.

На пути экзистенциального “выбора самого себя” он имеет дело с автономным комплексом рационализирующего эго, которому не дано длительное время сохранять подвешенное состояние в вакууме теоретических абстракций. Рано или поздно ему придется примкнуть к одному из видов политической ангажированности в вопросе о способах организации производства и потребления.

Дефицит конкурентоспособности, продемонстрированный социалистическими формами хозяйствования, поставил под сомнение, по крайней мере на ближайшую перспективу, способность человеческого сообщества, обремененного антиобщественными защитными комплексами, обеспечить требуемое экологическое равновесие между производством и потреблением. Со своей стороны, давно знакомая и всесторонне раскритикованная монотонная мизантропия капиталистического производства в состоянии породить лишь собственную противоположность – односторонний альтернативный монолизм в лице многочисленных разновидностей модернизма и постмодернизма. Есть основания говорить о шизофренической реакции “несчастливого сознания” (Гегель) на всевластие техногенной экспансии [26]. Отчуждение людей от аграрной культуры и общинного землепользования оплачивается обретением шизофренического опыта. Учитывая эту тенденцию, К.Г.Юнг не упускал случая противопоставить естественно ассоциированную психику архаичного человека диссоциированной психике западного индивида [22, с.253]. В свете психоаналитических интроспекций история перехода от матриархата к патриархату предстает не эволюцией, а инволюцией природного человечества, поскольку матриархат – эпоха, функционировавшая по законам органической регуляции, в отличие от патриархальной механистичности автономного процесса самообеспечения производства.

Объективное вырождение нормативной этики в жандарма производства поднимает волну полемики с кодами, письмами, матрицами, симулякрами и прочими приватизированными капитализмом символами анонимной всеобщности, обесценивает и теоретические постулаты практической нравственности. Необратимая производственная экспансия побуждает к ревизии формальной этики с позиции материальной этики ценностей. Обезличенному этическому императиву Макс Шелер противопоставляет изучение конкретного содержания понятий “благого” и “злого”: “Неформальная этика ценностей обосновывает задачу разобраться не в “социальных ценностных суждениях о благе и зле, а <...> в самой ценностной материи благого и злого” [19, с.264].

Опыты практической реализации этики материальных ценностей, предпринятые фашизмом в Германии и большевизмом в России, вылились в военный конфликт двух социально-политических систем, сошедшихся в жесточайших танковых сражениях на полях Великой отечественной войны.

Культурно-исторический генезис фашизма был подвергнут Т. Манном, автором покаянного романа “Доктор Фаустус”, ретроспективному анализу в статье “Философия Ницше в свете нашего опыта” (1947). В экстатических призывах Ницше объявить крестовый поход морали и разуму Т. Манн усмотрел теоретическое обоснование бесчеловечной практики нацизма: “Существовала ли когда-нибудь необходимость защищать жизнь против духа? Грозил ли когда-нибудь миру малейшая опасность погибнуть от избытка разума? Нет, не становится под знамя инстинктов и силы и не превозносить “прежде незаслуженно отвергавшиеся” стороны жизни, находя высшее благо в преступлении (а мои современники имели возможность убедиться в несостоятельности и бессмыслице преступления), нет, нам, хотя бы из простого великодушия, следовало поддерживать и оберегать и без того чуть теплящийся огонек разума, духа и справедливости” [9, с.372]. Традиционная гуманистическая парадигма Спинозы, Лессинга, Шиллера и Гете, возрожденная страшным опытом Второй мировой войны, побудила Т.Манна сделать выбор в пользу неотменяемых ценностей духа. Однако в условиях стремительного перерастания капитализма в империализм и глобализм этическая мимикрия серьезно дезориентировала общую направленность гуманистического проекта. Аргументы классической эпикурейской этики не выдерживали конкуренции с непрерывно совершенствующимися формами экономического принуждения: “Недавние исследования в области поведения животных, и прежде всего человека, – свидетельствовал Олдос Хаксли спустя двадцать семь лет после выхода своего нашумевшего антиутопического романа “Дивный новый мир” (1932), – приводят к выводу, что контроль посредством наказания нежелательной реакции в перспективе куда менее результативен, чем контроль посредством усиления мотивов желательного поведения с помощью поощрения; что, следовательно, правительство, прибегающее к насилию, менее эффективно по сравнению с правительством, пользующимся ненасильственными методами воздействия на окружающую среду и сознание людей” [25, р. 3].

Потерпел поражение и марксистский эксперимент утверждения этики материальных ценностей в России. Секуляризованный человек социализма виделся русским марксистам как полностью овнешненный внутренний человек Веймарского классицизма, разорвавший оковы экономического принуждения, сбросивший тяготевший над ним груз первородного греха и навязанных классовым обществом моральных табу, обещая раскрыться в неисчерпаемом творческом богатстве своих “сущностных сил”. В результате экспроприации и национализации средств производства постисторическому Неандру ничто уже не препятствовало бы проявиться как естественно гуманному индивиду, снявшему в общественно необходимом труде противоречие между частным индивидом и гражданином, предстать в своей уникальной самобытности надежным гарантом гражданского общества. М.А.Лифшиц в предисловии к составленному им в 30-х гг. и неоднократно переиздававшемуся компилятивному сборнику “К.Маркс и Ф.Энгельс об искусстве” полагал, что основоположник марксизма, всю свою жизнь посвятивший изучению экономических законов перехода от капиталистической формации к коммунистической и никогда специально не занимавшийся вопросами эстетики, обосновывая концепцию неизбежности пролетарской революции, объективно способствовал и делу возрождения искусства. Ведь искусство – объективный показатель действительного состояния общества. Во все времена оно чутко реагирует на малейшие изменения нравственного климата: здоровое реалистическое искусство – надежное свидетельство сбалансированного функционирования социальной экосистемы. По убеждению основоположников марксизма, искусство в полной мере осуществит свою идею лишь в результате эмансипации человечества от поработавших его производственных, классовых, национальных и

религиозных противоречий: “С уничтожением частной собственности и общественного неравенства уходит в прошлое самое большое препятствие на пути художественной культуры – та общественная причина, которая делает ее развитие чреватым периодами глубокого упадка, возвращения вспять или одностороннего, противоречивого подъема. Такова главная мысль исторической эстетики Маркса и Энгельса” [8, с.ХХI].

Между тем “реальный социализм” на каждом шагу воспроизводил условия для эпистемологического разрыва – конфликта между идеологизированной гносеологической моделью и проблематизировавшей ее эмпирической реальностью. Октябрьскому перевороту не суждено было стать прологом к вступлению России в “истинное царство свободы”. Восприятие штурма Зимнего дворца в ночь на 26 октября как победы новой общественно-экономической формации запечатлело лишь наивную презумпцию В.В.Маяковского:

Дул,
как всегда,
октябрь
ветрами.
Рельсы
по мосту вызмеив,
гонку
свою
продолжали трамы
уже –
при социализме.

Подлинное тождество человека и гражданина осложнялось реальным контекстом старой многоукладной экономики, а также общинными отношениями, по-прежнему преобладавшими в аграрной стране, втянутой союзническими обязательствами Николая II в кровопролитную империалистическую бойню. Витальной альтернативой индустриализации оставалась крестьянская община – аграрный космос и оплот православной нравственности. Авторы работы “Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования)” отдают дань возрождающему морально-психологическому консерватизму природной мифологии: “Существующий тысячелетия и восходящий еще к неолитической революции традиционный крестьянский космос представлял собой мощнейшую структуру, обладающую гигантским потенциалом самосохранения и противостояния трансформирующим внешним воздействиям. Будучи направлен на самовоспроизводство в качественно неизменном виде, он онтологически противостоял таким исторически последующим феноменам как государство, большое общество, цивилизация, история. Здесь следует искать исходный тип нравственности, нравственный исходный идеал России” [1, с.31].

Два исторических эксперимента – национал-социалистический и марксистско-ленинский обозначили теоретические пределы и исторические тупики претворенных философских традиций – витализма и эмпиризма, констатировали, что природа и техника, предоставленные самим себе, демонстрируют тенденцию к самоутверждению ценой взаимного саморазрушения. Распадается коррелятивная пара природы и духа, обеспечивавшая равновесное взаимодействие двух ипостасей человеческого существования.

Гуманистический психоанализ, представленный трудами Вильгельма Райха (“Психология масс и фашизм”), Эриха Ноймана (“Глубинная психология и новая этика”), Эриха Фромма (“Анатомия человеческой деструктивности”, “Искусство любить”, “Иметь или быть?”), Джеймса Альберта Холла “Юнгианское толкование сновидений”, Абрахама Маслоу (“Новые рубежи человеческой природы”), Карла Роджерса с его открытием автономной психической функции становления и др., предложил холистический подход к проблеме человека. Эволюция

от моноцентризма фрейдовского психоанализа к полицентризму аналитической психологии аналогична эволюции от логоцентризма к диалогизму, от европоцентризма к геополитическому полицентризму.

Определяя параметры межкультурной коммуникации в контексте складывающегося полицентризма, следует, вслед за М.Бубером, отличать *подлинный* диалог от “технического”, а также от замаскированного под диалог монолога, в ходе которого собеседники ориентированы не на *активное понимание*, а на альтернативно-монологическое утверждение собственной односторонности. “Я знаю три вида диалога, – свидетельствует М.Бубер, – подлинный, который может быть выражен как в словах, так и в молчании, – в этом диалоге каждый из его участников действительно имеет в виду другого или других в их наличном и своеобразном бытии и обращается к ним, стремясь, чтобы между ним и ими установилось живое взаимоотношение; технический, вызванный лишь необходимостью объективного взаимопонимания, и, наконец, замаскированный под диалог монолог, в котором два человека или несколько собравшихся людей странными извилистыми путями говорят с самими собой, полагая при этом, что они избавлены от мучительного пребывания лишь с самими собой [3, с.140].

Кросскультурный диалог – объективная реальность, преодолевающая узость как теоретического, так и эмпирического мышления. Подлинный диалог намечает перспективу выхода за пределы уныло безысходной оппозиции Запад / Восток, в которой Запад ассоциируется с империей производственных технологий, а Восток с аграрным космосом. Подлинный диалог предлагает более гибкую коррелятивную пару – субъект-субъектные отношения равенства и взаимопонимания, противопоставленные субъект-объектным отношениям господства и подчинения.

Разворачивающаяся на наших глазах ситуация интертекстуального взаимодействия языков и культур подтверждает творческую продуктивность кросскультурных контактов во всех областях человеческой жизни: “Выходцы из восточных стран – Индии, Китая, Японии, Пакистана, – постоянно проживающие в Англии, США и других странах Запада, самым прямым образом причастны к сложнейшему полифоническому процессу “смешения”, “взаимного опыления” культур. Выходцы из “других” культур, становясь писателями, в первую очередь повествуют о “корнях”, о своих “духовных пенатах”, о национальных традициях. В лучших образцах такой литературы таится неподражаемое художественное своеобразие, которое, несомненно, углубляет знания о восточных культурах на Западе. Ту же роль играет и англоязычная литература (и литература на других европейских языках), существующая и развивающаяся в получивших независимость колониях” [16, с.61].

Формирующаяся на базе интеграционных процессов нового качества полицентрическая и поликультурная реальность повышает приоритет науки, образования и искусства как генераторов равноправных отношений между народами и государствами. Современная цивилизация, осознавая факт глобальной экономической зависимости от ею же созданной техники, в борьбе за собственное культурное выживание стоит перед необходимостью отказаться от парадигмы разрушительного субъект-объектного монологизма. Перед лицом этого облекающегося в инстинкт самосохранения императива человечеству суждено либо разделить участь погибшей Атлантиды, которая, быть может, пала жертвой инерционных “агонистических” (Э.Фромм) стремлений, либо отдать предпочтение более достойной альтернативе технотропной войны с жизнью.

Список литературы

1. Ахиезер А.С., Давыдов А.П., Шуровский М.А., Яковенко И.Г., Яркова Е.Н. Большевизм – социокультурный феномен (опыт исследования) // Вопросы философии. 2001. №12. – с.28–39.
2. Бердяев Н.А. Мирозерцание Достоевского // О русских классиках. – М.: Высшая школа, 1993. – с.107–223.

3. Бубер М. Диалог // Два образа веры. М., 1999. – с.122–161.
4. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике В 2 т. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. Т. 1. – 623 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Философия религии: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1977. – 573 с.
6. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
7. Дильтей В. Введение в науки о духе // Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX-XX вв. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – с.108–135.
8. Лифшиц Мих. Маркс и Энгельс об искусстве // К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. – В 2 т. М.: Искусство, 1976. – Т. 1.– с.V–XLVII.
9. Манн Т. Философия Ницше в свете нашего опыта // Соч. В 10 т. – М.: Государственное издательство художественной литературы. Т. 10 – с.346–391.
10. Ницше Ф. К генеалогии морали // Собр. соч.: в 2 т. – Т. 2 – М.: Мысль, 1990. с.407–524.
11. Пушкин А.С. Он между нами жил // Полн. собр. соч.: в 10 т. – Т. 3. – Ленинград: Наука, 1977. – с.259.
12. Райх В. Психология масс и фашизм. – М.: АСТ, 2004. 539 с.
13. Риккерт Г. Философия жизни: Изложение и критика модных течений философии нашего времени // Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. – с.206-362.
14. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки Богов. – М.: Издательство политической литературы, 1990. – с.319–344.
15. Спиноза Б. Этика // Сочинения в 2 т., Т. 1. – Санкт-Петербург: Наука, 1999. – с.251–478.
16. Толкачев С.П. Мультикультурный контекст современного английского романа. – М.: Литературный институт им. А.М. Горького, 2003. – 404 с.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 1994. – 447 с.
18. Холл Джеймс Альберт. Юнгианское толкование сновидений. – СПб: Азбука-классика, 2008. – 223 с.
19. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – с.259 – 337.
20. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). – М.: Прогресс-Гнозис, 1992. – 304 с.
21. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21. – 745 с.
22. Юнг К.Г. О брахманистическом понимании объединяющего символа // Психологические типы. – Санкт-Петербург: Ювента; Москва: Прогресс – Универс, 1995. – 716 с.
23. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции. Аналитическая психология: ее теория и практика. – М.: АСТ Москва, 2009. – 252 с.
24. Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. – с.28–286.
25. Huxley Aldous. Brave New World Revisited. Flamingo, 1994. P. 3. (First published in Great Britain by Chatto & Windus. Ltd, 1959). – 179 p.
26. Sass L.A. Madness and modernism: Insanity in the light of modern art, literature and thought. – New York: Basic Books, 1992. – 595 p.

Morality in Politics: Kant's Approach to Politics and His Call for the Unity Between Politics and Morality

Kant's approach to political theory is not only inspiring in its own right. His innovative political theory, in much the same way as his metaphysics, is an indispensable contributor to the larger field of political philosophy. It provides important groundwork for both historical and modern governmental projects and international organizations.

Specifically of interest is Kant's account of politics as inextricably tied to morality. Conceived in this way, politics embodies and promotes a "new mode of political thinking" in the wake of the French Revolution and the rise in popularity and dominance of the Natural Law Tradition within Germany. One of the most significant tenets of Kant's "new mode of political thinking," therefore, is his belief that politics and morality (although two distinct realms of practical reason) must be related in such a way that morality is recognized as the "foundation" of politics and acts as a "limiting condition" for political systems of law.¹ In his essay *Perpetual Peace*, Kant does not merely show – as it is commonly recognized – how his moral philosophy can be applied to politics, but rather argues – what is often ignored – for moral political action and morality in politics. Kant believes that *ethnos*, true moral behavior, should be the guiding force of *kratos*, political action. As he radically calls for politics to "bend its knees before right," his work becomes a proposal for peace among people and nations.²

The goal of this paper is thus to elucidate Kant's conception of politics as founded on morals. In what follows I will first address *why* Kant thinks it necessary to conceive of politics in such a way. Second, I will attempt to clarify *how* he understands the nature of the relation between his moral theory and his political philosophy.

Although I do not intend to provide a detailed analysis of the strengths and weaknesses of Kant's approach to politics as founded on morality, my aim is to hint at the direction one would likely head if such an attempt were made.

I. In *Perpetual Peace*, Kant alludes to the relation he conceived of between morality and politics when he states "[a] true system of politics cannot...take a single step without first paying tribute to morality."³ From this it is obvious that Kant views these two aspects of his philosophy as closely connected. This, however, leads to the more specific question: what type of connection does Kant have in mind and what is the nature of this connection? As a propaedeutic to that discussion it seems immediately relevant to address the question of *why* Kant thinks it necessary or appropriate to conceive of the field of politics and the field of morality as connected at all.

This could be, in part, explained by the role that his moral and political theories play within his larger philosophical system – both architectonically and conceptually.

While Kant focused heavily on matters of theoretical reason, he never neglected matters of practical reason. Instead, he devoted significant philosophical attention to realms of human experience which fall beyond the scope of pure epistemology or traditional metaphysics. In fact, as it becomes evident from his *What is Orientation in Thinking?*, his inquiry within the field of theoretical

¹ Kant *I. Perpetual Peace*, pp.117-118. Kant claims "if we consider it absolutely necessary to couple to concept of right with politics, or even to make it a limiting condition of politics, it must be conceded that the two are compatible. And" [bringing in elements of his discussion of the distinction between the moral politician and the political moralist, which will not be discussed in detail here] Kant continues "[he] can indeed imagine a moral politician, i.e. someone who conceives of the principles of political expediency in such a way that they can co-exist with morality, but I cannot imagine a political moralist, i.e. one who fashions his morality to suit his own advantage as a statesman."

² Kant *Perpetual Peace*, p.100.

³ Kant, *Perpetual Peace*, p.125.

reason necessarily leads on to the practical use of reason as defined in his writings on ethics, which, in turn, provide the foundation of his political writings. H.S. Reiss summarizes this insight by pointing out that “Kant’s theory of politics [...] is not an unimportant appendix to his critical philosophy, but a necessary *consequence* of it.”¹

Traditionally, Kant is considered one of the greatest moralists, and his influence within the field of moral philosophy is widely recognized. This, however, does not apply to his political thoughts. Absorbed almost entirely with examination of his moral theory and works on ethics, Kant scholars, at least in English speaking countries, have neglected his political writings. Such an approach, however, leads to inaccurate interpretations of Kant’s account of practical philosophy. It also ignores Kant’s own admission that his practical philosophy would be incomplete if based solely on the formal principles of morality. It is worth mentioning that Kant never attempted to provide a complete system of moral practice in all particular instances. Principles of morality he introduced do not say anything about the content of an action; they are instrumental in supplying formal rules to which we can appeal if we want to assess the moral worth of our maxims. Thus Kant recognizes that his practical philosophy based merely on the formal justification of our moral knowledge would be incomplete without a sort of “practical approximation,” i.e. specific application of moral principles to particular circumstances in the realm of actual interactions among people. Kant sought such an approximation through his political theory which deals with the question of what we ought to do when acting in larger social and political contexts.

In other words, Kant conceived of his political theory as an application of principles of right to social experience; the foundation of Kant’s political theory is therefore normative. Law within the political realm represents, within Kant’s practical philosophy, the external element of practical reason with respect to the purposive interaction among free individuals. It is for this reason that Kant believed both moral theory and political philosophy to be not merely independent elements of his practical philosophy; rather, both were viewed as *central* to his practical philosophy and necessarily connected. Both Kant’s moral theory and political philosophy appeal to human agency and actual human actions. This sort of shared identity further clarifies the intimate connection of the two practical realms.

II. For Kant, therefore, politics that is reserved for the external realm of human relations is appropriately concerned with human actions. Those actions, at least ideally, are to be governed by the moral law. According to Kant, “morality, as a collection of absolutely binding laws by which our actions ought to be governed, belongs essentially, in an objective sense, to the practical sphere” as such, he continues, “there can be no conflict between politics, as an applied branch of right, and morality, as a theoretical branch of right (i.e. between theory and practice).”² However, it is important to note that the connection between morality and politics is not absolute in the following sense: the extent to which our practical actions within the political sphere are successfully governed by the categorical imperative is mediated by facts of human nature. While Kant is consistent in his insistence on rationality as a benchmark of humanity, he is acutely aware and taking into consideration emotional, self interested and preferential nature of man. In fact, the possibility of irrationality on our part makes the moral imperatives necessary. For a moral imperative is a principle of practical reason addressed to an imperfectly rational being: it says what we *ought* to do despite what we want or inclined to.

Kant further alludes to these (irrational) facts of human nature in his *Idea For a Universal History* when he claims that man “certainly abuses his freedom in relation to others of his own kind. And even although, as a rational creature, he desires a law to impose limits on the freedom of all, he is still misled by his self-seeking animal inclinations into exempting himself from the law where he can.”³

¹ Reiss, Kant: Political Writings, p.236; emphasis is added.

² Kant I. Perpetual Peace, p.116.

³ Kant I. Idea For a Universal History, in Kant: Political Writings ed. Reiss, p.46.

Thus, even though as rational, we know what we “ought” to do – we “ought” to realize the kingdom of ends – our rational nature alone is not enough to guarantee that we actually do what we know we ought to in our empirical reality.

As such, Kant recognizes that the moral law will not be entirely authoritative over all man’s actions, especially if these actions are performed in social and political reality where the principles of the external freedom prevail. Thus, Kant concludes that moral law, which is “pure formal” and therefore devoid of empirical content, must be supplemented in an applied format via an external system of laws in order to account for man’s morally imperfect nature.

In this sense, then, the moral and political worlds are closely connected in that morality provides us with an ideal conception of the perfect ethical commonwealth (in the kingdom of ends) whereas within the external sphere of politics we may strive to move ever closer to the achievement of this ideal. Man’s empirical reality is such that we may never (and likely never will) attain the communal ideal of the kingdom of ends. Thus, the nature of the connection between morality and politics must be such that morality provides the foundations of politics; politics must flow outward from morality in application to the practical reality of human nature.

Political laws are therefore not a direct application of the moral law. The necessity of an external legal authority is, at least in one sense, a function of the “partial or total absence of a good will that would yield, if it could, a non-coercive ethical commonwealth under laws of virtue. Good will’s absence necessitates politics’ presence. And the idea of an ethical commonwealth generated by good will serves as a kind of utopia that earthly politics can legally approximate.¹“ For this reason, rather than a complete application of the categorical imperative to the realm of politics (which would amount to the realization of a purely moral kingdom of ends), politics will serve to realize some of the ends of morality externally albeit where only legal incentives are present. Shaping politics and law out of morality, as Kant maintains “genuinely makes it much easier for the moral capacities of men to develop”; the existence of a legal system with coercive force of law is, for Kant, therefore “a great step...toward morality (although this is still not the same as a moral step), towards a state where the concept of duty is recognized for its own sake.”²

III. The two realms of Kant’s practical philosophy – morality and politics – although connected are also distinct. In Kant’s own words the distinction between the two realms, entails the following consideration:

“Ethics in ancient times signified moral philosophy (*philosophia moral is*) generally, which was also called the doctrine of duties. Subsequently it was found advisable to confine this name to a part of moral philosophy, namely, to the doctrine of duties which are not subject to external laws (for which in German the name *Tugendlehre* was found suitable). Thus the system of general deontology is divided into that of jurisprudence (*jurisprudentia*), which is capable of external laws, and of ethics, which is not thus capable, and we may let this division stand.”³

Morality, according to Kant, is a matter of individual decision. Morality is therefore an internal matter. With respect to the moral law, man acting in obedience to its dictates is obeying an internal law which, by his reason, he legislates for himself and is therefore self-determined. From this it follows that morality is concerned with my intentions in acting.

Politics, on the other hand, is essentially a matter of application of the moral law to man’s empirical reality – i.e. to the external realm of human actions.

The above considerations lead to a further distinction between moral incentives and legal incentives, another distinction between morality and politics that Kant discusses and which is of central importance to understanding his conception of the connection between the two realms. In

¹ Riley, Kant’s Political Philosophy, p. 19.

² Kant I. Perpetual Peace from Kant: Political Writings ed. Reiss, p. 121.

³ Kant I. Groundwork for the Metaphysics of Moral, p. 28.

discussing this distinction, Kant maintains that “the duty of virtue is essentially distinguished from the duty of justice in this respect; that it is morally possible to be externally compelled to the latter, whereas the former rests on free self-constraint only.”¹ Thus with respect to morality, the only incentive is to act out of respect for the moral law – i.e. the idea of duty is that which motivates. Because of the internally subjective nature of morality, it is not the job of a legal coercive order to legislate morality or to attempt to improve the moral character of the individuals to which it applies.

Hans Reiss summarized this distinction well in his introduction to *Kant: Political Writings*. According to Reiss, “the moral decision of the inner man finds outward expression in legality, i.e. in an action conforming with law. But man’s inner life must not be subject to coercion. Because we cannot know for certain anything about another person’s inner life, it ought not to be the task of political action or legislation to change or in any way to condition another person’s thought.”² Thus, politics is the properly concerned with the sphere of purposive activity or with external relations among autonomous individuals not, like ethics, with matters internal to the actor.

Conformity to the moral law is also, therefore, distinct from the nature of conformity to the juridical laws of the political realm. Conformity to the moral law is described by Kant as follows:

“The notion of duty is in itself already the notion of a constraint of the free elective will by the law; whether this constraint be an external one or be self-constraint. The moral imperative, by its categorical (the unconditional ought) announces this constraint, which therefore does not apply to all rational beings (for there may also be holy beings), but applies to men as rational physical beings who are unholy enough to be seduced by pleasure to the transgression of the moral law, although they themselves recognize its authority; and when they do obey it, to obey it unwillingly (with resistance of their inclination); and it is in this that the constraint properly consists.”³

With respect to morality, the only incentive is to act out of respect for the moral law – i.e. the idea of duty is that which motivates. The case is not the same in the field of politics. It follows that, yet another sense in which they are distinct alluded to in the previous paragraph, is the nature of the contexts in which each is authoritative.

External or legal incentives are authoritative for us based on the threat of coercive force from a regulative authority. Failure to comply with the political law is prevented by the threat of compulsory force. Internal or moral incentives rely rather on our sense of duty alone, and thus obedience to the moral law is therefore “voluntary” (i.e. a matter of subjective self-determination). Morality is concerned only with the motives behind actions, and can “only be commanded.” Whereas behind a moral act lies merely the motive to act from respect for the moral law (i.e. to do our duty because it is our duty) without external compulsory compliance, legal or external incentives, although they may be our motive in acting, are not necessarily so. Therefore, for Kant, “juridical laws are...concerned with actions and the effects of actions, whereas ethics prescribes rules which relate solely to the notions lying behind actions.”⁴ In other words, political laws are concerned with the objective facts of the actions themselves.

Although conformity to the moral law is a matter of internal self-legislation, in the external realm of politics, a coercive force is required in order to ensure the proper constraint exists. The purpose in acting, the motive behind a given act, is not at issue in the field of politics as those things are only of an internal (and therefore moral) relevance. Given that “acting out of virtue is irrelevant to the externality of the relationships governed by law” it follows from Kant’s practical philosophy that “an external authority must be present to enforce upon the actor the external requirements of practical reason.”⁵ Whether freedom is or is not the determining ground of one’s actions under political law,

¹ Kant I. *Groundwork for the Metaphysics of Morals*, p. 36.

² Reiss H., *Kant: Political Writings*, p.22.

³ Kant I., *The Metaphysical Elements of Ethics*, p. 43.

⁴ Onora O’Neill, *Reason and Politics in the Kantian Enterprise* in *Essays of Kant’s Political Philosophy*, p.62.

⁵ Ernest J. Weinrib, *Law as an Idea of Reason in Kant’s Political Philosophy*, pp. 28.

whatever an agent's purpose or motive in acting might have been, whether a legal system is made up of "holy men" or made up of a "nation of devils" – all such considerations are irrelevant within the field of politics and are only matters of "internal" significance.

As Ernest Weinrib puts it, the "ethical actor recognizes his own status as a self-determining being and makes that status, and the duties arising out of it, decisive for his actions. By contrast, the legal actor is considered to be free even though he does not make his freedom the determining ground of his action... Legal duties are" Weinrib continues "essentially negative prohibitions whose validity is presupposed in ethics' more particular structure of positive injunctions."¹ Thus, within the external sphere of political, coercive force provides for the legal incentive to obey the law – i.e. external coercion enforces conformity to the demands of practical reason. This follows from the fact that, for Kant, law is concerned only with the purposive capacity of individuals and is rather indifferent to the motive one has in acting.

Politics and morality therefore differ in several important respects: the subject matter each deals with (actions themselves vs. motives in acting), the incentives to obey the law (threat of external coercion vs. idea of duty and acting out of respect for the moral law), and the context in which they are authoritative (externally vs. internally). For this reason, juridical law should not be seen as a *direct* or *absolute* application of all the dictates of morality. Instead, juridical law sets only the minimal yet maximally enforceable moral conditions for interaction of rational agents. Thus political legal systems present law as the ordering of external relationship among moral persons; it permits only acts that don't violate the freedom of others.

* * *

Whatever the reasons for the prior neglect of Kant's political thought within English-speaking world, it would be a mistake to hold that Kant made no significant contributions to the field of political philosophy. Kant's approach to political theory, as stated above, is not only formidable in its own right. His revolutionary political philosophy, in much the same way as his metaphysics, is an indispensable contributor to the larger field of political philosophy.

As I have attempted to show in the above discussion, the revolutionary character of Kant's political philosophy is a product of the relation he envisioned between morality and politics – both realms of practical reason which he viewed as necessary components of his practical philosophy. The approach to political theory he felt most appropriate was to approach it from a distinctly moral standpoint, with Kantian morality being essentially a matter of freedom.

Following from his larger practical philosophy, on Kant's view, morality and politics are inextricably connected in large part in the sense that both concern freedom, albeit in different contexts. Politics is an application of morality to the empirical reality of man in his outer freedom while morality concerns matters of "inner" freedom. As was also hopefully evident, although a politics is essentially an application of morality for Kant, in the sense that his political philosophy is essentially a rational-legal conception, it is not an absolute connection. Rather, politics is an application of morality only to the extent that application of Kant's pure moral theory (i.e. devoid of empirical content) is not only appropriate but possible within the external realm of human actions.

In order to clarify how Kant conceived of the politics as an application of morality, an entire section was devoted to the distinction between the two realms. Understanding that the two realms making up Kant's practical philosophy to be closely connected yet distinct is also of central importance in understanding the revolutionary character of Kant's political which follows from the relation between morals and politics as conceived of by Kant. Most significantly, although connected, the two realms of practical philosophy must remain distinct in the following sense (from which more specific distinctions between the two can be derived): morality is essentially concerned with the internal aspects of practical reason, whereas politics is a matter of the external relations among

¹ Ernest J. Weinrib, *Law as an Idea*, p.39.

individuals (i.e. with human actions). Politics is a matter of outer freedom or external lawgiving, which unlike the inner field of morality, requires a man to submit himself to a coercive legal force (i.e. social contract) in addition to the consciousness of obligation which is the only source of constraint required for conformity to the moral law. To note the necessary distinction between morality and politics is not to imply that their connection between the two is merely minimal. Rather the distinction between the two realms helps to clarify the nature of the connection Kant envisioned which entailed, most significantly, a connection in the form of freedom and contract. But the discussion of those two is beyond the scope of this paper.

It is worth noticing that this paper did not intend to provide a detailed analysis of the strengths and weaknesses of Kant's approach to politics, conceived of as necessarily connected to morality. My goal was much more modest, namely to suggest the direction one would likely head if such an attempt were made. Rather than analyzing particular conceptions specific to Kant's political views (e.g. his specific views on punishment, revolution, sovereignty) less concrete concepts inherent in Kant's approach to political philosophy were the central subject of analysis. As a result, I was able to avoid detailed discussion of Kant's metaphysics, epistemology and other areas of his critical philosophy apart from his moral theory. I hope that through clarifying how morality and politics are connected within Kant's practical philosophy and also how they are distinct, the reader is able to gain an understanding of Kant's project of political philosophy in its relation to morality.

Work Cited:

Immanuel Kant, *Groundwork for the Metaphysics of Morals*, trans. T.K. Abbott (Indianapolis: Library of the Liberal Arts Press, 1949).

Immanuel Kant, *Perpetual Peace*, Hans Reiss, ed., *Kant: Political Writings*, trans. H.B. Nisbet (Cambridge: Cambridge University Press, 1991).

Patrick Riley, *Kant's Political Philosophy* (New Jersey: Rowman and Littlefield, 1983)

Ernest J. Weinrib, *Law as an Idea of Reason* in *Essays on Kant's Political Philosophy*, ed. Howard Lloyd Williams (Chicago: University of Chicago Press, 1992).

Onora O'Neill *Reason and Politics in the Kantian Enterprise*, in *Essays on Kant's Political Philosophy*, ed. Howard Lloyd Williams (Chicago: University of Chicago Press, 1992).

Ronald Beiner and Williams James Booth, *Kant & Political Philosophy: The Contemporary Legacy*, (New Haven: Yale University Press, 1993).

Hans Reiss, ed., *Kant: Political Writings*, trans. H.B. Nisbet (Cambridge: Cambridge University Press, 1991).

Questioning the Canadian Model of Multiculturalism

What is “multiculturalism”?

Around the world, Canada is known as the “exemplary” multicultural society, as the most successful “official” model of a “multicultural nation” in the world. Yet most of the individuals who praise Canada fail to draw a basic distinction between a *multicultural* society and a society in which *multicultural-ism*” is the official ideology of the state. Many societies in the world are multicultural, but only a few (mostly) Western societies are under the spell of multiculturalism.

The term “multicultural” should not be confused with the term “multiculturalism”. “Multi” means many, and so “multicultural” means many cultures. From a strictly dictionary point of view, there is nothing controversial or politically contentious about the term “multicultural”; it may be correctly used to refer *descriptively* to the presence of many cultures in the world.

The term may also be used *normatively*, signalling a positive appreciation of the presence of many cultures in the world, of the fact that the peoples of the earth inhabit different nations with different cultures; and, in this sense, the word may be used as a way of acknowledging and validating the cultural diversity of the world.

The word may also be used to describe the actual presence of two or more cultures and linguistic groups inside one nation or inside one empire. The Austro-Hungarian Empire of the modern era, for example, was multiethnic and multicultural, populated by Germans, Hungarians, Italians, Romanians, Czechs, Poles, Ukrainians, Slovenes, Serbs, Croats, Slovaks, and Gypsies. The former “Soviet Union” was possibly the world's most ethnically diverse country, with more than 100 distinct national ethnicities living within its borders.

Canada, too, may be correctly described as a “multicultural” nation during the course of its history. Examining the Canadian census of ethnic origin in 1971, we find the following ethnic distribution: Aboriginal (1.3%), British (44.6%), French (28.7%), German (6.1%), Italian (3.4%), Ukrainian (2.7%), Asian (1.3%). This multicultural reality may be normatively appreciated as “enriching”.

But the term “multiculturalism” with an “ism” should be differentiated from “multicultural”. Multiculturalism is best defined as an ideology. By ideology, I mean a set of ideas formulated into a program for the purpose of transforming an existing state of affairs into a new reality that conforms to the ideology. Multiculturalism, in this sense, is not a descriptive term referring to the presence of multiple cultures in a given society. It is not even a normative assessment of an existing state of affairs. It is, rather, a political or social program intended to create a new cultural reality.

The term “multicultural” was used to describe certain societies before the ideology of multiculturalism came into common usage in the 1970s. The ideology of “multiculturalism” only came into general usage in Canada in the 1970s and after. Why? This brings me to a second, defining component contained in the term multiculturalism, namely, that multiculturalism developed as a program *together* with the decision on the part of Western liberal elites to open their borders to mass immigration from the non-Western world. Up until the 1960s, the great European settler nations of Canada, Australia, and the United States were protected by “White Immigration” policies. The principal motivation behind these exclusionary policies was the collective desire of these nations to remain British and/or European in ethnicity and institutions. It is worth emphasizing that these nations were “multicultural” both in the diversity of European settlers and in the existence of a small proportion of non-Europeans. But none of them practice multiculturalism.

Then the American President Lyndon B Johnson signed the Immigration Act of 1965, which ended the exclusion of non-European immigrants, and two years later Canada adopted the

Immigration Regulations of 1967, which also impose a non-racial set of admission criteria for immigrants, and six years later the “White Australia Policy” came to an end. The result was a tremendous surge in immigration from non-European countries into these three countries in the decades that followed. The adoption of multiculturalism has to be seen in this context; that is, in relation to the decision on the part of Western nations to promote mass immigration from Asia, Africa, and Latin America.

As late as the 1970s, the United States, Australia, and Canada were overwhelmingly European in ethnicity. Canada was over 95 percent European in 1971. When Prime Minister Pierre Trudeau said in 1971 that multiculturalism was “more accurate” description of Canada’s ethnic character, he was not thinking of Canada as it was ethnically at the time, but of Canada as it was to become with the rejection of its English-French or European heritage and the adoption of mass immigration from the rest of the world. The adoption of multiculturalism in Canada, then, was not about the “multicultural” state of Canada at the time; it was an ideological program dedicated to the transformation of Canada (and eventually all European countries) into mere places for all the world’s races and cultures.

Since Canada, Australia, and the United States were still overwhelmingly European in the 1960s/70s, the promotion of multiculturalism necessitated the deliberate diversification of the population by increasing the number of immigrants from the Third World. Before 1961, ninety percent of immigrants into Canada were born in Europe. During the 1970s the proportion of immigrants originating in Europe was cut by half, whereas the proportion coming from Asia almost quadrupled. Of the 1.5 million who came between 1971 and 1981, 33 percent came from Asia, 16 percent from the Caribbean and South America, and 5.5 percent from Africa. In the period 1991-2001, immigrants of European origin fell below 20 percent at the same time that Asian immigration soared to nearly 60 percent, with immigrants from Africa, the Caribbean, and South America accounting for about 19 percent.

Today, roughly one out of every five people in Canada is a member of a visible minority.

Trudeau knew what he wanted. Multiculturalism, in his words, would be “an experiment of major proportions,” an effort to undermine the historic European character of Canada by transforming the nation into a multiethnic place in which old ethnic nationalisms would be discredited. Canada would be a “prototype” for a new cosmopolitan world order in which ethnic boundaries would no longer matter. Thus far, only European nations are engaged in this experiment; the rest of the world’s nations are simply watching as Europeans are swamped by immigrants who themselves retain their natural, millennial ethnic identities.

How is multiculturalism anti-European?

Answering this question brings me to a third, defining aspect of multiculturalism, already implied above: multiculturalism is not merely about cultures *per se*, but about races and cultures combined. More precisely, it is about the promotion of non-European races and cultures *inside* European nations. It is not a celebration of the rich racial diversity of the world, but an effort to break up the unique diversity of the peoples of European descent within their own homelands.

One often hears multiculturalists referring to the past ethnic diversities of European countries as a way of inferring that our current immigrant policies are merely enhancing diversities that were already present in the past. For example, they will point to Britain as a nation created by Angles, Picts, Saxons, Welsh, Celts, and Vikings. They will try to paint a picture of continuity (and thus normality) in the recent mass arrival into England of Africans, Jamaicans, Pakistanis, Indians and Chinese immigrants. But there is a fundamental difference, and they know it. The past diversity of Britain was established over the course of many centuries among groups that were all European. These groups were slowly integrated into the British nation, in the course of which they came to experience similar cultural and religious events. Multiculturalism was never about these groups, but about the opening of British borders to non-European immigrants. Multiculturalism is an ideology dedicated to the

transformation of Western nations into multi-racial states *against* the historic European peoples. In origins and objectives, multiculturalism is *racially* anti-European.

It is also *culturally* anti-European. Multiculturalism promulgates the equality of all cultures; accordingly, it demands, in principle, a Canada in which no particular culture has a privileged position in the nation's history and future objectives. However, we know (although the younger generations are increasingly taught a history that falsifies this reality) that all the institutions, values, religions, and languages of Canada have been overwhelmingly British and French. But inasmuch as multiculturalism calls for the equal celebration of the cultures of immigrants, there is powerful tendency at work, mandated in our educational institutions, to portray the Anglo-French founders as merely one group among other founding peoples. Children have long been taught that the Aboriginals were founders as well; but more recently they are being instructed to include Asians and new immigrants in the founding narrative. Newcomers are now coming mostly from Asia; therefore Canadians are expected, in the name of cultural equality, to redefine their "roots of citizenship" to reflect this new reality. In a 2002 publication, *A Newcomer's Introduction to Canada*, released by Citizenship and Immigration Canada "for new immigrants," it was announced that "Canada is a land of many cultures and many peoples...*Through Canada's history* millions of immigrants have helped to build this country."

Multiculturalism is culturally anti-European because it calls upon the English and the French to practice historical amnesia and pretend they were not the creators of Canada's institutions, parliamentary traditions, and laws. It does not want the children of these two groups to proudly identify themselves as inheritors and continuators of their European ancestors. At best, it wants them to see themselves as representatives of a people representing no more than a set of procedural laws and institutional templates – a market economy, equality under the law, democratic representation – which belong to everyone. At worst, it wants them to apologize for their employment of a "white supremacist" ideology as a nation-building tool, their imposition of the Chinese Head Tax, their anti-Asia immigration laws, and their continued existence as the "historically dominant majority".

On the other hand, multiculturalism protects the group-cultural rights of immigrants and portrays them as members of authentic traditions that can enhance our otherwise impersonal and automated Western ways. Trudeau said as much: "Ethnic pluralism can help us overcome or prevent the homogenization and depersonalization of mass society. Vibrant ethnic groups can give Canadians of the second, third, and subsequent generations a feeling that they are connected with tradition and with human experience in various parts of the world and different periods of time". While the majority European culture of Canada is portrayed as a deracinated, neutralized sphere consisting of modern conveniences – economic, educational, and social institutions – intended "in principle" to serve anyone regardless of cultural background, minority ethnic groups are celebrated for their authentic customs and their ability to "enrich" an otherwise monolithic and culturally dull European Canada. The Europeans are mere possessors of individual rights, whereas every other ethnic group enjoys both individual and group rights.

Immigrants are "self-sacrificing" in their longing for Canadian citizenship, have never oppressed anyone in Canada; they merely want to get a fair share. Immigrants are benevolent by nature, closely connected to the Earth, and honest; unlike Whites who have a history of taking the lands of Aboriginals and imposing head taxes – never mind that immigrants come from racist and illiberal cultures, the point is that in Canada they are automatically designated as "victims," as weaker "minorities" in need of special rights to protect themselves against the encroachments of "privileged" Whites.

What are the negative effects of multiculturalism in Canada?

Multiculturalism is inextricably connected to mass immigration from non-White lands, and so the negative effects should be obvious to everyone: the eventual termination of Canada as a member nation of the European peoples. The foremost theorist of Canadian multiculturalism, Will Kymlicka,

has been quite blunt about the ultimate intentions: “Adopting multiculturalism is a way for Canadians to say that never again will we view Canada as a ‘white’ country.”

In the shorter term, surprisingly enough, very little has been written on the empirically observed merits of immigrant multiculturalism. Kymlicka confesses that it was only in the 1990s – twenty years after its official implementation – that multiculturalism became a subject of academic inquiry, and that “for much of the 1990s” the publications on multiculturalism were “dominated by political philosophers who developed *idealized* theories of a distinctly liberal-democratic and egalitarian form”. Overall, the total number of (original) pages Kymlicka has dedicated to the empirical merits of multiculturalism in Canada amount to about 10 pages; the sources he relies on tend to be the same, and the type of evidence is heavily subjective, about the feelings of immigrants towards Canada. Positive feelings about multiculturalism are deemed to be evidence of “successful integration”. On the other hand, negative feelings about immigration are deemed to be “xenophobic” and thus automatically disqualified as evidence. He never asks how the host culture or the founding European peoples of Canada have been economically and culturally affected by the influx of millions of immigrants.

Kymlicka gathers evidence showing that immigrants are acquiring citizenship, learning one of the official languages, getting involved in Canadian politics, intermarrying outside their ethnic group, getting jobs and participating in Canada’s educational institutions. But this is rather easy since multiculturalism has been explicitly dedicated to benefit immigrant integration. What about evidence on the integration of Canadians with a European ancestry to multiculturalism? Here the only evidence that counts is those Canadians who have “progressively” come to accept a polyethnic Canada. Native citizens with a strong sense of European identity are automatically categorized as “intolerant” and thus ostracized as non-multicultural individuals in regards to whom their sensitivities and opinions cannot be used as evidence against this experiment.

No wonder Kymlicka habitually uses the phrase, without quotations, “long march through the institutions,” which has been attributed to the Marxist Antonio Gramsci and the Frankfurt School generally, and which points to a very successful strategy wherein cultural Marxists, instead of calling for a Communist takeover of the state against capitalism, as in Russia and China, call for a gradual takeover of the institutions of Western societies – the schools, the media, the churches, and every government institution connected to culture. This strategy has been immensely successful. Kymlicka is not always frank about the intentions of multiculturalism, but once in a while he reveals its true colors and ultimate goals: Canada must “never again” be allowed to be defined as a European nation; the history of European Canadians is to be dishonoured across the curriculum as the history of “colonizers” and “white supremacists”; societies with a majority European population are lacking in “quality of life” and “cultural richness”; a true polyethnic culture necessitates that the ethnic and religious identity of non-Europeans “be given the same recognition” and, therefore, those state symbols that still remain European and Christian such as flags, anthems, uniforms, religious oaths, including public holidays, must eventually be redesigned or replaced by “more neutral” symbols and holidays.

Kymlicka ignores the arguments contained in a 2009 study published by the Fraser Institute, *The Effects of Mass Immigration on Canadian Living Standards and Society*, edited by Herbert Grubel. Among the many facts contained in this study are the following: i) the costs in services and benefits, in the year 2002 alone, incurred by the 2.5 million immigrants who arrived between 1990 and 2002 exceeded the taxes they paid by \$18.3 billion; ii) the average immigrant since 1985 has imposed an annual fiscal burden on Canadian taxpayers of \$6000, for a total of \$25-billion annually for all immigrants; iii) eighty percent of the immigrants coming to Canada are not selected because of their skills and education; iv) the native working class with low skills and a poor education has paid dearly in the form of stagnant wages and unemployment due to cheap immigrant labor.

The greatest beneficiaries have been the real estate speculators, immigration lawyers, businesses seeking cut-rate labor, diversity activists, ethnic organizations – and academics like Kymlicka.

Isn't Canada a land of immigrants?

The claim that Canada is a land of immigrants is a lie repeated so often that even educated individuals and mainstream politicians have come to believe it. Canada became an immigrant nation only after multiculturalism was introduced and its borders were opened to the Third World in the 70s. Before the introduction of non-European immigration and multiculturalism, Canada was not an immigrant nation, but a European nation created by pioneers and a traditional population with a high fertility rate.

The plan to terminate Canada's European identity has entailed the rewriting of its history in a way that would suggest that Canada had always been moving in the direction the cultural Marxists are coercing it to move. We have been made to believe that the 250,000 or more immigrants arriving every year since 1991 are no different from the founders of the past. This is a historical fabrication akin to the ones enforced in the former Soviet Union and Maoist China. The British and the French were pioneers and settlers, not immigrants. They did not move from one nation to another already created nation; they were the creators of a new country out of a wilderness.

Moreover, the major demographic factor in the settlement and development of Canada has been the domestic fertility rate, not immigration. When the British gained control over New France in the 1760's, the French speaking population numbered about 70,000. Thereafter, until the late 1800s, the population began to expand rapidly, not through immigration, which had essentially ceased after the British assumed control, but through high fertility rates of Quebecers, with women having six surviving children on average. By 1900 the Quebec population was 1.5 million, and by 1951 it was almost 4 million – due not to immigration but to continuing high fertility rates. It was only during the 1960s that fertility rates in Quebec declined considerably, and only in the 1970s that Montreal saw an increasing arrival of non-European immigrants. Similarly, in British Canada immigration went into high gear only in the early 1900s, declining dramatically between 1931 and 1945. The increases in population were sustained through high fertility rates.

Concluding Thoughts

The ideology of immigrant multiculturalism has become so powerful as to convince cosmopolitan elites that Western nations must forego their European identity if they are to fulfill their liberal ideals. The historical reality that our liberal democratic values were engendered *only* by nations overwhelmingly European in ethnicity is conveniently overlooked by these elites. There is no historical example of a multiracial state or, indeed, of a non-European state, with original liberal institutions.

This emphasis on individual rights as the sole value of Western nations has nurtured the illusion that Westerners can break away from their own history, ethnicity and religious ancestry. We think that our liberal values belong to humanity and can be cultivated throughout the world, if only we allow and encourage the rest of the world to practice liberal democracy, and if only we create multi-racial societies in which everyone can be an individual with equal rights.

But there is a blatant double standard in this way of thinking. We don't expect Japan, South Korea, or Mexico to practise immigrant multiculturalism; we understand their wish to remain different, to protect their particular traditions. But when Europeans object to immigrant multiculturalism in their own homelands, they are accused of xenophobia and intolerance. They are told: "Why do you dislike diversity, the different ethnicity of others; they are just like you in wishing to join your liberal democratic society, which grants equal rights to every one regardless of race and religion. You are violating the principles of liberal democracy in objecting to immigration; and liberal democracy, by the way, also recognizes the minority or group rights of immigrants; they have a culture and you have no business expecting them to relinquish it".

It is really a pile of contradictions and double standards. What Westerners need to realize is that liberal democratic values are uniquely an invention of Europeans, and that these values cannot be so

easily extended to the world or “humanity”. Immigrant multiculturalism will eventually destroy these values as Europeans are reduced to a minority, undergo miscegenation and miss their ethnic identity forever, to become mere products of the mass media without any cohesive traditions, memories and histories holding them together as a people with their own destiny. Canada’s European identity will soon be destroyed altogether if we don’t fight back the cultural Marxists who imposed the despotic ideology of immigrant multiculturalism throughout every institution in Canada.

Vitaliano Esposito

Former Chief Public Prosecutor at the Court of Cassation of Italy

Criminal Law and the Challenge of Multiculturalism

1. Criminologists have long been aware of the danger of the criminal law systems or, more precisely, of the risks involved with what is called the *criminal law paradox*.

In other words, criminologists have become aware of the fact that criminal law is a system that, at the same time, protects human rights and is a constant threat to those rights.

1.1 As a matter of fact, the aim of substantive criminal law is to punish any behavior that in a given society, at a given time, is not considered to be acceptable.

Such behaviors are considered as non acceptable because they are contrary to the aims of social promotion or to the fundamental rights laid down in their Constitutions. Nevertheless we have seen that legislators rely on criminal law for the protection of interests that have nothing to do with fundamental rights.

1.2 The means whereby States defend those interests is the judicial proceeding; yet, everyone knows that judicial proceedings jeopardize the fundamental rights of the accused person, such as the right to privacy, to safety and the right to the freedom of movement.

2. The negative outcome of the *criminal paradox* is made even worse by the strongly *localized* features of criminal law.

Indeed, the classification of crimes, their characters, the penalties they carry, the general rules applicable to them, all these vary from one State to another.

Practical examples of such *localized fragmentation* are offered by behaviors such as:

Euthanasia,

Aiding suicide,

Abortion,

Voluntary sterilization,

Homosexual relations between consenting adults,

Adultery,

Incest,

Prostitution,

Consumption and sale of narcotic substances,

Blasphemy.,

All these behaviors are treated quite differently by the criminal law of the individual Countries.

3. Criminal laws also cause serious distortions, suffering and frictions when it encounters other cultures, i.e. when it is forced to face different cultures.

Since the early decades of the last century, Gustav Radbruch, the unforgettable author of the *intolerable injustice* formula, warned that *law is a manifestation of culture*, and saw in the principle of equality the core of all justice.

The principle of equality, however, concerned only citizens.

It didn't concern aliens.

All this lasted until the European Convention on Human Rights came into effect .

Yet, there is more to say.

The *localism* of criminal law was the expression of the Nation-State concept.

According to it, the State's boundaries are also the boundaries of the State's sovereignty and legal order.

6. In the second half of the last century, the Nation-State *myth*, along with its corollary of the principle of the equality of its citizen has become controversial due to two facts at least:

- a) The wider supranational dimension of political and economic organizations, which impairs greatly both the autonomy and sovereignty of the Nation-States;
- b) The economic and cultural globalization, which, in the legal field, makes us talk about *geojurisprudence*

Of course, the national laws will not disappear, but the space occupied by transnational and supranational law is becoming increasing.

7. Globalization, however, brings about another phenomenon called globalization.

This occurs when, local traditions and trends linked to ethnic, religious and linguistic features reappear in a globalized culture.

These trends and traditions have always existed, just like ethnic, linguistic or religious minorities have always existed in the various Nation-States.

Nevertheless, globalization gives rise to a culture of diversity and of variety, which implies a greater awareness of one's own ethnical and cultural roots, besides one's own ethical dimension.

This fact commends diversity and the protection of diversity; it gives rise to the right to be different and equal; it counters the concept of formal equality with that of substantial equality, which means treating persons as equals, that is to say with equal consideration and respect as anyone else.

This issue already existed in pluralist societies and now has become more complex in multiethnic societies where it receives new energy from the influx of new migrants.

And is also an issue exploited by multinational companies that, for their marketing, go to the global market respecting local needs or enhancing the value of local products.

This issue has been acknowledged by some countries, with repercussions on their criminal law, through the recognition of *cultural rights*.

This has happened for example in the United Kingdom and in Germany.

In the United Kingdom, Sikhs have been allowed to wear their turbans instead of a helmet when driving a motorbike.

In Germany, Muslim women have been allowed to wear their headscarves in the workplace and in schools.

8. The increasingly multiethnic composition of our societies – due to the relentless influx of migrants, whether legal or illegal – causes the disruption of traditional principles.

Proper cultural clashes occur between the hosting system and the new minority groups it hosts.

Migrants find in the country of arrival criminal laws that are different from those in their countries of origin.

And such difference is due, at least in some sectors and for some provisions, to the different cultures.

It can therefore happen that a behavior which is accepted or even approved of in the culture of a given ethnic group is instead considered an offence by the legal system of the receiving country.

The examples of behaviors that are not accepted in the western world are innumerable:

- polygamy and female genital mutilation, sexual intercourse or marriage between close relatives;
- “wedding rites” involving kidnapping and rape; initiation rites involving scarring the face or the body of children;
- “correctional” powers vested in the head of the family by his traditions;
- traditional customs and habits such as wearing a scarf (e.g. the *burka* by Muslim women), or carrying a knife as a symbol (e.g. the *Kirpan* of the Indian Sikhs);
- consuming drinks or mixtures that in the Country of origin are totally legal and sometimes even recommended for ritual or social reasons.

9. Criminal law must therefore take into consideration and solve these *cultural clashes*.

What is the answer that the legal system has to give to culturally motivated offences? This question has not received yet a clear answer in the European countries.

The examples offered by the case-law show a slight tendency of the Courts towards considering *pro reo* [in favor of the accused] the situation of normative/cultural clash experienced by him.

The present doctrinarian debate gives a contradictory impulse to the answer of the criminal law systems.

Three trends stand out:

a) The first, definitely assimilationist, is totally indifferent to cultural diversity and can express in two ways:

1) An egalitarian-assimilationist model, indifferent to the cultural elements and based on a formal interpretation of the principle of equality: for example, the prohibition, in France, for Islamic women to wear the headscarf in schools and public places, is revealing of a system of forced integration of immigrants.

2) A discriminatory-assimilationist model, that punishes who fails to adapt to the culture of the hosting system and aims at asserting the superiority of the western culture. An example of this is the introduction, in Italy, of the offence of female genital mutilation, which is punished more severely than any other form of bodily harm.

b) The second, with a strong multicultural connotation, surrenders to ethnic/cultural diversity. An example is given by the cultural justification, of Anglo-Saxon origin, that can lead to the exclusion of criminal liability.

c) The third, described as soft multiculturalism, tends to accommodate the claims for recognition arising from culturally motivated offences, while not disrupting the fundamental principles on which criminal law is based. Here a systematic-sanctionatory solution is searched for, through the interpretation of law within the traditional categories of criminal law.

10. My wish is that a new model be delivered by this important Forum.

A model inspired by the principles of a modern criminal system, and therefore of the protection of human rights.

A model that suppresses any behavior harming or jeopardizing human rights and fundamental freedoms.

At the same time it has to be a model that respects human dignity and, along with it, cultural rights.

Finally, a model based on *fairness*., where *fairness* stands for that feeling of what is right and honest, and which must be at the basis of all our actions.

The feeling we have towards who is in a condition of inferiority simply because he arrived after us, urge us to say: WELCOME!

It is having this attitude that we can foster a new dynamic and harmonious development of our societies, that will be beneficial to each and every one of us.

Identity and difference. Italy as multicultural “temperament”

Albeit briefly and in summary, it may be of interest to go back over some of the fundamental features of postmodernist theory, particularly insofar as they concern architecture and Italian culture, and then to conclude with a thesis that explains the title of this paper: the proposition that as a country of identity/difference, Italy is by its nature a postmodern, multicultural nation.

Postmodern architecture and multiculturalism:

The term *postmodern* was first introduced into architecture by Charles A. Jencks in *The Language of Post-Modern Architecture* (1978), a book that enjoyed widespread success and gave a decisive boost to the European debate on the postmodern. In *Il Progetto Moderno dell'Arte* (1988) even the Italian art critic Filiberto Menna, a defender of the modern project, considered Jencks to have written the bible of postmodernism.

Jencks placed the time of decease of modern architecture at 15.32 on 15 July 1972 in St. Louis, Missouri, when the infamous Pruitt-Igoe housing complex was destroyed by dynamite. Pruitt-Igoe had been built in 1951 in accordance with the most modern canons of CIAM (an international organisation of architects created in 1928 by Le Corbusier). Its purist and rational approach – which Jencks described as a “clean, salubrious hospital metaphor” – was intended to favourably influence the character and the conduct of the inhabitants. But its measured, repetitive configuration did not produce the desired effect, nor did it correspond to the identity of its inhabitants, who reacted against it with violence and vandalism.

Having reached its highest point in the work of Gropius, Mies van der Rohe and Le Corbusier, modern architecture failed because of its inability to respond to the real needs of Man. The rationalism and functionalism of the *International Style* into which the *Modern Movement* became standardised had been stitched on to the body of a mythical Modern Man who only existed in the minds of architects. Postmodern architecture therefore opted for a radical eclecticism, aiming to pay more attention to historical memory and local context. Rather than proposing a new paradigm, it put forward what might be thought of as one form of *multiculturalism*.

The postmodern in Italy and the genius loci:

The theme of the first International Biennale of Architecture in 1980, directed by Paolo Portoghesi, was *The Presence Of The Past*. Some of the participants in the main exhibition of the Biennale, entitled *Strada Novissima*, were Frank O. Gehry, Rem Koolhaas, Arata Isozaki, Robert Venturi, Franco Purini, and Charles Moore. Portoghesi's intention was to propose abolishing the universalising dogmatism of rationality and function.

The central point in the critique of modern architecture was that it had broken all links with the past and had developed an abstract, purified language. Postmodernism, on the other hand, marked a commitment to restore architecture into the embrace of its own history; the past was seen as a large storage container filled with things of value, from which to draw.

The functionalist statute had led to a standardisation and normativisation of architectural schemes that went beyond all geographical limitation and did everything it could to erase the identities of different cultures. Postmodernism attempted instead to re-contextualise the work of architecture, with an explicit re-appreciation of its *genius loci*.

With this recovery of traditional and local conventions a so-called “architecture of communication” emerged in which it was proposed that by making use of forms and schemes that are part of our so-called “collective memory” and of specifically local social identities, the contact

between Man and architectural construction that the moderns had interrupted could now be re-established.

Whereas the Modern Movement had carried out its work in the name of a mythical rational, abstract concept of Man, postmodern architecture aimed to address Man in his flesh and bones by returning to local archetypes and conventions.

In the case of Italy the panorama of the postmodern was rich and many-sided: in 1976 the inauguration of Studio Alchimia in Milan marked the beginning of postmodern product design and the crisis of the modern object. The industrial designer Alessandro Mendini wrote that “for Alchimia, industrial design is a delicate thing that does not impose itself but gently accompanies the unfolding life and death of individuals, walking beside them”.

Faced with a world that it seemed would never change, in 1979 Achille Bonito Oliva, in his manifesto for the *Transavanguardia* phenomenon, unmasked the supposedly progressive value attributed to art, enabling the *Transavanguardia* to overcome “the euphoric idea that the creative process is an eternal process of experimentation”.

1980 saw the publication of Umberto Eco's *The Name of the Rose*, a postmodern novel that responded to the crisis of modernist experimentalism by using gratifying structured storytelling techniques and ironic revisitations of the past.

In architecture, particularly in its Italian versions, the postmodern was a rejection of the ideas of avant-garde, originality, and of the desperate search for the new.

Italy and the multicultural postmodern temperament:

Thus the postmodern can be understood as an exaltation of dissent, of heterogeneity, plurality, difference, and of multiculturalism. And in this sense Italy, in its uniqueness, has a close and deep connection with the postmodern because the temperament of Italy has always been postmodern. Italy's particular history is in fact a deviation from modernity, and from European history.

Because Italy has no *centre*, Italian history has always been *polycentric* and *multicultural*. The history of Italy is the history of medieval communes and their struggle for autonomy from the sovereign power of the Empire. The history of Italy is a history that seeks self-affirmation for its differences and autonomies, and recognition for its many *genii locorum*: a history that seeks self-affirmation for what might be termed identity/difference.

What is more: as a political institution the medieval Italian *commune* is an Italian invention *par excellence*, whose model is a republic made of different cultures.

To put it briefly, now that we are in a *postmodern age* the factors that had always been thought of as Italy's weaknesses (the lateness in establishing it as a unitary national state, the lack of a strong and shared national identity, the country's excessive heterogeneity, and the fact of its being divided and *different*) can be transformed into a dynamic factor and taken as a particularly interesting model that includes the many, very different *others* who share the same spaces and times within the global *ecumene*.

Alessandro Figus
Chair of European Union Law
Link Campus University, Rome, Italy

European union and Italy between multiculturalism, integration, separatism, and governance

The modern society often considers that good government goes without good governance. *We* are convinced that the power of politics in Europe, and more specifically, the current managerial class, is entirely finalized to self nourish or to resolving particular affairs (also legitimate), without a declared project to realize a “complexity globalization (or better *worldalisation*)”. This also applies to the functioning of governments, from the global ones to every local reality. It is essential to totally understand the human experience in particular and some human experiences in particular from the point of view of global complexity.

It seems obvious to declare the impact to identify horizons of general interest, in the “Common Good”. However, in real life, this necessity is indeed strategic and full of challenges to individualize and to continually face, with great realism and – contemporarily – with great planning tension.

A first field of action on which we find important to intervene (that in our opinion is a base from which to start for “correct” historical choices) are the consequences of the trials for a “political government and participation to the complex reality” and for an “appropriate governance, efficient, participated and competitive in all territories and specifically: in all Europe”.

Indeed, it is necessary to specify that both “phenomena” need to develop from the global to the European level, going through regional and local (macro regional) levels.

Our opinion is that the challenge of the “governance”, should be necessarily framed referring to historical responsibility (duty/rights) and all the subjects must operate in the human cohabitation. It is important to intervene to guarantee a substantial “fullness”.

Close to the European Union citizens, representatives in the world environment of culture, of research and education, of religions, of economy and finance, of institutions, of political parties, of labour unions, have the inevitable assignment to communicate report and integrate the mutual affairs in places that we define “districts of the local complexity”. This enables to draw the sense of a common, original and autochthonous projects. It is the role of the “government” to individualise the right needs and to make virtuous synthesis, politics and requests (contemporarily, of mediation and of project creation).

It is necessary to live the “governance” as the organization of the elements of “complexity “ of reality. To live the “government” as the phase of “superior” synthesis toward the definition of the “Historical Common Good” (in the moral, cultural, political, economic, juridical/institutional aspects), articulated to the different levels (global, European, regional, local).

Strategically, both processes must “feed themselves” of complete participation. In the current historical phase it is a “challenge in the challenge”. Indeed, nowadays it is easy to live the distance among the great majority of the population and the so-called managing classes (elected and not-elected); always removed a present and remarkable quota of populism (an “however” negative attitude towards those who occupy tangible positions), an undeniable problem exists of “un-sticking” among the citizens and the “building” (generally known).

In our opinion this happens because people don’t consider themselves “really” part of a managing class, class that can be the “managing class of the human project”. Everyone is called to take part in it and get involved in it, each one with different levels of responsibility.

Participation is not selective but a condition of the “human being” and it goes accordingly to personal possibilities and ability.

Therefore, the work needed to develop this project is demanding; primarily, it consists in starting a “diffused” process toward the awareness of the current managing classes. In fact there is an important and potentially fruitful connection between improvisation and the lived experience of complexity, and that improvisation and creativity are capacities that we need to develop in increasingly unpredictable, complex, and at times chaotic existence (see Edgar Morin). Everything is possible to get back to the idea of the governance, from the government to the governance (also introduced in the new idea of this macro region, the European Union).

In order to understand, and also live the phenomenon of improvisation, and in order to draw from the arts as a metaphor for both organization and social science, it behoves us to incorporate very “performative” elements into our own scholarship. We need the governance as the “common daily life”.

We have always tackled the global governance or world governance, starting from the idea of European governance. It will be a really political interaction of transnational actors aimed at solving problems that affect more than one nation or state when there is no power of enforcing compliance.

Actually the question of the European governance exists in the context of the full *worldalisation*, but we need to give an answer in response to the progress of interdependences on a worldwide scale, both between European human societies (developed with their own and progressive culture) and world governance, which designates regulations intended for the global scale. Today it is possible to talk about “global governance” has global view and regionalism for all time thinks about the region, evidently these are opposite directions, but now in present world people are thinking globally and sharing everything with each other, and it can be understood as the politics of the regionalism. It is unfortunately still a topical subject, so I want to ask the simple question: “what is regionalism, what is separatism, what is integration?”

It is possible to give different answers depending on where the question is set. In accordance with one of the more common definitions, for separatism we mean: “the character or act of a separatist. But what is integration? Integration in social sciences is more correctly the movement of minority group such as ethnic minorities, refugees and underprivileged into the mainstream of societies with acceptance of the laws of the society and approval of a universal set of values of the society. It is not a problem of assimilation or sharing culture. Today members of minority groups can often use social integration to gain full access to the opportunities, rights and services available to the members of the society that hosted them. Important is the Italian example. It must be said, thanks in part to the declarations of Northern League leader Umberto Bossi, that there is much confusion between separatism, federalism, fiscal federalism, or even nationalism, another side of integration, cultural exchange, sometimes what is called also improperly regionalism. Indeed, there is not always a clear distinction between these all terms and in this case we have a lot of confusion. That is to say the politics of Italian regionalism that still exists even now and the politics of local government, working unofficially but in parallel with the national government, have set the pace and have helped define the shape of Italian change since the early 1990s, when the political structure was renewed under the constant pressure of the Magistracy¹.

There is nothing indicating the formation of a sub-national political class, except perhaps in the thoughts of some pro-localist political actors, but even here there is wide variety of pro-localist voices,

¹ Italy lived a dark period of its history: the bribes scandal known as “Tangentopoli” (Kickback City) what saw sadly involved a wide part of senators and deputies of the Republic which transformed the political arena, which also the statesman Bettino Craxi, symbol of the new course of the left and he continued the socialist politic of Pietro Nenni, was symbol of a bad political custom that founded on tangent (kickback). For Italy that time was a time of process and change at their most heightened pitch, and this attempt at sounding a radically shifting national landscape is something like trying to analyze the effects of a social and political alteration of normal life. “Tangentopoli” signed the practical passage from the “First” to the “Second Republic”. This time started also with the League project, what exploited the judicial campaign to demoralise public life. The parabola of the Northern League was from federalism to separatism and back to a federalist project. See Figus, Alessandro, *Le “système Italie”*: transformations et interprétations, Diffusion ANRT, Lille, 2001 and Cazzola, F. *L’Italia del pizzo. Fenomenologia della tangente quotidiana*, Torino, Einaudi, 1992 and Di Scala, Spencer. *Renewing Italian Socialism: Nenni to Craxi*. New York: Oxford University Press 1988.

ranging from Tuscany and Emilia-Romagna on the one side, to Veneto on the other, the latter case having become the 'ideal type' of a regional economy. Frequently the social base that results grows because of the opaque bureaucratic systems it puts into place. Fundamental to an understanding of any political system is knowledge of its history and after that of its institutions and groups, the formal policy of the political game¹. In Italy today we need to ask who is playing the game. How can this concept be integrated into a European cohesion policy and where there is a governance policy that is able to find complex strategies and shared policies? In this specific case, we continue to talk about political government and participation to the complex reality, governance as the "common daily life". In this case from the concept of globalization it comes down to localism, circumscribed interests, separatism, the interest of a few (the Northern League was founded in March 1982, by Umberto Bossi as the Lombard League² and the name was subsequently changed to Northern League. Bossi has been triumphant in promoting an agenda which is pro-business, calls for an end to subsidies for Southern Italy, for deregulation, for a halt to illegal immigration, and for the end of corruption and most controversially dividing Italy into three federalist states, with Padania being the most northern one³).

Today, given the atmosphere that reigns at the level of the political class, it is federalism that has risen to the top of the policy agenda. Northern League version of federalism, which he describes as an effective federalisation or devolution of power, will only serve to differentiate more and more the North from the South.

At present Italy is undergoing one of its periodic disavowals of nationalism – that is the recognition of a shared common language, culture, and history. In the mid-nineteenth century many of the component states opposed the unification of Italy because they did not want to give up their power to one central government. Despite the fact that the liberal revolution took place at the same time as the national revolution, it was the values of conservative nationalists rather than liberal federalists that became institutionally embedded by the late nineteenth century. Many of the debates surrounding the claims of nationalism, federalism and separatism were first formulated in the period of Italian history known as the "Risorgimento"⁴, a fundamental period for the construction of Italian national identity.

The problem, it was evident, was fascism, which hid behind a forged nationalism, an ideology that went against the moral principles of Catholics and Italians of Catholics and Italians. Unfortunately around 1930, Fascism was beginning to look like "the hope of the world"⁵. Initially Italian fascism succeeded in deluding many people with its appeals, especially the young. But by the end of the regime the majority of Italians understood that the spirit that animated it was not shared by the nation, patriotism dressed up in a flag was not what Italians desired. Also the poet Gabriele D'Annunzio, precursor⁶ Mussolinian-style authoritarian populism, was chastened by the experience of fascism in practice, and became antipathetic towards the regime as did his fellow Italians⁷.

Today Pontida, a North village of Italy, is transformed into a big theatre where how to play the Italian nationalists and where the League members, guided today by Maroni, are playing the slogan "Padania Libera" (Free Padania) and to clap one's hands⁸. The historical Italian leader Giuseppe Mazzini, who sought to establish liberal states based on the a "nation" idea. Italian nationalists

¹ See Koff, Sondra Z., and Koff Stephen, Italy. From the first to the second Republic. Routledge, New York, 2000.

² See Mannheimer, Renato, (a cura di) La League Lombarda, Feltrinelli, Milano, 1991.

³ See Bull, Cento, Anna and Gilbert, Mark, The Northern League and Northern Question in Italian Politic; Palgrave, St.Martins Press, 2001.

⁴ The Italian national unification movement it is known as the Risorgimento, which means the recovery of the nation. Nationalism was the most successful political force of the 19th century.

⁵ In Pavese, Cesare, Ieri e oggi, Einaudi, Torino, 1950.

⁶ Gabriele D'Annunzio brought forth the idea of a super Italian nation, an idea that goes over the nationalism and that it flows in the imperialism, comfortable alibi for the political managing class, that it hid the true problems of the new unitary State.

⁷ See Pazzaglia, Mauro, Antologia della Letteratura Italiana, Zanichelli, Bologna, 1984.

⁸ See Poletti, Filippo, La carica dei 40mila: "Padania libera subito, in La Padania,4 June 2007

assumed that the “nation Italy” existed in some different way. In practice the leaders had to work hard to create a national logic with a common culture.

Now, we still face two problems which have a possible relationship with the Northern League with their separatist idea: the southern question and the religious question and we are these two issues not perhaps tied to the politics of League? Today the League continues to be a member of the national Parliament but also of the European Parliament. According to the League, the South should become more independent and self-sufficient. It believes the northern region is the only area that contributes significantly to the national economy. When not calling for a separate “Republic of Padania” the League has put heavy emphasis on the creation of the federal system, in which the regions are semi-autonomous or independent¹. There is also a problem of tax control, called “deregulation”, and sometimes the “devolution”².

Italy may really only become a “true nation” through a representation of popular nationalism. Today Italy is still a young nation; the 1950s, when the masses from the “Mezzogiorno”, the Southern part of Italy, moved to the industrial centres of the northern cities are not distant.³ It was the most important emigration inside Italy after the Second World War. Today Italy lives with the fear of immigration from the southern Mediterranean littoral and South-Eastern Europe. Connected to the North-South divide is the League's attention to the so-called 'religious question'. This issue has been given fresh impetus with the phenomenon of immigration from other countries (especially from outside the EU), an issue that obviously does not affect Italy alone. In general the League is anti-immigration, and anti-Islamic. In fact the Italian nation is young (if we use the Risorgimento as our starting point in 1861), in comparison with other European countries, as England for example, but it exists and it has been consolidated. 'Separatism' is now regarded as a joke that the League Nord repeated only in its protest phase. Today the League remains one of Europe's oddest political contradictions. In a world of global interdependence the only chance of guaranteeing democracy is to found relationships among states on right rather than might, through a federation of the peoples. At least it is possible to say that the League Nord continues to send its representatives to the regional legislatures, for the League, federalism guarantees “unity within difference”, but its leader continues to flirt irresponsibly with a hypothesis of secession that is entirely opposed to the spirit of a common Italian federalism, without distinction between North and South. How can the League support the idea of a common European citizenship when it does not even believe that the citizens of Italy should have the same rights and entitlements?

Finally, we have come to the end of the debate. The question is not whether Italy will have secessionism, but whether Italy has ever been truly united⁴. In the same way that the British regard Northern Ireland – as a poor and increasingly distant cousin. Many northern Italians believe those who 'stole from them' should be excluded from the polity, but as in Northern Ireland, a large part of the population does not want the British to leave. Within the ethno-national traditions of Northern Ireland, disagreement and conflict on fundamental issues is commonplace⁵. It is an uncomfortable comparison, and most Italians hope to resolve their differences through negotiations towards a federal system. In fact even in Northern Ireland it is possible to speak about common traditions, but in Italy this is simply not practicable. The reality is that the notions of independence for a non-existent historical entity called Padania, replete with worship of the river Po, halved his support, so Northern League leaders reinvented the League by settling for Scotland-style devolution and taking hard to the

¹ See Koff, Sondra Z., and Koff Stephen, Italy. From the first to the second Republic. Routledge, New York, 2000, p.49.

² See Vandelli, Luciano, Devolution e altre storie. Paradossi, ambiguità e rischi di un progetto politico, Il Mulino, Bologna, 2002.

³ The typical movement was the peoples moved to Turin specially to work in the car factory FIAT,.

⁴ We intend the economically point of view.

⁵ See Little, Adrian, Multiculturalism, Diversity and Liberal Egalitarianism in Northern Ireland, London, University Press, 2003.

right¹. The only Italian area where the peoples really lived the phenomenon of separatism was the Alto Adige or Sud Tirolo (South Tyrol), an area in the far Northeast of Italy that is linked historically, linguistically, and culturally with Austria, and which already enjoys special autonomous rights. Italy successfully dealt with this minor secessionist threat by conceding regional autonomy. Rome's promise that 90 percent of the taxes collected in South Tyrol will stay in South Tyrol.

Such a solution could work again in the case of the 'ordinary' regions, but the politics of the League in Italy can be compared only to other European separatist movements if we get to the root of its economic aspects, and not only its political (and cultural) nature. The basis of political discontent will always be an economic crisis from which political actors will try to reap some popular support. We need refer not only to extreme movements such as the fascist Vlaams Blok in Belgium, but, for example, the regionalist and separatist parties in the United Kingdom that advocate social democratic policies in order to try and win elections, or movements based on national or ethnic identity with a programme focused on separatism and regionalist ideology. In effect separatism represents the effort to divide the working class in the face of the common class break-up². What should be a struggle between classes has become a struggle over taxes.

Our conclusion is that sometimes separatist movements are superficially based upon nationalism or religious fervour. That is not the case of Italy. The northern Italian separatist movement is an example of an almost purely economically based separatist group, but with a special variation, his attitude was reflected in the "Away from Rome" movement, which, until recently, was considered just as outmoded as the prejudices of Northern Europeans against Southern Europeans that have now been brought to the surface by the crisis. It is also European problem, in fact many separatist movements in Europe have resorted to different violent terrorist acts since the second half of the twentieth century; from the 1960's onwards, bombs and death were the order of the day in regions like Northern Ireland, Corsica (France), South Tyrol and the Basque country (Spain).

Faced with this scenario, the governance of Europe is inconclusive, distant, devoid of real strategies and unable to give answers. Someone tries to develop multiculturalism policies, as an inclusive philosophy with its potential for integrating newcomers and minorities into society that inside the European Union is undermined by false notions of its tendency to produce separatism and also generally poverty. Such policies, they maintain, isolate ethnic groups, enforce an inward-looking mentality, and lead to strong divisions between groups inside the European union members. The multiculturalism seems the only way for Europe, another thing is the integration, where we need to improve the socio-economic position of cultural minorities, it is directed to the advancement and inclusion of minorities in society. It is necessary to identify the general interest, in the "Common Good" to come back to the real life. This necessity is indeed strategic and full of challenges to individualize and to continually face, with great realism and – temporarily – with great planning tension between the people no matter whence they are.

Bibliography

Biorcio Roberto, *La Padania promessa. La storia, le idee e la logica d'azione della League Nord*, Il Saggiatore, Milano, 1997.

Blackner, D., and Tarrow, Sidney, eds. *Communism in Italy and France*. Princeton, 1975.

Cento Bull, Anna and Gilbert, Mark, *The Northern League and Northern Question in Italian Politics*; Palgrave, St.Martins Press, 2001.

Chadwick, Wilfred Owen. *The Popes and European Revolution*. Oxford: Clarendon Press, 1981.

¹ See Carroll, Rory, Come back Bossi minds his invective, in the Guardian International, 11 May 2001.

² James, Steve, Scottish and Welsh nationalism: self-enrichment masquerading as social reformism, World Socialist Web Site, 5 June 2001.

- Clark, Martin. *Antonio Gramsci and the Revolution that Failed*. New Haven, London: Yale University Press, 1977.
- Diamanti Ilvo, La League, *Imprenditore politico della crisi. Origini, crescita e successo delle leghe autonomiste in Italia*, Meridiana, 1993, n.16.
- Diamanti Ilvo and Mannheimer Renato, *Milano e Roma: guida all'Italia elettorale del 1994*, Donzelli, Roma, 1994.
- Di Palma, Giuseppe *Surviving without Governing: the Italian Parties in Parliament*. Berkeley: University of California Press, 1977.
- Duggan, Christopher. *A Concise History of Italy*. Cambridge University Press, 1994.
- Figus, Alessandro, *Le "système Italie": transformations et interprétations*, Diffusion ANRT, Lille, 2001.
- Figus, Alessandro, *Italian Politics at the Crossroads: Nationalism, Separatism or Federalism ?*, Journal of Humanities and Social Sciences, Volume I, Issue 2, ISSN 1934-7227, SIJ – Saint Cloud, MN 56301, USA, 2007.
- Figus, Alessandro, *European Union between Government and Governance*, with Spulber D. edit by Morini M., published by eidon Editor in the framework of Tempus Tacis project, ISBN 978-88-9567-30-9, Genova, 2010.
- Forgacs, David. *Italian Culture in the Industrial Era, 1880–1980*. Manchester: Manchester University Press 1990.
- Ginsborg, Paul. *A History of Contemporary Italy: Society and Politics, 1943–1988*. London: Penguin, 1990.
- Greenfield, K. R. *Economics and Liberalism in the Risorgimento. A Study of Nationalism in Lombardy, 1814–1848*. Baltimore: Johns Hopkins, 1965.
- Harper, John Lamberton. *America and the Reconstruction of Italy, 1945–1948*. Cambridge: Cambridge University Press 1986. HC305.H36.1986
- Header, Harry. *Italy: A Short History*. Cambridge University Press, 1990
- Hibbert, Christopher. *Garibaldi and His Enemies*. Boston: Little, Brown, 1965.
- Lange, Peter, and Tarrow, S., eds. *Italy in Transition*. London, 1980.
- Lazar Marc and Diamanti, Ivo, *L'Italie une nation en suspens*, Complexe, Bruxelles, 1995.
- See Little, Adrian, *Multiculturalism, Diversity and Liberal Egalitarianism in Northern Ireland*, London, University Press, 2003.
- Lovett, Clara. *The Democratic Movement in Italy, 1830–1876*. Harvard U. Press, 1982.
- Koff, Sondra Z., and Koff Stephen, *Italy. From the first to the second Republic*. Routledge, New York, 2000.
- Mack Smith, Denis. *Italy and Its Monarchy*. Yale University Press, 1989.
- Mack Smith, Denis. *Cavour and Garibaldi, 1860*. Cambridge U. Press, 1957.
- Mack Smith, Denis. *Mazzini*. Yale University Press, 1994.
- Mannheimer, Renato, *L'elettorato della League Nord*, in "Polis", 1993, n.2, pp 253–274.
- Mannheimer, Renato, (a cura di) *La League Lombarda*, Feltrinelli, Milano, 1991.
- Morin, Edgar, *Introduzione al pensiero complesso*, Sperling & Kupfer, Milano, 1993.
- Morin, Edgar, Véronique Nahoum-Grappe, Haïm Vidal Sephiha, Vidal et les siens, Paris, 1989.
- Pantaleone, Michele. *The Mafia and Politics*. London: Chatto & Windus, 1966.
- Pavese, Cesare, *Ieri e oggi*, Einaudi, Torino, 1950.
- Pazzaglia, Mauro, *Antologia della Letteratura Italiana*, Zanichelli, Bologna, 1984.
- Salvemini, Gaetano. *Mazzini*. Stanford U. Press, 1957.
- Sani, G., *The political culture of Italy: continuity and change*, in Almond, G.A. and Verba, S, (eds), *The civic Culture revisited*, Boston, Little, Brown, 1980.
- Sartori, Giovanni, *Ingegneria costituzionale comparata*, Il Mulino, Bologna, 1995.
- Sassoon, Don. *The Strategy of the Italian Communist Party: from the Resistance to the Historic Compromise*. London: Pinter, 1981.

- Sassoon, Don. *Contemporary Italy: Politics, Economy, and Society*. London: Longman, 1986.
- Vandelli, Luciano, *Devolution e altre storie. Paradossi, ambiguità e rischi di un progetto politico*, Il Mulino, Bologna, 2002.
- Woolf, Stuart J. *A History of Italy, 1700-1860: the Social Constraints of Political Change*. London: Methuen, 1979
- Woolf, Stuart J., ed. *The Rebirth of Italy, 1943-1950*. London: Longmans/Humanities Press, 1972.

Articles

- Bocca, Giorgio *Il commento* in Repubblica, 1st April 2004.
- Carroll, Rory, *Comeback Bossi minds his invective*, in the Guardian International, 11 May 2001.
- Owen, Richard, *Berlusconi ally raises spectre of separatism*, in The Times, 30 October 2000.
- Popham, Peter, *Bossi's dream of independent Padania* in The Independent, 5 June 2004
- Statera Alberto, *Nella League la rivolta dei veneti Bossi rincorre i fans del "tanko"*, in Repubblica, 9 September 2006.
- Poletti, Filippo, *La carica dei 40mila: "Padania libera subito"*, in La Padania, 4 June 2007

From WEB SITE

- James, Steve, *Scottish and Welsh nationalism: self-enrichment masquerading as social reformism*, World Socialist Web Site, 5 June 2001
- Bianchi, Sara, *70 miliardi da Berlusconi alla League? Bossi querela Sasinini*, in Sole 24 ore.com, 23 March 2007.
- See the web site: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=18178&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html
- <http://www.ipstrategie.it>.

Sahiba Gafarova
MP of Azerbaijan Republic,
Member of the Azerbaijani delegation to PACE

Azerbaijan – area of multiculturalism and tolerance

Ladies and gentlemen!
Distinguished guests!
Dear friends!

First of all I'd like to greet all of you and say that it's my great pleasure and honour to take part in this Forum, and to speak before such high audience. I think it's important that we are together today, because we have a great opportunity to speak to each other, to share our ideas and thoughts.

I believe that this meeting will be very useful for all of us.

I'd like to focus my remarks on two points: multiculturalism and tolerance.

The previous honourable speakers have already mentioned that multiculturalism is very important nowadays in the world. I absolutely join these ideas.

This topic is discussed in different levels: in society, in national parliaments of various countries as well as in international organizations.

Indeed, in the XXI century, particularly in the period of globalization, merging civilization, assimilation of national bounds, when nations become closely linked, formation of coexistence culture is of great importance. Of course, coexistence drastically rejects discrimination and racism, and requires eliminating the existing problems in this direction.

At the same time we have to mention that multiculturalism is facing increasing difficulties at the national level in various European countries and has been criticized as a failed idea. I strongly believe the response to these difficulties is an intercultural approach which implies an active interaction among the culturally different groups within society in order to develop the best model of living together.

I think that multiculturalism has proven to be highly effective in Azerbaijan. That's exactly what Azerbaijani President Ilham Aliyev mentioned during the opening ceremony yesterday.

I'd like to underline that indeed Azerbaijan is a country that is a home to many ethnic groups. Azerbaijan is a multicultural country where the representatives of different nations have been living in peace and friendship for many centuries. In Azerbaijan Jews, Russians, Georgians, Ukrainians, Armenians, udins, lezgins, avar, talishs and representatives of other ethnic groups live together and enjoy equal rights. Living together, nobody thinks that he creates a multicultural society, for them – this is just the way of living and for them – this is usual and normal.

As you know, Azerbaijan geographically is located on the crossroads of West and East. Throughout their history, Azerbaijani people have bordered and lived in a country in close vicinity with the representatives of various religions. Historically, tolerance has been extended to all of them. Of course, such an attitude couldn't have been imposed administratively, since tolerance is a voluntary recognition and respect to everybody's way of self expression, even if it goes in contradiction with one's own opinion. This particular feature is an integral part of our traditional cultural and moral values.

Nowadays the Christian and Jewish communities in Azerbaijan, alongside with the Muslim community which constitutes the majority of population, enjoy and exercise equal rights. People have never been mistreated for their religion or nationality.

Azerbaijan is one of the countries in the world where a mosque, a church and a synagogue co-exist in peace, where the religious tolerance which is one of the main terms of security in the contemporary world exists.

I'd like to particularly mention, that Azerbaijan is a secular country, where religion is separated from state. The freedom of conscience is declared by Article 48 in our Constitution. Everybody is free to choose a religion and practice it individually or in groups, or not to follow any religion at all, as well as express their attitude to it.

It should be mentioned that during the years of independence Azerbaijani government has restored synagogues, churches and mosques that were devastated during the Soviet rule. For example, St. Mary's Catholic Church was rebuilt in 2007 after being shut down by the Soviets in the 1930s. In 2011, the largest synagogue in Azerbaijan was built with government funding and inaugurated in Baku in a ceremony attended by the Chief Rabbi of Israel. Another example: Orthodox Cathedral in Baku was rebuilt in 2000.

I can proudly point out, today Azerbaijan is hosting various international forums and conferences dedicated to intercultural and inter-religious dialogs, organized by the government and H. Aliyev Foundation. The representatives of different nations visiting Azerbaijan consider our country to be a good pattern in terms of tolerance, and deem the model implemented in Azerbaijan as a progressive one.

Ladies and gentlemen!

Tolerance is one of the most important principles to be applied in practice by the national governments. In the period of global threats, terrorism, tendencies of religious confrontation, tolerance is the only way to preserve a peaceful co-existence.

I think if we are talking about coexistence and tolerance, then we must not refrain from confession of problems and menaces hindering this process: racism, intolerance and xenophobia. I'd like to draw a particular attention to the increasing rates in manifestations of racism throughout Europe, which undermine the fundamental values of democratic societies. As a member of Azerbaijani delegation in PACE and a Chair of Sub-Committee on Racism and Xenophobia in this organization, I can say, that nowadays this is one the most actively discussed issues. The historical experience shows that lack of tolerance can turn a multiethnic state into a mono ethnic one. Let me say, that having no aim of discussing here Armenian-Azerbaijani – Nagorno Karabakh conflict, which is, I think well-known for everybody sitting here, I can't help mentioning just one point: observing the situation in Armenia today we can see how this country has become a mono ethnic state. In my opinion one of the reasons for that is the absence of tolerance. And at the result of it over two hundred thousand (200 000) Azerbaijanis were forced out of their historical lands where they have lived for many centuries. Naturally, the conflict lasting for 20 years within the boundaries of Europe is contradictory not only to generally human rights, international peace principles but also cast doubt on our call for multiculturalism and tolerance as well.

Ladies and gentlemen!

I strongly believe that we have to be concerned about lowering the threshold of vigilance against racism and intolerance in the world, including political discourse and public life.

Nowadays the only way to settle a number of global political, economic, humanitarian and social problems we encounter is strengthening our joint efforts, cooperation and contacts.

The historical experience also proves that cooperation and dialogue are the only ideal way of settling our problems, securing common concerns and achieving sustainable and dynamic progress.

I do believe that we can realize this in the world, which is common space for all of us.

Thank you.

Hani Hayajneh

The Dynamic Interaction between Intangible Cultural Heritage and Cultural Diversity

Professor of Ancient Near Eastern Cultures and Languages – Yarmouk University – Jordan

UNESCO Facilitator of the UNESCO 2003 Convention for Safeguarding Intangible Cultural Heritage

The presentation will focus on the significance of *Intangible Cultural Heritage* (ICH) in sustainable development and cultural dialogue within a multi-cultural society, especially in our contemporary globalizing world. It will explore ICH as a foundation for cultural identity, i.e. as an essential bearer of cultural values, as the respect for cultural diversity implies the respect of the cultural values. ICH is an unpreventable factor for promoting worldwide cultural diversity and includes trans-national values and shared source of memories, understanding and cohesion. By taking into account the international declarations on Cultural Heritage and Cultural diversity, both aspects are inseparable aspects, strongly coherent and should be promoted as a major hub for cultural dialogue and sustainable development. ICH occupies a significant position in strengthening regional and global cooperation and constitutes a bridge between cultures, including communities, groups within societal or political contexts. ICH has the power of stimulating creativity in the context of a multi-cultural society. As an endeavour towards realizing this, some ideas, mechanisms and strategies can be suggested, e.g. enhancing transnational networks of experts, developing cultural policies, cooperation between countries, use of modern technologies for dissemination and promotion to secure access and infusing cultural heritage as an expression of multiculturalism in formal and informal education, etc. The role of communities, that bear the cultural values as represented in their heritage, will be highlighted, as communities have the responsibility of managing their cultural heritage.

Ванда Борисовна Игнатьева

к.и.н., с.н.с., зав. сектором этносоциологии

Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г.Якутск, Республика Саха (Якутия)

Северные тюрки-саха: этничность и культурные репрезентации в эпоху глобализма

Республика Саха (Якутия) – республика (государство) в составе Российской Федерации¹, расположенная на северо-востоке Евразийского материка. Общая площадь континентальной и островной (Анжу, Де Лонга, Ляховские, входящие в состав Новосибирских островов) территории республики составляет 3,1 млн. км². Границы Якутии находятся в пределах трех часовых поясов и их разница с московским временем составляет +6, +7, +8 часов. До настоящего времени она является одним из самых изолированных и труднодоступных регионов мира: 90% территории не имеет круглогодичного транспортного сообщения.

Якутия – самая холодная часть среди обжитых территорий планеты: более 40% территории находится за Северным полярным кругом, а материковая часть представляет собой зону сплошной вечной мерзлоты (до 1,5 км вглубь земли). Максимальная амплитуда средних температур самого холодного (январь) и самого теплого (июль) месяцев составляет 70-75⁰С. Здесь была зафиксирована самая минимальная температура на земном шаре – 71,2⁰С. Резко континентальный климат, отличающийся выраженным антициклональным режимом погоды, длительной полярной ночью со световой недостаточностью, туманами и изменениями парциального давления О², коротким и жарким летом, обуславливает продолжительность отопительного сезона, которая в среднем составляет 8-9 месяцев в году, а в арктической зоне – она круглогодичная.

Якутия характеризуется многообразием природных условий и ресурсов: большую часть территории занимают горы и плоскогорья – более 2/3 ее поверхности и лишь 1/3 часть – расположена на низменности. Широко известны экологические резервы Якутии, прежде всего, водные и лесные. Так, она является одной из самых “морских” регионов России: акватория примыкающих к ней морей Лаптевых и Восточно-Сибирского составляет 30% всех арктических морей. Вся ее территория покрыта огромным количеством озер (более 700 тыс.) и пронизана широкой сетью рек (более 300 тыс.), общая протяженность которых составляет около 2 млн.км, а их потенциальные гидроэнергоресурсы оцениваются почти в 700 млрд. кВт. В горах Восточной Якутии находятся 485 ледников общей площадью 413 км² и с запасом пресной воды около 2 тыс. м³.

Таежно-тундровая зоогеографическая зона Якутии по своим размерам представляет такие же “легкие планеты”, как и тропические леса Амазонии. Почти 47% территории занимают бореальные леса, эксплуатационные запасы которых оцениваются в 10,3 млрд. м³.

На долю Якутии приходится свыше 30% дикой природы России и более 10% – всего мира. Это означает, что она является крупнейшим резервом биосферы всей планеты и тем самым выполняет экологические функции глобального масштаба. Здесь обитают: на островной части – морж, нерпа, тюлень, белый медведь; на материковой – лось, северный олень, кабарга, снежный баран, изюбр, бурый медведь, волк, а также животные с ценным мехом – лисица красная, песец, соболь, горностай, колонок, американская норка и др. В морских, речных и озерных водоемах насчитывается около 50 видов рыб, преобладающими из которых являются лососевые и сиговые. Территория Якутии также известна как место массового гнездования

¹ Конституция Российской Федерации. –М., 1996. –С.5.

более 250 видов птиц. Среди них редкие птицы, занесенные в Международную Красную книгу (розовая чайка, белый и черный журавли, кроншнеп-малютка, кречет). С 1993 г. Якутия является членом Всемирного Фонда охраны дикой природы (WWF).

Республика Саха – крупнейший сырьевой регион Российской Федерации. На ее территории в настоящее время выявлено более 1,5 тыс. месторождений различных видов минерального сырья (нефть, газ, уголь, алмаз, драгоценные, цветные и редкие металлы), а стоимость только подтвержденных его запасов оценивается в 0,8 трлн. \$ США. Прогнозные запасы угля составляют 10% мировых и более 40% российских запасов; суммарные ресурсы газа оценены в 10,2 трлн. м³. Таким образом, прогнозный потенциал недр Якутии может обеспечить долговременные потребности в важнейших видах минеральных и энергетических ресурсов не только отечественного, но и зарубежного рынков.

Этническая структура населения Якутии. По состоянию на 1 января 2012 г. общая численность населения республики составила 955,8 тыс.чел. (617,1 – городское, 338,7 – сельское), а средняя плотность – 0,3 чел. на 1 км². Малонаселённость Якутии обычно иллюстрируют тем, что на ее территории, занимающей свыше 18% всей площади России, проживает меньше 1% от общей численности населения страны.

Территория республики заселена весьма неравномерно: наибольшей плотностью населения выделяются столичный Якутск с подчиненными территориями (78,9 чел. на 1 км²) и улусы (районы) Центральной Якутии с относительно благоприятными природно-климатическими условиями для ведения сельского хозяйства (1,1-2,6 чел. на 1 км²). Наименьшая плотность характерна для арктических и северных улусов с экстремальными климатическими условиями, неблагоприятными для жизни и хозяйственной деятельности человека (0,01-0,09 чел. на 1 км²). В остальных улусах число жителей колеблется от 0,1 до 0,9 чел. на 1 км².

По данным Всероссийских переписей населения, кроме доминирующих по численности саха и русских, здесь живут коренные малочисленные народы Севера – эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи, а также представители более ста народов России и зарубежных стран.

Таблица 1. Динамика этнического состава населения Якутии в 1989-2010 гг.¹

	1989	2002	2010	Доля среди населения, %		
				1989	2002	2010
Саха	365236	432290	466492	33,4	45,5	48,7
Русские	550263	390671	353649	50,3	41,2	36,9
Народы Севера	24674	32860	39936	2,2	3,4	4,2
Другие народы	153773	90829	74587	14,1	9,6	7,8
Национальность не указана	119	2630	23864	–	0,3	2,4
Все население	1094065	949280	958528	100,0	100,0	100,0

Такая широкая этническая панорама, культурное, религиозное и языковое многообразие Якутии формировались в течение тысячелетий под влиянием различных факторов – адаптации к условиям среды обитания, хозяйственного освоения коренными народами природных ландшафтов – тайги, горных систем, тундры, арктической пустыни, крупных и мелких речных

¹ Таблица составлена по: Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 января 1989 г. Национальный состав населения Якутской АССР. Статистический сборник №3. –Якутск, 1990. –С.5-8; Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. –Т.5. –Якутск, 2005. –С.7-9; Краткие итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Республике Саха (Якутия) //http://sakha.gks.ru.

артерий, позже – в результате миграций, колонизации, миссионерства, ссылки, государственной политики и др.

Одной из особенностей современного народонаселения республики является значительный удельный вес сельских жителей – 35,4%. В сельской местности в основном проживают коренные народы Якутии: саха (64,3%), эвенки (76,9%), эвены (69,4%), долгане (87,7%), юкагиры (61,2%), чукчи (72,6%). Большинство русского (93,2%) и инонационального населения сосредоточено в городских поселениях. Таким образом, исторически сложившаяся география расселения основных этнических групп Якутии сохраняется и в настоящее время изменена несущественно¹.

Таблица 2. Динамика численности тюркских народов Якутии в 1970–2010 гг.

Национальность	Численность лиц данной национальности, чел.				
	1970	1979	1989	2002	2010
Азербайджанцы	197	436	1758	2293	2040
Алтайцы	30	74	148	86	97
Балкарцы	7	12	77	15	20
Башкиры	563	1352	4190	2335	1819
Гагаузы	13	65	386	297	233
Долганы	10	64	408	1272	1906
Казахи	238	502	1760	1525	1338
Каракалпаки	10	3	20	17	7
Карачаевцы	21	27	68	66	86
Киргизы	38	152	566	1454	5022
Крымские татары	1	4	43	3	2
Кумыки	14	26	235	199	216
Ногайцы	7	87	327	358	357
Татары	7678	10976	17478	10768	8122
Тофалары	*	4	3	4	8
Тувинцы	38	87	131	136	204
Турки	4	4	10	47	15
Туркмены	24	31	66	64	51
Узбеки	172	379	780	1207	3332
Уйгуры	9	27	45	56	66
Хакасы	65	114	351	186	151
Чуваши	1053	1641	3140	1700	1123
Шорцы	11	42	127	69	59
Саха (якуты)	285749	313917	365236	432290	466492
Все население	664123	851840	1094065	949280	958528

* По данным народам нет сведений.

Как видно из таблицы 2, в Якутии проживают довольно компактные этнотерриториальные группы тюркских народов России и зарубежных стран, составляющие в совокупности 32,7% инонационального населения республики. В последнее десятилетие, на фоне миграционного оттока из Якутии в другие регионы России, выделяется положительное сальдо миграционного обмена со странами СНГ, среди которых лидируют Кыргызстан, Армения, Таджикистан и

¹ Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). –Т.5. –Якутск, 2005. –С.13, 15.

Узбекистан. В последний межпереписной период (2002-2010 гг.) количество киргизов увеличилось в 3,4 раза, узбеков – 2,8 раз, таджиков – 2,4 раза, армян – 1,3 раза.

В Якутии, начиная с 2000 г., в миграционных процессах преобладает доля внутрирегиональной миграции, на которую в 2010 г. приходилось 64,5% от общего объема. Внутренняя миграция характеризуется продолжающимся перетоком сельского населения в городские поселения республики, прежде всего, в г.Якутск. За последние два десятилетия удельный вес саха среди столичных жителей, преимущественно за счет сельских мигрантов, возрос с 55132 чел. в 1989 г. до 140272 чел. в 2010 г. В связи с этим г.Якутск, где концентрирована четверть населения республики (25,95%) и треть всех городских жителей (34,5%), является почти “идеальной” моделью многонациональной Якутии. Кроме того, именно здесь численный паритет саха и русских выражен наиболее рельефно: 47,4% и 38,4%, соответственно.

Саха (якуты): общие сведения. Один из крупных тюркских народов Севера-Востока Азии. Отметим, что в литературе существует значительное число научных гипотез о происхождении саха, как взаимоисключающих, так и взаимодополняющих друг друга. Так, в контексте так называемого “южного” происхождения доминирует теория переселения предков саха с Юга на Среднюю Лену, а “автохтонный”, напротив, предполагает, что они являются потомками древних насельников Севера-Востока Сибири¹.

Преимущественно по принадлежности языка и многих ключевых элементов культуры якутов к общим для тюркского мира корням, большинство исследователей считают, что их этно- и культурогенез тесным образом связан с культурой ранних кочевников Южной Сибири и Центральной Азии².

В своей фундаментальной работе “Ураангхай сахалар” Г.В.Ксенофонов выдвинул концепцию о поэтапном заселении предками саха территории их современного расселения в период с I по XII вв. н.э. По его предположению саха представляют собой народ этнически смешанного происхождения, включивший в себя три “волны” тюркоязычных переселенцев из Прибайкалья. При этом им достаточно логично обосновано проникновение на территорию Якутии так называемых “оленных якутов”, которые впоследствии стали скотоводами. Южное происхождение якутов обосновывается, главным образом, на этнографических материалах и данных лингвистики, частично – на археологических артефактах.

Опыт адаптации предков саха к географическим и природно-климатическим условиям Севера и Арктики, добытый в невероятной борьбе за существование в зоне вечной мерзлоты, позволил им сформировать в самой холодной части планеты уникальную среду обитания человека, освоив его хозяйственно и создав модель цивилизации, характерной чертой которой является стиль жизни в гармонии с природой. Так, во всем мире не имеет аналогов структура северного производящего хозяйства, сложившаяся в результате продвижения до высокоширотного пояса Земли культуры рогатого скота и лошадей, имевших южное происхождение. Вплоть до настоящего времени основу жизнеобеспечения народа саха составляют табунное коневодство и разведение крупного рогатого скота в сочетании с коллективным рыболовством, охотничьим и пушным промыслами. Отдельные группы северных якутов также освоили оленеводство. Как известно, хозяйства такого типа базируются на использовании биологических ресурсов природы, малых технологий и замкнутого круга обмена, что позволяет считать традиционное природопользование основой устойчивого

¹ Ксенофонов Г.В. Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. –Т.1 в 2-х книгах. –Якутск: Нац. изд-во РС(Я), 1992; Алексеев А.Н. Происхождение якутского народа. По новым археологическим данным // Ученые записки ЯГУ. –Серия: гуманитарные науки. –Якутск, 1994.

² Гоголев А.И. Якуты: Проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск, 1993а; Гоголев А.И. Распространение по Средней Лене скотоводства и проблема этногенеза якутов // Историческая этнография: традиции и современность. Л., 1993б.

развития народа саха (*sustainable development*). Для саха также характерно высокое развитие ремесел – кузнечного, деревообрабатывающего, ювелирного, лепной керамики и др.¹

Географическое пространство Якутии с древности представляло собой оживленное этнокультурное перекрестье, где происходили сложные процессы взаимодействия ментальной карты, хозяйственных, торговых, культурных, языковых традиций и коммуникативных практик Севера и Юга, синтез и преобразование магистральных и локальных культур этнических сообществ Северной Евразии. Несмотря на “эффект перекрестка” в историческом и в современном взаимодействии народов Якутии, народ саха сумел сберечь основное ядро тюркской культуры, что не может не вызвать пристального интереса к данному культурному феномену.

Кумысный праздник “Ысыах” саха – самых северных коневодов мира представляет собой бесценное наследие кочевой культуры, ее философской, религиозной и фольклорной традиции². В дренякутском обществе самой большой ценностью являлись кони, по количеству табунов определялось богатство и знатность хозяина, а также престиж рода, кони выступали мерилем всех сделок, более того, обращаясь к священной лошади приносились самые важные клятвы, заключались перемирия, проводились ритуальные церемонии. Не случайно всадник на лошади стал государственным символом Республики Саха (Якутия).

С традиционной системой жизнеобеспечения связана и модель питания, способствовавшая сохранению здоровья и высокой продолжительности жизни якутов. Этнопища народа неразрывно связана с конной культурой, это – напиток кумыс, мясо жеребятины, конская колбаса, приготовленный из кобыльего молока творог и др. Традиции национальной кухни, органично приспособленные к местной экологической системе являются повседневной реальностью современных саха.

В конце XIX в. исследователи отмечали важную роль якутского языка как инструмента межнационального общения в пространстве Северо-Восточной Сибири: от Туруханска до Сахалина, равного французскому в Европе и арабскому в Африке. Эту роль якутский язык пронес через весь XX век и сохранил в начале XXI столетия.

По итогам переписей населения России саха выделяются наибольшим числом монолингвов с родным национальным языком (92,6%). Широкий диапазон языкового сдвига более всего характерен для коренных малочисленных народов Севера: 71,2% эвенков, 63,1% эвенов, 45,2% юкагиров родным признают якутский язык³. Как в советское, так и в постсоветское время он широко используется в повседневной жизни многонационального населения Якутии, на языке саха выходят газеты и журналы, ведутся передачи в средствах массовой информации.

Многие путешественники и исследователи, побывавшие в Якутии в XVII-XIX вв., отмечали многочисленные примеры культурного обмена саха и русских, легшие в основу интеграции разных хозяйственных практик, синкретизма языческих и христианских представлений, усвоении русскими старожилами якутского языка, специфического “полярного” типа питания, натурфилософского мировоззрения и экологической культуры народа саха.

Институционализация этничности и культурной множественности. На XXX-й сессии Генеральной Ассамблеи ЮНЕСКО, посвященной вопросам “Культурного разнообразия перед лицом глобализации” (1999) было признано, что культурное разнообразие является одним из главных богатств человечества, которое следует утверждать, особенно в связи с

¹ Гоголев А.И. Историческая этнография якутов: вопросы происхождения. –Якутск, 1986; Народы России. Энциклопедия. –М., 1994.

² Ысыах – с 1991 г. государственный праздник Республики Саха (Якутия).

³ Аргунова Т.В. Проблемы родного языка и тенденции современной языковой политики в Российской Федерации // Проблемы родного языка в условиях глобализации и интеграции современного общества. –Якутск, 2007. –С.37.

вызовами, возникшими в эпоху глобализации. В Якутии полностью поддерживают эту плодотворную идею в русле укрепления и развития этнокультурного, религиозного и лингвистического многообразия как перспективного и инновационного ресурса ее развития в XXI веке.

Таблица 3. Институционализация этнокультурного разнообразия в Республике Саха (Якутия)

Государственное устройство	Республика (государство) в составе Российской Федерации
Государственные символы	Герб. Флаг. Гимн.
Политико-правовая сфера	Конституция. Республиканские законы. Концепция государственной национальной политики
Политические институты	Президент – Ил Дархан Государственное Собрание (Ил Тумэн) Департамент по делам народов РС(Я)
Административно-территориальное устройство	Национальные улусы (районы) – 4 Национальные наслеги – 31
Статус языков	Государственные – якутский, русский; Местные официальные языки – эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский, чукотский
Государственные праздники	27 апреля – День Республики 21 июня – Ысыах 27 сентября – День государственности
Общественные институты	Ассоциация коренных малочисленных народов Севера РС(Я) Конгресс народа саха Совет по языковой политике при президенте РС(Я) Национальный фонд возрождения “Баргары”

В Республике Саха институционализация этничности и культурной множественности поддерживается всеми публичными институтами – государством, правом, масс-медиа, профессиональным искусством, системой образования и др. Как видно из таблицы 3, официально декларирован статус Якутии как республики (государства) в составе России. Государственные символы Республики Саха подчеркивают национальный характер ее государственности: на гербе изображены древний всадник со знаменем, традиционный якутский орнамент в виде семи ромбов – кристаллов алмаза, название республики на двух государственных языках – якутском и русском; цветовая палитра флага символизирует: голубой в сочетании с белым солнцем – преемственность поколений, уважение к традиционному мировоззрению якутов, считающих себя “детьми белого солнца”, белый – суровую красоту Севера, чистоту помыслов людей, проживающих в его экстремальных природно-климатических условиях, зеленый – возрождение народов Якутии, красный – дань памяти предков. Государственный гимн воспекает любовь к родной земле и верность заветам предков – “Земля Саха, святыни твои; С вершин веков напутствуют нас. Мы путь продолжили предков своих; И с честью мы их исполним наказ”.

В политико-правовом поле действуют нормы республиканской Конституции, гарантирующие коренным народам Якутии защиту от “любой формы насильственной ассимиляции и этноцида, от посягательства на этническую самобытность, исторические и священные места, памятники духовной и материальной культуры”; приняты республиканские

законы, направленные на сохранение естественной среды их обитания, традиционных видов хозяйственной деятельности и самобытного жизненного уклада.

В сфере административно-территориального и муниципального управления действует уникальный для России плюрализм: созданы специальные национальные улусы и наслеги, где функционируют местные официальные языки коренных малочисленных народов Севера. Под эгидой президента Якутии проводится работа Совета по языковой политике с целью сохранению языков коренных народов республики в сфере образования, культуры и средств массовой информации. В качестве государственных отмечаются такие праздники, как “День республики” (27 апреля), “День государственности” (27 сентября) и национальный якутский праздник “Ысыах” (21 июня).

Современные саха: этничность и культурные репрезентации.

Итоги регулярно проводимых социологических опросов¹: устойчивость во времени объемов опрошенного массива с этнопозитивной идентичностью (каждый второй респондент-саха) и тезауруса основных этнообъединяющих представлений (“родной язык”, “национальная культура”, “общность происхождения”) свидетельствуют о высокой личностной значимости этничности в приватной и общественной жизни многих представителей народа саха². Доминирование этничности в структуре многоуровневой идентичности, глубокая взаимосвязь языка, культуры и идентичности подтверждаются и личностными установками большинства респондентов-саха (70,9%), категорически отвергающих саму возможность смены человеком своей национальности, а также иметь две или более национальности (61,2%).

На первый взгляд кажется, что существующая легитимация этничности народа саха – через этноним, репутацию, статус и престиж более чем достаточно должна удовлетворять культурным запросам этно-акцентированной части якутского общества. Однако мы не можем игнорировать современные всплески этничности, новые формы ее проявления, производство необычных поведенческих практик, дополнительно маркирующих этнокультурную отличительность.

Данное обстоятельство заставило нас сосредоточиться на инициативах и практиках энтузиастов-одиночек и отдельных групп, на примере которых можно иллюстрировать перевод этнической лояльности на плоскость социальных и культурных проектов, этнического предпринимательства, консюмеризма и т.д.

Как одну из форм протеста против диктата и тотальных запретов государства, в частности, исключение этнического статуса из внутреннего паспорта гражданина России, можно рассматривать стремление людей акцентировать национальность своего ребенка в свидетельстве о его рождении. Как сообщает пресс-служба Ил Тумэн РС(Я), законопроект “О присвоении фамилии, имени и отчества ребенку при государственной регистрации рождения в соответствии с якутскими национальными обычаями” направлен “на расширение прав граждан, а также реализацию права народа и личности на всестороннее развитие родного языка” и разработан в связи с ростом количества обращений граждан, требующих учитывать “национальные обычаи”. В случае принятия закона, отчество ребенку может быть присвоено путем прибавления к имени отца слова “уола” – для мальчика, “кыыһа” – для девочки. На наш взгляд, этот

¹ 1994 г. – проект “Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов в Российской Федерации”, рук. – Л.М.Дробижева; 2005 г. – проект “Проблемы региональной безопасности Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации”, рук. В.Б.Игнатьева; 2007 г. – проект “Этнокультурный потенциал регионов как фактор формирования российской нации”, рук. – В.А.Тишков.

² См. подробно: Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. –М., 1996; Игнатьева В.Б. Этнокультурная ситуация в г.Якутске // Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. –М., 2008. –С.231-251.

пример наглядно показывает возможности интеллектуального конструирования определенных представлений и их последующее распространение усилиями “производителей субъективных предписаний” (П.Бурдье), в результате которых институционализируется “новое” проявление этничности.

На примере саха подтверждается наблюдение специалистов о глубокой взаимосвязи родного языка (*mothe longue*) и идентичности (*identity*): “компетентность в этническом и втором языках, степень ее совпадения с речевым поведением влияют на содержание и проявление этнической идентичности”¹. Широко распространенными в обществе являются такие народные поговорки, как “*саха сахалыы санарыхтаах*” (кто говорит по-якутски, тот якут), “*саха сахатынан кэрэ*” (якут прекрасен своей якутскостью), “*дьин сахалыы сана*” (исконная якутская речь), подтверждающие мысль об “истинности” саха только при наличии у него “истинно якутского” языка. Большинство экспертов сходятся во мнении, что этническое самосознание представителя народа саха не может развиваться через русский язык, хотя в жизни имеют место случаи, когда люди с основным русским языком позиционируют себя именно как саха.

В литературе также отмечается очевидная взаимосвязь идентичности и консюмеризма. Например, связь идентичности, музыки и потребительства эстонский антрополог Аймар Венцель (*Ventsel*) рассматривает на примере современной якутской музыкальной индустрии (певцы, промоутеры, ди-джеи, клипмейкеры, звукозаписывающие студии, FM-радио, бары, клубы, дискотеки и т.д.)². Он отмечает, что с появлением частных радиостанций, в том числе “Сахалыы Виктория”, вещающей все программы исключительно на якутском языке и передающей главным образом музыку саха, с возникновением многочисленных мест потребления музыки и расширением потребляющей ее аудитории в столичном городе появилось и множество новых музыкантов-саха. По мнению автора, для молодых и талантливых сельских мигрантов музыка стала средством, позволившим им покинуть свои деревни и обосноваться в г.Якутске³.

Также отметим феномен “якутского кино”, пользующегося успехом среди сахаязычных зрителей. Только за прошлый год в кинотеатрах г.Якутска и республики показали 17 новых фильмов местного производства, большинство из которых собрали полные залы. По кассовым сборам, в местном прокате якутские фильмы часто собирают больше, чем голливудские блокбастеры. Например, история в стиле британской комик-группы “*Monty Python*”, незатейливо повествующая о том, как несколько сельских ребят раз в год превращаются в героев культовых боевиков и сражаются с хтоническим Злом, заработала 3 млн. руб., обойдя “Гарри Поттера” и “Человек-паука” и стала лидером проката. По признанию кинопрокатчиков, они начали ставить в прокатную сетку якутские фильмы еще в 90-е годы, когда качество их было не лучше домашнего видео. Исходники были записаны на VHS-кассетах, где изображение тряслось и прыгало по большому экрану, а разобрать, что говорят герои, можно было с большим трудом, но люди шли и шли. То есть, немаловажным фактором популярности и коммерческого спроса якутских фильмов является этнический консюмеризм, который побуждает людей потреблять “свой” продукт, даже если он проигрывает в качестве другому кино.

В контексте потребительства, еще более влиятельными выглядят позиции республиканских средств массовой информации, прежде всего, Национальной вещательной компании “Саха”. Так, в ходе массового социологического опроса по теме “Исследование потребности населения Якутии в услугах НВК “Саха” в условиях перехода на цифровые

¹ Уталиева Ж.Т. Влияние языковой компетентности на формирование этнической идентичности // Этническая психология и общество. –М., 1997. –С.131-138.

² Ventsel, A. Sakha pop-musik – a celebration of consuming // *Anthropology of East Europe Review*. –Vol.24. – №2. –Рр.35-43.

³ Ventsel, A. Stars without money: Sakha ethnic music business, upward mobility and friendship // *Sibirica*. –2004. –№4. –Рр.88-103.

технологии” (март-апрель, 2012 г.) было выявлено, что несмотря на рост количества телеканалов, распространение кабельного, спутникового и Интернет-телевидения, по объему активной аудитории якутская компания входит в лидирующую группу вслед за 1-м каналом (ОРТ) и РТР (2-й канал). Этот канал характеризует традиционно высокий зрительский рейтинг в сельской местности, где преимущественно живут саха и малочисленные народы Севера. То есть, НВК “Саха” представляет собой этническое телевидение со специфичным контентом, ориентированным в первую очередь на интересы и предпочтения сельских жителей, владеющих якутским языком.

О субъективной значимости ценностной сферы этничности у молодежи-саха говорит организация и проведение “армейского” Ысыаха, который отмечали 17 июня 2012 г. в расположении 83-й отдельной десантно-штурмовой бригады (в/ч №71289) более 500 военнослужащих срочной службы, в том числе 99 солдат-саха. Показательно, что даже в условиях тотального института, каковым является российская армия, был воспроизведен якутский культурный ландшафт: ритуальные элементы праздника, национальные обряды, этническая утварь и пища, народные танцы, игры и состязания и т.д.

В заключение отметим, что современные социальные и культурные практики являют собой разнообразные рефлексии на окружающую реальность. Применительно к описанным случаям можно предложить разные гипотезы: это – с одной стороны, этноцентризм, убежденность, что “у нас все самое лучшее”; с другой – противодействие чужеродному в эпоху глобализма; с третьей – распространение и расширение границ сельского мира.

Кроме того, в более широком контексте, проявления связи этничности и избирательного потребления, демонстрируют сохраняющееся раздельное сосуществование саха и русских, сегрегированных не только географически, но и культурно, что показано на примерах сосредоточенности горожан-саха исключительно вокруг своего языка, культуры, средств массовой информации и др. Таким образом, поиск ответов на вопрос о том, какими мотивами руководствуются люди, выбирая из имеющихся товаров то, что им нравится и необходимо, выводит специалистов на обсуждение новых тем, связанных с потреблением и идентичностью.

Andrey Kiselev

President of the WWb – World Without Borders Foundation and WWb Route Coordinator

The Rome Statute of the International Criminal Court, established in 2002, states that crimes against humanity “are particularly odious offenses in that they constitute a serious attack on human dignity or grave humiliation or a degradation of one or more human beings”.

It is estimated that throughout history, more than 250.000 wars have been fought, and nearly a thousand have been fought in Europe over the past 2500 years. Every one of them has brought major property destruction, misery, suffering and death. We should deeply think about the meaning of it all. What causes war? What is the reason behind the conflicts between nations and the persecution against political, racial, ethnic, cultural, religious and gender groups?

Every war in the past has been caused and fed by greed, fear and intolerance. History has now shown us the consequences of living in a world sustained on ignorance and maintained by detachment, misinformation and lack of dialogue.

It is a reality that, nowadays, nations have already found their way to national peace, but we still have to walk a long path towards the establishment of international harmony. And knowledge, possessed only by some, does not have the stamina to eradicate war because it has to be possessed by everyone.

Therefore, only by increasing general access to education, knowledge and truth can the world be conducted to a level where everyone lives in peace and happiness. And only by communication can this goal be achieved.

The WWb – World Without Borders Foundation has been created to help, even in some small degree, fight ignorance and the sovereignty of privileged groups by increasing worldwide knowledge through communication. The fundamental goal of the foundation is to help build up a stable organization to which all nations and citizens will contribute, for the purpose of ensuring world peace.

The foundation is committed to creating a continuous global communication flux that can spread truth and enlightenment throughout the world, so that everyone has the necessary tools to criticize, refute and form personal opinions about what is presented to them as the official truth.

The proposal of the WWb Foundation for the achievement of world peace is the establishment of a worldwide humanitarianism and a world citizenship. And, although science does not have the power to create solutions, it has the ability to discover the ones that already exist, just as much as free and honest communication has the power to highlight it and extend it. And the more the global community knows about what exists, the better it can cooperate for this global goal.

Considering global harmony can only be achieved by the establishment of a tolerant, enlightened world citizenship, it becomes fundamental to understand how current world population feels towards national identity and the establishment of a single worldwide community.

That is why the foundation has created the WWb Route, a scientific social research and travel project that is taking the WWb team around the world to speak to people about the possibility of a world without borders and to find out what is their level of information and their opinion on the issue. Three questions are being proposed to each person inquired: “Is the world without borders possible”, “What is the biggest danger you see if borders were eliminated?” and “Would you like the world without borders to become a reality?”. The options given to the first question are a) “Yes, starting from tomorrow”; b) “Yes, in a distant future”; c) “Yes, it’s possible, but work with population might take years or even decades”; d) “No, it will never be possible”; e) “I don’t know/ I don’t have an opinion”. The options given to the second question are a) “The loss of traditions and national identity”; b) “The loss of jobs and biased competitiveness”; c) “Crime and drug trafficking aggravation”; d) “I don’t know/ I don’t have an opinion”. And the options given for the third question are a) “Yes”, b) “No”, c) “I don’t know/ I don’t have an opinion”.

Although it is a social research project that is not yet finalized, it has now been developed in South American countries, more specifically in Brazil, Uruguay, Argentina, Chile, Peru, Bolivia, Ecuador, Colombia and Venezuela. There, the WWb team had the opportunity to inquire 70 people in each nation, from both genres aged between 18 and 77 years old, and has reached some interesting conclusive facts.

Almost anybody (2%) believes that the world without borders could be a reality now, but 34% of the people inquired do believe that it will happen in a distant future. Also, 37% of the respondents declared that it's possible, but that there is still a lot of work to be done, 12% do not think it will ever be possible and 15% answered "It's hard to tell/ I have no opinion on the issue".

Concerning the second question, the majority of people considered that the most dangerous threat would be the loss of traditions and national identity (45%), but there were also many respondents concerned about the loss of jobs and the biased competitiveness (36%). Only 7% of the people enquired saw the aggravation of crime and drug trafficking as the biggest menace of a world without borders and 12% of respondents stated not to know nor have an opinion.

And when asked about their personal desire of seeing the world without borders become a reality, 29% of respondents answered affirmatively, 36% answered "No" and 35% of the universe contacted didn't know or didn't have an opinion.

When analyzing the obtained results by country, it was concluded that Uruguay and Argentina were the countries more keen to live in a world without borders (61% and 58%, respectively), and Ecuador and Peru the ones in which this possibility was more refuted (37% and 39%, respectively). Also, Ecuador, Bolivia and Colombia presented the highest percentage of respondents who didn't know or have any opinion on the subject (29%, 23% and 26%).

It is conclusive that there is still a long road to travel and much has yet to be done in the path for an ethical conduct that can bring permanent peace and contentment to everyone. The WWb Route is an open project that will contribute to this goal by continuing in Europe, Asia, Africa and the Poles.

The WWb – World Without Borders Foundation is also developing other concrete and innovative wide-reach tools that have the ability to speak new languages in wider reaches, in order to translate pioneering local ideas and beliefs into worldwide knowledge: the WWb TV, the WWb Network, the VERA World Fine Arts Festival, the WWb Institute and the WWb Magazine. Each one of these projects is a contribution to a world of limitless goodness, justice, equality, tolerance, brotherhood, cooperation and evolution that knows no physical boundaries, and in which people of all backgrounds and countries have the opportunity to live in happiness and security, and to build productive and inspiring lives.

Т.Г.Кохан

первый заместитель Министра культуры Украины

Национальные культуры и культурное разнообразие в условиях глобализации: общие черты и украинская специфика.

Уважаемые участники Бакинского Гуманитарного Форума!

Прежде всего позвольте мне поприветствовать наших гостеприимных азербайджанских хозяев, а также всех участников нашего Форума от имени Правительства Украины и всего украинского народа, и передать искреннее пожелание успешной и плодотворной работы Форума на благо наших народов и культур.

Свое выступление я хотел бы посвятить двум проблемам, которые весьма актуальны как для современной Украины и ее культуры, так и для других стран и их национальных культур.

Первая проблема имеет теоретический характер: как в условиях глобализации, бурного развития современных коммуникационных технологий меняется роль и облик национальной культуры, роль и содержание национальной идентичности?

Вторая проблема – более локальная и практическая: как современные глобализационные процессы повлияли на развитие национальных культур, национальных идентичностей в независимых государствах; какую специфику имеют для наших стран задачи сохранения и развития культурного разнообразия, как они соотносятся с задачами сохранения и развития национальной культуры?

Таким образом, возникла потребность в переосмыслении устоявшегося понятия национальной идентичности, вследствие чего сформировалась идея многокультурности и сохранения разнообразия в рамках больших национальных обществ. Иными словами, постулат сохранения культурного разнообразия выступает как ответ на угрозу всепоглощающей унификации, которую несут глобализационные процессы.

Опыт Украины, в котором за 22 года независимости были и успехи, и неудачи, убедительно свидетельствует: задачи построения современного национального государства, в том числе государственная поддержка развития национального языка и культуры, вполне совместимы с задачами сохранения культурного разнообразия общества, с защитой и развитием культур и языков этнических меньшинств, с их интеграцией в украинское общество.

Международно-правовым воплощением новых концепций идентичности стала, в частности, Декларация Совета Европы “Мультикультурное общество и европейская культурная идентичность” (1990), а также Декларация “О культурном разнообразии” (2000).

Важное место среди актов международного права, призванных обеспечить гармоничное развитие полиэтнических сообществ в условиях культурного разнообразия, занимает принятая в октябре 2005 года и ратифицированная Украиной в январе 2009 года Конвенция ЮНЕСКО “Об охране и содействии разнообразию форм культурного самовыражения”, которая возлагает на всех участников обязанность “охранять и содействовать разнообразию форм культурного самовыражения”, одновременно признавая за каждым “суверенное право на поддержку, принятие и осуществление” такой политики и таких мер, какие он считает целесообразными.

Мы в Украине понимаем это положение Конвенции таким образом: меры по сохранению культурного разнообразия должны не противоречить политике государственной поддержки развития национальной культуры и языка, а дополнять ее.

В преамбуле этой Конвенции также сформулированы положения, обосновывающие ценность культурного разнообразия:

Во-первых, оно расширяет вариативность человеческого мышления, человеческого выбора и развития. Чем больше объем информации в мире, тем интереснее идеи и произведения,

которые возникают при столкновении и сосуществовании разных способов мышления, понимания мира, форм творчества.

Во-вторых, культурное разнообразие приучает толерантно относиться к проявлениям инакости, уважать другие культуры и их носителей.

В-третьих, разнообразие форм культурного самовыражения является необходимым условием реализации прав и свобод, ведь языково-культурные права – это важная составляющая прав личности.

В-четвертых, сохранение культурного разнообразия означает сохранение традиционных ценностей, выработанных данной культурой, то есть – сохранение социального капитала, поддерживающего стойкое развитие общества, взаимное доверие и сотрудничество между его членами.

Нам представляется очевидным, что без политических, образовательных, культурных институтов современного национального государства реализовать на практике все эти составляющие сохранения культурного разнообразия довольно трудно, если вообще возможно.

В Украине права национальных меньшинств и разнообразие национальных культур защищаются Конституцией, ключевыми международно-правовыми актами в сфере охраны прав меньшинств (Декларацией ООН о правах личностей, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992), Рамочной конвенцией Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995, ратифицирована Украиной в 1997 году), “Европейской Хартией региональных языков и языков меньшинств” (ратифицирована Украиной в 2003 году), Декларацией Комитета министров Совета Европы “О культурном разнообразии” (2000), а также Законами Украины “О национальных меньшинствах”, “О языках в Украине”, “Об образовании” и другими. Они создают правовую базу для развития современной украинской нации как нации гражданской, полиэтнической, для защиты прав и интересов всех этнических групп в Украине, их культурного наследия.

Сегодня в Украине проживают представители более 130 народов и этносов, что позволяет считать нашу страну полиэтнической. К этническому многообразию следует добавить многообразие языковое и конфессиональное.

Основным достижением этнонациональной политики нашего государства является тот факт, что, хотя за годы независимости в сфере межэтнических и языковых отношений было немало проблем, однако нам удалось избежать острых конфликтов на этнической, расовой, религиозной почве, сохранять атмосферу диалога в обществе и компромиссного решения многих вопросов.

В Украине насчитывается почти полторы тысячи организаций этнических меньшинств, которые сохраняют и развивают свое разнообразное культурное наследие. Наибольшими среди них являются: Совет национальных товариществ Украины, Ассоциация национально-культурных объединений Украины, Конгресс национальных общин. В разных регионах Украины функционирует почти 100 центров национальных культур, деятельность 12-ти из них финансируется из местных бюджетов. Действуют государственные общеобразовательные школы с преподаванием на украинском, русском, крымско-татарском, венгерском, польском, молдавском и румынском языках.

В нашей стране также действуют около 90 негосударственных национальных культурно-образовательных центров меньшинств (воскресных школ и т. п.), в которых, в частности, изучаются азербайджанский, белорусский, болгарский, армянский, еврейский, караимский, корейский, крымчацкий, молдавский, немецкий, новогреческий, польский, ромский, татарский, чешский языки, литература, история, культура, традиции этих народов.

Главным инструментом политики поддержки этнокультурного разнообразия и сохранения культурной идентичности разных этнических групп Украины является бюджетное финансирование мероприятий и инициатив, направленных на представление культур разных

этносов, в частности – художественных выставок, фестивалей, концертов, конкурсов и других массовых культурных мероприятий.

Во многих областях Украины осуществляются региональные целевые программы, направленные на сохранение и развитие этнической, культурной и языковой самобытности национальных меньшинств, проживающих в этом регионе, созданы областные общественные советы национально-культурных сообществ.

Важной формой работы, направленной на сохранение культурного разнообразия Украины, является популяризация культур разных народов и этносов Украины на базе государственных и коммунальных культурных учреждений (музеев, библиотек, филармоний, театров и др.). В частности, в 360 библиотеках Украины работают отделы литературы на языках меньшинств. На базе этих библиотек действуют “литературные гостиные”, читательские клубы, проходят массовые мероприятия, посвященные популяризации культурного наследия разных этносов Украины, их языков и литератур, традиций и обычаев. Формирование электронной библиотеки “Культура Украины” также способствует интеграции культур этносов Украины в европейское и мировое информационное пространство, представляя в мировой сети их культурное наследие.

Украинское государство также предоставляет финансовую поддержку прессе и книгоизданию на языках национальных меньшинств.

Подытожить этот краткий обзор украинского опыта в области этнополитики и сохранения культурного разнообразия мне хотелось бы выражением уверенности в том, что залогом развития культуры является сохранение и популяризация каждым народом, каждым национальным государством своего собственного культурного наследия, его многообразия и уникальности.

Internationalisation of the universities – a process supporting mutual understanding

Globalisation, demographic changes and new technologies affect universities. The increasing participation of non-academics in curricula development as well as study and internship abroad opportunities create more demanding students, who consider their education as a step toward international or cosmopolitan careers. The development of online and massive education through MOOCs (Massive Online Open Courses) has caused higher education to become more widespread and accessible than ever before. If we assume that higher education institutions compete with one another, we need to be aware that a large amount of research and a great number of students and staff are not enough to guarantee a university a place in the world's first league in today's world. We should recognise that education has become a global issue, which must be considered in the context of multi-cultural and multi-national relations.

Historical review

If we look back at the history of higher education institutions, we can observe that early medieval universities were not homogeneous. Of course, they were also not international in the modern sense of the word, as the concept was unknown at that time. Nevertheless, the first European universities, which were established in Bologna, Paris and Oxford attracted students and teachers from all over Europe. The limited number of universities and their locations encouraged prospective students to make “academic pilgrimages” (Rüegg, 1992, pp. 280-282). In the fourteenth and fifteenth centuries, university recruitment became more regionalised and was limited. However, its greatest era was yet to come with Italian humanism. Because the humanist advice “to finish education by travelling in Europe” was understood literally, the sixteenth and seventeenth centuries were the time of the “Grand Tours” (Rüegg, 1996, p. 436). Students' motivations differed. Some were eager to study new subjects, such as mathematics and fortifications or literature and the plastic arts. Others (especially Scandinavians) were looking for European culture and/or scientific and economic progress. Finally, there were those who were interested in obtaining (or simply buying) an academic degree. The fashion for studying abroad waned during the Enlightenment. In the eighteenth century, mobility was mainly internal and limited to the few institutions that offered modern education. From the nineteenth century, foreign students became a quantitative indicator for measuring the potential of a university. Bearing this in mind, we should quote some numbers. The largest increase in the number of foreign students occurred in France and was as follows: 7% of foreign students in 1900, 13% in 1920 and 22% in 1930 in relation to the total number of students (Rüegg, 2004, pp. 426-427). However, major changes on the map of European mobility took place in the 1980s.

Although the historical review is limited to one manifestation and is only presented briefly due to the nature of the text, it shows that international relations underlie institutions of higher education. It also clearly exposes the impact of culture on the development of universities and vice versa.

According to Hans de Wit (2002), the author of *Internationalisation of Higher Education in the United States of America and Europe, A Historical, Comparative and Conceptual Analysis*, the international dimension of higher education in the period from the end of the Renaissance to the beginning of the twentieth century was “rather incidental and individual” and should be considered more as academic colonialism (mainly because of the export of higher education models from Europe to other continents) rather than internationalisation.

Nevertheless, no matter how we define the aforementioned phenomena, there is no doubt that higher education was one of the most important tools – second only to trade – that could be used to build relations between nations and spread ideas the world over.

Internationalisation of higher education

Before the term “internationalisation” was applied to the education sector, it had been used mainly in a political context for many years. It began to be used to refer to international education in the early 1980s, although there were many other concepts that were used to describe the increasing number of “foreign” ventures undertaken by universities (Knight, 2005). Jane Knight created a universal definition of internationalisation:

“Internationalization at the national, sector and institutional levels is defined as the process of integrating an international, intercultural, or global dimension into the purpose, functions or delivery of postsecondary education” (Knight, 2003, p. 2).

In other words, internationalisation is an integrated process that covers all present and future, individual and collective actions that are related to or that affect higher education. Thus, the implementation of the idea of internationalisation should be manifested through activity, competency, ethos and process. In practice, this means: (1) the promotion of activities such as exchange programmes, technical assistance, curricula development; (2) changes in the skills, values, knowledge and attitudes of students, academics and administrative staff; (3) the development of a culture and a climate that support internationalisation; and (4) the integration of international aspects with the management of the institution (Knight, 1999, pp. 13-28).

Nowadays, it is impossible to think about higher education without thinking about internationalisation. These two concepts interpenetrate each other. If we combine them with the idea of growth, we will get a simple recipe for all higher education institutions that state that development is the primary goal of their strategies. The question is – what kind of growth are we thinking about?

Approach to internationalisation

According to the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD), there are four different approaches to cross-border education (OECD, 2004). Three of these – skilled migration, revenue generation and capacity building – are quite new and their development is driven by the economy. The last – mutual understanding – has its roots in the worlds’ history of geographical discoveries, conquests, wars and migrations.

The internationalisation of higher education, as seen from the perspective of economics, evokes mixed feelings. The idea of attracting skilled students and teachers, who can contribute both to the host university and the host country’s economy, certainly brings tangible material benefits. It is also quite easy to evaluate how a university’s income rises thanks to individuals who are recruited on a full-fee basis.

When Denmark and Sweden, which for many years offered tuition-free higher education for everyone regardless of nationality, implemented tuition schemes, international enrolment decreased dramatically. In response to that, new scholarship programmes that were dedicated to highly qualified international students were launched in both countries (West 2013, pp. 34-43). Moreover, the introduction of tuition fees put Danish and Swedish universities into competitive positions and resulted in the launch of a strategy for promoting the countries as education destinations.

We need to agree that higher education institutions compete on a global educational market. Fortunately, however, their social obligation to provide knowledge does not allow them to forget that equal treatment, quality assurance and the problem of brain drain is as important as branding and income.

It is not difficult to come across foreign students who appear on a university campus in the middle of the year. However, in order to see the consequences of this simple fact, we should look deeper into university fabric. The internationalisation of universities, which is seen as a process that leads to the creation of multicultural teaching groups and provides foreign experience, refers to the problem of cultural diversity.

Work in a multicultural group requires a cross-cultural competence, which is “*a complex of abilities needed to perform effectively and appropriately when interacting with others who are linguistically and culturally different from oneself*” (Fantini, 2006).

The diversity of people of different backgrounds and socio-cultural values who meet in one class should be considered both as added value and as an obstacle when providing knowledge. This problem also relates to academic mobility. Exchange students and visiting professors are directly exposed to a “*culture shock*” experience – as Kalervo Oberg defined the process of adjustment to the new cultural environments (Oberg, 1960).

When dealing with multiculturalism, universities use a number of tools which serve the academic community. There are immersion programmes, which usually include language classes that are designed for incoming students as well as support groups, which help students to put the experience they gained abroad within the frame of a learning outcome. Many universities have their own diversity strategies and provide training courses in diversity management to both administrative staff and academics.

A humanistic approach to internationalisation is captured in the concept of better understanding (of different cultures, ideas and values). A humanistic approach to the internationalisation of higher education could be defined as opposition to the economic approach in many cases. However, it is impossible to separate these two concepts. Building the capacity of a region or a country is based on the individual competencies of students, graduates, teachers and researchers. It is the result of many human activities.

The human factor!

In the process of internationalisation there are no simple relations between the number of foreign students or international accreditations and quality. We cannot blindly believe that academic rankings that measure visibility on the Internet or that count the number of international agreements create a league table that accurately shows the internationalisation of an institution based on quality. Quantity outcomes never capture “*the human key intangible performance of students, faculty, researchers and the community that bring significant benefits of internationalization*” (Knight, 2011, p. 14-15).

From my perspective as a person who works with foreign students and helps them to solve everyday problems in a way that produces the best possible results, internationalisation is only a word whose definition should be rethought along with the activities that are undertaken. International relations are always more or less involved in defining and understanding one’s own culture, identity and attitude toward the world and its various manifestations. The approach of developing a better understanding seems to be the best way to capture individuals with their cultural background, rather than ideas with their political or economic demands.

A global issue

Nowadays student exchange is commonplace worldwide and is steadily growing. In 2012 Erasmus, the world’s most successful student exchange programme, celebrated its 25th anniversary. Since its beginning in 1987 more than 2.2 million students have taken the opportunity to study abroad (European Commission. Education & Training, 2010). Just to compare, according to the OECD (2011) in 2009, almost 3.7 million tertiary students were enrolled outside their country of citizenship. This shows the scale of “*educational migration*” in Europe and the world.

At the same time, we can observe the enormous interest in MOOCs – online, interactive, large-scale, open courses – a recent development in distance education. MOOCs deal with subjects ranging from business through public health to engineering (edX, 2013) and they are all participatory. A MOOC is more than e-learning, it is “*an event*” that connects people and ideas. “*One of the outcomes that people get from the course are a network of connections they built up through engaging to each other*” – is a quote from a video introducing MOOCs (Cormier, Gillis, 2010). Massive Open Online Courses reach students, who for whatever reasons, are unable to enter university. Course enrolment

is growing so quickly that it is impossible to know the exact number of participants (Shumski, 2013). According to Forbes, Coursera – one of the leading course providers – has already attracted 4 million students (Anders, 2013); while the MIT-Harvard MOOC collaboration, which is called edX, has more than a million users (Marcus, 2013).

To see the scale of this initiative, we should realise that only four MOOCs that are delivered by California Institute of Technology (Caltech, 2013) attract 300.000 online students from more than 100 countries and only 300 full-time students.

Those two examples conclusively show that higher education is a global issue. It unites individuals from different social and cultural backgrounds; builds relations between students and teachers and supports the “establishment” of communities, which sometimes are only virtual ones. We have reached the point where one does not need to go abroad to have a “study abroad” experience.

New lesson

Stating that higher education is a global issue is definitely not enough; we should also realise what the consequences of that fact are. Education goes hand in hand with new technologies and the results of this relationship are easy to notice. Pencils and paper have been replaced by personal computers, hand-outs have become online presentations and lectures can be repeated a million times in different places around the globe.

Exchange programmes also have a significant influence on reality. The Bologna Process, along with the establishment of the European Higher Education Area (EHEA), can be seen as the answer to the range of cross-cultural meetings of individuals wishing to study (abroad). The main idea behind EHEA is the overall convergence of higher education systems; however, it was launched with respect of the autonomy and diversity of individual universities. I agree with Umberto Eco, who finds Erasmus mobility as an incentive to think about a European identity:

“The university exchange programme Erasmus is barely mentioned in the business sections of newspapers, yet Erasmus has created the first generation of young Europeans. I call it a sexual revolution: a young Catalan man meets a Flemish girl – they fall in love, they get married and they become European, as do their children. The Erasmus idea should be compulsory – not just for students, but also for taxi drivers, plumbers and other workers. By this, I mean they need to spend time in other countries within the European Union; they should integrate” (Riotta, G., 2012).

I believe that Eco's observation could be extended to other initiatives that are undertaken by universities. Taking into consideration the operating range of higher education institutions, we cannot remain indifferent to their impact on the globalised world. We should use the opportunity that universities provide and try to shape our communities.

Over the centuries many cultural, political and religious concepts have been extended through education institutions. If we learn from history, mutual understanding should be our next lesson.

Avoid a clash of civilisations

If the world is driven by the economy, politics and religion, why can it not be driven by education? Nowadays, higher education reaches the entire globe and covers all of the important issues that stimulate human development. Universities are designed to “produce” and spread knowledge, to serve the society, to stimulate scientific and technical development with respect to the humanistic tradition, to influence culture and finally to teach individuals how to interact with the Others.

Ş. İlgü Özler states that the role of higher education is to build a collective consciousness and to create global citizens:

“In an increasingly interconnected world, the internationalisation of higher education is key to educating students about global issues and helping to create a common human bond. The world faces daunting challenges in peace and security, human rights, climate changes and sustainable economic development. These challenges cannot be resolved by a single state in isolation. To address them we

need a new cosmopolitan vision, with a common human identity and a sense of global citizenship displacing our understanding of relations between citizens of 'foreign' countries” (Özler 2013, p. 13).

The university in a natural way promotes cultural diversity in a natural way. It is a space for dialogue, a meeting point for countless ideas, opinions and points of view. On the one hand, it is a space for exchanging ideas, but on the other – it is a place where various solutions can be confronted.

The university builds a community but at the same time the community creates the university. That is why today's higher education is international, multicultural, cross-border and global. Universities affect not only students, academics and administrative staff, but also the economy, which – as we all agree – should be based on knowledge.

In an article published in 1993, Samuel Huntington presented the hypothesis that the problem of cultural diversity might cause a “clash of civilisations”:

“It is my hypothesis that the fundamental source of conflict in this new world will not be primarily ideological or primarily economic. The great divisions among humankind and the dominating source of conflict will be cultural. Nation-states will remain the most powerful actors in world affairs, but the principal conflicts of global politics will occur between nations and groups of different civilizations. The clash of civilizations will dominate global politics. The fault lines between civilizations will be the battle lines of the future” (Huntington 1960, p. 22).

I share the author's concern. The world is faced with many conflicts and the problem of identity has become as global as higher education. Self-awareness increases and leads to questions about one's relationships with the others. We should remember that not only heritage and background but also education and socialization have an influence on one's view. Moreover, all of it should lead us to the question of mutual understanding.

I find the university as a guardian of those values that are understandable and acceptable to many cultures. The internationalization of higher education should support the creation of a multicultural environment both within university walls and outside of them. It is high time to re-think what mutual understanding means and to re-build university strategies to open them up to global issues. Universities should not only research and teach, but should also affect humanity. When we realize the consequences that might appear when cultural diversity becomes a problem to deal with, we should immediately return to the mission of universities. There we will find that the role of a university is more than teaching and researching. I truly hope there is no doubt that: *“The importance of education and educational co-operation in the development and strengthening of stable, peaceful and democratic societies is universally acknowledged as paramount” (Bologna Declaration, 1996).*

References

Anders G., (2013, July, 10). Coursera Hits 4 Million Students And Triples Its Funding, [online]: Forbes. Available at: <http://www.forbes.com/sites/georgeanders/2013/07/10/coursera-hits-4-million-students-and-triples-its-funding/> [Accessed 28 September 2013]

Caltech MOOC Report April 2012 – April 2013. (2013). [online] Available at: http://www.youtube.com/watch?v=g6sJ-q6WmzY&feature=player_embedded [Accessed 28 September 2013]

Cormier D., Gillis N. (2010). What is a MOOC?, [online]. Available at: <http://www.youtube.com/watch?v=eW3gMGqcZQc> [Accessed 28 September 2013]

De Witt, H. (2002). Internationalisation of Higher Education in the United States of America and Europe, A Historical, Comparative and Conceptual Analysis. Connecticut: Greenwood Press.

EdX (2013). About us, [online]. Available at: <https://www.edx.org/about-us> [Accessed 28 September 2013]

European Commission. Education & Training. (2010). The ERASMUS Programme – studying in Europe and more. Available at: http://ec.europa.eu/education/lifelong-learning-programme/doc80_en.htm [Accessed 28 September 2013]

Fantini, A. E. (2006). Exploring and assessing intercultural competence. Saint Louis: Washington University, Center for Social Development. Available at: http://www.sit.edu/publications/docs/feil_research_report.pdf [Accessed 28 September 2013]

Huntington S. (1993). The Clash of Civilizations?. *Foreign Affairs*, vol. 72, no. 3 (Summer 1993), p. 22-29.

Knight J. (2003). Updating the Definition of Internationalization. *International Higher Education*, 33.

Knight J. (2011). Five Myths about Internationalization. *International Higher Education*, 62.

Knight, J. (1999). Internationalisation of higher education. In: H. de Witt and J. Knight, ed. 1990. *Quality and internationalisation in higher education*. Paris: Organisation for Economic Co-operation and Development.

Knight, J. (2005). Borderless, offshore, transnational and crossborder education: Definition and data dilemmas, London: Observatory for Borderless Higher Education.

Marcus J. (2013, September, 12). All Hail MOOCs! Just Don't Ask if They Actually Work, [online]: Time. Available at: <http://nation.time.com/2013/09/12/all-hail-moocs-just-dont-ask-if-they-actually-work/#ixzz2gBqdLq00> [Accessed 28 September 2013]

Oberg, K. (1960). Culture shock: adjustment to new cultural environments, *Practical Anthropology*, 7, pp. 177-182.

OECD (2011). Education at a Glance 2011: OECD Indicators, OECD Publishing. Available at: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2011-en> [Accessed 28 September 2013]

OECD. (2004, August). Policy Brief: Internationalisation of Higher Education. [online] Available at: <http://www.oecd.org/dataoecd/33/60/33734276.pdf> [Accessed 28 September 2013]

Özler İ. Ş. (2013). Global citizenship versus diplomacy: internationalization of higher education with a collective consciousness. *EAIE Conference Starter. 2: Weaving the future of global partnerships*, Amsterdam: European Association of International Education.

Riotta, G. (2012). Umberto Eco: 'It's culture, not war, that cements European identity'. Guardian, [online] 26 January. Available at: <http://www.guardian.co.uk/world/2012/jan/26/umberto-eco-culture-war-europa> [Accessed 28 September 2013]

Rüegg, W. ed. (1992). History of the University in Europe, Volume 1: Universities in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge University Press.

Rüegg, W. ed. (1996). History of the University in Europe, Volume 2: Universities in the Early Modern Europe (1500-1800). Cambridge: Cambridge University Press.

Rüegg, W. ed. (2004). History of the University in Europe, Volume 3: Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800-1945). Cambridge: Cambridge University Press.

Shumski D. (2013, August, 15). MOOCs by the numbers: How do EdX, Coursera and Udacity stack up, [online]. Available at: <http://www.educationdive.com/news/moocs-by-the-numbers-how-do-edx-coursera-and-udacity-stack-up/161100/> [Accessed 28 September 2013]

West C. (2013). To Charge or Not to Charge? That is Tuition, *International Educator*, vol 22, no. 4.

The author

Joanna Laskowska is a PhD student of Culture Studies at the University of Silesia in Katowice, Poland. Her scientific interests include: cultural diversity, intercultural and cross-cultural communication, the internationalisation of higher education. Since 2007 she has been employed at the Department of International Relations at the University of Silesia in Katowice. Since 2011 she is Head of International Students Admissions Office. She represents University of Silesia in Katowice in Silesian Universities Network (SUN).

How can Art unframe your mind ? or The Quest for an Original Global Art

At the mention of multiculturalism, two things come to mind: first, multiculturalism impact on Art and second, Baku, historical capital of multiculturalism.

I shall stress in this paper the beneficial impact of Art on multiculturalism and will talk about the emergence of Global Art in the last 30 years. Then explain Why Art ? since the dawn of humanity. How brains scans, neuro imagery explain Art. How different cultures's art histories, their merger and our multiculturalism create new pathways in the brain leading to the creation of original Art.

The Art world was historically divided between Western Art and Ethnic Arts. But, in 1984, Arthur Danto the famous American art critic and philosopher condemned Western Art in his article "The End of Art", Art was killed by its self-referentialism: That is Art just talking about Art.

Yet, a few years later, with the fall of the Berlin Wall and the opening of China, an explosion of Art emerged from all the cultures worldwide, insufflating new winds in the Art World globally, revoking the possibility that Art was dead... Arthur Danto wrote a new book "What Art is". He proclaims the existence of "Universal Art": Art that has meaning, Art that embodies an idea. Global Art was born.

But in a Newsweek article on the 2013 Venice Biennale entitled "Modern Art's Last Gasp", its author, Blake Gopnik, melancholically states "that there is no real way forward for Art, because Art in all its permutation seems to have exhausted itself. Whatever ambitions a work of Art may have it ends up being more of the same." He asks us, "Has all the Art in the world been made?"

In this essay, I answer ...no! and ask: How can we be original again? How can humanity today, with its vast multi-cultural influences, create a new paradigm in Art?

So Why art? Why humans are lifted when perceiving original art?

There is a similarity between the immediate effects of art on humans in every evolutionary state. Our Pleistocene forebears evolved in a universal manner, independently of ethnographic location. We can understand our common ancestors relationship with art with the philosopher Dennis Dutton who declares in his book entitled "The Art Instinct": "There is a universality of artistic tastes, which is cross cultural: the so called Darwinian aesthetics. While natural selection results from the struggle to survive, sexual selection emerges from the struggle to reproduce and thus the need to seduce with enticing qualities such as particular skills or beauty (the most famous example are a peacock's feathers). Skills and beauty are adaptive effects which we extend and intensify in the creation and enjoyment of works of Art." It is for this reason that we are lifted when perceiving Art.

Later on, were the Greeks... the Greek ! Plato divided the world in two spheres of ideas which he called forms. He saw Art as a minor form: a modest imitation of nature, nevertheless... Plato also conventionalised the desire for beauty as one of the highest forms, I make a parallel between his desire of beauty and Darwin's attraction to beauty.

During the Renaissance, the Western World adopted its Greek forefathers' ideals: the perception of art as a mere imitation of nature. And it was not until 1790, with Kant's "The Critique of Judgment" that a new idea of Art evolved: the idea that Art contributes to beauty. The modern notion of aesthetics was thus formed as well the idea of its capacity to be uplifting for the mind. This idea of aesthetic prevailed until 1917, when a paradigm in the Art world happened with Duchamp's famous "Fountain". Duchamp accompanied it by the declaration: "Aesthetic delectation is the danger to be avoided." So no more aesthetics, just thoughts... Conceptual Art was born. Yet... if one equates an original, an intelligent thought with a "skill", one can make of it, along with beauty, one of the praised qualities of the Darwinian sexual selection theory.

We can prove this uplifting effect of skills...of original Art, on the brain by the studies in neurobiology and neuro-aesthetics. These studies illustrate the conscious and unconscious processing of the brain when presented with different visual stimulants.

Professor Zeki of UCL published a ground-breaking paper on beauty and the brain⁵, his research graphically illustrates the variations in viewer brain activity when exposed to diverse works of art. Basically: two things happen conjointly in the brain when confronted to a particular visual stimuli. The first one is this impact of aesthetics: the objective appreciation of beauty. This aesthetic judgment is processed in the outer cortex and the insula.

The second one is the subjective impact of a work of art on the brain.. It is visceral, splanchnic, activating the amygdale and the deep emotional circuitry made by personal emotional experiences. The idea of what religious belief might activate in the brain is a good example. Art history starts with the first universal animist religions who believed that spirits inhabited their sculptures. Viewers of their art perceive the sacred and magical context in the intricacies of the visual symbols

With respective ethno-graphic evolution on different areas of the globe, this Mystic Art gave way to different forms of Religious Art, all related to deep inward feelings rather than intellect.

The West saw the advent of Christianity with Medieval Art, where humans believed in “the redemptive capacity of images to help us live and die,”. Christian paintings obviously and ostentatiously depicted sorrow with “Crying Madonnas” and delight with... ”Madonnas”.

In Islamic Art, display of emotion is somewhat more dignified. Arabesque motifs are “often used to symbolize the transcendent, indivisible and infinite nature of God.

Crying Madonnas and Arabesque motifs have something in common. Both Christian and Islam religious traditions share Art as a means to an end.

In the Far East though, with Confucianists, “Art is to be treated as an end, never as a means”.

This artistic perception is the biggest dichotomy between East and West. To explain it more clearly, I can employ the example that Danto used in his book “Disenfranchisement of Art”. In the representation of a Buddhist spiritual itinerary the eighth picture is an empty circle: in the neoplatonic tradition it could represent a moon in the sky, in Zen art, it represents the impending enlightenment.

Insofar as there is an analogy between cultures and works of art, I shall address the question: what is the impact of all this in a Global Art World?

Thomas McEvilly says today that “Art has more to do with clarifying cultural identity than with aesthetic feeling”.

In an article published in May 2013 in Social Psychological and Personality Science, psychologists evoke “today’s diverse society which includes culturally rich environments that contain cues pertaining more than one culture. The bicultural experience shapes and enhances cognitive processes, such as creativity. This effect is particularly evident among bi-cultures who blend their two identities.”⁷.

But even if “Art production today is turning into culture production”⁸. we also and paradoxically partake in a unity of worldwide multiculturalism. For example, due to the broad influence of the urban way of life, Australia’s aborigine artists as supported by The New Museum of Contemporary Art are required to be city-based...

I witness the metamodernist bridge between Western and Eastern Art in my artist practice with artworks that transcend and refute the traditional Western duality morphing it soothingly into the yin-yang of the East.

But what is the real impact of multiculturalism on the originality of our thoughts?

According to Dr. Michael Merzenich there is growing evidence which point to brain plasticity. “Our individual skills and abilities are very much shaped by our environments. That environment extends into the contemporary culture our brain is constantly challenged with. What we've done in our personal evolutions has built up a large repertoire of specific skills and abilities that are specific to our own individual histories. The brain refines its machinery under behavioural control, that is what you pay attention to, what is rewarding to you, It's all about cortical processing and forebrain

specialization. And that underlies your specialization which is the basis of our real differentiation, one individual from another.”⁹

If you take into account the brain plasticity and the ideational fluency – that is, the new pathways, inspired by biculturalism – there are grounds for increased originality in the production of Artworks.

Nevertheless, due to urbanization, one also cannot escape what sociologists call the “McDonaldization” of society. I’d rather coin the term “Vuittonization” of society today, in reference to the Vuitton shops worldwide who deploy their vitrines with Art installations. In the spirit of embodied cognition, and in an anthropological remembrance of the caveman who wore the furs of the animals they painted, some wear the artist KUSUMA white on red dots that Vuitton launched in its 2012 spring-summer collection. Art & fashion just like in the old cavemen days.

The global fashion and entertainment powerhouses choose to globally distinguish themselves from one other with Art. Art is going out of the Museums and in the streets worldwide. This increasingly universal exposure to Art will influence us all epigenetically and thus enhance our creativity.

Considering the question how can Global Art lift the mind, I shall answer that the “Why” and the “How” are not absolutely important. To quote Korean author Young-Ha-Kim, “Art is the ultimate goal”.¹⁰

So where will Art go from now? We do not know. Art responds to the Now. It is the ultimate expression of merger between emotional and historical existentialism. That is the beauty of it.

That said, if something must point to a new direction, I would talk about one the most current paradigmatic Artist...Jonathan Harris. His Artwork “we feel fine” scans the world’s newly posted blog entries searching for the phrase “I feel”. The feelings from the last few hours of the English-speaking world’s are presented as blinking dots. Worldwide feelings as Global Art.¹¹

I wanted to conclude this paper with the forays of neuropsychology who brought out the discovery – by Professor Vittorio Gallese from University of Parma – of the mirror neurons between two individuals. This heightens the role of empathy and of communication rooted in humanity. Art is communication. This opens a bigger window to the future of Art’s role in the ongoing evolution of a multicultural Humanity and Original Civilization.

But I was given the chef d’œuvre “Ali and Nino” by Kurban Said alias Lev Nussibaum. Citizen of Baku, a man known as “the Orientalist” who extended the boundaries of multiculturalism so far that he could not content himself with even one identity. Evoking Lev’s Baku before the 1st World War: “this fantastic world of the highest cultural and human aspirations –the hope of the total merger of East and West into something new and modern-which existed but for a moment in time. Can you imagine it ? ”¹²

And this my friends is what we aspire to.

Bibliography

1. Newsweek June 17 2013 “MODERN ART’S LAST GASP” by Blake Gopnik
2. DENNIS DUTTON, The Art Instinct
3. The Blind Man # 2, May 1917.
4. ARTHUR C. DANTO: Philosophical disenfranchisement of art
5. Human World Feb 03, 2012 Semir Zeki: Beauty is in the brain of the beholder
6. ARTHUR C. DANTO: Philosophical disenfranchisement of art ref: Munataka
7. Social Psychological and Personality Science May 2013 vol. 4 no. 3 369-375: Multiculturalism and Creativity, Effects of Cultural Context, Bicultural Identity, and Ideational Fluency
8. HANS BELTING, The Global Art World
9. Dr. Michael MERZENICH “Growing evidence of brain plasticity” TED CONFERENCE
10. YOUNG-HA-KIM Be an artist, right now! TED CONFERENCE
11. Jonathan HARRIS “The web as art” TED CONFERENCE
12. Tom Reiss “The Orientalist”

Kevin MacDonald
Department of Psychology
California State University – Long Beach
Long Beach, CA 90840-0901

Multiculturalism and the Racialization of Politics in the West

My background is in evolutionary psychology. Evolutionary psychologists study how the human mind has been shaped by the needs of survival and reproduction over long expanses of evolutionary time. When we look at how the human mind actually evolved, there are troubling implications for multiculturalism.

Social identity theory

There are several systems that are relevant for how people respond to others from different groups, but I think the most important one stems from social identity theory.¹ An early form of social identity theory was stated by 19th-century anthropologist William Graham Sumner, who concluded:

Loyalty to the group, sacrifice for it, hatred and contempt for outsiders, brotherhood within, warlikeness without—all grow together, common products of the same situation. It is sanctified by connection with religion. Men of an others-group are outsiders with whose ancestors the ancestors of the we-group waged war. . . . Each group nourishes its own pride and vanity, boasts itself superior, exalts its own divinities, and looks with contempt on outsiders. Each group thinks its own folkways the only right ones, and if it observes that other groups have other folkways, these excite its scorn.²

This essentially states that for humans, identifying as a member of an ingroup is a source of conflict with other groups. We are all aware that around the world there are many countries that are engulfed in conflict stemming from religious and ethnic differences—from different social identities. Right now the civil war in Syria is a good example, pitting Sunnis against Shiites, and within these larger groupings there are particular ethnic groups, such as Alewites, Arabs, Kurds, Druze, and Assyrians. Azerbaijan is no stranger to ethnic conflict, as in the war with Armenia over Nagorno-Karabakh.

In Libya, Iraq and Afghanistan, American military interventions were justified to the American people and to the world in moral terms – as promoting democracy and human rights. However, the results have done nothing to reduce the ethnic and religious divisions within these societies, and there is no end in sight for armed conflict and terrorism. After 10 years of occupation by American forces, we read about daily bombings in which dozens of people die.

Nevertheless, the ideology that multiculturalism is a superior form of social organization is dominant among American elites and throughout the West with the result that these societies are actively seeking to have increasing ethnic diversity. Those of us who oppose this policy are labeled as “racists” and “haters,” but the belief that increasing diversity is linked to greater conflict is well established by scientific research.

There has been a substantial amount of psychological research related to groups. A study by Sherif et al. is classic.³ They found that when randomly chosen groups of boys engaged in between-

¹ Kevin MacDonald, “An Integrative Evolutionary Perspective on Ethnicity,” *Politics and the Life Sciences*, 20, 67-79, 2001; J. Tullberg. And B.S. Tullberg (1997). “Separation or Unity? A Model for Solving Ethnic Conflicts.” *Politics and the Life Sciences* 16:237-48; Johan van der Dennen, “Of Badges, Bonds, and Boundaries: In-Group/Out-Group Differentiation and Ethnocentrism Revisited.” In K. Thienpont and R. Cliquet (eds.), *In-group/Outgroup Behavior in Modern Societies: An Evolutionary Perspective* (The Netherlands: Vlaamse Gemeenschap/CBGS, 1991).

² William Graham Sumner, *Folkways* (New York: Ginn, 1906), 13.

³ M. Sherif, O. Harvey, B.J. White, W.R. Hood, and C. Sherif, *Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers’ Cave Experiment* (Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1961).

group competition, group membership became an important aspect of personal identity. The groups developed negative stereotypes of each other and were transformed into groups of “wicked, disturbed, and vicious” children.¹

Remember, these groups were randomly chosen and therefore much less emotionally compelling than naturally occurring ethnic or religious groups where people are born into them and have a long history of being socialized within the group. It’s clear from this study that fear and dislike of outgroups are easily developed.

Social identity research shows that people are highly prone to identifying themselves with groups. There is a tendency to conceptualize both ingroups and especially outgroups as more homogeneous than they really are. That is, we ignore differences among outgroup members and we exaggerate their negative qualities. The stereotypic behavior and attitudes of the ingroup are positively valued, while outgroup behavior and attitudes are negatively valued.

The result of these categorization processes is discrimination in favor of the ingroup; beliefs in the superiority of the ingroup and inferiority of the outgroup; and positive emotional preference for the ingroup and negative feelings directed toward the outgroup. We see these things even in randomly constructed groups, but these tendencies toward ingroup cohesiveness and devaluation of the outgroup are exacerbated by real conflicts of interest between naturally occurring groups.²

Thus ingroup favoritism and discrimination against outgroups occur even in so-called minimal group experiments, i.e., experiments where groups are constructed with no conflicts of interest, or indeed any social interaction at all. Even when the experimental subjects are aware that the groups are composed randomly, subjects attempt to maximize the difference between the ingroup and the outgroup, even when such a strategy means they would not maximize their own group’s rewards. The important goal seems to be to outcompete the other group.

These studies attest to the power of “groupness” in the human mind—the tendency for even the most randomly constructed groups to elicit discrimination against outgroups. The implication is that ethnic- and religious-based groups, which are not at all randomly constructed, have much stronger tendencies toward negative attitudes toward outgroups.

These results have ominous implications for contemporary societies. It is one thing to encourage multiculturalism in a society with a large and stable ethnic majority. I am all for treating minorities equitably and without discrimination. There is no question that legal prohibitions and mass media messages can have the effect of blunting the most extreme forms of intergroup conflict and hostility resulting from social identity processes.

However, it is quite another thing to encourage multiculturalism as an ideology of mass immigration that will make the former majority into a minority. Under these circumstances, the majority will be rightly concerned about loss of sovereignty and fear of domination by other groups.

This bears emphasis. Throughout many parts of the world, particularly in the Middle East, there are multiethnic societies. In many cases these groups have lived together for hundreds of years, not always harmoniously but far more commonly in relationships of dominance and subordination. In the contemporary world, we see some of the governments of such societies loudly proclaiming their commitment to multiculturalism and their historical diversity. For example, Azerbaijan speaks proudly of its commitment to peaceful tolerance of non-Azeri ethnic groups. But no Azeri would advocate an immigration policy that would admit other peoples so that the Azeri majority would become a minority. Recently, Azerbaijan has announced that it will pursue any and all means to regain the Nagorno-Karabakh region taken by Armenia 20 years ago. One million Azerbaijanis left the area rather than be ruled by the Armenians. For their part, the Armenians have destroyed historical monuments and other cultural remnants of the Azeri presence in the area. These Azeris have implicitly rejected a

¹ M. Sherif, *In Common Predicament: The Social Psychology of Intergroup Conflict* (Boston: Houghton-Mifflin, 1966), 85.

² Harry Triandis, 1995. *Individualism and Collectivism* (Boulder, CO: Westview Press).

multicultural solution in which they would be a majority dominated by an Armenian minority—for good reason.

Historically, there are many such multicultural situations that have led to one ethnic group dominating others. It is certainly understandable that ethnic groups would fear being dominated by other groups which would result if there were a change in the ethnic status quo. In many parts of the world, there are bitter memories and a long history where one group dominated another.

Right now Syria is dominated by a Shiite Alawite minority that was persecuted for centuries by a Sunni majority. This creates an unstable situation where ethnic/religious conflict is likely to emerge, with horrific consequences for the side that loses. Given this situation, no one should be surprised that there is a civil war raging in Syria or that the Alewites will fight to the end to hang onto power because they know the consequences of becoming an ethnic minority dominated by other ethno-religious groups. Indeed, it has been widely reported that a slogan among the rebels is “**Christians to Beirut, Alawites to the grave.**”¹ In the background of such conflicts looms the possibility of expulsion and genocide.

The west opts for multiculturalism

Despite the long history of ethnic and religious conflict between groups, the West has embarked on a path of officially promoting high levels of immigration of ethnic groups from around the world. Population projections in many Western countries, including the United States, show that as a direct result of these policies, the traditional peoples of these areas will be minorities in societies dominated by their ancestors, in the case of Europe, for thousands of years.

This revolution has been a top-down revolution: the impetus for the shift toward displacement-level immigration and for multiculturalism has come from elites centered in the media, academia, and politics. This has been true throughout the West. For example, in America polls of European-derived peoples, who formed approximately 90% of the population 50 years ago, have consistently opposed non-White immigration. The Immigration and Naturalization Act of 1965 which opened the door to non-European immigration, was specifically advertised as having no effect on the ethnic balance of the country. However, immigration policy was formulated by political elites and strongly favored by the media, non-White ethnic lobbies, the academic world, and some business interests. Individuals who opposed these policies are labeled “racists” and “extremists” and they are depicted as psychiatrically impaired and immoral.

They are also in danger of losing their jobs or even going to prison. Throughout the West, there are strong sanctions against people who violate the norms of “political correctness.” People who publicly disagree with multiculturalism and displacement-level immigration or criticize non-White ethnic groups or call attention to the power of certain ethnic groups have lost their jobs or had major setbacks in their careers. In many Western countries but not the United States, there are laws against publicly expressing such attitudes, resulting in fines or prison sentences for those who violate these norms.

The sanctions against violating the norms of political correctness have resulted in a gap between people’s explicit, conscious attitudes on race and their implicit, unconscious attitudes.² Explicit attitudes are publicly stated beliefs about another group. White American College student typically exhibit pro-Black attitudes on tests where they are explicitly asked about their opinions. For example, one study found that Whites scored 1.89 on a six-point scale, with 1 meaning strongly pro-Black, and

¹ “Alewhites spurned by rebels in Syria,” Washington Times, July 31, 2012.

<http://www.washingtontimes.com/news/2012/jul/31/alawites-spurned-by-rebels-in-syria/?page=all>

² See discussion in Kevin MacDonald, “Psychology and White Ethnocentrism.” *The Occidental Quarterly*, 6(4), Winter, 2006-07, 7-46.

<http://www.kevinmacdonald.net/WhiteEthnocentrism.pdf>

6 being strongly anti-Black.¹ These positive attitudes are partly because Whites are well aware of the negative consequences of expressing negative attitudes about other races.

However, when psychologists measure their implicit, unconscious attitudes, they find that Whites harbor stereotypes of Blacks as academically inferior and as prone to criminality. These attitudes are measured in tests showing that it takes longer to associate a word like ‘intelligent’ with the photo of a Black person than it does to make the same association for a White person.

These implicit attitudes may be unconscious, but they do affect behavior. Whites in America are coalescing into groups and activities with other White people, but these actions are not explicitly labeled as White because to do so would violate the norms of political correctness. In the face of overwhelming sanctions on White racial identity in the post-World War II Western world, Whites have adopted a variety of explicit identities which serve as the basis of White association and community. All of these identities exist under the radar of the political correctness enforced by elites in academia, politics, and the media.

There are quite a few such implicitly White identities in America, including Republican political affiliation, NASCAR racing enthusiast, evangelical Christian, and country music fan. Each of these identities allow White people to associate with other Whites and even to form a White political base without any explicit acknowledgement that race plays a role. If asked about their motivation for being part of these implicit White communities, Whites would say that it has nothing to do with race—that they are simply attracted to neighborhoods with better schools or to the Republican political ideology of small government.

Implicit White communities have become an increasingly important part of the American landscape. An important implicit White community results from residential segregation resulting from “White flight”—the phenomenon where White people have moved away from neighborhoods as Blacks or other groups moved in. As Kevin Kruse notes about White flight, “at the dawn of the twenty-first century, America found itself dominated by suburbs and those suburbs dominated by the politics of White flight and urban secession.”²

Part of this phenomenon stems from Whites’ diminished willingness to contribute to public goods, because the beneficiaries are disproportionately Blacks and other non-White minorities. As Kruse notes, race is never part of the explicit rhetoric of White flight, which tends to be expressed as opposition to the federal government, the welfare state, taxation, and the desire for better schools, or even perceived moral issues like abortion and homosexuality. But at the implicit level, the desire for White communities and the aversion to contributing to public goods for non-Whites are the overriding motivations.

White flight is part of the fragmented future that lies in store for the U.S. and other Western countries with high levels of non-European immigration. It is a well-established finding that the more ethnically mixed a population becomes, the greater is its resistance to redistributive policies, as demonstrated by Frank Salter and others.³ For example, a study of donations to the United Way of America charity found that White Americans give less when their communities are more than 10 per cent non-White. Sociologist Robert D. Putnam has showed that the greater the racial diversity of a community, the greater the loss of trust. People living in homogeneous areas like New Hampshire or Montana are more involved with friends, the community, and politics than people in more diverse areas.⁴

¹ E.A.Phelps, K.J.O’Connor, W.A.Cunningham, E.S.Funayama, J.C.Gatenby, J.C.Gore, & M.R.Banaji, “Performance on indirect measure of race evaluation predicts amygdala activation,” *Journal of Cognitive Neuroscience* 12 (2000), 729–738.

² Kevin M. Kruse, *White Flight: Atlanta and the Making of Modern Conservatism* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005), 259

³ Frank Salter (Ed.), *Welfare, Ethnicity, and Altruism* (London: Routledge, 2004).

⁴ Robert D. Putnam, “E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twenty-first Century” *Scandinavian Political Studies* 30, (2007), 137–174.

An important trend resulting from multiculturalism is that Western societies are now becoming organized more on the basis of race. In the past, political parties formed on the basis of class (e.g., in the U.S., working class Whites voted Democrat, while business and professional classes voted Republican). Political affiliation is now much more determined by racial identity. In the United States, the Republican Party has become the party of White Christians. In 2004 and 2006, White evangelical or born-again Christians made up a quarter of the electorate, and 78 percent of them voted Republican despite the fact that most were lower middle class.

The mirror image of this is that other ethnic groups are coalescing into a non-White voting bloc centered in the Democratic Party to an even greater extent than Whites are gravitating to the Republican Party. Over 90 percent of Blacks typically vote Democrat, while Latinos vote around 60–70 percent Democrat. Non-White ethnic groups tend to vote Democratic even when they have relatively high socioeconomic status—a good indication that this pattern results from identity politics rather than economics. In the 2004 presidential election, John Kerry won first-time Asian votes 78–20, and among American-born Asians he won by 80–18. Despite the stridently pro-Israel policies of George W. Bush, around 76 percent of Jews voted for Al Gore in the 2000 presidential election, and Jews continue to form the financial backbone of the Democratic Party. In 2002, only 8 percent of Republican votes came from non-Whites, and similar results occurred in 2006.¹

These patterns were replicated in 2012, with 80% of non-Whites voting Democrat and around 65% of the European-descended Americans voting Republican. These patterns were apparent in both sexes and all age categories, although less extreme among White women and young Whites. This means that very large numbers of working class and middle class Whites are voting Republican even though the Republican Party has historically been the party of the business and professional classes and the Democratic Party has been the party of choice of working class Whites. In general, the percentage of Whites voting Republican has increased by 1.5% every 4-year election cycle.

These increases have come even as the economic status of Whites has deteriorated. These Whites are not voting Republican for economic reasons. Indeed, the policies pursued by elites in the Republican Party are often opposed to their economic interests. Rather, they vote this way because of their implicit racial identity. They do not consider themselves part of the “rainbow coalition” that has formed in the Democratic Party.

Politics has become racialized in other Western countries as well as a result of immigration, where parties of the left have favored immigration because immigrants vote for them.. That is, racial and cultural identity become more important for voting behavior, with the result that political parties become increasingly identified along racial lines.

In France, 93% of Muslim immigrants voted for the Socialist Party, providing the difference in the recent election that brought François Hollande to power. In the U.K., immigrants tend to vote for the Labour Party, and the Labour Party was responsible for a surge in immigration when Tony Blair was Prime Minister. Research into voting patterns conducted for the Electoral Commission after the 2005 general election found that 80 per cent of Caribbean and African voters had voted Labour, while only about 3 per cent had voted Conservative and roughly 8 per cent for the Liberal Democrats. The Asian vote was split about 50 per cent for Labour, 10 per cent Conservatives and 15 per cent Liberal Democrats.² As one commenter noted, “Labour's great gift to the British people is the poisonous legacy of tribal politics.”³

These enormous shifts in the political structure were consciously pursued by elites but not discussed publicly because they were aware that working class voters would reject them.

¹ For sources, see MacDonald, “Psychology and White Ethnocentrism,” *Ibid.*

² See Sir Andrew Green, “Was Mass immigration a conspiracy?,” Migration Watch UK.

<http://www.migrationwatchuk.org/pressArticle/83>

³ Ed West, “Labour's secret plan to lure immigrants was borderline treason – and plain stupid,” *The Daily Telegraph*, February 10, 2010).

The huge increases in migrants over the last decade were partly due to a politically motivated attempt by ministers to radically change the country and “rub the Right's nose in diversity”, according to Andrew Neather, a former adviser to Tony Blair, Jack Straw and David Blunkett.

He said Labour's relaxation of controls was a deliberate plan to “open up the UK to mass migration” but that ministers were nervous and reluctant to discuss such a move publicly for fear it would alienate its “core working class vote”. ... “But ministers wouldn't talk about it. In part they probably realised the conservatism of their core voters: while ministers might have been passionately in favour of a more diverse society, it wasn't necessarily a debate they wanted to have in working men's clubs in Sheffield or Sunderland.”¹

Notice here that the Labour Party did not publicly announce their motives because they did not want to offend their working class voters. Indeed, “Even the Labour government's own survey last February showed that 77 per cent of the public wanted immigration reduced, including 54 per cent of the ethnic communities, while 50 per cent of the public wanted it reduced ‘by a lot’.” As throughout the West, immigration and multiculturalism are top-down phenomena that are opposed by the great majority of native Whites. As a result, deception and lack of information have been critical to the success of these policies. In addition, there has been constant propaganda from the media and laws that penalize ideas and behavior in opposition to immigration and multiculturalism.

Here is another example of the gap between elites and the rest of society, a liberal journalist **critiquing** massive immigration into the UK:

There has been a huge gap between our ruling elite's views and those of ordinary people on the street. This was brought home to me when dining at an Oxford college and the eminent person next to me, a very senior civil servant, said: ‘When I was at the Treasury, I argued for the most open door possible to immigration [because] I saw it as my job to maximise global welfare not national welfare.’ I was even more surprised when the notion was endorsed by another guest, one of the most powerful television executives in the country. He, too, felt global welfare was paramount and that he had a greater obligation to someone in Burundi than to someone in Birmingham. ... [The political class] failed to control the inflow more overtly in the interests of existing citizens.²

Such high-mindedness is an attempt to fit into a moral community as defined by their peers among the elites of British society. Standing up for the interests of the native British would have made him a moral pariah, with likely effects on his career prospects. An evolutionist can only marvel at the completely unhinged altruism on display here, assuming the speakers are native White Brits. Countries whose policies ignore the good of their own people are surely headed for disaster. Such altruism is nothing but a recipe for evolutionary extinction.

The inculcation of guilt among whites

I have noted that multiculturalism and the ideology of massive non-White immigration are well-entrenched in the media. One aspect of this is that the media produce a drumbeat of messages that encourage Whites to feel guilt about their past and for opposing immigration and multiculturalism. The media is replete with depictions of Whites as inflicting harm on non-Whites historically and in the contemporary world. The history of slavery and segregation of African Americans is a particular focus of the media. Another focus is the persecution of Jews during World War II. Even though America did not perpetrate the Holocaust, there is the implication that National Socialism was a product of Western civilization, so that Western civilization itself has no moral legitimacy and therefore cannot be defended.

¹ See “Labour wanted mass immigration to make UK more multicultural, says former minister,” Daily Telegraph, Oct. 23, 2009.

² David Goodhart, “Why we on the left made an epic mistake on immigration,” London Daily Mail, March 22, 2013. <http://www.dailymail.co.uk/news/article-2297776/SATURDAY-ESSAY-Why-Left-epic-mistake-immigration.html>

The result has been that White Americans have been made to feel guilt about their culture. Any objection to massive non-White immigration and the moral superiority of multiculturalism is then regarded as morally debased—as supremely wicked. As a result, opposition to these trends has been muted and almost non-existent in the mainstream media and among mainstream politicians and academics.

Not only are anti-White messages prestigious, they are also badges of moral rectitude. Displacement-level non-White immigration has become a moral imperative. To dissent from such policies is to place oneself outside the moral universe of the contemporary West.

Moral indictments of the West have been dominant among intellectual and political elites in the West. Moral indictments are a prominent theme in the writings of political radicals and those opposing biological perspectives on individual and group differences in IQ. A sense of moral superiority was also prevalent in the psychoanalytic movement, and the Frankfurt School developed a moral perspective in which social science was to be judged by moral criteria rather than truth. Moral indictments are implicit whenever one hears labels like White supremacist, Nazi, hater, bigot, racist, etc. applied to those who advocate for the legitimacy of White identity and White interests.

Here is a contemporary example from an organization devoted to combating educating Whites to be tolerant of diversity by divesting themselves of any ethnic identity.

As we commit ourselves to dismantling racism and white privilege, many of us are engaging in deep dialogue and education within our organizations. ... Participants will work on case studies to increase their skills for identifying white culture and thinking of ways to intervene. Using a new assessment tool, we will analyze current institutional policies, practices, and cultural norms to assess how white culture is manifesting. What are the ways, consciously and unconsciously, that we perpetuate racism and white culture in and through our organizations – and what are the replicable ways we resist and interrupt these dynamics?¹

Over evolutionary time, individuals who placed themselves outside the moral boundaries of the society faced evolutionary death. I have advanced the view is that moral universalism and guilt are exacerbated in individualist Western societies and are thus an exaggerated ethnic trait of Europeans where ingroups have historically been defined far more in terms of moral rectitude and reputation and less in terms of genetic relatedness.² (see **here**, p. 23ff). Evolutionary psychologists have noted that feelings of shame and guilt evolved as signals of atonement to the group—as if to say “I am deeply remorseful for offending the group consensus; please let me back into your good graces. I promise to mend my ways.” Such displays of remorse and contrition are commonplace among those who make politically incorrect comments.

Like a criminal about to be sentenced by a judge, sincere-appearing displays of remorse are good strategies for establishing one’s moral credentials. Christian Lander, who has become quite well-known for his writings on the preferences of White people (*Stuff White People Like*)³ is a classic example of White guilt:

I get it: as a straight white male, I’m the worst thing on Earth. ... Like, I’m aware of all the horrible crimes that my demographic has done in the world. ... And there’s a bunch of white people who are desperate – *desperate* – to say, ‘You know what? My skin’s white, but I’m not one of the white people who’s destroying the world.’⁴

Conclusion

¹ White Privilege Conference Institutes, April 10, 2013.

http://www.whiteprivilegeconference.com/pdf/WPC14_Institutes.pdf

² Kevin MacDonald, “What Makes Western Culture Unique?” *The Occidental Quarterly*, 2(2) (Summer 2002), 9–38.

<http://www.toqonline.com/archives/v2n2/TOQv2n2MacDonald.pdf>

³ <http://stuffwhitepeoplelike.com/tag/christian-lander/>

⁴ Quoted in: Hua Hsu, “The End of White America,” *The Atlantic* (January/February, 2009).

<http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2009/01/the-end-of-white-america/307208/>

Western societies have embarked on an entirely novel program of combatting the interests and attitudes of the majorities of their native populations. This has been accomplished by constant propaganda inculcating guilt in those who diverge from the elite consensus and by penalties such as job loss and even prison for those who disagree publicly. At the same time, native White populations are coalescing in organizations that are implicitly White, so that Western societies are becoming increasingly racialized.

My view is that in the long run these race-based coalitions are unstable and that there will be high levels of conflict in these societies, with unpredictable consequences. The history of ethnic and racial conflict has often been bloody, and the history of projects rationalized with a high level of moral idealism, such as the present policies of immigration and multiculturalism, have quite often led to disaster for peoples not having power. This is surely the lesson of communism—rationalized with high moral idealism, but resulting in the murders of tens of millions of people.

Multiculturalism in the life of society

Cultural diversity within the boundaries of states and empires is not new. It existed in the ancient empires of Egypt, Rome and Persia and even India. A recent example of it is that of the Ottoman Empire's Millat system: under this system Islam the religion of the rulers but formal recognition under certain conditions was given to Orthodox Greek, Orthodox Armenians and Jews: they were allowed to be governed by their respective personal and civil laws and traditions.

There is no unanimity on what the term Multiculturalism means and criticism against multiculturalism is that it encourages separateness and should be replaced with policies of integration. According to one author (Prof Tariq Mahmood, Director, Centre for Ethnicity and Citizenship, University of Bristol: *Still not being British: Struggle for Multicultural Citizenship*), though multiculturalism has many meanings, but the minimum is the need to politically identify groups typically by ethnicity and work to remove stigmatization, exclusion and domination in relation to such groups. The Oxford English dictionary offers a broad definition: "characteristics of a multicultural society" and "the policy or process whereby the distinctive identities of the cultural groups within such a society are maintained and supported."

The concept of multiculturalism is inextricably linked with the concept of equality of all citizens. The test of multiculturalism is whether different communities living together peacefully co-exist as equals in public areas. (Ms Gurpreet Mahajan, Jawaharlal Nehru University, India). In other words it is *rights based* concept. At the same time, it does not rule out the idea of affirmative action to realize this equality by providing a level playing field for accessing socio-economic opportunities.

Debates about Multiculturalism in academia and political sphere gathered momentum post World War in the fifties in USA and UK and later in Western Europe and Asia. Valuable contribution to the concept has been made by Will Kymlicka and Lord Parekh among others. In the initial years in USA it was taken for granted that WASP (White Anglo-Saxon Protestant) culture was the norm and the migrants will gradually be absorbed in it. With large migrations of the Hispanic and other non Anglo-Saxons (e. g Italian) and Jews and civil rights movements of the Blacks led by Martin Luther King the issue of multiculturalism gathered salience in political and academic domains. In UK large migrations from the Commonwealth countries especially South Asia and the Caribbean brought the issues of multiculturalism to the fore. The latest report of the Commission chaired by Lord Parekh "Rethinking Multiculturalism-Cultural Diversity and Political Theory" is still being debated in UK. Noble Laureate Amartya Sen's writings e.g *Identity and Violence* (2006) have illuminated new perspectives to the issues. Post colonial Malaysia, Singapore, Indonesia also had to contend with the multiculturalism issues both in political and cultural spheres.

Of late several heads of states have expressed doubts about the success of multicultural policies. David Cameron, Angela Merkel, Australia's ex Prime Minister John Howard, Spain's Jose Maria Aznar, Ex French President, Nicolas Sarkozy have voiced their concern about the effectiveness of their multicultural policies for integrating immigrants.

There is also a rather extremist view that Muslims in Europe are facing a torrent of "Islamophobia" the level of which was only witnessed towards the Jews of Europe before Holocaust and that there was need to stand against this kind of Islamophobia before it was too late.

On the other hand, Multiculturalism has been included by the UN System within the ambit of conditions necessary for Human Development. UNDP Human Development Report (HDR) 2004 argues that managing cultural diversity is one of the central challenges of our times and cultural liberty is vital part of human development. It concludes that no country is entirely homogenous, and the world's nearly 200 countries have 5000 ethnic groups and that further diversities are happening due

to acceleration of pace of migration It contends that cultural diversity is here to stay and grow and warns that issues of cultural identity if unattended or partly managed run the risk of causing discontent and even violence as happened for example in Kosovo, Serbia, Norway and Gujarat.

In my view HDR provides a well researched and sound basis for discussion and guidance on matters relating to multiculturalism. It does not find any evidence of clear relationship good or bad between cultural diversity and development and finds that theories of cultural determinism are not supported by econometric analysis or historical evidence. Also it rejects the theories of *clash of civilizations*.

In contrast to the slave labour based democracy of classical Athens, democracy as we know it now, values the principle of non-discrimination and 'ensures that socially ascribed identities, such as those of race, religion or gender are not source of discrimination and disadvantage in public domain. It asserts fair treatment as an equal citizen is matter of right (Mahajan)

Nurture of multiculturalism is not a passive affair; it requires deliberate and proactive policy initiatives. In this respect the HDR emphasizes certain policy areas:

- Political participation,
- Religious freedom,
- Access to justice,
- Safeguarding linguistic groups and

Access to socio-economic opportunities as well as affirmative action wherever necessary to mitigate historical wrongs or socioeconomic backwardness.

Towards the end of the last century emerged scepter of Prof Huntington's "Clash of Civilizations and the Remaking of World Order". His contention was that in the post cold war world conflicts would occur because of cultural rather than ideological differences." In Eurasia the great historic fault lines are once more aflame. ...violence also occurs between Muslims on the one hand and Orthodox Serbs in Balkans, Jews in Israel, Hindus in India, Buddhists in Burma, and Catholics in Philippines. Islam has bloody borders. "

In response to this scary and apoplectic nightmare, President Khatemi a Dialogue of Civilizations through intermediation of the United Nations. The idea was further developed .United Nations Alliance of Civilizations programme, aiming at improving understanding and cooperation among peoples and across cultures was proposed by the then Prime Minister of Spain Jose Luis Rodriguez Zapatero and co-sponsored by Turkish Prime Minister, RecepTayyip Erdogan. and adopted by General Assembly in 2005. It placed particular emphasis on defusing tensions between Western and Islamic worlds. The programme consisting of participation in conferences and seminars, training of media professionals, and thematic audio-visual material is working with a small secretariat and modest resources under the leadership Secretary Generals Representative the ex President of Portugal.

Study of Indian experience in multiculturalism, with its successes and shortcomings, could be quite interesting.

Independence of India in 1947 from the British rule was preceded by partition of the country on the basis of religion resulting in massive uprooting and transfer of populations and unprecedented communal violence that left more than a million people dead. And yet the fathers of Indian Constitution decided to embark on a multicultural path. The Advisory Committee on Fundamental Rights was composed of Hindus, Muslims, Sikhs Christians Parsis and representatives of Tribes and Dalits. Dr Bhim Rao Ambedkar (1891-1956), belonging to an untouchable caste was made the Chairman of the Drafting Committee of the Constitution by the Constituent Assembly . One constitutional expert has described it a first and foremost a social document. Indian Constitution has been amended from time to time but the values incorporated in the Preamble and Chapter on Fundamental Rights have been jealously guarded by the Supreme Court as representing *core values* which cannot be touched.

Unity in Diversity is a most quoted motto of Indian polity which accommodates religious pluralism and explicitly acknowledges the rights of minorities. All communities, in principle, receive equal rights to profess, propagate and practice their own separate institutions. But it should be noted that official recognition has been given to personal laws in matters of marriage, divorce, inheritance etc of Hindus, Muslims, Christians and Parsis. This has not prevented from time to time the majoritarianism minded political parties raising without success the issue of a Uniform Civil Code. Reform of their respective personal laws has been left to the respective communities.

India is country of linguistic diversity. Indo-Aryan languages account for about 74% and Dravidian 24%, the rest being Austro-Asian and Tibeto-Burman. Indian languages are written in more than fourteen scripts.

Linguistic diversity posed a challenge to multicultural Indian Republic. This was a sensitive issue, which if not treated carefully could have been a source of civil strife and even, as happened in a neighbouring, country contributing to secession. Indian National Congress which was in the forefront of Freedom Struggle as back as 1920 had recognized the principle of linguistic diversity and finally based on the recommendations of State Reorganization Commission (SRC), chaired by Justice Fazl Ali, the States of the Union of India were reorganized on linguistic basis. The Eighth Schedule of Indian Constitution recognizes as many as 22 languages as official languages, apart from Hindi as the national language and use of English.

Cultural and artistic diversities of India are aimed to be nurtured and promoted through various government supported autonomous institutions like Academies for fine arts (Lalit Kala Academy), performing arts (Sangeet Natak Academy) and literature (Sahitya Academy), all three envisaged and founded by the first Prime Minister of India Pandit Jawahar Lal Nehru and the first Education Minister of India, Maulana Abul Kalam Azad. They also founded the Indian Council for Cultural Relations (ICCR), for cultural exchanges with other countries and showcasing India's cultural and artistic diversities. The national award literary works are translated in all regional languages and there are projects for preservation of Tribal languages. Indira Gandhi National Centre for the Arts (IGNCA) is active not only in research and preservation of India's classical heritage, but also promoting diverse living traditions e.g. Sufism and popular culture. Recently a National Translation Mission has also been established to cover non literary works. Ministry of Information and Broadcasting promotes cultural diversities by broadcasting news and cultural programmes in different languages and by giving annual national awards to regional languages films.

At the same time, the dominance of Bollywood Hindustani films churned out from Mumbai studios represents the mainstream and act as some kind of unifying factor not only in India but for the Indian diaspora. However it is an irony that a linguistic chauvinistic movement also has become increasingly vociferous in a most cosmopolitan city like Mumbai.

Apart from cultural and linguistic diversities, the Indian Constitution recognized communities based on caste, tribe and religion. National Commissions respectively for Scheduled Castes (SCs), Scheduled Tribes (STs), Other Backward Classes and Religious Minorities (encompassing Muslims, Christians, Sikhs, Buddhists, Jains) have been established with varying degrees of effectiveness. Untouchability was abolished by the Constitution and its practice punishable under law. Article 330 and 332 of the Constitution provided reservation of seats in the national Parliament and State Legislative Assemblies. Reservations have been provided in the Government services and educational institutions for SCs and STs as a part of affirmative action.

Atrocities against Scheduled Castes (Dalits) still happen. But the compulsions of political process which make for electoral alliances of various permutations and combinations as well as, the assertions of Dalit movements drawing inspiration from Ambedkar have acted as mitigating factors: the largest State of the Union, Uttar Pradesh for first time had a Dalit Chief Minister.

India has the second largest population of Muslims next to Indonesia. The Fundamental Rights chapter of our Constitution specifically provides, vide Articles 25 to 30, various rights and privileges for minorities. Based on these provisions, the Supreme Court has held as follows: "We the people of

India have given to ourselves the Constitution which is not for any community or section but for all. Its provisions are intended to protect all, minority as well as majority communities. We conceive the duty of this Court to uphold the fundamental rights and thereby honour the sacred obligation to the *minority communities who are our own*. (Oxford Handbook of Muslims 2010). The Indian Muslims, though culturally, socially and linguistically not a monolith, have also agitated about discrimination. On the other hand, majoritarian political parties have often claimed the certain political parties have used Muslims as vote banks and have followed the policy of minority appeasement.

In response to these misunderstandings Prime Minister's High Level Committee was constituted in 2005 chaired by Justice Rajindar Sachar to enquire into the status of Muslims in India. The report based on detailed analysis of empirical data highlighted the relative deprivation of the Muslim community in terms of levels of living and human development conditions. A new Ministry of Minority Affairs has been created and several special programmes have been initiated with varying effectiveness to ameliorate the situation.

Though India has established constitutional, legal and institutional frameworks and has made much advance, its multiculturalism project is still a work in progress. Constitutional guarantees of social justice and secularism, universal adult franchise, a pro active Election Commission, political compulsions of a multi party democracy, a free press and above all an independent Judiciary provide great assurance that there will be no turning back from the path of the multiculturalism in India.

Слова и вещи: символическая и инструментальная политика в отношении регуляции культурного разнообразия в странах условного Севера

1. Для исследователей “мультикультурализма” весьма характерна следующая методологическая ошибка. Она заключается в неразличении между символической и инструментальной политикой – между уровнем риторики и уровнем принятия решений. Между тем риторика бюрократического класса зачастую не только не соответствует реальным действиям властей: то, что происходит на уровне принятия решений, может прямо противоречить тому, что циркулирует в публичном поле в качестве “официальной позиции”.

2. На протяжении десятилетий в целом ряде западноевропейских стран – на фоне жесткой антииммиграционной риторики – проводилась достаточно либеральная иммиграционная политика. Последняя распространялась не только на вопросы въезда и трудоустройства мигрантов, но и на такую сферу, как законодательство о гражданстве. Правила натурализации в большинстве стран Европы были в течение 1980-1990-х годов смягчены, а не ужесточены. (Это касалось и *jus soli* для детей мигрантов, и минимального срока пребывания в стране, и возможности двойного гражданства).

3. Вместе с тем имеют место случаи, когда риторика в отношении иммиграции и иммигрантов является более либеральной, чем реальные действия властей. Иллюстрацией могут служить Нидерланды. Эта страна снискала себе славу “мультикультурного рая”, которая держалась вплоть до известных событий 2002 и 2004 годов (убийство ультраправого политика Пима Фортейна и режиссера Тео Ван Гога, соответственно). Однако рестриктивные тенденции в иммиграционной и интеграционной политике Нидерландов наметились уже во второй половине 1990-х, а в начале 2000-х лишь нарастали (Отмена института двойного гражданства, сворачивание программы поддержки этнических меньшинств, обязательные тесты на интеграцию и т.д.).

4. Запутанность ситуации в данной сфере усугубляется тем обстоятельством, что многие решения принимаются *ad hoc*, будучи подчинены скорее прагматическим соображениям, чем идеологическим установкам. По этой причине власти, например, во Франции, проводят меры, не соответствующие модели ассимиляции, традиционно приписываемой этому государству.

5. Пропасть между символической и инструментальной политикой стала особенно заметной после 2010 года, когда лидеры ведущих западноевропейских стран заявили об отказе от “политики мультикультурализма”. Несмотря на данную декларацию, действительного сворачивания мероприятий, нацеленных на политическую аккомодацию культурных различий, не произошло. Существо этого противоречия и занимает автора предлагаемого доклада.

Мультикультурализм и интеграция в жизни общества

Глобализация или даже правильное глокализация (признание специфики национальных и этнических культур в условиях глобализации) изменила многое в жизни обществ, обострив многое из того, что казалось уже общепринятым. Мультикультурализм (в том числе и вариативность идентичности), интеграция и явились такими феноменами, требующими переосмысления, так как то, что они значили ранее, перестало соответствовать их содержанию. (Представляет интерес статья Гобозова И.А. Несостоявшийся мультикультурализм// Философия и общество, № 3, 2011). В одном из своих прежних текстов, представленных на Международный гуманитарный форум, мы писали о том, что мультикультурализм по-разному представляется в этнических и национальных культурах. Неоднозначно, используется и понятие интеграции. Где-то исходят из того, что в глобальную эпоху не будет государственных границ, где-то интеграция понимается как ассимиляция и т.д. Не говоря уже о том, что различно толкуются понятия культура, этнос и нация, которые составляют метатеоретический контекст этой проблематики. Представляет интерес, к примеру, подход Семенова Ю.И. в статье “НАРОД, ЭТНОС, НАЦИЯ”// Философия и общество № 2, 2013. Хотя надо признать, что литературы здесь много и западной (труды Э. Смита и др.), российской (Ю.Тишков и др.) И мы сами посвятили этим вопросам несколько статей и книг. (См. И.Р.Мамедзаде О философии Баку, “Текнур”, 2011).

Поэтому использование таких многозначных понятий еще не означает, что мы понимаем, что они означают как явление, что обуславливает изменчивость их содержания, какова логика и история их взаимосвязей и т.д. Причем трудности осмысления, теоретизации, в определенной степени, связаны с тем, что они по-разному понимаются (определяются) и оцениваются в метрополиях типа Великобритании или США и там, где страны достаточно долго находились в составе империй (Канада, Украина или Азербайджан). Кстати, имеется и опыт стран, которые были империями, но ведомыми, зависимыми (Китай, Турция, Россия), население которых оказывается нередко мигрантами и в своей стране, и за ее рубежами. Их опыт также интересен и должен быть объектом исследований, сравнений.

Политики многих государств обеспокоены тем, что гомогенные или негомогенные в той или иной степени общества вдруг встали перед угрозой возрастающей неоднородности, когда привычные ценности не воспринимаются частью их же граждан, мигрантами, гастарбайтерами, которые, установившиеся нормы и правила политики ассимиляции отвергают, воспринимая их как двойные стандарты, нарушение прав и т.д. Не меньше проблем в неевропейской части мира, на постсоветском пространстве, на мусульманском Востоке. Из самого одиозного: почти нет мира в странах, где соседствуют шииты и сунниты и т.д.

Анализ этих вопросов особо важен и для Азербайджана, азербайджанской науки. В принципе, об этом свидетельствует и то, что в стране проводится, уже ставший традиционным, Международный Гуманитарный Форум, в котором самое серьезное внимание уделяется этим проблемам. Из опыта Форума мне как исследователю важно подчеркнуть следующее в исследовании проблем мультикультурализма и интеграции:

Во-первых, они имеют мультидисциплинарный характер, они связаны между собой, исследование этих вопросов должно проводиться на стыке философии, экономики, политической науки, социологии и т.д. Эти исследования должны иметь выход в практическую сферу. Одновременно, следует учесть и то, что в своих исследованиях ученые не свободны от воздействия со стороны общественного сознания, но также воздействуют на него. Эта их специфика вызывает живой интерес политиков, общественных деятелей, представителей масс-

медиа к их трудам. Многие уверены в том, что от решения этих проблем зависят судьбы мира, его развитие или движение вспять возвращение в “новое средневековье”, когда технологии совершенны, а ограничения, барьеры, условности возвращаются из далекого прошлого. На наш взгляд, современность (или, если хотите, то постсовременность) сталкивает все общества, его отдельные группы и сообщества с тем, что привычные понятия, традиции, правила все чаще оказываются недейственными перед жизненными реалиями, оформляется разрыв, если хотите, то противоречие между представлениями, сознанием и реальностью.

Во-вторых, с конца XX века до сегодняшних дней можно выделить несколько этапов интереса к культурному многообразию. От внимания к культуре, когда многие были уверены в скорой ассимиляции и интеграции (Ф.Фукуяма), в утверждении единой, универсальной глобальной культуры к приоритету плюрализма и многообразия, к так называемому единству многообразия (глокализация). Так, С.Хантингтон писал в 2004 году о “культе мультикультурализма и многообразия”. (См. Хантингтон С. Кто мы? М.: АСТ: Транзиткнига, 2004, с.225-226). Одновременно, нельзя не заметить и того, что многие российские исследователи считают, что мультикультурализм навязывается миру американцами.

Теперь для нас становится понятным, что речь идет о мере или мерах сочетания и поисках духовных и материальных ресурсов плюрализма, различий и интеграции. Обязательно подчеркнем, что у коллективной интеграции есть много уровней и в том числе наднациональный, национальный, групповой, местный. На наш взгляд, период господства в общественном сознании, выраженный в особом пиетете перед интеграцией в мировую культуру, сообщество вызвал в общественных науках интерес и приоритет наук о культуре (культурологии), о демократической политической культуре и т.д. Затем период “культуры многообразия” вызвал актуализацию исследований этноистории, этнокультуры, этносоциологии и этнополитологии. Нынешний этап “поиск меры”, не отменяя актуальности прочих исследований, актуализирует сравнительные и междисциплинарные исследования, философию, логику и методологию, критику данных о культуре и этнокультурах, уточнение содержания понятий, взаимозависимость конкретных исследований по мультикультурализму и интеграции.

В-третьих, в неевропейском ареале становятся значимыми, особенно, когда речь идет о постсоветском пространстве, о пограничных пространствах, исследования о европейской культуре, истории, философии. Отказ от идеализации и переход к множественным, комплексным, сравнительным и системным исследованиям. Одновременно, как нам представляется, в Европе должен усиливаться интерес к анализу проблем пограничных с ней регионов. Истории становления европейских наций (Франции и Италии), национальных государств, политик ассимиляции (к примеру, “галликанизма”) представляет серьезный интерес в странах, где формирование государств-наций как проблемы актуализируется лишь с конца XX века. На наш взгляд, интерес к этим проблемам обуславливает актуальность такой исследовательской проблемы: почему беспрецедентные права различных групп меньшинств в Европе становятся угрозой выживанию в каждом конкретном из этих социумов и как на это должны реагировать в странах поздней модернизации.

В-четвертых, в каждой стране доглобализационной эпохи, в период становления государств-наций, в истории (как процессе и науке) значимое место заняла мифология (мифы о величии). Теперь же, когда глобализация и технологии “открыли” мир все, что связано с мифологией стало требовать серьезного пересмотра, переосмысления. Причем не только в странах “опоздавшей” модернизации, но во всех, включенных в глобальный мир. Немало интересного написано по этому поводу в Англии и Франции, пересматриваются многие стереотипы об истории их взаимоотношений. (См. Кларк с.Англия и Франция: мы любим ненавидеть друг друга, “РИПОЛ классик”, М. 2013). Но, если мифы из истории прошлого европейских стран подвергнуты переосмыслению, то это не исключает того, что по

отношению к государствам постсоветского пространства, к мусульманскому миру формируются “новые-старые” мифы.

Мифы стали неотъемлемой частью идентичности. Они могут быть использованы и используются как в хороших делах, так и в плохих, то есть они амбивалентны. Они могут быть интегративными, но и дезинтегративными. Мифы влияют на сознание, определяя отношение индивида ко многому, что его окружает, составляя его жизненный мир, духовность. В определенной степени используются в воспитании детей (сказки, фольклор), гражданина. Нам представляется, что, к примеру, понятие “войны памяти”, которое используется в социальной психологии, дает приоритет негативной коннотации мифа. На деле такое его использование фиксирует значение мифа в ситуационной политике, а для науки, напротив, свидетельствует о необходимости исследования причин такого его использования.

На наш взгляд, история как наука должна быть в некоторой оппозиции к мифу. Но нередко те, кто требуют такого отношения к мифу, лишь реанимируют старые мифы в качестве новых – мифы об отсталости культур некоторых стран, регионов, сообществ, культур. Многие знают о “войнах памяти” между англичанами и французами, французами и немцами и что еще интереснее между французами и бретонцами, норманнами, лотарингцами, а пруссов с баварцами и т.д. Теперь-то они стали единым социальным организмом, нацией. Но угроза осталась, только теперь в их представлениях она идет со стороны мусульман-французов, швейцарцев-мусульман и т.д. Казалось бы, единственное средство тут объективное историческое исследование прошлого с учетом и проверкой всех его составляющих, понимание условности и ограниченности любого исторического осмысления прошлого, уважение к другим. Но все не однозначно с историей как процессом тех стран, которые, к примеру, независимое государство обрели позже, а суверенитету, и территории, которых до сих пор угрожают соседи.

В-пятых, значимым нам представляется то, что все еще не определены многие понятия, связанные со всем контентом культуры “мультикультурализма”, имеются различные его трактовки не только в различных странах, научных традициях, но даже среди ученых различных дисциплин. Отметим неопределенность и многозначность понятий культуры, этноса, нации и далее можно продолжить. Мультикультурализм как понятие то и дело заменяется идентичностью, политикой различий, плюрализмом, отношением к меньшинствам и т.д. Не уточнены взаимоотношения мультикультурализма с интеграцией, как в реальности, в жизни того или другого общества, так и на уровне понятийного взаимодействия и осмысления. Следует учесть и то, что, на наш взгляд, интеграция пронизывает как жизнь отдельного индивида (социализация, воспитание), так и его участие в жизни различного уровня сообществ, а потому является неотъемлемой частью идентичности. Наверное, следует в исследованиях учитывать диалектику (логику) взаимовлияния и использования понятий.

В итоге, хотелось бы подчеркнуть, что проблемы мультикультурализма должны быть предметом анализа, но не сводиться лишь к вопросам многообразия культур, доминирования одного компонента. Как нам представляется, как раз интеграция и оказывается неизбежным таким дополнением ко всей его проблематике и, наоборот, признавая любые формы поликультурности, следует понимать, что без интеграции они приведут к распаду государственной и общественной ткани. Такое нередко интуитивное понимание опасности для общественной жизни со стороны мусульманской компоненты поликультурности заметно и в Европе (Франции), и в государствах на постсоветском пространстве в виде европейской составляющей поликультурности (в Украине, в Молдове и т.д.) Эта опасность, кроме всего прочего, ощущается потому, что забыта интеграция как неизбежная составная часть любого мультикультурализма.

Diversity, Interaction and the Public Sphere¹

Issues of cultural diversity are at the center of public debates in most Western European countries. The anthropologist Steven Vertovec has even coined the term “super-diversity” to refer to the vastly increased range of heterogeneous linguistic, religious, ethnic, cultural networks that characterize, according to him, social life in the late modern societies (Vertovec 2006). Vertovec thinks that, in contemporary Europe, the social experience of cultural heterogeneity has gone beyond anything European societies have previously experienced. ‘Super-diversity’ is defined as the dynamic interplay of variables, some related to the migratory history of individuals (such as the country of origin, ethnic categorizations, languages spoken, religious traditions, previous regional and local identities and cultural values and practices), some linked to the personal experiences of the individuals, still some others related to his/her legal status. He thinks there is no longer a single integration process, as the integration outcome of any immigrant is determined by the interaction of all these markers with educational background, employment status, features of the contexts and policy interventions.

The argument, however, is not restricted to immigrants. Vertovec thinks contemporary diversity has gone beyond the threshold of the previous multicultural debate. As there is a multiplicity of differentiated and heterogeneous categories, fragmented along a plurality of lines, Vertovec insists that super diversity has to be understood as post-multiculturalism. Given the level of cultural heterogeneity, there is simply no way in which such diversity may be managed through the multicultural recipe advocating the granting of culture-specific, group-differentiated rights to a limited number of “minorities” (Vertovec 2010).

As a generalized concept, the notion of super-diversity runs quickly into two different problems. First, it may be criticized for giving the idea that the increase of cultural diversity is a recent phenomenon, while there is some historical evidence that European societies have been marked by various degrees of heterogeneity also in the past (Hoerder, Harzig et al. 2003). Second, it may be criticized for its emphasis on diversity as a European (or Western) novelty, while it is fairly easy to point out that Asian and African examples of societies have experienced – or still experience – many social processes that could be easily classified in the same rubric. Nor it should be forgotten that not all multicultural theorists have taken for granted the existence of “societal cultures” holistically understood. For many, the granting of group-specific rights has to be seen, from the perspective of a liberal state, either as a lesser evil (Levy 2000) or as a way to address specific and deeply-entrenched grievances (Glazer 1997).

The notion of super-diversity, however, may play an important role in those intellectual contexts, such as the United Kingdom, where the intellectual debate on diversity has been historically dominated by the notion of “race” understood in binary terms (Allen and Macey 1990, Banton 1998). More generally, the notion of super-diversity may help scholars to highlight the complexity of difference-based *interactions* and *networks*. Modern societies are never made of well-defined groups defined by distinctive identities and fully shared practices. On the contrary, symbolic cleavages in modern societies run more often across than among social categories, thus generating a variety of cross-cutting interpersonal relationships, shared habits and symbolic narratives. The tendency to see diversity as a matter of stable, unchangeable and primordial “groups”, “cultures” and “faiths” is actually a main stumbling block both for an adequate analysis of diversity dynamics and for a reasonable conception of possible policy actions. As a matter of fact, it may be claimed that the best perspectives for studying ethnic and cultural differences are those that avoid reifying them into

¹ Fullbright Research Scholar, Department of Sociology, Yale University. Email: martina.cvajner@yale.edu

holistic “cultures”, mechanically motivating collective identification and mobilization (Brubaker 2002, Brubaker 2004). Social heterogeneity does not automatically translate into group-level differences, and group differences do not necessarily reflect diverse cultural practices (Wimmer 2008). In the same way, it has been observed that social boundaries do not necessarily generate symbolic boundaries, and that categorical differences may be symbolically powerful as collective representations even in cases where social boundaries are blurred.

If this is true, an adequate understanding of diversity (or super-diversity) cannot be rooted only in the (debatable) empirical claim about the empirical growth of individuals whose biographies are characterized by what Vertovec has called “new conjunctions and interactions of variables”. It is not the complexity of individual biographies alone that explain the strength or weaknesses of social cleavages. Nor it is diversity per se, contrary to what Putnam claims, that weakens social cohesion and public trust (Putnam 2007, Portes 2011). It is the way it is perceived, handled, manipulated, observed, highlighted, made latent (and so on) that has to be the focus of the analysis.

Contemporary difference-based interactions do not take place in a vacuum. They develop in the context of the modern civil sphere (Alexander 2006, Sciortino 2012). Alexander has claimed, issues of cultural differences in contemporary societies cannot be thought of as oppositions between particularistic, “tribal” backwards cultures and modernized universalistic civil orders. On the contrary, the civil sphere has to be thought of as a space of uneven differentiation, where most of the “universalistic” features are always conflated with particularistic understandings rooted in the legacy and practices of core groups. Contemporary diversity, moreover, is characterized by the existence of an expectation of moral ability of all interactional partners to participate in public spaces conceived as egalitarian arenas of sociability (Anderson 2012). However, as these spaces, are actually biased by the symbolic definition of the situation felt proper by the dominant cultural groups, the actual experience of minority members may actually stress a lack of recognition and respect. It is not surprising, consequently, that an effective inclusion of previously subordinated groups cannot be based only on the removal of legal barriers, but requires also a breakdown in social and symbolic boundaries (Alexander 2007).

I want to argue that the most important barriers to effective inclusion are segregation. It is not diversity as such but its (spatial and social) segregation that is often at the root both of growing socio-economic inequalities and of cultural polarization. The importance of segregation in shaping the socio-economic life-chances of individuals of different categories has been a traditional focus of research and policy in the US, that has highlighted how segregation is a powerful factor of social exclusions, whose consequences are felt over several generations (Massey 1993, Massey and Fischer 2006, Carr and Kutty 2008). But the importance of segregation patterns is increasingly acknowledged across countries as well as a global phenomenon (Todd 1994, Schlueter 2011, Nightingale 2012). Less attention has been paid to the symbolic structuring of social spaces, and on the ways in which the everyday experience of shared spaces contributes, often impalpably and below the radar, to define the actual social and political consequences of diversity (Cvajner 2012).

As example, a key feature of modern urban life is the recurring co-existence within the same public spaces of individuals marked by very diverse endowments of economic resources and level of social recognition. While older forms of urban life used to manage the potential complexities and ambiguities of such encounters through the enforcement of spatial segregation and differential codes of honor, life in contemporary liberal, democratic societies is growingly marked by the presence of sites where large differences in social resources among participants co-exist with egalitarian norms regulating the access to public spaces and the activities carried out within them. The interactional dynamics taking place in this type of sites, still poorly understood, should be the main concern of a scientific attempt to understand difference-based interactions. In the social sciences, there is a long tradition, dating back at least to Georg Simmel’s seminal work that argues that the features of urban life make a significant difference in the ways in which individuals and groups experience the moral and social hierarchies of any society. Such tradition, perhaps best exemplified by the Chicago School

of urban ethnography, has paid a large attention to the experience of marginality in urban settings. Chicago ethnographers largely assumed that members of marginal groups would experience urban life according to a rigid cleavage between socially heterogeneous sites – where they were either largely excluded or systematically humiliated – and socially segregated spaces, where they could (at least) try to establish among them a pattern of sociability that endowed the members of the marginal group with at least a modicum of self-respect and a ground to claim decency and social worth. Albeit the overall framework of the Chicago School assumed that in the long term marginal groups would eventually attain some degree of social accommodation and gradually assimilate, Chicago ethnographers highlighted how in the medium term the experience of urban life was marked by social disorganization, with a large amount of psychic sufferance for all those who were living between two worlds organized by sharply different rules. Not by chance, the actual content of Chicago ethnographies reserves the warm glow of substantial sociability only to interactions among members of the same ethnic, racial or religious group in urban places they could call their own, while the significance of heterogeneous sites was mostly seen in instrumental terms. A major breakthrough in this research tradition has occurred with the work by Erving Goffman that is largely dedicated to explore the subtle struggles and accommodations taking places in open-access public spaces. Goffman argued that social interaction in these sites – such as public parks, streets, malls, workplaces – are increasingly frequent and sociologically relevant. He stressed and documented how such kind of interactions pose an endemic challenge both to members of variously privileged groups and to members of marginal, stigmatized ones. Such challenge is rooted in two features of social interaction in such spaces. The first is cognitive/informational: given some (no matter if limited) patterns of social mobility, action guided by mechanic individuation of ascriptive indicia and clues is increasingly at risk of misclassification of interactional partners, either denying the appropriate amount of social recognition to some or over-granting esteem to others. The second is the endemic mismatch between the enduring reality of ascriptive social and moral inequality and the egalitarian and cosmopolitan norms of civility and universalism formally prescribed by this kind of sites. Such mismatch creates a large interactional space where the performing strategies of actors – such as impression management or the manipulation of observable indicia such as dress, looks and poses – may make a difference in obtaining interactional recognition. Such space, however, may be also used to exclude from full membership individuals belonging to marginalized categories, through the enactment of what Garfinkel has called degradation ceremonies (Garfinkel 1956). In short, Goffman's work may be seen as a corpus of analyses arguing for the importance of direct observation of social interaction within heterogeneous public sites as strategic research material for understanding the working of social and symbolic boundaries among groups as well as the strategies employed by marginal members to gain recognition and respect in them. Further innovative developments of this perspective has been carried out by Elijah Anderson, in his research program on what he calls the *cosmopolitan canopies* (Anderson 2012). As the choice of the word 'canopy' indicates, Anderson's ethnographic work stresses the importance of paying attention to the growing centrality of public, heterogeneous, sites without forgetting how much of the experience of marginal groups is still rooted in the sheer fact of discrimination and unequal access both to social resources and to moral respect. Between these two worlds, both taken as important and meaningful, there is a constant bi-directional flow. The experience of egalitarian interaction contributes to the spreading of civil norms in the various communities, but it may also incorporate into formally egalitarian sites subtler forms of discrimination and humiliation.

References

Alexander, C. J. (2007). "The meaningful construction of inequality and the struggles against it: a 'strong program' approach to how social boundaries change." *Cultural Sociology* 1 (1): 23-30.

- Alexander, J. C. (2006). *The Civil Sphere*. Oxford, Oxford University Press.
- Allen, S. and M. Macey (1990). "Race and Ethnicity in the European Context." *The British Journal of Sociology* **41**(3).
- Anderson, E. (2012). *The Cosmopolitan Canopy: Race and Civility in Everyday Life*. New York, W. W. Norton
- Banton, M. (1998). *Racial Theories*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Brubaker, R. (2002). "Ethnicity Without Groups." *Archives Europeenes de Sociologie* **XLIII**(2): 163-189.
- Brubaker, R. (2004). *Ethnicity Without Groups*. Cambridge, Harvard University Press.
- Carr, J. H. and N. Kutty (2008). *Segregation: The The Rising Costs for America* London, Routledge.
- Cvajner, M. (2012). "The Presentation of Self in Emigration Eastern European Women in Italy." *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science* **642**(1): 186-199.
- Garfinkel, H. (1956). "Conditions of Successful Degradation Ceremonies." *American Journal of Sociology* **LXI**(5): 420-424.
- Glazer, N. (1997). *We Are All Multiculturalist Now*. Cambridge, MA, Harvard University Press.
- Hoerder, D., C. Harzig and A. Shubert, Eds. (2003). *The Historical Practice of Diversity*. Oxford, Berghahn.
- Levy, J. (2000). *The Multiculturalism of Fears*. Oxford, Oxford University Press.
- Massey, D. and J. M. Fischer (2006). "The effect of childhood segregation on minority academic performance at selective colleges." *Ethnic and Racial Studies* **29**(1): 1-26.
- Massey, D. S. (1993). *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass*. Cambridge, Harvard University Press.
- Nightangale, C. H. (2012). *Segregation: A Global History of Divided Cities*. Chicago, University of Chicago Press.
- Portes, A. (2011). "Diversity, Social Capital, and Cohesion." *Annual Review of Sociology* **37**: 461-479.
- Putnam, R. (2007). "E Pluribus Unum: Diversity and Community in the Twentieth-First Century." *Scandinavian Political Studies* **30**(2): 137-174.
- Schlueter, E. (2011). "The Inter-Ethnic Friendships of Immigrants with Host-Society Members: Revisiting the Role of Ethnic Residential Segregation." *Journal of Ethnic and Migration Studies* **38**(1): 77-91.
- Sciortino, G. (2012). *Ethnicity, Race, Nationhood, Foreignness and Many Other Things: Prolegomena to a Cultural Sociology of Difference-Based Interactions*. Oxford Handbook of Cultural Sociology. J. C. Alexander, R. Jacobs and P. Smith. Oxford, Oxford University Press: 365-389.
- Todd, E. (1994). *Le destin des immigrants: assimilation et ségrégation dans les démocraties occidentales*. Paris, Seuil.
- Vertovec, S. (2006). *The Emergence of Super-Diversity in Britain*. Institution, Centre on Migration, Policy and Society, WP 25.
- Vertovec, S. (2010). "Towards Post-Multiculturalism? Changing Conditions, Communities and Ccontexts of Diversity. ." *International Social Science Journal* **61**: 83-97.
- Wimmer, a. (2008). "Elementary Strategies of Ethnic Boundary Making." *Ethnic and Racial Studies* **31**(6): 1025-1055.

Multiculturalism

Multiculturalism relates to communities containing multiple cultures. The term is used in two broad ways, either descriptively or normatively. As a descriptive term, it usually refers to the simple fact of cultural diversity: it is generally applied to the demographic make-up of a specific place, sometime at the organizational level, e.g. schools, businesses, neighborhoods, cities, or nations.

As a normative term, it refers to ideologies or policies that promote this diversity or its institutionalization; in this sense, multiculturalism is a society “at ease with the rich tapestry of human life and the desire amongst people to express their own identity in the manner they see fit.” Such ideologies or policies vary widely, including country to country, ranging from the advocacy of equal respect to the various cultures in a society, to a policy of promoting the maintenance of cultural diversity, to policies in which people of various ethnic and religious groups are addressed by the authorities as defined by the group they belong to. Never the less, two main different and seemingly inconsistent strategies have developed through different Government policies and strategies: The first focuses on interaction and communication between different cultures. Interactions of cultures provide opportunities for the cultural differences to communicate and interact to create multiculturalism. This approach is also often known as interculturalism. The second centers on diversity and cultural uniqueness. Cultural isolation can protect the uniqueness of the local culture of a nation or area and also contribute to global cultural diversity. A common aspect of many policies following the second approach is that they avoid presenting any specific ethnic, religious, or cultural community values as central.

Multiculturalism is often contrasted with the concepts of assimilationism and has been described as a “salad bowl“ or “cultural mosaic“ rather than a “melting pot“.

Where cultural unity was insufficient, it was encouraged and enforced by the state. The 19th-century nation-states developed an array of policies—the most important was compulsory primary education in the national language. The language itself was often standardized by a linguistic academy, and regional languages were ignored or suppressed. Some nation-states pursued violent policies of cultural assimilation and even ethnic cleansing.

Some European Union countries have introduced policies for “social cohesion”, “integration”, and (sometimes) “assimilation”. The policies include:

- compulsory courses and/or tests on national history, on the constitution and the legal system.
- introduction of an official national history.
- tests designed to elicit “unacceptable” values.

Some countries such as Bulgaria reached the concept of “multicultural cliché”. It has also become known as “The Triangle of Religious Tolerance”.

Giving it a unique multi-cultural and multi-ethnic history. Also in artistic terms and ethnic means.

India

is culturally, linguistically, religiously and to a certain extent, the country is home to 1652 mother tongues. The culture of India has been shaped by its long history, unique geography and diverse demography. India's languages, religions, dance, music, architecture and customs differ from place to place within the country.

The term multiculturalism is not much used in India. Within Indian culture, the term unity in diversity is more commonly used.

Indonesia

(“Unity in Diversity”), some of the discriminatory laws in efforts to improve race relationships.

Japan

Japanese society, with its ideology of homogeneity, has traditionally rejected any need to recognize ethnic differences in Japan, a “one race” nation.

Mauritius

Multiculturalism has been a characteristic feature of the island of Mauritius.

Mexico

Mexico has historically always been a multicultural country, with people of ethnic groups including those of indigenous background, various European backgrounds, Africans, and a small Asian community. Mexico City has recently been integrating rapidly, doing much better than many cities in a sample conducted by the Intercultural Cities Index (being the only non-European city, alongside Montreal, on the index).

Philippines

The Philippines is the 8th most multiethnic nation in the world. Among its several ethnic groups, the Philippines have 10 major distinct groups mainly. The Philippine government has various programs supporting and preserving the nation's ethnic diversity. There have been many threats to the maintenance of interethnic solidarity in the country.

Singapore

Presently, remnants of the colonial ethnic concentration still exists, Singapore is governed by the Ethnic Integration Policy.

South Korea is among the world's most ethnically homogeneous nations. Those who do not share such features are often rejected by the Korean society or face discrimination.

“As the increase of foreign migrants in Korea transforms a single-ethnic homogenous Korean society into multiethnic and multicultural one.

With more than one million foreigners in Korea, 2 percent of the population comes from other cultures.” It added.

United Arab Emirates

Although Arabic is the official language of the country, more than 180 countries, with a Indian subcontinent. 85% of the population. However, the UAE does not have an open immigration policy and Emirati citizens form a largely homogenous Arab society; all foreigners reside in the country as temporary workers.

United Kingdom

Modest multicultural policies. A multiculturalist approach at a national level, “state multiculturalism has failed”.

United States

In the United States, multiculturalism is not clearly established in policy at the federal level, but ethnic diversity is common in both rural and urban areas. The Melting pot is The Melting Pot. The Melting Pot tradition co-exists with a belief in national unity, dating from the American founding fathers..

As a philosophy, multiculturalism began as part of the pragmatism movement at the end of the nineteenth century in Europe and the United States, then as political and cultural pluralism at the turn of the twentieth. Concepts of cultural pluralism, from which emerged what we understand today as multiculturalism. In *Pluralistic Universe* (1909), William James espoused the idea of a “plural society.” James saw pluralism as “crucial to the formation of philosophical and socialhumanism to help build a better, more egalitarian society.

The educational approach to multiculturalism has since spread to the grade school system, introduce students to diversity earlier—often on the grounds that it is important for minority students to see

themselves represented in the classroom. Studies estimated 46.3 million Americans ages 14 to 24 to be the most diverse generation in American society.

Multiculturalism is seen by its supporters as a fairer system that allows people to truly express who they are within a society, that is more tolerant and that adapts better to social issues. They argue that culture is not one definable thing based on one race or religion, but rather the result of multiple factors that change as the world changes.

“human rights revolution”, with the rise of the Civil Rights Movement, As this history shows, multiculturalism in Western countries was seen as a useful set of strategies to combat racism, to protect minority communities of all types, and to undo policies that had prevented minorities from having full access to the opportunities for freedom and equality promised by the liberalism that has been the hallmark of Western societies since the Age of Enlightenment.

multiculturalism tries to restore a sense of wholeness in a postmodern era that fragments human life and thought.”

“the form of integration” that (1) best fits the ideal of egalitarianism, (2) has “the best chance of succeeding” in the “post-9/11, post 7/7“ world, and (3) has remained “moderate [and] pragmatic”.

“is about the proper terms of relationship between different cultural communities”, that the standards by which the communities resolve their differences, “through an open and equal dialogue between them.”

A recent multi-city study of municipal spending on public goods in the United States found that ethnically or racially diverse cities spend a smaller portion of their budgets and less per capita on public services than do the more homogenous cities.

Finally in dealing in the concept of multiculturalism we must concentrate in following major issues such as:

- “the age of rights, is our era..
- demands without sacrificing the universalist imperative to protect and develop fundamental human rights
- Large area of freedom.
- Secularism
- Ethnic, cultural and especially linguistic and religious factors are playing a role in these conflicts which we are ill-prepared to evaluate.
- Spreading the democratic values freedom tolerance, respect the Human rights.
- Spreading Education in different level.
- Enhancing the concept of the citizenship in the state.

Reference

Wikipedia, the free encyclopedia

Henri Giordan Paper for national commission of UNESCO, 1993 and 1994.

19 Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Recommendation 1177 on the rights of minorities, adopted on 5 February 1992.

Rothschild, Joseph 1981. *Ethnopolitics: a Conceptual Framework*. New York: Columbia University Press, 1981.

Safran, William 1994. “Non-separatist Policies Regarding Ethnic Minorities: Positive Approaches and Ambiguous Consequences”. In: *International Political Science Review*. Oxford, 1994, Vol. 15, N° 1, pp. 61–80.

Smith, Anthony David 1981. *The Ethnic Revival in the Modern World*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Taylor, 1992. *Multiculturalism and “The Politics of Recognition”*. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Multiculturalism, Human Rights and International Relations

Multiculturalism is considered one of the basic markers of a liberal democracy. The promotion of diversity as a primary component of liberty has existed since conception of the U.S. constitution. The belief that everyone, by virtue of her or his humanity, is entitled to certain human rights is fairly new and it is linked with the internationalization of human rights of the last century. The roots of this belief, however, lie in earlier tradition and documents of many cultures.

Documents asserting individual rights, such as the Magna Carta (1215), the Petition of Rights (1628), the English Bill of Rights (1689), the Virginian Bill of Rights, the United States Declaration of Independence (1776) and the French Declaration on the Rights of Man and Citizen (1789), are the written precursors to many of today's human rights documents. Yet many of these documents, when originally translated into policy, excluded women, people of color, and members of certain social, religious, economic, and political groups. Nevertheless, oppressed people throughout the world have drawn on the principles these documents express to support revolutions and assert the right to self-determination.

This was possible because these documents contain the notion that people are naturally free and equal. Several 17th and 18th century European philosophers, most notably John Locke, developed the concept of natural rights. Locke believed that since humans were creations of God, natural rights were derived from divinity. His ideas, however, were important in the development of the modern notion of rights. Lockean natural rights did not rely on citizenship or any law of the State, nor were they necessarily limited to one particular ethnic, cultural or religious group. The United States Declaration of Independence includes concepts of natural rights and states "that all men are created equal, that they are endowed by their Creator with certain unalienable rights, that among these are life, liberty and the pursuit of happiness." Similarly, the French Declaration of the Rights of Man and Citizen defines a set of individual and collective rights of the people. These are, in the document, held to be universal – not only to French citizens but to all men without exception.

Efforts in the 19th Century and in the early 20th century to protect the human rights of individuals involved in conflict (the Geneva and Hague Conventions, the first one in 1864) made human rights a question of international relations and laid the foundations of international humanitarian law, to be further developed following the two World Wars.

Concern over the protection of certain minority groups was raised by the League of Nations created in 1919, at the end of the First World War. The Charter contained a directive to promote many of the rights which were later included in the Universal Declaration of Human Rights.

The idea of human rights grew stronger again onto the global stage and into the global conscience after World War II. The holocaust carried out by Nazi Germany of over six million Jews, gypsies, homosexuals, and persons with disabilities horrified the world.

The call came from across the globe to protect citizens from governments abuse. These voices played a decisive role in the San Francisco meeting that drafted the United Nations Charter in 1945. The Charter contains references to human rights and the need to preserve them through the creation of the International Court of Justice. However, the Charter expresses the difficult balance between respect for national sovereignty and the need to protect human rights through sanctions.

Meanwhile, in August 1945, the London Charter on the International Military Tribunal in Nuremberg, identified three categories of crimes: crimes of war, against peace and against humanity. It helped to establish a new international law, supranational and universal. In particular, the discussion on the crimes against humanity led in 1948 to the adoption by the United Nations of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide.

On December 10, 1948, the Universal Declaration of Human Rights (UDHR) was adopted by the members of the United Nations.

The UDHR, with the word *universal* instead of *international*, extended the revolution in international law ushered in by the United Nations Charter – namely, that how a government treats its own citizens is now a matter of legitimate international concern and not merely a domestic issue. It claims that all rights are interdependent and indivisible.

The UDHR urges member nations to promote a number of human, civil, economic and social rights, and asserts that these rights are part of the “foundation of freedom, justice and peace in the world”.

The influence of the UDHR has been substantial. Its principles have been incorporated into the constitutions of most countries now in the UN. Although a declaration is not a legally binding document, the Universal Declaration has achieved the status of customary international law because people regard it “as a common standard of achievement for all people and all nations.”

The Declaration is a composite summary of all the different traditions of existing human rights. It expresses the wish to find, even with a language belonging to Western culture, principles and values that were still part of the historical and legal traditions of all the great cultures of humanity. In doing so, it aimed to overcome the criticisms, still present, moved by the proponents of cultural relativism and multiculturalism, such as the American Anthropological Association, which in 1947 asked the Commission to recognize equal protection of the rights of human societies, culturally connoted, alongside human rights.

In the following years, the debate on human rights was affected by a cultural debate on: the philosophical or religious nature of human rights, their natural or historically determined foundation, the character of universality that they claim or promise, the possible difference between fundamental rights and more general human rights, the relationship between national sovereignty and universal jurisdiction, the relationship between the individual rights and collective rights, the necessary and appropriate measures to ensure respect of human rights.

The inclusion of both civil and political rights and economic, social and cultural rights was predicated on the assumption that basic human rights are indivisible and that the different types of rights listed are inextricably linked. Though this principle was not opposed by any member States at the time of adoption, this principle was later faced by significant challenges.

The numerous obstacles encountered depended on the Cold War. The ideological nature of the bipolar confrontation fought mainly in the field of communication, language and image, set aside human rights. They were used, instrumentally and occasionally, to accentuate contrasts (civil and political rights *versus* economic and social rights), already present during the preparation of the Declaration.

Sometimes the two superpowers were tempted by the possibility of accusing the opponent of violating human rights. However, they used this tool wisely, aware that they could be criticized, albeit for different reasons, for failure to comply with many articles of the Declaration.

For example, the serious and widespread violations of human rights during the Korean war did not produce consequences. Also, if the Declaration helped the process of decolonization through art. 21, it did not prevent British and French colonial powers from violating human rights in Africa and Asia.

Violations of rights, in particular civil and political rights, occurred also in the countries of the Soviet bloc. The same happened with the United States, both at home, with McCarthyism and anticommunist hysteria, and racial discrimination of African Americans, and abroad, with the support of dictatorial regimes, particularly in Latin America. Criticism against an international legislation on human rights that could weaken national sovereignty, was raised in many countries.

Nevertheless, in these years the United Nations approved new Conventions, such as: the Convention Relating to the Status of Refugees (1951); the Convention on the Political Rights of Women (1952), the Convention on Stateless Persons (1954), Supplementary Convention on the Abolition of Slavery (1956), that updated the 1926 Slavery Convention.

Decolonization promoted a new phase of the United Nations on the question of human rights and the development of new conventions, while the newly independent countries gradually took control of the UN Commission on Human Rights.

In 1965 the Assembly of the United Nations adopted the Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination, directly linked to apartheid in force in South Africa, but also involving the United States. In 1966, the Assembly approved other two treaties: the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and its optional Protocol and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR). Together with the Universal Declaration, they are commonly referred to as the International Bill of Human Rights. The ICCPR, supported by Western countries, focuses on such issues as the right to life, freedom of speech, religion, and voting. The ICESCR, required by the Soviet bloc countries, focuses on such issues as food, education, health, and shelter.

Despite these important new agreements, the dynamics of the Cold War did not prevent serious violations of human rights in the subsequent years: in dictatorial regimes in Latin America, particularly in Chile and in Guatemala; in China during the Cultural Revolution; in Indonesia with the massacre of half a million people, mostly members of the Communist Party, in Vietnam with the U.S. indiscriminate bombings, in Cambodia with the genocide operated by Pol Pot, in Afghanistan after the Soviet invasion.

However, the Seventies also saw success for human rights. The inclusion of human rights issue in the Helsinki Accords, which were signed in 1975, and the birth of Helsinki groups, organizations that sought the application of the principles of Helsinki, represented a terrific tool to weaken the Soviet bloc and to cause, some years later, its final dissolution after the fall of the Berlin Wall.

Meanwhile, nongovernmental organizations (NGOs) played a cardinal role in focusing the international community on human rights issues. NGOs such as Amnesty International, winner of the Nobel Prize in 1977, Human Rights Watch, and Medecins sans Frontiers monitored the actions of governments and pressured them to act according to human rights principles. In 1976, NGOs and liberation movements approved the Algiers' Chart, a sort of universal declaration of the rights of peoples.

In addition, in the second half of the Seventies, during the presidency of Jimmy Carter, the United States pursued a foreign policy based primarily on the respect for human rights.

Also during the so-called Second Cold War new conventions were adopted: the Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women (1979), the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (1984), the Convention on the Rights of the Child (1989).

It is important to remember also some regional documents for the protection and promotion of human rights. In this context of regional statements there is also the Charter of Fundamental Rights of the European Union, solemnly approved on 7 December 2000, that continues the process initiated by The European Convention on Human Rights drafted in 1950 by the Council of Europe.

The dramatic changes in Eastern Europe, Africa, and Latin America since 1989 have powerfully demonstrated a surge in demand for respect of human rights. The continuing violations of human rights have underlined the need to create courts to dispense sanctions, now possible with the end of the Cold War.

In 1994, the International Criminal Court Statute was signed in Rome. It established the International Criminal Court to judge individuals responsible for serious international crimes, crimes of genocide, of war and against humanity. The same year the International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia and the International Criminal Tribunal for Rwanda became operational.

The action of these courts led to a dispute at the World Conference on Human Rights, held by the United Nations in Vienna on June 1993, about the true universality of the International Bill of Rights or his strong Western character. This dispute reveals two contradictions in the history of human rights: the strong imprint of Western theory and the historically determined character of the evolution of rights in every part of the world, including the West.

As we have seen, the requests for the recognition of equal protection of the rights of human societies, culturally connoted, alongside human rights started after the WWII. The multicultural ethos blossomed in the 1960s with decolonization, took off in subsequent years. Since universal human rights principles became codified into international law, leaders of many countries have rejected fundamental civil and political rights, justified by the claim that such rights “contradict our culture.”

National authorities from many countries also say democracy, the Rule of Law, and rights like the freedom of expression can't be fully implemented in their societies because these are not consistent with their “culture.”

African States created their own Charter of Human and People's Rights (1981), and Muslim states approved the Cairo Declaration on Human Rights in Islam (1990).

Multiculturalism was inclined to recognize, celebrate and respect diverse cultures and people of different nations, races, languages, religions, abilities and sexualities.

Multiculturalism has many positive benefits. It defends the right to the different, which is a very important and precious human right, especially for those people whose difference has historically resulted in social marginalization and exclusion.

Nevertheless, some critics blame multiculturalism for this political and ethical chaos, and argue that respect for diversity may degenerated into a free-for-all, where anything goes. The right to difference would have become a trojan horse, subverting human rights and producing double standards in the protection of them. Nevertheless, as we have seen, double standards have a long history: if misogyny and homophobia are sometimes tolerated in the name of good international or community relations, during the Cold War, in the name of defending 'freedom' many defended the very unfree regimes of Botha's South Africa, Franco's Spain, and Pinochet's Chile.

Critics of multiculturalism also argue that when racial and religious particularities dominate and prevail on the universality of human rights, multiculturalism could foster a 'Balkanisation' of the humanitarian agenda, fragmenting people according to competing identities, values and traditions, and promoting social division and antagonism. Too much emphasis on difference can easily spill over into separateness, which subverts an understanding of our common humanity and undermines notions of universal rights and freedoms. Equally alarming, multiculturalism is usually defined solely in terms of the relationship between majority and minority communities, and rarely in terms of the rights of minorities and individuals within minority communities. Reactionary forms of multiculturalism merely replace the hegemony of the dominant culture with a form of 'diversity' that facilitates the hegemony of the dominant forces within minority communities.

Nevertheless, it would be a mistake to dump multiculturalism on the basis of its sometimes controversial interpretation and application, that could sundered the celebration of difference from universal human rights – with a selective approach to them – and lapsed into a risky “cultural relativism”.

Progressive multiculturalism is worth defending. It involves respect for difference, but within a framework of equality and human rights. It is premised on cultural diversity, provided it does not involve the oppression of other people, and does not diminish the rights and freedoms of others.

There is a broad global consensus on human rights. It is enshrined in international conventions that have been collectively agreed by the nations of the world – north and south, east and west. Member states of the United Nations have signed up to the Universal Declaration of Human Rights, the International Covenant of Civil and Political Rights, and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights – plus the Geneva Convention, the Genocide Convention and the Torture Convention. These conventions constitute the globally-acknowledged framework of human rights, jointly endorsed by both western and non-western nations. They apply to every nation and every individual, without discrimination.

Universal human rights are, historically, the flower of what was originally a European plant. However, they have now received the support of world nations. Human rights are universal and indivisible, and respect for human rights is becoming a universal principle of good government.

New Challenges for Intercultural Dialogue: The Issue of Media, Memory and Demography

Summary

In this short paper, I will attempt to link aspects of demographic flow and issues of memory with the philosophical discourse about cultural dialogue and seek to understand how population principles, such as those related to gender balance, demographic transition and migration are effecting intercultural dialogue. However, demographic trends cannot be separated from the new media trends, which are mutating intercultural dialogue. The new media and demographic trends are making intercultural dialogue and its derivative, the interreligious dialogue, obsolete. It is a case where the principles of soft power are proving themselves extremely relevant in changing mindsets of the world religion leaders.

Introduction

I wish to start by stating that I am not an enthusiast of the intercultural dialogue concept. I do not believe in the concept of intercultural dialogue per se and what will follow are the reasons why this idea was destined, from inception, to failure. In my opinion, it was only created as a PR exercise by the West to hide its internal difficulties in coming to terms with its own diverse and individualistic culture. The Secular West sought to adopt and adapt a concept that became popular thanks to the Catholic Church's new concept of interreligious dialogue promoted during its Ecumenical Council known as Vatican II. The West followed suit and sought to reinvent itself by creating a concept of dialogue between civilizations: But intercultural and interreligious dialogue are two intermittent concepts. Both concepts have the same matrix but intended to carry different messages and used for different scenarios. Irrespective of what one thinks about them, in reality, they are intended to cover the same point that is the historic clash between religions, which our modern world has transformed into a clash between states. The mistake that is often made is that religion is read in terms of the historic clash between Islam and Christianity or the clash that each one of these religions had, at different times of its history with Judaism. The Enlightenment concept of the secular state is turning out to be not much different from the way religions acted in the past. In the past two centuries, secular ideas have been transmitted with the same zeal that missionaries used to spread their religious beliefs.

What happened is the Western secular state shifted the dialogue between religions to a dialogue between cultures. And here is the first failure. A state, at least within the Western tradition, can never mix religion with politics. Even when there are issues where religion and the state appeared to be one, there has always been some line of division between the two, and this holds also for the past centuries. The case of the division between the Emperor and the Pope in medieval Europe represents this dichotomy.

Secondly, the issue of intercultural dialogue seems to be escaping the interest of the social media. As a way of debate, such as 'a concept', is not finding new pastures in the contemporary age where the media, in particular, journalism, is being defined as the fourth pillar of the state. Malcolm X considered the media as the most powerful entity on earth. According to Malcolm X, it has the power to make the innocent guilty and the guilty innocent through the control of the minds of the masses.

With the introduction of social media, the philosophical axiom moves in other directions. Media future lies, more and more, in the use of the web network where angry ordinary people seek to master the news. Often, home made videos of short films, where characters are presented speaking at a fast pace in a collection of what is known as "chat-room jabber", visual stories where people are shown making auto confessions in public, sitcoms, animations, tweets, text-speak, scenes that slide/fuse into

another, manipulated images which are changing continuously and/or transforming themselves all the time including Facebook pages, are the new elements that are controlling the minds of people. Thus, official projects, sanctioned from above, as is the case with intercultural dialogue, are risking to be deprived of an audience.

As a concept, intercultural dialogue was promoted by the secular state, both to create political hegemony in those areas where different cultures existed and in those situations where these cultures were seen as a resistance and a threat to secular authority. The problem here is that secularism became a new religion. It has ended up expressing itself in religious terms. It has created its own rituals, its own theology through its clear public support of atheism. Secularism as a philosophy was used by Western states to push Christianity aside; secularism entered into a clear power struggle with religion and is now waging a war to those that may appear different in culture from the ascribed one. In its battle against Christianity, and this is less discussed, the secular state in Europe was ready to ally itself with other religious denominations to achieve political hegemony. At some point, Islam involuntarily appeared as a natural ally of the secular state that wanted to take advantage of the historic feud between Islam and Christianity to further weaken the power of the Christian faith. This phase is now over, but the secular Western states are now reinventing themselves as arbiters between religions. In plain words, intercultural debate began to be seen as a tool to intervene and decide about comparative religion issues on comparative religion.

Soft and Hard Powers

Europe needs to divest herself of these old rites and rituals, which she has followed for the last two hundred years. Gradually, Europe is ceasing to represent progress. A new divide is developing between religious leaders and politicians on the one hand, and the people of the social media on the other. There is no doubt that, more and more, political content will be transmitted through the digital media, which is being dubbed as the new soft power, and rightly so, but this is making Europe's political message to appear too conventional, if not sterile and old.

From the first time that this phrase was coined in the late 1980s by Joseph S. Nye and presented in his book *“Soft Power, the Means to Success in World Politics”*, it became a source of controversy, which in itself is proof of the success of his book. Nye viewed ‘soft power’ as the ability to attract and persuade. In contrast, the previous type of power, which he dubbed as ‘hard power’, was described as the ability to coerce. In other words, ‘soft power’ was ascribed a cultural value. Nye expressed cautiousness not to make a moral claim but righteousness, whatever it may mean, is an element of this ‘soft power’. Finally, the real power of religions is not derived from the might of the sword but from a shared system of righteous moral behaviour.

Nye's concept has a number of critics from Richard Perle to David Frum. Frum was a former speechwriter to President George W. Bush. He considers himself a realist. Both Perle and Frum argued in favour of hardcore policies. Sometimes, this vision of politics loomed over intercultural dialogue. The presumed failure of intercultural dialogue was often perceived to be the middle stance that it assumed in the political discourse; it was always presented as soft talk aiming to achieve hard political results.

However, even those who are critical of ‘soft power’, like George Bush, whom I shall be using here purposely, relied on religious metaphors from the Gospels e.g., “Whoever is not with me is against me, and whoever does not gather with me scatters” (Matthew 12:30), without recognizing other phrases that fall nicely in defence of the soft power attribution and its political attractiveness that is “Whoever is not against us is for us” (Luke 9:50; Mark 9:40).

Here is the second point. Is intercultural dialogue or religious dialogue to be equated with hard or soft politics? This is another conundrum as there were times when intercultural dialogue was viewed as a source for change through moral principles of good but, at times, it was dubbed a failure as it lacked a hard stance.

Many persons are sceptic about the power and importance of digital medium governed by cyberspace. Rightly so, many question its righteous and moral credentials and accuse the social media

language to be dominated by angry scrum. For these individuals, this new world is absurd. It is a terrain mined all along the way and information reaches us like an explosion of fireworks; the message continuously changing. Issues of religion are not always seen with benevolent eyes by the cyberspace community. But our western political leaders are not faring better.

Noya's analysis helps us to understand why the general perception about intercultural dialogue is that of failure. People perceive power in hard terms. Therefore, intercultural dialogue is being evaluated within this key factor.¹ Noya's analysis brings in a very important factor, which is normally overlooked by politicians and individuals working in the field of intercultural dialogue. They look at geography, but fail to assess the demographic dynamics of our contemporary world. In other words, the issue of soft power needs to be analyzed also within the framework of demographic change. Noya valued geography and demography in terms of 'soft' and 'hard' power. For him, the former is soft power (the 'Nye factor'), while the latter is hard power (what one could call the 'Kagan factor'). Yet, demography itself is changing this scenario. If one were to compare the metrics of demography with the metric of intercultural dialogue, one has to start viewing it within the soft power parameters.

The issue of intercultural dialogue rests on the idea of secular values, which are not always in tune or on the same wavelength of religious values. This explains the resulting confusion about intercultural discourse whether the approach should be a soft or hard one. Whichever approach one intends to adopt, it is destined to fail as today different religious denominations are considering secular values a threat to their existence. Normally, the biggest clash revolves around "reproductive health". Western states perceive this issue of reproduction through hard power. Ironically, this is how the American president Barak Obama perceived his health care reforms. This President who was seen as someone who was wheeling the concept of soft powers to new international heights, ended up adopting a hard fist policy in the area of health care. Religious movements considered Obama's stand as going against their right to religious freedom. Whatever one's feeling about this matter, the opposition generated created passive resistance and now the whole reform is risking complete failure.

Obama's health care reform failed because of Internet. This confirms what had been stated earlier that the big changes that are happening through Internet and the social media are going beyond past dialectics, and old creeds whether of a religious or secular nature. Both spheres are now destined to face new challenges. The demographic transition is making religious positions obsolete. On its part, the Western secular states cannot rest secure in the comfort of its old enlightened ideology for now new forms of social problems are emerging in Europe, which are making the enlightened ideology irrelevant. Enlightened views are no longer seen as a source for social advancement. On the contrary, they are representing social regression.

Society in Europe is now concerned with the empty nest syndrome, where the number of old people left alone is increasing. This is the result of the demographic transition. Families become small with the result that few individuals now are willing to take care of the senior members. This is leading to a new reading of the Malthusian demographic politics and Garrett Hardin's controversial theory of "the tragedy of the commons" should be considered as an eye opener to the intercultural dialogue debate. There is a common parallel between these ideas. Those societies that had been through the demographic transition are the ones that have been depleting most the world's resources and the ones that speak most in favour of intercultural dialogue. In others, these are the countries that acted individualistically and independently, and always according to their self-interest. Those countries that are undergoing this demographic transition are now acting in this same rationale. They are now the countries most interested in the intercultural dialogue debate.

The recent economic crisis in Europe is a clear manifestation of this phenomenon. What is less clear is the fact that past safeguards, offered by religion and extended big families were totally missing with the result that society had to re-invent new forms of how to go about this new economic reality. The social tragedy was great for the effected populations, but as rightly noted by Hardin, "the

¹ Javier Noya "The symbolic power of Nations",
<http://www.ingentaconnect.com/content/pal/pb/2006/00000002/00000001/art00007>

population problem has no technical solution; it requires a fundamental extension in morality". Finally, modern capitalism is hostile to family life. Perhaps, the only thing that saved Europe from a bigger catastrophe was the irregular or illegal migration, which offered fresh blood and cheap labour to keep the capitalistic system going.

The Issue of Memory

Memory too is going to be effected by these demographic changes and the way intercultural dialogue is perceived. Contrary to what one might think, memory has no fixed status and what a population remembers is not fixed but changes from one generation to the next. The natural question that one may be tempted to ask is "what has memory to do with your argument about intercultural dialogue?" I am sure that issues of religion are finally issues of memory. In turn, memory is a demographic issue. In explaining this, one needs to go into the concept of memory and perhaps, would need to begin talking in terms of post-memory studies. But for the sake of my argument, I am interested with one aspect of memory: in the past, memory was mainly a man's domain. At least, only the memory of the male gender went down into history.

Memory was transmitted first by male poets who, later, were replaced by male historians. Religion too was conceived by all the monotheist faiths primarily as a male domain. In turn, religions are based on traditions and traditions are nothing more than the transmission of memory from one generation to the next.

As more and more female writers are coming in, memory is getting a female side. Even religion is becoming more and more female oriented. Women are ceasing to be casual spectators within a religious process. They too want to be protagonists of the religious world. It would be wrong to judge this phenomenon as something associated with Christianity. Gender issues are affecting other religions. At the same time, these gender issues are making intercultural dialogue irrelevant. Within religion, the interest is increasing in a more equitable sexual representation and less on issues of interrelationships between different faiths or cultures. Gender is seriously putting to the test the monolith structures of world religious organizations.

This change should also be viewed on issues related to demographic transition. Gender studies developed as a natural consequence of changes in sexual behaviour within Western families. The demographic change is effecting the transmission of memory. Research is showing that when it comes to intercultural dialogue, there is no final correct memory.

Intercultural dialogue depends on memory and the clash of civilizations is the result of how the historical memory was orally transmitted from one generation to another. The presence of women means that the transmission of memory is having a female side. This aspect becomes even more important if it is related to issues of demographic transition. This too is effecting the manner how people preserve the memory of their past and therefore how religious precepts are transmitted from one generation to the next.

I do not think that it is a question of coincidence that in the West, the decline in the fertility rate is leading to a new ambiance for the preservation of the past. Religion is appearing as a sort of nostalgia. As families become smaller and smaller, more children are concerned in preserving their family's past. Among these groups, beliefs represent an aspect of their family's past historical truth. Whenever this happens, those involved have a tendency to annihilate all other truths that could tarnish or dent their view of their prefabricated past. Thus, history is seen as a mummification of the past.

The grand narrative of events is losing its importance in the collective memory of the population. Religion and culture lost their importance as part of a grand narrative but are becoming important in terms of individual history. The same applies to intercultural dialogue with the difference that intercultural dialogue was always viewed in terms of a grand narrative. Once, it lost its grand narrative, it failed to reinvent itself in terms of an individual dialogue. Individuality goes against the same aim for which intercultural dialogue was created. Individual dialogue can never be an expression of a collective grand narrative.

The human mind only preserves those things that are part of a life experience. In other words, it does not preserve something, which is beyond memory. As a population shrinks that which is preserved in the collective memory is destined to dwindle. The demographic transition shows that memory ended up depending more on the written narrative rather than the collective memory. But memory is private.

And here lies the contradiction. Culture or religion cannot be something private, even if the secular state wants to view religion as a private act of the individual. Culture and religion are a public manifestation. One cannot reduce religion to the private, but the discovery of a private domain within religion, is helping to reinforce religion. Perhaps, this is the reason why radicals considered that the only way forward is through the total annihilation of religion.

This brings in the concept of representation. Culture and religion stand for all those things, which represent the “anti-individualism” elements. It stands diametrically opposed to both the Marxist ideals and the principles of neo-liberalism. Ironically, both have one aspect in common: they tend to despise religion. Marxism sought to annihilate religion through the use of hard power. Neo-liberalism wants to coerce religion through the soft power option. The end result is that both fueled the individual aspect to the fore.

Both Marxism and neo-liberalism think that religion stands for a homogenizing culture. Thus, the use itself of the word “cultural” was a diplomatic way to avoid controversy in using religion. Politicians feel uncomfortable to speak in terms of inter-religious dialogue even if, each time that they end up discussing intercultural dialogue, they always speak either in terms of the clash between religions or the clash of the Western states with religious institutions. It is in this sense that religion is being reduced to a cultural phenomenon. But this is a defeatist policy because all religions see their faith as something more than a cultural factor.

The power of religions lay in their social strength. This is the soft power of religions, through which they became a hardcore reality. In a globalized world where disunity and fragmentation appears to be on the increase, in particular after the past economic crisis, the tendency for religion appears to be once again a force of unity, in particular, if their religious leaders begin to strike the right notes. Once religious leaders succeed in pitching their discourse in the right chord, their voice risks replacing that of the secular political leaders. More and more European and world politics is being seen devoid of any political idealism. Religion is appearing to be supplanting this social and political vacuum. It is in the nature of society itself to seek forms of unity.

Population Projections

The transmission of memory depends on how a population views its religion and culture but also it is a question of the ratio of the older population in relation to the younger population. When this transmission occurred in the past, the younger population exceeded by far the older population. The situation today, in terms of number in the Western Countries has changed. The demographic pyramid is now inverted, and the older population is slowly exceeding the younger generation. This is going to have an effect on the transmission of memory from the older generation to the younger generation. The older generation has few younger people to whom to transmit their memory and as they are slowly becoming a majority, the risk is even higher that the younger generation is not interested in the elders’ memory. The existing new media is doing the rest.

Huntington’s successful book, entitled the *Clash of Civilisations*, sparked interest in intercultural and interreligious dialogue but it has also proved to be the downfall for the former. Huntington too takes an arithmetic count of population per geographical areas in support of his theory. His arguments are based on simple demographic principles, that is, the number of people living in the world, who are considered to be Muslim against the rest, who are principally labeled as Christian. However, this demographic argument did not take into consideration the demographic transition that is taking place in the non-Western world. Today this phenomenon is having an affect on the non-Christian side of the world. The North African area has now gone through this process. Muslim countries are slowly

being influenced by these new trends and this, in turn, is manipulating both interreligious and intercultural dialogues. It is rendering all this discourse null.

Those countries that had been through the demographic transition are the least interested in going to war over territorial issues. They are also the least interested in matters related to religious debate. Perhaps, they might be interested in issues related to culture, that is, the presence of migrants in their country,

The same holds for territorial issues. They are extremely strong in those countries that still have a young generation. These are the countries, which are also discussing intercultural issues today. Normally, these countries would have a very strong rhetoric regarding the defense of an acquired territory or for the recovery of a lost territory. I am sure that once these countries advance economically, they too will go through the demographic transition, and they will be less and less interested to go to war against each other over disputed land. The bellicose language will become less and less intense and a peaceful settlement would be reached to the satisfaction of both sides. But this is a long process. Demographic changes take time to take place. This is why changes are experienced over generations with the difference that our sexual behavior affects the way people perceive issues related to cultural dialogue.

The demographic transition brought about what Zygmunt Bauman termed 'liquid modernity' and sociologists, prefer to call it liquid society. The values of diversity are no longer categorical. They too are liquid. The demographic transition in Europe is leading to the deformation of its own values, such as those of Human Rights. These are no longer discussed in terms of their universal validity as applicable to the entire world population but are being seen within a narrow perspective; that of the rights of individuals. Therefore, they are being applied to the interest of particular groups or lobbies within a society rather than in favour of the whole of humanity. The European Parliament is becoming an expression of this liquid reality, where, similar to the discourse made by the medieval theologian John Duns Scotus, arguments by our MEPs are expanded and contracted to suit exigencies and needs of a rising individualism.

This new individualism is leading Europe to a relative dictatorship. The cultural mores are being dictated by the old political rhetoric of 1968. In cultural terms, all European citizens are expected to abide to these norms. Those who refuse are doomed to cultural extinction and social irrelevance. There is no mercy or help for them. Even mercy in Europe can only be bought at exorbitant prices. The "*Republique des Advocates*" has somewhat turned the new system, meaning that your rights can and are only safeguarded if you can afford to invest in good lawyers. If you are one of the 'have nots', you are doomed to loose out badly in the Western democratic system.

Anything that contrasts the cultural diktat of 1968 raises question of validity. It is declared null. In the name of nullity, such a culture evangelizes. Europe ended up preaching nullity or what was termed over two hundred years ago as Nihilism. Nihilism has become Europe's religion: and this is making Europe null; insignificant! This is why this same society was not credible when in the past decades it sought to propose the new creed of intercultural dialogue.

As in all revolutions, the problem is not the revolution itself, which brought about the needed change in sexual behaviour in Europe, but the moderators of the revolution, that is, the revolutionaries themselves. As always, they stand to become the new status quo of the new system. They assume a godly and in the case of Europe, a godless attitude. They ended up seeing the world exclusively with their own eyes to the exclusion of all the rest. But what about individual cases, cases of persons who fall outside the circles of power? How can they regularize their situation and therefore receive what they are owed as citizens of the world? In a situation, where the population is decreasing, governments should be more prone to an open policy towards the other. In reality, the policies are becoming more restrictive because the demographic transition has reduced the economic opportunities rather than creating new ones.

Today, in Europe, legal citizenship can be bought, but what about the 'have nots'. Poor people have no money, therefore, within this new legal culture of post 1968, they are defined as irregular. In other words, they are a nullity. Governments justify their actions in selling citizenship by arguing that they

are supplying cash to the countries concerned. They are only destroying Europe, which like the Roman Empire before, is risking to be crushed down due to rising social inequalities and not for lack of dialogue between the different cultural denominations. But unlike Roman times, Europe will end up not finding that strata within the population that can bring about a revolution, as the demographic transition is leaving her without the necessary demographic pool to bring about social change. As in ancient Rome, the voice of those who are shouting that Europe must be destroyed or *Europa delenda est* is increasing and these are acquiring more and more political support. Unlike Rome, these individuals are not shouting against an outside enemy, which for Rome was Carthage, but against their own political system. In the past, the addressed enemy was the immigrant. What was being said about the migrants is now being said by Europeans against other Europeans. These cries are extremely visible in the Social Media. In this sense, intercultural dialogue needs to assume a new meaning, dress new clothes to remain valid and relative in this new emerging Europe, where unity is in the global representation of the world. It should stop to thinking about herself in religious terms. But to achieve this, the West should stop to ponder in crusading terms with respect to individual or collective beliefs. Paradoxically, religious institutions in the West are becoming the promoters of political and economic change. In simpler way, they are becoming the voice of the angry social media asking for institutional change.

Conclusion

The world of the Internet is helping to bring politics to the centre of the life of citizenship and to make it part of our life. It has simplified the political ideals and made them imperceptible. The citizens themselves are communicating in a more mediatic way their feelings and views about contemporary society. For this reason, intercultural dialogue, as it was known in the past is dead. Even religious dialogue will have to change. People will be now communicating more and more through social media. Perhaps, they will insult each other, make new enemies but definitely they will be communicating more than ever before. The demographic transition, which is affecting the major cities and the “first world” will have its toll on this dialogue. As the population of these cities become older, memory and tradition have a tendency to assume bigger social importance. In this new scenario, the inhabitants of the big cities will have less interest to wage new wars. Their focus will be on expressing affiliation to their ascribed values.

Therefore, this new political game should not be centred around power but around creativity. The Internet has no frontiers. Ideas flow freely. Everyone has the right to express himself or herself. It is not only wrong but also dangerous for any political or judicial power to try to muzzle the flow of information through the Internet. For many, the Internet only expresses minimal ideas, that is, ideas that are normally associated with poor thinking. But here is the fundamental principle of “soft power”. The gravitas of minimalist ideas find its justification in history. All major religions were built on minimalist ideas often transmitted by others rather than the founders themselves. The same holds for intercultural dialogue. If one succeeds in reading these signs correctly, new idioms will be formed which will distance us from the past discourse that surrounded a cultural dialogue that led to nowhere. Instead, if intercultural dialogue succeeds in building itself up on minimal ideas, then it has a guaranteed future.

Bibliography

- Bauman, Zygmunt *Liquid Modernity*, Cambridge: Polity, 2000.
Garrett Hardin, “The Tragedy of the Commons”, *Science*, 1968, Vol. 162, no. 3859 pp. 1243–1248.
Huntington, Samuel P., *The Clash of Civilisations*, Simon & Schuster, 1996.
Kagan, Robert, *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*, 2003.
Kagan, Robert, *The Return of History and the End of Dreams*, 2008.
Noya, Javier, “The symbolic power of Nations”, <http://www.ingentaconnect.com/content/pal/pb/2006/00000002/00000001/art00007>
Nye, Joseph, S. Jr. *Soft Power: The Means To Success In World Politics*, 2004, Public Affairs, xvi.

Н.В.Мотрошилова

доктор философских наук, профессор,
зав.отделом историко-философских исследований
Института философии Российской Академии наук,
Москва, Россия

Что такое “цивилизационные ценности” и возможно ли ценностное согласие в обществе?

1. Определение понятия “ценности”, которое было бы кратким и устроило бы всех (дискутирующих в данный момент, в данном месте и в определенный момент времени, например, на Бакинском форуме 2013 года) вряд ли возможно. В лучшем случае реально обозначить разве что аспект проблемы, о котором каждый выступающий поведет речь.

Тот аспект, о котором поведу речь я, касается “цивилизационных ценностей”. Что это значит?

Во-первых, имеются в виду общие *духовные принципы* (раскрываемые через понятия-универсалии вроде свободы и ответственности, справедливости, солидарности и т.д.), с помощью которых нормируются (и по возможности регулируются), взаимоотношения и взаимодействия людей в обществе в целом и на межличностном уровне.

Во-вторых, имеется в виду соотношение человеческой деятельности с теми особыми ценностными ориентирами, которые имеют своей целью формулирование и поддержку в обществе высоких критериев цивилизованности.

Коротко о “цивилизационных ценностях”¹.

Оправданно говорить о ценностных аспектах, специально относящихся к высоким критериям *единства человеческого рода*.

Это: 1) *действенное признание* того, что историческая задача человечества – создание и сохранение человеческой цивилизации прежде всего как синонима *непрерывной* (пока) – несмотря на все бедствия, противостояния войны – истории человеческого рода. В условиях, когда впервые в истории возможна гибель планеты и всего человечества, эта общецивилизационная цель и забота – наипервейшая; 2) *признание* плодотворным и жизненным, *действенным способствованием* свободному, построенному на началах справедливости взаимодействию людей, понимание того, что на разных уровнях (семейном, общинном, государственном, межгосударственном) оно должно иметь кумулятивно-созидающий характер; 3) *содействие* всем механизмам, поддерживающим и расширяющим такое взаимодействие-накопление.

Ценности предстают здесь в качестве уже осмысленных и повседневно, практически включенных в действие *рамок-целей*. (Например, если надо сделать современный автомобиль, берут самые продвинутое знания и технологии, уже имеющиеся у человечества – вместе с соответствующим опытом и т.д.).

Ценности, поскольку их осмысливают в истории мысли, становятся объектом размышления мудрецов, мыслителей разных времен и народов. К нашему времени, как известно, сложилась и развивается особая наука о ценностях, аксиология. Но размышления о ценностях восходят к философским учениям глубокой древности. Пример: Платон в диалоге “Государство” говорит: мы отыскиваем справедливость, предмет дороже золота... И верно: в древности, как и в наши дни, ведется кропотливый теоретический поиск относительно

¹ Подробнее о понятии “цивилизация” (о противоположном ему понятии “варварство”) и дискуссиях вокруг них см.: Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., Канон+, 2010.

подобных предметов, которые, в самом деле, “дороже” золота. Это происходило и будет происходить вопреки силе золотого тельца, попирающей всякую справедливость.

Как в масштабе истории, так и на оси отдельных исторических времен (например в рамках современной истории) цели и ценности поддержания, развития и сохранения целостной человеческой цивилизации – при учете достоинства, при уважении к цивилизационным достижениям в рамках специфических цивилизационных форм – было весьма трудно реализовывать. Но раз и *человечество* существует, и отдельные региональные, национальные цивилизации все-таки сохранили свое своеобразие, значит, цивилизационные цели-ценности все-таки пробили себе дорогу. Можно утверждать, что как раз поистине варварские бедствия и потрясения XX–XXI веков подчеркнули и усилили их значение.

Легкого пути не будет и дальше. На пути согласования цивилизационных ценностей существуют огромные препятствия.

Среди них – концепции (и устойчивые массовые уверенности), согласно которым цивилизационного, вообще ценностного согласия достигнуть невозможно, нереально. А иные идеологи экстремистского типа заявляют, что нужно стремиться не к согласию, а к мести, истреблению, наказанию людей с иными духовными, религиозными традициями. Так возникает идея – она стала ходячим штампом – о “войне цивилизаций”. Хотела бы подчеркнуть, что категорически не приемлю это выражение, причем и по такой решающей причине: “цивилизация” – собирательное обозначение *черт жизни, особенностей жизни, культуры* и т.д. А они по определению не могут воевать друг с другом.

Затевают войны, как правило, определенные люди и человеческие общности, которые как раз попирают цивилизационные нормы и ценности, нарушают их (если они раньше и были в истории их народов), впадают в варварство, рецидивы которого способны вторгаться также и в развитие сугубо современной цивилизации.

Вернемся к теме круглого стола – к *вопросу о поиске ценностного согласия* (последнее, конечно, относится не только к теме “мультикультурализма”). Поставлю некоторые вопросы и тезисно выскажу по ним некоторые свои соображения.

1. Соотносится ли “ценностное согласие” (или несогласие) с реальной жизнью народа – соответственно, зависит ли от народа в целом и от его массовых слоев искомое согласие? Думаю, соотносится, и довольно плотно. Правда, это специфический уровень согласия и несогласия. Тут есть свои трудности и сомнения. На первый взгляд, кажется, что о таком согласии могут рассуждать и заботиться лишь люди, занятые далекими от жизни “материями”. Но это совсем не так. Например, самые простые люди с их конкретными заботами, причем в каждодневной жизни, имеют множество поводов подмечать, обсуждать и осуждать, скажем, упадок нравов, смещение критериев добра и зла, проявления социальной несправедливости, чувствовать себя униженными и оскорбленными и т.п. Поводы и переживания здесь – повседневные, конкретные, что вовсе не отменяет их отношения именно к ценностям, к ценностным несогласиям, имеющим место в том или ином обществе. Думаю, что возможны и жизненно-необходимы конкретные философско-социологические исследования, замеряющие уровни, на которых имеется: а) согласие масс народа (хотя бы относительное), касающееся ценностных принципов; б) отношение к реальному поведению представителей тех слоев, с ценностями которых выражают свое несогласие большие массы народа (а в этом в свою очередь выражается их взаимное *ценностное согласие*); в) доступная установлению глубина несогласия, больших “ценностных точек”, если можно так выразиться, в жизни того или иного общества.

2. “Цивилизационные ценности” в общих выражениях ценностного согласия (несогласия) играют особую роль. Ибо они одновременно касаются и весьма “высокого” духовного уровня жизни, и в то же время задевают весьма чувствительные струны человеческих душ, духовных скреп, жизненно важных для индивидов и межиндивидуальных объединений. Они связаны, например, с вопросами о том, насколько удастся соотнести – и именно *цивилизованно*,

своевременно, не доводя дело до взрывов и конфликтов – духовные ориентации групп людей, которые существенно отличаются друг от друга с точки зрения кардинальных для их жизни традиций (начиная от коренных религиозных различий, обычаев, обрядов – вплоть до одежды), а значит, и ценностей. (Собственно, в теме “мультикультурализма” объединились многие проблемы преодоления разногласий в вопросах этого рода).

3. Уверена, что в продвижении каждого государства, народа к поставленным социально-историческим и цивилизационным целям от умения находить именно “ценностное согласие” зависит очень многое.

Представляется, что парадигмы будущего цивилизационного развития сегодня способны задавать не те страны и народы, которые высокомерно (а значит, вопреки цивилизационным ценностям) приписывают себе какую-либо “исключительную” руководящую роль, а те, которые терпеливо, умно, без всякого экстремизма умеют устанавливать и поддерживать, *прежде всего, цивилизованное ценностное согласие*. Причем на разных его уровнях – как внутри своей страны, так и во взаимодействии с другими странами и народами, благодаря чему выигрывает и мировая цивилизация, и жизнь, культура, цивилизованность самого этого народа.

Migration processes and new approaches to international cooperation: practices of co-development

1. Introduction

In the last few decades, and particularly in the last few years, the international migration is experiencing radical transformations, characterized by the emergence of some new phenomena. Among them, the growing number of migrating highly qualified people, and the ever closer contact that migrants tend to keep with the Country of origin, through a huge increase in payments sent or more communication opportunities offered by technological innovations; the possibility of giving life to forms of migration no longer exclusively linear or static (i.e. from a Country of departure to a country of destination) but also circular-type or dynamic, which provide for the possibility of several returns home and new departures to the same or other host Countries.

In light of these developments, the scientific and political debate is attributing increasing importance to the theme of the relationship between migration and development and, in particular, the need to operate at an international level, but also at national and local levels, in order to achieve what the United Nations have defined the *triple win*¹: the migrants', their Countries of origin's and the host society's benefit.

In the past few years, in many Countries of immigration – in Europe and beyond – there have been discussions about the opportunity to better coordinate immigration and development cooperation policies in the Countries of origin of migration flows. While there are Countries extremely reluctant, mainly for reasons of principle, to seek synergies between the two frameworks, in other Countries the two *policy fields* now appear to be closely related, at least at the level of political aims and priority.

These new dynamics and relationships between different but connected processes, lead the broad international cooperation system, so that there be an effective governance for development “here” and “there”, a reevaluation of goals and paradigms of action, and this is motivated also by a deeper knowledge and recognition of the role of migrants for development, enabling and promoting the access of migrants themselves to the dialogue about the actions to be taken.² The relationship between migration and development must be considered in the current context of globalization³, its effects on development in different Countries, on the opportunities for the mobility of people, and also in the context of demographics and political issues. There are several ways in which these two terms are related, both considering the development of emigration and destination contexts as a prime factor in the determination of flows, and considering how migration flows, in turn, affect the development of poles of departure and arrival.

This latter approach focuses on the active role of transnational migration in the construction (or mobilization) of material and immaterial resources that makes the migrant a figure more specialized in linking different territories, through the allocation of the family abroad, the movement of financial

¹ As pointed out by the Secretary General of the UN Kofi Annan on the occasion of the High-Level Dialogue of the General Assembly on International Migrations and Development, New York 15-16 September 2006, United Nation, Migration and Development, A/60/871, 2006.

² Stocchiero A., Proposte per uno strategy paper della cooperazione italiana su migrazioni e sviluppo, Working Papers 33/2007, www.cespi.it, p. 7.

³ In reference to the links between the processes of globalization and migration, see Berti F., Globalizzazione e immigrazione: quale relazione?, in V. Cesareo, M. Magatti (ed.), *Le dimensioni della globalizzazione*, FrancoAngeli, Milano 2000 and Ambrosini M. *Un'altra globalizzazione. La sfida delle migrazioni transnazionali*, il Mulino, Bologna 2008

resources and material goods, physical, social and entrepreneurial mobility, the activation of multiple relationships, the political and social activity.

However, it is quite often evident that Development Cooperation is used in relation to the policies on immigration. The local presence of men and women from the Countries where they target programs and projects of cooperation is almost never considered as a contribution to the improvement of working relationships between Countries. All this leads to the need for a change of perspective, from the supported development of the Countries of origin to reduce migration flows (*more development, less migration*), to an approach that enhances the action of migrants for the development of their Countries of origin and the Country of destination as well (*better management of migration for more development*).¹

The importance of the link between migration and development has prompted the whole system of development cooperation to reconsider the adoption of new roads, new implementation methodologies, new routes to facilitate the relationship between the factors that at every level work in cooperation and foreign communities, trying to highlight those elements of the relationship between migration and development that are producing, or could in the near future, new stimuli, thereby creating new horizons for the development of best methods of action.

2. A change of perspective

The attention dedicated to the relationship between migration and development has increased significantly over the past few years. This interest led to the creation of important opportunities for discussion in the world: on the one hand, the creation of the Global Commission on International Migration within the United Nations, and on the other, the organization of the Global Forum on Migration and development. In Europe, in autumn 1999 the Tampere European Council had already launched a new integrated approach, subsequently merged in 2005 in what has been called “the global approach on migration.”²

Despite the general orientation in favor of integrated partnerships of co-development with the Countries of emigration that are adopted at the European level, there is still a common European approach in this crucial area for the future of relationships between states, communities, and cultures.

At the same time, however, the importance of the external dimension of migration policy in order to effectively control migration flows, is growing steadily especially in Europe, both for Community institutions and for individual States.

This is true particularly in the Countries of destination, at least for that part of public opinion that proves to be a bit more sensitive to the rights of migrants, but also in many Countries of origin and transit, where the mixture of repression, corruption and lax generates higher social and political costs.

The main reason for the growth of the external dimension (bilateral, multilateral, European and international) of migration policy is the fact that the unilateral approach was not effective in reducing the gap between the promises, goals and expectations on one hand, and the actual accomplishments of sector policies on the other³.

In regard to the relationship between migration and development, the main interpretative and operative paradigm in Europe has experienced a profound evolution over the past few years. Starting from the special European Council in Tampere, the first official meeting of government representatives on the issues of migration, the idea that economic migration (to be distinguished from

¹ Stocchiero A., op.cit. p. 7.

² European Commission, The Global Approach to Migration One Year: Towards a Comprehensive European Migration Policy, Brussels, November 2006 Com (2006) 735 final; Davi L., Le migrazioni globali e l'emergenza del tema del co-sviluppo nell'agenda internazionale, in ISMU Foundation, Dodicesimo Rapporto sulle migrazioni 2006, 2006, FrancoAngeli, Milan 2007.

³ Pastore F, Transnazionalismo e co-sviluppo: “aria fritta” o concetti utili? Riflessioni a partire dall'esperienza di ricerca del CeSPI, Discussion Paper, part of the project: Development & Migration Circuits. Research, networking and public initiatives to enhance synergies between migration management and development cooperation, www.cespi.it, February 2006.

forced migrations, caused by conflicts, persecution or environmental disasters), is essentially a consequence of poverty has prevailed. From this derives the idea that development co-operation could be useful in addressing the root causes of migration, thereby reducing migration pressure.

During the course of less than ten years, the paradigm on which the external dimension of the European migration policy is founded is profoundly changed, if not reversed.

The root causes approach has in fact been gradually abandoned in favor of the thesis of the migration hump, according to which the development (at least in its early stages) does not reduce but, on the contrary, contributes to the growth of migration flows.

In this new perspective, the goal of a link between migration policies and development cooperation policy is not to reduce migratory pressures, but to maximize the positive impact of migration on the contexts of origin and destination. As Ferruccio Pastore argues, the European debate on migration policies has gone from “More Development for Less Migration” to “Better Migration for More Development¹.”

To conclude this overview on the European point of view, we can highlight two definitely positive elements: on one hand, the multilateral approach, which guarantees a regular dialogue and practical cooperation between Countries of origin, transit and destination of migration flows, and on the other hand, the increase, even though gradual, of financial resources allocated to the migration policy.

The current challenge that Europe is facing is to implement policies to link migration and development, so that the same amount of attention is directed at the effects that the same policies may also have in the country of origin of migration. Today the migration processes are not only an inevitable social fact, but also a great opportunity for development, for both host and origin countries. An opportunity that cannot be developed by erecting fences and borders, but only through the necessary awareness of the real benefit brought by immigrants and the application of policies focused on the close link between migration and development².

3. From decentralized cooperation to the creation of territorial partnerships of co-development: limits and perspectives

Decentralized cooperation, defined by the European Commission³ as a new mode of development cooperation between local governments and entities of the territory, is characterized primarily by a participatory approach, by prioritizing activities for *capacity building* of the organizations of the subjects of the territory, by strengthening institutional support, by sustaining the acquisition of power by the most vulnerable groups, by the transition from a project approach to a process approach where the sustainability of development capacity is central, and that is more open to trade with the partners of the North in the interests of reciprocity and integration.

In Italy, decentralized cooperation has a further specification, as it deals not only with cooperation between Local Authorities (otherwise known as *horizontal cooperation*), but implies also a cooperation between territories where the Local Authorities play a political role of *primus inter pares*⁴.

Just as the presence of immigrants forces citizens and local institutions to question their origin, migrants, as transnational actors living in specific local contexts and interacting with institutions and individuals of these territories, are naturally inclined, through the international relationships between village or city of origin and the host Country, to become actors of decentralized cooperation.

¹ Pastore F., “More development for less migration” or “Better migration for more development”? Shifting priorities in the European debate, MigraCition Europe, CeSPI, 2003.

² Caso R., *op. cit.* p. 5.

³ European Commission, Support for Decentralised Cooperation. Operational Guide to Decentralised Cooperation, DEV/1424/2000-EN, Brussels, 2000.

⁴ Stocchiero A., Migranti e Cooperazione decentrata per lo sviluppo africano, Working Papers 10/2004, www.cespi.it.

Local Authorities, as institutions of the territory and therefore closer to the immigration issues, are privileged interlocutors for initiating and sustaining experimental interventions and innovative cooperation with the Countries of origin¹.

All this is strengthened by the participative approach of decentralized cooperation, which cannot fail to take into account the ability of migrants to help the development of Southern Countries. The most interesting experiments have occurred especially at a local and decentralized level. We have reports of several experiences of migrants associations who, in collaboration with non-governmental organizations and supported by Local Authorities, being more dynamic, flexible and experiencing directly the needs and opportunities of migrants, societies and economies, mutually manifest and experience innovative practices, anticipating the national central level.

It is therefore within this landscape² that the role of cities and regions is taking shape and substance in trying to draw political trajectories to manage migration in its glocal dimension and in creating territorial partnerships of co-development. Trajectories that, if coordinated in a consistent way, lead, as Stocchiero claimed³, to the creation of regional partnerships for co-development between cities and regions of destination and departure. Within these partnerships, migrants can become actors of change, partners of governments, of business associations, and of civil society, through a political dialogue among local and regional governments in the South and the North, and a common vision of development in its different dynamics.

5. Migrants as agents of development: opportunities and obstacles

Migrants are at the core of the many experiences that have arisen and developed over the years locally, as increasingly important actors and transnational subjects. This is due to the fact that, maintaining close ties with their families, with communities and with the Country of origin, they initiate flows of money, goods, ideas, and behavior that affect more and more the development of relations of dependency.

Naturally, the contribution that migrants can give to development, freedom, democracy and the reduction of poverty is closely linked to their positive transnationalism: their ability to build bridges, to move ideas, goods, services, money, and cultural influences, to promote open societies. In turn, this transnationalism feeds on the recognition of the rights and of active policies of citizenship in the various local and national contexts in which migrants, their families and their communities live. Consequently, a fundamental role is played by the integration process, as well as local and trans-local coexistence (and vice versa)⁴.

Migrants' participation in the definition of policy cooperation is a great opportunity, thanks to their knowledge of the places of departure and of arrival. The circulation of ideas, the consolidation or construction of international relationships between local communities, gives us the opportunity to identify paths, projects, strategies capable of giving positive feedback in several contexts.

Migrants are a development factor, from their financial remittances, their expertise and their affiliation (or non-affiliation) to two different and distant places simultaneously. It is this double

¹ These elements are part of the debate on the policy of co-development that has been started since the 80s in France. Many African immigrants have created associations at different levels that have a relationship with the territories of origin. These associations have launched projects for local development; have raised funds to build schools, health centers, and small village infrastructure. Migrants are well recognized as key actors in the development of interaction with local authorities and the ones in the territories of the South and the North, through decentralized cooperation, which in France is nonetheless defined, reductively, as horizontal cooperation between local authorities.

² A range of initiatives referable, as a whole, to the contents of the policy of co-development, to be summarized in those actions aiming to exploit the so-called 3Rs: Remittances, Returns, Recruitments, as highlighted by Martin and Straubhaar in Martin P.L., Straubhaar T., Best Practices to Reduce Migration Pressures, "International Migration", 40(3), 2002; Martin PL, Migration, in Lomborg B. (ed.), Global Crisis, Global Solutions, Cambridge University Press, 2004, p. 443-477.

³ Stocchiero A., Migranti e città: partenariati per il co-sviluppo africano, www.cespi.it.

⁴ Stocchiero A., Proposte per uno strategy paper della cooperazione italiana su migrazioni e sviluppo, Working papers 33/2007, www.cespi.it.

belonging, or double absence, that represents a great opportunity for local communities of departure and arrival, especially for the people that too often see this dual role as a double absence¹.

Besides, the immigrants themselves are the first to cooperate, by meeting the basic needs of the families left at home without waiting for state intervention.

The factors traditionally highlighted as capitals of migrants for development are represented by the *human capital*, as the knowledge and skills acquired in the host countries through education, training and work experience; the *financial capital*, represented by remittances and the transfer of the accumulated savings in the host country at the time of return; the *social capital* as a set of relational goods, i.e. from social relationships, groups, networks and organizations that allow migrants to have access to information and resources, to acquire more skills and power, and to be “bridges”, or transnational actors, between the host Country and the Country of origin².

These factors can be and are used by migrants for the development of their Countries of origin, and to build strategies for poverty alleviation.

As pointed out by research studies conducted by the Center for International Policy³, the role of migrants in the complex circuit of cooperation is varied and differentiated. Migrants are not only beneficiaries of “community development projects”, but also promoters and facilitators of development.

In this sense, the presence of migrant communities characterized by greater homogeneity and compactness is a crucial element of flows management and control for local authorities, as well as a facilitating factor in building paths of cultural mediation, exchange and circulation of information and assistance.

But migrants are not just the ultimate beneficiaries of the projects. In this regard many initiatives to promote local development were observed, in which a fundamental role is played by migrant communities. In this regard, the Senegalese community is undoubtedly one of the most active. This community, through their associations scattered throughout the Country, has promoted and co-funded multiple projects, with the main goal of establishing savings and credit, carrying out farming activities, building small-scale infrastructure, training and support.

Moreover, with the promotion and co-financing of a group of Senegalese, a project in the health sector was carried out, through the restoration of infrastructures and the delivery of materials and drugs. Again in the health sector, we have witnessed a training experience that allowed medical and nursing staff from Senegal to follow an internship in Italy.

Finally, there are experiences in which migrants are involved by NGOs or local authorities as facilitators of development projects, making these transnational subjects an important interface between Italian institutions and Countries of origin. In this light, the stronger the involvement of transnational migrants, the most effective and valuable will be the role of migrants.

Within this approach many experiences were recorded, in which the identification of local partners and project activities has been initiated and implemented with substantial contributions, advice and (at times spontaneous) collaboration of migrants.

For example, during the war in Kosovo in 1999 it was the Albanian community to suggest to the municipality of Modena the staff who would be able to handle a refugee camp that was supposed to be set up in Albania⁴. A similar experience was recorded in the Marche region, where local authorities relied upon groups of Albanian immigrants to realize a promotional project for tourism in Vlorë; or

¹ Miraglia F., Coinvolgere i migranti nei progetti di cooperazione, in “Ilaria”, Rivista della Cooperazione italiana, n.3 2007.

² Stocchiero A., Migranti e Cooperazione decentrata per lo sviluppo africano, Working Papers 10/2004, www.cespi.it.

³ Piperno F., Reina E., Migrazioni e sviluppo nelle politiche degli enti locali, Working papers 17/2005, www.cespi.it.

⁴ In the context of the Pasarps Programme (Programme of Activities in Support of Albania Regions and Prefectures) by Unops.

the experience of an integrated program of Tuscan provinces in Senegal to create business support and mentoring by migrants, who were involved in the project activities since the first stages.

Of course, it is also wrong to think that promoting the leadership and participation of migrants in the context of cooperation is enough to resolve the contradictions and problems of support policy towards the Countries in the developing world.

In fact, whilst the direct involvement of local communities (like migrants') is important, on the other hand it should be noted and considered that the mechanisms by which the conditions for a real improvement are build depend on many factors, and that the presence of these new players should be consistent with the overall strategy of cooperation policies, without creating separate paths.

Consequently, policies on migration and development can not constitute the one key aspect of development aid strategy, but should be seen as a segment of it, to be defined from time to time in interaction with the international trade and financial policies, and the policies of national and local development.

This is mainly because the migrant is not a tool programmed for development processes, nor necessarily an agent working towards the improvement of the original contexts. He or she is an actor who may affect their reality – be it the local context of origin or destination, as well as the places of transit – in many different ways.

Moreover, as emerged from a series of research promoted by CeSPI, there are a number of structural obstacles to the emergence of a true transactional protagonism of migrants¹.

A first important obstacle is detected in the temptation of assimilation. While in fact to maintain transnational relationships can be a necessity and an advantage, on the other hand is undoubtedly a great effort. This may mean that many migrants, especially in contexts where immigrant communities are particularly weak, dispersed and not very cohesive, prefer to move towards a full integration or even a total assimilation, thus breaking in time the ties with their homeland. A typical feature resulting from this type of assimilationist approach is the reluctance, on the part of many communities, to become visible and recognizable through the formation of ethnic associations. Another obstacle encountered is represented by the distrust of the Countries of origin. In many cases, the network of transnational relationships is kept alive only by the mechanical persistence of family relationships and friendships, giving rise to a kind of passive transnationalism characterized by the lack of conscious investment of the human and financial capital accumulated in time. Among the most obvious factors that lead to the abandonment of active transnationalism, primary is the distrust of the future prospects of their original Countries, as well as the diffidence of public authorities, both in the Country of origin and the Country of destination, towards the players and the role of transnational migrants.

In terms of transnational relations and their impact on development, the great importance of local context and the quality of local institutions “here” emerges ever so strongly, particularly for the integration of migrants and for the cohesion of migration with development. Similarly, the contribution of migrants to the development of the territories of origin appears to be influenced by the active and regulative role of local institutions “there”, within an approach that sees integration and trans-local development firmly linked².

This internationalism or transnationalism from below, together with the attention to specific contexts, thus leads to reconsider the important role that can be played by decentralized cooperation, by introducing the elements of local rootedness and stability of trade, represented by people who own bonds in the two places involved in the cooperation³. In particular, the possibility of joint actions between the local authorities and the various subjects in the area is very promising.

¹ Pastore F., *op.cit.* p. 4.

² Stocchiero A., *Proposte per uno strategy paper della cooperazione italiana su migrazioni e sviluppo*, Working Papers 33/2007, www.cespi.it

³ Miraglia F., *op.cit.* p. 42.

The pertinence of decentralized cooperation on local development issues on one side, and the link with the territory (and therefore also with issues related to migration) of local governments on the other, are two factors that could lead without a doubt to a greater effectiveness of this form of cooperation than the traditional form supported by the State. It is a new approach through which all organizations engaged in development policies could weave a dense network among private parties (migrant associations in destination Countries and communities in the Countries of origin), public institutions and the economic world (especially the banking system), with the aim of building a territorial partnership that will be able to promote and enhance skills, potentialities and values in a shared path of participated development.

Bibliography

- Ambrosini M. (2005), *Sociologia delle migrazioni*, il Mulino, Bologna.
- Ambrosini M. (2008), *Un'altra globalizzazione. La sfida delle migrazioni transnazionali*, il Mulino, Bologna.
- Barsotti O., Moretti E. (2004), *Rimesse e Cooperazione allo sviluppo*, Franco Angeli, Milano.
- Berti F. (2000), *Globalizzazione e immigrazione: quale relazione?*, in V. Cesareo, M. Magatti (ed.), *Le dimensioni della globalizzazione*, FrancoAngeli, Milano.
- Caritas/Migrantes (2008), *Immigrazione. Dossier statistico 2008*, Idos, Roma.
- Caso R. (2007), *Migrazione e sviluppo: la politica europea*, www.ispionline.it.
- Castagnone E. (2006), *Migranti per il co-sviluppo tra Italia e Senegal. Il caso dei senegalesi a Torino e Provincia*, www.cespi.it.
- Ceschi S., Stocchiero A. (2006), *Iniziative di partenariato per il co-sviluppo. La diaspora ghanese e senegalese e la ricerca azione CeSPI-Oim*, www.cespi.it.
- Davì L. (2007), *Le migrazioni globali e l'emergenza del tema del co-sviluppo nell'agenda internazionale*, in Fondazione Ismu, *Dodicesimo rapporto sulle migrazioni 2006*, FrancoAngeli, Milano.
- European Commission (2000), *Support for Decentralised Cooperation. Operational Guide to Decentralised Cooperation*, DEV/1424/2000-EN, Brussels.
- European Commission (2002), *Integrare le questioni connesse all'emigrazione nelle relazioni dell'Unione europea con i paesi terzi*, Com (2002) 703 del 31 dicembre 2002.
- European Commission (2005), *Migrazioni e sviluppo: orientamenti concreti*, Com(2005) 390 def., Brussels.
- European Commission (2006), *The Global Approach to Migration One Year: Towards a Comprehensive European Migration Policy*, Brussels, Novembre 2006 Com (2006) 735 final, Brussels.
- European Commission (2007), *Migrazione circolare e partenariati per la mobilità tra l'Unione europea e i paesi terzi*, Brussels.
- Martin P.L., Straubhaar T. (2002), *Best Practices to Reduce Migration Pressures*, "International Migration", 40(3).
- Martin P.L., *Migration*, in Lomborg B. (ed.), (2004), *Global Crisis, Global Solutions*, Cambridge University Press.
- Mezzetti P. (2006), *Migranti per il co-sviluppo tra Italia e Senegal. Il caso dei senegalesi a Milano e Provincia*, www.cespi.it.
- Miraglia F. (2007), *Coinvolgere i migranti nei progetti di cooperazione*, in "Ilaria", Rivista della Cooperazione italiana, n. 3.
- Palidda S. (2008), *Mobilità umane. Introduzione alla sociologia delle migrazioni*, Raffaello Cortina, Milano.
- Pastore F. (2003), "More development for less migration" or "Better migration for more development"? *Shifting priorities in the European debate*, MigraCition Europa, CeSPI.

Pastore F. (2006), *Transnazionalismo e co-sviluppo: "aria fritta" o concetti utili? Riflessioni a partire dall'esperienza di ricerca del CeSPI*, Discussion paper, www.cespi.it.

Piperno F., Reina E. (2005), *Migrazioni e sviluppo nelle politiche degli enti locali*, Working papers 17/2005, www.cespi.it.

Rhi-Sausi J.L. (2007), *Rimesse: una leva di finanza per lo sviluppo*, in "Ilaria", Rivista della Cooperazione italiana, n.3.

Riccio B. (2006), *Migranti per il co-sviluppo tra Italia e Senegal. Il caso di Bergamo*, www.cespi.it.

Stocchiero A. (2004), *Migranti e città: partenariati per il co-sviluppo africano*, www.cespi.it.

Stocchiero A. (2004), *Migranti e cooperazione decentrata italiana per lo sviluppo in Africa*, Working papers 10/2004, www.cespi.it.

Stocchiero A. (2007), *Co-sviluppo: la dimensione transnazionale dell'integrazione*, www.cespi.it.

Stocchiero A. (2007), *Proposte per uno strategy paper della cooperazione italiana su migrazioni e sviluppo*, Working papers 33/2007, www.cespi.it.

Stocchiero A. (2008), *Learning by doing: il transnazionalismo dei migranti per lo sviluppo locale nel programma MIDA Italia-Ghana/Senegal*, Working Papers 48/2008, www.cespi.it.

United Nation (2006), *Migration and Development*, A/60/871.

Undp (2007), *Lo sviluppo umano. Rapporto 2007/2008*, Rosemberg & Sellier, Torino.

Zanfrini L. (2007), *Sociologia delle migrazioni*, Laterza, Roma-Bari.

Zupi M. (2007), *Notas sobres el concepto y las politicas de co-desarrollo. Problemas y oportunitadas*, www.cespi.it

About Author

Lorenzo Nasi (born 12/12/1974) is Assistant Professor in General Sociology at the Department of Social, Political and Cognitive Sciences (University of Siena). His main research interests are in the field of Globalization, Development, Development Cooperation, Non-governmental Organization (Ngo), Migration, Young Generations.

On these topics he has published numerous essays and books and has participated in conferences of national and international significance (Egypt and Albania).

He has conducted research in Ecuador and Morocco, working with international institutions, UNDP (Art-Gold), UNICEF and NGOs (Oxfam Italia)

Мультикультурализм и толерантность в университетах России

Рубеж XX и XXI столетий связан с серьезными цивилизационными изменениями человеческого общества. Одновременно с прекращением блокового противостояния, характерного для последней половины XX века, в мире проявляется всё больше конфликтов разнообразного характера – противостояния в конфессиональной, региональной, этнической и многих других сферах. Современные исследователи говорят о росте таких явлений, как мультикультурализм, ксенофобия, расизм (как белый, так и черный) и т.д. В связи с этим важнейшей проблемой данного этапа развития человечества становится проблема толерантности, взаимопонимания и терпимости людей по отношению друг к другу.

Воспитание толерантного отношения к другим людям есть важнейший элемент университетской образовательной системы. Создание равных условий для получения образования – независимо от национальной или религиозной принадлежности – обязательная функция любого университета.

Одной из актуальных проблем современности, отражающейся и в системе образования, является проблема мультикультурализма. В последнее время мультикультурализм в странах современной евроатлантической цивилизации стал восприниматься неоднозначно. С одной стороны, либеральный подход к развитию современного общества требует признания разнообразных прав, прежде всего прав меньшинств, в том числе этнических, религиозных, культурных. С другой стороны, среди населения этих стран формируется реально негативное отношение к данным меньшинствам. Причина этого достаточно очевидна: зачастую меньшинства воспринимают толерантность как слабость, и, получив равные права, начинают требовать уже не равных, а особых прав, фактически отказываясь от исполнения законов и соблюдения традиций страны проживания.

Столь своеобразно интерпретированное параллельное сосуществование на общей территории в рамках одного государства нескольких самостоятельных этнических, религиозных и культурных общностей вызывает у значительного большинства населения впечатление разрушения сформированной национальной идентичности народа и государства, способствует росту ксенофобии, причудливым образом сочетающейся с либеральной толерантностью обществ евроатлантической цивилизации. Не случайно в 2012 году лидеры ряда европейских стран – французский президент Николя Саркози, канцлер Германии Ангела Меркель – заявляли о провале, или, по крайней мере, о неудаче “европейского проекта мультикультурализма”.

Необходимо констатировать, что мультикультурализм как явление существует в странах Европы и Америки, в Австралии и Новой Зеландии. В то же время при рассмотрении сложнейших по этническому и культурному составу стран Азии и Африки, как правило, термин “мультикультурализм” не используется. Поэтому необходимо сделать вывод, что мультикультурализм, рассматриваемый в определенной степени как противостояние культурно-этнических сообществ на территории одного государства, есть в первую очередь следствие либеральной политики стран евроатлантической цивилизации, чрезвычайно расширенно формулирующей идеи защиты прав человека. Следствием этого стал очевидный факт, что многие меньшинства требуют для себя больших прав, чем те, которыми обладает большинство населения, и часто для этого используются лозунги защиты собственной культуры и собственных традиций.

Существует ли мультикультурализм в России? Представляется, что использовать этот термин применительно к российскому обществу не вполне объективно. Россия никогда не была моноэтническим государством, государством-нацией. Российское государство изначально формировалось как государство имперского типа, объединяющее под своей властью представителей различных наций, этносов, культур и религий. На протяжении многих столетий формировалась полиэтничная элита Российского государства, объединенная православной религией и осознанием своей роли в государстве.

Советский период в истории России был связан с последовательным проведением в жизнь идеи интернационализма. Взаимовлияние и перемешивание национальных культур и традиций привели к тому, что на территории Советского Союза сформировалась единая образовательная система, в рамках которой не существовало отдельных, отличающихся друг от друга национальных пространств, наоборот, по крайней мере формально существовало полное равенство представителей всех наций в получении образования. Распад СССР и реформы образования в конце XX и начале XXI века не привели в этом отношении к существенным изменениям в российской образовательной системе. Университетское образование остается доступным для представителей всех народов, и дискриминация по этническому принципу отсутствует.

Для университетов России такой подход к формированию образовательного пространства является естественным. Россия исторически сложилась как полиэтничное государство, население России исповедует разные религии. Именно поэтому в традициях российского высшего образования находится реализация принципов предоставления возможности получить образование для молодежи независимо от национального, расового происхождения или вероисповедания.

Российская система образования столкнулась с необходимостью полноправного включения в мировое и европейское образовательное пространство. Стратегическая задача реформирования российской образовательной системы связана с сохранением престижа национальной системы образования и приведение его в соответствие с перспективными задачами развития страны.

Реформы образования в России существенным образом изменили сформировавшуюся за много десятилетий образовательную систему. Базовой задачей стал переход от сложившихся репродуктивных систем воспроизведения получаемой информации к качественно новому, креативному образованию, ориентирующемуся на запросы рынка труда и основанного на компетентностном подходе. Новое поколение государственных образовательных стандартов определяет минимальные требования не к образовательному процессу, а к выпускнику, указывая, какими компетенциями он должен обладать к моменту получения документа об образовании.

Многоуровневая образовательная система, воспринятая Россией прежде всего из стран Европы, в качестве основного предполагает выпуск бакалавров, из которых лишь ограниченное число осознанно должно идти на обучение в магистратуру. В то же время несколько механическое воспроизведение норм Болонского процесса в России вступило в противоречие с реальной системой образования. Введение в учебные планы зачетных единиц (кредитов) тем не менее, не привело к развитию даже внутрироссийской студенческой мобильности, что, собственно говоря, эта система и подразумевает. Студент, возвращающийся из зарубежной, особенно длительной, стажировки, обязан сдать академическую разницу и полностью выполнить отечественный учебный план, соответствующий образовательному стандарту. Курсы, прослушанные им в зарубежных университетах, в лучшем случае будут зачтены ему как факультативные, а заработанные им зачетные кредитные единицы просто не учитываются. Таким образом, современные образовательные стандарты, введенные в России в 2009–2010 гг., сохраняют достаточно жесткую схему, ориентированную не на взаимозачет образовательных кредитов, а на выполнение учебного плана, зафиксированного в нормативных актах и утвержденного. Кроме того, для студента, вернувшегося из зарубежной

стажировки, существенным является возвращение в “свою” образовательную среду, умение сочетать полученные им за рубежом навыки и знания с другими, полученными в России.

Необходимо подчеркнуть, что образование в России является светским, поэтому в высших учебных заведениях, за исключением непосредственно религиозных университетов, религия студентов не имеет значения для получения ими образования. Так, в Уральском федеральном университете обучаются представители традиционно христианских и мусульманских государств и регионов. Принцип толерантности образования создает условия для бесконфликтного обучения даже для представителей конфликтующих наций: в Уральском федеральном университете успешно обучаются студенты из Армении и Азербайджана, хотя между этими странами существуют напряженные отношения, обусловленные Карабахским конфликтом, длящимся уже 25 лет.

В университете действуют студенческие объединения, связанные с происхождением этих студентов, отмечаются национальные праздники, проводятся дни различных культур и государств. Как правило, такие праздники не являются закрытыми мероприятиями, и принимать участие в них могут все желающие студенты.

Является ли мультикультурализм реальной угрозой единству и стабильности стран Европы? Сам по себе – нет. Разговоры об “угрозе мультикультурализма” сродни “призраку польского сантехника”, которым пугали западноевропейцев противники расширения ЕС на восток в 1990-х годах. Множественность культур, их разнообразие является естественными условиями существования интегрированной Европы. Как подчеркивал основоположник европейского федерализма Альтиеро Спинелли, федерализм основан на любви к сложному, в отличие от тоталитарной тяги к простому. Но множественность не означает противостояния. Право пользоваться родным языком и иметь свой культурный центр не означает получения права на основании собственных традиций не соблюдать законы принимающей страны, требовать только прав и не принимать обязанностей. Такой агрессивный мультикультурализм является реальной угрозой – как следствие, он ведет к ксенофобии и росту праворадикальных настроений у основной массы населения. Таким образом, ответ на поставленный вопрос – является ли мультикультурализм угрозой для европейской идентичности – неоднозначен: любой миф, в том числе и миф об угрозе мультикультурализма для евроатлантической цивилизации, при определенных условиях может трансформироваться в реальность.

Среди значительной части образованных россиян существует отчетливая идиосинкразия к риторике “мультикультурного общества”. Чем вызвана эта идиосинкразия, помимо хорошо известной дискредитации мультикультуралистской риторики в Америке?

Прежде всего тем обстоятельством, что миграция в Россию весьма специфична по сравнению с миграцией в страны Запада. В российском случае – как, кстати, и в случае других постсоветских государств – культурная дистанция между мигрантами и основным населением принимающей страны гораздо меньше, чем в странах Западной Европы или Америки. Единая система образования, существовавшая на территории бывшего СССР на протяжении более чем полувека и охватывающая несколько поколений, обеспечивает практически безукоризненное владение языком межэтнической коммуникации (каковым в данном случае является русский) и принципиальную общность систем знания.

Кроме того, благодаря высокой мобильности части населения бывших союзных республик (особенно это касается азербайджанцев, армян и выходцев с Северного Кавказа) сегодняшние мигранты обладают высокой степенью социальной компетенции. Навыки социальной коммуникации, приобретенные этими людьми в советский период (в качестве сезонных рабочих, а также в качестве торговцев на рынках в российских, украинских и белорусских городах) позволяют им эффективно функционировать в экономической и коммерческой сфере стран – наследниц бывшего СССР. Иными словами, их адаптационная способность и, соответственно, способность к интеграции неизмеримо выше, чем способность к интеграции иммигрантов из Азии и Африки, пытающихся обустроиться в Северной Америке и Западной Европе.

Другая причина скепсиса относительно возможности осмысления современного российского общества в терминах мультикультурализма связана с опасениями негативного эффекта данной идеологии в наших условиях. Дискурс мультикультурализма лишь усилит и без того мощную этноцентристскую доминанту российского общественного сознания, полагают скептики. Эта доминанта вызвана прежде всего институциализацией, которую этничность приобрела у нас в советский период. Институциализация этничности, а тем самым и невольная сегрегация населения по этническому признаку, нашла выражение в этнофедерализме, при котором некоторые этнические группы – не просто субъекты (культурной) идентичности, но и субъекты (политического) суверенитета. Этничность в результате превращалась из формальной характеристики индивидов и групп в их сущностное свойство. Именно так чаще всего и воспринимается этничность сегодня, причем не только на уровне массового сознания, но и на уровне интеллектуальных и политических элит, отсюда возникшее, особенно среди представителей отдельных народов России, возмущение тем фактом, что из нового российского паспорта исчезли сведения о “национальности” (этническом происхождении) его владельца. Так что вполне резонно ожидать, что поверхностное усвоение мультикультуралистской риторики лишь укрепит этноцентристские предрассудки, придав им видимость политкорректности.

И все же, отдавая должное весомости высказанных аргументов, зададимся вопросом: продуктивна ли в российских условиях установка на “монокультурное” общество? Думается, что нет.

Миграционные волны первого постсоветского десятилетия уже привели к серьезным изменениям в этнодемографической и социокультурной ситуации в России. Трудовые мигранты из стран бывшего СССР в значительной своей части приезжают в российские города не с тем, чтобы вернуться на родину, а с тем, чтобы остаться. Более полумиллиона из них уже получили российское гражданство. Многие из этих людей – молодые люди, чьи школьные годы пришлось на период после распада советской системы образования и советского типа социализации, а это значит, что их культурные отличия от основного населения принимающих регионов гораздо существеннее, чем у их родителей. Не забудем прибавить к выходцам из бывших советских республик мигрантов из Северной Кореи, Китая, Афганистана, из курдских областей Турции и Ирака. Их количество исчисляется сегодня сотнями тысяч, и далеко не все они рассматривают Россию как временное пристанище. Крупные российские города по своей этнической, языковой, конфессиональной и жизненно-стилевой пестроте все более напоминают мегаполисы Запада. Нет сомнения, что культурная разнородность российского населения под влиянием миграции будет только возрастать. В этой ситуации держаться за монокультурный идеал (а именно, за образ России как “русской православной” страны) означало бы проявлять чудовищную глухоту к реальности.

Парадигма монокультурной России не только контрпродуктивна (ибо предполагает замалчивание противоречий и конфликтов вместо того, чтобы их решать), но и нереалистична. Для проведения форсированной этнокультурной гомогенизации общества у государства явно недостаточно финансовых и административных ресурсов, а судя по темпам убыли населения, в будущем все более весомой станет и недостача демографических ресурсов.

Конечно, в России существуют проявления ксенофобии, агрессии по отношению к людям другой национальности и другой религии. Однако система высшего образования в России в основном свободна от проявлений такого рода, и результаты обучения студентов зависят только от их отношения к учебе, а не от их происхождения или религии. Исторически сложившаяся общая основа образовательной системы позволяет, несмотря на все реформы, молодым людям легко адаптироваться к российской образовательной среде и получать полноценное высшее образование. Поэтому, рассматривая современную российскую образовательную среду, можно говорить о разнообразии, о взаимной толерантности, а не о мультикультурализме.

Mr. Stejarel Olaru

Secretary of State in the Romanian Ministry of Foreign Affairs

Intercultural Dialogue (Interculturalism) as an Area of Value Consensus

Today's cultures tend to be more closely interlaced, at least in terms of contact and interactions. The circulation of ideas and the wider mobility of people draw cultures and representatives of different cultures into a deeper dialogue and should facilitate mutual understanding. People connect and they may as well *collide*, in cultural terms, finding each other easier. Discoveries are faster these days, as we do not need to cross seas and arrive on uninhabited shores, in order to make cultural breakthroughs, to find different cultures about whose existence nobody had a precise idea.

Communication is the key to cultural understanding, since communication is the first best tool towards a comprehensive description of stakes and problems, of situations and solutions. Cultures are complex systems that entail a great number of widely accepted references, blended together with specific forms of representation, manifestations of traditions and practices, and known preferences of certain peoples and countries. Cultures are a sophisticated form of being and existing, of envisaging the world, of thinking about the past or the future. They are truly historical experiences, accumulations of wisdom, knowledge or taste, from which derives a kind of intimate awareness about the place of that culture in the world and the role of culture in that society or the role of cultural manifestations.

Cultures are prone and susceptible to various influences and this is a positive aspect in my opinion. They evolve and they can undergo serious transformations triggered from inside or from abroad. For instance, the French language has strongly penetrated European diplomacy and intellectual milieus after the French revolution, and it has managed to remain at the forefront of cultural influences more than two centuries after its cosmopolitan debut. When cultural areas interact, these relationships may differ significantly in form, content and intensity. Cultures are sometimes suffocated by stereotypes that characterize their own versions of other cultures. Representations of other cultures derive from a mix of knowledge, biases, ignorance, and imaginary beliefs. Sometimes we think we know how other people are or what they expect from themselves or from their leaders. Analysis of other cultures may prove to be a rather difficult task, since those willing to start such a thorough scrutiny must be aware of the risks and the time needed to succeed in such an endeavour.

All cultures have great achievements. Some of them had a better environment to develop more and to develop more dimensions of their societies. Despite different conditions, some favourable and others adverse and even hostile, most cultures can pride themselves with an encompassing portfolio of authentic traditions, habits, civil or religious practices and celebrations. In time, cultures have managed to gather their ways of interacting; they know how to market their main sights and how to sell their habits.

Intercultural dialogues should be able to forge an area of consensus, a negotiable area nonetheless, generated by contact and by a gradual increase in the level of profoundness. The intercultural dialogue can be articulated around a set of things and consensus should govern this selection of acceptable and welcomed items for discussion. We are nowadays able to discuss many of the things that were deemed as unacceptable decades ago, as we have grown more accustomed to each other. Despite the progresses that have been made, there still remains a degree of hostility, suspicion and intolerance in the dialogue between certain cultures. This dialogue is heavily influenced by biases, historical experiences, personal affinities or profound hate felt by leaders and maintained by false propagandas or ignorance. The intercultural is a vivid dialogue, an ongoing conversation, which may encounter different intensities, in time, and it can lead to a better understanding, if properly managed and conducted. It can also lead to unfortunate situations, failed chances and misunderstood and misinterpreted messages.

There is no doubt many people are multiculturalists even though they do not realize it. Individuals have the ability to show interest in the acquisition and mastering of foreign languages, they are interested in visiting remote regions about which they know few or no details at all, they like meeting foreigners, discussing various subjects with these strangers, and eating their local foods. Humans are curious beings, sensitive to the information they receive and process, eager to learn and to find out more, permeable to influences and perhaps, culturally conditioned. We are defined by our cultures, and with the notorious exception of extreme cosmopolites, people are conservatives when it comes to cultures, in the sense that they keep a certain formula for most of their lives.

Value consensus is essential when cultures communicate. Let us take the example of Azerbaijan. In its recent history, this country has managed to open new ways to communication, acting as a bridge between Europe, the South Caucasus and Asia. Azerbaijan communicates and has embarked on a project of raising the interest of the world in this region. Bringing people in Azerbaijan facilitates communications and a more intimate knowledge of things. When people see and spend a while in a place, they may become more inclined to accept it and even like it. Acceptance may derive from sincere openness or from habitude.

Sometimes culture opens up fresh possibilities and opportunities, working miracles in bilateral relations. When political relations are frozen or when stalemate is already installed for a while, or even when economic exchanges are not of great interest for the actors involved, that is precisely when cultural dialogues can change the political landscape. When the political dialogue has run out of consensus realms that is when cultures can come in, to unchain the bilateral or multilateral potential that exists. That should be the role of intercultural dialogue, a path of closeness and acceptance, a method to improve bilateral aspects and to send people from one place to another, in order to see how other people live or learn. For instance, bilateral scholarships are a good instrument that allows for a better understanding of regions and states. Students, which are always the younger generations, have the opportunity to study abroad and to become more familiar with various regions and cultures. Bilateral governmental agreements should be cemented around those precise and particular fields of interest that can spur even more interest and desire to communicate more. We can communicate through a lot of instruments: economic exchanges, high-levels visits, visiting professors, bilateral treaties, common technological projects, energy agreements, and information technology programmes.

The intercultural dialogue should be able to offer a comprehensive framework concerning matters such as ethnicity, linguistic characteristics, religion and other distinctive traits. It should work though for the finding of viable solutions. In fact, this intercultural dialogue should offer deliverables, practical recommendations and ways to negotiate delicate issues. Multiculturalism may contain a vast depositary of sensitive matters and various groups might want to secure prominent positions within the framework of a dialogue.

Culture has several advantages over politics. It is not decision-making, since it does not represent the decision in itself. Culture can attract more people to the same project and people may talk easier politics than culture. It is here that I see the role of intercultural dialogues. This does not mean that cultural domains do not contain high stakes. It suffices to take a look at the protected heritage of a country, of its patrimony, which is representative for its history. A rich culture has rich items and valuable pieces it has stored over time. Politics is a complicated realm, since it deals with power under its many forms: representation, manifestation, distribution, sharing or monopoly, to name a few sides of politics. On the other hand, culture is predestined to forge strong bonds and to make good friends. Consensus is hard to reach in politics. Sometimes it is easier to land on the moon than to bring old foes to the same table and to make them work and find solutions. Words like “compromise” or “concession” are frequently met in politics, but that does not mean that consensus is given or granted for free. Consensus requires political maturity, intellectual astuteness, patience and diplomatic skill. And perhaps a big doze of luck! Everybody wishes for something, whatever that is. We all have interests and they have been defined also according to epochs and domains.

Consensus is not an easy task in international affairs or domestic politics. Consensus means renouncing to lower stakes in order to gain a higher stake, or settling for less but finally settling for something. Being able of consensus means being able to understand that in life you cannot always achieve what you strive for, at least not in the imagined form. Intercultural dialogues bring people and ideas together as they can portray convergences, similarities, common grounds and common agendas. They can also show differences, particular shades and traditions or cultural biases.

Intercultural dialogues can unlock dossiers that have been frozen for long. Political rivalries may find a pause with the help of intercultural dialogues. Statesmen have sometimes sensibilities for scholars, literates, artists of all sorts, writers and journalists, painters or poets, talented architects or ingenious scientists. These individuals can embody exactly consensus and when these individuals discuss, consensus is closer. After all, many politicians have a great cultural appetite or a penchant for cultural works and manifestations. In this way, culture can convince political decision-makers to look for alternative solutions to some of the same problems.

Many states have a lot of minority groups on their territories. That is surely enriching and diverse, but it may also pose problems, when decision-makers fail to recognize the rights and needs of minority groups. Multiculturalism challenges governments to adopt good decisions for everybody and to treat all citizens as equals. In fact, multiculturalism represents a good chance for governments to act convincingly in the direction of respecting human rights. Moreover, multiculturalism has made room for many legal provisions destined to improve the fate and life of different cultures.

Multiculturalism tends to be the norm of today's modern societies. People are very mobile, as they look for better workplaces. This makes them more willing to change countries and to settle in new lands, temporary or for good. This also means that they must adapt and they must integrate in the host-societies. They will be working there, they will live there and they should make the necessary arrangements so that their situation is good or continues to improve. It would be useful for them to learn the language or languages used in the new society, to learn and to respect its culture and traditions, to be willing to integrate and to understand the social mechanism that work there.

Multiculturalism should not be a threat or a phobia. It should lead to dialogue and it should encourage all elements of different cultures to express freely. All groups, majorities or minorities, have their own values, their needs and their level of confidence.

But is it enough to talk, to communicate? To be a part of an intercultural dialogue? What happens if talks are not followed by facts, by decisions? What changes if people do not act? Multiculturalism should foster consensus and good governance within a multicultural framework can be achieved mainly through consensus.

Consensus remains a much-needed practical framework. Decision-makers must talk in order to agree upon political or economic matters. Coming from different cultures, they will have to sit at the same table in order to solve problems together. That is the challenge of the present and of the future! To talk beyond cultures and cultural stereotypes!

Мультикультурализм и проблемы интеграции в обществе

“И вот я делаю вывод: интеграция возможна только в сильную доминирующую культуру, а не в ”толерантность” и “безликость”. Постоянный представитель России при НАТО Дмитрий Рогозин. /8 сентября 2011/

Введение:

Мультикультурализм – это политика, направленная на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий, и обосновывающая такую политику теория или идеология. Мультикультурализм признает права за коллективными субъектами: этническими и культурными группами. Такие права могут выражаться в предоставлении возможности этническим и культурным общинам вести просветительскую деятельность и иметь собственные образовательные программы, строить школы, открывать библиотеки и объекты культового значения, выражать консолидированную политическую позицию во время выборов, и так далее.

Мультикультурализм противопоставляется концепции “плавильного котла” (англ. *melting pot*), где предполагается слияние всех культур в одну.

Мультикультурализм – один из аспектов толерантности, заключающийся в требовании параллельного существования культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития в общечеловеческом русле массовой культуры. Идея мультикультурализма выдвигается главным образом в экономически развитых странах Запада, где наблюдается значительный приток иммигрантов. В современной Европе мультикультурализм предполагает прежде всего включение в её культурное поле элементов культур иммигрантов из стран “третьего мира”.

Мультикультурализм (многокультурность) представляет собой относительно недавнее явление: он возник в 70-е гг. XX в. в Канаде и США. Социокультурная, этническая и иная неоднородность общества нередко порождает разного рода напряженности и конфликты, которые разрушают социальное единство общества и угрожают самому его существованию. Поэтому все общества всегда стремились и искали пути, способы и модели максимальной однородности. Модель, которая основана на **интеграции** и предполагает сохранение каждой этнокультурной общностью своей идентичности. В то же время она опирается на строгое разделение между общественно-политической и частной сферами. Первая сфера покоится на принципе безусловного равенства между всеми членами общества как гражданами, вторая охватывает культурные, этнические, религиозные и другие измерения, считая их частным делом отдельного человека. Следует отметить, что и в этом случае, как правило, проводится политика, направленная на стирание культурных, этнических и языковых различий, хотя делается это не всегда открыто.

Мультикультурализм и этнокультурная идентичность

Особое значение мультикультурализм придает идентичности личности. В философии, логике и математике эквивалентом идентичности выступает тождество. В психологии и социологии подход к идентичности представляется более сложным. Американский психолог Э.Эриксон, который разработал и ввел в научный оборот понятие идентичности, определяет его как *устойчивое равенство с собой*. По своей природе идентичность является социокультурной. Именно культура составляет фундамент идентичности, определяет главные ее качества и особенности. *Любая идентичность является прежде всего культурной*. Она

может быть индивидуальной или коллективной. В последнем случае она выступает как групповая, расовая, этническая, национальная.

Применительно к индивиду идентичность означает то, благодаря чему он остается самим собой в различные моменты своей жизни. Она составляет ядро, стержень личности, ее уникальность и неповторимость. Благодаря идентичности человек ощущает, чувствует и сознает себя в качестве состоявшейся личности, испытывает чувство самоутверждения, самодостаточности, самоудовлетворенности, самостождественности, целостности. Коллективная идентичность указывает на принадлежность индивида какой-либо группе или сообществу. В более широком плане она выражает чувство принадлежности эпохе, времени, человечеству. Применительно к национальной культуре эквивалентом идентичности в нашей литературе часто выступает самобытность. Идентичность одновременно выступает и как процесс, и как результат. Она формируется в процессе социализации человека, в ходе усвоения им норм, обычаев, идеалов и ценностей, во взаимодействии с другими людьми.

Именно здесь уместно сделать переход к основе нашей темы: *интеграции этой идентичности в мультикультурном обществе. Возможно ли это и как?!*

Мультикультурализм и проблемы интеграции в обществе

В современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире огромную роль играют не только проблемы взаимодействия культуры и общества, но и взаимодействие различных культур, сложная система их взаимоотношений, которая в контексте культурного многообразия приводит к возникновению такого феномена, как

мультикультурализм. Культуры, в итоге формирующие единый социокультурный организм современного общества, находятся в процессе интеграции, а насколько этот процесс успешен и рассмотрим в данной статье.

Современное сообщество является мультикультурным. При всей сложности и неоднородности понятия “мультикультурализм” *суть его состоит в признании обществом культурного многообразия*, легитимизации культурно отличных от большинства групп населения и защите прав этих групп государством. Концепция мультикультурализма рассматривает доминирующие и миноритарные культуры того или другого государства как равноправные, способствует их интеграции в противовес процессу ассимиляции, когда миноритарные культуры попросту поглощаются доминирующими. Соответственно – ассимиляция порождает такие негативные явления, как ксенофобия, экстремизм и даже терроризм. И тот и другой процессы характеризуют эпоху глобализации, создающей благоприятные условия для феномена мультикультурализма, являющегося предметом нашего рассмотрения. Итак, мультикультурализм современного общества – и, в частности, западных наций, производящих и потребляющих значительную часть материальных благ мира, – это непреложный, необходимый и необратимый феномен нашей действительности, ведущий свой отсчет от первых экономических и политических контактов между группами людей. Современный мультикультурализм определяется двумя основными факторами: с одной стороны – существованием в недрах общества различных культур, с другой – географическим пространством, в котором проживает основная масса населения и в рамках которого постоянно происходит миграция.

Миграция населения – давно существующий факт. Миграции экономического или политического происхождения регулярно повторяются в истории. Население покидает районы, которые не обеспечивают их выживания или в которых существует военный конфликт, и перемещается в другие районы, более адаптированные для жизни. В настоящее время происходит ускорение миграционных процессов. Причиной является, с одной стороны, мировой экономический кризис, с другой – разделение мира на две зоны – благополучную и экономически отсталую. Острая проблема в условиях экономического кризиса – борьба с

нелегальной миграцией, буквально захлестнувшей европейский континент. Эта борьба становится краеугольным камнем в деле обеспечения безопасности каждой страны.

Свежий пример на вышесказанное – это миграция беженцев из Сирии. Миграционная волна нарастает и эскалирует с каждым днем, причем невозможно уже контролировать процент возрастания. Это все в результате войны. Мы понимаем горе этих людей, мы все сопричастны – они жертва военных действий и полной экономической разрухи, но смогут ли они интегрироваться в Европе?! Этот вопрос стоит на повестке дня многих европейских стран и порождает разные дискуссии и споры.

Естественная реакция на мультикультурализм

Мультикультурализм в современном обществе нередко строится на основе господства отношений силы над отношениями права. Тогда, когда в обществе встречаются две (или несколько) различных культуры, их отношения устанавливаются исходя из отношений силы, провозглашая подчинение миноритарной группы доминирующей группе в различных вариантах. Крайними выражениями этих отношений силы являются ксенофобия и расизм. Ксенофобия является отличительной чертой межгрупповых отношений в большинстве западных стран, где она выражена в форме *неприятия иммиграции*. Интересную точку зрения на ксенофобию высказывает философ Юбер Ханнун в книге “Интеграция культур”. Вместе с тем история знает немало случаев, когда культура, имеющая слабую социально-экономическую базу, смогла не только противостоять культуре с более сильными основами и даже сосуществовать с ней, но и адаптировать ее лучшие достижения.

Ассимиляция или мультикультурализм?

Интеграция путем ассимиляции – вполне очевидное и весьма распространенное явление современной социокультурной жизни. Действительно, можно констатировать, что в результате прекращения конфликтов между различными группами происходит их слияние, или ассимиляция: подчиненная группа (или культура) становится похожей на доминирующую (латинское слово *similis* означает “похожий”). За это сходство подчиненная культура расплачивается потерей культурной идентичности, что нередко приводит к ее исчезновению как специфической социокультурной группы. Такое социальное слияние можно рассматривать как условие выживания всех присутствующих культур, доминирующих и подчиненных. Однако эта форма культурной интеграции не имеет будущего: она далека от модели общества, основанного на мультикультурализме. Интеграция-ассимиляция, или ассимиляционизм игнорирует возможность взаимного обогащения культур, замыкая каждую культуру в самой себе. Такое замыкание господствующей культуры в самой себе и отрицание всего, ведет к полной культурной изоляции и даже исчезновению подчиненной культуры. Следствием интеграции-ассимиляции становится двойное культурное обеднение: с одной стороны, обеднение подчиненной культуры, которая лишается своей культурной идентичности и вынуждена рядиться в одежды доминирующей культуры, с другой – выхолащивание доминирующей культуры, которая лишается притока “свежей крови”. Поэтому естественно, что интеграция-ассимиляция – тормоз на пути мирового культурного прогресса. При интеграции-ассимиляции в лучшем случае культурное развитие общества будет топтаться на месте, в худшем – наступит культурная деградация.

Мультикультурализм – это одна из возможных реакций подчиненной, или миноритарной, культуры на попытку интеграции-ассимиляции со стороны господствующей культуры. В социальном пространстве, где человеческие отношения – это отношения силы, каждая подчиненная культура старается избежать исчезновения, защищая собственную культурную идентичность и противодействуя своей ассимиляции доминирующей культурой.

С точки зрения практического применения мультикультурализм – это феномен, облегчающий взаимное проникновение различных культур в пределах одного общественного устройства!

С точки зрения этимологии интеграция означает делать целым или построить целое. Интеграция – это создание такой системы, при которой комплиментарность преобладает над антагонизмами, причем система может основываться либо на взаимопонимании, либо на силе.

При мультикультурализме в обществе неизбежно возникают взаимоотношения между социокультурными составляющими. ***Таким образом, мультикультурализм становится не только источником культурного обогащения, но и двигателем развития общества.*** Этот постулат подтверждается всей историей мировой культуры, начиная со времен античности и средневековья, египетской и греческой, еврейской и арабской, латинской и афинской культур. В современном мире французская, русская, немецкая, англосаксонская, итальянская, испанская, португальская, южно- и североамериканская, средиземноморская, азиатская культуры были бы непонятыми без культурного обмена и взаимного обогащения. ***Из этого следует, что мультикультурализм в современном обществе создает условия для его культурного выживания!***

Несомненно, что подлинный мультикультурализм – неперенное условие культурного развития современного общества, его прогресса и процветания. “Пусть расцветают сто цветов”, – так говорили о культурной самобытности в древнем Китае, подразумевая, что каждая культура не только расцветала сама, но и обогащала другие культуры. Это мудрое предложение и сегодня может служить девизом мультикультурализма, основанного на уважении своеобразия и идентичности культур, формирующих цельное и гармоничное социокультурное пространство.

Этнокультурный неотрадиционализм как способ сохранения разнообразия и самобытности в условиях глобализации¹

Аннотация. Этнокультурный неотрадиционализм рассматривается в качестве эффективного способа разрешения культурных конфликтов, возникающих в процессе глобализации и модернизации традиционных обществ. В рамках неотрадиционализма разного рода инновации используются как инструмент возрождения и сохранения этнокультурных традиций. В то же время он характеризует новую жизнь традиций в современных условиях, образуя единство, меру традиции и новации. Показано, что распространение неотрадиционализма способствует расширению масштабов мультикультурализма (культурной сложности) и сохранению самобытности народов в условиях усиления процесса глобализации и межкультурных взаимодействий.

Ключевые слова: глобализация, модернизация, устойчивость, неустойчивость, традиция, неотрадиция, традиционализм, неотрадиционализм, этнокультурный неотрадиционализм, самобытность, мультикультурализм, культурная сложность.

Среди важных, имеющих общемировое значение проблем, обсуждавшийся на пленарном заседании Второго Бакинского международного гуманитарного форума в октябре 2012 года, была обозначена проблема, связанная с неблагоприятными тенденциями формирования глобальной неустойчивости. В этих условиях особенно актуальным становится осмысление действия тех механизмов, которые в той или иной степени могут противостоять этой глобальной тенденции. В данной связи хотелось бы привлечь внимание к такой исторически значимой форме устойчивости, каковой выступает традиция.

Традиция является важным компонентом историко-культурного наследия и способом трансляции этнокультурного опыта, передачи его от поколения к поколению. Ориентация на использование потенциала прошлого, на воспроизведение традиций получила широкое распространение именно в современных условиях, когда в развитии мирового сообщества обозначились две отчетливо наблюдаемые и внешне противоположные тенденции: с одной стороны, развертывание процессов глобализации, углубление интеграции, взаимозависимости стран и народов, с другой – усиление культурной сложности, разнообразия, мультикультурализма, этнической идентификации и этнокультурной фрагментации. Одни исследователи сосуществование этих тенденций воспринимают как парадокс, как неразрешимую теоретическую проблему, другие рассматривают указанные тенденции как самостоятельные и независимые друг от друга или, по крайней мере, не придают значения их взаимосвязи.

На самом деле действительность реализуется через взаимосвязь и взаимообусловленность двух отмеченных тенденций. Будучи противоречивым процессом, глобализация имеет разнообразные последствия, порой существенно отличающиеся по характеру своих проявлений. Реальное противоречие состоит в том, что в ответ на унифицирующие тенденции глобализации растет стремление представителей разных этнокультурных сообществ возрождать традиции и поддерживать своеобразие. Соответственно в условиях усиления процессов глобализации имеют место эффекты как сближения и унификации культур, так и их относительного обособ-

¹ Работа выполнена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН “Традиции и инновации в истории и культуре” (проект “Этнокультурный неотрадиционализм как способ адаптации локальных сообществ к модернизационным процессам”).

ления. Современный мир переживает своеобразный этнический ренессанс, конкретными проявлениями которого являются рост значимости этнической идентичности, повышение интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории.

Не случайно, проблема существования традиций в современности, их соотношение с инновациями превратилась в одну из наиболее актуальных прикладных и фундаментальных для современных общественных и гуманитарных наук. Так, применительно к России об этом говорит уже факт реализации в Российской академии наук двух программ фундаментальных исследований “Историко-культурное наследие и духовные ценности России” (2009–2011 гг.) и “Традиции и инновации в истории и культуре” (2012–2014 гг.). Обе программы объединили солидные исследовательские коллективы из многих академических институтов страны.

В практическом плане в сохранении и развитии традиционных этнических культур заинтересованы и сами их носители, и представители других народов, и мировое сообщество в целом, поскольку этнокультурное разнообразие все чаще осознается в качестве одного из необходимых условий жизнеспособности глобального социума. Именно об этом свидетельствует принятие в последнее десятилетие многих международных документов, направленных на сохранение культурного разнообразия. Наиболее значимыми из них являются Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии (2001 г.) и “Конвенция по вопросам охраны нематериального культурного наследия” (2003 г.), которая является дополнением к принятой в 1972 “Конвенции ЮНЕСКО по вопросам охраны мирового культурного и природного наследия”. При этом разработчики исходят из убеждения, “что культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных – и что помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, “умение жить вместе”, системы ценностей, традиции и верования”¹ и что “все народы вносят вклад в многообразие и богатство цивилизаций и культур, которые составляют общее наследие человечества”².

Важно также сделать акцент на том, что в условиях глобальной неустойчивости никто не знает, какая модель жизнеобеспечения и выживания окажется востребованной в будущем. Например, современный глобальный финансовый кризис, от которого сильно пострадали многие (отдельные люди, социальные группы и даже целые государства), практически не затронул тех, кто живет за счет традиционного натурального хозяйства. Данная модель жизнеобеспечения оказалась эффективной, спасительной для многих групп населения. Поскольку неизвестно, что нас ждет в будущем, нельзя отказываться от любых подобных моделей, сформировавшихся в рамках локальных культур.

Для отражения связи традиции с современностью и разных ее проявлениях в новых условиях исследователи все чаще используют термин “неотрадиционализм”. Однако в большинстве случаев он употребляется некатегориально, интуитивно, без четкого понимания и фиксации того глубинного смысла, который данный термин подразумевает. В условиях расширяющейся практики его применения он нуждается в более строй научной интерпретации. В этой связи выделим несколько существенно значимых моментов.

1. Говоря о сохранении и возрождении традиций, исследователи часто не обращают внимание на тот очевидный факт, что обращение к прошлому, к аутентичной традиции чаще всего происходит тогда, когда с ними уже произошел определенный разрыв. Даже если сохраняется высокая степень преемственности, традиция в традиционном обществе и возрожденная в современных условиях традиция – не одно и то же. В настоящее время традиция не может быть точно такой же, какой она была, скажем, 100 лет назад уже по той причине, что условия жизни людей и сами ее носители значительно изменились.

¹ Всеобщая декларация о культурном разнообразии. URL: http://www.ifapcom.ru/files/Documents/declar_cult_diversity.pdf (дата обращения 2.11.2012 г.).

² Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения 2.11.2012).

Проблемная ситуация состоит в том, что аутентичная традиция, традиция в “чистом виде” практически не сохранилась. Видоизменившись под влиянием разного рода новаций, она существует в виде обновленной традиции, неотрадиции, в виде неотрадиционализма. Уже исходя из этимологии слова неотрадиционализм предполагает, помимо собственно традиции, также определенную новизну, новацию. Он представляет взаимообусловленный процесс непрерывного воспроизводства традиции и ее видоизменения, адаптации к современным условиям. В результате осуществляется не просто следование “образцу”, а развитие традиции за счет инкорпорации новации. Неотрадиционализм как раз и характеризует единство, меру традиции и новации. Если эта мера нарушается и начинает доминировать одна из сторон, то имеет место консервация традиции, превращение ее в музейный экспонат, либо навязывание чуждого, неприемлемого для данного этнокультурного сообщества опыта. В обоих случаях наблюдается разрушение “живой” традиции и потеря преемственности социального опыта, что чревато многими негативными последствиями.

2. В отличие от многих исследователей мы понимаем под неотрадиционализмом не только определенное мировоззрение, концептуальное видение действительности или политическую ориентацию, но рассматриваем его как способ организации самой жизни, устройство мира локального сообщества¹. Неотрадиционализм как умонастроение находит выражение в определенных практических действиях, в том числе политических. Это означает, что он характеризует духовно-практическую деятельность. При таком понимании очевидна как укорененность неотрадиционализма в качестве умонастроения в структурах практики, так и реализация неотрадиционализма в конкретных практических формах.

Поэтому неотрадиционализм можно определить как широкое общественное движение, практически преобразующее историческую действительность на основе избранной ценностной ориентации на традицию. В этом смысле неотрадиционализм, также как и традиционализм, является исторически конкретной формой следования традиции. В известной мере он оппонирует процессам модернизации и глобализации, возрождает и реконструирует традицию, однако в отличие от традиционализма устремлен в будущее, а возрожденная традиция уже не выступает в архаической, примордиальной форме.

3. Воспроизведенная в виде неотрадиции (неотрадиционализма) традиция имеет, как правило, обновленный смысл, обновленное содержание и обновленную форму. Яркими примерами, подтверждающими такой вывод, являются многие традиционные, исходно этнические праздники, ставшие в настоящее время общими для всего населения того или иного региона. Например, в Сибири общереспубликанскими стали праздники: алтайский Эл-Ойын – в Республике Алтай, хакасский Тун Пайрам – в Республике Хакасия, бурятский Сурхарбан – в Республике Бурятия, тувинский Наадым – в Республике Тыва, якутский Ысыах – в Республике Саха (Якутия). К примерам подобного рода можно отнести также ориентированные на туристов шаманские ритуалы, применение традиционного для кочевников жилища – юрты – в виде ресторанов, гостиниц, а элементов горлового пения – в репертуаре популярных эстрадных групп. Общераспространенным является использование древних крепостей в качестве музеев, у которых, конечно же, совсем иное назначение, чем то, ради которого они исходно создавались.

4. Неотрадиционализм характеризует изменение не только содержания и назначения традиций, но и механизма их трансляции. Особая роль в данном процессе теперь принадлежит системам образования, науки, культуры. Если в традиционном обществе традиция вплетена в повседневную жизнь людей, естественным путем передается от одного поколения к другому в процессе непосредственного общения взрослых и детей, а ее носителями являются массы населения (прежде всего старшее поколение), то теперь возрождение традиций часто

¹ Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма / под ред. Е.А.Тюгашева. СПб.: Алетейя, 2011. 132 с.

происходит “по книжкам”, на основе информации, содержащейся в научных работах и учебниках этнографов, специалистов-регионоведов. Нередки случаи, когда о той или иной конкретной традиции узнают сначала молодые люди из школьных и вузовских программ, а потом рассказывают о них своим родителям (в данном случае имеет место эффект смены вектора наследования традиции). Поэтому особая роль здесь принадлежит гуманитарной интеллигенции (ученым, преподавателям), работникам учреждений культуры. В деле возрождения общезначимых традиций (например, в случае с упоминавшийся республиканскими праздниками) многое зависит также от представителей органов власти. Таким образом, можно говорить о том, что в неотрадиционализме меняются источники информации о традиции, инициаторы ее возрождения и носители.

5. При исследовании феномена неотрадиционализма важное значение имеет не только диахронный аспект анализа, характеризующий его рассмотрение с точки зрения временной последовательности – связи прошлого, настоящего и будущего. Существенным является также диахронный аспект анализа, то есть взгляд на неотрадиционализм сквозь призму актуального межкультурного взаимодействия. Именно под влиянием последнего обычно и возникает потребность в обновлении существующей традиции, которое осуществляется путем интеграции в нее традиции другой культурной общности. Данный процесс имеет взаимный характер, поэтому неотрадиция получает распространение и развитие не только в культуре реципиента, но и в культуре донора. Это один из существенных составляющих механизма формирования и развития неотрадиционализма.

Усиление межкультурных взаимодействий ведет к сближению и взаимозависимости носителей разных культур. Но одновременно оно способствует также и их относительному обособлению в результате укрепления потенциала каждой из взаимодействующих сторон, сохраняющих себя в качестве обогащенных в процессе взаимного влияния, но относительно самостоятельных образований. Поэтому формирующаяся в процессе взаимодействия новая целостность должна быть понята как развивающееся единство многообразия. Расширение масштабов мультикультурализма (культурной сложности), на наш взгляд, как раз связано с усилением межкультурных взаимодействий и распространением неотрадиционализма.

В целом неотрадиционализм можно рассматривать в качестве эффективного способа разрешения культурных конфликтов, возникающих в процессе глобализации и модернизации традиционных обществ. В рамках неотрадиционализма разного рода инновации используются как инструмент возрождения и сохранения этнокультурных традиций. В то же время он характеризует новую жизнь традиций в современных условиях.

Остановимся теперь подробнее на такой разновидности неотрадиционализма как этнокультурный неотрадиционализм. Для него характерны как общие черты, свойственные неотрадиционализму вообще, так и некоторые особенности.

Прежде всего, отметим, что в отличие от экономического и политического неотрадиционализма этнокультурный неотрадиционализм тесно связан с этнической культурой разных народов. В его характеристике важно выделить два существенных момента: во-первых, культура как среда существования традиции и неотрадиции, и, во-вторых, этнос как субъект-носитель культуры и традиции.

В составе этнокультуры этнос занимает в известном смысле подчиненное место, поскольку культура – мы следуем здесь евразийской точке зрения – представляет собой месторазвитие, т.е. взаимообусловленное развитие этноса и ландшафта. Конкретный ландшафт своими особыми природно-климатическими условиями определяет формирование этнической общности, которая буквально “произрастает” и “нарождается” на территории как “урожай”, вследствие чего обозначается как “народ”. В свою очередь, этническая общность преобразует ландшафт. Это устойчивое взаимодействие составляет культуру.

В системе культурного ландшафта сосуществуют этнические общности, различающиеся по тому хозяйственно-культурному типу, который лежит в основе формирования каждой из

них. Устойчивые модели поведения по освоению и культивированию ландшафта составляют содержание этнокультурной традиции. Последняя этноспецифична, адаптирована и оптимизирована к конкретному ландшафту. Поэтому сохранение и возобновление этнокультурной традиции привязано к месторождению (исторической родине и прародине) и последующему месторазвитию этноса.

Феномен этнокультурного неотрадиционализма возникает в условиях кризиса практики жесткого следования этнокультурным традициям. Действующая традиция подвергается критике и рефлексии со стороны разных социальных субъектов, признается ее историческая ограниченность и утверждается необходимость обновления. Поскольку традиция имманентна этнокультуре, то реальная возможность иной модели поведения дана только в другой этнокультуре. Поэтому обновление традиции совершается не столько на внутренней, сколько на внешней этнокультурной основе. Этнокультурный неотрадиционализм опосредствуется иноэтничной традицией и по существу есть интерэтнокультурный неотрадиционализм.

Следовательно, рефлексия этнокультур является неотъемлемой составляющей, закономерностью формирования и развития этнокультурного неотрадиционализма. С учетом этого, его можно определить как общественное движение, направленное на обновление этнокультурной традиции путем рефлексии внутренних и внешних условий ее развития.

Успехи этнокультурного неотрадиционализма определяются, с одной стороны, масштабом интегрируемых ресурсов, а с другой стороны – адаптивностью неотрадиции. В целом достигаемое неотрадицией расширение ресурсного поля укрепляет этничность, чувства достоинства и самоуважения представителей этнической общности. Как следствие, могут возникать этнокультурный мессианизм и прозелитизм, универсализирующие ценность конкретной этнокультурной традиции для других этнокультур.

Заклучая, можно сказать, что в отличие от традиционализма этнокультурный неотрадиционализм ориентирован на будущее, на воспроизводство собственных этнических традиций, но не в аутентичных, а в обновленных формах. Для этнокультурного неотрадиционализма характерны отсутствие апологии прошлого, наличие критичности и открытости в отношении других этнокультур, восприимчивости к традициям других народов и готовности к межкультурной коммуникации¹.

Заслуживает внимания еще один аспект проблемы. Оживление неотрадиционализма в настоящее время стимулировано включением этнических локальных культур в глобальный контекст. Именно этим во многих случаях объясняется возросший интерес и спрос на объекты материальной и нематериальной традиционной культуры разных народов, в том числе со стороны туристов. Этническая культура стала объектом купли-продажи, и уже по этой причине во многом изменила свое предназначение. К тому же обновленная жизнь многих традиций приобрела черты театрализованности. Есть зритель, и для него традиционное действие (обряд, ритуал) подается иначе, чем это было в реальной жизни. Наиболее ярко это проявляется, например, в ситуации, когда объекты культа становятся объектами массового туризма

Театрализованность выступает важной и достаточно распространенной характеристикой современной жизни традиционной культуры. Однако не менее существенно понимание того, что обновленная традиция в целом – это не только праздник, театр, но и значимая составляющая реальной жизни этнокультурных сообществ, помогающая им успешно адаптироваться к современным условиям.

В качестве иллюстрации данного вывода приведем некоторые показательные результаты крупномасштабного этносоциологического исследования, проведенного под руководством автора в Монголии во время двух российско-монгольских экспедиций. В 2009 году исследование проходило в Северо-Западной и Центральной Монголии, а также в столице

¹ См. об этом подробнее: Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Понятие этнокультурного неотрадиционализма: к методологии анализа // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. 14. Вып. 4, с.187-193.

г. Улан-Баторе, в 2011 году – в Юго-Западной, Северной (на границе с Бурятией) и Юго-Восточной Монголии. Акцент в исследовании сделан на выявлении ценностей традиционной и современной культуры, конфигурации ценностей доиндустриального и индустриального, сельского и городского образа жизни, соотношения ценностей западной и восточных культур. Всего опрошено 788 чел. в рамках массового опроса и 137 экспертов. Респонденты представляют разные половозрастные и социально-профессиональные группы, разные сферы занятости, городское и сельское население, среди них специально выделена группа скотоводов.

Прежде всего, отметим тот очевидный факт, что Монголия, несмотря на свое особое географическое положение (граничит всего с двумя государствами и не имеет выхода к морю), не изолирована от остального мира. Как и другие страны, она активно вовлечена в процесс глобализации, оказывающий все возрастающее влияние на все стороны жизни, в которой появилось множество новаций. В то же время население этой страны до сих пор в значительной степени сохранило многие элементы прошлого, традиционной культуры.

Как показал опрос, наибольшее значение в структуре ценностных ориентаций монголов имеют ценности здоровья, коллективизма, уважения и соблюдения традиций своего народа, достатка (а не богатства) и независимости, а также ценности семейной жизни, традиционного питания, высокий статус имеет и возможность заниматься физкультурой и спортом и говорить на языке своего народа (от 83 до 95% респондентов считают каждое из них очень важным для себя).

Менее значимыми, но в целом относительно высокими являются ценностные ориентации, характеризующие атрибуты исключительно современного образа жизни – возможность пользования компьютером, Интернетом, современными средствами связи, доступа к средствам массовой информации, желание быть профессиональным специалистом и иметь благоустроенный быт в виде современной квартиры (73 – 81%). Достаточно высоким является также желание иметь и носить традиционную национальную одежду и поддерживать тесные связи с родственниками, помогать друг другу (75%), жить среди представителей своего народа (73%). Ниже по шкале ценностей находятся ориентации на материальное благополучие, индикаторами которого в нашем случае являются наличие автомобиля и высокого дохода (60%), на этом же уровне стоит желание иметь свое хозяйство, свой скот и при этом жить в благоустроенной юрте, снабженной солнечными батареями и спутниковой антенной. Чуть выше средних значений имеет ориентация на многодетность (54%).

Ценности с уровнем значимости ниже средних значений касаются стремления к предпринимательской деятельности – желание быть хозяином, работодателем, иметь собственное дело (45%). Относительно высока доля тех, кто хотел бы в своей жизни ограничиться исключительно частными домашними делами и воспитанием детей, не работая официально (41%). При этом лишь 39% опрошенных ориентированы на участие в регулярных религиозных практиках. Четкую установку на проживание в городских или в сельских условиях проявило одинаковое (относительно невысокое) количество опрошенных – по 35%, для остальных данный вопрос не является принципиально важным.

К числу ценностей жизни, которые имеют наименьшую привлекательность среди опрошенных, принадлежат ориентации на заграничные путешествия (25%), проживание и временную работу за рубежом (22%), а также статусные амбиции – желание быть руководителем, начальником, занимать видный административный пост (20%).

Таким образом, по результатам общего анализа данных опроса можно сделать вывод о том, что в системе ценностных ориентаций, свойственных массовому сознанию монголов, преобладает традиционный кластер, включающий ценности здоровья, коллективизма, достатка (а не богатства) и независимости, уважения и соблюдения собственных национальных традиций. Менее значимым, но тоже обладающим достаточно высоким статусом является кластер, который можно назвать модернистским, для монголов инновационным (ценности основанной на высоком образовании профессиональной

деятельности, владения современными средствами связи и включенности в информационные потоки, благоустроенного быта). Важно отметить, что по большинству обозначенных вопросов мнения экспертов совпадают или близки оценкам рядовых жителей Монголии.

Доминирование в общественном сознании двух обозначенных кластеров ценностей позволяет говорить о ярко выраженном эффекте этнокультурного неотрадиционализма, характеризующего ориентацию, с одной стороны, на историческую память, использование потенциала прошлого и сохранение традиций, с другой стороны, на современные инновационные технологии. Неотрадиционализм в целом выступает основой современного этносоциального развития монгольского общества.

Мы взяли для конкретного анализа Монголию, поскольку в ней сохранились многие традиции, отличающие ее от иных регионов мира. Это сразу бросается в глаза любому, кто сюда приезжает. Но эффекты неотрадиционализма свойственны и населению других стран, хотя здесь они проявляются иначе. Общим является то, что в современном стремительно изменяющемся мире невозможно существовать без постоянного обновления. Отсутствие в обществе инноваций ведет к его стагнации или деградации. С другой стороны, чрезмерные инновации грозят потерей преемственности и устойчивости. Нормальное развитие предполагает определенную меру в соотношении устойчивости и изменчивости, традиций и инноваций. “Переизбыток” и кардинальный характер инноваций порой не менее вреден для общества, чем консервация традиций.

Подводя итог, можно сказать, что широкое распространение этнокультурного неотрадиционализма во многом связано с усилением глобализационных и модернизационных процессов. В то же время, как это следует из проведенного анализа, развитие этнокультурного неотрадиционализма способствует сохранению, а в отдельных случаях и усилению самобытности конкретных этнокультур. В конечном итоге это ведет к расширению культурной сложности, культурного разнообразия, причем, как в масштабе всего мира, так и на уровне отдельных локальных сообществ.

В заключении вновь вернемся к важным итогам Второго Бакинского международного гуманитарного форума 2012 года. Признание мультикультурализма и богатства различий как факта жизни и важного условия развития, подчеркивалось на нем, – лишь одна сторона дела. Еще более значимой проблемой выступает понимание того, что сам факт культурного разнообразия предполагает осознание и особую ответственность политиков за организацию жизни с различиями. Отсюда следует, что усиление мультикультурализма определяет необходимость более сложных механизмов управления, чем ныне существующие. В этих условиях не может быть простых решений.

Т.В.Попкова

доцент кафедры социального управления

Сибирского университета потребительской кооперации

Кооперация как актуальная стратегия в условиях глобализации и расширения мультикультурализма

Аннотация. Рассматривается роль кооперации в условиях глобализирующегося общества. Опираясь на анализ творческого наследия теоретиков кооперации и современный практический опыт кооперативного движения, делается вывод о кооперации как существенном факторе не только экономического и научно-технического, но и гуманитарного прогресса, выступая важным условием сохранения самобытности локальных сообществ.

Ключевые слова: глобализация, мультикультурализм, кооперация, солидарность, взаимопомощь, кооперативная стратегия.

Проблема глобализации активно обсуждается на протяжении многих лет и в разных контекстах. Как всякое значимое социальное явление, она имеет как положительные, так и отрицательные последствия. Расширяя возможности экономического развития отдельных стран, создавая условия для более тесного научно-технического сотрудничества, глобализация создает условия для более широкого и непредвзятого взгляда на мир. По сути, это явление объективно ведет к развитию взаимодействия и солидарности, вовлекая участников в партнерские отношения, расширяет новые экономические перспективы для стран и народов, предоставляет возможности для более высокого уровня жизни.

В то же время глобализация далеко не во всем положительно сказывается на развитии общества. К неоднозначным проявлениям объединения людей в глобальном масштабе К.Ясперс еще в 1948 г. в своей работе “Смысл и назначение истории” относил нивелирование культур. По его мнению, суть данной проблемы заключается в том, что “исторически сложившиеся культуры отрываются от своих корней и устремляются в мир технически оснащенной экономики, в пустую интеллектуальность”¹.

Сегодня процессы глобализации также не всегда и не во всех странах оцениваются положительно. Зачастую менее развитые страны и народы недовольны тем, что их экономика, отдельные сферы хозяйства, не выдерживая конкуренции с крупными корпорациями, мощными торговыми сетями, утрачивают свою самостоятельность, а то и вовсе разоряются. За этими процессами стоит и в целом утрата самобытности социальной культуры. В этих условиях актуализируется поиск адекватных мер для сохранения национальной культуры и экономической самостоятельности.

Глобализация социальных процессов в современном мире существенно усилила взаимосвязь и взаимозависимость различных стран и народов, что нашло проявление не только в сфере экономики, но и в социальной культуре сообществ. На этом фоне возникли тенденции, противодействующие процессам унификации культур, что нашло отражение в концепциях мультикультурализма.

Как известно, проблема мультикультурализма имеет широкий спектр трактовок. Чаще всего под мультикультурализмом понимают комплекс разнообразных процессов, под влиянием которых получают стимул развития локальные культуры в противовес единой национальной культуре. Среди многочисленных определений этого явления можно выделить два основных подхода. Во-первых, мультикультурализм рассматривают как идеологию и политику,

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. Пер. с нем. 2-е изд. – М.: Республика, 1994. С.336

направленную на сохранение и развитие в отдельно взятой стране и в мире в целом культурных различий. Во-вторых, мультикультурализм рассматривается как феномен этнокультурной фрагментации социума, как “многокультурность”, в конечном счете, направленная против культуры как общенационального явления.

В любом случае мультикультурализм предполагает наличие разнообразия культур, в том числе экономических, а, значит, разнообразие типов хозяйствования. Основанная на этом смешанная экономика современных обществ позволяет каждому экономическому субъекту найти свое место в рыночной среде и удовлетворять свои потребности, принимая реальное участие в социальной жизни.

Понимая культуру не только как материальную, но и духовную составляющую любой человеческой деятельности, следует выделять и ее ценностные основания, смыслы и мотивы. Такие значимые и общепризнанные ценности, как коллективизм, справедливость, долг, взаимопомощь, естественным образом проявляются в трудовой и экономической деятельности. Одной из ее первичных, самобытных форм является кооперация. Становление человечества как социального субъекта начиналось как осознание необходимости и выгоды от совместных усилий, сотрудничества и взаимопомощи. Современный исследователь кооперативной стратегии В.Т.Дронов называет кооперацию “древнейшей социально-гуманитарной формой”¹.

Проблемы солидарности и кооперации активно исследовались еще в XIX веке в работах основоположников социологии О.Конта, Г.Спенсера, Э.Дюркгейма. Теоретиками кооперации, рассматриваемой в качестве практической деятельности по преобразованию социума, стали Р.Оуэн и Т.Фурье. Интерес к кооперации проявляли К.Маркс и Ф.Энгельс, которые видели в ней следствие разделения труда. Хорошо известна также работа В.И.Ленина “О кооперации”, в которой он отводил кооперации важную роль как института самоорганизации населения в новых социально-политических и экономических условиях.

В начале XX века в трудах экономиста и общественного деятеля Ш. Жида кооперация получает обоснование как “третий путь развития”.

Понятия солидарности и кооперации, по мнению представителей российской этической философии, раскрывают смысл общественного прогресса, а характерной чертой всякой социальной жизни они считали кооперацию². Яркий представитель российской социальной мысли П.А.Кропоткин разработал фундаментальную для своей социологии и этики категорию взаимопомощи. Он полагал, что именно взаимопомощь способствует развитию общества, развивает прогрессивные формы эволюции, к которым он относил род, общину, гильдии, научные и культурные сообщества, кооперацию.

П.А.Кропоткин связывал успех и эффективность перестройки хозяйственных отношений с изменением нравственных связей между людьми, основанной на “осознании единства” и “взаимной поддержки”.³ Представители многих направлений российской социологии были убеждены, что для здорового и прочного общества необходима не борьба всех против всех, не всеобщая конкуренция, а тесная и обширная солидарность между личностями, поскольку вне существования солидарности между членами общества здоровое и прочное общество невозможно⁴.

Дарвиновскому учению борьбы за существование они противопоставляют учение о кооперации. Так, И.Л.Мечников связывал существование общего прогресса в истории с непрерывной эволюцией характера социальной связи между людьми и нарастанием

¹ Дронов В.Т. Кооперативная стратегия в социологии. URL: <http://refak.ru/referat/173/> Дата обращения 17 октября 2013

² Мечников И.Л. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М.: Издательская группа “Прогресс”, “Пангея”, 1995. С.243

³ Кропоткин П.А. Этика. Избранные труды. М: Политиздат, 1991. С.388

⁴ Лавров П.Л. Исторические письма 1868 – 1869 // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произведения в двух томах. М.: Мысль, 1965. Т.2. 7. С.57

общечеловеческой солидарности. Только эти факты, а не технический прогресс, по его мнению, и “заслуживают быть признанными в качестве критерия и признака общественного прогресса”¹.

Этическое учение И.Канта о личности как центре вселенной получило свое развитие в русской философии и социологии в обосновании таких принципов кооперации и солидарности, при которых практически невозможно относиться к личности только как к средству, а благо предусмотрено не для большинства, а для всех без исключения.

Современное кооперативное движение базируется на принципах, зафиксированных в международных документах. Так, на Конгрессе Международного кооперативного альянса в 1995 году в “Декларации о кооперативной идентичности” закреплены базисные ценности кооперативных обществ: взаимопомощь, взаимная ответственность, демократия, равенство, справедливость и солидарность, и такие этические принципы как честность, открытость, ответственность и забота о других².

В качестве основополагающих для кооперации организаций следует выделить совокупность социальных признаков – добровольность, самоуправляемость, открытость членства, взаимопомощь, демократизм. Кооперативное общество ставит своей главной целью не только и не столько получение прибыли (хотя в современных условиях эффективность ее хозяйственной деятельности – это, несомненно, одна из главных задач для кооперативов), сколько улучшение экономического и социального положения своих членов с помощью какой-либо хозяйственной деятельности, основанной на взаимопомощи, соответствующей кооперативным принципам.

Европейский опыт демонстрирует достойные примеры успешного использования различных форм кооперации. Особенно это характерно для социальной сферы. В Бельгии, Испании, Италии и Франции кооперативы объединяются с ассоциациями в секторе медицинских и социальных услуг (ориентация на пользователя, на низкие цены обслуживания и надежную солидарность). Образовательные кооперативы Испании и Японии, а также США (где, в частности, успешно функционирует Гарвардский студенческий кооператив, которому уже более 100 лет), предоставляют разнообразные услуги студентам, например, такие, как дешевое жилье и магазины, юридические консультации. Во Франции действуют более 50 театральных кооперативов, включая всемирно известный “Theatre du Soleil”. К примерам такой кооперации можно отнести также широкое научное сотрудничество различных стран, взаимодействие в космической отрасли, в совместной борьбе против терроризма и т.д. С такой стратегией кооперативного взаимодействия удастся вполне эффективно интегрироваться в глобальную мировую экономику, сохраняя свои национальные традиции и элементы локальной экономической культуры.

Мировой опыт показывает, что кооперация – это адекватный и непреходяще актуальный исторический тип взаимодействия и механизм, обладающий необходимой социальной эффективностью и устойчивостью в кризисные периоды. Великое преимущество кооперативного взаимодействия состоит в том, что он устраняет отчуждение людей в обществе и является средством его саморазвития. Особо следует подчеркнуть, что кооперация стала существенным фактором не только экономического и научно-технического, но и гуманитарного прогресса.

Таким образом, кооперация может рассматриваться как относительно безболезненный способ вхождения в процессы глобализации, а не отгораживания от нее, и в то же время – как условие для сохранения самобытности локальных сообществ. Мультикультурализм не только как теоретическая конструкция, а как реальная социальная практика может проявить свои лучшие стороны при условии реализации кооперативной стратегии во всех сферах общественной жизни.

¹ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. С.235

² Декларация о кооперативной идентичности, принятая Международным кооперативным альянсом в 1995 г.

URL: <http://student.zoomru.ru/ecoteo/deklaraciya-o-kooperativnoj-identichnosti-prinyatiya/164575.1350184.s3.html>

Дата обращения 10 октября 2013 г.

Абсагтаров Р.Б.

проф. др., член-корреспондент АН Казахстана

Рау И.А.

проф. др., почётный доктор АН Азербайджана

Мультикультурализм и многомерность истории

Концепций историй, помимо классических, имеется множество, начиная с индуско-буддистской и кончая современными постмодернистскими с их предисторией. **Метафора стереоскопа** лежала в основе одного из методов рассмотрения исторических явлений Вальтера Беньямина. В стереоскопе накладываются друг против друга две картинки и возникает объёмное изображение. Применительно к **истории культуры** каждого народа и всего человечества объёмность и целостность рассмотрения достигаются тогда, когда **прошлое** не отбрасывается как просто уже не существующее, а оно “светится” в **настоящем** и действует на образ **будущего**. А если посмотреть на образы будущего в современной литературе и искусстве (фантастика, кино, телевидение и др.), то там будущее безнационально, полностью космополитично, т.е. односторонне. И этот односторонний образ будущего влияет на настоящее: если будущее космополитично (чаще всего – американизировано-космополитично), то утверждается мысль, что детей и молодёжь надо готовить именно к такому будущему. Вот и верь после этого утверждениям о том, что будущее не может влиять на настоящее потому, что его ещё нет.

Другая примечательная мысль Вальтера Беньямина и Теодора

Адорно – отказ от рассмотрения **исторического времени** как простой линейной временной последовательности. Такая последовательность исходит из того, что человеческое **прошлое** всегда хуже человеческого **настоящего**. Утверждают, например, что **номадическое прошлое** однозначно хуже урбанистического (городского) настоящего, что прошлые способы хозяйствования хуже настоящих и т.д. Но так ли это однозначно с точки зрения экологической безопасности.

Один из **парадоксов прошлого** раскрывается в так называемом “констеллятивном мышлении” относительно **исторического факта**. Нет никакого исторического факта, который случился раз и навсегда, продолжает существовать неизменным. На деле исторический факт продолжает происходить когда мы, современники, продолжаем обнаруживать всё новые его грани, но никогда не доберёмся до его окончательного результата. Возьмём в качестве примера творчества Мирзы Фатали Ахундова или Абая Кунанбаева; деятельность Гейдара Алиева или Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Это творчество и эта деятельность – исторические факты, существование которых невозможно отрицать. Но остаются ли они неизменными? Нет. Неустанный интерес нынешних поколений к творчеству и деятельности открывает всё новые стороны и творчества, и деятельности, обогащая, таким образом, эти **исторические факты**. Кроме того, неустанное внимание к этим фактам открывает и совершенно новые смыслы, о которых ни современники фактов, ни сами их создатели ещё ничего не знали. Комментарии и интерпретации делают любой исторический факт живым, развивающимся.

Если в понятии “прогресс” **прошлое** “музейно”, т.е. достойно внимания и даже уважения как нечто состоявшееся, то при констеллятивном мышлении прошлое и настоящее едины. Более того, **настоящее помогает прошлому** свершиться. Они взаимодействуют: настоящее опирается на прошлое, прошлое живёт настоящим. Прошлое присутствует в настоящем и будущем и соформирует их. Оно не есть просто “падшее время”. И мы относимся ответственно к нашему прошлому, когда даём ему, его наиболее важным фактам, развернуться, “свершиться”. Прошлое каждой культуры индивидуально и каждое поколение даёт ему дополнительный разворот.

К этому надо добавить, что человеческое прошлое не для всех людей такое: для племени туарегов **номадическое прошлое** человечества – настоящее, для албанцев прошлый обычай человечества “кровная месть” в сельских и горных районах страны – настоящее. Понятие “**прогресс**” не учитывает ни жизненности прошлого, ни его необходимости в определённых ситуациях.

Понятие прогресса опирается на одностороннее рассмотрение истории – как истории развития науки, научного знания и связанных с ним техники и технологии. Всё, что связано с технико-технологическим совершенствованием считается прогрессивным, а не связанное – отсталым, регрессивным. Это одностороннее рассмотрение истории человеческих сообществ: всё **национально-культурное**, национально-уникальное и духовное остаётся при таком рассмотрении на обочине истории или, в лучшем случае, в музеях. Как будто человек – это только *homo eponomicus*. Именно национальное начало и превращает историю человечества в красочное живописное полотно, а не в сухую логическую схему технико-технологического прогресса, одинаково для всех и безразличного ко всем, кроме тех, кто его пропагандирует.

Примечательна в этом плане одна из **буддийских (индийский буддизм) концепций истории и культур**. Мир есть некое вместилище, которое состоит из бесконечного количества *дхарм*. Последнее бесконечно разнообразны и лишь рядоположены, не обязательно связаны между собой. Они всегда одновременны и поэтому отношений причинности (причины – следствие) меж ними нет: если они взаимодействуют, то каждая остаётся сама собою. Многие черты **национальных культур** имеют известное сходство с этими *дхармами*.

Тезис “конца истории” опровергается Китаем, который не есть ни **социализм**, ни **капитализм**, а новое социально-экономическое образование, много десятилетий уже доказывающее свою жизнеспособность. Нет “конца истории” и для демократии, и культуры. Современная западноевропейская и американская **модель демократии** не являются ни единственной, ни окончательной. На наших глазах возникают иные формы демократических устройств государства и общества и думать о “конце”, исчерпанности этих форм тоже нет никаких оснований.

Возможное завершение “буржуазного” отрезка мировой истории вовсе не означает завершения всей истории: можно предположить, что формы существования человеческого общества и государства могут быть так же бесконечно разнообразными как и творческие возможности самого человека.

Таким образом, тезис “конца истории” – идеологическая конструкция И как таковая “страдает” многими пороками. Она неполна, частична т.к. выражает интересы отдельных групп, части человечества хотя и претендует на общечеловечность и на универсальность, вневременность. Она полагает, что все другие идеологии – заблуждения, противоположные, даже, воззрения, с которыми надо открыто бороться. Она стереотипна, подобна религии, состоит из раз и навсегда готовых формул и поэтому мало способна к самоизменениям. В то же время есть все основания утверждать, что идеология как форма духовного (всегда временно и пространственно ограниченного) единения любого общества, несмотря на все её недостатки, остаётся необходимостью.

В области **истории** до сих пор господствует **классическая модель** поступательного, ступенчатого прогрессивного развития: низшие ступени развития общества сменяются высшими ступенями. Этим отличается история от природы, в которой господствуют круговороты (отвлечёмся от второго закона термодинамики). В природе все циклы движения-повторяемости равноценны, в истории же высшая ступень “ценнее” низшей.

В **неклассических моделях истории** (Дилтей, Адорно, Шмидт и др.) она течёт по многим струям одновременно; в ней присутствуют и разнонаправленность, и круговороты; в ней имеются и диахронические (разновременные), и синхронические (одновременные) взаимосвязи. В каждый из отрезков времени история многослойна, представлена разными типами жизни людей, обусловленных, главным образом, их отношением к природе. В трудах

Данилевского, Шпенглера, Трубецкого, Сартра и др. идея однолинейного прогресса с низшими и высшими ступенями, сменяются **полифоничной, констеллятивной историей**. В последней прошлое, старое не есть автоматически низшее, а настоящее, новое не есть автоматически высшее.

Для межкультурного общения важен **язык рассмотрения истории** и современности. О событиях прошлого времени надо говорить современным языком, понятным большинству собеседников. Но стремиться надо к тому, чтобы язык этот был по возможности идеологически, национально, расово нейтральным: без ярких знаков мировоззренческого или эмоционально-оценочного отношения автора к этим событиям. Надо держать личную дистанцию к произошедшему. Это трудно, это никогда полностью не удаётся, но стремиться к этому надо.

А вот о том, что происходит сегодня лучше говорить несколько старомодным, “учёным” языком, с тем, чтобы держать личную дистанцию от происходящего. Это положительно влияет на собеседника, и учёному “идёт” подобная “чужесть” (А.Пятигорский) – меньше субъективизма будет.

Современные философы, социологи и социальные психологи спорят о том, существуют ли на деле “**эпохи истории**” (К.Кобрин). Под ними понимают большие отрезки времени, наполненные неким “**объективным смыслом**”. Под последним понимается смысл, который ей не придавался современниками (только ничтожное меньшинство из них, единицы даже, догадывались о нём) но “приписан” был ей позднейшими исследователями и их последователями. Говорить об эпохах **единой, целостной истории** имеет смысл говорить, если есть такая история и вместе с ней единое, целостное человечество.

Но когда ж они возникли? Исторически недавно, с появлением мировой торговли. А до этого у каждой **локальной истории** (в Евразии, в Европе, в Латинской Америке, в Океании и т.д.) была своя история, имевшая, правда “эпохи”, но свои, в других локальных историях неповторяемые. Локальные аспекты истории не исчезли и сегодня, более того, исторически новое возникает именно в отдельных этих локусах и затем распространяется по планете становясь всеобщим. Поприсматривать надо присматриваться к локальным аспектам истории и учёным, и политикам. Постмодернистские мыслители склоняются в “**атемпоральной истории**”, т.е. к такой истории, в которой не хронология, не элементарное измерение времени и составление реестров временной последовательности событий определяет существенное и определяющее в истории. Атемпоральная история признаёт все временные отрезки истории любых культур поучительно-ценными для остальных культур и, с человеческой точки зрения, равноценными. Почему это исторический опыт чукчей ценнее, чем исторический опыт казахов или азербайджанцев, или англичан? Каждый из этих опытов ценен и может пригодиться человечеству. Преставьте себе всеобщее похолодание на Земле или нарастающую деятельность людей в высоких холодных широтах, или деятельность спецслужб в экстремальных условиях. Опыт чукчей здесь весьма полезен во многих отношениях. А не лучше ли предположить что этот опыт разных культур в принципе равноценен и лишь с точки зрения сегодняшних актуальных потребностей он не выглядит таковым. Представления об общем смысле развития всех культур тормозит каждую отдельную культуру в осознании собственного смысла своих изменений, мешает национальной культуре представить себя и репрезентировать себя в своём собственном неповторимом смысле и самооценности. Единоы же все эти разные культуры в том, что смысл имеют. Нет бессмысленных культур.

Ныне нужна такая модель **гуманизма**, которая “работала” бы на благо любого человека, независимо от его культуры, нации, образованности, расовой принадлежности, веры и политических убеждений. Эта задача по своей сложности почти не разрешима, но стремиться к этому надо. Нынешняя модель гуманизма страдает со времени его возникновения европоцентризмом к которому добавился в последнее столетие американоцентризм. Преодолению этих уже опасных для человечества “центризмов” помогает различение

ценности культурного разнообразия человечества и ценности его однообразного научного и технико-технологического развития. Это, так сказать, глобальный аспект опасности для гуманизма и, одновременно, мультикультурализма. Другой аспект этой опасности концентрация дискурса не на самом человеке, а на его личности и её правах. Однако же ясно, что целостный человек имеет такую же, по крайней мере, ценность как и его личность и её права.

В **неклассических концепциях истории** много места занимает **понятие нового** и его оценка. К этому примыкает проблема уважительного отношения к старому, причинам такого отношения. То, что новое в истории появляется – бесспорно, но всегда ли это хорошо, в каких размерах новое хорошо, в каких размерах хорошее новое превращается в плохое или даже опасное новое и т.д. Появление подлинно нового – уникальное событие. При своём появлении оно подобно слепому пятну. Оно уже зафиксировано восприятием, но не может быть описано старым языком и понято в системе прежних представлений, понятий или ценностей. Появившись, оно интеллектуально и духовно не освоено. Оно требует напряжённой работы и самих новаторов, и со стороны поддерживающих их социальных сил с тем, чтобы оно встроилось в рамки существующих ментальных и общественных структур, одновременно расширяя их. Мало открыть **новое**, хотя это само по себе – заслуга. Надо ещё довести “довести” его до общества, показать положительное и отрицательное в нём. **“Иронизм” нового** всегда ещё проявлялся так: Новое вначале отрицается в обществе как нонсенс, затем утверждается как очевидность, затем присваивается прежними яростными противниками как вполне своё.

С проблемой нового непосредственно связаны дискуссии о роли в обществе **традиций и авторитетов**, на правомочность которых покушается Просвещение и классический рационализм. Ясно же, однако, что и традиции, и авторитеты это – объективные скрепы общества (хотя одновременно и якоря), что человек духовно нуждается в авторитетах и традициях как в чём-то прочном, на что можно опереться в треволнениях жизни, опереться, не теряя своей самостоятельности.

Из философов особенно Г. Гадамер много сделал для возвращения внимания к традициям и авторитетам. Вопрос этот имеет ёмкое гуманитарно-демократическое измерение: нельзя пренебрежительно, высокомерно относиться к традициям, которых держится большинство населения, к авторитетам, которые это большинство признаёт. Такое пренебрежение всегда ещё оборачивалось для политиков, в конечном счёте, поражением. Одной из важных форм традиции являются **исторические предания** выполняющие функции групповой идентификации и сплочения. Люди нуждаются в них как дерево в корнях (Колеш В.).

Ключевые слова: историческое время, исторический факт, констелляция в истории, локальные истории, метафора стереоскопа, новое в истории, “прогресс” в истории, “эпохи” истории.

Литература

1. Нуржанов Б.Г. Модерн. Постмодерн. Культура. Алматы ОНЕР баспасы 2012.
2. Соловьёва Грета. Философия страдания и надежды. Алматы 2010. Академия социальных наук.
3. Jameson F. Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism. Duke University Press 2001.
4. Adorno Theodor W. Nachgelassene Schriften. Vorlesungen. Frankfurt a.M. 2010. Bd. 6. Philosophie un Soziologie.

Толерантность казахстанского общества в контексте обеспечения ценностного согласия

В 2011 году 36-ая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО приняла представленную Казахстаном при поддержке 26 стран резолюцию и рекомендовала ООН провозгласить с 2013 по 2022 годы “Международное десятилетие сближения культур”. Казахская инициатива была поддержана Генеральной Ассамблеей ООН, и в апреле 2013 г. в Париже, в рамках 191-ой сессии Исполнительного совета ЮНЕСКО стартовал этот уникальный международный проект.

С особой гордостью хочу подчеркнуть, что наша страна в очередной раз проявила себя как миролюбивое, открытое многонациональное государство, выступив с данной инициативой.

Диалог между культурами – это лучший путь для построения мира. Сегодня эта сфера, как никогда является весьма чувствительной и вынуждает все государства вести поиск компромиссных вариантов для безопасности и взаимопонимания между народами.

Сегодня как никогда инновационный контекст культурно-цивилизационных истоков развития особенно актуален для мировых контактов. Это подтверждается и нашим сегодняшним авторитетным собранием в рамках инициативы азербайджанских коллег с идеей Бакинского международного гуманитарного форума.

Культурно-цивилизационный ренессанс закладывает новый формат международных отношений. Понятия “мир без границ”, “диалог цивилизаций”, “диалог народов”, “диалог культур”, “диалог политических лидеров”, “диалог лидеров мировых и традиционных религий” – уже стали ключевыми трендами настоящего времени. Результатом следования этим трендам является взаимовлияние и взаимообогащение культур и цивилизаций.

“Весь XXI век, – будет периодом взаимопроникновения, сотрудничества и конкуренции универсальных и традиционных ценностей различных культур на основе выяснения их сравнительных преимуществ и совместимости на почве разных стран и цивилизаций, с синтезом традиционных и заимствованных институтов с целью создания наиболее благоприятных условий для инноваций. Это будут сложные, порой конфликтные процессы. Преимущество останется за теми, кто продемонстрирует более высокую адаптивность”, – утверждают российские экономисты и общественные деятели Евгений Ясин и Мария Снеговая [1].

Находясь в центре Евразийского пространства, на границе древних цивилизаций, Казахстан как молодое государство уже накопил опыт по формированию тесных взаимоотношений с такими мощными геокультурными пластами, как китайский, арабско-исламский, российский.

Сейчас Казахстан находится в очень серьезном промежутке своей истории, когда необходимо и далее повышать конкурентоспособность своей культурно-цивилизационной идентичности, т.е. выработать свой уникальный культурный код самосохранения, который защитит нас от геокультурной ассимиляции. В этом плане нацеленность на построение социального государства и интеграцию в мировое сообщество в качестве равноправного партнера является актуальной для всех наших стран.

Цивилизационное единство культурного многообразия казахстанского общества является нашим историческим наследием и нашим брендом, которое мы нацелены приумножать. Первый Президент Казахстана – Лидер Нации Н.А.Назарбаев четко обозначил, что наша независимость – это национальная идея, наша главная ценность. В этом измерении наша ключевая культурная ценность, тренд – толерантность.

Выступая на открытии Конференции ОБСЕ высокого уровня по толерантности и недискриминации 29 июня 2010 года Глава нашего государства отметил: “Последнее десятилетие прошлого и первое десятилетие нынешнего века принесли драматические изменения в само понимание толерантности и, самое главное, в реальную политику на пространстве ОБСЕ. И это не случайно, ибо изменились условия межэтнического, культурного, религиозного и цивилизационного взаимодействия” [2]. Толерантность на уровне международной политики обретает концептуальное значение как категория глобального взаимодействия. Это стало особенно очевидно на рубеже тысячелетий, когда в мировую геополитику вышли новые субъекты в лице независимых государств на пространстве бывшего СССР, во многих из которых проблема национальной и гражданской идентификации особенно актуальна.

Опыт нашего государства свидетельствует, что народы с различной национальной психологией, культурой, ментальностью, могут благополучно жить и устанавливать конструктивные связи, перерастающие в отношения дружбы и духовной близости. Но это не стало результатом одного дня. Казахстанцы всегда гостеприимно принимали всех, кто в силу объективно-исторических причин оказывался на казахской земле. Это было в конце XIX в., когда на территорию Казахстана переселились уйгуры и дунгане, и в XX в., когда были депортированы немцы, чеченцы, ингуши, азербайджанцы, корейцы и другие. Как следствие, историческая земля казахов стала Родиной для представителей более чем 130 народов и наций, представляющих сегодня 17 различных конфессий.

В этих условиях первостепенную значимость приобретает проблема их сближения, взаимодействия, взаимоуважения и совместимости через понимание, самобытности и взаимовлияния национальных культур. Нравственно-этические нормы, ценностные и этнокультурные традиции оказывают влияние не только на характер поведения человека в различных жизненных ситуациях, но и первостепенно запечатлеваются на культуре народов. Иными словами, **в многовековой культуре казахского народа толерантность является поведенческой нормой, совершенно естественным жизненным принципом поведения людей.**

В этом корни идей и инициатив Казахстана: в традициях мира, согласия и толерантности, присущих казахстанскому обществу. Гостеприимство, понимание ближнего не по цвету кожи или глаз, а через вместе пережитое, отсутствие фанатизма и религиозной агрессии в исторической традиции казахского народа, уважительное отношение к старшим и духовным ценностям других народов – благо и важнейшая ценность, которую важно принять в целях развития продуктивного диалога между этносами Казахстана и о которой постоянно говорит Президент Казахстана Н.Назарбаев.

Последнее десятилетие прошлого и первое десятилетие нынешнего века принесли драматические изменения в само понимание толерантности и, самое главное, в реальную политику в глобальном измерении. Процессы миграции и углубленной интеграции способствовали серьезному сдвигу в понимании толерантности в европейских и ближневосточных странах. В том числе, и в понимании пределов этой толерантности.

Так что же такое толерантность? В декларации принципов толерантности, утвержденной резолюцией Генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года, есть такое определение: **Толерантность – это гармония в многообразии.**

Встречаются и другие определения. К примеру: *Толерантность – то, что делает возможным достижение мира и ведет от культуры войны к культуре мира.* Или: *Толерантность – привилегия сильных и умных, не сомневающих в своих способностях продвигаться на пути к истине через диалог и разнообразие мнений и позиций.* Или: *Толерантность – способность человека, сообщества, государства слышать и уважать мнение других, невраждебно встречать отличное от своего мнения.*

Все эти определения говорят об одном. Толерантность общества это утверждение права всех людей быть разными. При этом, само общество через свои институты (в том числе и государственные), должно стремиться к обеспечению устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении разнообразия различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

На примере таких космополитических центров как Лондон, Гонконг, Сингапур, мы видим, что чем выше толерантность людей и способность общества терпимо относиться к многообразным формам самовыражения (если конечно при этом не нарушаются законы), тем выше его глобальная конкурентоспособность. Такие центры, с точки зрения экономики, стоят на гораздо более высоком уровне развития. При этом основные доходы в этих центрах приходятся не на товарное производство, а на производство услуг. То есть их лидерство базируется не на материальных активах, а на высоких интеллектуальных продуктах. Ведь именно интеллект и творческое воображение развиваются в условиях, когда в обществе культивируются диалог и толерантность. Эти качества дают таким обществам важные преимущества в виде притягивания лучших профессионалов со всего мира, а также взаимообогащения идеями и новациями, что ведет к еще более быстрому развитию общества.

Существенная часть пройденного Казахстаном пути – это уникальная история этнического и культурного взаимодействия населяющих его народов, проникающего по существу во все сферы бытия – язык, образ жизни и мышления, менталитет. Именно толерантность стала решающим фактором обеспечения мира, стабильности и экономического прогресса Казахстана. Принцип толерантности для Казахстана – не только норма политической культуры, но и государственный принцип.

На сегодняшний день мы можем констатировать достаточно высокую толерантность казахстанского общества, обеспечивающую экономическое лидерство в регионе. У нас, слава Всевышнему, не было серьезных конфликтов на этнической или конфессиональной основе, как это имело место в некоторых соседних странах. Нам удастся сохранять хрупкий баланс понимания, доверия и гармонии в обществе.

А что же лежит в основе гармонии общества? Известный американский социолог Фрэнсис Фукуяма в одной из своих политико-экономических работ “Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию” прямо указывал на то, что экономический прогресс есть своего рода “награда” обществу за внутреннюю гармонию, отсутствие которой препятствует хозяйственному процветанию. Поэтому, ход реформ в любой стране определяется не только экономикой, но и социокультурным контекстом: ментальностью, этнокультурными традициями и **доверием** народов проживающих в стране, к проводимому политическому курсу. Ярким подтверждением этого тезиса является деятельность Ассамблеи народа Казахстана – уникального института межэтнического и межконфессионального диалога.

В Стратегии Ассамблеи народа Казахстана на среднесрочный период выдвигается задача “формирования казахстанской идентичности путем консолидации этносов Казахстана на основе гражданской и духовно-культурной общности при стержневой роли государственного языка и культуры казахского народа”. Иными словами на государствообразующий этнос возлагается задача построения такой модели общества, которая давала бы возможность и в дальнейшем сохранять уникальную этносоциальную структуру страны и лелеять мир многообразия в единстве.

Как никогда ранее, актуализировался вопрос: существуют ли в современном мире сложившиеся критерии оценки и восприятия толерантности? Информационное поле, на котором разворачиваются все события, видимые и скрытые процессы, зачастую склонны придерживаться далеко не корректных оценок и сопоставлений. Это и стало основанием для констатации драматичного водораздела в мировоззренческой эволюции, которую отмечает

Президент Казахстана Н.А.Назарбаев: "...религиозная идентичность стала, к сожалению, фактором, который больше разделяет, нежели соединяет людей на европейском континенте. И проявления религиозной нетерпимости стали фактором не только бытового поведения, но и политического" [3]. Продолжая эту тему, Н.Назарбаев подчеркивает: "Мы должны признать, что в современном мире значительно возросло значение толерантности как одного из главенствующих факторов стабильности, особенно в условиях глобализации, появления новых вызовов и угроз. Поэтому считаю, что обеспечение согласия религий, мирного сосуществования этнических групп является важнейшей доминантой долгосрочной безопасности" [4].

Еще в сентябре 2003 года на Совещании ОБСЕ по межкультурной, межрелигиозной, межэтнической терпимости в Астане казахстанский лидер отмечал: "Казахстан в своей практической политике исходит из того, что только внутренняя свобода человека есть условие межконфессиональной толерантности. Именно поэтому, исторически являясь частью культурного материка ислама, мы не препятствуем развитию всех мировых и традиционных религий в Казахстане. Когда государство, нация или религия рассматривает чужое культурное пространство через призму захвата, завоевания, тогда всегда деградирует собственная среда обитания. У казахов издревле каждое место имело своего "гения", свой дух, своих аруахов.

Эта глубокая интеграция человека, религии, территории была столетиями тем спасительным фильтром, который хранил душу моего народа. Для казахов толерантность не академическое, а практическое понятие" [5].

Будучи зарождающейся демократией, проповедующей "созидательное лидерство", Казахстану удастся поощрять диалог даже между противоборствующими сторонами. Проходящие в Казахстане Съезды лидеров мировых и традиционных религий, на которые съезжаются духовные лидеры почти всех стран и религий, чтобы поддержать толерантность и взаимопонимание, – лишь один из примеров такого плана. Это стало ответом нашего политического руководства на явную потребность в международной межконфессиональной организации, которая на постоянной основе могла бы проводить в жизнь единую волю авторитетных духовных лидеров и простых верующих.

В истории независимого Казахстана самые важные достижения были обусловлены именно таким подходом к решению самых, казалось бы, неразрешимых проблем и противоречий. Достаточно обратиться к теме ядерного разоружения. Уникальность событий, связанных с закрытием Семипалатинского ядерного полигона, в том, что они стали результатом объединения усилий общества и власти. "Сохранив ядерное оружие, Казахстан, возможно, мог бы стать более влиятельным игроком в нашем потенциально нестабильном регионе, и, уж конечно, в этом случае мир бы знал о нас куда больше. Некоторые даже уговаривали нас не отказываться от ядерного арсенала. Однако при принятии решения мы руководствовались более важными соображениями, включая понимание роли и ответственности зарождающихся демократий, подобных нашей. Нашей главной целью было создание в Казахстане новой экономической и политической модели, и мы твердо верили, что наше будущее благополучие напрямую зависит от отношений с Западом в сферах безопасности, торговли и инвестиций", – вспоминает Н.Назарбаев [6].

С.Хантингтон в своей нашумевшей работе "Столкновение цивилизаций" отмечал: "Необходимо будет найти элементы сходства между западной и другими цивилизациями. Ибо в обозримом будущем не сложится единой универсальной цивилизации. Напротив, мир будет состоять из непохожих друг на друга цивилизаций, и каждой из них придется учиться сосуществовать со всеми остальными".

Для полиэтничного государства, каковым является Казахстан, задача укрепления межнационального согласия является по существу главной "ценностью для выживания", важнейшей составной частью его модернизации, необходимым условием развития республики и успеха осуществляемых преобразований.

Корни взаимодействия этносов и их изучение имеют мировоззренческую направленность. С другой стороны, у казахстанской толерантности, как отмечает казахстанский историк Саттар Мажитов, есть еще одна особенность и “она связана с ее евразийским содержанием”. В результате протяженного в историческом времени мирного сосуществования и партнерских отношений различных народов здесь сложился во многом сходный менталитет и дух взаимности. “В Евразии – парадигма коллективистская”, – констатирует российский философ и политолог Александр Панарин.

Будучи музеем новейшей истории Казахстана Музей Первого Президента Республики Казахстан в своей деятельности уделяет принципиальное внимание формированию и укреплению культурно-цивилизационных ценностей и пропаганде толерантности и в особенности среди подрастающего поколения. Этому способствуют несколько ключевых компонентов. Во-первых, визуальный ряд экспозиций, повествующий о судьбоносных страницах становления и укрепления независимости страны сквозь призму созидательного лидерства Н.А. Назарбаева. Во-вторых, разноплановая проектно-экспозиционная деятельность. И, в-третьих, наша коммуникационно-просветительская работа.

Опыт Казахстана как страны, сформировавшей внутригосударственный механизм межэтнического и межконфессионального взаимодействия и партнерства, интересен не только с точки зрения обеспечения внутривнутриполитической стабильности, но и с позиций обеспечения конкурентоспособности новых теорий демократизации общественных систем.

Мир переживает уникальный исторический этап развития, освобождаясь от сложившихся многовековых стереотипов и предрассудков. Мир все более и более становится глобальным. И мы не можем остаться в стороне от этого процесса. Важно сказать, что у нашего общества есть здесь преимущество: мы не отталкиваем чужие культуры. Мы настроены на то, чтобы воспринимать все прогрессивное, мы открыты миру. И это важный результат проводимой в Казахстане национальной политики.

Список использованной литературы

1. Е.Г.Ясин, М.В.Снеговая. Тектонические сдвиги в мировой экономике. Что скажет фактор культуры. – М., 2009 г. – с.96.
2. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на открытии Конференции ОБСЕ высокого уровня по толерантности и недискриминации. – 29 июня 2010 г.
3. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на открытии Конференции ОБСЕ высокого уровня по толерантности и недискриминации. 29.06.2010г.
4. Там же.
5. Выступление Президента РК Н.А. Назарбаева на Совещании ОБСЕ по межкультурной, межрелигиозной, межэтнической терпимости. Астана, 24 сентября 2003 года.
6. Назарбаев Н.А. Потенциал зарождающейся демократии. Неофициальный перевод статьи из газеты “Вашингтон Таймс” от 08.09.09 г.

**Город как общее пространство:
исследование социального капитала крымских
городов с поликультурным составом населения**

Современный город – наиболее естественная среда для встречи различных культур и зарождения импульсов социальных изменений. Потому и множественные процессы человеческих взаимодействий, происходящие в городе, получают национальную, а порой и глобальную значимость. Как общее пространство, город объединяет множество интересов, потребностей и идей населяющих его людей, что создает объективные предпосылки для частых конфликтов, особенно, если город становится местом обитания множества этнических, культурных и религиозных групп.

Крым является в большей степени урбанизированным пространством, поскольку культура села, формировавшаяся здесь в течение второй половины XIX века и на протяжении XX века не получила устоявшихся форм и практик схожих с иными регионами Украины. Потому основным субъектом воспроизводства и социализации населения в Крыму стал малый город. Крымские города отличаются рядом особенностей:

1) Географическое расположение Крыма вдали от пересечения основных коммуникаций внутри страны создает особую социокультурную изолированность крымских городов от национальных и международных тенденций, особенно тех городов, что не имеют выхода к морю и активной социальной мобильности в летний период.

2) За последние 20 лет произошла существенная трансформация крымских городов в разнообразные и поликультурные сообщества. Поликультурность изменила внешний облик города, его аудиальное пространство, практики повседневной жизни. Этот процесс не везде сопровождается быстрым принятием изменений и зачастую оценивается старожилами как вторжение в освоенное пространство, нарушение его безопасности, что приводит к росту социального напряжения.

3) Процесс репатриации ранее депортированных народов в ряде городов Крыма сформировал несбалансированный тип расселения жителей, что привело к появлению районов и кварталов города, как правило, спальных, населенных преимущественно представителями только одной этнокультурной группы. В мировом опыте подобные районы мало посещаемы жителями других этнокультурных групп и в отсутствии постоянной и системной внутригородской мобильности становятся источником необоснованных предубеждений, отчуждения; часто исключаются из образа города представителями других этнических групп.

4) Распад Советского Союза и становление украинского государства привели к изменениям в экономических структурах крымских городов, ранее включенных в более широкую и разветвленную систему. В свою очередь, это повлекло изменения на рынке труда, привело к внутренней миграции, изменению социального заказа города, отчего особенно страдают малые города, теряющие человеческий капитал.

5) Большая часть современных крымских городов имеет богатое историческое прошлое и противоречивую коллективную память о нем, зачастую именно эта память служит своеобразным разделителем городского пространства как физического, так и социального, кроме того, в ряде городов Крыма уже существуют примеры открытых конфликтов, связанных с символическими местами различных этнических и религиозных групп.

Развитие крымских городов сегодня происходит неравномерно, а потенциал города как центра устойчивого развития человеческих ресурсов используется не полностью. До настоящего времени четко не исследованы предпосылки и критерии, которые дают импульс к развитию этих территорий, не изучен потенциал поликультурности как фактора организации городского пространства, не исследован внутренний социальный ресурс малого города Крыма его *социальный капитал*. Предложенное исследование позволяет более полно раскрыть потенциал поликультурного городского сообщества, наметить основные направления развития города как активной и ответственной социальной системы, понять риски и возможности, связанные с ним.

Понятие “социальный капитал” используется нами в качестве ключевого понятия исследования, а потому нуждается в пояснении.

Социальный капитал (social capital) – это добровольные связи между людьми и зависящие от них нормы доверия и поведения, которые приводят к коллективным действиям и позволяют группе, включенным в нее индивидам получать дополнительные ресурсы для развития, удовлетворения потребностей и повышения качества жизни¹.

Нормы и ценности во многом определяют тип социального капитала, тип используемого в нем ресурса. Они формируются в процессе действия социальной сети как “правила игры”, значимые и единые для всех участников и определяют сохранение социального капитала, его стабильность и устойчивость, в конечном счете, его расширение.

Виды социального капитала:

Бринджинговый социальный капитал (“группы Патнема”, открытый социальный капитал) – является предпосылкой создания широких общественных коалиций. Для его возникновения необходимо доверие не только близким, не только членам своей семьи, хорошим знакомым, надежным друзьям, но и обществу, людям вообще.

Бондинговый социальный капитал (“группы Олсона”, закрытый социальный капитал) – является предпосылкой создания узких групп интересов. Для его возникновения важны разные стандарты отношения к “близким” людям – семье, своему рабочему коллективу (бизнес группе), своей этнической группе, партии, и отношения к “чужим” – представителям других групп действующих в том же поле и с похожими интересами.

По своей природе этнические группы, связанные сильной идентичностью являются бондинговыми группами, а потому их сожителство в поликультурном городе зачастую имеет тенденцию к появлению локальных закрытых групп, с низким уровнем взаимодействия вне этнического сообщества. Эффективные поликультурные сообщества основываются на модели бринджингового социального капитала, для формирования которого необходимо:

1. Общее поле игры (место, территория, какой может быть город).
2. Общие или пересекающиеся интересы, задаваемые нахождением в общем поле игры.
3. Осознание различными группами выгоды открытых и разнообразных коалиций через видимый и осязаемый результат их действия.

Все три условия соблюдаемы и возможны в пространстве города, где сообществом является поликультурное городское сообщество.

Таким образом, социальный капитал города, во многом является результирующим совпадения интересов и сотрудничества различных групп. В поликультурном городе, такими группами являются этнокультурные группы.

Объект исследования: поликультурный малый город Крыма (на примере г. Бахчисарай и Белогорск)

Предмет исследования: социальный капитал города как ресурс развития и объединения поликультурного городского сообщества.

Исходя из предмета исследования, были выдвинуты гипотезы:

¹Определение социального капитала является комбинацией определений Ф. Фукуямы, П. Бурдьё и операционализированно авторами в соответствии с целями и задачами исследования.

1. Города выполнившие ряд условий связанных с формированием социального капитала, неконфликтно используют свое разнообразие как ресурс развития. В процессе использования ресурс приобретает больший удельный вес, может быть удачно капитализирован и порождает долгосрочные стратегии взаимодействия.

2. Бринджинговый (открытый) социальный капитал является наиболее удачной моделью для развития поликультурного города как социального феномена. Развитие открытого социального капитала возможно с развитием городской идентичности жителей, осознанным и ценностным отношением к городской среде.

Говоря о социальном капитале малого поликультурного города, важно соотнести существующий теоретический базис исследования с противоречивой и разнообразной реальностью поликультурного города. С этой целью, исследовательской командой были определены индикаторы наличия и актуального состояния социального капитала в малом городе.

- Принадлежность к группам и общность ценностей (городская идентичность, другие идентичности, значимые на уровне города).
- Самоорганизация и возникновение на уровне города сетевых структур по интересам с достаточным уровнем разнообразия (профессионального, этнического, возрастного).
- Опыт успешного взаимодействия групп интересов, коалиций населения в городском пространстве “общая разделенная гордость”.
- Быстрое неформальное сотрудничество, которое позволяет экономить ресурс.
- Доверие как делегирование функций и принятие решений с большим уровнем неопределенности.
- Активная общественность города, выступающая как социальное лобби и агент изменений в городе.

Методология и организация исследования

Исследование в рамках проекта Крымский политический диалог¹ состоялось в период с октября 2012 г. по май 2013 года и охватило три города: Бахчисарай, Белогорск и Евпаторию. При этом Бахчисарай и Белогорск являются классическими малыми городами с поликультурным составом населения и численностью жителей до 50 тысяч. Евпатория по количественному составу населения является средним городом, существенно отличается от двух других городов исследования экономическими и социальными показателями. Присутствие Евпатории в исследовании объясняется особенностями ее восприятия в регионе как города с “поликультурной историей успеха”.

Методы исследования:

1. Включенное наблюдение.
2. Мониторинг визуальной среды города
3. Индивидуальные интервью
4. Фокус групповые исследования.
5. Ментальные карты города (авторская адаптация)
6. Метод временных событийных групп (основываясь на авторской интерпретации метода событийных групп Кроник Е.И., Головаха А.А., 1984 г.)

Исследование основано на качественных методах. Основные исследовательские вопросы были направлены на выяснение характера взаимодействия этнических групп в пространстве города, основных факторов влияющих на развитие города, рисков и возможностей создания социального капитала, использования ресурса поликультурности в каждом из городов.

¹ Крымский политический диалог – исследовательский и диалоговый проект, осуществляемый в АР Крым международной организацией PATRIR при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Финляндии.

Бахчисарай

В результате насильственной депортации крымских татар в мае 1944 года, Бахчисарай потерял большую часть своего населения, что привело к кардинальному изменению демографического состава и в значительной степени редуцировало историческую память о довоенной жизни. Появившиеся в городе послевоенные переселенцы изменили как топографическую, так и ментальную карту города.

Отличная историческая судьба трех основных этнических групп, представленных в городе. Для крымских татар Бахчисарай имеет особое ценностное значение, как культурный и политический центр, столица Крымского ханства. Крымских татар, живущих в Бахчисарае, отличает высокий уровень политической активности и социального оптимизма, сравнительно высокий уровень управленческих позиций. Крымскотатарские респонденты акцентируют внимание на долгосрочных стратегиях жизни в городе, на безопасности своей группы, связанной с поддержанием хороших межгрупповых (межэтнические) отношений в городе. Таким образом, идентичность и безопасность определены крымскотатарской группой как приоритетные.

Украинская и русская этнические группы практически не отличаются между собой в представлениях о городе. Для них Бахчисарай – это провинциальный город с интересной историей и теплым умеренным климатом. Город расположенный недалеко от крупных городов и совмещающий в себе, таким образом, блага крупных городов и удобство маленького города. Респонденты отмечают также ценность покоя (тихий, относительно безопасный, уютный город), хорошие экологические условия для рождения и воспитания детей. Другими словами, ценности удобства и комфорта являются для этих этнических групп доминантными.

Разность взглядов на город жителями разных этнических групп порождает ситуацию сосуществования различных социальных пространств одного города, создающих различные видения его будущего. В отсутствие устойчивого диалога на уровне громад, эти видения города могут оказаться конфликтными.

Риски развития социального капитала поликультурного Бахчисарая

1. Бахчисарай является городом опытом конфликта в недалекой истории, имевшего и этнополитический характер. Особенностью выхода из конфликта 2006 года¹ стали договоренности элит на уровне города и района, которые учитывают интересы обеих групп интересов (политической и этнической, крымскотатарской) и создают равновесную ситуацию управления. Последняя не предполагает самостоятельности и автономности городского головы, как источника относительно автономной городской власти. Таким образом, городской тип власти не развивается, а город не получает опыта автономного самоуправляющегося социального субъекта.

2. Отсутствует общее публичное пространство, место случайных и разной продолжительности встреч горожан разных этнических, культурных возрастных особенностей. Для города подобная ситуация связана с риском не сформировать городское пространство как оформленное, отличное от района; городскую культуру – как отличную от сельской, осознать собственное разнообразие и уникальность.

Итоги по Бахчисараю:

1. Преобладает закрытый внутригрупповой социальный капитал: “договоренности без понимания”.

¹ Конфликт вокруг переноса рынка, построенного на месте мусульманского кладбища и святого места (Азиз) в советские времена в августе 2006 года. Требование мусульман освободить Азиз вылились в силовое противостояние между крымскими татарами и русскими. Столкновениям предшествовал митинг русских националистов в Бахчисарае.

2. Отсутствующий в существующей схеме распределения власти институт городского головы не позволяет выстроить сбалансированную систему города.

3. Стратегическое развитие города напрямую зависит от развития района и не является самостоятельным. Развитие района стало возможным в результате “пакта” двух групп интересов, образовав биполярную систему.

Основным фактором разделения города является территориальный: разделение на Старый и Новый город порождает два сообщества, с разными типами потребностей, конкурирующих за ресурс. Совпадение территориального и социокультурного разделения (этнического, имущественного) порождает дополнительное напряжение.

Белогорск¹

Белогорск принадлежит к городам с перемещенным типом населения. При этом серьезные демографические изменения (затрагивающие до 60% населения города) происходили, как минимум, дважды в течение XX века. Потому сегодня Белогорск – это город с конфликтной и этнически разделенной историей. Актуальным и напряженным выглядит диалог между крымскотатарским и нетатарским населением по поводу названия города: Белогорск или Карасубазар?

Конфликт усугубляется тем, что обе стороны используют конфликтные символы и события в качестве основы для этнокультурной идентификации. Из исторической справки видно, что в период депортации, к моменту заселения Белогорска жителями других регионов Украины и России, в городе не осталось видимых признаков крымскотатарской городской культуры. Достаточно усилий тратилось и на формирование иной истории города, вплетенной в общую канву побед русских войск над турецко-татарскими войсками, негативного мифа о рабовладельческих рынках города, современной визуальной фиксации памяти города исключительно в памятниках героям и событиям Второй мировой войны, памятниках событиям русско-турецкой войны, памятникам новейшей истории.

Интересно отметить, что сложившаяся в городе историческая память в советский период достаточно милитаристская, метафора войны, конфликта и празднования победы одних над другими не делает пространство города более справедливым.

Существование Белогорска в течение более чем 40 лет в качестве монокультурного советского города сформировало единственную реальность города для нетатарской, ранее перемещенной части населения. Потому появление крымскотатарской символики в пространстве города, породило ответную реакцию поддержания символики русской военной истории, связанной с Белогорском, самого названия города Белогорск как этнокультурной ценности русских и украинских городских жителей.

Конфликтная история вписана и в визуальную картину города. На одной из центральных площадей города симметрично друг другу установлены памятник А. Суворову с надписью на постаменте “За победу над турецко-татарскими войсками” и памятник жертвам депортации 1944 года. По меткому определению одного из жителей города: “Памятник победителю и памятник побежденному”.

Отдельного внимания заслуживает и местный краеведческий музей, экспозиция которого сохраняет советское идеологическое содержание и крайне недружественна по отношению к крымским татарам.

Важно отметить и разность длительности исторической памяти в городе – если у русских и украинцев, история города преимущественно представлена в событиях XX века, для крымских татар она уходит вглубь веков.

¹ до 1944 года Карасубазар

Риски развития города

1. Разделенность городской элиты. Присутствуют два типа взаимодополняющих разделения – по партийному принципу и по этническому. В городском совете при мэре-крымском татарине работают 11 депутатов крымских татар и 17 представителей партии регионов, среди которых крымских татар нет. Разделенность города просматривается как в качестве принятых решений, так и тех вопросах, которые группы интересов решить не могут, предпочитая игру с нулевой суммой.

2. Фигуры, влияющие на принятие решений в городе, частично в городе не живут, не связаны с ним, назначены и предположительно не заинтересованы в городе внутренним интересом, связанным с его развитием.

3. Не произошло необратимых качественных изменений городского пространства (институт мэра на стадии зарождения).

4. Процесс развития города зависит от нескольких людей, а не институтов, в том числе, гражданских.

5. Приоритетное внимание жителей к конфликтной истории и прошлому, отсутствие уверенного горизонта будущего.

6. Ограниченный человеческий капитал

Предварительные выводы по Белогорску:

1. Город не имеет своего устойчивого нарратива (текста, мифа). Коллективная память о городе значительно отличается у русских, украинцев и крымских татар, присутствует конфликт интерпретаций истории. Коллективная память города является значимым фактором актуализации этнических идентичностей жителей города. При отсутствии инклюзивной истории города, неконфликтно включающей истории жизни в городе всех представленных этнокультурных групп, этнокультурные группы начинают конкурировать за эксклюзивность своего проживания в городе.

2. В структуре города визуальное пространство выглядит конфликтным. Ряд объектов и символов советской эпохи в городской среде несут оскорбительный смысл для крымских татар. Отсутствие на уровне города диалога об этнических и религиозных символах в городском пространстве приводит к конфликтному восприятию символик другой этнической и/или религиозной группы

3. Как и в случае Бахчисарая присутствуют два субъекта городской элиты: политический (партия регионов) и этнический (крымские татары), в отличие от Бахчисарая, договоренности между ними отсутствуют, что не всегда позволяет эффективно принимать решения относительно развития города.

4. На сегодняшний день группы интересов в городе по многим вопросам совпадают с этническими группами, образуя закрытые группы с бондинговым типом социального капитала. Исключение составляют интересы, связанные с развитием города в контексте развития парков запланированных и уже существующих на территории Белогорска (сафари-парк Тайган – однозначное “место позитивного будущего” для всех групп исследования), а также общий интерес – здоровье и благополучие детей. Оба интереса не связаны с прошлым города, что выводит их в пространство возможного конструктивного диалога громады.

5. Развитие города напрямую зависит от возможности образования общего поля коммуникации громады, где представители громады могут принадлежать к группам интересов с высоким уровнем этнокультурного разнообразия (переход громады от поликультурной к интеркультурной).

Евпатория

В использовании ресурса поликультурности для развития города, Евпатория находится в первых рядах не только в Крыму, но и в Украине в целом. Об этом свидетельствуют и

международные награды. Особенно ценными для нашего исследования являются полученные в 2012 году диплом и медаль за победу в европейском конкурсе “Европейская награда за выдающиеся достижения в возрождении приморских городов “Best Practice Award” за проект Малый Иерусалим. В этом году Евпатория получила диплом Европы, как победитель ежегодного конкурса среди городов стран Совета Европы. Таким образом, это уже третья европейская награда.

Наши интервьюеры в целом разделяют представление о городе как истории успеха. Причем успех у них ассоциируется не только с эффективным управлением города, но и с активностью самого городского сообщества, его готовностью к инновациям.

Предметом особой гордости горожан является преобразованное городское пространство. В этой связи крайне важной представляется реализация давно вынашиваемой идеи восстановления улиц Старого города – проект, который в последствие получил название “Малый Иерусалим”. История его появления и последующей реализации демонстрирует важность синергии усилий общественности и городской власти. Реконструировав улицу Караимскую и прилегающие к ней улицы, на которых находятся главные религиозные святыни основных конфессий города, городские власти с помощью этого маршрута закрепили в общественном сознании позитивную модель поликультурности, придав ей объем. Следует отметить, что параллельно с появлением этого проекта в общественном сознании актуализировался миф о бесконфликтности евпаторийцев.

Эксперты ставят нынешнего мэра Евпатории А.П. Даниленко на первое место по силе и влиятельности в городе. С ним во многом они связывают историю успеха города, акцентируя наше внимание именно на наличии сильного института мэра.

С другой стороны отмечается, что городская власть, особенно на первом этапе, не вмешивалась, а наоборот, сопровождала, пусть и пассивно, инициативы общественности и это, в конечном итоге, способствовало успеху.

Практически все опрошенные нами эксперты отмечают, что точками роста в Евпатории послужили несколько последовательных событий, которые стали возможны в рамках празднования 2500-летия города.

Идея празднования этой даты, когда представители различных этнических групп рассказывают о ней как своей инициативе, еще раз свидетельствует в пользу наличия общих разделяемых ценностей.

Практически одновременно с реконструкцией центра города начинается целый ряд знаковых для городского пространства внутренних инвестиционных проектов. В 2003 году начато восстановление Оудун базар капысы (Кезлевских ворот), разрушенных в послевоенное время. Представители различных этнических групп активно поддержали усилия инициативной группы, и со временем, эта идея стала восприниматься как сама собой разумеющаяся. Проект изначально был муниципальным, финансировался за счет местного бюджета.

На центральной площади Евпатории представлены все три периода жизни города: греческий, крымскотатарский и собственно евпаторийский. Наименование города в разные периоды – Керкинитиды, Кезлев и Евпатория обыгрывается в названиях различных кафе и ресторанов. В начале 2000 годов городская власть вернула прежние названия некоторым важным для городского сообщества улицам и местам, создав, таким образом, этнически справедливое социальное пространство города.

В Евпатории имелся достаточный человеческий капитал, который обеспечил хорошие стартовые возможности для развития города во второй половине 90-х годов. Долгое время гражданские активисты были едва ли не единственными контактерами с представителями различных фондов. Изменения начались в конце 90-х – начале 2000 годов, когда в городе, в связи с антикриминальной кампанией на полуострове, было закончено перераспределение собственности и сформировалось городское ядро во главе с нынешним мэром. В ресурсах,

привлекаемых общественными организациями, городская власть увидела ресурс и максимально его использовала.

В целом для всех рассматриваемых нами этнических групп характерно следующее:

1. Поликультурность как ценность и основа городской уникальности (ресурс);
2. Отсутствие в коллективной памяти города опыта межэтнических и межконфессиональных конфликтов;
3. Сильные межэтнические связи внутри городской громады, взаимопомощь;
4. Явно выраженный городской патриотизм, общие интересы в городском пространстве у разных групп, отсутствие эксклюзивных потребностей этнических групп как надстоящих над потребностями горожанина.

Риски развития социального капитала города:

1. Отмеченная респондентами трансформация деятельности института мэра: “мэр – городской голова”, “мэр – политик”, “мэр-бизнесмен”, исключение из диалога ряда субъектов городской громады.
2. Возможный конфликт между сильной, склонной к авторитарному принятию решений местной властью и не менее сильной громадой города.

Предварительные итоги по Евпатории:

1. Город создал и поддерживает неконфликтную поликультурную модель городской общины.
2. Позитивный инклюзивный миф-история города (Малый Иерусалим), используется как ресурс.
3. Традиции, практики, процедуры диалога в среде громады, на уровне города.

Длительно существующая монополярная и монополярная структура власти в городе задает конфликт между гражданским обществом и местным самоуправлением. Общественность переживает существующее положение дел как стагнацию.

Общие выводы исследования:

Каждый поликультурный город Крыма, как живой организм, имеет свою внутреннюю логику развития, которая обусловлена не только объективными экономическими, географическими и политическими факторами, но и субъективным смысловым пространством, которое разные группы горожан (этнических, профессиональных, возрастных) считают городом. Субъективное пространство города определяется набором мест значимых и не значимых, конфликтных и мирных, опасных и безопасных. В поликультурных городах городское пространство часто разделено и конфликтно, поскольку ценности, смыслы и представления о городе различны, особенно, если общая культура города не сформирована и ранее не существовала.

Важным для развития города фактором является институт мэра. На примере трех крымских городов видно как развивается институт мэра, какие причины и события приводят к усилению или ослаблению позиции мэра. Важными условиями сильного института мэра являются: 1) историческая преемственность, легитимность института 2) активный диалог с громадой, 3) стимуляция громады к участию в городских процессах, 4) создание условий для получения громадой выгоды от собственного разнообразия, 5) сохранение мэром позиции городского головы без смещения в сторону политики или личных бизнес интересов. Сила института мэра коррелирует со степенью активности развития города, в том числе и за счет актуализации ресурса поликультурности, если этот ресурс встраивается в стратегию мэра по развитию города.

Фактором становления малых поликультурных городов Крыма является способность города сохранять, удерживать и привлекать человеческий ресурс, прежде всего молодых

образованных людей. В городах Белогорск и Бахчисарай сохранение человеческого ресурса, является залогом выживания города, а потому пространство города должно меняться с учетом потребностей молодых людей различных этнокультурных групп, в том числе потребностей обучения и развития.

Наличие мест для общения горожан, помимо рынка и супермаркета, являются необходимым субстратом для преумножения социального капитала. В Белогорске и Бахчисарае отсутствие таких мест для встреч и общения горожан тормозит развитие города, в том числе и за счет ресурса поликультурности, который остается невостребованным в среде, где нет возможностей для стимулирования интереса к жизни других групп в силу отсутствия открытого публичного пространства (кафе, парки, театры)

Разделенность истории и коллективной памяти групп, проживающих в городе. Процессы депортации и репатриации, распада СССР в некоторых городах Крыма трижды за XX век серьезно меняли состав населения. Разрушение архитектуры, переориентирование хозяйства и экономического статуса городов, идеология советского периода, которая “стирала” следы проживания в городах целых этнических групп, привели к формированию не только противоречивой, но и несовместимой истории городов, обусловили конфликтность физического пространства города, войну символов (этнических, религиозных) в городской среде.

На примере города Евпатории, как города с выраженной и эффективной идентичностью городского жителя (горожанина), мы можем говорить, что гипотеза исследования о взаимосвязи развития социального капитала города и неконфликтного использования этнического разнообразия города как ресурса подтвердилась. И получила ряд дополнительных аргументов:

1. Формирование общегородской идентичности не является угрозой утраты идентичности этнической, более того, последняя получает ресурс развития, поскольку интеркультурные города “зарабатывают” на собственном разнообразии.

2. Развитие эффективного социального капитала города возможно только в условии размыкания закрытых групп, ухода от этнических групп-игроков на уровне города к формированию групп интересов горожан, разнообразных по своему составу, способных к межэтническому и межрелигиозному диалогу.

Показателем интеркультурной природы социального капитала в Евпатории является отсутствие эксклюзивных этнических потребностей у респондентов исследования. Для евпаторийцев потребности, связанные с городом не имеют существенных этноспецифических различий.

PhD Sevda Akhundova
Head of the Department of European Studies,
Baku Slavic University

Tolerance as a moral imperative of multicultural society (philosophical aspect)

The present world is the age of the global crises characterized by the political, ecological and the moral decline. The tolerance issues are very controversial. Some of the researchers idealize tolerance pointing to the vital sides of it and believing that it gives civilization a chance to survive. Others believe that its role is to not only symbolically heal and conceal the real indifference and disruption which are demonstrated by the mankind. Tolerance is the desire to communicate or the ability to establish contact or relationship with people who differ in some respects from the prevailing type, or do not adhere to generally accepted opinions. Tolerance in some way is considered to be a very rare and difficult achievement for the simple reason that ancestral consciousness is the foundation of the community. We are united in one community with those who share our beliefs, or with those who speak the same language or have the same culture as us, or with those who belong to the same ethnic group. In fact, throughout human history a common language and a sense of ethnic closeness serve as grounds for the community. At the same time, we are inclined to feel hostility or fear to those who are different from us. This difference can occur at any level of biological, cultural or political reality.

Philosophical consideration of tolerance in general and ethno-cultural tolerance, in particular, has its roots in antiquity and is associated with the comprehension of the notions “my own “ and “alien “ in the context of the dialectic unity of human nature and cultural and historical differences . Let’s take the legend of Solon and Anacharsis where the opposition between Hellenes and barbarians is overcome by the supra-ethnic values of friendship. In his description of a variety of both the Greeks and the barbarian customs and traditions Herodotus evaluates them from a position of universally valid values. Xenophon takes the early Persian kingdom in order to build a model of the ideal society. There are theoretical attempts to overcome the narrowness of national differences in order to better disclose the universal nature of human beings (Cynic cosmopolitanism, Roman Stoicism). A similar trend is amplified in medieval Christian philosophy. Tolerance as a contrast of humanistic values to the various forms of bigotry and chauvinism has been present throughout the history of European philosophy. Particularly, we note the treatise “On Toleration” by John Locke, who discovered a liberal interpretation of tolerance that became classic as well as “Perpetual Peace” by Kant, “Patriotism and Peace” by Tolstoy and others. “The Treasury of Mysteries” by Nizami Ganjavi and “Kamancha” by Jalil Mammedguluzadeh, philosophical doctrine “Helvetiye” of Seyyid Yahya Bakuvi are a piece that reflects the idea of a multicultural society and tolerance.

The current review of tolerance is associated with the declaration of the value of differences, including ethnic concepts in the context of multiculturalism, under which, in 1995, the UNESCO adopted the “Declaration of Principles on Tolerance.” In it tolerance is defined as a respect, acceptance and appreciation of the rich diversity of the world's cultures and the forms of self-expression and individuality. In this kind of interpretation tolerance is considered as the reason for complex society’s existence and the position of a mature personality, which involves active opposition to manifestations of intolerance. Due to this there is increased consideration of tolerance as common cultural and ethical values. Along with that the mentioned definition and coming out of it ideological practices of cultivating differences are becoming the object of critical analysis. Emphasizes Museumification and marginalization of cultural groups in the context of the global Westernization of the mass culture, the artificial cultivation of differences and interlineation, as well as new forms of

violence against the individuals are emphasized here. In this context the value of tolerance is not for maintaining the difference between the differences, but for the possibility to have critical dialogue with other socio-cultural forms. We feel it is productive to explore the relation of identity and self-understanding and discover the ethnic and cultural identity, in both the interpersonal and intrapersonal aspects. The results of such a research will allow to examine the relationship between tolerance and self-understanding of ethnic and cultural identity as well as to identify the potential values of ethnic and cultural traditions, which influence the formation of the tolerance in a person.

The problem of the relation of identity and self-understanding in the discovery of other ethnic and cultural identity, in both the interpersonal and in the intrapersonal (self-understanding through the otherness of the other) aspects can be solved by the study of the normative values of the potential of ethnic and cultural traditions influencing the formation of tolerant installation of the personality.

As part of the human psychology, we suggest to consider tolerance as a setting for understanding the differences, where the difference is seen as a term for dialogue, meaningful position in the dialogue. Tolerance is a setting for self-understanding through others. The value of this setting is in the possibility of “overcoming yourself” and in the difference which is not for the sake of difference but for the expansion and deepening of self-esteem.

The essence of the concept of “tolerance” is ambiguously and significantly disclosed in different cultures. Tolerant attitude is regarded as a social value ensuring human rights, freedom and security. Formation of this concept is often associated with humanistic ideals. Tolerance according to sociologists is the norm of civilized compromise between competing cultures. It provides keeping diversity, the natural rights to distinction and otherness. Tolerance should not be taken as a concession to one's convictions, condescension or pretense or even tolerance for social injustice. It is not tantamount to indifference. Being tolerant does not mean giving up your convictions or accepting different philosophy as well as imposing your beliefs to others.

The problem of tolerance at the level of microsociology was investigated by Mid and Blumer. According to Mid the society and social individuals are developed in the process of inter-individual interactions. That is, the ability to become an object to yourself, resulting in transforming an external social control into self-control. Symbolic Interactionism that demonstrates the interaction of characters according to Mid, Habermas, Bloomer who developed Zimmel's idea about the society built on the exchange of gestures and symbols. People have to interpret the meaning and intentions of others in order to communicate. These all happens through a process which Mid identified as taking roles, developing a selfness – put yourself to the place of the object of own thoughts.

Mid identifies two aspects of the self-formation.

- “Me” is what I think about others and about myself, this is my inner world.
- “To me” is something that I think other people think of me, it's my external social shell, it is how I conceive it.

As per Mid an individual develops self-awareness, in the moment when he sees himself as others see him. Selfness is not an innate feeling, but it is of social origin.

They explained tolerance, using the description of interpersonal interaction and the theory of symbolic interactionism. Personalities and social activities are denoted. By the means of signs and symbols individuals, groups and communities find their place in the “my own and somebody s “ system.

In the scientific literature tolerance is classified by: 1) gender (non-judgmental attitude to the representatives of the opposite sex, the inadmissibility of a priori attribution of human weaknesses of the other sex); 2) age (fairness and respect to the elderly); 3) education (tolerance to the statements and behavior of people with a lower level of education among highly educated people, and vice versa); 4) cross-national (in relation to the representatives of different nations and cultures as equals, “without a sense of national superiority”, ethnocentrism, xenophobia, aggressive nationalism); 5) race (no prejudice, racial discrimination, racism towards people of other races); 6) religious (tolerance of other people's religion, lack of religious tolerance, religious fanaticism); 7) geographic (fairness to

the residents of small or provincial towns, villages and other parts of the capital's residents, and vice versa); 8) interclass (adequate attitude towards people of different walks of property – the rich to the poor, and vice versa); 9) physiological (and tolerant attitude to the sick, persons with disabilities, etc.); 10) political (related to the activities of the various parties and associations, the statements of their members and, as a consequence, an obstacle to the spread of the ideology of fascism, totalitarianism, imperialism, policies of political repression); 11) marginal (tolerance towards marginalized, homeless, beggars, drug addicts, alcoholics, prisoners, etc.)

Based on Article 4 of the Declaration of Principles of Tolerance, “education is the most effective mean for preventing intolerance. Education for tolerance begins with teaching people their rights for freedom in order to ensure the implementation of these rights, and to promote the will to protect the rights of others. Education for tolerance should be considered as an urgent imperative and in this regard it is very important to encouraged methods of systematic and rational tolerance teaching that discovers the roots of cultural, social, economic, political and religious intolerance which is the reason for violence and exclusion. Policies and programs in the field of education should improve mutual understanding, solidarity and tolerance in relations between individuals and between ethnic, social, cultural, religious and linguistic groups and nations. Education for tolerance should be aimed at countering influences that lead to fear and exclusion to others. It should help young people to develop capacities for independent thinking, critical thinking and to make judgments based on moral values”.

Modern tolerance is a universal fundamental principle, which should be based on the whole world and society. Tolerance for people belonging to different nationalities, suggests that we are aware of the existence of the similarities and identities hiding under differences, for example, we are aware of belonging of the certain groups to humanity as a whole.

Tolerance towards people, who are different from us with their beliefs and habits, requires an understanding the fact that truth cannot be simple, it has many faces, and that there are other views that could shed light on one or another side of her. Ability to comprehend the various aspects of the truth or to be aware of the limitations of truths in which we now believe, comes through rational and patient analysis of the difficulties faced by any knowledge, as well as through the spirit of religious humility, that is ready to accept a conditional and the historical character of the most “ absolute “ of all truths.

Intolerance has always been present in the mankind history generating wars, religious persecution and ideological confrontations and manifested itself in fanaticism, insults, suppression of human rights. Gradually, people have come to the conclusion that in order to survive they need to change their way of life and the relationship between them. In today's world of education, tolerance among citizens has been one of the main goals of education policy. In 1995, UNESCO adopted a Declaration of Principles on Tolerance, which refers to the need to strengthen the spirit of tolerance and developing the attitudes of openness, respect and appreciation of the rich diversity of cultures, forms of self-expression and ways of being human. Every year on November 16 the world celebrates the International Day of Tolerance. And it is not a coincidence that this word has a very similar pronunciation in many languages, but at the same time it retains its specificity: 1) tolerancia (Spanish) means an excellent way to recognize their own ideas and opinions; 2) tolerance (French) means the relation that allows others to think or act differently from yourself; 3) tolerance (English) means willingness to be tolerant and forgiving; 4) kuan rong (Chinese) that means to allow, to accept or being generous to others; 5) tasamul '(Arabic) means forgiveness, forbearance, gentleness, mercy, compassion, grace, patience, and a predisposition to others; 6) tolerance (Russian) shows the ability to tolerate something or someone, to be sustained, resilient, persistent, be able to tolerate the existence of something, anyone, to consider the opinion of others, to be lenient.

According to the definition given in the Declaration of Principles on Tolerance, “tolerance “means” respect, acceptance and appreciation of the great diversity of our world's cultures, our forms of self-expression and the ways of being human.” This definition implies a tolerance for other people, their nationality, race, color, language, religion, place of residence.

Basic principles of tolerance are reflected in the major world religions: Buddhism, Islam, and Christianity.

From the perspective of cultural studies, the essence of tolerance is a culture (moral, legal, political) of every society of every social class and every citizen, regardless of gender or age or ethnic, religious or racial background. Tolerance is manifested in various forms: personal, social (reflected in morals, rights, social psychology, consciousness), state. The main requirements of a tolerant culture are in the following: the free confession of every citizen, community group, society and freely chosen moral, social and political ideological preferences which assume their loyal, tolerant, not hostile, respect for other similar choices. Therefore, an important component of tolerance understands of attitudes, manners, habits, feelings, ways of action that are different from our own.

Within the sociological paradigm tolerance is regarded as a system of values, norms and patterns of behavior united around “readiness to accept others as they are and interact with them on the basis of consent.” Tolerance is a sign of man's confidence in the reliability of his position, the lack of fear of comparison and competition with other views, a fear of losing his inherent differences. Since the main factors of establishing tolerance are the external conditions of an individual or a social group existence, so in each case individual psychological characteristics of the person and his natural inclination towards tolerance and harmony play a big role.

Thus, from the analysis of the tolerance definitions given from the perspective of several human sciences, we can conclude that, despite their differences, they all have something in common, defining tolerance as an individual's ability to adequately respond to external stimuli, to treat people and processes and phenomena (value orientations, installations, lifestyle, religion, appearance, culture, language, etc.) different from his own with tolerance, to understand that the world is large and diverse and not confined solely to the individual perception of the world of the individual. In addition to a moral category, tolerance should be considered as a special way of human interaction in which the objectives are achieved through the balancing of bilateral interests as the necessary conditions for the development of civil society.

I want to mention that “in Azerbaijan tolerance is not just scientific definition, Azerbaijanis live tolerance.” The proof of this is that in Azerbaijan, national and religious tolerance is reflected in the functioning of all religious confessions: Islam, Christianity, Judaism, etc.

Dr. Akkan Suver

As someone who has attended the first and second Humanitarian Forums, it is a great source of joy for me to be able to attend the third Humanitarian Forum.

I would like to stress out that the humanitarian development experienced by the Azerbaijan, one of the most important states of the Caucasus and the Turkic world, under the wise leadership of His Excellency President Ilham Aliyev in the short period of time within a state's history of 22 years is worthy of any praise and compliment.

I attribute great deal of importance to the Humanitarian Forum. For I deem the coming together of numerous distinguished personalities who are all experts on an international scale in their respective fields worthy of this era and age. Thereby, I present my appreciation to all those who put effort, and foremost to our President His Excellency Ilham Aliyev.

I resembled our subject with peace and cooperation's relations with human.

As you know, human is the statement of action and activity, meaning the statement of dynamism. The human of the 21st Century of which we have surpassed the half of its first quarter, misses a democratic world. "Peace from World". A world living in peace. A world undivided. And a world that is rich!

I want to summarize what today people understand from globalization, peace and cooperation as undivided, democracy and peace through prosperity.

I say "yes, they can" to those who think can these thoughts come to realization.

Forasmuch, things that once considered to be utopia, not seemed possible to attain and even impossible to dream of have come to be realized today.

When we look a hundred years before the 21st Century of which we only experienced the thirteen years yet, things that nobody can foresee have happened. 20th Century seen great wars. The empires once considered to be indestructible have perished. From each empire, a number of states emerged. With the fall of the Ottoman Empire alone, thirty four new states have come into being. At the end of the World War I Austria-Hungary and German Empires were dissolved. At the end of the World War II, although they were the victors of the war British Empire and the Colonial French State were also lost much of their colonial territories. At the end of the era, the silence collapse of the Soviet Empire has been experienced. Seven states emerged from a small Yugoslavia. The United Nations, which had around fifty members when it has been established today consist of approximately two hundred ten member states.

All of these are the works of mankind.

Humanity now lives "Glocalization" as the Western World states. Meaning the humanity is in a rush from global to local.

Therefore, peace, prosperity and undivided world are no longer an utopia.

Information age carries its place from innovation to innovation with the information technology that changing every day. Today, virtual tours can be made in the highways of information, and a change in politics, culture, education and all other aspects are taking place.

Three days ago, in Istanbul, Europe and Asia connected with a tunnel 160 meters beneath water. Thanks to humankind, today, we can learn about events of Peru in Ecuador and events of Ghana in Mongolia at light speed.

And today, if we can talk about an universal law, universal medicine, universal engineering and universal technology, we can do it thanks to humankind, as well.

In 21st century, humankind is working towards creating a new international finance architecture. Duty of humankind should be stringing along with conditions of the age and finding a richer, more peaceful and newer place in the new era.

We are moving towards a more beautiful, greener, more peaceful, healthier, safer and more fair world. And prerequisite for our aim is belief.

Today, we have a better world.

And tomorrow, it will be even better.

And a world with happy humanity will be an artifact of cooperation; and accordingly an artifact for humanism.

The problem of an intercultural dialogue in a multicultural society and searching for means of its solving

Abstract

The author studies the problem of development of a multinational society, particularly the causes of occurrence of migration processes. There is made a conclusion of the needs to build up a state with a civil/democratic society in which all interests, rights and freedoms of man and a citizen would be provided regardless of their nation or religion. The main moving factor in solving the said problem is related to arising and development of the mentioned societies and to an intercultural dialogue. The author tries to suggest in this context means for solving the correspondingly formulated tasks.

Key words: a problem, culture, a citizen, a society, a right, tolerance, a dialogue.

Introduction

The problem of providing an intercultural dialogue in a multinational society is closely connected with the causes of the occurrence of such societies, and namely with the following ones: economic, political, religious, geographical, natural and climatic conditions, cultural factors, etc. In the world's globalisation circumstances a wide spectre of pre-conditions for emergence of a society of the above said type at the present time can be accounted for by activation of the migration process (Latin "migratio" – *transfer, crossing, resettlement*). This process results in emergence of a multinational society or a state, and this seems to be quite logically normal. The new social formation includes representatives of a number of national, linguistic, religious and cultural communities. We note that such a society is formed mainly resulting from both a voluntary migration, and the forced one; besides, people themselves can produce massive movements in cases, if they are prosecuted, or if they try to avoid different forms of discrimination.

To continue consideration of the formulated problem, one should outstress that after existence for a long time in circumstances of unavailability of the own independent statehood, in 1991 the Ukrainian and Azerbaijani peoples again got their independence after the collapse of the Soviet Empire, and they announced for the whole world about their independence, when man is guaranteed provision of his rights and freedoms. In this context we can note that in the 1990s the Armenian Military Forces, being supported by the Russian servicemen, occupied the Nagorny Karabakh Area and some other parts of the territory of Azerbaijan, which resulted in about 1 million of Azerbaijani to be forced to get deported from their native land, they were deprived of their civil rights and freedoms, as well as there was ruined their cultural heritage. As military conflicts, as one of the important causes of the migration process, threats with occurrence of a problem connected with development of multicultural societies and with preservation of the ethnical cultural heritage. Regardless all these complications, implementation during the period between 1993 – 2003 of a wise and thoughtful policy by Ms. G. Aliyev, the President of the Azerbaijani Republic, the fact of the state independence of the Azerbaijani Republic was properly confirmed and acknowledged by foreign states and international organizations – UNO, OSCE and others. Serious political and economic reforms have been started to be implemented since then: for example, there was announce about ceasing the fire along the front line between Armenia and Azerbaijan according to Bishkek Protocol of 5 May 1994 the said military conflict was adequately assessed politically and legally, there was strengthened the state power, were intensively developing the international relations and improved the reputation of Azerbaijan in the world, in particular a special attention was given to revival and development of the national culture with taking into account as constituents all the national communities residing in Azerbaijan.

In a multinational society separate individuals and groups can to this or that degree get integrated one with another. The issue of unification of different cultures can be complicated by its nature, especially if the cultural differences are interpreted as the racial ones. For instance, the political system of the apartheid in the South African Republic excluded any possibilities of a similar unification, while Singapore can be considered as an example of loyalty in relations between the numerically dominating population of the Chinese –76%, Malay and Indian – 22% origin, from one hand, and representatives of the European and Euro-Asian communities – from the other hand.

One of the most widely spread practical models of multiculturalism is the model of respectful attitude to the ethno-cultural diversity, in which there are taken in account the national customs and traditions, national cuisine, national culture in all its aspects (music, painting, architecture, etc.). Providing existence of such a model, the basic society must treat tolerantly the customs and traditions of the other new subcultures having arisen. When selecting the said model as the political strategy for implementation of the multiculturalism ideas, most often the state includes into the national educational programmes the principles, which are supposed to teach the tolerant attitude to the other constituent cultures. As for the multiculturalism signs are concerned, we say that they are manifested in the rhetoric and practice of this phenomenon. The multicultural rhetoric consists of public statements and symbolic jests of the government of a certain country which must be implemented in the form of specific actions and fulfilled practically. For example, I there are urgent needs to overcome the problems related to separatism, racism, xenophobia, integration of immigrants into the basic society, the policy of multiculturalism is probably acceptable. The multiculturalism practice should be strategically elaborated taking into account all the respective tasks whose solution must be provided. Selection of a specific multicultural practice also depends on the incorporating processes (*Latin* “incorporation” – *joining, inclusion*): the later ones can take place in different forms and in different ways which most often do not depend on the political course selected by the country. Success or failure in the implementation of such “including” practices are determined by the objective factors. These factors should include the following ones: employment of the population, the level of its unemployment, the level of its education, availability with the immigrants of the required qualification, living conditions of the people, unavailability of an obvious or concealed discrimination. If all these problems have been solved, then any measures, that will be put in practice by the governmental bodies aiming at providing support and encourage of a tolerant attitude to different constituents of the national culture, turn out to be of no effect. Besides, it should be noted that the ideology of multiculturalism in societies, where revival and development of the national consciousness and culture, occurs in a critical situation, primarily because of the political, economic, demographical and legal circumstances. For that reasons the said ideology requires finishing and it cannot be recommended as a qualitatively perfect theory for providing solutions of the currently available above said problems; for instance, the government of Germany admitted its incapability to provide in the country a multicultural society by requiring from the immigrants to learn the German language and observation of the state laws. We believe that such wording of the problem is logic and reasonable taking in consideration the needs to preserve the cultural values of the titular state.

Of an important importance for a normal functioning of a lot of national and cultural societies having different cultural peculiarities there is availability of a state with a *civil/democratic society*, which on the base of its own developed economic, political and cultural relations and connections with the state government, functions on the base of democracy and laws, and provides in any way interests, right and freedoms of man and a citizen regardless of their nationality or religion.

At the current phase of the historic development the civil society is an independent socially organised structure that meets various interests of the people who are members of the respective society. The civil society does not oppose itself to the state, but it cooperated with the state to achieve the common aims and goals. The structural elements of such a society are different unions of citizens, as well as political parties, massive movements, etc. For example, Article 36 of the Constitution of Ukraine says that the citizens, regardless of their ethno-national origin, shall enjoy the right on the

freedom of unification in political parties and public organisations, so as to provide and protect their rights and freedoms, as well as to meet the political, economic, social, cultural interests according to the valid legislation.

Important pre-conditions for an adequate functioning of the *civil/democratic* society are distribution of the power in the state, equality of all forms of ownership, freedom of entrepreneurship, guarantee of the public rights, ideological pluralism, free access to information, matured self-government, etc. These pre-conditions shall form not only within the public, but also within the governmental organisations and structures.

Therefore, the problem of the formation and development of a society of the said type in every state, particularly in Ukraine and in Azerbaijan, is connected with establishment of a democratic, social and legal statehood. This process is durative, and it covers all the aspects of the society and state without exceptions.

A state with a developed *civil society* can be the best alternative to multiculturalism; as such a society provides the main principles of a complete functioning of all the national and cultural societies and communities.

Hence, provision of the corresponding conditions (legal, material, spiritual) required for functioning of a multinational society within one state (and primarily the legal provision), as well as the provision of the corresponding political and economic bases are important factors of the cultural development, establishment of the mutual understanding, quietness and peace in the society on the whole. In this context when selecting a way for solving the set up tasks the is quite of importance such a notion, as “the intercultural dialogue”, which is the main moving force in solving the problems related to the formation and development of multicultural societies.

The above said raises a question, what particular tasks have to be solved for thee provision of existence of an actual multicultural dialogue? First of all we will note that knowledge by the national communities of their ethno-cultures, traditions and customs of the *titular/route* nation, whose language and culture make the foundation of the national governmental system, is an important factor in providing an intercultural dialogue. To solve this problem the following tasks have to be settled

- 1) educational activity aimed at organisation of schools for obtaining good commands of the ethos-national languages and cultures; provision of knowledge of the laws;
- 2) educational activity aimed at organisation of schools for obtaining good commands of the language(es) and culture(es) of the *titular/route* nation(s);
- 3) provision of education at higher educational institutions;
- 4) provision of respective librarian funds;
- 5) provision of manual books, teaching textbooks, science fiction and belles-lettres literature for providing the training and production process;
- 6) material and financial provision for functioning of civil organisations, training and academic institutions and national and cultural communities an societies;
- 7) provision of representation at governmental bodies;
- 8) strengthening of organisation of diasporas, so as to solve the issues related to the life of the national and cultural communities;
- 9) establishment of funds required for providing the financial support of development of the ethno-national cultures, national cultures and to solve the above said problems;
- 10) organisation and holding scientific and cultural actions (conferences, days of culture, exhibitions, tourist actions);
- 11) obligatory usage of the intellectual potential of the ethno-national and cultural communities, which is the main factor for solving the set up tasks;
- 12) organisation of respective research institutes.

Implementation of a consistent and systematic work aimed at solving the above said tasks can result in comprehension and world-outlook perception of all the cultures represented within one

multinational state, as well as provides protection of the human rights and preservation of the national identity.

Consectary

Production of a method for formation of a respective educational system is a serious theoretical and methodological basis for providing a research and to bring-up a person/citizen, regardless of his nation or religious views, to an active and tolerant intercultural dialogue. It usage of such a method that can contribute to integration of the ethno-national and cultural communities into a society of co-citizens while preserving the corresponding ethno-cultural identities of citizens with the equal rights according to the constitution of the country, that prohibits existence of any separatist movements of any ethno-national and cultural communities, as well as those of political forces, and it guarantees the territorial safety of the state.

A motion to be included in the Resolution of the Forum:

Bearing in mind the fact of the strengthening of mutual relations between the states (countries, peoples), in conditions of the world's globalisation there rise needs to preserve the ethnic heritage and the corresponding ethno-national identity in the countries of the residence of the available ethnos. In this context to set up a cultural dialogue in multinational societies with development of democratic values it is important to take into account the civic measurement (taking into account the cultural specific features) of every people that is a constituent of the state society. Besides the economic, political and legal factors, one should mind that point, that there is also of importance knowledge of the ethno-national languages, which enrich the spiritual world of the personality and contribute to a more adequate understanding of the mentality of different subcultures and tolerant perception of their respective native speakers and making a civilized state with a multicultural society of a new formation.

Выбор приоритетов при исследовании истории духовной культуры. XXI век. Выбор приоритетов.

Принимая во внимание уровень аудитории Форума и ограниченность времени, постараюсь в тезисной форме предложить для обсуждения некоторые, связанные с темой свои позиции, информация о которых уже значительное время имеет место в печатной литературе и интернете.

Одним из основных приоритетов при исследовании истории культуры на современном этапе глобального социо-культурного развития, учитывая специфику экономических, политических и идеологических кризисов и противостояний, должно быть освещение в истории прошлой и современной духовной культуры разных регионов общества, наличие в них идей гуманизма и толерантности как фундамента выживания человечества и Человека.

Во имя осуществления этой высокой цели требуется пересмотр концептуальных подходов к исследованию духовной культуры, и, в частности, истории философии как сущностного единства во множестве проявлений. Настало время приближения к созданию истории всеобщей культуры, и, в частности, истории всеобщей философии, которые подведут человечество к осознанию причины предания в тринадцатом веке во Франции анафеме первого тезиса аверроизма: “разум всех людей един”.

Остановимся на некоторых проблемах и приоритетах, необходимых для реализации названной выше цели.

Прежде всего, как нам кажется, необходим качественный пересмотр широко представленного и имеющего тенденцию к расширению в современной культурологии, включая и историко-философскую науку, западоцентристского подхода. Последний проявляется в различных научно неадекватных и нравственно неприемлемых формах освещения истории философии народов Востока, включая и историю философии народов исламского региона в исследованиях обобщающего характера под названием “История философии”. С подобным явлением мы встречаемся и в системе современного философского образования, что в определенном смысле дезориентирует общественное сознание, нередко провоцируя неадекватное отношение к представителям Востока, и, в частности, региона исламской культуры, способствует различным формам противостояния, и проявления провокаций уродливых проявлений современного мультикультурализма в США и ряде стран Европы.

В свете сказанного, возможно, актуальны:

1. Пересмотр концепций исследований истории духовной культуры, и, в частности, истории философии, не как локальных, а как универсальных процессов глобального социо-культурного развития, исходя из опыта разнорегиональных культур, когда при исследовании этих культур, внимание акцентируется на их исторически общих закономерностях.

2. Приоритетом для современной гуманитарной науки, особенно для пост-советской, является поиск и выбор философских концепций как методологии междисциплинарных исследований, а также корректировка, исходя из опыта разнорегиональных философских культур, представлений основного понятийно-категориального аппарата историко-философской науки и культурологии.

3. Необходимо продумать ценностные критерии при научной оценке сущностно аналогичных явлений в разнорегиональных культурах, отказаться от неоднозначного, несовместимого с провозглашаемыми политическими и нравственными идеалами ориентированных на демократию государств, современного отношения к народам и культурам Запада и Востока.

К числу приоритетов наряду со многими другими следует отнести и уточнение содержания понятий “этнос”, “этнокультура”, “этно-территория” и т.д., которые в настоящее время служат источниками не только научных и идеологических, но и кровавых этно-политических конфликтов.

Одним из ярких примеров сказанного является Азербайджан, где и проходит сегодняшний Форум.

В связи с изложенными проблемами несколько слов о деятельности азербайджанских исследователей, которыми:

1. предложена новая редакция философской концепции всеединства как методологии междисциплинарных исследований.

2. предложена корректировка программ по истории философии в системе современного образования, пересмотр в них места истории философии исламского региона.

3. издается международный научно-теоретический журнал “Проблемы восточной философии” (www.orientalphilosophy.org). (Журнал издается с 1996 года на азербайджанском и русском языках с резюме на арабском, персидском, турецком, английском, немецком и французском языках; с 2010 года имел в интернете свыше 2 500 000 просмотров представителей почти 84 стран)

4. Создан интернет-форум (www.forum.orientalphilosophy.org) с целью подготовки в будущем сводного труда по истории философии народов исламского региона. Нами выражена позиция азербайджанских исследователей.

Мы открыты любой форме сотрудничества по названным вопросам.

Рахилия Гейбуллаева

Профессор, Бакинский славянский университет

Фольклор и политика или элементы национальной идентификации в политическом раскладе: праздники весеннего равноденствия

Введение: история, народы и культура как принцип национальной идентификации

Introduction: history, people, and culture as a principle for national identity

В данной работе в этом ракурсе речь идет о культурных традициях восприятия и *репрезентации весенних праздников равноденствия*, – неотъемлемой части культуры самых различных современных народов, которые в разные исторические периоды становятся предметом политическим. Один из самых известных *праздников равноденствия* в настоящее время *Новруз* во многих странах по сей день считается новым годом и национальным праздником.

1. История и культура как политический вопрос

History and culture as political matter

История есть *путь* развития человечества, народа, нации, этноса, государства *от прошлого к настоящему*, иными словами, биография народа. Современные политические границы не совпадают с границами культурными, а попытки перенести современное понимание национальной идентичности как четкого водораздела между современными народами в прошлое народов иной раз противоречит здравому смыслу. Они не могут совпадать с культурными границами элементарно потому, что народы, как и страны, неоднократно подвергались социальным изменениям по ходу истории до того, как приобрели современные контуры идентичности, и *многие из современных “устоявшихся” народов сформировались только в эпоху средневековья*.

Как же быть тогда с культурными традициями, которые считаются неотъемлемой частью нации, иными словами, национальной идентификации? По этой причине вопрос о том, какие культурные традиции возвести в ранг официальных праздников, а какие игнорировать, становится вопросом политическим.

Например, отметить как государтсвенный праздник или умалчивать православную *Пасху в СССР*¹ – стране, которая официально отмежевалась от религии и соответственно от публичных религиозных обрядов и праздников, как *венчание, крещение*, например. В Советском Союзе аналогично обстояло дело для мусульманских праздников *Курбан-байрам* (праздник жертвоприношения), *орудж* (мусульманский пост), соблюдение которых, как и Пасхи, не запрещалось, но было личным делом каждого.

Культурные традиции, рассматриваемые как неотъемая часть современных наций: СССР

Cultural traditions which are considered as an substantial part of modern-day national identity: USSR case

Тем не менее официальным праздником для всех советских народов был *Новый год*, связанный с христианством, который воспринимался вроде вне религиозного контекста – просто как ознаменование нового календарного (солнечного) года. Хотя это было связано в

¹ Часть идентификации таких советских народов как русские, армяне, грузины...

доминирующей нацией СССР – русскими, которые как часть православного христианского мира, новый год отмечали как европейцы с 31 декабря на 1 января, но еще и непременно 13 января (григорианский календарь) вся страна отмечала старый новый год (православный). К этим датам приурочивались зимние школьные каникулы, чем и объясняется причина расхождения временных рамок школьных и студенческих каникул в СССР и в Европе, начинающей зимние каникулы к Рождеству.

***Культурные традиции, рассматриваемые как неотъемая часть современных наций:
Иранская Исламская Республика***

*Cultural traditions which are considered as an substantial part of modern-day national identity?
Iran Islamic Republic case*

Аналогичным является официальный календарь в Исламской Республике Иран, который применяет солнечный цикл, но *отсчет летоисчислению* ведет, как в исламе, с даты вынужденного переселения (хиджр) пророка Мухаммада из Мекки в Медину в 622 году (2013 год = 1392 год). Тем самым Иран сочетает 12 месячный календарь исламский хиджри тарихи с солнечный календарем, включающим тоже 12 месяцев, принятым в зороастризме. Иран *сочетает эти два (lunisolar) вида именно из-за новруза*, начало которому была положена еще в 1079 году при Сельджукском правителе Джалал-ад-Дин Малик-шахе при участии астрономов во главе с Омар Хаййомом¹, который со временем претерпел небольшие изменения. Календарь называется по имени шаха джалали или малики.²

Во времена СССР некоторые праздники удалось восстановить и на локальном – республиканском уровне. Это праздник *Новруз*, отмечаемый почти что в каждом дворе Азербайджана даже в советское время, который удалось восстановить как официальный публичный в 1960 годах как весенний праздник.

Да и при *господствующем исламском* религиозном строе в Исламской Республике *Иран*, например, этот *зороастрийский* праздник является не только публичным, но и одним из важных официальных праздников³. Одной из причин можно назвать то, что Иран претендует на происхождение зороастризма – религии более древней, чем ислам и другие монотестические религии.

То же самое можно сказать и о *Британской Индии*, мусульманизованная часть которой в августе 1947 года откололась в отдельное государство Пакистан (пак – чистый, стан – страна, место), а индуистическая часть сохранилась как Индийский Союз (Union of India)⁴, и оба, как следует из официального документа *UNESCO*, считают новруз своим культурным достоянием, хотя этот раздел (partition) страны был мотивирован по религиозному непримирению и привел к массовой миграции по “своим” религиозным территориям. Таким образом, праздник новруз в современной политической расстановке ассоциируется с мусульманским миром.

¹ “In 1079, the Selchuk Djalal ad-Din Malik Shah (r. 1073-1092) fixed Naw Ruz to the vernal equinox”.- Horgel Oelter. The Persian Calendar. http://www.ortelius.de/kalender/pers_en.php. – retrieved 17 June 2013.

See also: J.J.O’Connor and E.F.Robertson. History. Biographies. Omar Khayyam. <http://www-groups.dcs.st-and.ac.uk/~history/Biographies/Khayyam.html> retrieved 17 June 2013; Antonio Panaino, Reza Abdollahy, Daniel Ballard. Calendars. Encyclopedia Iranica. <http://www.iranicaonline.org/articles/calendars> retrieved 17 June 2013.

² Напомним, что все календари, несмотря на идентификацию со страной и ее доминирующей религией, привязаны к космическим циклам, которые регулируют день и ночь, времена года. Так, день – оборот Земли вокруг своей оси (24 часа), месяц – оборот Луны вокруг Земли (27–29 дней), год – оборот Земли вокруг солнца.

³ Хотя после принятия мусульманства Ираном, приверженцам зороастризма пришлось перебраться в Индию с центром с Бомбей (Мумбай), где они стали известны как парсы. Среди известных представителей – ныне покойный солист группы “Queen” Freddy Mercury.

⁴ Аналогично разделению азербайджанских регионов Астары, Джульфы между Ираном и Азербайджаном, этот процесс предполагал разделение Бенгальской и Пенджабской провинций между двумя странами.

Что собой представляет новруз – зороастрийский праздник весеннего равноденствия, которому нашлось прочное место в реестре официальных публичных праздников стольких мусульманских стран?

В Азербайджане Новруз – официальный праздник обновления и новой жизни, а значит и плодородия¹. Аналогично он называется в Индии, Иране, Турции и в Средней Азии. Под таким названием он зарегистрирован в Списке UNESCO Intangible Cultural Heritage of Humanity список репозитория культурных различий² в 2009 году – через два десятилетия после развала социалистических стран Восточной Европы и СССР и последующего формирования новых государств. Конечно, диапазон распространения на такой широкий географический ареал и охват различных этносов, проживающих на этих территориях, непременно вносил свои особенности и коррективы в правила ритуальной, символов, и правила проведения новруза несомненно отличаются от региона к региону.

От народных праздников к современным национальным праздникам: весеннее равнодействие и пересечение элементов Зороастризма – Новруза – еврейской и христианской Пасхи – Иштар – Оруз – Акиту – праздник Святого Патрика

From vernacular holidays to contemporary national holidays: vernal equinox and crossing elements in Zoroastrism – Novruz – Pesach – Easter – Ishtar – Horuz – Akitu – St Patrich holiday

Культурологическая матрица христианской пасхи: возрождение, благовещение, звезда и весеннее равноденствие

Cultural matrix of Christian Easter: resurrection/annunciation/Easter/vernal equinox

Помимо синхронических общностей и различий, интерес представляет более *глубинный – исторический пласт традиций и праздников весеннего равноденствия*, который снадбил многие средневековые и пост-средневековые нации традициями, воспринимаемые как *исконные*, позволяющие современным *доказать древнюю хронологию становления нации*. Обычаи и верования выливались в традиции, которые узаконивались в сакральных книгах, становались традициями народов и этносов, которые по ходу истории становились последователями тех или иных религий и далее конфессий. Религия и конфессия представляли собой один из строгих критериев [национальной] идентификации, а эти праздники, связанные в с природными явлениями, оформились как религиозные.

Коснемся нескольких из последующих праздников, которые так или иначе имеют отношение к праздникам весеннего равноденствия. Более близкий нам в силу общей Советской государственности – это ***христианская Пасха*** (на русском языке принят вариант из семитского Пасха; английский ***Easter*** или ***Easter Sunday***) и общей региональной общности и соседства – ***еврейская Пасха (Pesach)***. Этот христианский праздник, согласно Новому Завету, проводится в честь воскрешения Иисуса Христа и отмечается в *первый день после субботы – воскресенье*,³ между Страстной Пятницей (день распятия Христа) и *после первого полнолуния, следующего за весенним равноденствием*, в день его ***вознесения***. Как и с Рождеством Христовым и новым годом, этот день не всегда совпадает у православных и католиков силу пользования различными – юлианским и григорианским календарями и оказаться на 7 день после полнолуния весеннего равноденствия.

¹ Буквально можно перевести как новое (new, nouveau) рузу или день, подразумевая новый урожай, плодородие.

² Novruz, Nowrouz, Nooruz, Navruz, Nauruz, Nevruz . Inscribed in 2009 (4.COM) on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity. Country(ies): Azerbaijan, India, Iran (Islamic Republic of), Kyrgyzstan, Pakistan, Turkey, Uzbekistan. <http://www.unesco.org/culture/ich/index.php?RL=00282>

³ Первый день после субботы, который так и называется- воскресенье.

Пасхальным называется ягненок, которого приводят в *жертву* в храме. Жертвенный ягненок в христианской Пасхе символизирует Иисуса, который еще символизируется как Божий агнец. *Агнец-ягненок* представляют собой лексический ряд, символизирующий культурную матрицу *ewe* – *lamb* (*ягненок*); *ewe* – *one's ewe lamb – the only child* (единственное дитя, соковище, на азерб. *gözümün işığı*), *a treasure*. Корень *ewe* восходит латинскому *ovis* (*овца* [ovsa])¹; [Пасхальное] яйцо – латинское *ovium* из той же культурной матрицы.

Традиция жертвоприношения в Пасху символизирует также *возрождение* Христа, символом которого является *свеча* и *приветствие* “Христос Воскрес”/ “Воистину воскрес”². Пасхальное яйцо тоже из этого семиотического ряда. Праздник сопровождается *пасхальными яйцами*, которые вроде не имеют отношения к *возрождению* Божьего Агнца. Но в этой символике есть другая закономерность, которая напоминает богиню плодородия (неслучайно яйцо, символ новой жизни и плодородия) древнеаккадский и египетский *Иштар*³, фактически то же возрождение жизни. Аналогичный пример можно привести с прото-германским божеством плодородия и весны *Аустрон*, чей праздник отмечался во время весеннего равноденствия.

Таким образом, возрождение жертвы – лучшего – ради людей, символизирует новую жизнь, а христианская пасха, которое помимо *Pesach*, имеет еще и название *Easter*, отношение к весеннему равноденствию. Это слово *Easter*, восходящее солнцу, которое начинает увеличиваться от знака Овен к Тельцам (от последнего периода марта к апрелю). *Easter* имеет прямое отношение к слову *east*: *восток* – звезда востока)⁴ по этимологии. “*Austron Old English East-erdæg*, from *Eastre* (Northumbrian *Eostre*), from Proto-Germanic **Austron*, a goddess of fertility and spring, probably originally of sunrise whose feast was celebrated at the spring equinox, from **austra-*, from PIE⁵ **aus-* “to shine” (especially of the dawn).”⁶ Здесь можно вспомнить слова из аналогичной культурологической матрицы как *star* (звезда), *аспальный* звездный, *aster-astara* (*star*)– звезда; также северо-семиитско-арамейская богиня *Астарта* или *Остара* (самая яркая звезда (O)Sirius) – жена ханаанского бога Бааль, восточно-семитско-аккадианская и, позднее *Easter* в христианстве), *Австрия* (*Austria*), которая на немецком звучит как *Österreich*

¹ Русск. агнец; древнеиндийск. agni; русск. огонь[agon’]; ; в ведийской и индийской мифологии означает бог огня и предназначенный для принесения в жертву и священный огонь (agni) – один из основных элементов древнеиндийского ритуала. Жертвенный огонь возносит жертву в небеса на языках пламени (agni)¹. Эхо жертвенного агнца из этого варианта можно найти в семиотике другого восточного народа. *Aqnes* – *Aqni* – русск.: агнец(ewe) – русск. Огонь. В “Ригведе” это слово повторяется до 200 раз и как повтор идет следом за словом Индра. Функции у них разные. В эпической индийской традиции Агни предстает как космическая сила, как один из пяти элементов, формирующих мир, прячется в воде, рожден в воде, порой сам создал себя, а иногда создан от трения двух дров. (См.: Мифы народов мира (Главный редактор С.А.Токарев), т.1. – Москва: Советская энциклопедия, 1980, стр. 35, 36.

² Как и в любой религии, здесь также не исключены правила, различающиеся в конфессиях. Например, свеча, один из привычных атрибутов христианства в целом, не приемлем для приходской церкви, чему стала свидетелем, например, в Чикагской приходской церкви.

³ *Ishtar* также из одного семантического ряда с индийским *Ushas* (звезда).

⁴ Holweck F. *Easter*. The Catholic Encyclopedia – New Advent . Web. Derived 14 April 2013: “The English term, according to the Ven/ Ven. Bede (De temporum ratione, I, v), relates to *Estre*, a Teutonic goddess of the rising light of day and spring, which deity, however, is otherwise unknown, even in the Edda (Simrock, Mythol., 362); Anglo-Saxon, *eāster*, *eāstron*; Old High German, *ōstra*, *ōstrarā*, *ōstrarūn*; German, *Ostern*. April was called *easter-monadh*. The plural *eāstron* is used, because the feast lasts seven days. Like the French plural *Pâques*, it is a translation from the Latin *Festa Paschalia*, the entire octave of Easter. The Greek term for Easter, *pascha*, has nothing in common with the verb *paschein*, “to suffer,” although by the later symbolic writers it was connected with it; it is the Aramaic form of the Hebrew *pesach* (transitus, passover). The Greeks called Easter the *pascha anastasimon*; Good Friday the *pascha staurosimon*. The respective terms used by the Latins are *Pascha resurrectionis* and *Pascha crucifixionis*.”

⁵ PIE–Proto-Indo-European

⁶ *Easter*. Online dictionary. Web. Derived 1 March 2014. http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=easter&searchmode=none

(*reich* – государство; *ost* – восток, *aster* – звезда). Сюда же можно отнести и имя богини расцвета Эос: *Ausos* (*Jesus*)– или PIE *h₂aus-os* [**hewsos-hew-es**].

В этой матрице, думается, есть место имени *Заратустры*, который напрямую связан с древним праздником Новруз, имя которого предполагает два корня: **Zoroaster –zor (zer – sparkle, fire)** искра, *огонь*, перед которым *созирали*.¹

С Заратустрой, с которым связан праздник Новруз, есть еще одно объединяющее начало. Это матрица **зарождения-смерти-возрождения** новой жизни, присущей всему живому в природе. Дата проведения христианской Пасхи – примерно 25 марта – также есть дата **Возвещения** или **Благовещения** (Annunciation or Lady Day; or Festum Incarnation) о святом зачатии. Этот день считается как днем смерти, так и возрождения (*rebirth* or *resurrection*) Христа² (восприятие матрицы Бог миновал – Pass-over?). С другой стороны, это считается днем Возвещения архангелом Габриилом Девы Марии о ее святом зачатии Иисусом-спасителем (Redeemer or Saviour), который рождается в день зимнего равноденствия, 25 декабря (или 7 января до православному календарю). Аналогично **смерть Заратустры** (*No-Diso*³ – это 25 декабря, 11-й день Хоршода (Khorshed))⁴, как и день рождения другого пророка другой религии – Иисуса, а рождение 26 марта, или 6-й день Хордада (Khordad Sal).⁵ В обоих моментах – зачатие или рождение пророка – совпадает с датой начала увеличения солнца в знаке *Овна* (Aries)⁶.

Еще один момент в этой цикличности восходит к египетскому богу Оруз (*Horuz*), сына Осириса (звезда), который, согласно мифологии, также родился 25 декабря и, соответственно, был зачат в марте. На эту закономерность, наряду со многими параллелями, в том числе **возможное сходство имен** Иешуа (Joshua; Иисус-Jesus – греческий вариант имени) обратил внимание Джеральд Массе в 1883 году.⁷ Известны также другие работы, исследующие элементы прехристианского периода в Христе.⁸ А из праздников христианского периода – это **Святой Патрик**, главный святой ирландцев, день смерти которого, как считается, 17 марта. Этот день ежегодно отмечается как день религии и праздника у ирландцев всего мира. Во время шествия присутствует зеленый цвет, в толпы, как вознаграждение, бросаются и зеленые бусы или четки.⁹

Другой момент в весенних праздниках, связанный с цикличностью жизни, с весенним равноденствием и весенним посевом – это *ритуальная еда*, которая в еврейский Пасхе выпекается из муки с дрожжами или ферментированного теста, который, с одной стороны, *связана с урожаем (плодородие)*, с другой стороны, должен отличить этот символ от еврейской мацы, которая наоборот, не должна содержать *никаких следов дрожжей* или всего, что может вызвать брожение теста.

Начало новой ритуальной еды для христиан положил Византийский царь Михаил Келлуларий в XI веке, игнорируя мацо Римского папства.¹⁰ В любом случае, выпечка хлеба –

¹ Аналогично имени главного Бога зороастризма – Бога добра Ахуры Мазды, который борется со злом, имя которого переводится как Мудрость (Мазда) Владыки (Ahura)

² Хотя и проходит 3 дня от распятия до Вознесения, есть и такой вариант. The Feast of the Annunciation. New Advent. Web. Derived 2 March 2013. <http://www.newadvent.org/cathen/01542a.htm>

³ Zartost No-Diso – аналогично No-Roz

⁴ Encyclopedia Iranica . Web. Derived 31 October 2013. <http://www.iranicaonline.org/articles/festivals-i>

⁵ “Zoroastrian festivals fall into two broad categories. There are the seven feasts of obligation, that is, No Rōz (Nowrūz) and the six gāhānbārs (gāhāmbār; q.v.), which formed the framework of the religious year, and which it was a sin not to keep; and others, which it was a merit, not a duty, to observe. This second category can be subdivided into major and minor feasts”.

⁶ См. *ovis*- овца – агнец-ягненок- приношение в жертву безупречного ягненка; сюда же можно добавить *ovum* – яйцо

⁷ Gerald Massey (with an Introduction by Charles Finch). The Natural Genesis or second part of the beginnings. Black Classic Press (reissued 1998).

⁸ См.: Tom Harpur. Pagan Christ. Recovering the Lost Light. – Toronto, Thomas Allen Publisher. 2004;

⁹ По собственному наблюдению автора этих строк в Мэдисоне, США.

¹⁰ Об этом мы рассказывали в статье Sacrifice, предложенной на Гуманитарном форуме в 2012 года.

это не только память о завете Иисуса в Последней Трапезе, но и символ нового ячменя, отмечаемый у древних народов Ближнего Востока как *праздник урожая* (*hag ha-Asif* or *Sukkot*). На Пасху у евреев выпекался хлеб из первых пучков ячменя, собранных за день до Пасхи, которого преподносили (offering) на второй день этого праздника.

Культурологическая матрица еврейской пасхи: Пасха, Pesach, Passover *Cultural matrix of Pesach/Passover*

Что касается более древней, чем христианская Пасха, *еврейской Пасхи*, или *Pesach* или *Passover*¹, этот праздник также включает как исторические, так традиции, связанные с природой: праздники матца (*hag ha-magotz*), праздник [время] освобождения (*hag ha-herut* или *Z'man (C)h²ieruteinu*), весны (*hag ha-aviv* or *nisan*). Он начинается на 14 день месяца лунного календаря нисан (по сей день у турков *апрель* месяц) и приходится на вторую половину марта и первую часть апреля. Календарь полнолуния лунного месяца доступен в различных сайтах, который позволяет определить дату проведения Пасхи. Например, в 2014 году это 16 марта, 6.08.³ Еврейская Пасха, согласно Библии, отмечается *в честь исхода евреев* (Exodus) от многолетнего рабства у фараона (*ha-herut*), и того, как Бог миновал (*Pesach-Passover*) еврейские дома, уничтожая египетских первенцев во время 10 казней, предусмотренных для египетского фараона в наказание. Ритуальная пасхальная еда матца-опреснок в память о том, что евреи, покидая свои дома, не успели выпечь бродившее тесто (*ha-magotz*). Неслучайно бродившее тесто – хамец (*ham it's* or *chametz*⁴) стал также употребляться в значении грубый необтесанный человек, он же (Хам) сын Ноя, проклятый за неуважение к отцу.

Здесь, помимо различий с Новрузом и христианской Пасхой исторического плана, налицо и элементы празднования новой жизни, а значит и плодородия, налицо общности с весенним равноденствием. Что касается цикличности жизни в природе, то помимо пасхи, известны и другие праздники цикла урожая: *Shavout*,⁵ отмечаемый в начале лета, отмечаемый в честь сбора первого пшеничного урожая (Exodus 34:22), *Succoth* (or *hag ha-Asif*), когда завершен сбор и можно не торопиться домой (Exodus 23:16).⁶

Новруз и его атрибутика в Азербайджане *Novruz and its attribution in Azerbaijan*

Эти два праздника весеннего равноденствия является также **праздниками паломничества**⁷. Паломничества нет в Новрузе, как и нет жертвоприношения кровного. Известно, что паломничеством завершается месяц **жертвоприношения** во всех трех монотеистических религиях. В Новрузе четко разделены праздник возрождения новой жизни и праздник жертвоприношения Курбан, в отличие от Пасхи. При этом Курбан воспринимается как исконно мусульманский праздник, хотя и он имеет предыдущие пласты.

Празднование Новруза сопровождается прыжками через костер – один из главных ритуалов Новруза. Это не просто свеча, которая символизирует у христиан присутствие возрожденного

¹ Pesach – в оригинале PSC Pei-Samech-Cheit; прошел мимо, миновал, как и Passover

² На читается как в варианте шотландско-гаэльское loch

³ Full moon calendar 2014. Web. Derived 13 March 2014 <http://www.fullmoon.info/en/fullmoon-calendar.html>

⁴ На- или cha- один и тот же префикс с шотландско-гаэльским прозванием ch loch

⁵ Период от второго дня Пасхи до первого дня Shavout – семь недель – называется Считать Омера (Counting of Omer)

⁶ The Harvest Cycle and the Holydays of Pesach, Shavout and Succoth. – Web. Derived 12 March 2013. <http://www.ahbjewishcenter.org/harvest.htm>

⁷ Topic #7. Days of Remembrance Memory and Meaning in the Jewish Tradition

Judaism and the Environment. Web. Derived 12 March 2014. http://www.chaimitzvah.org/sites/default/files/uploaded_documents/chai20mitzvah20topic20720memory20judaism20and20the20environment1.pdf

Христа, который уже среди людей¹, до прихода Мессы. Новрузский **огонь**, в отличие от монотеистического огня в аду, вызван с этой функцией очищения, но при жизни человека². Этот ритуал очищения огнем повторяется каждый вторник (4 вторника) предшествующего весеннему равноденствию дню³, предоставляя возможность очищения при земной жизни. Таким образом, празднование **Новруза** тоже продолжается около месяца, как и Пасхи около 50 дней от посева до первой жатвы ячменя.

Еще один важный элемент современного Новруза – иметь в доме **семени** – проросшее зерно пшеницы. В христанстве **элемент зелени**, точнее, вечнозеленой елки или омелы приходится на праздник Рождества Христова 25 декабря (зимнее равноденствие) и символизирует вечную жизнь. Символика зелени в Новрузе связана с зарождением новой жизни в природе, также как и рождением самого Зороастра. Эта культурологическая матрица отражена в слове *семени* и производных от *seme* слов на разных языках. Интересно, что в этот семантический ряд или культурологическую матрицу можно включить и солнце:

Seme – *semes* (солнце)⁴; **S(h)em** – в Библии и Коране один из сыновей Ноя, имя которого переводится как *имя, процветание*; если учесть, что имя семьи даже в начале двадцатого века по традиции дается по фамилии *отца* (сына – у арабов, “*абу*”), т.е. по мужской линии, что объединяет заложенную в этих словах архетипичность *сына солнца* (*shams* по-арабски солнце), и новую жизнь – *процветание*.

Seme – в лингвистике и структурализме, являясь одним из основных терминов, означает “элементарная единица смысла”, элементарное слово или выражение, означающее характерную особенность чего-либо” (белое, черное, зеленое, чистое и т.д. считается *seme*).⁵ (см. выше: *имя*). **Semantika**, **semiologoya** также по происхождению отсюда.

Seme – *səmāni* – в зороастризме символ нового года, достатка, свежего хлеба (*nov-ruz, new ruzu*) и элементарная единица смысла, означающего солнце и процветание (см. выше:). Здесь **en** – это суффикс (как и *-er* – в словах *дочери, матери, water*). **Semen** (английск.) – *семья*; **семья** [**sem'a**] (*rusca*) – *toxim*; **семья** [**semya**] (*rusca*) – *ailā*; **семь** [**sem'**] (русск.) – *yeddi*. Цифра семь тоже связана со значением **создание** в ряду *seme*. Для сравнения: Творец *создал* мир за шесть дней, на **седьмой день** отдохнул. Таким образом, неделя состоит из семи дней (включая выходной день). Соответственно у мусульман – пятница, евреев – суббота (*şabbat* в *sabbatical year* – год, когда через каждые 7 лет профессорско-преподавательский состав университетов **освобождается** от аудиторных занятий для завершения научной работы), у христиан – воскресенье (возрождение, Л.Толстой дал название своему роману в этом смысле).

История как фактор привнесения новых культурологических наслоений и что за этими традициями

History as factor for new cultural strata and what is behind

О том, как каждый исторический пласт привносит новые оттенки, можно наблюдать в воспоминаниях эмигрантки из Баку писательницы Банин, которая описывает, каким был **Новруз в начале XX века в Азербайджане, с элементами новых культурологических наслоений**: “В день весеннего равноденствия, 21 марта, отмечался Новруз-байрам. Это был день всеобщего обогащения детей. Ребятишки бегали от дома к дому, поздравляя родственников и соседей. За это их угощали замечательными сладостями и всякой невообразимо вкусной

¹ Самым религиозным в этом смысле можно назвать рассказ “Легенда о Данко” основоположника социалистического реализма М.Горького, в котором пылающее сердце спасшего людей Данко (Христа?) растоптали им же спасенные люди (предательство Иисуса людьми своего же сообщества, ради которых он привнесен в жертву).

² Ритуалу очищения соответствует в христианстве исповедь при церквях

³ Вторники эти так и называются- *il-axiğ çərşənbə* – вторник перед завершением года

⁴ Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1982, т. 2, с.402.

⁵ Chris Baldick. The Concise Oxford dictionary of literary terms . – New York- Oxford, Oxford University Press – 1990, p.201.

снедь. Столы ломались от яств и разнообразных блюд по содержанию праздничной хончи – подноса с угощениями – можно было определить достаток каждой семьи. В домах попроще на столах стояли лишь местные сладости, фрукты и крашенные яйца. В культурных семьях столы украшали более разнообразные угощения. Яйца напоминали пасхально-христианские, а блюда из индейки считались не только признаком благосостояния, но и определяли уровень культуры. Московский шоколад нес дух святой Руси. Какое это было объединение! Так вот, сперва нас угощали сладостями. Затем хозяева дома, дяди, тети и другие родственники, доставали кошельки. Оттуда извлекался золотой (с которым расставались не без сожаления) и отдавался детям взамен на влажный и смачный поцелуй.”¹

Влияние это не стало долговечным: с второй половины XX века и в начале XXI века не было ни индейки, ни московского шоколада конкретно к празднику Новруз в Азербайджане.

Если совершить экскурс в более древнюю историю, то можно проследить праздники весеннего равноденствия у более древних народов, проживающих как на территории Ближнего Востока, Месопотамии, так и далекой нам Индии и Японии. Существует мнение, что **Праздник Акиту**² (предположительно 3 тысячелетия до н.э.) в древней Ассирии и Вавилонии сыграл кардинальную роль в последующем формировании религиозных теорий и мифов.³ Известен от также как *испытания Мардука* (Marduk's Ordeal). Отмечающийся как *начало года в вавилонском календаре* в месяц *Ниссану* (нисан по сей день название апреля у евреев, турков; современный март-апрель), этот фестиваль отражал архаическую идею о центре, первоначальном хаосе и его покорении, соответственно об узаконивании и обновлении мира. В определенной степени это было связано также с иностранным доминированием над местными как политическом порядке. Празднику сопутствовал посев ячменя. Главный жрец Эсагилии после объявления начала нового года (4 ниссану или после первого новолуния после весеннего равноденствия⁴) и недельного праздника отправлялся в гору Набу для передачи ему скипетра. После следовал в храм Набу, где декламировался вавилонский эпос *Enûma Eliš o сотворении*.⁵ В время этого праздника статуи всех богов выводились из своих комнат, чтобы отдать почести главному богу Мардуку, отцу Набу. Этот сбор в доме, именуемом Акиту, якобы определял политику богов на наступивший год.⁶

В обновленном варианте он описан также в нео-вавилонских текстах, который уже не имел отношения к архаике, и отпочковался от высокой городской культуры⁷.

Еще одним интересным наслоением традиций весеннего праздника можно найти в *символике зерна риса* у одного из древних народов долины Инд – **Хараппской цивилизации** (3200-2600 до н.э.), которые месяц обозначали знаком зерна риса. Аналогичным образом и одинаково обозначались протодравийское и тамильское *рис* и *луна*: nel-a, nil-a. Неслучайно символ зерна – но уже проросшей пшеницы – стал символом праздника Новруз, праздника, в отличие от весенних праздников древней Вавилонии.

Хараппский календарь базировался от появления полумесяца до его исчезновения (лунный календарь) и плюс 8 дней. А начало года считался по восходу звезды Альдебаран⁸, который со

¹ Банин. Кавказские дневники. – Баку, 2006, стр.16. Web. Derived 21 March 2013 http://www.anl.az/el_ru/b/b_kd.pdf

² По разным вариантам ак-и-ту происходит от шумерского ячмень – посеять ячмень; резать ячмень

³ Подробно об этом см.: Benjamin D. Sommer. The Babylonian Akitu Festival: Rectifying the King or Renewing the Cosmos? – The Journal of the Ancient Near Eastern Society. 27. p.81.(pp. 81-95).

⁴ Evan Anrews. 5 Ancient New Year's celebrations. December 31 2012. Web. <http://www.history.com/news/history-lists/5-ancient-new-years-celebrations>

⁵ В ассирийском варианте Ашур вместо Мардука и Иштар вместо Тиамата, богини океана и стихии

⁶ Ancient Babylonia – The New Year's Festival. Web. Derived October 2013. http://www.bible-history.com/babylonia/BabyloniaThe_New_Years_Festival.ht

⁷ Benjamin D. Sommer. The Babylonian Akitu Festival: Rectifying the King or Renewing the Cosmos? – The Journal of the Ancient Near Eastern Society. 27. p.81.(pp. 81-95). p.81

⁸ Неподвижные звезды. Альдебаран. <http://bdn-steiner.ru/glossword/index.php/term/>; Звезда Альдебаран – одна из ярчайших звезд небосклона [http://www.milkywaygalaxy.ru/astronomiya/Aldebaran\).xhtm](http://www.milkywaygalaxy.ru/astronomiya/Aldebaran).xhtm)

временем не совпадал с весенним равноденствием. *Al-de-baran* – по-арабски означает последователь идущий следом, а он следует за звездным кластером Плеяды в созвездии Тельца. Плеяды отмечались в протодравидийском и современном тамильском как рыбы, а *рыба и звезда*¹ звучали одинаково, к этому знаку добавлялось шесть черточек². Как и в греческой мифологии, Плеяды – это семь нимф (+6), дочерей Атласа, размещенных в небе среди звезд после смерти.

В *древнем Риме* отмечался праздник в честь матери всего богов К(С)ибелы *Hilaria Matris Deum* или *Feria Stativa* (праздник бездействия) после весеннего равноденствия или в первый день, когда долгота дня была равна ночи, примерно 25 марта.

Еще один национальный праздник, связанный с весенним равноденствием, это *Shunbun no Hi в Японии*, который отмечается около 20 марта как день восхищения природой. До официального его установления в 1948 году, этот праздник назывался *Shunki Korei-sai* и отмечался как день поклонения предкам императора, происхождение которого считался небесным³.

Еще одной относительно современной традицией можно назвать *праздник Святого Патрика ирландцев*, отмечаемый 17 марта и с XVII века. Он проводится в честь главного святого ирландцев Патрика (385-461 н.э.), приведшего христианство в Ирландию. Как и в целом в христианскую Пасху, ограничено (но не запрещено) потребление алкоголя.

Выводы Corollaries

Современные праздники весеннего равноденствия имеют восходят в глубину древних веков и встречаются в разных формах у древних народов. В современных культурах эти праздники стали частью культурного наследия народов, исповедующими самые различные религии и конфессии. Они переплетены с цикличностью природы, которая связана с астрономией – весенним равноденствием – с зарождением новой жизни, урожаем, его созревания и конца. Поэтому все они так или иначе связаны с *урожаем/ рождением/ плодovitостью (fertility) /перерождением (rebirth)*. А символами являются *проросшее зерно seteni*, как в случае с Новрузом и еврейской Пасхой, или зеленая одежда (или атрбиутика, включая зеленый трилистник⁴) в день Святого Патрика; разукрашенное *яйцо*, а также *выпечка* из урожая; соответственно *шор-гогалы*, имитирующее полнолуние, пахлава и шекербура как полумесяц при новрузе; *маца* и *кулич*.

Явления природы вместе с **астрономией** и **историей древних народов** и стран сформировали общие контуры культурных традиций и праздников современных народов, стран и наций, обрастая **регионально-локальными** особенностями новой страны и, соответственно, как средневековой, так и современной национальной идентификации. Если учесть возраст предыдущих семантико-культурологических наслоений, то речь и идет о распределении и перераспределении как целых ритуалов, так и отдельных их элементов на последующие народы и нации, которые либо мигрировали на новые места (из современной истории – вся Южная и Северная Америка, а до этого еще была Великая Миграция народов из Азии в Европу и т.д.), либо заимствовали в той или иной степени локальные традиции.

¹ Сравни: кластер star – Зороастер-Остарт

² Jane R. McIntosh. The Ancient Indus Valley (Understanding Ancient Civilizations Series). ABC-CLIO, 2008.

³ Ching Kim Min. Japanese Culture Site. <http://www.bellaonline.com/articles/art172699.asp>

⁴ Shamrock – символ современной Ирландии; считается, что на его примере святой Патрик объяснял суть триединства в христианстве.

**III. QLOBALLAŞAN İNFORMASIYA MƏKANINDA
MEDIANIN AKTUAL MƏSƏLƏLƏRİ**

**III. THE TOPICAL ISSUES OF MASS MEDIA
IN THE GLOBALIZING INFORMATION NETWORK**

**III. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕДИА В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА**

Dialog toleranlığın açarındır. Multikulturalizm dəyərlərinin tətbiq vasitəsi kimi KİV-lərin rolu

Hörmətli xanımlar və cənablar, əziz həmkarlar, Forumun qonaqları!

İlk növbədə sizi Azərbaycan paytaxtında bir daha salamlamaq istərdim. Bu panelin mövzusu qloballaşma dövründə sivilizasiyalararası dialoqda KİV-lərin artmaqda olan rolunu əks etdirir. Bəşəriyyətin ümumi tərəqqisində qloballaşmanın potensial imkanları və onun müsbət cəhətləri barədə çox deyilmişdir. Mən öz məruzəmdə müəyyən risklər daşıyan və bizim cəmiyyətin, xüsusən bizim peşə nümayəndələrinin daim hazır olması tələb edilən amillərə toxunmaq istərdim.

Son illərdə tez-tez belə fikirlər səslənir ki, qloballaşma mədəniyyətlərin, xüsusən azsaylı xalqların mədəniyyətlərinin bənzərsizliyi üçün müəyyən təhdid mənbəyidir və guya bu ideya transmilli korporasiyalar tərəfindən məxsusi mədəni ekspansiya məqsədi ilə işlənib hazırlanmışdır. Qloballaşmanın bu cür izahının tərəfdarları bir aşkar məqamı görmək istəməzlər: Müasir dünya öz aralarında intensiv qarşılıqlı fəaliyyətdə olan çoxsaylı xalqlar, dinlər, mədəniyyətlər deməkdir. Bu qarşılıqlı fəaliyyətin spesifikası bir tərəfdən müxtəlif mədəniyyətlərin nümayəndələri arasında açıq münasibətlər qurulmasını tələb edir, digər tərəfdən isə hər bir xalqın qarşısında öz identikliyi qoruyub saxlamaq vəzifəsi durur. Beləliklə, qloballaşmaqda olan dünyada millətlərarası, konfessiyalararası ünsiyyət strategiyası insani münasibətlərin bu mürəkkəb sahəni ekstremizmə, irqçiliyə, şovinizmə və qarşıdurmaya zidd olaraq multikulturalizm və tolerantlıq əsasında tənzimləyən hüquqi, əxlaqi və sosial normalara əsaslanmalıdır.

Bu halda əsas diqqət məhz multikulturalizmə yönəldilməlidir. Adətən bu anlayış müxtəlif sosial subyektlərin (dövlət, özəl və qeyri-hökumət təşkilatlarının) müxtəlif mədəniyyətlərin bərabər-hüquqlu inkişafına, ictimai həyatın bütün sahələrində əhalinin müxtəlif qruplarına münasibətdə ayrı-seçkilinin aradan qaldırılmasına, bərabər hüquqların təmin edilməsinə yönəlmiş ideyalar və hərəkətlər kompleksini ifadə edir. Başqa sözlə desək, multikulturalizm həm ayrıca götürülmüş bir ölkədə, həm də bütövlükdə qloballaşan dünyada müxtəlif mədəniyyətlərin yanaşı mövcudluğuna şərait yaradılması deməkdir. Bütün bunlar belə bir nəticəyə gəlməyə əsas verir ki, multikulturalizm təkcə etik doktrina deyil, həm də açıq cəmiyyət formalaşdırılmasına kömək etməyə çalışan ölkələr üçün səciyyəvi olan müəyyən siyasi proqram, dövlət siyasəti deməkdir. Beləliklə multikulturalizm və tolerantlıq bir-biri ilə sıx bağlı, lakin identik olmayan anlayışlardır.

Azərbaycan dövləti bütün dünyada məhz polietnik, çoxkonfessiyalı və tolerant bir ölkə kimi məşhurdur. Burada bütün dinlərin və milli azlıqların nümayəndələrinin hüquqlarının reallaşdırılması üçün çox gözəl şərait yaradılmışdır. Bizim ölkədə mövcud mədəniyyətlərin bütün sərəvətləri və müxtəlifliyi öyrənilir, qorunub saxlanır və inkişaf etdirilir, bütün sosial, etnik və dini qrupların nümayəndələrinə hörmət hissi tərbiyə edilir. Məhz bu səbəbdən Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyev bizim cəmiyyətdə multikulturalizm və tolerantlıq məsələlərinə xüsusi diqqət yetirir. Eyni zamanda, dünyanın müxtəlif ölkələrində çoxsaylı Azərbaycan diasporunun mövcud olmasını nəzərə alaraq bizim cəmiyyət xaricdə, xüsusən əslən Azərbaycandan olan insanların yaşadığı ölkələrdə bizə analoji münasibət görmək istərdi. Məhz bu səbəbdən həm idarəçilik praktikası səviyyəsində (hakimiyyət orqanlarının, hüquq mühafizə orqanlarının, müxtəlif sosial strukturların fəaliyyətində), həm də şəxsiyyətlərarası səviyyədə irqindən, milli və dini mənsubiyyətindən asılı olmayaraq bütün vətəndaşların hüquqlarına hörmət edilməsinin təmin olunmasına çalışmaq çox vacibdir. Məsələyə dövlət səviyyəsində bu cür yanaşma qanunlarda təsbit edilmiş normalara riayət olunmasını, hər bir insana hər hansı ayrı-seçkiliyə yol verilmədən iqtisadi

və sosial inkişaf imkanları yaradılmasını tələb edir. Şəxsiyyət səviyyəsində bu yanaşma başqa şəxsin fərqli olmaq hüququnun tanınmasında gerçəkləşməlidir.

Təəssüf ki, müasir dövrdə sənaye cəhətdən inkişaf etmiş Qərbi ölkələrinin çoxunda hələ də immiqrantlara nifrət, islamofobiya, ölkəni gəlməkdən “təmizləmək” arzusu və başqa mənfi hallar nəzərə çarpır. Dözümsüzlük, ksenofobiya, təcavüzkar millətçilik, irqçilik, milli, etnik, din və dil əlamətlərinə görə azlıqlara, qaçqınlara, əməkçi miqrantlara və cəmiyyətlərdə sosial baxımdan ən az müdafiə olunan qruplara münasibətdə yabançılıq və ayrı-seçkilik təzahürləri artmışdır. Özünün fikrini bildirmək azadlığını reallaşdıran ayrı-ayrı şəxslərə qarşı zorakılıq, onları qorxutmaq faktları vardır.

Şübhəsiz, bu vəziyyət etnik və dini aqressivliyə “immunitet sistemi” formalaşması, jurnalistlərin istər ayrı-ayrı dövlətlər səviyyəsində, istərsə də global, dövlətlərarası səviyyədə mədəni siyasətin konseptual əsaslarına marağın stimullaşdırılması üçün KİV-lərin fəaliyyətinin gücləndirilməsini tələb edir. KİV-lərin köməyi ilə mədəni siyasət sahəsində qərarlar qəbul edilməsi prosesinin şəffaflığını, milli-mədəni muxtariyyətlərin fəaliyyətini və qarşılıqlı əlaqələrini təmin etmək olar.

Lakin müasir dünyamızda bəzən elə KİV-lərə rast gəlirik ki, onlar multikulturalizm və tolerantlıq ideyalarını cəmiyyətdə təbliğ etmək əvəzinə, bu və ya digər prosesləri birtərəfli işıqlandırır, ayrı-seçkilik ideyalarını təbliğ edənlərə gizli və ya açıq şəkildə rəğbət bəsləyir, insanların şüuruna mənfi stereotiplər aşılayır, nəinki məişət səviyyəsində irqçilik və ksenofobiyanın formalaşmasına, hətta ayrı-seçkilik siyasəti yeridən müxtəlif strukturların əməllərinə haqq qazandırılmasına rəvac verirlər.

2000-ci ilin əvvəlindən Avropa İttifaqının üzvü olan bir sıra ölkələrdə, xüsusən Aİ-yə yaxın vaxtlarda daxil olmuş ölkələrdə KİV-lərin elektron versiyalarının tədqiqi göstərmişdir ki, onların dərc etdiyi materialların təqribən 12 faizində başqa mədəniyyətlərə rişxənd əlamətləri bu və ya digər dərəcədə əks olunmuşdur. Özü də araşdırmalar aparılan bütün müddətdə bu kəmiyyət praktiki olaraq sabit qalır. Bu, ümumi və ya spesifik gərginliyi gücləndirir, sosial qrupların, yaxud ayrı-ayrı fərqlərin aqressivliyini və dözümsüzlüyünü artırır, şəxsiyyətlərarası və sosial münasibətlər mədəniyyətinin eqosentrik tipi formalaşır.

Adətən KİV-lərin bu cür intolerantlıq səviyyəsini sosial tələbatla, kütləvi auditoriyanın gözləntilərinin yüksək səviyyəsi ilə izah edirlər. Lakin belə güman etməyə əsas var ki, həmin KİV-lər təkcə auditoriyanın müəyyən hissəsinin hansısa tələbatını təmin etməklə kifayətlənməyib həm də bu işdə marağı olan siyasi dairələrin sifarişini yerinə yetirirlər. Bundan əlavə, bəzi media vasitələri uzun illər boyu təcavüzkar təbliğatın peşəkar texnologiyalarından istifadə etmişlər, buna görə də onların tolerantlıq və multikulturalizm ideyalarının populyarlaşdırılması sahəsində nə əhəməli var, nə də təcrübəsi. Həmin KİV-lərin fəaliyyətinin araşdırılması göstərmişdir ki, onlar çox vaxt ucuz populyarlıq naminə kütlələrin rəzil hissələrinə güvənir, auditoriyada bu və ya digər millətlərə, konfessiyalara, sosial qruplara kəskin mənfi münasibət formalaşdırır, cəmiyyətdə mövcud problemlərin təqsirini onların üzərinə yıxmağa çalışırlar. Bunun üçün mövzu seçimi, spesifik şərhlər, ayrı-seçkilik xarakterli leksika və stilistikadan istifadə edilməsi kimi müxtəlif vasitələr tətbiq edilir. Aşkardır ki, auditoriya ilə bu cür “düşmənçilik dilində” söhbət cəmiyyətdə tolerantlıq və multikulturalizm ideyalarının inkişafına kömək edə bilməz.

Jurnalistlər özləri bəzən dövrü nəşrlərdə cəmiyyətdə ekstremist əhval-ruhiyyənin yayılmasına kömək edən materiallar dərc edilməsinin səbəblərini ifadə edərkən çox tez-tez bildirirlər ki, bu cür materiallar hazırlanmasının ən başlıca stimulu maddi amildir. Hərçənd, bəzən jurnalistlər etiraf edirlər ki, onlar özlərinin bu cür fəaliyyətinin nəticələrini o qədər də aydın təsəvvür etmirlər. Jurnalist cəmiyyətinin nümayəndələrinin fikrincə, KİV-lərdə ekstremist çıxışların qarşısını almaq üçün ilk növbədə, jurnalistlərin peşəkar etika kodeksinə riayət etmək, ikincisi, jurnalistlərin fəaliyyətində tolerantlıq və vətəndaş məsuliyyəti ideyalarını və ruhunu aşılamaq, üçüncüsü, qanunvericilik bazasını möhkəmlətmək və ona ciddi riayət edilməsinə nail olmaq lazımdır.

KİV-lər öz ölkələrində tolerant şüurun formalaşmasına şərait yaratmaq, ekstremizmin və zorakılığın yayılmasına mane olmaq üçün ilk növbədə, öz auditoriyalarında mədəniyyətlərin

mövcud müxtəlifliyinə hörmət hissi yaratmalı, ayrı-ayrı insanların üstün tutduğu dəyərlərin və ideyaların müxtəlifliyini xeyirxah mövqedən şərh etməli, ekstremizmin müxtəlif təzahürlərində onun cəmiyyətə zidd təbiətini açıq göstərməlidirlər.

Müasir media məkanında bir-biri ilə mübarizə aparən üç qüvvə müşahidə olunur. Onlardan biri KİV-ləri biznes kimi, ikincisi nüfuz təsisatı kimi, üçüncüsü isə dialoq vasitəsi və vətəndaş cəmiyyətinin institutu kimi təqdim edir. İlk iki istiqamətin hələlik liderlik etməsi aşkar görünür. Belə güman etmək olar ki, bu, jurnalistlərin və KİV rəhbərlərinin çoxunun cəmiyyətin “tolerantlaşdırılmasında” fəal iştirak etmək arzusunun olmaması ilə bağlıdır: bu, dərhal mənfəət gətirən iş deyil, sosial aksiyalara sərf edilən qüvvə və vəsaitlər ola bilsin ki, uzaq gələcəkdə sivil, humanitar ovqatlı cəmiyyət şəklində dividendlər gətirəcəkdir. İndiki qələm və mikrofon əhlini bu məsələ o qədər də cəlb etmir.

Deyilənlərdən belə çıxır ki, cəmiyyətdə tolerantlıq şüurunun formalaşmasında KİV-lərin rolunu gücləndirmək üçün jurnalistlərin özlərinin şüurunda və peşəkar jurnalist cəmiyyəti strukturlarının fəaliyyətində çox şeyi dəyişmək lazımdır. KİV-lərin aqressivlik səviyyəsinin azaldılması həm jurnalistlər tərəfindən bu problemin əhəmiyyətinin dərk olunmasını, həm də sosial proseslərin bütün iştirakçıları arasında kütləvi dialoqun təşkilini təmin edən peşəkar fəaliyyətin prinsipə yeni vasitələrinə yiyələnməyi tələb edir. Jurnalstlərin yeni peşəkar mədəniyyətinin mahiyyətini belə ifadə etmək olar: “Dialoq tolerantlığın açarındır”. Biz, KİV rəhbərləri bu fikrin gündəlik işimizdə devizə çevrilməsi üçün öz cəmiyyətlərimiz qarşısında çox böyük məsuliyyət daşıyıyıq.

Diqqətinizə görə təşəkkür edirəm!

Mr. David Parry

Poet, dramaturge, chairman,
Allting Ltd, the United Kingdom

Topical Issues of Mass Media in the Globalizing Information Network

There is an old saying in Great Britain that “assumptions” make an “ass” out of “you” and “me”, which may be why I find the very title of the topic under discussion on this round table problematic. It is not simply the philosophical fact that notions of the “topical” seem driven by a rampant ideological depersonalization sadly prevalent in our modern times, but that “globalizing” is itself held up as an unquestionable “good”, along with its quasi-demonic twin the “information network”. We are all human beings, undoubtedly, and access to raw data could be classed as a human Right, but boundaries and borders are equally important, particularly against the manufactured flow of Media generalization and the dangerous dismissal of informed dissent.

Ostensibly, the fields of Media, Entertainment, and Communication have never been more exciting. Additionally, the vigorous investment-opportunities in this area over the past three decades bear clear testimony to an unabated enthusiasm for technical development. Overall, such excitement is due to the alleged benefits of electronic innovations like Infobahn’s, as well as new methods of digitalized transmission. Indeed, the working paper No. 179, 1994, (old news) of the Centre for Coordination Science at MIT describes the concept as follows: “The information superhighway directly connects millions of people, each both a consumer of information and a potential provider. Most predictions about commercial opportunities on the information superhighway focus on the provision of information products, such as video on demand, and on new sales outlets for physical products, as with home shopping. The information superhighway brings together millions of individuals who could exchange information with one another. Any conception of a traditional market for making beneficial exchanges, such as an agricultural market or trading pit, or any system where individuals respond to posted prices on a computer screen is woefully inadequate for the extremely large number of often complex trades that will be required.” However, even a cursory examination of these concerns quickly reveals inauthentic ideological assumptions. Do we really, as individuals, need to barter in a twenty four hour feeding frenzy of theoretical gains, or pick up a date in the perpetual, unsleeping, purgatory of the sexually available? Is it actually a burning issue of the day to be informed about tax benefits gifted to a Manchester United Soccer player, the price of cheese in Beijing, or how many fist fights a Hollywood celebrity has had with prying paparazzi? Malcontented media bosses and info-junkies to one side, potential usage is an important factor in terms of environment sustainability, and in their nightmare world of broken machines only the affluent seem to benefit.

British Theatre, curiously, is an instructive reminder of quality over quantity. Not merely a diversion from the dreary realities of our workaday lives, unlike so many democratizing Apps, television entertainments, pushbike exchanges, or consciously narcotizing podcasts. It explores Beauty, both great and small: in itself, an act of information-dissent. Traditionally, standing against the type of collectivization placing facticity above all, along with embodying an opposition to the decrementing and cynical way commerce inculcates issue-priorities it refuses to surrender idea-rich content to reductively manageable bytes. And as such, Theatre reminds us all that knowledge is not only information, but a superior, intrinsically unique, source of human freedom.

Mr. Kemal Ozturk

Chairman of the Board and Director General,
Anadolu News Agency, Turkey

Çok teşekkür ederim sevgili Qusman. Her kese hayırlı sabahlar. Bakü insani forumunun ikinci gününde medyanın günümüzdeki, özellikle de yeni teknolojiler karşısındaki durumunu konuşuyoruz. Umarım benim türkçem Azerbaycanlı arkadaşlarımıza tercüme edilmiyordur; onlar doğrudan anlıyorlardır beni.

Benim kanaatime göre tartıştığımız konunun iki tane ana başlığı var: Birincisi, bizler – yani haber ajansları; gazeteler, televizyonlar – yani geleneksel medya araçları, konvensiyonel medya araçları yeni sosyal medya karşısında ne yapacak? Bizim geleceğimiz ne olacak?

Birinci kritik sorunumuz budur; zira sadece İngilterede 2011 yılında 64 tane gazete kapandı, son 5 yıl içerisinde Amerikada yaklaşık 170 tane gazete kapandı. Dünyada çok meşhur olmuş gazeteler, dergiler sosyal medya ve internet karşısında bir bir kapanıyor. Hepsi kağıda basılı gazetelerden vazgeçiyorlar. Birinci sorunumuz budur: Geleneksel medya gelecekte ne olacak? Bu sorunun cevabını bizler – ajanslar olarak, gazeteler, televizyonlar sorguluyorlar sürekli. Aslında hepimiz arka tarafta sıralanmış gençlere bakıyoruz. Bu gençler haberleri nasıl okuyorlar? Bu gençler gazeteleri nasıl okuyorlar? Haberlerle nasıl ilgililer? Anladığım kadarıyla pek ilgili değiller. Ama biz yine de onlarla ilgilenip gelecekte nasıl bir medya olacağına karar vermeye çalışıyoruz. Ben kişisel öngörülerimi aktarmak istiyorum; gelecekte kağıda basılı gazete olmayacağını düşünüyorum. Yani 30–40 sene sonra, özellikle Amerika ve Batıdan başlamak üzere doğuya doğru kağıda basılı gazetelerin artık kalmayacağına inanıyorum. Dergilerin büyük bir kısmı kapanacak, sadece çok spesifik, çok özel bilgiler içeren dergiler basılmaya devam edecek ve parayla satılacak. Gazetelerin kapandığı gibi artık haberler ücretli satılmayacak kanaatindeyim. Eminim burdaki gençler şu anda haberlerini hiç bir şekilde para ödeyerek edinmiyorlar. Gelecekte de haberlere para ödenmeyecek, haberler parayla satılmayacak; internet gazeteleri olacak. Her şey cep telefonlarında bitecek; televizyonu da ordan izleyeceğiz, haberleri ordan okuyacağız, haberi de ordan yazacağız, mektubumuzu da ordan göndereceğiz. Kan grubumuza, tansiyonumuza, şekerimize hep cep telefonumuzdan bakacağız. Alış-verişimizi cep telefonundan yapacağız.

Dolayısıyla burdaki başlık son derece mantıklı: Bir cep telefonu gazeteciliği doğacak. Bunun karşısında habercilik nasıl bir pozisyon alacak? Yani habercilik dediğimiz şey – eğer teknoloji bu yönde değişirse ve gelişirse nasıl bir şekil alacak? İşte bunun cevabını henüz bilmiyoruz. Aslında hepimiz – sizler okuyucu olarak, burdaki entellektüeller olayın içerisinde olarak bir dijital devrimin içerisindeyiz. Henüz bu devrimin sonuçlarını göre bilmiş değiliz. Büyük bir devrim yaşanıyor; bütün yaşantımızı etkileyen bir devrim yaşıyoruz. Bizim ilişkilerimizi bile etkiliyor. Bakın, Google Translate`e girerseniz benim konuşmalarımı anında size, sizin konuşmanızı da bana anında tercüme edebilir. Yani sektörel olarak dünyanın en önemli devrimiyle karşı karşıyayız. Bir çok şeyi etkileyen bir dijital devrimle karşı karşıyayız ve bu gün bu devrimin tam sonuçlarını göre bilmiş değiliz. Bunu kestiremiyoruz şu anda. Hayatımızı nasıl etkiliyor? Hayatımızı etkilediği şeylerin farkındayız ama aslında kişisel iletişimimizi bile etkiliyor. “Gülücük” diye bir işaret var artık değil mi? Mesaj yazarken “gülücük” işareti koymazsanız sizin tebessüm ettiğinizi anlamıyorlar. “Kızgınlık” işareti koya bilirsiniz. Yani yeni bir dil doğuyor; bir dijital lengüistik devirle karşı karşıyayız. Gençler mesaj yazarlarken sessiz harfleri yazmıyorlar, daha değişik yazıyorlar. Yani dilimiz de bu dijital devrimle değişiyor. Eğer dilimiz de değişiyorsa gazetecilik mesleğimiz de değişiyor kendisiyle beraber.

İşte burada ikinci büyük problemle karşı karşıyayız: Mesleğimizin hukuku, mesleğimizin etik kuralları, yayın ilkeleri bu dijital devrim karşısında ne olacak? Demin Rusyadaki beyefendi ifade etti; yanlış anlamadıysam kendisin zenci bir kadınla evlendiği iddia edilmiş bir internet sitesinde.

Aslında çok şanslı. Ya bir erkekle evlendiği iddia edilseydi? Bu da ola bilir; başımıza bu da gelebilir. Demek ki bir hukuk ihtiyacımız var. Beyefendi böyle bir evlilik yapmamış. Bunu burada anlatma ihtiyacı hissediyor. O zaman bizim bir sosyal medya hukukuna ihtiyacımız var. Yeni bir hukuk, yeni bir anlayış, yeni bir bakış açısıyla yazılmış sosyal medya hukukuna ihtiyacımız var. Çok değerli bir konuşmacının bahsettiği “Gezi Olayları”nda Türkiye’de yüz binlerce tweet atıldı. Kaynağı bilinmiyor. 15 bin yeni tweet adresi alınmış Türkçe isimlerle. Bu 15 bin adresten Türkiye aleyhinde Türkçe, İngilizce tweet’ler atılıyor. Kim olduğunu bilmiyoruz; kimin yazdığını bilmiyoruz. Ama Türkiye’yi karalıyor. Türkiye’de insanlar öldürülüyor diye tweet’ler atılıyor. Bunların hepsi yalan! Bu iftiralar ve yalanlar karşısında hiç bir şey yapamadı Türkiye hükümeti. Twitter, ben bu bilgileri vermem dedi. Ama yalan bu bilgiler. “Bu adamlar iftira atıyor, bu adamlar bizim ülkemizin ekonomisini çökertmeye çalışıyor” demesine rağmen Türkiye hükümeti hiç bir şey yapamadı. O 15 bin hesap halen Türkiye aleyhine tweet’ler atıyor, mesajlar gönderiyor ve sahte fotoğraflar paylaşıyor. 20 yıl önce olmuş bir trafik kazasının fotoğrafını “İşte türk polisi insanları böyle ezdi” diye haberler yaptılar Twitter’da. Biz bunlara karşı bir şey yapamadık, sadece doğrusu budur demek zorunda kaldık. Ama bunu yapan insanlar halen aramızda dolaşıyorlar. Demek ki yeni bir hukuka ihtiyacımız var; sosyal medyada yeni bir hukuka ihtiyaç var. Bu bir vahşi orman statüsüne girmiş durumda. İsteyen istediği kişi hakkında küfür ediyor, Facebook’dan aleyhinde haberler yapıyor, Twitter’de başka bir şeyler yapıyor, Instagram’da montaj fotoğraflar yayınlıyor. Bunun karşısında bir şeyler yapmak gerekiyor. İşte burada yeni bir hukuk doğacak; kavramları, bakış açıları kendine özgü bir hukuk meydana gelecek ki bu vahşi orman statüsünden kurtulalım. Yoksa her gün bir zenciyle veya bir erkekle evlendiğimizi iddia edebilecek tweet’lerle, haberlerle karşılaşabiliriz. Dolayısıyla bizim bir hukuka ihtiyacımız var. Dijital devrim karşısında medyanın – özellikle de geleneksel medyanın kendini iyi konumlandırması lazım. Öbür türlü kapanıp gidecek. Televizyonların gazetelere göre şansları daha büyük. Televizyonlar var olmaya devam edecekler, ama gazete sektörü, kağıda basılı medya sektörü şu anda büyük bir kriz yaşıyor ve gelecekte daha fazla krizler yaşayacak. Yeni gazeteler 140 karakterle çıkan Twitter’dir. Herkes Twitter’de bir köşe yazarı oldu ve herkesin kendine özel bir gazetesi var artık. Siz ona bedava abone oluyorsunuz ve onu takip etmeye başlıyorsunuz. Twitter’in sahibi bazen Moskova meydanından – “Kızıl Meydan”dan tweet atıyor, bazen Bakü’nün Hazar kıyısından “burası çok güzel” diye fotoğraf atıyor. Bazen bir olayı size veriyor, bazen de bir trafik kazası. Bedava! Dünyanın gelmiş geçmiş yazılı basın tarihinin en etkili aracı şu anda Twitter’dir. Bakınız, Lady Gaga isminde bir şarkıcı var. “Lady Gaga’yi takip edenleriniz var mı burda?” bilmiyorum, ama gençler muhakkak takip ediyordur güldüklerine göre. Lady Gaga’nın takipçi sayısı en son takip edebildiğim kadarıyla 30 milyonu geçmişti. Bakınız, dünyanın en çok gazetesi Japonya’da satılır; 15 milyon civarında günlük satış vardır. Lady Gaga’nın gazetesi Japon gazetesinden daha fazla satıyor. Bir çok kişi “bu gün Lady Gaga ne deyecek?” diye her gün Twitter’a bakıyor. O da şöyle diyor: “Bu gün pembe ayakkabılarımı giydim, başıma da kırmızı kurdele taktım, laylaylom”. Her gün 30 milyon kişi bu haberi takip ediyor. Yazılı basın tarihinde böyle bir gelişme hiç olmamıştır. Bu çok kritik bir konu. Aslında bu da bir gazetedir; bu da bir yayındır-magazin yayını. Lady Gaga bu gün ne giydi diye merak eden 30 milyon kişi var. Lady Gaga bir tweet attığında 1 milyon kişi onu retweet yapıyor, yani başkalarına gönderiyor. Böyle bir etkileşim medya tarihinde hiç bir zaman olmamıştır. Dolayısıyla çok kritik bir dijital devrimle karşı karşıyayız. Bu konuyu iyi düşünmemiz ve iyi anlamamız gerekiyor. Özellikle de gençlerin iyi anlaması gerekiyor. Sadece Lady Gaga’yı takip etmemeleri gerekir; başka gelişmeleri de takip etmeleri gerekir. Ben sözlerimi burada tamamlarken son bir hususun daha altını çizmek isterim: “Medyada sansür konusu sosyal medyanın gelişimi ile beraber bitmiştir. Dünyada hiç bir yerde sansür uygulanamaz artık. Hiç bir yerde karartma uygulanamaz”.

Fakat şaşırtıcı olan şey şudur ki, geleneksel medya dediğimiz televizyon ve gazeteler Mısır’daki askeri darbeye bir karartma uygulamıştır; uygulamaya çalışmıştır en azından. Orada darbe olmadığını, sadece küçük bir müdahale olduğunu anlatmaya çalıştılar. Uluslararası medya için

söylüyorum bunu. Neyse ki başka mecralarda bunun gerçek olmadığı ve darbenin sonucunda 5 bin insan öldüğünü öğreniyoruz. Sosyal medya bu tür karartmaları ortadan kaldırdı ve en önemli faydalarından bir tanesi budur; “Arap Baharı”nda bütün Arap medyasının karartmasına rağmen kendisini ifade etmeyi başardı. “Sansür dönemi”nin bu devrimle beraber bittiğini ilan edebiliriz. Ama kritik konu bunun gerçekliği. Twitter`deki bir habere insanlar güvenmiyor ve inanmıyorlar. Ama gelecekte olacak bu. Bunun bir hukuku oluşacak ve o hukukla beraber sosyal medyadaki haberlerin doğruluğu artık tartışılmayacak.

Beni dinlediğiniz için çok teşekkür ederim. Beyefendi`ye tekrar geçmiş olsun diyorum. Daha kötü haberlerle de karşılaşa bilirdi.

Mr. Alex Giboi
Director General, AGERPRES, Romania

Smartphone Journalism – Faster and better information for NOW

Ladies and gentlemen,
Dear colleagues,
Dear friends,

I would like first to express my gratitude to AzerTag's president, Mr Aslan Aslanov, for inviting me to this very important event. I would also like to show my sincerest appreciation for Mr Vladimir Putin and Mr Ilham Aliyev, the organisers of the International Humanitarian Forum, here in Baku. This is a great opportunity for all participants to enhance the good relations they already have, start new ones, and receive information about all the interesting topics presented here.

The topic I will address on this occasion is related to the new modern technology era we are currently passing through.

Ladies and gentlemen,

Can you please first tell me how many of you have a smartphone? And your children? Nephews? I guess everybody has a smartphone. And when I say everybody I mean close to 1.5 billion people worldwide.

But do we know what a smartphone really is? Here's what Wikipedia tells us.

A smartphone, or smart phone, is a mobile phone built on a mobile operating system, with more advanced computing capability and connectivity than a feature phone.[1][2][3] The first smartphones combined the functions of a personal digital assistant (PDA) with a mobile phone. Later models added the functionality of portable media players, low-end compact digital cameras, pocket video cameras, and GPS navigation units to form one multi-use device. Many modern smartphones also include high-resolution touchscreens and web browsers that display standard web pages as well as mobile-optimized sites. High-speed data access is provided by Wi-Fi and mobile broadband. In recent years, the rapid development of mobile app markets and of mobile commerce have been drivers of smartphone adoption.

The mobile operating systems (OS) used by modern smartphones include Google's Android, Apple's iOS, Nokia's Symbian, Blackberry Ltd's BlackBerry OS, Samsung's Bada, Microsoft's Windows Phone, Hewlett-Packard's webOS, and embedded Linux distributions such as Maemo and MeeGo. Such operating systems can be installed on many different phone models, and typically each device can receive multiple OS software updates over its lifetime. A few other upcoming operating systems are Mozilla's Firefox OS, Canonical Ltd.'s Ubuntu Phone, and Tizen.

Worldwide sales of smartphones exceeded those of feature phones in early 2013.[4] As of July 18, 2013, 90 percent of global handset sales are attributed to the purchase of Android and iPhone smartphones.

Thank you Wikipedia for this information. As you can see from the graphics, the huge interest mobile communications consumers have for the smartphones is growing yearly. With the so many different OSs available, competition is great, and always promoting change and innovation.

At the present time 80% of the world population has mobile phones. That means that 5 billion people own a mobile phone out of which 1.08 billion are smartphones. 69% of these use their phone for apps. Numbers for total number of apps worldwide are hard to come by, but the Apple App Store (for apps that work on Apple devices) and Google Play (for apps that work on Android devices), are believed to be the two largest stores with over 800,000 apps apiece, according to Canalys.

Ladies and gentlemen,

As we are facing a global crisis in mass-media, while everywhere around the world newspapers and magazines are closing, the pressure is more and more on the shoulders of news agencies as a primary source of information. Never in the past we experienced so many news issued and consumed in the same time. Together with the explosion of the number of smartphone users, the behavior of people consuming the news is also changing. People need and want more and more information faster and faster. And they take it! It is, most of it free, at their fingertips on their tablets and smartphones.

Unfortunately for the public though, free content does not always mean high quality content. There is a tendency to highlight data of dubious quality or to misreporting and this could be damaging, not just misleading and confusing. If brands are persuaded by hype to divert funds into niche, the whole mobile business is damaged.

This is why we, as a National News Agency decided to take a stand for the Romanian media market. AGERPRES, being the news agency that represents Romania, always has to stay in touch with the latest tech-discoveries and use them accordingly, adapting them in order to go on serving its purpose – providing the latest, fastest and most accurate news from inside and outside Romania to its public, partners and clients.

The “New AGERPRES” concept we launched in September this year, just two months ago, 124 years after the founding of our press agency, is a reflection of our new vision regarding what such an institution should do on the vast market of mass media in order to raise the quality of news, keep every viewer happy and, of course, make money.

And the basis, the starting point for the “New AGERPRES” concept, was in fact the idea of “Smartphone Journalism”. Why that? Because the world is rapidly changing, people are doing everything a lot faster in 2013 than they did 10 or even 5 years ago. This is why the information, the news we provide as a news agency, must keep up the pace with the world around us. In order to be able to “update the world”, as is our motto, we must be able to first update ourselves.

We launched our iOS and Android apps for smartphones and tablets a few weeks ago for the public to give us their opinion, because it is very important to us to provide what people want & need.

So what is “Smartphone Journalism” to AGERPRES? We built this concept on two very important directions.

1. Being able to provide the type of “all-inclusive” news that everybody wants & needs – containing image, video and text, all in one place, all in one piece of news.
2. Being able to provide the public the means to access these news quickly, everywhere in the world.

“All-inclusive news” comes from “all-inclusive journalists”. But what is that? It is a journalist that has the ability to write, take photos and record decent videos when needed, in order to provide the public with the best news reading/watching experience. The news need not be complicated, because nobody really has the time to read and read and read... that’s why graphics are very important also.

We didn’t invent the wheel. The all-inclusive news concept is not a new one; it’s being recently used by agencies all across the world in an attempt to better compete on a media market that is full of free content. We even have a Wikipedia term listed for this: *mojo*. So *mojo* is a mobile journalist.

A *mojo* (mobile journalist) is a staff or Freelancer reporter who writes stories from his or her community using technical tools such as digital cameras and camcorders, laptop PCs with broadband wireless connection or smartphones.[1][2]

The term *mojo* has been in use since 2005. It originated at the Fort Myers (Fla.) News-Press and the term is now current throughout the Gannett newspaper chain in the United States.[3]

This is why news agencies have to keep up with the changes in the public’s media consuming behaviours. These changes mean in fact a need for the same accurate and fast-provided news, but

with easier access. And what easier access to news than on your own, personal phone? Big screen or small screen, touch sensitive, HD displays are perfect for swiping across the news, photos, live-streaming videos that are being connected and promoted as you, the reader, likes using all social media tricks. We take that into consideration because, of course, mass media today wouldn't be the same without social media.

We created the iOS and Android apps because we wanted to give our public the opportunity to access the news that matters to them the most, easier, faster, and, of course, at HD resolution. Our public has now the option of reading, watching and sharing the news via social media or e-mail, directly from their own smartphone.

In 2013 the percentage of people buying the classic, old-fashioned PC dropped. Instead, everyone looks for laptops, tablet PCs and smartphones that can do everything the old computer could, and more. Look towards the future, you will see smart glasses, smarter phones, better connectivity between every aspect of our lives. It would be a pity not to let our imagination run free and adapt mass media to the new realities at hand.

Thank you for your patience and your interest in this topic.

Господин Даурен Дияров
Директор Информационного Агентства
“Казинформ”, Казахстан

Традиционные СМИ и Интернет-технологии

В наше время стал популярным миф, который пророчит гибель традиционным СМИ в борьбе с Интернетом. Это не больше, чем миф. Скажу больше — традиционные СМИ и Интернет со всеми его возможностями являются партнерами.

Простой пример. До появления Интернета, газеты выходили ограниченным тиражом с ограниченной географией распространения. Зачастую популярность издания оценивалось реализацией тиража. Но это не все возможности газеты. Ее могли бы читать еще больше людей, она могла бы привлечь еще больше потенциальных читателей.

Потом появился Интернет. Стало возможным создавать электронную версию издания. Здесь к числу читателей газеты присоединились пользователи Всемирной половины. Аудитория расширилась. Глобальная сеть помогла расширить также географию читателей газеты. Когда доступность Всемирной сети в мире возросла, пользователи стали объединяться в сообщества, так появились социальные сети. Сейчас некоторые медиа-менеджеры называют социальные сети “убийцами” СМИ. Однако стоит отметить, что сами СМИ также овладели уже этим пространством. Сегодня любое уважающая себя редакция имеет аккаунты в социальных сетях. В чем их польза? Здесь пользователи Интернета выступают уже не только читателями этой газеты, но еще и делятся новостями издания со своими друзьями. Они привлекают еще больше читателей. Посмотрите, какое полезное сотрудничество. Новые технологии только улучшают работу СМИ.

Другой вопрос, что станет с бумажным вариантом этой газеты? Ведь газета не исчезла, она даже не трансформировалась, просто расширились ее возможности. Здесь вполне уместно применить опыт таких известных СМИ как “New York Times”, “Time”, “Guardian”. Все эти издания выходят многомиллионными тиражами в бумажном варианте. Однако почему они не потеряли спрос? Все просто, потому, что они обеспечили себе известность в Интернете. Сейчас они не просто газеты. Помимо того, что они выпускают эксклюзивные важные материалы, так еще и совмещают функции информационного агентства. Оперативные новости выходят в онлайн-издании, аналитика и расширенная подача этой же информации — уже в бумажном варианте. То же самое применимо и к другим СМИ — телевидению и радио. Эта эффективная политика позволяет и традиционным СМИ шагать в ногу со временем. Мы живем в мире, где любую дикую собаку, грозящую тебя укусить, можно поймать и дрессировать. Новые технологии, Интернет и его социальные сети – все это СМИ может использовать в свою пользу. Правильное осознание этого вопроса позволило влиятельнейшим изданиям мира сохранить традиционную бумажную версию и плюс к тому же повысить популярность и выйти на мировой уровень.

Среди руководителей традиционных СМИ ходит еще один страх перед новыми технологиями. Есть боязнь, что Интернет перехватит пальму первенства в скорости распространении информации. Однако согласитесь, каждое средство массовой информации выполняет сугубо свою роль. У всех у них своя аудитория. В наше время, я думаю, нет двух типов СМИ, которые дублируют друг друга. Информационные агентства – оперативная, лаконичная подача информации, фактаж. Они занимают свою нишу. Телевидение – грубо говоря, подача визуальной информации, энтертейнмент для определенной категории людей. Радио также ориентировано для определенной аудитории, которая также многочисленна. Газета дает развернутую картину события, с указанием деталей, упущенных моментов. И у нее также есть ауди-

тория. Посмотрите на все это и подумайте, почему то или иное СМИ должно исчезнуть под натиском другого?

Современные технологии, в том числе и возможности Интернета, могут только помочь традиционным СМИ. Главное знать, как их использовать.

Пожалуй, до появления Twitter'a настолько быстрой передачи короткого сообщения большой аудитории читателей еще никто не видел. Заветные 140 символов. Однако и они могут сыграть мощную роль в развитии СМИ. Представьте то, что ваша газета охватывает регион, однако в этой местности происходит событие значимое для всей страны. Сейчас многие газеты, информационные агентства, телеканалы и радио ведут так называемую прямую Twitter-трансляцию с места события в своем официальном аккаунте. Да, новости выходят короткие, емкие, всего 140 символов. Однако по оперативности, они привлекают все больше и больше читателей, стремящихся узнать все из "первых уст". На аккаунт подписываются все больше и больше пользователей сети микроблогов и в конце концов создается постоянно пополняемая аудитория, которая будет читать не только ваши трансляции, но и ссылки на сайт с детальным материалом. Вполне можно рекламировать собравшейся в Твиттере аудитории свежий выпуск теле- или радиопрограмм, газеты. Делать это емко и с привлекательным заголовком, чтобы у читателя возникло желание купить газету или посмотреть программу. К сведению сейчас аудитория русскоязычных пользователей сети микроблогов Twitter превышает миллион человек.

На самом деле и Facebook выполняет аналогичную функцию, только возможности у нее чуть шире. Эта социальная сеть – отличная возможность узнать о потребностях ваших читателей. Порой обратная связь в редакции хромает, а мнение читателей знать нужно. Эта платформа организована таким образом, чтобы дать возможность высказаться читателям, обсудить события. И их мнение можно узнать, будучи простым наблюдателем. И, конечно же, здесь есть функции, позволяющие делиться информацией, что тоже немаловажно. По последним данным количество русскоязычных пользователей Facebook превысило 10 млн. человек. В целом же, в Фейсбуке зарегистрирован каждый седьмой житель Земли.

Есть еще одна платформа, которая очень поможет СМИ – это Youtube. Этот видеохостинг также собирает большую аудиторию. Для СМИ с небольшим бюджетом для технического оснащения, но все же желающего публиковать в сети и видеоматериалы, Youtube является прекрасной альтернативой. Один короткий пример. Местный телеканал на юге Казахстана четверть своих зрителей привлекает из Youtube. Имея достаточно широкую аудиторию или вернее сказать подписчиков в видеохостинге, они загружают ролики с анонсами вечерних новостей. Здесь надо конечно сделать ремарку: сколько людей будут смотреть новости зависит от того, как был преподан анонс. В Youtube примерно 60 часов видео загружается пользователями каждую минуту, то есть один час видео в одну секунду. Youtube является неоспоримым лидером в плане посещаемости и просмотров видео в месяц. Почти 800 миллионов уникальных посетителей он получает каждый месяц. Каждую минуту создаются более 500 твитов с Твиттер, содержащих ссылки на ролики с Youtube. Почему бы не использовать его, чтобы продвигать свое СМИ?

Еще одна сеть, которая сегодня также является популярной – это Instagram (Инстаграм). Это бесплатная программа. Она предназначена для того, чтобы пользователи могли делиться с миром своими фотографиями. Ей всего-то три года, однако, Инстаграммом уже ежедневно пользуются более 90 миллионов людей, которые публикуют 40 млн. фотографии в день, ставят 10 млн. "лайков" (кнопка "нравится") в секунду и оставляют 1 млн. комментариев в секунду. Вот как используют его газеты. Фотограф издания делает ряд снимков с какого-нибудь события. Редакция берет одну очень удачную и привлекательную фотографию и публикует ее с коротким сообщением о мероприятии и том, что подробности можно узнать в утреннем номере издания. Если снимок действительно стоящий, он потянет читателя в киоск, чтобы купить свежий выпуск. Для информационного агентства Инстаграм вообще

находка. Точно таким же методом публикуется фотография с броским заголовком и со ссылкой на полный материал. Если фотографии нравятся людям, но они ими делятся.

Эти примеры просты. Даже сейчас, когда мы вникли в то, как работают новые тренды в Интернете, это все равно всего лишь вершина айсберга. Вообще распространение информации в социальных сетях подобно эпидемии. Если новость понравилась одному читателю, то, скорее всего, он поделится ею с друзьями. А среди друзей, возможно, найдутся двое солидарных с ним. Социальные сети – это не СМИ. Это всего лишь средство коммуникации, общения. Новости генерируют традиционные, сетевые СМИ. Но социальные сети могут помочь в том, чтобы эти новости, готовый продукт дошли до аудитории.

Мы можем также обратиться к другим интернет-инструментам. Они также повысят популярность СМИ. Онлайн-трансляции с места события, открытые форумы, чаты при официальных сайтах, интерактивные конкурсы. Все это как аксессуары для того, чтобы “украсить” или повысить престиж СМИ.

Возможно даже, в будущем нам не нужно будет выпускать газеты в том виде, в котором они сейчас выпускаются. Возможно спрос на такие издания упадут. Подчеркну: спрос на бумажную версию газеты, а не на само издание. В этой части, редакциям в любом случае придется думать об изменении политики, но никак не закрываться. Печатные издания будут, потому что во все времена будет существовать аудитория, читающая только газеты. Но сама редакция, конечно, должна расширить свои возможности, используя новые Интернет-технологий. Скорее всего, это даже неизбежно. В принципе, сосуществование или вернее сказать, сотрудничество печатной и электронной культуры уже свершившийся факт, а апокалиптические прогнозы о том, что исчезнут тот или иной тип СМИ в результате появления новой коммуникационной технологии – остаются уже в прошлом.

Cənab Şamil Vəliyev
BDU Jurnalistika fakültəsinin dekanı,
filologiya elmləri doktoru, professor

Yeni media və müasir çağırışlar

Dünyada, eləcə də Azərbaycanda indiki azadlıq, senzurasızlıq, demokratik imkanlar şəraitində ən çox müdaxilə olunan, yəni başqa sahələrin adamlarının asanlıqla gəldiyi sektor media mühiti, xüsusən mətbuat və jurnalistikadır. Çünki yaranan imkanlardan istifadə edərək qrammatika və yazı qaydalarını bilən də, bilməyən də yazmaq iddiasında, özünü ifadə etmək arzusundadır. Amma fərqi deyil ki, başqa sahələrdə olduğu kimi, jurnalistikada da müəyyən elmi-nəzəri hazırlıq, tarix təcrübəsi və s. lazımdır. Biz əlbəttə ki, başqa sahələrdən jurnalistikaya gəlmənin əleyhinə deyil, əksinə tərəfdarıyıq. Lakin bu gəlişə şəxsi arzular kifayət etmir, bunun üçün müasir dövrdə Azərbaycanda ictimai fikir institutuna çevrilən və dördüncü hakimiyyət statusuna nail olan jurnalistikanın özəlliklərini və dünyada bu sahə ilə bağlı meydana gələn yenilikləri bilmək vacibdir. Əks təqdirdə, sadəcə iynə vurmağı bacaran hər kəsin özünü həkim deyə təqdim etdiyi kimi, bizim media mühitində də sadəcə yazı yazmağı bacaranlar özünü jurnalist kimi qələmə verməyə çalışacaq və təəssüflər olsun ki, belə hallara hər birimiz vaxtaşırı rast gəlirik.

Dünya yaranandan ta bu günümüzədək zamanın, renessansın tələbindən asılı olaraq bir-birindən fərqli cəmiyyətlər, icmalar mövcud olmuşdur. Bəşəriyyətin hər dövründə, onu idarə edən insan zəkası, əməyi müxtəlif maneələr qarşısında məğlub olmamış, heyrətamiz çıxış yolları icad etmişlər. İstər sıradan fərd olsun, istər məşhur şəxsiyyət, fərq etmərəz. İçində olduğu durumu, şahidi olduğu dünya və ya təbiət hadisəsini, ictimai əhəmiyyətli xəbəri ətrafa hansı üsulla bildirmək, yaxın və uzaq məsafəyə tez, keyfiyyətli formada necə agah etmək tarix boyu aktual mövzulardan biri kimi diqqət mərkəzində olub. Bütün dünya toplusları yerindən və zamanından asılı olmayaraq şəffaf informasiyaya ehtiyac duyub, yalanın əleyhinə olub, doğrunu arzulayıb. İbtidai kökü “duyduq-duymadıq deməyin” kimi carçı çağırışından başlayan jurnalistika fəaliyyətinin bugünkü inkişafı qənaətbəxş hesab oluna bilər. Doğrudur, bəzi çatışmazlıqlar hələ də mövcuddur, ancaq çox da uzaq getməyərək, elə keçən əsrin 70–80-ci illəri ilə müqayisədə inanılmaz nailiyyətlər əldə olunduğunun şahidiyik. Səsyazma studiyaları, tele və radio şirkətləri, müxtəlif funksiyalı və miqyaslı fotokameralar, fərqli ölçülü mikrofonlar, işıqlandırma sistemləri, səhifələrindəki xəbərlər hər saniyədə dəyişən internet saytları, sosial şəbəkələr və s. buna nümunədir. Təkcə texnika sahəsində ən az hər saat baş verən proqres həm təəccüblü, həm də məcazi mənada desək, “qorxuducudur”.

Bütün tərəqqini, çağdaşlaşdırmanı quran da, ona ehtiyacı olan və ondan istifadə edən də insandır. Yaratmaq üçün yaranan insan oğlu payına düşən həyat yolu boyunca bir yerdə dayanmır, əlindəkilərlə qane olmur, ixtiralar edir, fərd kimi doğulur, şəxsiyyət olaraq formalaşır, cəmiyyəti müəyyən istiqamətə yönəldir. Tarixə nəzər salsaq, hər dövrə məxsus görkəmli siyasi, ictimai, ədəbi, elmi simalar, obrazlarla qarşılaşırıq. Fərqli yaradıcılıq sahəsinə aid olan belə şəxsiyyətlər olub, var və dünya mövcud olduqca olacaq da. Bu, normaldır.

Lakin indiki İKT dövründə insanların xarakteri, mövqeyi və arzularından asılı olmayaraq cəmiyyətin tipi dəyişir, postindustrializm güclənir. Qəzet, radio və televiziyanı özündə ehtiva edən ənənəvi media vasitələrinin elektron-internet resursları və sosial şəbəkələrdən ibarət “yeni media”ya keçid qeyd olunan transformasiyanın əsasını təşkil edir. Azərbaycanda da azad sözün ifadə vasitəsi olan İnternetin rolu artmaqdadır. Ölkəmizdə yeni media hələ formalaşma mərhələsində olsa da, bloqlar, forumlar, xəbər portalları kifayət qədərdir. Ümumiyyətlə, statistik məlumatlara nəzər salsaq görürük ki, ölkəmizdə yeni medianın inkişafına 1998-ci ildən start verilib. Ənənəvi media qurumlarına (qəzet, TV və radio, agentlik) məxsus 130-dək İnternet resurs var. Yalnız online versiyası olan və İnternetdə yayılan 40 İnternet qəzet və agentlik fəaliyyət göstərir. 25-dək İnternet TV

və İnternet Radio fəaliyyətdədir. 2006-cı ildən Bloqçuluq fəaliyyəti güclənib. Yeni media sahəsində çalışan yeni QHT-lər formalaşmaqdadır. 2006-cı ildə BDU-da, sonradan isə digər Universitetlərdə “İnternet Jurnalistika” fənni tədris olunmağa, Bakı Slavyan Universitetində “Yeni media” kafedrası fəaliyyətə başlayıb. Facebook (0.5), Twitter(10 min.) və s. digər sosial servis istifadəçilərinin sayı artıb. Multimedia Mərkəzi, Bakı Jurnalistika Məktəbi, İrəli İctimai qurumu, BarCamp və s. qurumlar tərəfindən Yeni medianın inkişafı istiqamətində sistemli tədbirlər həyata keçirilir.

Ümumiyyətlə İnformasiya cəmiyyətinin və yeni KİV-in qarşılıqlı əlaqəsindən danışarkən jurnalistika nəzəriyyəçiləri yeni medianı aspekt kimi götürdükdə üç cəhətə diqqət yetirməyi vacib sayırlar:

– Müasir mərhələdə informativ-kommunikativ texnologiyalar və internetin inkişafı ilə əlaqədar olaraq KİV-in imkanları.

– Ənənəvi KİV “internetizasiya” şəraitində.

– Kütləvi informasiyanın yeni vasitələri.

Son dövrlər dünyada digitallaşma prosesinin sürətlə davam etdiyinin şahidi oluruq. Bu inkişaf bir çox sahədə eyni anda gedir. Əlbəttə, media da bu sahələrdən kənarında deyil. Media XX əsrin ən böyük kəşfi olaraq bilinən internetlə əlaqədar olaraq özünün yeni dövrə, yeni eraya keçid mərhələsini yaşayır. Jurnalistikanın nəzəriyyəsi ilə məşğul olan tədqiqatçı alim Y.N.Zasurskinin təbircə desək, “Qlobal planda dünya jurnalistikası yeni keyfiyyətə keçir ki, bu da bir neçə faktla bağlıdır: “Əvvəla, jurnalistin fəaliyyəti ilə, informasiyanın maksimum operativliyinə şərait yaradan yeni texnologiyaların inkişafı ilə, ikincisi, qloballaşma ilə. Yeni texnologiyalar içərisində KİV-in yeni istiqamətdə formalaşmasına təsir edən ən başlıca vasitə İnternetdir. İnternetin elmi cəhətdən araşdırılması onun həqiqətən də geniş imkanlara və istiqamətlərə malik olduğunu göstərir. İnternet yarandığı ilk dövrlər əsas bilik mənbəyi, nəhəng bir kitabxana idi. Getdikcə əyləncə elementləri ardından kommersiya elementləri ön plana çıxdı. Bəzi alimlər İnterneti milyonlarla insanın əlaqə yaratdığı, xəbərləşdiyi, özünəməxsus qayda-qanunları olan sosial bir sfera kimi dəyərləndirir. 1960-cı ildə işlənən bir ifadəylə desək, “əlaqə vasitələrində yaranan bu inkişaf dünyanı “kürəşəl bir kəndə” çevirib.”

Oturduğumuz bir yerdən qalxmadan bütün dünyada nə baş verdiyini müəyyən ölçüdə öyrənmə bilirik. Digər tərəfdən heç bir zaman olmadığı qədər əlaqə vasitələrinin təsiri altındayıq. Dünyada informasiya mübadiləsi sahəsində vacib proseslər gedir. Bu proses qlobalizm və ya qlobalizasiya, başqa sözlə desək, bütün dünya ilə informasiyanın sürətli mübadiləsidir. Müasir informativ-kommunikativ şəbəkələr hər kəsə, o cümlədən etnik azlıqlara virtual aləmdə öz nümayəndələri ilə coğrafi mühit və dövlət sərhədləri olmadan əlaqə yaratmağa imkan verir, multikulturalizmin qorunmasına və yayılmasına şərait yaradır. Bununla belə, müasir qlobal şəbəkələr nəinki insanları birləşdirir, hətta, məxfilik və kiçik şəbəkələr, kiçik qruplar yaratmağa imkan verir. Müasir inkişafın digər xüsusiyyəti cəmiyyətin inkişafında xüsusi rola malik olan texnologizmdir. Bu özünü internet sahəsində Avropa və Amerikanın rəqabətində göstərir. Bu gün dünyada “yeni media” anlayışının müxtəlif izahlarına rast gəlmək olur. Bir qrup ekspert buraya bütün rəqəmsal və elektron informasiya ötürücülərini-elektron qəzetləri, radio və televiziya daxil edirsə, digər qrup mütəxəssislər yeni medianın bəşəriyyəti bir araya gətirən və onu vahid topluya çevirən sosial şəbəkələrdən ibarət olduğunu söyləyir. Belə bir fikir təkzibolunmazdır ki, əgər mass-media “təkin çoxluğa” təsirdirsə, yeni media “çoxluğun çoxluğa” qarşılıqlı təsiridir. Burada istənilən informasiyanın qarşılıqlı rəyi və cavab reaksiyası vardır.

Kütləvi informasiya vasitələrinin istər texnoloji, istərsə də yaradıcılıq parametrlərindən hiss olunur ki, XXI əsrdə bu sahədə çox ciddi dəyişikliklər olacaq. Kommunikativistika ilə məşğul olan araşdırıcıların bununla bağlı çox ciddi proqnozları var. Qəzet, radio, televiziya dünyasında ənənəvi jurnalistika öz yerindən tərpənməli olacaq. Bu işdə əsas rolu KİV-in konvergensiyası – yəni KİV-in məzmununun rəqəmli variantda keçirilməsi və bunun müxtəlif kanallarla qəbulu – ən əsası İnternetlə qəbulu faktoru oynayacaq. Bu qaçılmaz məntiqə hamımızın inanması lazımdır. Əsas məsələ isə ondan ibarətdir ki, klassik və ənənəvi jurnalistikada olduğu kimi hər birimiz sürətlə dəyişən zamanda,

hər gün yeniləşən İKT dövründə doğrular, gerçəklər, böyük həqiqətlər məbədinə apararı yolu tapa bilək, onu düzgün müəyyənləşdirək. Biz də formasından, texnika və texnologiya-sından asılı olmayaraq jurnalistikanın klassik peşəkarlıq prinsiplərindən, keçilən yolun təcrübəsindən çıxış edərək müasir zamanın çağırışlarına cavab verə bilək. Böyük Azərbaycan jurnalisti Həsən bəy Zərdabinin dediyi kimi: “Doğrunu söyləyək, acı olsa da”. İnanıram ki, yalnız belə olan halda həqiqətlər, doğrular günəş kimi hamımıza hər zaman faydalı ola bilər.

Əziz tədbir iştirakçıları, doğruları axtarmaq, tapmaq və başqalarına çatdırmaq işində hər birinizə uğurlar arzulayıf, diqqətinizə görə təşəkkür edirəm.

Cənab Əlövsət Əliyev

AMEA İnformasiya Texnologiyaları İnstitutunun şöbə müdiri,
iqtisadiyyat üzrə fəlsəfə doktoru, dosent

Müasir media və informasiya iqtisadiyyatının formalaşması

Yaşadığımız üçüncü minilliyin inkişaf ideologiyası kimi qəbul olunan İnformasiya cəmiyyətinin formalaşması bütün qabaqcıl dünya ölkələrindəki ictimai-siyasi, sosial-iqtisadi və humanitar proseslərin qloballaşması və inteqrasiyası fonunda həyata keçirilir. Bir çox amillərdən asılı olan belə bir mürəkkəb proses müasir media vasitələri və sənayesi ilə kifayət qədər qarşılıqlı əlaqəyə malikdir. Ona görə də müzakirəyə təqdim olunan bu məruzə müasir dünya iqtisadiyyatı ilə mediasistemin qarşılıqlı əlaqəsinə və onların bir-birinə global təsirinin araşdırılmasına həsr olunmuşdur. Yeni cəmiyyətin və onun iqtisadiyyatının tərkib hissəsi kimi çıxış edən mediasistemin əsas inkişaf istiqamətlərinin və ona təsir edən problemlərin, texnologiyaların müəyyənləşdirilməsi bir məqsəd kimi qarşıya qoyulmuşdur.

1. Cəmiyyətdə müasir mediasistemin rolu və yeri. Müasir dünyanın inkişaf tendensiyasını şərtləndirən qloballaşma və inteqrasiya proseslərinin əsasında bir çox amillərlə yanaşı həm də KİV və onların yaradılmasını, eləcə də yayılmasını təmin edən texnologiyalar və müvafiq infrastrukturur durur. İnsanların işdə və ya istirahətdə olmasından asılı olmayaraq fasiləsiz olaraq müraciət və istifadə etdikləri qəzetlər, jurnallar, kitablar, radio, televiziya, İnternet və s. kimi informasiya mənbələri və kommunikasiya vasitələri – başqa sözlə mediasistem müasir cəmiyyətin ən aparıcı və mühüm sahəsindən birinə çevrilmişdir.

Cəmiyyətin mühüm fəaliyyət sahələrindən biri olan hazırkı media sistemi İnformasiya cəmiyyəti şəraitində xüsusi rola malikdir. Belə ki, biliklərin rolunun, informasiya sektorunda çalışanların sayının, ümumi daxili məhsulun tərkibində informasiya sektorunun payının artması cəmiyyətin informasiyalaşdırılması ilə xarakterizə olunur. Bu baxımdan, kütləvi media müasir cəmiyyətdə ilkin informasiya istehsalçısı kimi mühüm yer tutmaqla, informasiya cəmiyyətinin formalaşmasında xüsusi rol oynayır.

Müasir mediasistemin strukturuna və əsas tərkib elementlərinə həm ənənəvi periodik və qeyri-periodik nəşrləri, elektron nəşrləri, audio-video xidmətləri və məhsulları, radio-televiziya verilişlərini hazırlayan müəssisələr, həmin xidmətləri təqdim edən infrastruktur, həm də İKT-nin, İnternetin geniş yayılması ilə əlaqədar olaraq digər elektron vasitələr, texniki sistemlər, şəbəkələr və texnologiyalar daxildir. Ona görə də hesab etmək olar ki, müasir mediasistem və ona müvafiq olan mediaiqtisadiyyat formalaşmaqda olan İnformasiya Cəmiyyətinin mühüm sektorudur.

2. Mediasistem inkişaf faktoru kimi. Müasir media cəmiyyətdəki struktur dəyişmələrinə müəyyən təsirə malikdir. Ona görə də media təhlilçiləri ictimai struktur dəyişikliklərinin və mediasistemin qarşılıqlı təsirini həmişə təhlil edir və izləyirlər. ABŞ analitiki C.Braman informasiya cəmiyyətinin formalaşmasını 4 mərhələyə bölməklə hər bir bölmənin xüsusiyyətlərini ayrıca təhlil edir və media sistemin vəzifələrini araşdırırdı.

Mediasistem inkişaf edərək müstəqil bazar iştirakçısına çevrildikcə informasiya bolluğu şəraitində zəruri informasiya mallarının və xidmətlərinin axtarılması, tapılması, yeni texnologiyaların işlənilməsinə zəruri edirdi.

İKT ilə əlaqəli yeni media məhsul və xidmətlər köhnələrlə müqayisədə müəyyən kommersiyalaşma xüsusiyyətlərinə malikdir. Eləcə də İKT-yə müxtəlif səviyyəli çıxış imkanlarının olması media məhsulların reallaşdırılmasında yeniliklər yaranmasına səbəb olur. Nəticə etibarlı ilə media sistemi yeni cəmiyyətin inkişaf faktoru kimi çıxış edir.

3. İKT və İnternet mediasistemin əsası kimi. Müasir İKT vasitələri medianın insanların ictimai-siyasi və mədəni həyatına təsirini əhəmiyyətli şəkildə artırır. İnformasiya cəmiyyətinə keçid və informasiya infrastrukturunun inkişafı ictimai-siyasi həyatın şəffaflaşmasını, sosial-iqtisadi sferada dinamik inkişafı təmin edir. İKT-nin, xüsusən, İnternetin intensiv və sürətli inkişafı və geniş tətbiqi nəticəsində media sahəsində köklü dəyişikliklər baş verir, ənənəvi fəaliyyət sahələri transformasiyaya uğrayır.

Hazırda informasiyanın yaradılması və çatdırılması sisteminin təkmilləşdirilməsi mediaya auditoriyanın dəqiq seqmentləşdirməyə və son istifadəçiyə fərdiləşdirilmiş informasiyanı təqdim etməyə imkan verir. Müasir dövrdə əsas İKT hesab olunan İnternet öz xarakterinə, daşdığı funksiyalarına görə bütün digər ənənəvi media vasitələrinin imkanlarını özündə birləşdirən unikal media vasitəsi kimi əhəmiyyətli xüsusiyyətlərə malikdir.

İnternetin vasitəsilə medianın ənənəvi analoqlarına uyğun olaraq İnternet-qəzet, İnternet-jurnal, İnternet-informasiya agentliyi, İnternet-radio, İnternet-televiziya, veb-portallar və s. kimi yeni media vasitələri formalaşmışdır. İnternet klassik “mənbə – məlumat – qəbul edən” kommunikasiya sxemini kökündən dəyişdirir. “Mənbə – məlumat – qəbul edən” zəncirində hər bir həlqə transformasiyaya uğrayır.

İnternet müxtəlif kommunikasiyaların fəaliyyət göstərdiyi bir mühitdir. O, medianın multimedia özəlliyi informasiya funksiyasının reallaşdırılması üçün yeni şərait yaradır və onun imkanlarını kifayət qədər genişləndirir.

4. Media vasitələrinin transformasiyası məsələləri. İKT-nin, o cümlədən İnternetin təsiri nəticəsində KİV-in bir neçə istiqamətdə transformasiyası baş verir. Birinci istiqamət – rəqəmsallaşmadır. Yəni informasiyanın bütün formaları – mətn, qrafik, audio, video rəqəmsal formaya keçir. KİV-in transformasiyasının ikinci istiqaməti konvergensiya, başqa sözlə, texnologiyaların media vasitələrinin və KİV bazarlarının qovuşması prosesidir.

KİV-in transformasiyasının üçüncü istiqaməti qloballaşmadır. Bu istiqamətdə baş verən transformasiya prosesinin əsas mahiyyəti KİV sahəsində ümumdünya miqyasında qarşılıqlı əlaqələrin genişlənməsi, istənilən media orqanının dünyanın hər bir nöqtəsində əlyətərli olmasıdır.

5. Mediasistemin iqtisadi aspektləri. Media iqtisadiyyatı İnformasiya cəmiyyətinin nüvəsini təşkil edən informasiya iqtisadiyyatının əsas istiqamətlərindən biri kimi çıxış edir. Sənaye iqtisadiyyatında istehsal edilən media məhsulun kəmiyyəti istehsalçı tərəfindən daha çox tənzimlənir. İnformasiya iqtisadiyyatında isə həmin məhsulun keyfiyyəti ön plana çıxır və istehsal prosesi istehlakçılar tərəfindən tənzimlənir. İnformasiya cəmiyyətində istifadəçi seçim imkanı və fərdi yanaşma tələb edir. Ona görə də İnformasiya iqtisadiyyatında ön plana istehsalın həcmi və əhatə dairəsi deyil, istehlakçıya fərdi yanaşma, informasiya məhsulunun keyfiyyəti çıxır. Müasir media da informasiya iqtisadiyyatının mühüm seqmentlərindən biri kimi, yalnız bu prinsiplərdən çıxış edərək iqtisadi uğur qazana bilər.

6. Media-iqtisadiyyat konsepsiyası. Son onilliklərdə milli iqtisadiyyatların tərkibində mediasənayesinin xüsusi çəkisi artmaqdadır. Bəzi ölkələrdə onun ÜDM-də payı 3 faizdən artıq olmaqla ümumi iqtisadi artım tempini xeyli qabaqlayır.

Mediaekonomiksin əsas məqsədlərindən biri də qazanc əldə etmək olduğundan həmin proses auditoriyanın genişlənməsini tələb edir. Ötən əsrin 70-ci illərindən başlayaraq ABŞ tədqiqatçısı D.Smeyt auditoriyanı mediasistemin əmtəəsi hesab edirdi. Hesab olunurdu ki, həmin auditoriyanı cəlb etmək hesabına “media-auditoriya-reklamçılar” triadasının işini uğurla həyata keçirmək olar. Media sistem ikili məhsul və xidmət bazarı yaradır. Bir tərəfdən o auditoriyaya öz kontentini təklif edir, digər tərəfdən də reklamçılara həmin auditoriyaya çatmaq imkanını satmaqla qazanc əldə edir.

Mediasistem nəticə etibarilə özünün iqtisadiyyatını yaradır. Bu iqtisadiyyatın məhsulu, xidməti daha çox informativ xarakter daşdığından, mediaiqtisadiyyat informasiya iqtisadiyyatının əsas tərkib hissələrindən birinə çevrilir.

7. Cəmiyyətin inkişafında informasiya amili. İnformasiya cəmiyyətində informasiya, bilik, kommunikasiya, bacarıq, səriştəlik yüksək qiymətləndirilir. Onun əsas potensialı insan və onun intellektidir. Belə cəmiyyətdə insanların yeni bilik yaratmaq və ondan səmərəli istifadə etmək qabiliyyəti xüsusi dəyər daşıyır.

Global informasiya cəmiyyətində informasiya və bilik əmtəəyə çevrilir. Onların yaradılması və yayılmasından asılı olaraq iqtisadiyyatın şəbəkə iqtisadiyyatı, İnternet iqtisadiyyatı, media iqtisadiyyatı, kontent iqtisadiyyatı, proqram məhsullarının iqtisadiyyatı və s. kimi real sektorları yaranır.

Biliyin yaranmasında informasiya aparıcı yer tutur. İnformasiya bilik iqtisadiyyatının bazası kimi çıxış edir. İnformasiya iqtisadiyyatı ilə bilik iqtisadiyyatını fərqləndirən əsas cəhət də informasiyanın xammal xarakterli olmasıdır. Hazırkı dövrdə cəmiyyətdə informasiya və biliklərin rolu sürətlə dəyişməkdədir.

8. İnformasiya Cəmiyyəti və İnformasiya iqtisadiyyatı konsepsiyası. Yeni iqtisadiyyat özünü postsənaye (industrial) iqtisadiyyatının inkişaf mərhələsi kimi göstərir. İqtisadiyyatın bu mərhələsini müxtəlif tədqiqatçılar fərqli cəhətlərdən tədqiq etməyə çalışmışlar.

Ümumiyyətcə İnformasiya və biliklər iqtisadiyyatının əsası Y.Şumpeter, F.Hayek, F.Maxlup tərəfindən ötən əsrdə qoyulmasına baxmayaraq informasiya iqtisadiyyatı nəzəriyyəsi öz inkişafının başlanğıc mərhələsindədir. Bu nəzəriyyə tam olaraq indiyədək hələ də yaradılmamış və əksər iqtisadçılar tərəfindən bəyənilə bilən bitkin bir nəzəriyyəsi formalaşmamışdır.

İnformasiya iqtisadiyyatı terminindən iki müxtəlif anlayışı ifadə etmək üçün istifadə olunur. 1) informasiya iqtisadiyyatı sivilizasiyanın inkişafının müasir mərhələsidir. Bu mərhələ yaradıcı əməyin və informasiya nemətlərinin üstün rolu ilə xarakterizə olunur. 2) informasiya iqtisadiyyatı nəzəriyyədir və onun tədqiqat obyektini ilkin mənasında informasiya iqtisadiyyatıdır.

İqtisadiyyatın daha yaxşı inkişafı informasiyadan və İKT-dan səmərəli istifadə etməklə müvafiq biliklərin əldə olunmasında və istənilən fəaliyyət sferasında biliklərin daha çox tətbiq edilməsindədir. Ona görə də biliklərdən istifadəni səmərələşdirmək üçün müvafiq strategiya işlənmişdir. Həmin strategiya bütün əhali təbəqələrinin bilik əldə etməsini asanlaşdırmaqla, onların həyatının keyfiyyət səviyyəsini artırmağa imkan yaratmalıdır. Ümumiyyətlə bilik iqtisadiyyatının formalaşmasını sürətləndirmək üçün qabaqcıl ölkələrin təcrübəsindən bəhrələnməklə və yerli xüsusiyyətləri nəzərə almaqla respublikanın özünəməxsus innovasiya modelini yaratmaq və onu reallaşdırmaq istiqamətində zəruri işlər görülməlidir.

Formalaşmaqda olan bilik iqtisadiyyatının mühüm xüsusiyyəti qeyri maddi resurs – informasiyanın, iqtisadi-siyasi resursa, cəmiyyətin və vətəndaşların maddi rifah halını müəyyən edən resursa çevrilməsidir. İnformasiya getdikcə daha çox istehlak malları xüsusiyyəti kəsb edir, iqtisadiyyatın əsas sektorları isə İKT ilə əlaqədə olur. İnternet inkişaf etdikcə digər ictimai-siyasi proseslər də interaktiv mühitə keçir. E-hökumət, E-demokratiya, E-seçki və s. vətəndaş-hakimiyyət qarşılıqlı münasibətinin yeni forması olur.

Bu gün dünyanın inkişaf etmiş ölkələrində informasiya və biliklər iqtisadiyyatı formalaşır. Ölkənin XXI əsrdəki iqtisadiyyatı da informasiya və biliklərə əsaslanan iqtisadiyyat olacaqdır. Ona görə də əsas məqsəd ondan ibarətdir ki, yaxın illərdə təhsildə, elmdə, mediada, ümumən intellektual sahələrdə ciddi dönüş yaradılmalı və informasiya və biliklər iqtisadiyyatının qurulması prosesi intensivləşdirilməlidir.

İnformasiya və biliklər iqtisadiyyatının formalaşması üçün informasiyanın və biliyin genişmiqyaslı inkişafını təmin edən, dünya bazarında rəqabət üstünlüyü verən yeni iqtisadi model yaradılması vacib şərtədir.

Bir çox nəzəriyyələr iqtisadiyyatın inkişafında, bütövlükdə iqtisadi-sosial münasibətlərin formalaşmasında İKT-in mütərəqqi hərəkətverici qüvvə olduğunu təsdiqləyirlər. Hələ ötən əsrin 80-cı illərində E.Toffler bu dəyişiklikləri sivilizasiyanın 3-cü dalğası adlandıraraq, onu yeni resurslara, yeni həyat tərzinə, yeni istehsal üsullarına əsaslanan superindustrial cəmiyyət kimi xarakterizə edirdi. Bu cəmiyyət informasiyaya və biliyə əsaslanan cəmiyyət, onun iqtisadiyyatı isə İnformasiya iqtisadiyyatı idi.

9. İnformasiya iqtisadiyyatında “kreativ insan” modeli. İnformasiya cəmiyyətində əvvəlki dövrdəki “iqtisadi insan” modelini “kreativ insan” modeli əvəz edir. Bu model bütün informasiya iqtisadiyyatı nəzəriyyəsinin təməlini yaradır və burada müasir insanın öz yaradıcı imkanlarını reallaşdırmaqdan, şəxsi keyfiyyətlərini inkişaf etdirməkdən ibarət olan başlıca məqsədi əsas kimi qəbul edilir. İnsanın kreativ təsviri informasiyaya da eyni cür baxılmasını şərtləndirir. Burada informasiyaya insanın ali fəaliyyətinin məhsulu kimi baxılır və yaradıcılıq məhsulu maddi əmtəyə qarşı qoyulur. Bu baxımdan kreativ insanın formalaşmasında medianın rolu danılmazdır.

Nəticə. Bəşəriyyətin inkişaf xüsusiyyətləri və istiqamətləri tarixən həmişə texnoloji yeniliklərlə bağlı olub. Müasir dövrün inkişaf xüsusiyyətləri də bilavasitə İKT-in imkanlarına əsaslanır. Qətiyyətlə demək olar ki, bəşəriyyətin gələcək inkişafı da İKT-nin nailiyyətləri ilə bağlı olacaqdır. BMT tərəfindən minilliyin ideologiyası elan olunan İnformasiya cəmiyyətinin əsasını da məhz İKT təşkil edir. Bu baxımdan, hesab etmək olar ki, medianın gələcək inkişaf tendensiyaları da İKT-in inkişaf sürəti və istiqamətləri ilə bilavasitə bağlı olacaqdır və onun səmərəli inkişaf etdirilməsi cəmiyyətin daha yaxşı formalaşmasına mühüm töhfə verəcəkdir.

Mr. Vladimir Socor
Jamestown Foundation, Washington

The new social media in transitional societies: ethics, politics, responsibility

Twitter, Facebook, Blogging: these are referenced as the “new social media.” Like any technological innovation, the social media in themselves are value-neutral objects. Any new technology, including these media, can be employed for socially constructive or socially destructive purposes, can be used fairly or abusively, legally or extra-legally, by reasonable or unreasonable individuals or groups in transitional societies.

The spread of social media tends to undermine the traditional media institutions, i.e. newspapers, opinion journals, and even television. Politically oriented social media are at the cutting edge of this trend. This type of media often serve as tools of personal self-expression, sometimes as vehicles for self-described “activist” groups, usually outside an institutional media framework, and often without editorial discipline.

Professional standards of journalism are observed very unevenly in the social media. Many among politically activist bloggers are amateur journalists (trained, if at all, more in politics than in journalism). By the very nature of their situation they are more interested in promoting specific agendas than in learning and practicing the profession of journalism. Most of their followers do not even expect them to adhere to that profession’s standards. Thus, surging social media have generated a trend toward de-institutionalization and de-professionalization as part of the overall media landscape.

Politically, the rise of new social media coincided with the sunset on the “color revolutions” and the onset of the “Arab Spring.” This entire series of events tied in closely with the notion of “regime change.” These upheavals illustrated the new social media’s potential for short-term political mobilization among urban youth. Mobilization through social media quickly overturned the political order. The authorities were caught unprepared in each case. But the “twittering youths” and “facebook kids,” who triggered the upheavals, were quickly pushed aside by far deeper and stronger forces from within those societies.

In 2009, Moldova became the scene of the world’s first-ever “twitter revolution.” An opposition group called for an anti-government demonstration via twitter. The government was communist in name only, was in fact working closely with the European Union, and had just won free and fair elections for the third time. The twittering youths’ appeal generated a large, young, mostly non-political crowd that plundered and set on fire the buildings of the state presidency and parliament. To this day, those buildings---the main seats of state authority---remain unusable. Video recordings of those events on youtube show horrifying scenes of vandalism and collective frenzy. Western media coverage ignored this while enthusing over the “twitter revolution,” a world premiere.

Egypt’s “facebook kids” enjoyed a longer and wider spell of Western celebrity, so that their story need not be retold here. Youth groups using social media in large cities became the first battering ram that brought down the political order in Egypt and elsewhere during the “Arab Spring.” But the vacuum was promptly filled by obscurantism, misgovernment, and violent chaos. In Egypt, the state has finally reasserted itself; and even the one-time “facebook kids” have taken shelter into state-sponsored order against the anarchy they had, perhaps unwittingly, helped to unleash.

What explains the enthusiasm in some Western circles (in the United States more than in Europe) with the use of social media for political mobilization in certain non-Western societies? First, a belief rooted in simplistic technological determinism, that the spread of social media is inherently a force for democracy. Second, a fascination in those circles with utopias of democratic revolution, to replace perceived “authoritarianism” in poorly understood foreign cultures. Third, something ap-

proaching a cult of youth and renewal, associated with new technical toys and political happenings staged by the young against the “old order.” Fourth, a populist notion mixing political activism with journalism in the new social media, which supposedly need not adhere to professional standards of the traditional media.

The new social media, whether openly political or non-political, have their legitimate right to operate in a country’s pluralist media environment. But they must adhere to the legal and regulatory framework and financial disclosure requirements valid for the social media sector, just as the traditional media adhere to those norms in their sector. And (to take just one example) independent bloggers must also respect those norms, along with professional media standards, in order to enjoy the protections of free speech in the new social media.

The mass media and their role in society

In our times, the mass media play a very important function in the daily life of citizens around the world, both by distributing information but also by building relationship between the society and the political system.

Frequently, the mass media is used to appropriate the voice of public opinion by just arguing that they represent the interest of the people. However, in reality, the media is not subject to an institutional process of elections by the citizens so they cannot be their formal representatives. On the contrary, the mass media are actually business initiatives and therefore, they respond to business interests, i.e., the purpose of profit rules the activity. Now, if the mass media belong to the State, then their function is to disseminate information about public policies and, at the same time, to act as vehicle of the information that the Government in office wants to inform. In both cases, private and public mass media, the citizens are only observers and viewers with low capacity of interaction and limited possibility to modify what the mass media offer.

In the media scenario, the citizens just behave as the Greek philosopher Platoon described in the allegory of the cave where the inhabitants of the “Republic” are only observers of the images projected in the wall. The observers don’t see the real situations, but distortions and fiction, only images that have been selected for him to be seen. The people observe the images and believe that they are real. Although in the media dynamic the people have the chance to turn off the television, they still face the same environment as the captives in the cave, with a global world connected with the mass media through a variety of communication resources.

The mass media are an industry with an extremely high level of influence in the personal, familiar and social spectrum. They play a role as political mediators, and they not only canalize public opinion, but in the other direction, they actually create and produce public opinion. They can also be instruments of cultural promotion and they can disseminate cultural activities, and let the public perceives how the world is around. In this sense, the mass media play an increasing role in the functioning of the political system and therefore the analysis of the mass media becomes critical important to understand the dynamics among mass media, society and the political system.

In 1948 the north American political scientist Harold Lasswell outlined some of the classic functions of the mass media in relation to society: vigilance, interpretation of information and transmission of culture.

a) Vigilance: This first function refers to the journalist service. Collect, process and disseminate information. This is a function of vigilance of the media about what happens in the society. Here the media acts as sentinel, as watchdog, as instrument to detect signs of danger (natural disaster, serious crimes, economic crises, risks of war, etc).

b) Interpretation: In addition to report about different types of affairs, the mass media also provide explanations and interpretations about the news, and help the viewers to understand the meaning of information. The sole news provides information and it is just descriptive. To provide interpretation is different since offers something which goes beyond the news, and that is knowledge and awareness. This function of interpretation comes to the public as editorials, columns of opinion, debates, special programs, where the mere news is transformed into expert opinion.

c) Transmission of culture: Some other basic function of the mass media is education. This is the transmission of cultural elements from generation to generation, from one social group to another, and beyond the frontiers of the country. The mass media not only report to the community; they also give information about the society itself, about its history, its evolution, its values, its achievements and its mistakes.

In addition to these functions, nowadays the mass media have a very important role in the political dynamics. The citizens must have access to plural and independent information about the dif-

ferent choices to define and formulate their political preferences in a democratic system. In this case, the mass media plays a fundamental role by opening to the public the spectrum of political alternatives and values. The mass media is also a catalyst for mobilization. It gives visibility to demonstrations, protests, marches, and hence, it allows for more effectiveness in democratic participation.

The mass media contributes with political leaders in communicating with their followers and mobilizing them. In sum, the mass media is a critical political player that expresses and articulates interests of different sectors, including social, economical, political, religious and social interests. Therefore, it is very important that as society we constantly rethink and reconsider what is the role of the mass media, what kind of interests they actually represent, and what is the impact they have in society as a whole.

A very first analysis in this direction shows that the information which is more influential for the people to judge governments, policies and candidates comes principally from the mass media, because they have the ability to favor certain issues, topics or leaders, while keeping others off the spotlight. The mass media help citizens to evaluate political processes and to activate ideologies and tendencies, and with this kind of mechanisms, the mass media can foster specific political behaviors.

However, when the monopoly of information from the mass media reaches a certain point where the manipulation of the public opinion poses serious limitations and risks to the democratic institutions and dynamics, the state has a responsibility in regulating the use of the different types of media. This is based on the notion of the freedom of expression as human rights which not only protects the right to disseminate information, but also includes the right of the people to receive accurate and comprehensive information, according to their culture, costumes, traditions and interests. In Argentina, in a process where thousands of people from different parts of the country participated, the Parliament finally passed four years ago a legislation called Ley de Servicios de Comunicación Audiovisual (Ley 26.522), which is meant de-monopolize the radio and television space and make it more accessible according to democratic principles. This legislation, which was recognized by the UN Special Rapporteur on Freedom of Expression, has been challenged by dominant media groups before the courts and cannot yet be applied as a whole. However, it is expected to be implemented sooner or later.

Another important aspect of the mass media is that they face the rapid evolution of technologies of communication. The so called “society of information” refers to the reduction of the world, the erosion of frontiers, the reconfiguration of the decision making process. The notion of “global village” from Mc Luhan is equivalent to globalization of communication. In this revolution in the world of telecommunications, the phenomenon of internet permeate all stages and dimensions of society, since it is a communication instrument of high speed in constant evolution that influences all fields of human activities.

The boom of new technologies and the massive growing of internet have brought important challenges for democratic processes. Currently, we see a widespread debate about the political implications of the new technologies over democratic systems. The optimistic perspective of this new tendency believes that access to internet can improve the quality of voters, make them more educated and participatory, allowing for civil society and citizens to have more opportunities to participate in democratic life. This perspective sees political benefits in the eruption of new technologies of communication, with the people now being more able to be involved in public decision making process.

In addition, the use of these types of technological communication has fractionated the audience, changing the “big audience” into a much more “particular audience”, and this tendency has affected the mass media, since the monopoly of information, at least in an important proportion, is no longer in their hand. Now the public of the XXI Century can choose what and who to read and watch, when and how to do it. The public can be instantly updated through different channels, and not only by consuming mass media. As Swett said in 1997, “internet not only brings news and creates communities; internet also promotes values and public opinion without the mass media, without the big guardians, without those who traditionally decided which information were important and how to present them”.

Ирина Астахова

Директор Аналитического центра MLD Media, Молдова

Линия фронта цивилизаций и СМИ в Молдове

В Республике Молдова сложилась особая, и даже парадоксальная, ситуация. Здесь практически нет национальных конфликтов, несмотря на то, что исторически в стране проживают разные национальности. Наряду с молдаванами, – украинцы, русские, гагаузы, болгары, евреи. И азербайджанцы в том числе.

Причем, что интересно: даже представители враждующих стран и народов на территории Молдовы не только находят общий язык, но и строят общий бизнес, дружат семьями и даже растят общих детей. В этом смысле атмосфера нашей страны располагает к интернациональному сотрудничеству.

И, тем не менее, молдавское общество еще в начале 90-х годов прошлого века раскололось на два лагеря, а конфликт на левом берегу Днестра перерос в вооруженный. Главная особенность этого конфликта заключается в том, что противостояние это не национальное. Думаю, что причина этого конфликта – Республика Молдова после развала СССР оказалась в прямом смысле на линии фронта двух цивилизаций: европейской и евразийской.

К сожалению, сегодня противостояние в молдавском обществе лишь усилилось. После принятия руководством страны решения о последовательном движении в сторону интеграции в Европейский Союз, оппозиция выступила в поддержку идеи евразийского партнерства.

На ноябрьском саммите Восточного партнерства, который будет проходить в Вильнюсе, предполагается парафирование трех соглашений Республики Молдова и Европейского Союза: об ассоциированном членстве, о зоне свободной и всеобъемлющей торговли, а также о безвизовом режиме.

Однако оппозиция считает, что подписание этих соглашений с Европейским Союзом приведет к уничтожению молдавского производителя, деградации общества и полному подчинению политики молдавского государства решениям ЕС.

С одной стороны, это нормально, когда в государстве, которое строится на основе демократических принципов, оппозиция выступает со своим мнением и своими предложениями. Но проблема в том, что население республики разделилось примерно поровну на сторонников правящей в стране коалиции и сторонников оппозиции. И примерно так же делятся геополитические предпочтения.

Причем, интерес молдавского населения к западному или восточному вектору развития в значительной степени прагматичен – он прямо пропорционален возможности трудоустройства молдавских гастарбайтеров, которых, согласно официальным данным, за рубежом находится более 400 миллионов человек. А по неофициальным данным – около миллиарда человек.

Чтобы понять, почему так получилось, нужно оглянуться на несколько лет назад. Республика Молдова, как и большинство постсоветских государств, оказалась после развала СССР в сложной не только экономической, но и геополитической ситуации.

Страны в таких границах, в которых существовала Молдавская Советская социалистическая республика, до 1940 года не было. Поэтому после того, как была разрушена идеологическая система Советского Союза, нужно было найти ту национальную идею, которая сплотила бы весь народ молодого государства.

Однако это невозможно было сделать при помощи идеологии “Великой Румынии”, которая преобладала тогда в умах патриотов на волне национального возрождения. Идея восста-

новления СССР также не срабатывала. А самостоятельная идея национального возрождения не была выработана.

К сожалению, в начале 90-х произошел раскол в общественном сознании граждан Молдовы, и в течение 22 лет здесь так и не найдена та “золотая середина”, которая объединила бы молдавский народ.

Во многом это связано с тем, что после развала СССР молодое государство Республика Молдова оказалась на границе геополитического разлома, на стыке сразу нескольких конкурирующих между собой цивилизаций. Не успев сформироваться, страна попала в сферу интересов более сильных держав.

Изначально речь шла о противопоставлении Востока и Запада, России и Румынии. Даже политические партии в Молдове до сих пор делятся на правые и левые не по идеологическому, а по геополитическому принципу. Правые ориентированы на Запад, левые – на Восток.

Сегодня, несмотря на четко заявленный курс РМ на европейскую интеграцию, соотношение сторонников Западного и Восточного пути Молдавского государства примерно одинаковое, поэтому и к власти попеременно приходят то “левые”, то “правые” силы.

Эксперты говорят в связи с этим о возрождении древних империй, которые пытаются увлечь в свою орбиту как можно больше государств, и как можно больше народов подчинить своему влиянию. В период глобализации это делать проще – благодаря открытым границам и новым технологиям.

Борьба за влияние происходит как в экономическом, так и идеологическом плане. И выражается она не только в перестройке экономики, законодательства, структурных преобразованиях по внешнему образцу, но также в поощрении внутренних и внешних конфликтов.

В частности, с одной стороны, в активной борьбе против коммунизма, которую поддерживают западные партнеры РМ, – вплоть до запрета символики, которая велась нынешними партиями власти при поддержке внешних партнеров. На прошлой неделе Президент РМ Николае Тимофти заявил о том, что памятные медали в честь окончания Второй мировой войны молдавские ветераны уже получают без символа “серпа и молота”, которые запрещены в РМ законом.

С другой стороны – в торговых эмбарго, которые сказываются на экономическом росте страны. В 2006 году, в ответ на отказ Молдовы подписать соглашение об урегулировании Приднестровского конфликта, Российская Федерация ввела эмбарго на импорт молдавских вин, что привело к целой цепи банкротств молдавских винодельческих предприятий, экспорт которых практически полностью был ориентирован на Россию.

Все это не может не отражаться на обществе, раскол в сознании которого в последние годы усилился. Экономический кризис, политическая нестабильность, отток молдавских граждан за границу – еще больше осложняют ситуацию и затрудняют межкультурный диалог. Способствуют этому и СМИ, которые поддерживают разные стороны конфликта.

В этих условиях особенно важен межнациональный, межкультурный диалог – на всех уровнях – начиная с государственной политики до общественной деятельности. С идеей поддержки диалога двух берегов Днестра выступили и внешние партнеры Молдовы, поддерживая проекты по мерам доверия.

Следует отметить ту большую работу, которую проводят в республике национальные общины, общества дружбы с другими странами, посольства.

В частности, я хотела бы подчеркнуть деятельность на территории РМ Конгресса азербайджанцев и заинтересованную работу Посольства Республики Азербайджан и непосредственно Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Азербайджан в Республике Молдова господина Намика Алиева, которые выступают с очевидной гуманитарной миссией и способствуют сближению наших народов. Это действительно большая работа, которая делается маленькими шагами. Как говорится, капля камень точит.

Так получается, что в своем докладе я больше говорю о ситуации в Молдове, но почти ничего не говорю о роли средств массовой информации в налаживании межкультурного и международного диалога. Конечно, огромную роль в этом процессе играют средства массовой информации. Однако в Молдове они также вовлечены в противостояние и, к сожалению, нередко способствуют его углублению.

Если в прежние времена в Молдове были средства массовой информации, которые пользовались уважением большинства населения, которые были призваны максимально объективно освещать события и процессы, происходящие в стране, то сегодня большинство СМИ работают с позиций конфликтующих сторон.

Для того, чтобы составить объективное мнение о том, что происходит в стране, необходимо прочесть несколько источников и сопоставить предлагаемую ими информацию. Однако в освещении национальных вопросов, журналисты должны стремиться к деликатности, к максимальной взвешенности информации и ответственности.

Как наладить диалог людей, которые разделены, которые встали по разные стороны баррикад и не видят точек соприкосновения? Это очень сложная проблема, на мой взгляд, так как очевидно, что ее не решить просто культурным обменом или поддержкой национальных меньшинств.

Нужна целенаправленная политика властей по укреплению государственности страны, по созданию условий для комфортного существования представителей всех культур на этой территории.

Следует еще отметить, на самом деле без понимания процессов, которые происходят на территории страны, невозможно строить диалог. Это невозможно также без того, чтобы властные элиты перестали делиться по геополитическому принципу предпочтения Западного или Восточного вектора, а решали свою главную задачу – объединения государства, смысл которого в суверенитете и независимости этой страны.

В этом смысле показателен пример Азербайджана, руководство которого отстаивает позиции своего государства и его территориальную целостность, при этом сохраняя партнерские отношения с великими державами. Это мудрая политика.

Audiovizual media sistemləri kontentinin yeni fəlsəfəsi

Əziz qonaqlar,
Xanımlar və cənablar,

İki əsr öncə audiovizual media sistemləri yaranışı ilə, dünyanın mənzərəsi dəyişdi, kütləvi kommunikasiyanın xarakteri tamamilə yeni keyfiyyət qazandı. İndi yaşadığımız dövrün başlanğıcı iki əsr əvvəl bu, indi bizə sadə gələn, texniki kəşflərdən qaynaqlandı. Zaman anlayışı insanların zamanı qavrama aşısından sürətləndi. Bunun ardınca ikinci və öz gücünə görə daha qüdrətli təkan – XXI əsrin ikonaları – internet, internetə simsiz çıxış və mobil telefon əlaqəsi özünü gözləməyə məcbur etmədi. Artıq informasiya istifadəçiləri öz informasiyaya, ünsiyyətə olan ehtiyacını tək televiziya şouları və radio bağlantıları ilə ödəmirlər. Onların daha sürətli, daha səmimi, daha rahat informasiya kanalları yaranıb. Bu şəraitdə audiovizual mediadanın öz fəaliyyət prinsiplərinə yenidən baxmaq ehtiyacı meydana çıxır. Klassik mass-media hələ bir müddət müəyyən inersiya hesabına öz pozisiyalarını saxlaya biləcək, amma tezliklə yeni media industriyası öz qaydalarını diqtə etməyə başlayacaq. Öz pozisiyalarını qorumaq üçün audiovizual media və böyük gəlir gətirən audiovizual media industriyası simasını dəyişməlidir.

Burada bir misal çəkmək istəyirəm – mənim sovet dövrü uşaqlığımda, indi burada iştirak edən qonaqların da yəqin uşaqlığında maraqlı, çox əyləncəli bir nəqliyyat var idi – tramvay... O nəqliyyat növü güclü urbanizasiya dövründə şəhərin küçələrindən yox oldu, ona ehtiyac sanki aradan qalxdı, amma bir necə il sonra onu yenidən bərpa etməyə başladılar. Ekoloji baxımdan əlverişli olduğuna görə. Eyni analogiyayı klassik audiovizual media sistemləri ilə də aparmaq olar. Klassik radio və televiziya – "ekoloji baxımdan təmizdir". Çünki professional yayımçılar heç vaxt şər, yalan, qərəz, aqressiya yaya bilməz. Bunu sadəcə peşə etikası baxımından edə bilməz, cəmiyyət və vətəndaşlar qarşısında məsuliyyəti baxımından edə bilməz. Eyni zamanda audiovizual medianın missiyalarının içərisində mənə görə ən vacibi – dünyada mövcud olan bütün nadir, təkrarsız, məhvə məhkum dəyərlərin, baxışların, toplumların, millətlərin və s qorunmasıdır. Audiovizual media idealda toplum mədəniyyətinin davamıdır, əksidir. Düzdür, təəssüf ki, çox zaman bu mədəniyyət zərərli bir surroqatla – "kütləvi mədəniyyət"lə əvəz olunur. Belə mədəniyyətin ekspansiyasının qarşısını almaq üçün audiovizual media vasitələri öz yayım prinsiplərini, yayım fəlsəfələrini yenidən işləməlidirlər. Heç kim mübahisə etmir ki, yayım həm də iqtisadiyyatda xüsusi yeri olan böyük bir industriya, özəl bir sektordur. Onun (kütləvi yayımın) mövcud olduğu məkanın, siyasi-sosial sistemin tələblərinə uyğunlaşmağı da şərtidir. Vakkumda – istər siyasi, istər humanitar – yəni toplumdan kənar yayım qeyri-mümkündür. Onu transformasiyalardan qoruyan, kütləvi yayımın üç dəyişməz prinsipidir – xəbərləmək, bilgiləndirmək, əyləndirmək. Fransız sosioloqu Jan Bodriyar özünün "Mass mediaya rekvizem" məqaləsində qeyd edib ki, "Mass medianın xarakterizə edən əsas element – əgər biz kommunikasiya prosesini dəyiş-düyüş, sorğu və cavabın, demək eyni zamanda da məsuliyyətin qarşılıqlı məkanı kimi qəbul ediriksə, – onun antiötürücü, antikommunikativ olmasıdır". Buradan belə nəticə alınır ki, çağdaş seyrçi ona ötürülən informasiyaya reaksiya verə bilmədiyi üçün mass-medianın önündə müdafiəsizdir. Ola bilər ki, məhz kommunikasiyanın bu birtərəfliliyini aradan qaldırmaq ehtiyacından da sosial media yarandı. Seyrçi kommunikasiya aktının passiv aktorundan, anında reaksiya verə bilən, kommunikasiya prosesinin gedişinə təsir edən figura çevrildi.

Amma bunlar – yeni media, sosial media dünyanı daha ədalətli etdimi, getdikcə güclənən informasiya axını dünyanın daha ədalətli və daha gerçək şəklini cıza bildimi. Bu texnoloji inqilab adı vətəndaşı yalandan, onun şəxsi həyatına müdaxilədən, ekrandan tökülən aqressiyadan xilas edə

bildimi? Audiovizual media sualı, gizli gedən qlobal prosesləri üzə çıxara bilirmi? Saniyədə milyonlarla emosiya, informasiya, fotoqrafıya, analiz yerləşdirilir internetdə. Bu münasibətlərə, cəmiyyətlərə aydınlıq, duruluq və birmənəlik verir? Və bu nəhəng ölçüdə informasiya öz sistemləşdirilməsini gözləyir. Demək audiovizual media bu həcmdə informasiyanı sistemləşdirmək üçün öz fəlsəfəsini, tərzini dəyişməlidir. Daha konkret olsaq – kontent, məzmun insan faktorunu diqqət mərkəzində saxlamalıdır. Artıq auditoriya gəlir gətirməyə yönəlmiş simasız struktur kimi qəbul olunmamalıdır. “Qlobal informasiya məkanı” anlayışı ola bilsin məntiqli səslənir, amma gerçəkdə belə məkan – özgürlüyü, unikalığı böyük dalqa kimi yuyub aparən dağıdıcı faktor da ola bilər. Unutmaq olmaz ki, hər bir sosial, ictimai prosesin nüvəsi bizim auditoriyanın kiçik bir hissəsi kimi qəbul etdiyimiz adi insandır. Bu insan müəyyən mənada audiovizual medianın da məhsuludur – öz fraqmentar, kaleydoskopik, televiziya düşüncə tərzini ilə. Artıq uzun, astatempli planlar, debatlar, seriallar seyrçini cəlb etmir. Televiziyanın özünün yaratdığı bu izləyici tipi sürətli, dinamik planlara – actiona hədəflidir. Bunu iki cür qiymətləndirmək olar – actiona yönəlmiş individ yaradıcıdır. Qısa zaman kəsimində müxtəlif ilk baxışdan əlaqəsi olmayan hissələr, mətnlər, fikirlər, vizual obrazlar arasında daxili əlaqəni tapa bilər, bundan yeni kontent yaradar. İkinci yanaşma isə, belə istifadəçi sürətli qavrama prosesində detalları, yarımtönləri, keçidləri itirir. Mən bunu audiovizual sistemlərin doğurduğu “monoxrom qavrayış” adlandırardım. Fikrimi analogiyalarla izah etmək istəyirdim – əgər bu debatdırsa sakit fikir mübadiləsi, sözlərin, ifadələrin dəqiqliyi, məntiqi seyrçiyə önəmli deyil, önəmlisi yüksək tonlarda, psixoloji gərginlikdə aparılan söz duelinə, bir növ qladiatorlar döyüşünü seyr etməkdir. Audiovizual media hər bir situasiyada öz dramaturgiyasını öz formatını təlqin etməyə çalışır. Monoxrom qavrayışın əsas mənbəyi də buradan qaynaqlanır. Mass media öz kontenti ilə intellektual, emosional kasadlığa yol açır. Torontolu alim Marşall Maklən öz məqalələrinin birində qeyd edir – “bu gün bizim hər birimiz 10 il ərzində bir neçə əsrə yaşayıb bitirir.” Audiovizual media sayəsində bu sıxılmış, qatılaşdırılmış, konsentrasiya olunmuş düşüncə, yaşam, sürət insanlara sadə həyat olaylarından, yaşamlarından zövq almağa bəzən mane olur. Fikrimcə, audiovizual media bu an prioritet olaraq indvidlərə üz tutmalıdır, onlara orientasiya olunmalıdır. Bununla da mass-media toplumların can atdığı ideal vətəndaş cəmiyyətinin media formasını, media variantını yaratmaq şansı əldə edə bilər.

Maslounun insan istəkləri iyerarxiyası adlanan məşhur nəzəriyyəsinə görə insan istəkləri beş qatda yerləşir və bu piramidanın zirvəsində ali istək olaraq insanların özlərini reallaşdırma arzusu, yaradıcılıq ehtiyacı durur. Media bu iyerarxiyanın hər bir pilləsinə aid olan xəbərləri, mövzuları, müzakirələri vurğulamaqla öz toplum mediumu statusuna bir addım da yaxınlaşmış olur.

Diqqətinizə görə təşəkkür edirəm.

Yadigar İmamverdiyev

AMEA İnformasiya Texnologiyaları İnstitutu, şöbə müdiri
Texnika elmləri üzrə fəlsəfə doktoru

KİV-lər – informasiya müharibələrindən dialoqa doğru

Tolerantlıq nədir? Tolerantlıq insanlığın bir parçasıdır. Hamımızın xəta və qüsurları vardır. Gəlin, qarşılıqlı şəkildə bir-birimizin xəta və qüsurlarını bağışlayaq. Çünki tolerantlıq yaranışın ilk qanunudur /Mari Fransua Arue Volter/.

Qloballaşma müxtəlif səviyyələrdə baş verən prosesdir – istehsalın, bazarların, maliyyənin və qlobal informasiya infrastrukturuna söykənən kommunikasiyaların qloballaşması prosesləri baş verir.

Qloballaşma KİV-lərin inkişafına da əhəmiyyətli təsir göstərir. KİV-lər həm “qloballaşmanın agentləri” kimi, həm də qloballaşmanın hərəkətverici qüvvəsi kimi çıxış edirlər – ictimai və mədəni həyatın qloballaşması yalnız inkişaf etmiş media-sistemlər şəraitində mümkün olur.

Qeyd edək ki, jurnalistika qloballaşma hadisəsi ilə hələ XX əsrin əvvəllərindən tanışdır. Hazırda KİV-lərdə informasiya qloballaşması bir tərəfdən iqtisadi qloballaşmanın kalkasıdır (kütləvi kommunikasiya vasitələrinin monopolizasiyası, media-sektorun kommersiyalaşması, KİV-lərin demassifikasiyası), digər tərəfdən – informasiya fəzasının homogenləşməsinə imkan verən, həm də eyni zamanda qlokalizasiya proseslərinə yönəlmiş olan jurnalistika fenomeninin konseptual inkişafı baş verir.

KİV-lər və informasiya müharibələri

Qloballaşma və informasiya cəmiyyəti şəraitində informasiya bəşəriyyətin qlobal resursuna çevrilir. İnformasiya resurslarının dəyəri və əhəmiyyəti artır, informasiya prosesləri intensiv inkişaf edir və eyni zamanda neqativ təsirlər də daha qabarıq meydana çıxır. Kibercinayətkarlıq, kiberterrorizm, informasiya müharibələri təhlükəsi artır.

Müasir KİV-lər cəmiyyətin idarə edilməsini yüksəltmək üçün geniş istifadə edilir. KİV-lər dövlətlərin siyasi həyatında əhəmiyyətli rol oynayırlar. Onlar dünyada və ölkədə baş verən hadisələr haqqında cəmiyyətdə rəyin formalaşdırılmasının əsas subyektı kimi çıxış edirlər. Cəmiyyətdə mövcud olan sosial normalar, meyillər, tələblər, ehtiyaclar və ictimai rəy xeyli dərəcədə KİV-lər tərəfindən formalaşdırılır.

KİV-lərin inkişafı ilə ictimai rəyin rolu kəskin artır, cəmiyyətdə siyasi proseslərə, onun informasiya-psixoloji mühitinə, ayrı-ayrı sosial qrupların psixoloji vəziyyətinə əhəmiyyətli təsir göstərə bilir. Bu imkanlar KİV-ləri informasiya müharibələrinin həyata keçirilməsi vasitəsinin effektiv vasitəsinə çevirir.

İnformasiya müharibəsi kütləvi şüura informasiya təsiri üzrə tədbirlər kompleksidir, məqsədləri insanların davranışını dəyişmək və insanlara onların maraqları sırasına daxil olmayan məqsədlərin yeridilməsidir. İnformasiya müharibəsi gedişində insan şüuru müxtəlif növ manipulyativ təsirlərə məruz qalır, fərdi, qrup və kütləvi şüur informasiya-psixoloji təsirlərin obyektinə çevrilir.

Manipulyasiyalara stereotiplərin formalaşdırılması və bu və ya digər fakta, hadisəyə müəyyən təəssürat və münasibətin yaradılması üzrə xüsusi hərəkətlər aid edilir. İctimai rəylə manipulyasiya üsulları hər şeydən əvvəl kütləvi şüuru korreksiya etməyə, layihələndirməyə imkan verən KİV-lərə söykənir. Bu zaman kritik olmayan qavrayış, təcrübəsizlik sui-istifadə edilir. İctimai rəylə manipulyasiya müasir siyasi həyatın ən ciddi problemlərindən birinə çevrilir və onun miqyaslarının genişlənməsi cəmiyyətin deqredasiyasına gətirib çıxarır.

Sivilizasiyalar arasında qarşılıqlı təsirlər

Sivilizasiyalar arasında qarşılıqlı təsirin bir neçə növü var – toqquşma, qarşıdurma, dialoq, əməkdaşlıq və tərəfdaşlıq. Sivilizasiyaların qarşılıqlı təsirində dialoqun xüsusi yeri vardır.

Dialog sivilizasiyaların toqquşmasının sosio-mədəni əsaslarını ləğv edir. Dialog digər sivilizasiyanın mahiyyətini, qlobal sivilizasiya çərçivəsində bütün lokal sivilizasiyaların maraqlarının və əsas dəyərlərinin ümumiliyini daha yaxşı başa düşməyə kömək edir.

Dialog dəyərlər sisteminin müxtəlifliyi, hər hansı sivilizasiyanın əhəmiyyətinin başa düşülməməsi zəminində meydana çıxan sivilizasiyaların qarşılıqlı təsirini aradan qaldırmağa kömək edir.

Dialog sivilizasiyalar arasında əməkdaşlığın, artmaqda olan qlobal problemlərin həllinin zəruri şərtidir. Hətta ən güclü lokal sivilizasiya da təklidə bu problemlərin öhdəsindən gəlməyə qabil deyil, onlar bütün bəşəriyyətin səylərini birləşdirməyi tələb edir.

Dialog əsasında sivilizasiyaların qarşılıqlı təsirinin yüksək forması – qlobal problemlərin həllində sivilizasiyaların tərəfdaşlığı qurulur.

Sivilizasiyaların dialoqunda KİV-lərin rolu

Sivilizasiyaların dialoqunda KİV-lərin rolu olduqca böyükdür. Bu 2-ci Bakı Forumunda bu xüsusilə qeyd edilmişdi.

Sivilizasiyalar arasında dialoqun mahiyyətini qısaca belə də ifadə etmək olar: “Dialog – tolerantlığın açarıdır”. Tolerantlıq – fərdlərin və sosial qrupların psixoloji və sosial-psixoloji xarakteristikası kimi çıxış edir, digər fərdlərlə və ya sosial qruplarla qarşılıqlı əlaqədə özünü göstərir. Şəxsiyyət səviyyəsində tolerantlıq başqasının başqa olmaq hüququnu etiraf etməkdən ibarətdir.

Müasir media-fəzada bir-biri ilə ziddiyyətdə olan üç qüvvə müşahidə edilir. Biri KİV-ə biznes kimi, digəri – təsir institutu, üçüncüsü – dialoq vasitəsi və vətəndaş cəmiyyəti institutu kimi baxır. İlk iki istiqamət hələlik aşkar üstünlük təşkil edir. KİV-lərin cəmiyyətin tolerantlaşdırılmasında fəal iştirakı hələlik arzuolunan səviyyədə deyil: bu iş dərhal gəlir gətirən iş deyil, ola bilsin ki gələcəkdə mədəni, humanitar ruhlu cəmiyyət şəklində dividendlər gətirə biləcək sosial aksiyalara qüvvə və vasitələrin sərf edilməsi hələlik cəlbədicə görünür.

KİV-lərin cəmiyyətdə tolerantlığın inkişafında rolunu gücləndirmək üçün jurnalistlərin şüurunda və peşəkar jurnalist strukturlarının fəaliyyətində çox şeyi dəyişmək lazımdır. KİV-lərin aqressivliyinin azaldılması təkcə jurnalistlər tərəfindən bu problemin əhəmiyyətinin başa düşülməsini deyil, həm də sosial proseslərin bütün iştirakçıları arasında kütləvi dialoqun təşkil edilməsini təmin edən peşəkar fəaliyyətin yeni alətlərinin mənimsənilməsini tələb edir. KİV-də ekstremist çıxışların qarşısını almaq üçün zəruridir:

- jurnalistlərin peşə etikası kodeksinə riayət etmək;
- jurnalistlərin fəaliyyətinə tolerantlıq və vətəndaş məsuliyyəti ideyalarını və ruhunu daxil etmək;
- qanunvericilik bazasını gücləndirmək və qanunlara əməl edilməsinə nail olmaq.

Daha bir vacib məsələ istifadəçilərin media savadını yüksəltmək və onlara zəruri media təhsili verməkdir – istifadəçilər mediamətnləri qavramaq, yaratmaq, müasir dünyada medianın fəaliyyətinin sosio-mədəni və siyasi kontekstini başa düşmək, medianın istifadə etdiyi kod və təsvir sistemlərini anlamaq bacarıqlarına malik olmalıdır. Belə istifadəçilər müəyyən informasiya-psixoloji immunitetə malik olacaq, cəmiyyətdə və dünyada vətəndaş məsuliyyətinin daşıyıcıları rolunu oynayacaqlar.

Nəticə

İstənilən canlı obyekt kimi, bəşəriyyətin də əsas funksiyası özünün həyat təhlükəsizliyini təmin etməkdir. Qloballaşma mərhələsində bəşəriyyətin qarşısında duran qlobal təhlükəsizlik təhdidlərinin sayı və miqyasları artır. Bu təhdidlər qarşısında sağ qalmaq üçün bəşəriyyətə öz səylərini birləşdirmək lazımdır. Lakin buna qarşılıqlı çəkişmələr, ziddiyyətlər, münaqişələr mane olur. Onların aradan qaldırılması isə yalnız sivilizasiyalar arasında dialoq şəraitində mümkündür.

Bu problemin həllində KİV-lər xüsusi missiya daşıyır. Jurnalistlərin qarşısında bir qlobal məsələ – dinindən, həyat tərzindən və mədəni mühitindən asılı olmadan dünyanın istənilən nöqtəsində Şəbəkənin istifadəçilərini yaxınlaşdıran təmas nöqtələrini peşəkarcasına axtarır tapmaq məsələsi durur.

Сергей Брага

Главный редактор газеты “Урядовий Кур’єр”, Украина

Социальные сети, как инструмент для открытого диалога с властью

Немного истории.

Много лет традиционная журналистика существовала без социальных сетей и единственным способом заявить о своей проблеме на страницах любого издания – было обычное письмо. Письмом, которое могло потеряться, могло попасть в мусорную корзину или могло быть прочитано тем, кто не смог усмотреть в письме крика о помощи.

А материалы набирались на печатных машинках. Но потом в нашей жизни появились компьютеры, интернет и электронная почта. И на смену утренним бумажным газетам пришли газеты электронные. На сегодняшний день вид делового человека, читающего планшет за чашкой кофе ни у кого не вызывает удивления.

У очень многих людей утро начинается с просмотра свежих новостей на информационных сайтах, в том числе и на фейсбуке.

Как это работает в нашей газете?

Страница нашей газеты “Правительственный курьер” в социальной сети фейсбук существует уже 3 года. После анализа специфики и аудиторий каждой социальной сети, мы остановили свой выбор именно на фейсбуке и твиттере, так как именно там находится наша целевая аудитория. Все – таки “Правительственный курьер” очень специфическая газета, соответственно и аудитория у нас специфическая. На данный момент у нас уже почти 3000 подписчиков.

Мы публикуем на своих страницах в социальных сетях новости и самые интересные статьи из каждого номера.

Почти каждый день к нам приходят письма от наших читателей. Конечно, часто в письмах просьба помочь в какой-нибудь конкретной проблеме, но, так же, нам рассказывают разные жизненные ситуации, а это отличные инфоповоды. Администратор страницы следит за этими письмами и направляет эти письма по отделам нашей редакции. Очень часто из таких писем получаются интересные публикации. И, конечно же – мы помогаем людям, насколько это в наших силах.

К тому же, почти у всех журналистов нашей газеты, есть свои аккаунты в разных социальных сетях, блогах. Поэтому они всегда в курсе событий. Кроме того, очень часто именно там, в социальных сетях можно найти интересную тему для статьи.

Пример 1.

Недавно нам написал парень из Мариуполя. Обычный парень, работает на заводе. Его отца – пенсионера разбил инсульт. А у отца пенсия перечисляется на банковскую карту, у которой вышел срок действия. В банке отказывались принять документы у сына, как у ближайшего родственника. Искать решения проблемы менеджеры не захотели. Парень от отчаяния написал нам. Мы просто опубликовали его письмо с указанием банка и города. И вопрос решился в кратчайшие сроки. К больному пенсионеру приедут на дом.

Не редкость такие случаи, когда приходится вмешиваться даже не для того, чтобы решить проблему, а просто заставить чиновников, менеджеров, ответственных лиц выполнять свою работу.

Пример 2.

Ни для кого не секрет, насколько сейчас сложно обстоит ситуация с взятками во многих учреждениях – школы, детские сады, поликлиники.

Все, кого зацепила эта проблема бояться открыто, рассказывать о суммах, называть адреса и имена. По разным причинам. Во времена Советского Союза, мы собирались на кухнях за чашкой чая или чего покрепче и обсуждали такие проблемы. Сейчас некоторой имитацией этой кухни стал фейсбук. Люди пишут посты о своих злключениях, комментарии, очень живо обсуждают такие темы и делятся опытом. И это тоже – источники информации и готовые герои публикаций.

Отличие традиционной журналистики от социальных сетей (на примере – “Правительственного курьера”)

На бумажных страницах нашей газеты есть определенные ограничения на темы и публикации. В газете выверено каждое написанное слово, каждый заголовок, каждая фотография. А интернет – пространство расширяет эти границы. Потому что там нет рамок и стандартов. Есть только открытый диалог с читателями. И на прямой вопрос можно получить прямой ответ, минуя всю бюрократическую машину.

И написать электронное письмо намного быстрее, чем отправить его по почте.

Как это работает в правительстве Украины?

Страница в фейсбуке премьер-министра Украины Николая Яновича Азарова. Страница существует с мая 2011 года и на сегодняшний день опубликованных писем от пользователей интернета там порядка 30 тысяч. И все эти письма прочитаны, на все эти письма получены ответы. Каждую пятницу на своей странице премьер-министр проводит открытый онлайн – диалог с читателями, в котором каждый житель нашей страны может написать сообщение, крик о помощи, благодарность или просто заявить о проблемах в регионах и получить квалифицированный ответ.

Без внимания не остается ни одно письмо, ни один комментарий.

На данный момент уже у каждого министерства есть свои страницы в фейсбуке. Публичных обсуждений там не ведется, но, тем не менее – там публикуются новости, поправки, разъяснение тех или иных законов. Так же, можно написать личное письмо, которое напрямую попадет в пресс-службу ведомства.

Пример 3.

Один из случаев, который произошел прошлой зимой. Премьер-министру написала молодая мама из Черновицкой области, которая попросила помочь достать дрова, для того, чтобы обогреть старый дом, в котором она проживала с маленьким больным ребенком, в том время, как ее муж уехал на заработки. Семья не рискнула обращаться к местным властям, так как была уверена, что им не помогут. После письма Николаю Яновичу нашлись и дрова для дома, и врач для ребенка. А местные власти для того, чтобы оправдать свое бездействие, пытались очернить эту семью, мол, социально – неблагополучные. Но информация не подтвердилась.

Пример 4.

Вот еще один пример. Местная власть отчитывается, что закрыты долги по зарплатам, по выплатам декретных, пенсий. А люди пишут в фейсбуке премьер – министра, что до сих пор задержки, деньги не перечислены, а застряли где-то по дороге. А это же проблема не одного человека, а тысячи, иногда целых районных или областных центров. Таким образом, премьер-министр старается не только помочь тем, у кого возникли серьезные проблемы, а еще и контролирует власть в регионах, губернаторов, голов областных администраций. В первую очередь, конечно же, обращают внимания на проблемы, которые касаются детей, малообеспеченных семей, и выполнением социальных программ.

Пример 5.

Недавно в нашей газете вышла публикация о девочке-художнице Дарье Безкосте со страшным диагнозом – церебральный паралич. Она почти парализована. У девочки Дарьи Безкосты прошла выставка в Киеве. Инициатором этой выставки выступил именно наш пре-

мьер-министр Николай Янович Азаров. Потому что считает, что именно такими примерами можно помочь тем, кто совсем пал духом и сломался под тяжестью трудностей.

Почему это работает?

Политики, члены правительства – такие же люди, как все. Они так же читают новости, просматривают ленты в социальных сетях, читают обсуждения и размышления на ту или иную тему. Достаточно кому-то написать пост в социальной сети, отметив, конкретного виновника какой-либо проблемы и этот пост будет замечен. Операторы мобильной связи, торговые сети, владельцы заправок, банкиры – все следят за тем, чтобы кроме хорошей и красивой рекламы, благодарных клиентов, качества работы и обслуживания, у них были еще и позитивные отзывы в интернете.

Практически в каждом офисе уже сидит специалист, который отслеживает комментарии в интернете, общается на форумах, ведет странички в социальных сетях.

Ложка дегтя.

Конечно, не все так гладко. И не всегда нам пишут спокойные уравновешенные письма с просьбами и благодарностями. “Правительственный курьер” – специфическая газета. Но когда ругают – это тоже повод для того, чтобы обратить внимание на что-то, задуматься, разобратся.

Как говорят в фейсбуке, всем без разбора, нравятся только котики.

Вместо эпилога.

Иногда, для того, чтобы решить проблему, добиться того, чтобы тебя услышали и помогли, достаточно подключить интернет хотя бы в телефоне и обучиться несложным навыкам написания электронного письма.

И с другой стороны – социальные сети в нынешнее время – это отличный способ быть всегда в курсе событий и самых свежих новостей.

Цель фейсбука.

В преддверии выхода Facebook в свет основатель и руководитель крупнейшей в мире социальной сети Марк Цукерберг обратился к потенциальным инвесторам с длинным письмом. В тексте сообщения глава Facebook утверждает, что сервисы в социальной сети создаются не для того, чтобы заработать денег “Facebook изначально создавался не как компания. Ресурс был построен для выполнения социальной миссии, цель которой – сделать мир более открытым и связать его части между собой” – говорится в общении к инвесторам. В письме, которое уже широко распространилось по интернету, он также подчеркнул, что социальная сеть занимается укреплением отношений между людьми, а также отношений между гражданами, социальными институтами и властью. “Мы считаем, что, создавая инструменты для открытого и честного диалога между людьми и властью, мы способствуем расширению прав и возможностей граждан, большему осознанию ответственности должностных лиц”, – пишет Цукерберг.

И основываясь на собственном опыте, я вам скажу, он действительно добился этого.

Ms. Sigrid Kõiv

Editor, Postimees newspaper, Estonia

Social network as a news factory

My presentation is about my own experience. I've been working as a newspaper editor almost for 10 years.

At first some basic data. Estonian population is 1.3 million people. 900 000 are Estonians; rest is mainly Russian speaking minority. But media consumption in those big main groups is very different – generally for Russians in Estonia main resource of information is TV, for Estonians – if it's not in newspaper, it's not important.

75 percent of Estonian population uses internet daily. Half of population in age 13 to 65 use Facebook. Estonian Twitter-users send 40 000 tweets every day. So, in Estonia, any journalist who does not follow – in addition to everything else – FB, Twitter and blogs written by members of parliament, isn't really a journalist.

Obviously most common example about strong link between traditional media and social networks is the Arab Spring: events started by posting a video clip in internet were seen in media everywhere within few days.

I guess that on smaller scale every journalist can find similar examples from their own country.

First example

Ten years ago any typical Estonian parent found themselves in odd situation: although tobacco is widely known as no-no for minors, the waterpipes or hookah's became extremely popular in teenager's gatherings. Youngsters didn't compare waterpipes with cigarettes: for them it was something totally different, harmless and fun way to consume tobacco.

Parents were confused: can water really make tobacco harmless and non addictive? Because exactly so it was described in youngsters social networks (really, I saw those announcements myself). No parent with teenagers wants to look old-fashioned.

The topic appeared in traditional media accidentally, when a journalist noticed in a social network, which specializes on family issues, a very active discussion under heading "Birthday present for 13years old". This birthday kid wanted the waterpipe as present.

And when journalist after investigating this topic wrote a big story about health damages caused by waterpipe, picture got clearer in social networks as well: waterpipe is a tobacco product and health risk and is prohibited for minors by the law.

Second example

It was year 2007. November. Global economic crisis had just began and nobody knew how ugly it will get. Estonian government started with budget cuts. Also it was discussed, can the devaluation of Estonian currency of that time be of any help. Mostly the answer was "no", because this would make the situation more difficult for common people.

But an announcement was distributed over night in a social network popular among the Russian youth in Estonia. According to this announcement Estonian government was planning to devaluate Estonian currency during next few days.

For the next morning currency exchange points were overloaded with people trying to buy euros. Although the announcement turned out to be completely false and the government and central bank refuted this kind of plans immediately, the buying spree of euros continued for couple of days.

Later the journalists joked that even if the prime minister really had this plan, the events in social media made its implementing impossible.

Third example

Year 2011. Day of the parliamentary elections. Polling stations were closed at 8 pm, so half past nine every broadcast station and all the newspapers in Estonia waited first election results to come.

In this very critical moment the website of the National Electoral Committee collapsed due to a technical failure. TVs live commentators had no results to discuss. Newspapers had nothing to write about. It was one very nervous hour.

FB saved the evening: election committee started to post fresh results on their page there. Everyone was happy except the company who provided the homepage service for Electoral Committee. The contract with them was cancelled soon.

Traditional media and social networks are by now closely intertwined. It is the place to find news, resources and arguments. And I believe it has never been so easy for journalist to check some-ones background whether it is a person or organization: when it has no FB account, no proper homepage or blog, when no-one else quotes the resource in question, if there is no sign about it in internet other then the formal page, its worthless as resource. Of course, there are exceptions. And you can judge by Edward Snowden's case – one exception can change the world.

Because social networks are not institutionalized like traditional media, people may be more open there. This is the biggest advantage of a social network – fast exchange of ideas and lot of possibilities to find alternative point of views. Off course journalist must stay critical (skeptical).

Traditional media is for social networks just one way to find content. Important part in functioning of any social network is debate with public opinion that – as people so often think – is represented by traditional media. And also other way around: discussions in social network can show for the journalist the weak points and arguments in their story and also mark the possibilities for later development. Any good journalist knows how to use this information.

But there is also a very important difference between traditional media and the social networks. Social network has no editors in traditional sense. (There may be some moderators.)

In traditional media an editor is responsible for the reliability and accuracy of the information. In a social network, personal emotions and desire to be quick are often more important than accuracy. In worse case scenario information spreading in such network can cause a panic. And once again, possibility of panic can be convenient excuse for authorities to harass social network activists.

Also, one important extra task for a newspaper, TV or radio editor is to educate their readers, viewers and listeners. In a social network, it is easy for any user to create a personal bubble of information and stay within this bubble. Problems can appear if any views outside your personal information bubble become unacceptable. The result could be extremism. Or information bubble is simply created by someone else, for example by the authorities and there is no way out of there.

For the traditional media there is always someone who has to pay the bill. Subscribers, advertisers or the taxpayers. The content must be good enough to pay for. But as we can see today on the media market – giving payment for being informed is not self-evident anymore. You may get stuff that is free, but it's quality is volatile at best.

And last but not least. In traditional media the Code of Ethics is in force. Ethic standards in social network depend mostly of their users and do not always work. Cyber bullying is the new ugly problem.

The symbiosis of traditional and social media is already there. Social networks degenerates without traditional media contributing content, but by ignoring social networks traditional media just dies out.

Господин Кирилл Шевченко

Д.и.н., Заведующий Центром евразийских исследований
Филиала РГСУ в Минске, Беларусь

Медийный аспект “холодной войны”: штрихи к портрету советской аудитории западных радиостанций

Западное радиовещание на СССР, являясь активным участником “холодной войны”, в известной степени повлияло на итоги этого противостояния. Официально декларируемой целью западного радиовещания на СССР в годы “холодной войны” было противостоять информационно-монополии советских властей путем предоставления советской аудитории альтернативной информации. Правовой основой данной деятельности было положение статьи № 19 “Всеобщей декларации прав человека”, провозглашавшее “право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ”.

Не имея возможности проводить исследования в СССР для определения размера аудитории западных радиостанций в годы “холодной войны”, западные социологи разработали оригинальную альтернативную методологию определения численности аудитории, получившую название “проект по опросу путешественников” и ориентированную на опрос тех граждан СССР, которые выезжали в страны Запада. Всего в течение 1970–1990-х гг. было проведено более 50.000 интервью с гражданами СССР. Собранный эмпирический материал позволил получить представление о размере аудитории западных радиостанций в СССР. Точность этой методики подтвердилась позднее, когда западные социологи получили возможность проводить опросы в России с начала 1990-х гг. [1, р. 79–80].

Западные радиостанции пользовались значительной популярностью среди советских слушателей, имея постоянную аудиторию в размере примерно 25% взрослого населения СССР [1, р. 90]. Во время ранней фазы горбачевской перестройки еженедельная аудитория западных радиостанций снизилась с 25% до 19%, что, судя по всему, было следствием большей открытости советских СМИ и использования ими более живых форм подачи информации. С ноября 1988 г., когда руководство СССР прекратило глушение “Радио Свобода”, эта радиостанция стала самой популярной западной радиостанцией в СССР, опередив “Голос Америки”, который ранее держал пальму первенства в численности аудитории. Важной причиной большей популярности “Радио Свобода” был формат его передач, отдававших предпочтение освещению внутренних проблем СССР, что было более востребовано аудиторией, в то время как программы “Голоса Америки” как “протокольной” радиостанции должны были информировать и разъяснять слушателям официальную политику США.

Социально-демографические характеристики слушателей западных радиостанций свидетельствуют о том, что это была весьма качественная аудитория. Слушаемость западных радиостанций была традиционно выше среди городского населения и людей с высшим образованием по сравнению с населением в целом. Программы западных радиостанций пользовались популярностью среди всех образованных слоев советского общества, включая членов КПСС, заинтересованных в получении альтернативной информации, недоступной в советских СМИ. Среди слушателей западных радиостанций были носители разных политических убеждений. По мнению западных медиа-экспертов, около половины всей аудитории западных радиостанций в СССР приходилось на “либералов”, т.е. тех, кто придерживался либерально-демократических ценностей и активно выступал за проведение реформ в ходе горбачевской перестройки.

Причины, по которым слушатели обращались к программам западных вещателей, были весьма многочисленными. Около 80% слушателей предпочитали западные радиостанции в силу своей заинтересованности в получении альтернативной информации из источников, неподконтрольных советским властям. Примерно 70% обращались к западным радиостанциям в поисках информации, отсутствующей в советских СМИ. Важной мотивацией обращения к западным радиопрограммам было стремление слушателей проверить правильность информации, предоставляемой советскими СМИ. Молодежная часть советской аудитории была заинтересована в западной музыке и культурных программах. Специализация западных радиостанций была различной; спецификой “Радио Свобода”, например, было большое количество программ, посвященных проблемам прав человека, литературе и культуре.

Степень доверия советских слушателей к западным радиостанциям варьировалась в зависимости от специфики того или иного радио. Среди станций, заслуживающих наибольшего доверия, первое место среди советских слушателей традиционно занимала ВВС [1, р. 37]. “Голос Америки” и “Радио Свобода” воспринимались советской аудиторией как более тенденциозные, что объяснялось большей политической ангажированностью “Свободы” и обязанностью “Голоса Америки” представлять официальную точку зрения Вашингтона, разъясняя далеко не всегда светлые стороны американской внешней и внутренней политики.

Роль западных радиостанций в медийном пространстве СССР была существенной. Во время поздней перестройки в 1988 г. более 40% городского населения СССР считало западные радиостанции главным источником информации о текущих событиях в своей стране. Западные медиа-эксперты подчеркивают, что слушание западных радиостанций имело высокую степень корреляции с устной коммуникацией, поскольку воздействие информации, полученной из западных радиопередач, усиливалось путем ее передачи из уст в уста в процессе личного общения. Западные радиостанции активно и небезуспешно влияли на формирование мнений советских слушателей по поводу различных событий путем транслирования специально подготовленных информационных продуктов, недоступных в советских СМИ и априори воспринимавшихся многими слушателями, разочарованными в отечественных СМИ, в качестве более надежных и достоверных. Данные исследований свидетельствуют о том, что мнения слушателей западных радиостанций существенно отличались от официальной трактовки событий, содержащихся в советских СМИ. Западные радиостанции сыграли большую роль не только в воздействии на формирование общественного мнения в СССР, но и в воздействии на советские СМИ, которые под их влиянием были вынуждены прибегать к реформам и модернизироваться.

Литература

1. Parta, R.E. *Discovering the Hidden Listener: An Assessment of Radio Liberty and Western Broadcasters to the USSR during the Cold War*. Hoover Press, Stanford University, 2007.

Ms. Amanda Paul

Policy Analyst, European Policy Centre (EPC), Brussels

Social media and its role in policy-making

Social media has become a crucial method for communication development and a key driver in the way individuals and organizations around the world create a collaborative environment.

In a democracy everybody's voice should matter and be heard; decision-making and policy-making should be an “inclusive” process, which engages with society as a whole, not just a part of it; it should not be an elite-driven exercise. The evolution of social media – whether it be Twitter, Facebook, YouTube or blogging – has given society a role – particularly youth, who have led the way – in the decision-making process which is increasingly making them stakeholders.

In short it redistributes power from hierarchies to citizens, from large institutions and the nation-state to individuals and networks of individuals as it has allowed them to react, to post opinions and take part in a debate with their political elites with whom they previously had little access to. Thereby we have the birth of e-politics or even one could say “arm-chair” politics. New sorts of networks are being created by non-state actors and individuals to solve the challenges of today. This is another example, in an increasingly globalized and interdependent world, of other actors taking a key role in international relations and global governance. These social networks inform, mobilize, entertain, create communities, increase transparency and seek to hold governments accountable.

While the social media revolution is usually viewed as something which has happened in the last few years, in fact its roots are much deeper. In January 2001, during the impeachment trial of Philippine President Joseph Estrada, a text-messaging frenzy brought millions of Filipinos (principally youth) to the streets. This ultimately led to the fall of Estrada. The event went down in history marking the first time that social media had helped force out a national leader. More than a decade on, social media has snowballed. According to today's youth if you are now on Twitter you are not connected and are living in the dark ages.

An Important Element of Public Diplomacy

Over the last few years social networks have proved more effective than traditional media outlets in influencing public opinion with these platforms becoming a core method of communicating with and engaging with citizens. While traditional media still has a role to play, social media platforms, especially Facebook, Twitter and YouTube, have essentially “pulled the rug from beneath traditional media as the print press and traditional television are simply too slow. Social networking sites have the ability to deal with news and events promptly and in the spur of the moment which has an immediate impact on public opinion which in turn influences how governments may direct their policies on certain issues.

The use of social media sites is not limited to individuals, but has also expanded to be used by officials, politicians as well as private and public institutions in many countries.

While some leaders like to describe social media as “the worst menace to society,” it has become an increasingly important part of public diplomacy and policy making. Many leaderships around the globe, including our host today – Azerbaijan, are now tapped in. President Aliyev tweets as does many of his Ministers and other officials. In fact it is no secret that many politicians have now become very social media savvy. In the EU, the Swedish and Polish Foreign Ministers, Carl Bildt and Radek Sikorski, have used social media to boost their profiles, while US President Barack Obama became famous for using social media very successfully during both his elections campaigns to formulate messages to specific constituencies, which set him apart from his rivals. Indeed, according to recent studies, public relations experts have become more involved in social media

campaigns because they have emerged as the most effective means of communicating and reaching a wider segment of the target audience with an inexpensive budget.

The Russian Federation has also added social media to their soft power toolbox. In June 2012, Russian President Vladimir Putin put digital diplomacy among the most effective foreign policy tools, urging diplomats to more intensively use new technologies across multiple platforms, including in the social media, to explain the positions of the state.

Political debate is now taking place over tweeters with politicians from around the world frequently taking part in a “twitter exchange” on issues high on the international agenda.

The Opening of Societies

However, social media is clearly also something of a double-edged sword for politicians as it offers ordinary folks new ways to interact, and influence policy-making. If you want to change things, you have to get involved. If you want to have your voice heard, you need to get inside. The evolution of social media is giving those who previously had no voice a voice.

The most well-known stories of using social media to influence politics are from the Arab Spring. From Morocco to Bahrain, the Arab world has witnessed the rise of an independent vibrant social media and steadily increasing citizen engagement on the Internet and its potential for unifying a young population.

Barely ten years ago Saudi Arabia was a mystery. It was a silent entity, whose population had little contact with the outside world, beyond satellite television. Yet, that has now all changed with the explosion in social media networks has had a big impact in Saudi Arabia, which has the highest take-up of Twitter in the world. This has allowed Saudis to express themselves in a public forum on social or political issues in an unprecedented way.

Saudi society, which is the largest and most active online community in the Arab world, has directly contributed to the influence of social networks in rallying people behind causes. Today Saudi Arabia has some of the world’s highest usage rates for digital media with more than 13 million users. Over 90 million videos are viewed per day on YouTube, and over 3 million people are on Twitter. Social media has also been used to try and further women’s rights including most recently related to pushing for women to be able to drive.

There is a Negative Side Too

Clearly, there is also a negative side as social media cannot be controlled, and it can spread misinformation, create diplomatic earthquakes, financial panic, etc. One example of this was hackers taking over the Associated Press Twitter account and falsely claiming an explosion had taken place at the White House and that Obama was injured. While the tweet was up for only a few minutes, it was retweeted more than 3,000 times before Twitter was able to close the account. However, whether we love it or hate it social media is here to stay with the overall impact being positive.

Ms. Sabina Izzatli

Lecturer at New media and Communication Technologies Department,
Baku Slavic University

Convergence media paradigm: definition starts from mindset

Technological convergence has become a major issue: for example, from wired to wireless, from telephone to television. Almost every media theorist talks about convergence, however still some experts think that it is ill-defined. Of course, transformation of virtually all media from analog to digital technology could be seen as a starting point for media convergence. But that does not mean that everything is done by getting use these new devices such as smart phones, tablets, etc. Further experience in media industry shows us how some media companies failed in their convergence process. We should think about a mindset. The way journalists approach to content production is changing. As Marshall McLuhan (1964) says we look at the present through a rear-view mirror, and we do today's job with yesterday's tools-with yesterday's concepts. That is the issue I am going to remind you through my presentation.

Moreover, there are multiple ways to converge within mass media. It is a new way to think about news, producing and delivering it by using appropriate new media tools such as social networks, multimedia software programs, etc. to reach diverse audience.

Convergence has been defined in several ways. My definition for convergence is supported by Henry Jenkins convergence culture notion. His book titled "Convergence Culture: Where Old and New Media Collide" articulates convergence process from cultural point of view. His basic argument is that convergence is emancipating. Henry Jenkins believes that convergence refers to a process, not an endpoint (Jenkins, 2006). Jenkins articulates his argument by organizing his book around three topics: convergence, participatory culture, and Levy's collective intelligence. He summarized this book by clarifying how education, media reform, and democracy might be affected by convergence.

August E. Grant, Jeffrey S. Wilkinson, in their book entitled "Understanding Media Convergence: The state of the field" give simple explanation how media company can converge in a right way. Such as developing newsroom roles: newsflow editor, storybuilder, news resourcer, multi-skilled journalist. Actually, my argument here is there is no right way to be converged: moreover, it is very much depend on cultural issues as well.

The book "Remediation: Understanding New media" by Jay David Bolter, Richard Grusin is another good source for this topic. Here authors use remediation instead of convergence. Because, convergence captures wide areas from technology to individuals. However, I think in this case we can use remediation as a synonym of media convergence. Bolter and Grusin (2000) have proposed remediation as a way thinking about the relationship between media forms, not transition from 'old media' to 'new media'. Moreover, 12 years past from when they first coined this notion. Now media is sometimes converging through transformation.

The nature of convergence varies from country to country, and culture to culture both within countries and companies. Overall it is doing journalism and telling stories in the most appropriate medium. The issue is about dissatisfaction on convergence mostly based on lack of training or education. It is time for the training and education gap to be bridged.

Wilkins et al. (2008) argues that the simplest form of convergence is taking the content from traditional outlet and repeating it on the web site (Grant, Wilkinson, 2009). Of course, it is less time consuming and least costly. Is that convergence? Not for sure, online is not just a second home for your print edition. Let me reiterate that convergence is all about multimedia based storytelling. It demands specific content to each platform. And it is not the only dimension of convergence media.

Otherwise one can think that if news organizations have a web site that means they are engaging with convergence journalism.

I do not believe that economic convergence undermines journalistic values. People want information they can rely on, not Twitter rumors and one-sided accounts of what is happening. But how we deliver that information will constantly change. So, it is like technical merging, however: convergence also impacts to storytelling process; the way to create content is being changed.

The medium is no longer the message, no matter what the 1960s guru Marshall McLuhan might have thought. People do not want to read today about what they already saw yesterday, therefore, newspapers should add perspective. Brand (1987) mentions that the founder of MIT's Media Lab, Nicholas Negroponte, argued in the late 1970s that three industries that were separate at the same time-computers, broadcast/film, and printing/publishing-would overlap and merge by the start of the 21st century (Grant, Wilkinson, 2009).

In 1990, when Roger Fidler spoke about a portable electronic newspaper when he was a new media director for Knight-Ridder newspapers, that idea was considered crazy. He told groups of very skeptical journalists that, rather than buying a newspaper, subscribers would be able to plug their tablets into cable or phone lines, download newspaper content, and read it on portable electronic devices. Now what do we see? The Guardian's customized print innovation-in late 2006, it launched Guardian 24 (G24). A free "print and read" service for news content, updated every 15 minutes. Users log onto Guardian Unlimited and download an 8–12 pages PDF file featuring the latest news. They can select from any of five news stream: general news, international, economics, sports and media stories. Today The Guardian might be one of the successful examples of converged media. It has Comment Is Free blog where regular columnist from the Guardian and Observer newspapers come together, The Guardian's web-first policy allows online readers to major news before it appears in the paper. Coyle (2010) gives another example might be the Associated Press which uses content about 6000 bloggers, who are writing for free (Himmelboim, McCreery, 2012). On the other hand, there are plenty of new platforms like Zite, Flipboard, Paper.li where one can create his or her own newspaper in a minute, and share it in social networks. We are now talking about new trends like open source media where draft versions of news stories can be pre-published online and rewritten with the input of site users.

The online journalist has to make decisions as to which media format or formats best convey a certain story (multimediality), consider options for the public to respond, interact or even customize certain stories (interactivity), and think about ways to connect the story to other stories, archives, resources and so forth through hyperlinks (hypertextuality) (Deuze, 2003). This interactivity for sure undermine the 'we write, you read' dogma of modern media communication process.

Xanım Sevinc Əliyeva

Bakı Dövlət Universitetinin jurnalistika fakültəsinin
elmi işlər üzrə dekan müavini, dosent

Sosial şəbəkələrin jurnalist təhsilində rolu

Sosial şəbəkələr – sosial qarşılıqlı əlaqələr, sosial obyektlər (adamlar və ya təşkilatlar) və kommunikasiyalar arasında sosial struktur düyünlərindən ibarət olan qrupdur.

Sosial şəbəkələr əsl XXI əsr hadisəsi – internet fenomenidir.

İnternet cəmiyyəti (birlik) sosial şəbəkələrin yaxşı nümunəsidir. Bu növ sosial şəbəkə XX əsrin 90-cı illərində İnternetin inkişaf etdiyi və genişləndiyi bir dövrdə daha da çox inkişaf etdi. Belə xidmətin müştərisinə öz haqqında fotosəkillərini, özünün və arzu olunan partnyorun anket sorğusunu doldurmaq təklif edilir, sonra xidmətə əlaqə üçün ad və parol seçilir. Həmçinin xüsusi internet tanışlıq xidmətləri də var: lal-karlar üçün, insan immunçatışmazlığı virusu daşıyıcıları və s. Bu növ İnternet xidmətinin istifadəçilərinə oxşar partnyoru tapmaq üçün vacib imkanı verilmişdir.

Bu gün yəqin ki, elə adam yoxdur ki, internetdən istifadə etməsin. Gənclərimizin çoxu sosial şəbəkələrdən istifadə edirlər. Əsas sosial şəbəkələrə baxdıqda facebook, odnoklassniki, vkontakte, twitter və s. mövcuddur.

Sosial şəbəkədən istifadə etməyin xeyirli cəhətləri vardır. Xüsusən jurnalist təhsilində. Belə ki, jurnalistika fakültəsinin tələbələri bloklar, saytlar yaradır. İnformasiyalarla paylaşırlar. Bu da faktı ki, əyani təhsil alan tələbələrin işləməsi problemdir. Lakin sosial şəbəkələrin köməyi ilə yüzlərlə tələbə özünə iş tapır. Həm təcrübə keçir, həm də gələcəkdə özünün karyerasını təmin edir. Sosial şəbəkələrin köməyi ilə jurnalist tələbələr həm vaxta qənaət edir, həm də az da olsa öz maddi imkanlarını ödəməyə çalışırlar. Digər tərəfdən jurnalist tələbələr digər ixtisaslara nisbətə sosial şəbəkələrə daha çox meyillidirlər. Bu da yəqin ki, jurnalistlərin daima zamanla ayaqlaşmaq arzusunda olmalarından irəli gəlir. Başqalarından fərqli olaraq deyərdim ki, məhz jurnalist tələbələr müəssisə mətnlərini, keçirilən dərslərin keyfiyyətini operativ olaraq facebook-da və ya digər şəbəkələrdə tez-tez paylaşırlar. Bunun da bir üstün cəhəti var ki, təhsildə və onun keyfiyyətində, təqdimatında tez-tez yeniləşmələr baş verir.

Bu gün dünya jurnalistikasında ən çox müzakirə olunan mövzulardan biri bəşəriyyətin bu yaxınlarda qədəm qoyduğu yeni minilliyin çağırışlarına bütün cəmiyyətlərin hazır olub-olmaması məsələsidir. İndi jurnalistikayı düşündürən əsas sual odur ki, XXI əsrdə müasir medianı nə gözləyir? Jurnalistika arealında meydana çıxan yeni trendlər, eləcə də ənənəvi medianın müasir çağırışlara cavab verməsi nəhəng media qurumları ilə yanaşı, müxtəlif beynəlxalq forumların da gündəliyinin əsas mövzularından birinə çevrilib. Xəbər istehsalının və çatdırılmasının tamamilə yeni bir növü olan sosial jurnalistikada yüksək texnologiyaların tətbiqi, sosial medianın ənənəvi medianı get-gedə üstələməsi dünya informasiya nəhənglərini ən çox narahat edən mövzulardandır. Səbəb odur ki, texnoloji inkişaf nəticəsində yeni yaranan sosial jurnalistika sürətlə inkişaf etməkdədir. İnsanlar innovasiya texnologiyalarının yeniliklərindən çox ağılla, dərrakə ilə istifadə edərək artıq özləri bir-birilərinə müxtəlif janrlı – həm görüntülü, həm səsli, həm də infoqrafik xəbərlər göndərir, özləri bir-biriləri ilə xəbərləşirlər. Etiraf edək ki, ənənəvi media bu operativlikdən xeyli geri qalır. Daha operativ olması, xəbər istehsalına hər kəsin qatılması, informasiyanın daha rahat və sürətlə yenilənə bilməsi, bir sözlə, hər kəsin jurnalist ola bilməsi imkanı sosial medianın ənənəvi mediadan üstünlüyünü artırır. Əvvəllər peşəkar KİV-lər üçün mətnlərin, fotosəkillərin, videosüjetlərin hazırlanmasında jurnalistikadan uzaq olan qeyri-peşəkarlar heç vaxt bu dərəcədə iştirak etmirdilər.

Belələrini hətta həvəskar və ya ştatdankənar müxbirlər də adlandırmaq düzgün deyil. Onlar adi oxucular, tamaşaçılar, dinləyicilərdir. Lakin, necə deyirlər, lazımi vaxtda lazımi yerdə olmuş, bəzən özlərindən asılı olmadan bu və ya digər hadisənin şahidinə çevrilmiş bu adamlar həmin məlumatı

müəyyən üsulla əks etdirərək sosial şəbəkələrdə yerləşdirirlər. Xəbər agentlikləri müəyyən fakt barədə yenidən xəbər tutduğu halda, hadisənin şahidi artıq onu “YouTube” və ya “Facebook” vasitəsilə yayır. Beləliklə, bu cür müəlliflər peşəkar reportyorlardan daha operativ olurlar. Müasir informasiya texnologiyaları informasiya münasibətləri, KİV sahəsində çoxlu sayda problemlərin aradan qaldırılmasına imkan verir, informasiyanın həm istehsalçıları, həm də istehlakçıları üçün əlverişli şərait yaradır. Belə ki, əvvəllər hər hansı bir mətbu orqanın, onun səhifələrində dərc edilən məqalələrin reytingini müəyyənləşdirmək çox çətin idi. Ənənəvi üsullarla aparılan rəy sorğularının da keyfiyyəti, obyektivlik dərəcəsi yüksək deyildi. Amma müasir veb-texnologiyalar elektron mətbuat orqanlarının, onlarda dərc olunan ayrı-ayrı məqalələrin reytingini, onların oxucu kontingentinin sosial tərkibini daha dəqiq və obyektiv şəkildə müəyyənləşdirməyə imkan verir. Bu da mətbuat vasitələrinin öz fəaliyyətlərini düzgün qura bilmələri üçün olduqca əhəmiyyətlidir. Belə bir sistemin tətbiqi KİV-in keyfiyyətinin idarə olunmasına imkan verir.

Amma gəlin reallığa baxaq ki, bu sosial şəbəkələrdən insanlar boş vaxtlarını keçirmək üçün istifadə edirlər. Belə ki, bir gənc bütün günü evdə boş oturur və bu zaman interneti açaraq sosial şəbəkələrdən birinə daxil olur və insanlarla danışmağa və belə dəyək tanış olmağa çalışır. Gənclərdən soruşanda isə belə cavab verirlər ki, yeni dostlar tapmaq üçün sosial şəbəkədən istifadə edirəm. Digər bir məsələ isə gənclərimiz sosial şəbəkədən istifadə etməklə qarşıdakı insana yalan danışır. Bu istər oğlan olsun, istərsə də qız olsun heç bir fərqi yoxdur. Belə ki, qız və oğlan sosial şəbəkədə danışır və qarşıdakı insana güvənmədiyinə görə başlayır ya adını, ya yaşını yalan deməyə və beləliklə yalan həyat dövrünü başlamış olur.

Internetin və sosial şəbəkələrin mövcud olması insanlarda kitab oxumağa marağı azalıb. Belə ki, bir gənc məktəbdən və ya universitetdən evə gələn kimi kompyuteri açır və gecə saat 12 kimi sosial şəbəkədə olur. Əgər bura sərf etdiyi vaxtı bir kitab oxusa təbii ki, həyatda çox şey öyrənmiş olar. Ən azından yazı və nitq mədəniyyətinə yiyələnmiş olur.

Bu gün hər yerdə Facebook, YouTube, LinkedIn, bloqlar və ya digər yeni media (New Media) daşıyıcılarından danışanda insanlar bunu sevinclə, gələcəyə inamla qarşılayırlar. Bir növ adlarını çəkdiyim vasitələr bizim həyatımızı daha asanlaşdırır. Həqiqətdə bu belədir, doğrudandırsa yeni medialar bizi “ağ günə” çıxaracaq?!

Alimlərin yeni tədqiqat nəticələrinə əsasən, “Facebook” və “Twitter” kimi sosial şəbəkələr insanların qeyri-adekvat və narahat hisslər keçirməsinə səbəb olur. Tədqiqatda iştirak edənlərin 50 faizi bildirib ki, onların həyatı bu xidmətlərdən istifadə etməyə başladıqdan sonra dəyişib. Bu halda demək olar ki, hamı dəyişikliklərin yaxşı tərəfə olmadığını qeyd edib.

“Infox.ru” saytına istinadən demək olar ki, respondentlərin 75 faizi qeyd edib ki, sosial şəbəkələr onların istirahətinə mane olur və gecələr yatmaq müşkül məsələyə çevrilib. 25 faiz isə qeyd edib ki, onlayn-mübahisələrdən sonra onların şəxsi həyatında və işində tez-tez problemlər yaranır.

Keçirilmiş tədqiqat nəticəsində həmçinin məlum olub ki, istifadəçilərin 53 faizinin davranışı mənfiyə doğru dəyişib.

Bu halda, “Ümumdünya hörümçək toru”nun asılılıq yaratdığı aydınlaşıb: respondentlərin 55 faizi sosial şəbəkələrə çıxış imkanının itməsi halında özlərini narahat və diskomfort hiss etdikləri haqqında bildirişlər. Respondentlərin 60 faizi isə istirahətdən ötrü qurğularını bilərəkdən söndürməli olurlar.

Tədqiqat Britaniyanın 12 universitetinin tədqiqat bazalarında aparılıb.

Yeni medialar incəsənəti məhv edir. Müasir dövrdə eşidilmək gündən-günə çətinləşir. Rəsamlar, bəstəkarlar öz əsərlərinin marketoloqları kimi işləyirlər. Bu gün gözəl fotoqraf olmaq azdır, bu gün səhifəni ən 20000 nəfər “like” etməsi vacibdir ki, səni cəmiyyət qəbul etsin. Bugün gözəl əsər yazmaq azdır, bu gün bloqunda RSS sistemində oxuyanlarının sayı vacibdir. Siz düşünürsünüz ki, Van Qonq, Rembrant və ya elə bizim Nizami Gəncəvi müasir dövrdə işləyə bilirdi?! Axı onların heç biri öz sənətinin marketoloqu ola bilməz...

Yeni medialar bizi qəfəsə salır. Oxuduğum jurnalların birində facebook-a girən adamların 85% çoxunun məqsədi informasiya mübadiləsi olduğu sübut edilirdi. Biz yeni medialardan gündəlik həyatımızda qərarlar vermək üçün informasiya mənbəyi kimi baxırıq, nəticədə bizə yalnız konkret filtirdən keçmiş informasiyalar gəlir. Əgər Siz informasiyaları öz şəxsi facebook səhifəsindən alırsınızsa, bu yalnız Sizin yaratdığınız “dünya” haqda məlumat olacaq. Bu istənilən senzurdan daha təsirli və təhlükəlidir, insanlar kiçik qruplara bölünür və cəmiyyətdən təcrid olunurlar. Təsadüfi deyil, ki Sizin facebook səhifənizdə yazdığınız fikirlə çoxları razılaşıır, unutmayın Sizin səhifənizi həmfikirlər oxuyur. Ənənəvi mediadan isə insanlar cəmiyyətdə gedən proseslər barədə dəqiq informasiya alırlar. Bu məlumatları biz seçmirik, lakin bu məlumatlar yaşadığımız gündəm barədə bizə məlumat verir. Məsələn, Siz şahmatı sevməyə bilərsiniz, lakin Siz bilməlisiniz ki bugün şahmat üzrə dünya çempionu kimdir və s.

Yeni medialar “düşüncəsiz kütlə” məntiqi yaradır. Bu gün facebook-a qoyduğumuz növbəti “like” və hansısa bir informasiya ilə bölüşərək biz özümüzdə bilmədən kütləyə qoşuluruq. Təsadüfi deyil ki, bu gün bir çox siyasi inqilabların kökü məhz sosial medialardan başlayır. Burada sahə yaymaq, kompetent dərəcəsi aşağı informasiyalarla bölüşmək asandır, burada əsl kütlə məntiqi işləyir və s.

Yeni medialar haqqında 10-la belə neqativ faktlar gətirmək olar. Maraqlı məqam burasındadır ki, texnologiyanın vətəni hesab edilən ABŞ-a artıq bu yazılanları qəbul edən çoxsaylı insanlar formalaşmış. Facebook səhifəsini pozan, i-phone, i-pad istifadə etməyən gənclərin sayı gündən-günə çoxalır.

Don't Let the Media Fool Us': Analyzing Trends to Address the Confusion

Introduction

Twenty years before, that is in 1993, hardly few people knew or cared about knowing things which we contemporarily consider something as part of the very basic information like who is the President of United States, United Kingdom, France, Russia and China (the big 5 states), or when the elections are going to be held in any country, why Iran is important to the United States, why America and Russia are fighting in Afghanistan, what Angelina Jolie is busy doing these days, when the birthday of any celebrity is and how he/she celebrated it this year, who's the top tennis player these days and which national or international day is being commemorated today etc.

But with the standardization of the Internet Protocol Suite (TCP/IP) and introduction of the concept of a world-wide network of fully interconnected TCP/IP networks called the Internet (the new type of media) in 1982 and with its continual boom and increased usage (as is shown in the table below); today many of us either know or are forced to know, or we perceive that we do know what we didn't know before.

Worldwide Internet users			
Year	2005	2010	2013
World population	6.5 billion	6.9 billion	7.1 billion
Not using the Internet	84%	70%	61%
Using the Internet	16%	30%	39%
Users in the developing world	8%	21%	31%
Users in the developed world	51%	67%	77%
Source: International Telecommunications Union ¹			

Though the use of media for dissemination of information is not new but evolution of new technologies has changed the basic shape, function, presentation, and modes of distribution of information. However, whether it will lead towards a situation better or worse is the issue being debated now a days.

Surprisingly, on one hand where there is excessive usage and the kind of dependency and addiction to the use of different media tools like Internet, Mobile Phones, Television etc. at the same time we also notice the excessive usage of the phrase 'Don't Let the Media Fool Us' by the users of these networks.

Why do people hesitate to trust the information they are getting? In order to get the meanings of the phrase "Don't let the media fool us", this article will be looking and discussing what the media is. What are the present trends of circulation of information? Is the innovation of user-friendly tech-

¹ "Key ICT indicators for developed and developing countries and the world (totals and penetration rates)", International Telecommunications Unions (ITU), Geneva, 27 February 2013.

nology, its easy accessibility, or the lack of a code of ethics (i.e. code describing to the users the limitations and legal use of technology) responsible for creating this mistrust? Which factors are contributing to the development of perception that the media is fooling us? How can we address the confusion in acknowledging the information we get? What are the problems faced by the current media? Aren't the media organizations aware of this perception? Then what steps are being taken by them to prevent this misperception from spreading across and taking hold in the minds of many? How can we prevent media from misguiding us?

What is Media?

To explore what is media, we need to know what the word media means and of how many types is it composed of?

(The media) [Treated as singular or plural] is defined as the main means of mass communication (television, radio, and newspapers) regarded collectively. The word media comes from the Latin plural of medium. In practice, in the sense 'television, radio, and the press collectively', it behaves as a collective noun. The word is also increasingly used in the plural form *Medias*, as if it had a conventional singular form media, especially when referring to different forms of new media. (*Online Oxford Dictionary*)

Media, like data, is the plural form of a word borrowed directly from Latin. The singular, *medium*, early developed the meaning "an intervening agency, means, or instrument" and was first applied to newspapers two centuries ago. (*Thesaurus Dictionary*)

Media is of 7 types, mentioned hereafter in order of their evolution:

1) Print i.e. books, pamphlets, newspapers, magazines, etc. since late 15th century; **2)** Recordings i.e. gramophone records, magnetic tapes, cassettes, cartridges, CDs, DVDs since late 19th century; **3)** Cinema since about 1900; **4)** Radio since about 1910; **5)** Television since about 1950; **6)** Internet since about 1990; and **7)** Mobile phones since about 2000.

Each of these mass media has its own peculiar type of content, its own professionals and technicians, and its own functions.

Origins of the Phrase 'Don't let the media fool us'

An exact trace of the origin of the phrase 'Don't let the media fool us' isn't available. Who invented it, when and as a reaction to which information is also missing? Yet exploring the level of trust-deficit among the consumers of mass media, on media information through different times in the history can give us a general understanding of how and when this mistrust has evolved?

Documentation from the mid-20th century shows that news media was one of the most trusted institutions at that time. Prominent journalists were amongst society's most respected figures. Even many movies characterized journalists as champions of democracy and promoters of truth. Two factors played vital part in building trust and credibility of journalistic information: firstly, due to lack of party polarization, there was less political criticism of the institutional press and secondly, lesser economic competition among journalists helped them focus more on their profession.

Gradually, fragmentation of the news industry emerged. Once, the media was composed of only a few state-run television networks and newspapers that were the only source of information for the public. However in the last 40 years, modes and sources of information have undergone intensive diversification resulting in the emergence of satellite news channels, entertainment-oriented channels, online news portals and opinion sites etc. etc., consequently offering to the public a greater variety of discourses as compared to that provided by the previously monotonous and limited modes of information.

People have started trusting and relying on internet after its advent as it allows people to seek information in search of convincing arguments from blogs and multiple social networks. Thus, Reliance on internet based news has dramatically lessened public dependence on journalistic information.

On one hand, journalists today are trying to cope with less conventional news sources and many entertainment options while on the other side, journalists (because of the presence of black sheep's in their profession) are also under a continual societal criticism for being projected as working for certain organization with their peculiar agenda.

In sum, fragmentation of sources of information has led to decline in media trust which nevertheless authors argue is 'the information that may originate from the same old media, but it is wrapped in designer packaging that matches personal tastes and ideologies.'²

Problems Faced By Media in the 21st Century

a) Decline of professional Journalism to Yellow Journalism

The decline of professional journalism started in 1890's with the emergence of newspaper wars between William Randolph Hearst and Joseph Pulitzer II.

During the golden eras of professional journalism, a reporter used to file a story which was then treated for its language by an editor and then published keeping it as original as it could be by introducing minimal alterations.

Gradually, the selling sense pushed the mercantilists step ahead and prominent headlines got characterized as one that screamed excitement, often about comparatively unimportant news"; a lavish use of pictures, many of them without significance"; faked interviews and stories; a Sunday supplement and color comics; and a "more or less ostentatious sympathy with the 'underdog,' with campaigns against abuses suffered by the common people."³

Outcault, R. F. and Archie Gunn, poster for the New York Journal, American Humorist. October 1896. R. F. Outcault's The Yellow Kid: A Centennial Celebration of the Kid Who Started the Comics. Northampton, Mass.: Kitchen Sink Press, 1995. Plate 106.

Contemporarily, the trend of running exact news headlines has almost vanished. With addition of so many metaphors and sometimes weird combinations of words just to create catchy headlines even the context of the original story gets incomprehensible.

b) Issues of Credibility

With a few mediums of information in the past, the flow of information was checked and confirmed via checking the source of information. Today with multiple media tools and information

² Why Do People Trust The Internet More? <http://www.forbes.com/2009/06/17/media-newspapers-radio-television-opinions-columnists-john-zogby-internet.html> (Accessed on 17 Sep, 2013)

³ Campbell, W. Joseph. Yellow Journalism: Puncturing the Myths, Defining the Legacies. Westport, Conn.: Praeger, 2001. 7.

pouring in from millions of sources every second, it is getting difficult to verify information that is being received, and until the time it gets confirmed, the information spreads across its target audience, makes their opinion and gets the mission accomplished by creating the wanted impact. So that when the real or counter story reaches the same audience, some criticize the initial source, some see the second source as agenda-driven trying to hide the reality and some criticize both the sources and end up succumbing to a third viewpoint.

Because of increase in such practices of publishing statements and counter statements, a state of confusion is created and the mass public ultimately begins to mistrust and question the credibility of information.

c) Media has turned into a Business Industry

In yesteryears, there were countable media outlets and people trusted only few of the widely circulated newspapers. In that scenario, thinking of opening up a new newspaper outlet and countering the existing position of a popular newspaper was risky, costly, and almost a zero-sum game.

But today all the factors including widely accessible cost-free internet, faster and cheaper printing, reduced paper prices, favorable postage rates, and bonuses from ad revenue, have encouraged a wider and larger distribution and fragmentation of newspapers, magazines, and journals.⁴ That's why contemporarily anyone who has money first thinks of becoming a part of the Media Industry.

d) In today's Globalized World, Everyone Tries To Be a Journalist

Even 20 years before, life of a reporter was full of challenges. To report a story, he had to go in to the field, get pictures, record SOTs, rush back to the office, and give it to the concerned desk for further processing.

But now with technology in hand, it's possible for every person to take pictures on the spot, write what's going on and, via internet connections, post it on Facebook or twitter in a span of seconds.

Yet what we forget while reading the stories posted by common man is the fact that 'every Journalist can be a common man, but every common man cannot be a journalist'. Journalism is a full time profession; it's not an activity to be done in pass time or something to get fun from for few hours, weeks, months or years.

e) Structural Factors

Structural factors are also working against the existence of a dominant institutional news media. It's not a hidden fact now that politicians/influential business persons/influential organizations, who desire public support, feel threatened by independent sources of information. They tend to use whatever means are available to prevent the media from becoming a trusted independent news source.

History is filled with such examples, where various methods have been employed for this task, including official suppression of independent media, holding back of advertisements by commercial giants, founding and promoting certain controlled news outlets, and publicly attacking the credibility of outlets outside their area of influence through funding and propaganda. Still energies are being wasted in this malicious practice.

f) Verification of Cyber Data Not Possible

Main problem with internet i.e. the modern and most used media tool is that no one guarantees the safety, security and authenticity of cyber data. Even the most sophisticated websites have been hacked many times. Similarly, on social media accounts, one cannot be sure about the post from some person/organization etc. i.e. whether it's actually been shared by the original source or someone else is handling a fake account to stir propaganda. This has led to heightened confusion and mistrust among the people.

In order to illustrate this with simple example, the picture below (that is being widely circulated on social media and internet now a days) shows the compilation and comparison of pictures of

⁴ Norris, James D. Advertising and the Transformation of American Society, 1865-1920. New York: Greenwood Press, 1990. 31.

Osama bin Laden from his video messages sent in the year 2001, 2004 and 2006 and the caption speaks out the confusion going on in the minds of the masses.

To further instigate your thinking process here, it seems imperative to mention that even every individual cannot figure out the difference that has been put together by someone in the picture above.

Many tend to believe in information being provided to them instead of doing some research themselves. Take again the example of the picture shown above, how many do think of confirming or in actual do confirm that whether this compilation is correct or not, before criticizing it as reality?

Due to this passive attitude of believing in every information; many get trapped into messages, fake pictures, junk emails, junk job offerings etc.; that consequently costs them in form of either financial loss or, outright betrayal.

g) Addition of unnecessary stuff just to run 24 hours transmission

In any country, media mostly covers the stories that hold national significance and at next priority are kept the incidents that though occur in neighboring states but somehow affect internal matters of the state.

Even the focus areas to be covered per hour are defined and time to be given to particular issues is distributed beforehand i.e. politicians and any political story stirring public emotions get 55 % coverage, national stories get 20%, celebrities get 10%, sports 5–8%, international stories 5–8% and miscellaneous issues like health, education hardly get 5–8% coverage.

Due to limitedly defined circles; usually same packages, same stories are repeated all the day and even then if the channels feel themselves running short of the stories or the material provided, they try to make mountain out of a molehill thus adding too much of unnecessary stuff just to fill the stomach of channel's transmission and keep it running for 24 hours.

h) Race toward rating rather than towards Quality

About 15,000 channels are being broadcast around the world today; with some states having approximately 20–30 privately owned channels and almost all of them get and cover same stories but trickily they just add different taste and flavor to make the information look newer and different.

Moreover, in a rush to break the story first so as to make an upward move on rating graph, preference of editing news content has been replaced by pushing it to go on air with the addition of graphics and the attention-catching music in background.

In the due course of winning this race, bunch of untrained reporters, social media regulators and media wires monitoring cells are poured in at low salaries in media organizations, rather than hiring few professional journalists and paying them good. This has harmed media industry, quality of content produced and most importantly the level of trust that people had in media.

i) Sheer Absence of a Code of Ethics for Newer Media Tools

Media organizations, in any country, are opened only after having undergone a proper registration process for which they sign, and are bound to comply with a certain set of rules, terms of agreement and a code of ethics, disobeying which can lead to the cancellation of their legal license, and hence may even result in legal proceedings against them. Thus, before publishing any statement, they scrupulously premeditate and methodically verify the piece of information they are about to convey through their outlets. In other words, fear of litigation against any of their fabricated and misleading publications or broadcasts makes them keep the credibility of their information intact.

Although the aforesaid is more or less applicable to traditional mass media, the same cannot be asserted in case of the newly-evolved media tools, that is, mobile phones, internet etc. for which no properly-chalked-out mandatory code of ethics exists as yet.

The vacuum thus created is undoubtedly one of the major factors responsible for recurrent transgression by media outlets of the thin, nonetheless differentiable, line between the freedom of media and the state of anomie it is prone to enter into.

Why Does Media Still Hold it's worth?

No matter how much we tend or even ought to criticize media for some of its negative trends the fact remains that it has become an essential component of our lives. Despite being aware that media, at times, befools us we have not given up watching Television; using laptops and mobile phones; reading newspapers, books and articles; and utilizing Facebook and twitter for social campaigns etc.

Having said that, this issue needs to be looked at from another dimension as well that is, whenever something new or different is introduced in the society; both its negatives and positives are progressively unraveled. The society itself gets adapted to the newer state of things only gradually. Nevertheless, the pace and course of the process through which people understand, and learn to cope with the challenges the newer things confront them with, depends to a greater extent on the general behavioral trends prevalent in a particular society rather than on the pace and mode of proliferation of newer trends. Therefore, the society itself has to shoulder its due share of the blames that are otherwise hurled solely, and quite unjustifiably so, on media organizations.

Media still holds its worth for the reason that it, along with the society is thriving in and is going through a transitional phase. People who criticize it seem oblivious of the fact that nothing exists in a vacuum, and they themselves are an indispensable part of what they denounce as an irresponsible media.

Isn't the Media Aware of the Problems? If Yes, Then What Prevents Them from Fixing the Loopholes?

The problems that have been identified so far are neither unknown nor insurmountable for those associated with the media industry, and yet they remain unattended and hence unresolved. This might, one day, become the Achilles heel of the media organizations, and therefore any allusion to

this fact often makes them defensive. Whether or not their defensive standpoint is justifiable needs a careful scrutiny of a few questions: Why the media shows what it does? Who sets the preferences for its transmission? What is the basic concern of the production team while working on a particular project?

Answers to all these questions lie, either directly or indirectly, in one word: ‘audience’. Media is bound to transmit what its target audience wants to receive. Before holding the media alone responsible for developing an unprofessional attitude, we too need to undergo honest introspection.

Curiosity is an inherent characteristic of human nature, and media has exactly picked up this weakness of its audience so much that the content to be transmitted is designed to cater to, and even exploit, this very part of human nature.

Market demands guide media policy which consequently is less objective, and is more prone to be partisan and impartial in its character. Even when journalists desire to produce informative, non-partisan, unsensational news, which can enhance the profession’s respectability and trustworthiness, the market for this style of news is limited. It is difficult to find a large audience willing to regularly consume this type of news when numerous other options are available. In this way, market pressures lead to more sensational and partisan forms of news. Both these factors reduce trust in the institutional media, the former directly and the latter indirectly by transmitting partisan media criticism.

Negative Consequences of the Mistrust

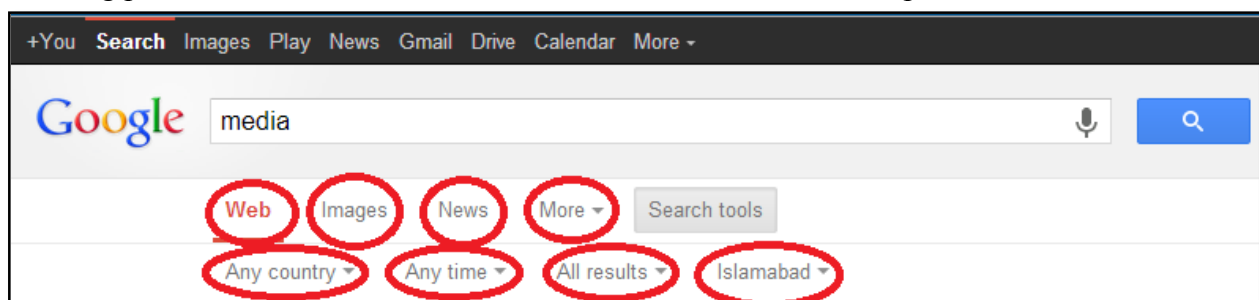
Although there are many factors that make people mistrust the information they receive through different media but all this distrust is leading to substantial information loss among the public. Media-skeptics both resist the information they receive from institutional news outlets and increasingly, though at times unknowingly, seek partisan news sources that validate their preexisting views. As a result, these individuals are less responsive to state-sponsored policy outcomes, relying more on their political predispositions to form their beliefs and set their preferences.

How Can We Prevent Media From Misguiding Us?

a) Research Based & Technical Solutions

For researchers, there exist technical solutions through which they can verify the data they are provided with by using different software tools and techniques. A few are mentioned hereafter:

On a simpler level, one can use Google search engine, as illustrated by the red-marked circles in the following picture, to minimize the search results so as to collect more specific data.

At a next level, specificity and authenticity of the accessed information can be ensured by re-searching via three perspectives: medium credibility, message/content credibility and source credibility.

At a higher level, one can utilize specialized software programs like plagiarism check, which probes the copied material along with its original sources, and that too within seconds.

At an expert level, one can use computer-aided data processing tools, like NVivo, that are particularly developed for analysis of media content. Such software tools also help keep the material collected from many different sources all at one place so that it, afterwards, might be scrutinized in

greater detail in order to explore the points of agreement and contention located within the available material itself.

b) Some Suggestions

- Credibility of the available information should be established with as much eagerness as is there in the very process of getting access to, and then disseminating, that information..
- Hasty judgments are more than often faulty ones too; therefore, an apparent scenario needs to be looked at from all possible angles.
- Impartiality should become the norm of the day, that is, an open-minded reception of the information should precede any sort of reaction evoked by that information.
- Common sense and reasonable attitude should prevail so as to differentiate the genuine from the fabricated, and vice versa.

Conclusion

In order to address the confusion created by the phrase: “Don’t let the media befool us”, this article has tried to analyze all aspects of the process of dissemination of information through multiple media sources. In addition, reasons for the prevalent and oft-regretted mistrust in the information coming from various mass media have been discussed along with a detailed overview of the problems that are being faced by the media itself.

Towards the end of the article, the inescapable fact that we are still, more or less, dependent on the information being provided by different media is revisited by also looking into the positive aspects of the otherwise widely-criticized media, and by pinpointing the real force, that is public demand, which guides rather determines different aspects of the policy of all different media conglomerates.

I have written this article from two different standpoints: not only as a journalist who has full realization of the responsibility on his shoulders but also as a common man who is the ultimate target of all sorts of mass media.

Summarizing my observations objectively from both the angles, I’ll say that media is nothing else but a tool, and the evil never lies in the tool itself but in the hands of its user. If media is defined merely as “a source of information” then our parents, peers, neighbors and teachers etc. also are, by definition, media for us. All that what media primarily makes us do is reception and categorization of information and that is an activity in which human beings indulge right from the inception of their lives. The only difference is that in case of general matters of life, human beings learn to improve the ways whereby continually processing and hence interpreting the information they receive.

This gradual refinement in the very process of processing the received information seems to be non-existent in the domain of reception of information being disseminated by different media. Instead of getting afraid of media content as something complex and out of your bounds, you can protect yourself from ill-intended information providers of the media industry; in a similar way as you protect yourself from evil-doers of the society.

Last but not the least; few advices to end with:

- Beware of unintentionally becoming the part of the group of evil-doers.
- Media is creating awareness in you, you have to educate yourself.

Господин Александр Запесоцкий
Ректор Санкт-Петербургского Гуманитарного
университета профсоюзов (СПбГУП),
профессор, академик РАО, Россия

Медиа и культура в условиях глобализации

1. “Информационное общество” как новое варварство

Развитые культуры европейского типа, – США, Евросоюза и России, – переживают в настоящее время трагедию катастрофического надлома, конкретные черты которого фиксируются массой разноплановых исследований. Новые поколения, вступившие в детство и юность в последние десятилетия, в среднем существенно отличаются от своих отцов и дедов. Различия фундаментальны: они произрастают из систем ценностей, санкционирующих цели деятельности, коренятся в смыслах базисных мировоззренческих универсалий, понимании добра и зла, видении картины мира. Нового человека формирует общественная практика новой эпохи, новая культура, которую по отношению к предшествующей можно характеризовать как культуру деградации и упадка. Решающим фактором трансформации культуры стали информационные потоки, разрушившие процесс культурной преемственности поколений и конструирующие иную, весьма самобытную культурную систему. Её, к сожалению, трудно считать магистральным путём развития мировой цивилизации.

Научная мысль XX века поставила на фундамент относительности ценность научно-технического прогресса, идею победы человека над природой. Стали очевидными опасности истощения природных ресурсов, многообразных загрязнений природной среды, уничтожения природы как таковой.

В наше время становятся очевидными и пагубные тенденции очередного витка этого прогресса, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, формированием “информационного общества”. Казалось бы, рыночная экономика в сочетании с политической демократией, свободой слова и доступа к информации открывают совершенно восхитительные возможности для развития человека и культуры, обнаруживают потрясающие воображение перспективы новых взлётов гуманизма и духовности. На практике же происходит противоположное.

В глобальной политике уничтожается с огромным трудом созданная система международного права, на смену ей снова приходит право силы. Новая дикость, неоварварство творятся якобы в защиту истинных ценностей, пострадавших человечеством в ходе тысячелетий его исторического развития. На самом же деле эти ценности бессовестно попираются. Стимулирование извне этно-конфессиональных противоречий в Югославии стало там толчком для геноцида, а прямое военное вмешательство НАТО с бомбардировками мирного населения привело к распаду этой страны. Безосновательная оккупация Ирака сопровождалась уничтожением сокровищ мировой цивилизации, уникальных культурных ценностей человечества и погрузила страну в межконфессиональную войну, приносящую каждый день гибель десяткам и сотням мирных граждан. “Арабская весна” в Ливии и Сирии сопровождается десятками тысяч жертв среди мирных жителей. Захват глав независимых государств и передача их в руки враждебных племен для зверских расправ, похищения граждан других стран по всему миру, пытки в Гуантанамо, присвоение чужих средств на счетах своих банков – эти и им подобные действия совершаются под контролем законных правительств и парламентов, органов юстиции стран Запада, но главное – вызывает массовое одобрение граждан этих стран.

Ещё 40–50 лет назад подобное было невозможно. Реакцией на эволюцию Запада в духе “общества потребления” в конце 60X годов стала тогда “молодёжная революция”, а события войны во Вьетнаме отправили в политическое небытие целый слой властвующей элиты США. Теперь же оправдание и одобрение преступлений против человечества, сопоставимых по масштабам и сути со зверствами фашистских концлагерей, стали нормой жизни для миллионов граждан “передовых” стран Запада.

Как такое оказалось возможным сегодня? – Этот вопрос относится к радикальным переменам в сфере глобального общественного производства, фундаментальным сдвигам в развитии глобальной и национальных культур. Всего несколько десятилетий назад общественное мнение в мире формировалось выдающимися интеллектуалами – учёными, писателями, мыслителями, университетскими профессорами. Теперь оно фабрикуется владельцами информационных корпораций, “денежными мешками”, тесно связанными с бюрократами. Сотни миллионов людей по всему миру снова превращаются в марионеток в руках кукловодов. Эти фундаментальные перемены и сдвиги должны быть выявлены и осмыслены.

Не меньший материал для размышлений в этой связи даёт и развитие событий в нашей стране, в России. Неоварварство нередко торжествует и у нас. Следует признать, что стремясь к “западным ценностям” Россия в существенной степени разрушила собственную систему культурной преемственности. Рядом со старой, великой российской культурой, отмирающей по мере ухода с исторической арены воспитанных в советское время поколений, создана совершенно иная, не имеющая ничего общего со старой. Это – культура гниения и распада, разрушения традиционных культурных ценностей.

Недавно объектом глумления государственного телевидения России стала победительница одного из конкурсов красоты, жена знаменитого футболиста и, по всей видимости, неплохая мать своих детей. Она не знала, что Земля вращается вокруг Солнца. Но её незнание – почти уже норма для российских граждан. Этого не знает треть современного населения страны. А для новоявленных “столпов общества” шедевром человеческого духа теперь является “панк-молебен” группы “Пусси Райот”, выдвинутый на все возможные премии на свете нашими доморощенными “либералами”.

Как такое стало возможным в стране Пушкина и Шолохова, Чайковского и Прокофьева, Эйзенштейна и Козинцева? За два десятилетия произошла тотальная смена шкалы ценностей, осуществляется воспроизводство нового типа личности, стоящего на лестнице гуманитарной эволюции намного ниже типичного человека советской эпохи.

Что происходит с ценностями и смыслами, шире – с культурой в современных обществах западного типа, развивающихся на духовно-нравственной платформе христианства? – Ясно уже, что наиболее развитая часть христианского мира вошла в глубочайший кризис. Но в чём суть и причины этого кризиса? Это – другой вопрос, ответ на который нам стоит поискать совместно.

Между тем сегодня мы видим, что сбылось мрачное пророчество Хантингтона о войне цивилизаций. Многие страны Азии воздвигают барьеры на пути влияния Запада в области культуры и искусства, которое они считают тлетворным. С крайней осторожностью эти страны относятся к идеологии Запада и основанным на ней формам уклада общественной и семейной жизни. С горечью приходится констатировать, что в Китае созданы научно-исследовательские институты, изучающие ошибки Советского Союза и современной России с целью их предотвращения в собственном развитии. Таково отношение к западному пути, западным ценностям в странах, исповедующих буддистскую и конфуцианскую философию.

Мусульманская часть человечества же, как известно, объявила Западу настоящую войну, причина которой – неприятие базисных ценностей в их современной западной интерпретации. Уничтожительной критике в мусульманском мире подвергается западная пропаганда однополых сексуальных отношений, современное понимание женщины и семьи, наркомания, алкоголизм, социальная несправедливость, распространение продукции массовой куль-

туры и безудержное загрязнение окружающей среды, экономическая эксплуатация народов, не входящих в “золотой миллиард”.

Запад становится во всём мире синонимом лжи и обмана, спекуляции на традиционных ценностях. Показательно, что даже Латинская Америка (страны христианского мира) не хочет двигаться в фарватере США и Евросоюза, быть зоной их влияния.

2. Ценности и смыслы производятся как продукты

Ценности и смыслы в наше время производятся как продукты, только это происходит не в материальном мире, а в сознании людей. Более того, этот вид в структуре общественного производства постепенно занимает все большее место по сравнению с созданием индустриальной продукции.

Стремительно расширяются возможности информационных систем. В связи с этим в развитии глобальной, национальных, локальных и индивидуальных культур наряду с процессом создания культурных ценностей (социальные, технические, художественные и другие инновации) все большее значение приобретает создание, конструирование и регулирование информационных процессов, способов подключения к ним человека.

Современная ситуация характеризуется не только увеличением объемов информационных потоков, циркулирующих в обществе, и повышением мощности информационных систем. Происходят и иные перемены. На смену раннему буржуазному обществу свободной конкуренции с его стихийной принудительностью экономических механизмов, рыночной реализации частных интересов независимых субъектов хозяйственной деятельности приходит “информационное общество” – государственно-монополистическая организация производства, охватывающая не только материальную сферу, но и сознание людей. Производство смыслов, формирующихся в человеческом сознании, превращается в самостоятельную отрасль экономики и пронизывает все традиционные сферы производства. Образуется индустрия смыслов. Философские основы понимания происходящего заложил Мераб Мамардашвили, описавший изменения в соотношении между действующим общественными экономическими законами и механизмами сознания людей в нашу эпоху [1].

К концу XX века демократические способы организации жизни общества все больше начинают испытывать деформации и уступать место скрытым формам регулирования экономического развития и социально-культурных процессов со стороны властвующих элит. Информационные потоки выступают важнейшими инструментами такого регулирования. Известно, что от 90 до 95% мировых новостей производятся тремя корпорациями США, находящимися де-факто под контролем властей этой страны. В Китае властные структуры официально признают свой контроль над распространением информации. И т.д. СМИ играют решающую роль среди различных институтов, оперирующих информационными потоками. По сравнению с другими социальными институтами влияние СМИ на умы людей и общее состояние культуры наций неуклонно растёт и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде отношений это влияние уже перевешивает воздействие всех прочих факторов, вместе взятых.

Россия сегодня завершает переход от культурных парадигм прошлого к новым информационным укладам. Минувшее столетие, несмотря на масштабный геноцид в отношении интеллектуальной и культурной элиты, прошло под знаком величайшего взлета творческой, научной и философской мысли.

Именно минувший век воспитал и закалил плеяду замечательных ученых, деятелей науки и искусства, гуманистические идеалы и труд, которых, вывели отечественную науку и культуру на новый уровень. В ту эпоху идеалы гуманизма и просвещения стали ориентирами культуры масс, а их создатели — властителями дум российского общества. Несколько поколений россиян выросли в обществе, где реально ценились знания, яркость мысли, концепции и интеллект. Выросли поколения творцов. Эти люди, обеспечившие величие русской науки, образования, культуры, по сути представляли собой живую связь с фундаментом великой

русской культуры. Через все трудности, связанные с влиянием командно-административной системы, они пронесли стремление к творческому осмыслению информации в контексте окружающей реальности. Именно благодаря их усилиям и в постсоветский период отечественные гуманитарные науки совершили следующий шаг вперед.

Известно, что становление культуры и цивилизации XX столетия в СССР во многом прошло под знаком информационной ограниченности, примата идеологии над свободой творчества, тотального контроля над деятельностью системы массовых коммуникаций. Но в условиях мощной государственной поддержки науки, культуры и образования это привело и к укреплению, развитию образовательной и культурной самодостаточности, энциклопедизма научных знаний ученых, универсальности творческой подготовки специалистов – порой при серьезном дефиците информации. Деятели культуры должны были иметь фундаментальные и едва ли не всеобъемлющие знания для того, чтобы успешно действовать, творить. Присутствие таких людей в обществе само по себе являлось фактом величайших достижений духа.

Наше время выдвинуло на авансцену новый тип личности: человека малообразованного, плывущего по волнам информационных потоков под влиянием складывающихся трендов. Более того, целый слой невежественных людей оказался вовлечен во власть, начал оказывать существенное, а иногда и решающее влияние на принятие судьбоносных для страны решений.

При поддержке государства СМИ оттеснили, а во многом и заменили в России систему образования. Итогом последних десятилетий стало воспитание нового поколения, ориентированного не на творчество, а на потребление. Для миллионов молодых людей великие достижения русской культуры теперь уже незнакомы. Не прочитаны важнейшие книги, не прочувствованы важнейшие духовные смыслы, не сформирована система мировоззрения. Будучи во многом продуктом современной системы средств массовой коммуникации, существенная часть молодежи не способна самостоятельно принимать решения, создавать новое, жить и действовать в сфере культуры. Она жадно ждет от СМИ все новых рецептов и подсказок, алгоритмов действий, способов восприятия и интерпретации окружающей социальной действительности. Она не способна сформулировать в своём мышлении целостную картину мира. Её мышление носит клиповый характер.

Современное информационное общество принесло в жертву рынку идеалы просвещения и духовные ориентиры прошлого. Теперь оказалось выгодно с помощью социальных технологий навязывать и тиражировать для массового потребления образцы низкосортной культуры. Сегодняшний информационный рынок стремится платить лишь за низкопробную культурную продукцию. Основной задачей “информационного общества” становится увеличение скорости принятия решений не только в сфере потребления, но и в социальной жизни. И в современных условиях система СМИ не просто все чаще прибегает к манипулятивным социокультурным технологиям в сфере духовного производства, она становится манипулятивной в основном.

СМИ научились эффективно конструировать информационные приоритеты и обеспечивать успешное восприятие информации в необходимой власти интерпретации. Одним из результатов этого стало возрастание роли институтов государства и бизнеса. Теперь при принятии законов, сложных государственных решений, реализации масштабных экономических проектов подконтрольная власти система массовых коммуникаций быстро и эффективно формирует общественное мнение нужным образом. Применение современных технологий позволяет не только транслировать информацию, но и когнитивные алгоритмы ее обработки, не столько внедряет прямым насилием конечный вывод, сколько инсценирует алгоритм выбора и усмотрение целевого решения. Людям навязываются интерпретации реальности, смыслы происходящего.

Для власти оказывается невыгодно воспитание умного, интеллигентного, компетентного в различных сферах деятельности человека. По той причине, что такой человек подвергает

сомнению формирование общественных приоритетов и целей, в которых заинтересована власть. Ничего не принимая на веру, осмысливая и изыскивая собственные решения, образованный человек стал даже вреден: слишком большое время и средства нужно тратить на то, чтобы его проинформировать и убедить, слишком большие запросы предъявляет он к продукции массмедиа. Слишком склонен к самостоятельному производству смыслов.

Электронные СМИ дают почти безграничные возможности для массового формирования индивидуального сознания с учетом новых технологий, автоматизирующих использование общедоступной информации. И эта ситуация таит в себе немало опасностей, предоставляя владельцам капиталов возможность мгновенной покупки многомиллионной аудитории, предлагая поддержку бездарным политикам и нечистым на руку бизнесменам.

3. Особая роль телевидения

Позвольте рассказать Вам о том, что сегодня тревожит российских ученых. Известно, что в настоящее время свыше 30% россиян не принимает личного участия в культурной жизни страны [2]. У одних нет территориального доступа в повседневной жизни к библиотекам, театрам, музеям, концертным и выставочным залам. У других не хватает денег: стоимость посещения ряда музеев, к примеру, за последние 15 лет выросла в 10 раз. У третьих не хватает времени и сил на активную деятельность в сфере досуга. Только около 8% жителей страны ходят в кино, на концерты – 4%, в библиотеки – 3%, музеи, выставки, вернисажи посещают 2%, в клубах по интересам, творческих кружках занимается порядка 1%. Вместе с тем, около 60% свободного времени россияне проводят у телевизора. По данным фирмы “Видео Интернешнл” величина среднесуточной аудитории телевидения колеблется в интервале 75–80% населения страны [3].

Таким образом, в России федеральные каналы телевидения с 1990-х годов превратились в ключевой, системообразующий элемент не только информационного поля, но и всего духовно-нравственного пространства страны. Формирование картины мира и системы ценностей человека, багажа знаний, отношения к жизни и отдельным ее явлениям, структуры интересов, мотивации к той или иной деятельности, культуры речи и бытового поведения и т.д. и т.п. – все то, чем раньше занимались родители, педагоги, профессора, деятели культуры и искусства, выдающиеся писатели, – берет на себя телевидение. Оно “фактически контролирует всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры... Оно выделяет отдельные элементы из общей массы культурных явлений и придает им особый вес, повышает ценность одной идеи, обесценивает другую, поляризует таким образом все поле культуры. То, что попало в каналы массовой коммуникации, в наше время почти не оказывает влияния на развитие общества” [4]. Эти слова были сказаны западным исследователем о западном телевидении около 40 лет тому назад, но сегодня они еще более актуальны по отношению к современным российским СМИ.

Известно, что телевидение не информирует зрителя о реальности, а дает ее собственную интерпретацию, более того, создает иную “реальность” в сознании аудитории: “Телевидение – это производство, фабрика смыслов. Цензура реальности, в которой существует масса разнообразных симуляторов, пустотелых, иллюзорных и других построек. Формат – есть то, посредством чего мы осознаем реальность. Это всегда не “сырое” событие. На телевидении сырых событий нет, даже если вы ведете прямую трансляцию с места события” [5].

Якобы идя навстречу запросам населения, СМИ удовлетворяют тот спрос, который сами и формируют. Реализуется формула К.Маркса, согласно которой потребности производятся так же, как и продукты [6]. СМИ направляют значительнейшие ресурсы на то, чтобы объяснить своей аудитории, когда и какую именно информационную продукцию следует потреблять. В этом смысле их деятельность ничем не отличается от рекламы кофе, шампуней, прокладок и т.д. Закономерно, к примеру, что лидерами проката в стране являются фильмы, в рекламу которых телеканалы вложили десятки миллионов долларов. Специалисты отмечают, что ожидания и поведение людей форматируются, определяются, делаются.

Мой коллега, академик В.С.Степин обращает внимание на особую роль неявных знаний в культуре: "... этот вид неотрефлексированного знания играет важную роль в воспроизводстве и развитии даже такого рационального способа постижения мира, как наука. Неявное знание – это, прежде всего, образцы деятельности. Их зачастую даже трудно описать в виде инструкций, но они усваиваются и понимаются через подражание. В повседневной жизни образцы деятельности, поведения и общения выступают необходимым компонентом воспроизводства того или иного образа жизни. Подражая, люди как бы считывают друг с друга программы поведения и деятельности. Во всех этих ситуациях человек, осуществляющий действия и поведенческие акты, которые другими людьми используются в качестве образца, функционирует как своего рода семиотическая система" [7]. Неявные знания, транслируемые телевидением, трансформируют культуру.

Практически все научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в нашей стране в последние годы, констатируют стремительный регресс по основным параметрам [8]. И там, где в задачи исследователей включается оценка факторов регресса, на первое место выходит влияние ведущих каналов федерального телевидения. Телевидение задает направление развития общества и навязывает населению определенные модели поведения, которые затем реализуются.

Особое значение имеет влияние на телезрителя содержание рекламы. С формальной точки зрения реклама – это способ информирования населения о продуктах и услугах, предлагаемых продавцом. Другие аспекты влияния рекламы на население, как правило, остаются в тени. Между тем в нашей стране с начала 1990-х годов реклама заняла в массовом сознании нишу идеологии, осуществляя демонтаж и реконструкцию фундаментальных мировоззренческих ценностей населения. Во многом благодаря ей в это время происходит коренная переориентация предпочтений молодежи от нематериальных ценностей к материальным. Зарплата утверждается на первом месте в мотивах труда, оттеснив такие ценности, как содержание труда, самоопределение в труде, возможность реализации своих знаний и способностей через труд. Под воздействием рекламы понятие "уметь жить" начинает сводиться для молодежи к формуле "иметь": носить модную одежду, посещать дорогие клубы и дискотеки, не утруждать себя тяжелой работой. Меняются понятия счастья, смысла жизни. Оказывается, что для ребенка реклама – прежде всего самая простая модель знакомства с обществом. Это то, с чем он сталкивается ежедневно, что его развлекает, очаровывает, играет с ним. Современная реклама в России меняет представления о приемлемом социальном поведении.

Пропаганда определенных образцов ведет к принятию их за эталон. Дети, наблюдающие за поведением пропагандируемых личностей, берут их жесты, артикуляцию, внешний облик, высказывания за образец. Предлагая то или иное поведение в социуме, реклама ориентирует на социальную сопричастность и референтность. Детская психика специфична. Ребенок не всегда способен критически оценивать культурные элементы, ценности, выдвигаемые СМИ, чаще он лишь усваивает их, копирует навязываемые образцы. Активность масс в России искусственно направляется в сферу потребления, и наше общество превращается в "общество потребления". Реклама становится идеологией потребления и своего рода институтом социализации, проектирующим и формирующим нужного ей человека – "человека потребляющего".

Особенно трагична ситуация с молодежью, которой навязан на этой основе радикальный культурный разрыв с предшествующими поколениями. Подобная ситуация существовала в теории, но никогда и нигде ранее не воплощалась на практике в подобной степени.

Российские СМИ на протяжении примерно 20 последних лет исполняют роль главного архитектора новой национальной культуры. Строго говоря, она не вырастает из старой, не создается путем модернизации того, что было, а строится путем отрицания или игнорирования прошлого. Точками роста выступают не базовые ценности российского общества, коре-

нящиеся в толще веков отечественной культуры, а субкультурные образования типа гламура – субкультуры “новых русских”.

Образно говоря, новая культура строится СМИ не на фундаменте старой, а в стороне от нее, на груде обломков культурных элементов, ранее уже доказавших свою несостоятельность и отвергнутых человечеством. СМИ отбирают существование в культуре элементы для последующей обработки, упаковки и сбыта населению. Наиболее близкий аналог результата – Древний Рим эпохи деградации и упадка, фактически принятый за образец московской “элитой” в начале 1990-х. Впервые за тысячу лет Россия перестала быть христианским государством, стремительно скатившись в язычество. В 1990-е годы власть вывела заботу о нравственности в стране за рамки функций государства, и даже твердая личная поддержка принципов морали В.В.Путиным не изменила в целом сложившуюся ситуацию: российское государство в наше время основывается только “на букве закона” и абсолютно игнорирует мораль. Аморальность стала лейтмотивом жизни современного российского общества и его культуры. И СМИ сыграли в формировании данной ситуации роль главного инструмента. Другая сторона этого же процесса – замена народной культуры на массовую, так называемую поп-культуру [9, 10]. В итоге Россия лишилась великой национальной культуры как магистрального пути своего развития.

Общее падение культуры сопровождается понижением интеллектуального уровня населения страны. Культурная деградация становится настоящей катастрофой для экономики. Ректоры и профессора вузов практически повсеместно бьют тревогу: уровень общекультурной подготовки абитуриентов не позволяет готовить специалистов на прежнем уровне. Работодатели столь же повсеместно сетуют на недостаток квалифицированных кадров. Данные социологических исследований последних лет фиксируют рост иждивенческих настроений молодежи, массовую потерю мотивации к учебе, труду, саморазвитию.

Можно констатировать, что деформации системы массового воздействия на население в России привели к тому, что “общество потребления”, метафора, применяемая западными интеллектуалами для обозначения всего лишь одной из тенденций развития современного западного общества, стала у нас полномасштабной характеристикой сложившейся ситуации. В стране создано общество, которое научилось потреблять, но все хуже умеет производить.

Формальное игнорирование воспитательной функции СМИ привело в последние годы и к возникновению феномена, который специалисты называют “понижающей селекцией”, – своего рода воспитания со знаком “минус”, когда в человеке взращивается, культивируется все низменное, антигуманное. Систематическая апелляция к первобытным животным инстинктам, задействование обычно подавляемых культурой дремучих механизмов подсознания деструктивно влияют на личность.

Отметим, что советская система стремилась создать человека-творца, высоконравственную личность творческого типа. Переход к воспроизводству аморальной личности, “человека потребляющего” не оставляет России возможности реализовывать в экономике, сфере производства даже модель “догоняющего” развития, не говоря уже о развитии инновационном. В целом же формируемый тип деградирующей культуры имеет своим основным содержанием проедание ресурсов.

Сложившейся в России системе деятельности СМИ уже около 20 лет, и ее плоды уже отчетливо сказались на общекультурном состоянии нации.

Таковы горькие уроки вхождения постсоветской России в глобальное информационное сообщество.

Они сегодня выявлены и осмыслены. Наш национальный лидер, Президент РФ Владимир Путин уже поставил соответствующие задачи перед государством и обществом. И мы будем их выполнять.

Главных уроков несколько.

Первый из них: при вхождении в глобальное сообщество ценности свободы, либерализма должны быть сбалансированы социальными ценностями. Свобода слова должна быть сбалансирована ответственностью перед обществом.

Второй: развитие СМИ в условиях глобализации должно опираться на ценности национальной культуры; переинтерпретируя, продолжать вектор национальных традиций.

Третий: развитие СМИ нельзя рассматривать исключительно в рамках экономических процессов. Есть в этой сфере ценности важнее денег. Это культура, нравственность, национальные интересы.

Литература

1. Мамардашвили М.К. Интеллигенция в современном обществе // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию, М., 1992.
2. Ивлиев Г.П. Перспективы развития электронных библиотек в Российской Федерации: интернет-интервью с председателем Комитета Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации по культуре от 25 июня 2010 г. URL.: <http://www.garant.ru/action/interview/251298> (Дата обращения: 28.10.2010).
3. Полуэхтова И.А. Социокультурная динамика российской аудитории телевидения: Автореферат диссертации ... доктора социологических наук. М., 2008. <http://dibase.ru/article/22092008/poluekhтоваia>.
4. Моль А. Социодинамика культуры / Пер. с фр. – М.: Прогресс, 1973.
5. Дондурей Д.Б. Российское телевидение: не нравится, но смотрю. Телевизионные рейтинги как инструмент конструирования реальности: Стенограмма лекции, прочитанной 30 января 2009 г. в Фонде им.Д.С.Лихачева. – СПб., 2009.
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов (первоначальный вариант “Капитала”). Ч. 1 / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. Соц. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1968. – Т.46. – Ч.1.
7. Куда идет российская культура? : круглый стол, 27 – 28 июня 2009 г. / научн. ред. В.С.Степин, А.С.Запесоцкий – СПб.: СПбГУП, 2010.
8. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние: научные и публицистические заметки обществоведов. / Науч. ред. О.Т.Богомолов. М., 2010.
9. Миронов В.В. Коммуникационное пространство как фактор трансформации современной культуры и философии // Вопросы философии. 2006. № 2.
10. Миронов В.В. Поп-культура: симуляция культуры и философии // Философия обществу. Санкт-Петербург, 2007. Вып.2

